

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

VI МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
26–27 мая 2006 года

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина
«Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.
при поддержке компании «Ксерокс Евразия»

Санкт-Петербург
2006

ББК 72
Г93

Составитель и ответственный редактор
Г. М. Бирженюк, заведующий кафедрой социально-культурных технологий
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
доктор культурологии, профессор

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 15 от 29.06.06

Г93 **Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения, 26–27 мая 2006 года.** — СПб.: СПбГУП, 2006. — 384 с.
ISBN 5-7621-0297-1

В сборнике представлены материалы VI Международных Лихачевских научных чтений, прошедших 26–27 мая 2006 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов в соответствии с Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина.

В докладах и выступлениях на пленарном заседании, круглом столе и пяти рабочих секциях известные отечественные и зарубежные ученые, политические и общественные деятели рассматривают фундаментальные проблемы современного мира в контексте социально-экономической глобализации, диалога культур, модернизационных процессов в обществе, сфере образования, науке и культуре.

Чтения посвящены 100-летию со дня рождения выдающегося российского литературоведа и культуролога, Почетного доктора Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, академика Д. С. Лихачева.

Издание адресовано специалистам, работающим в разных областях социально-гуманитарного знания, а также аспирантам и студентам.

ББК 72

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»

Отмечая выдающийся вклад Д. С. Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить начиная с 2001 года две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Д. С. Лихачева одной из улиц г. Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

Москва, Кремль

23 мая 2001 года

№ 587

**УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«О ПРАЗДНОВАНИИ 100-ЛЕТИЯ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Учитывая выдающийся вклад академика Д. С. Лихачева в развитие отечественных гуманитарных наук, культуры и образования и в связи с исполняющимся в ноябре 2006 года 100-летием со дня его рождения, постановляю:

1. Принять предложение Администрации Санкт-Петербурга о праздновании в 2006 году 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева.

2. Объявить 2006 год в Российской Федерации Годом гуманитарных наук, культуры и образования — Годом академика Д. С. Лихачева.

3. Правительству Российской Федерации:
— образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева;

— утвердить программу подготовки и проведения мероприятий в связи с празднованием 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева.

4. Министерству иностранных дел Российской Федерации информировать ЮНЕСКО о праздновании в Российской Федерации в 2006 году 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева.

5. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации принять участие в подготовке и проведении мероприятий, посвященных празднованию 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева.

**Президент Российской Федерации
В. ПУТИН**

*Москва, Кремль
14 февраля 2006 года
№ 110*

ПРИВЕТСТВИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

21 мая 2001 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отрадно, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

20 мая 2004 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

25 мая 2006 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ VI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

КОНГРЕССУ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, УЧАСТНИКАМ VI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Сердечно приветствую участников и организаторов VI Международных Лихачевских научных чтений — крупного общероссийского и мирового научного события, которое в полной мере соответствует масштабу личности и деятельности нашего выдающегося земляка и современника — академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Отрадно отметить, что Конгресс петербургской интеллигенции, возникший при личном участии Дмитрия Сергеевича, верен научным и нравственным заветам выдающегося ученого-петербуржца, гражданина и патриота Отечества.

Нынешний год, объявленный в Российской Федерации Годом гуманитарных наук, культуры и образования — Годом академика Д. С. Лихачева, займет особое место в истории Лихачевских научных чтений. Сегодня как никогда важно осмыслить непростые проблемы охраны культурного наследия, определиться в сложных и противоречивых процессах глобализации, взаимодействия культуры и цивилизации.

Желаю организаторам и участникам Научных чтений успешной и плодотворной работы во благо России, счастья и благополучия.

Председатель Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации
С. М. МИРОНОВ

Приветствую организаторов и участников VI Международных Лихачевских научных чтений! Ваш научный форум проходит в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов и является значимым общественным событием. Он занимает особое место в череде мероприятий в рамках Года гуманитарных наук, культуры и образования — Года академика Д. С. Лихачева.

Традиционные Лихачевские чтения, в которых принимают участие ведущие ученые, политики, деятели культуры и искусства, представители государственных органов, дают возможность предметно и заинтересованно рассматривать многие вопросы гуманитарного развития, имеющие важнейшее значение для современной России и всего мирового сообщества.

Такое обсуждение приближает российское общество к осознанию миссии нашей страны, история которой — пример диалога различных национальностей, конфессий и культур, построенного на взаимном уважении, терпимости и толерантности. Лихачевские чтения привлекают внимание широкой общественности к работам, книгам Дмитрия Сергеевича Лихачева, а значит — к истокам и традициям богатейшей русской культуры.

Уверен, что VI Международные Лихачевские научные чтения, посвященные 100-летию со дня рождения академика Д. С. Лихачева, не только внесут свой вклад в развитие идей нашего великого соотечественника, но и дадут практические рекомендации, полезные для законотворческой деятельности депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации.

Желаю участникам Лихачевских чтений успешной и плодотворной работы!

Председатель Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации
Б. В. ГРЫЗЛОВ

Президиум Российской Академии наук поздравляет участников традиционных VI Международных Лихачевских научных чтений с началом работы научного форума, проводимого в соответствии с Указом Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти академика Д. С. Лихачева».

Уверен, что, как и в прошлые годы, вас ждут острые дискуссии, компетентный анализ актуальных проблем современности. Не сомневаюсь, что в ходе Чтений возникнут продуктивные научные контакты, получит дальнейшее развитие гуманитарная мысль.

Тема Чтений этого года «Гуманитарные проблемы современной цивилизации» логически продолжает и развивает те направления научного поиска и общественной деятельности на-

шего великого современника Д. С. Лихачева, которым он посвятил последние годы своей жизни. События конца XX и начала XXI в. убедительно показывают, что идея гуманитаризации всех сфер социальной практики, которую активно утверждал Д. С. Лихачев, не утратила своей актуальности. Мы вновь и вновь убеждаемся в том, что вне культуры наука, техника, цивилизация лишаются всякого смысла и превращаются в источник опасности для человечества.

Заслуживает всяческой поддержки и одобрения стремление участников Чтений дать ответы на многочисленные вопросы, которые ставят цивилизация, прогресс перед культурой.

Желаю всем участникам VI Лихачевских чтений успешной работы на благо образования, культуры, науки России!

Президент Российской Академии наук
Ю. С. ОСИПОВ

УЧАСТНИКАМ VI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Приветствую участников VI Международных Лихачевских научных чтений.

Ежегодное проведение столь яркого и интересного форума становится поистине доброй традицией культурной жизни нашей страны.

Тема Чтений-2006 в высшей степени актуальна. Мы находимся в преддверии июльского саммита «Большой восьмерки», который, что очень знаменательно, пройдет в Санкт-Петербурге. Идет процесс реформирования практически всех международных структур, включая ООН. В этих условиях особенно востребовано коллективное осмысление проблем человечества в области науки, культуры, образования.

Значение научного и духовного наследия выдающегося ученого и общественного деятеля Дмитрия Сергеевича Лихачева, посвятившего всю свою жизнь служению высоким идеалам мира и гуманизма, невозможно переоценить. Его труды, идеи, мысли служат не только ориентиром для российского общества, но и применимы для всей нашей планеты, переживающей сложный этап становления нового, более безопасного, справедливого и демократического миропорядка.

Имею в виду прежде всего анализ противоречивых последствий глобализации, которая ведет к интенсификации и усложнению взаимодействия между различными цивилизациями, их взаимовлиянию. С одной стороны, происходит взаимообогащение культур и сближение народов, с другой — нарастает давление на национальную самобытность, культурно-цивилизационное многообразие мира, свободу личности, что создает угрозу межцивилизационному согласию.

Диалог культур и цивилизаций, созидательное гуманитарное партнерство стран и народов, созвучные принципам, которые последовательно отстаивал Дмитрий Сергеевич, как никогда актуальны в условиях поиска мировым сообществом солидарного ответа на вызовы и угрозы XXI века — этого главного направления международных усилий по обеспечению прогресса человечества.

От всей души желаю успешного проведения VI Международных Лихачевских научных чтений.

Министр иностранных дел РФ
С. В. ЛАВРОВ

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ИСПОЛКОМА КОНГРЕССА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ,
ЗАСЛУЖЕННОМУ ДЕЯТЕЛЮ НАУКИ РФ, ЧЛЕНУ-КОРРЕСПОНДЕНТУ РАО,
ПРОФЕССОРУ, РЕКТОРУ СПБГУП, А. С. ЗАПЕСОЦКОМУ**

Уважаемый Александр Сергеевич!

С большим уважением отношусь к трудам и заслугам российского академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, высоко ценю его исключительный вклад в отечественную и мировую науку и культуру.

Международные Лихачевские научные чтения — крайне важное мероприятие, в рамках которого известные ученые, политические деятели, представители органов государственного управления Российской Федерации и зарубежных стран обсуждают актуальные вопросы науки и культуры, тем самым способствуют их дальнейшему развитию.

К сожалению, плотный график работы и командировок не позволяет принять участие в VI Международных Лихачевских научных чтениях.

Желаю участникам и гостям Вашего форума дальнейшей плодотворной работы и творческих удач!

С уважением и наилучшими пожеланиями,

министр Российской Федерации по делам гражданской обороны,
чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

С. К. ШОЙГУ

От имени Министерства образования и науки Российской Федерации приветствую участников проходящих в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов VI Международных Лихачевских научных чтений.

Посвященные исследованию гуманитарных, этических и социальных проблем современной цивилизации, Чтения весьма актуальны, отражают смысл и наполняют содержательно проходящий с именем академика Лихачева Год гуманитарных наук, культуры и образования. Желаю всем участникам VI Международных Лихачевских чтений крепкого здоровья, интересной и плодотворной работы.

Министр образования и науки Российской Федерации

А. А. ФУРСЕНКО

Уважаемые коллеги, друзья!

Позвольте от имени Министерства культуры и массовых коммуникаций сердечно приветствовать организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

Масштабы личности Д. С. Лихачева так велики, что в полном объеме их осознание — это дело будущего. Но уже сегодня ясно, что без него культура России, ряд поколений, живущих в ней, были бы иными. Знаменательно, что нынешний год Указом Президента Российской Федерации является Годом Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Дмитрий Сергеевич придавал огромное значение культуре, гуманитарным наукам, их общественному значению, огромной роли в воспитании патриотизма. Культура, говорил он, представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишится смысла. Дмитрий Сергеевич выдвинул особое понятие «экология культуры», поставил задачу бережного сохранения человеком среды, созданной «культурой его предков и им самим».

Науку и культурные ценности творят люди, и благодарная память о них не должна предаваться забвению. «Один праведник может оправдать существование целого народа», — так, слегка перефразируя Библию, сказал Д. С. Лихачев об академике А. Д. Сахарове. Эти слова как нельзя более точно относятся к самому Дмитрию Сергеевичу, его делу и его жизни.

Ваш форум, собравший видных представителей интеллигенции из разных стран, — не только дань уважения выдающемуся российскому ученому и общественному деятелю, но и свидетельство продолжения его гуманистических идей, сохранения и развития поистине уникальных культурных традиций Санкт-Петербурга. Желаю всем участникам Научных чтений плодотворной работы, интересных встреч и всего самого доброго.

Министр культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации

А. С. СОКОЛОВ

УЧАСТНИКАМ VI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Уважаемые участники конференции! Дорогие коллеги!

Я рад приветствовать и поздравить вас с началом работы VI Международных Лихачевских научных чтений.

Академик Лихачев вошел в историю как выдающийся общественный деятель, внесший значительный вклад в развитие отечественной науки и культуры. Мне доводилось с ним встречаться и сотрудничать. Я горжусь тем, что наши жизненные пути пересекались.

Изучению его огромного творческого наследия многие из здесь присутствующих, без сомнения, могут посвятить всю жизнь — настолько оно огромно, значительно. Но одной из важнейших его работ и сам Дмитрий Сергеевич, и все мы по праву считаем предложенный им проект Декларации прав культуры. Научные достижения — даже самые значительные — со временем становятся обыденностью, вытесняются другими, еще более значительными научными достижениями и открытиями. А культурные ценности в широком их понимании остаются ценностями непреходящими. И потому вопрос о сохранении памятников культуры, исторического наследия, культуры как целостности никогда не потеряет своей актуальности. Декларация прав культуры призвана их защищать.

Желаю всем участникам конференции творческих успехов. Удачи во всех начинаниях. Не останавливайтесь на достигнутом.

Министр регионального развития Российской Федерации
В. А. ЯКОВЛЕВ

***Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые участники
и гости VI Международных Лихачевских научных чтений!***

От лица Федерального агентства по управлению федеральным имуществом Российской Федерации рад приветствовать и поздравить вас с началом работы VI Международных Лихачевских научных чтений, проведение которых в год 100-летия Д. С. Лихачева приобретает особую значимость.

Вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, духовное развитие личности и нравственное воспитание молодых поколений действительно трудно переоценить. И сегодня в решении непростых вопросов государственного управления мы стараемся опираться на подходы и принципы, выработанные академиком Д. С. Лихачевым, особенно это актуально в сфере управления государственным имуществом. Этими принципами являются приоритет личности, императив совести, приоритет образования и культуры.

Последнее десятилетие жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева было неразрывно связано с Гуманитарным университетом профсоюзов. Поэтому ваш форум, собравший видных представителей интеллигенции из разных городов и стран, — не только дань уважения выдающемуся российскому ученому, но и возможность продолжить и развить его гуманистические идеи, внести свой вклад в сохранение и обогащение поистине уникальных культурных традиций Санкт-Петербурга и всего государства.

Желаю всем участникам Научных чтений успешной и плодотворной работы, интересных встреч!

Руководитель Федерального агентства
по управлению федеральным имуществом Российской Федерации
В. Л. НАЗАРОВ

***Уважаемые организаторы и участники
VI Международных Лихачевских научных чтений!***

Искренне приветствую вас от лица Президиума Российской Академии образования!

Разрешите выразить мою благодарность всем участникам конференции — ученым, педагогам, общественным деятелям — за поистине подвижническую работу на благо отечественной науки и образования! Всех нас объединяет понимание того, что фундаментом современной системы образования, безусловно, должна быть культура. Выдающийся российский ученый академик Д. С. Лихачев, чей 100-летний юбилей мы отмечаем в этом году, неоднократно подчеркивал, что вне культуры самостоятельное существование народов и государств лишается смысла.

Отрадно отметить, что в рамках конференции будут исследованы такие общественно важные проблемы, как реформа образования и обеспечение духовной безопасности общества, роль университетов в развитии культуры, высшая школа России в контексте глобализации, качество образования как социокультурная проблема, выработаны методические рекомендации по проведению всероссийских Уроков Лихачева 1 сентября 2006 г.

Желаю VI Международным Лихачевским научным чтениям успешной, плодотворной работы!

Президент Российской Академии образования
Н. Д. НИКАНДРОВ

Уважаемые коллеги!

От своего имени и от лица многих тысяч работников московской системы образования разрешите приветствовать участников VI Международных Лихачевских научных чтений. Вот уже шестой год Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов гостеприимно собирает под сводами элиту отечественной науки, культуры и образования, а также наших коллег и друзей из других стран.

Освещенное именем великого ученого, педагога и подвижника Дмитрия Сергеевича Лихачева, это мероприятие во многом является знаковым событием для нашего времени. По материалам Чтений, даже по тематике секций и звучащих на них докладов историк будущего сможет получить объективное представление о том, чем жила Россия в начале XIX в., какие проблемы волновали лучшие умы той эпохи. Как человеку, возглавляющему Департамент образования города Москвы, мне особенно приятно то, что в числе приоритетных проблем, традиционно обсуждавшихся и обсуждающихся сегодня на заседаниях и в кулуарах Лихачевских чтений, всегда оказываются проблемы современного образования. Думаю, не будет преувеличением сказать, что именно здесь, на Лихачевских чтениях, в содержательном и ответственном диалоге самых различных научных школ и общественных сил, постепенно складывается то, что может быть названо нашей «национальной идеей», само определение и осмысление которой невозможно без учета традиций и достижений отечественного образования, культуры и науки, как и без развития контактов с мировым образовательным, научным и культурным сообществом.

Поэтому хотелось бы пожелать всем участникам международного научного форума остроты дискуссий, глубины взаимопонимания и главное — оптимистического взгляда на настоящее и будущее нашей страны.

Руководитель Департамента образования г. Москвы,
академик РАО
Л. П. КЕЗИНА

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич!

К сожалению, я не смог участвовать в Международных Лихачевских чтениях и других мероприятиях Вашего Университета, поскольку именно в эти дни проходило общее собрание Академии наук. В этом году его нельзя было пропустить, потому что проходили выборы новых членов Академии. Должен сказать, что в историческом отделении они прошли триумфально для археологов — выбрали трех (из пяти вакансий), в том числе моего ученика.

Благодарю Вас за внимание.

Желаю Вам всего доброго и процветания Вашему Университету.

Почетный доктор СПбГУП, академик РАН
В. Л. ЯНИН

Пленарное заседание ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

26 мая 2006 года

СОСТАВ ПРЕЗИДИУМА VI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

- А. А. АКАЕВ** Почетный академик РАН, академик Академии наук Республики Кыргызстан, первый Президент Республики Кыргызстан
- Ш. А. АМОНАШВИЛИ** академик РАО, руководитель Международного центра гуманной педагогики, профессор Московского городского педагогического университета, доктор психологических наук
- Б. ВОЛЬФ** декан факультета международного менеджмента Высшей школы экономики, профессор (Людвигсхафен-на-Рейне, Германия)
- Д. А. ГРАНИН** член Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, писатель
- Ю. С. ДАВЫДОВ** академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук
- В. Г. ДЕРБИН** председатель Межрегионального объединения «Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области»
- В. ДОБРЕВА** первый заместитель министра науки и образования Республики Болгария
- В. А. ДОСКАЛОВ** депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан, член Комитета по законодательству и судебно-правовой реформе Мажилиса Парламента Республики Казахстан
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** член-корреспондент РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ
- Б. Г. КЛЕМЕНТЬЕВ** главный редактор ООО «Известия-Санкт-Петербург»
- О. С. КУЗИН** главный редактор газеты «Трибуна»
- В. Е. ЛАВРОВ** генеральный директор ООО «Ксерокс (СНГ)»
- А. А. ЛИХАНОВ** академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, председатель Российского детского фонда, писатель
- Ф. А. ЛУКЬЯНОВ** главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
- С. В. МЕДВЕДЕВ** член-корреспондент РАН, директор Института мозга человека РАН
- А. Л. МИЛТЕНОВА** профессор Института литературы Болгарской академии наук, председатель Совета болгаристики Болгарской академии наук, доктор филологических наук (София, Болгария)
- А. ПААВО** директор Института профессионального образования взрослых (Финляндия)
- М. Б. ПИОТРОВСКИЙ** член-корреспондент РАН, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа
- Г. М. РЕЗНИК** заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист РФ
- Ю. А. РЫЖОВ** академик РАН, президент Международного инженерного университета
- Л. А. САНКИН** первый проректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, кандидат педагогических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования России
- Г. А. САТАРОВ** президент Регионального общественного фонда «Информатика для демократии», кандидат технических наук

Ю. В. СЕНЬКО	академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор
Н. Н. СКАТОВ	член-корреспондент РАН, советник РАН, доктор филологических наук, профессор
С. А. СЛОБОДСКОЙ	генеральный директор – главный редактор ОАО «Издательский дом “С.-Петербургские ведомости”»
В. В. СОГРИН	главный редактор журнала «Общественные науки и современность» РАН, доктор исторических наук, профессор
С. Б. ТАРАСОВ	вице-губернатор Санкт-Петербурга
В. Б. УТРЮМОВ	руководитель регионального представительства ФГУ «Редакция “Российской газеты” в Санкт-Петербурге»
Т. Л. ФРОЛОВА	заместитель председателя Федерации Независимых Профсоюзов России
В. А. ЧЕРЕШНЕВ	академик РАН, председатель Уральского отделения РАН, директор Института экологии и генетики микроорганизмов Пермского научного центра Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор
А. А. ШУЛУС	ректор Академии труда и социальных отношений, доктор исторических наук, профессор
М. К. ЭТАН-МЭТЬЮ	директор отдела исследований Национального центра научных исследований (Париж, Франция)
Б. Г. ЮДИН	член-корреспондент РАН, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек», профессор
А. В. ЯКОВЕНКО	заместитель министра иностранных дел РФ
Р. Г. ЯНОВСКИЙ	член-корреспондент РАН, руководитель Центра социологии национальной безопасности России Института социально-политических исследований РАН, профессор

РУКОВОДИТЕЛИ СЕКЦИЙ

Ю. С. ДАВЫДОВ	академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук
А. Б. КУДЕЛИН	академик РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов, доктор филологических наук, профессор
О. Е. ЛЕБЕДЕВ	член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой Санкт-Петербургской государственной академии постдипломного педагогического образования, президент Общественного института развития школы, доктор педагогических наук, профессор
А. А. ЛИХАНОВ	академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, председатель Российского детского фонда, писатель
В. Ф. ПЕТРЕНКО	член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики Московского государственного университета, доктор психологических наук, профессор
А. Я. РУБИНШТЕЙН	директор Института социальной экономики РАН, доктор философских наук, профессор
Ю. А. РЫЖОВ	академик РАН, президент Международного инженерного университета
В. Е. ЧУРОВ	заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной Думы РФ, профессор кафедры экономики СПбГУП
А. А. ШУЛУС	ректор Академии труда и социальных отношений, доктор исторических наук, профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,член-корреспондент РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции,
ректор СПбГУП, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ОРГКОМИТЕТА VI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Международные чтения по гуманитарным проблемам современности проводятся в нашем Университете в одиннадцатый раз. По традиции они проходят в Дни славянской письменности и культуры.

Одним из инициаторов проведения этих Чтений, наряду с профессорами Гуманитарного университета профсоюзов, стал Дмитрий Сергеевич Лихачев, который в 1993 г. был избран нашим Почетным доктором. Он неоднократно участвовал в Международных чтениях, выступая с докладами, и совершенно логично, что после его ухода из жизни Конгресс петербургской интеллигенции, который был также учрежден по инициативе Дмитрия Сергеевича Лихачева (напомню, что председателем Конгресса является Михаил Борисович Пиотровский, а председателем Исполнительного комитета Конгресса — ваш покорный слуга), обратился к Президенту Российской Федерации с просьбой присвоить этим Чтениям статус Международных Лихачевских научных чтений. Мы обратились с просьбой более широкой — издать Указ «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева». Владимир Владимирович Путин откликнулся на это предложение с большим пониманием, и буквально за несколько дней в 2001 г. такой Указ был подготовлен и вступил в силу. С тех пор наши Научные чтения по гуманитарным проблемам современности, приуроченные к Дню славянской письменности и культуры, проходят в стенах этого Университета и называются «Международные Лихачевские научные чтения».

Я очень рад, что в этом году на Чтения прибыли представители всех регионов Российской Федерации. Мы с Даниилом Александровичем Граниным обратились к главам субъектов Федерации с просьбой прислать сюда лучших учителей регионов, и эти учителя сегодня здесь. Эта идея была сформулирована губернатором Санкт-Петербурга Валентиной Ивановной Матвиенко и писателем Даниилом Александровичем Граниным, когда обсуждался весь комплекс мероприятий по проведению международного чествования Дмитрия Сергеевича Лихачева. Важно было собрать здесь лучших учителей страны, с тем чтобы после этих Международных Лихачевских научных чтений педагоги разъехались по всей России, вооруженные материалами, методическим инструментарием, провели

соответствующее обучение в своих регионах всего педагогического актива, и 1 сентября этого года во всех школах страны на высоком уровне пройдут уроки Лихачева. Мне представляется очень важным, что в работу наших гуманитарных Чтений, в тот процесс, развитие которого ускоренными темпами шло на протяжении предыдущих десяти лет, теперь широко вовлечены и школьные учителя. Я убежден, что самый лучший способ увековечить память Дмитрия Сергеевича Лихачева — это передать знания о нем, пробудить добрые чувства в подрастающем поколении с помощью его произведений, научных работ и публицистики, рассказа о его жизненном пути.

Наука нужна стране только тогда, когда ее результаты воплощаются в государственную политику. Здесь, должен сказать, мы видим очень серьезный прогресс; и прежде всего огромную роль в продвижении лихачевских идей на уровень государственной политики играет наш выдающийся петербуржец, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Мы очень рады тому, что сейчас начинается движение и в другую сторону — от Лихачевских чтений к учительству, к подрастающему поколению.

Я с огромным удовольствием приветствую ведущих ученых нашей страны (соучредителями Международных Лихачевских чтений являются Российская Академия наук и Российская Академия образования). Я очень рад, что видные представители обеих Академий по давней доброй традиции присутствуют на Международных Лихачевских чтениях.

С особым чувством я приветствую человека, который в сознании петербуржцев и всех просвещенных россиян олицетворяет петербургское литературоведение, человека, который на протяжении 20 лет руководил уникальным научным учреждением — Пушкинским Домом, где и работал Дмитрий Сергеевич Лихачев, — это Николай Николаевич Скотов. На днях он отметил свое 75-летие, мы его сердечно поздравляем. Должен сказать, что для нас Лихачевские чтения — это еще одна возможность привлечь внимание широкой общественности к фантастической, звездной плеяде ученых Пушкинского Дома. Это Лихачев и наш выдающийся современник Скотов, академик Панченко и целый ряд других корифеев российской филологии, которые необычайно много сделали для нашей

культуры. Я очень рад, что на протяжении длительного периода мы активно взаимодействуем с Пушкинским Домом, в том числе и в плане популяризации творческого и научного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, разделив, если хотите, направления работы. Пушкинский Дом проводит Международные Лихачевские чтения для филологов, приуроченные ко дню рождения Дмитрия Сергеевича; там собираются специалисты для серьезного научного разговора о проблемах литературоведческого наследия Дмитрия Сергеевича. А у нас в Университете происходит процесс осмысления научного наследия Дмитрия Сергеевича с акцентом на его культурологическую часть. Таким образом, что очень важно, мы собираем представительство широкой общественности для популяризации идей Лихачева. Такова миссия университетов: не только заниматься наукой, но и популяризировать ее достижения.

Я очень рад, что на Чтениях присутствует большая группа авторитетных зарубежных ученых. Для нас чрезвычайно важно, что мы идем рука об руку с целым рядом государств, которые в свое время составляли социалистическое содружество, и со странами Западной Европы. Это говорит о том, что мы целеустремленно участвуем в формировании общеевропейского и мирового культурного пространства. Думаю, это естественно, потому что в связи с процессом глобализации у всех нас возникают сходные проблемы. Я рад, что сегодня у вас в руках находится Декларация прав культуры — один из важнейших итоговых документов жизни Дмитрия Сергеевича. Мне отрадно сознавать, что в Декларации намечены (и мы будем сегодня это обсуждать) очень серьезные подходы к решению актуальных проблем глобализации. В связи с этим я хочу сказать, что научное и нравственное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева становится сегодня достоянием не только славянских народов и славянской культуры, но и всего мира, самых разных культур и народов.

Дмитрий Сергеевич Лихачев — выдающийся российский ученый, который необычайно много сделал и в России, и в общеславянском доме для изучения процессов взаимовлияния,

диалога культур и цивилизаций, толерантности. Сегодня с его взглядами и идеями начинает знакомиться все мировое сообщество, в том числе и мусульманский мир, и восточные культуры. Нам это представляется очень важным, потому что идеи Дмитрия Сергеевича имеют общечеловеческий, всемирный масштаб. Работа, которую мы проводим, также получает поддержку и в нашей стране, и за рубежом. Один из примеров такой поддержки заключается в том, что финансирование Лихачевских чтений осуществляется Международной корпорацией «Ксерокс». Это один из примеров того, как транснациональные компании проявляют озабоченность гуманитарными проблемами цивилизации и вносят серьезный вклад в их решение. Конечно, мы всячески приветствуем такой конструктивный подход.

Я хочу обратиться с этой трибуны от имени Оргкомитета со словами признательности к крупнейшим российским печатным изданиям — газетам «Известия», «Трибуна», «Российская газета» и к старейшей и влиятельнейшей газете нашего города «Санкт-Петербургские ведомости» за информационную поддержку комплекса мероприятий, связанных с пропагандой наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева, проведением Международных Лихачевских научных чтений и популяризацией Декларации прав культуры.

В заключение мне хочется отметить, что нам, в Петербурге и в стране, и нашим друзьям за рубежом, очень важно, что Президент России Владимир Владимирович Путин дважды издавал Указы, связанные с увековечением памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева, — в 2001 и в 2006 гг. Это говорит об особом внимании российского государства к идеям Лихачева. В соответствии с этими Указами созданы Комиссии по организации празднования юбилея Дмитрия Сергеевича при Правительстве России и при Правительстве нашего города. Активность этих комиссий вселяет уверенность, что популяризации и научному осмыслению идей Дмитрия Сергеевича Лихачева будет придан новый международный импульс.

От имени Оргкомитета сердечно благодарю всех за участие в нашем форуме и желаю успешной, плодотворной работы!

ДОКЛАДЫ

Д. А. ГРАНИН,

член Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор СПбГУП, писатель

УРОКИ ЛИХАЧЕВА

От нашей советской жизни для меня уцелели два авторитета, два человека моей сердечной привязанности — это А. Д. Сахаров и Д. С. Лихачев, оба — великие граждане нашей страны.

Дмитрий Сергеевич Лихачев появился в общественном сознании не как ученый-текстолог, что было его главной научной специальностью, и не как исследователь литературы Древней Руси. Талант исследователя, конечно, сделал его большим ученым и академиком, но народная известность к нему пришла благодаря его выступлениям на телевидении.

Он начал рассказывать о русской культуре, о ее художественной значимости. Его совесть историка не могла смириться с тем, что творилось в стране с памятниками культуры. Хамское пренебрежение прошлым бросало ему вызов. Дмитрий Сергеевич не стал выступать с обращениями к властям, с протестами, призывами к общественности, он нашел путь: через воспоминания и размышления, рассказывал о своих учителях, о традициях семейной культурной жизни, о своих родителях — это было совершенно необычное содержание для нашего телевидения. Рассказывал о дачной жизни, о школе, в которой учился. В сущности, он первым использовал экран в целях культуры, и экран создал ему популярность. Тихим голосом, без ораторских приемов он делился выношенными раздумьями о судьбе интеллигенции, вспоминал свою жизнь ссыльного в Соловках, интересных людей, которые его там окружали.

Тогда, в 1980–1990-е гг., наше телевидение было другим, чем ныне. Оно ценило прелесть интеллигентского общения. Выступления его вскоре стали приносить ему популярность, но одновременно и неприятности. Они неизбежно сталкивались с политикой.

Так было, когда он выступил против переименования старых городов и улиц, которые имели исторические, коренные, драгоценные топонимы. Произошел скандал. Областное руководство сняло из-за этого с должности руководителя Ленинградского телевидения Бориса Фирсова.

Так же было, когда решили обновить парк в Пушкине и вырубить старые липы. Лихачев взял их под защиту, написал аргументированную статью; и опять это сочли за вредный идеологический выпад.

Так было, когда затеяли реконструкцию Невского проспекта. Он сумел доказать, что Невский проспект — это не просто дома с разной архитектурной ценностью. Невский проспект проходит через всю Россию, через всю российскую историю, и, кроме архитектурных памятников, он имеет не менее дорогую историческую память, связанную с историей культуры, с биографией домов. Именно это следует рассматривать как значимость того, что представлял и представляет собой Невский проспект.

Ему удалось отстоять Невский, и реконструкция не была осуществлена. Также удалось ему отстоять старые липы Царского Села. У нас помнят архитекторов, которые строили здания, специалистов, которые делали парки, но не помнят тех, кто защитил и сохранил эти здания и эти сады. В результате к Лихачеву стали обращаться как к защитнику памятников культуры, писали и звонили из разных городов России, и он превратился в своеобразное Министерство защиты культуры.

Предмет его забот ширился. Это были библиотеки, особенно сельские — единственное, что уцелело от культуры в деревне; это были музеи больших и малых городов, которые держались исключительно благодаря энтузиазму своих хранителей (самой необеспеченной части нашей интеллигенции). Он занимался малыми городами с их причудливой историей. Он сумел показать поэзию русских садов и парков.

В 1989 г. Д. С. Лихачева избрали народным депутатом. Его возмущало, что на съездах — на одном, на другом, на третьем — говорили о чем угодно, только не о культуре. И тогда он сам выступил и поднял вопрос о том, что у нас происходит с культурой. Я помню, какое сильное впечатление это произвело на делегатов, и помню, как быстро все об этом позабыли. Но все-таки оказалось, что один человек, далеко не молодой, не имея никакого аппарата, может результативно заботиться о нашей культуре. Академик Лихачев — поучительный пример того, как много силой своей убежденности может сделать одиночка в самых, казалось бы, тяжелых условиях, не имея никакой ни материальной, ни административной поддержки, да и при равнодушии общества.

Для него именно культура является первоосновой жизни. Он доказывал, что от культуры зависит мораль общества, и в стране, пораженной тяжелой болезнью коррупции и казнокрадства, без нее невозможно добиться успехов в экономике. Там, где культура не имеет приоритета, как у нас, экономика начинается «буксовать».

Д. С. Лихачев определил свою позицию самостоятельно. Он и поддерживал власть, и критиковал, но прежде всего ему дорога была собственная независимость. Он считал, что любая партия помешает его духовной свободе. И он не связывал себя членством в какой-либо партии — это был его твердый принцип.

Ему верили, потому что слово у него не расходилось с делом. Конечно, далеко не все ему удавалось. Д. С. Лихачев был убежден, что даже если нет надежды на успех, каждый из нас все равно должен обращаться, хлопотать либо протестовать, выполняя свой долг перед совестью. Надо, чтобы знали, что далеко не все согласны, что есть кто-то, кто не принимает ту или иную несправедливость. Есть хоть один, кто не готов смириться. И Д. С. Лихачев делал все, что мог, хотя это обходилось порой дорого, причем в самых тяжелых смыслах. Его избили в подъезде собственного дома, подожгли квартиру, много лет он был «невъездным»: его не выпускали на научные конференции, на конгрессы за границу. Все виды репрессий советского режима прошли через его биографию. Он не смирился, не стал конформистом, он был верен званию интеллигента.

Пользуясь счастливой возможностью обратиться к учителям литературы и истории, я хочу подчеркнуть значение, которое Лихачев придавал гуманитарному образованию. Он говорил, что оно воспитывает, побуждает к работе души и совести, и воспитывают, прежде всего, гуманитарные предметы. Школа предназначена для воспитания.

Меня всегда восхищала в истории российской школы пример пушкинского Лицея. Как там умудрялись всего-навсего за шесть лет воспитывать из мальчиков образованных, свободно владеющих языками будущих выдающихся деятелей России, которые пошли служить ей прямо из стен лицея.

Впрочем, и у советской школы были свои, и немалые, достижения. Русская литература давала хорошие примеры нравственных поступков и раздумий о том, как жить, как любить, что такое добро и зло, религия и смерть, счастье и несчастье, свой народ и чужие народы. Мучительные вопросы, которые могут воспитывать молодые души. Сила Лихачева была в том, что он умел подходить к литературе в контексте истории. Он видел

литературного героя как исторического человека.

Для него не столько бытие определяет сознание, сколько сознание определяет бытие. Когда я впервые столкнулся с этой его мыслью, она прозвучала как открытый вызов тому, чему меня обучали. Лихачев писал о том, что нам очень повредило вульгарное понимание формулы, что бытие определяет сознание. Во многих конкретных случаях именно сознание необходимости перемен влечет за собой перемены в бытии народа. Нам доказывали, что все зависит от условий материальной жизни, историю сводили к истории производства, из нее исключали роль царей, полководцев, рыцарей добра, злодеев. История оказалась безлюдной. Немудрено, что душа Лихачева-историка восставала. «Человек, его личность, — говорил он, — в центре изучения гуманитарных наук. Именно поэтому они гуманитарные». Однако одна из главных исторических наук отказалась от непосредственного изучения человека. История человека осталась без человека и стала скучной.

Техническое знание не создает культурного человека. У этих знаний совсем другая задача. Но культура и искусство помогают человеку техники скорее адаптироваться в быстро меняющихся производстве и науке. Гуманитарная составляющая — необходимое приобретение каждого технического человека. Чиновники, чуть что, повторяют популистское соображение на тему «сначала надо накормить народ, обеспечить достойным жильем, потом займемся культурой». Но удастся ли решить эти задачи при том цинизме и преступности, какие есть в нынешнем обществе? Не знаю, как успешная экономика или доступность жилья могут исправить моральные вывихи. В русской истории, считал Д. С. Лихачев, духовное начало всегда господствовало, главенствовало и значило больше, чем светско-государственное. Духовность, сознание — то, чем занимаются учителя-гуманитарии. Это и культура отношений с родителями, со старшими, учтивость, любовь к книге, музыке. Учитель достоин стать главной фигурой в современной России. Учитель может поднять нравственное состояние народа. Читая Лихачева, я убеждался в том, что в истории русской жизни падения, подобные нынешнему, бывали, и не раз. И Россия одолевала их с помощью интеллигенции, религии, школы. Он говорил, что имеет не книжные, а самые непосредственные впечатления от русской истории, впечатления на собственной коже; что для него напрямую памятен Николай II, Александра Федоровна, наследники, великие княжны, до-

революционный Петербург и его мастеровые, его балерины; видения прячущихся в мороз в Ленинграде 1932 г. по парадным; голодные крестьяне с детьми; ужасы блокады. Он настаивал на том, что техника и экономика не могут быть самоцелью, а вот культура сама по себе — цель развития и для отдельного человека, и для всей нации, и для страны, а вообще-то, и для человечества.

Как знают любую страну? Прежде всего, по ее вкладу в мировую культуру. Кто представляет Россию для европейского человека? Чайковский, Шостакович, Толстой, Достоевский, Кандинский, Булгаков, артисты оперы и балета. Так же как мы ценим Германию за Гете, Шиллера, за великих композиторов. Деятели культуры составляют золотой запас нации. Культура — это базис. Все остальное, скорее, надстройка. Гуманитарное образование — это прочный нестареющий фундамент, и на нем легче выстроить любую специальность. Базис создает полноту бытия человека.

Д. С. Лихачев приводит важную мысль искусствоведа Михаила Алпатова о том, что такие школьные предметы, как рисование и музыка прибавляют каждому окончившему школу возможность счастья. Конечно, наивно возлагать исправление нравственности на искусство, так же как наивно считать, что успехи экономики возместят моральные потери. Человек не станет милосерднее или честнее от того, что он получит отдельную квартиру. И в коммуналках живут добрые люди, и в особняках живут подлецы. Но все же Гамлет скорее заставит задуматься над своею жизнью, чем новый холодильник. Наверное, прав был Пушкин, когда видел смысл своей поэзии в том, что «чувства добрые я лирой пробуждал», что «в мой жестокий век восславил я свободу и милость к падшим призывал». Чувства добрые можно ждать от музыки, от стихов скорее, чем от точных наук.

Природа тоже источник добра и красоты. Об этом хорошо рассказал Лихачев в книге «Поэзия садов». Природа создает красоты, недоступные даже живописцам. Д. С. Лихачев неслучайно цитирует Чайковского, утверждающего, что восторги от созерцания природы выше, чем от искусства. Но талант художника помогает увидеть эту красоту, а талант учителя — прелесть творения художника, печаль заросшей сельской дороги, свежесть первой листвы, красоту женского тела.

Д. С. Лихачев понимал, что достойное жилье есть необходимость цивилизованного существования. Он познал и голод, и нары,

и барачную безбытность. Но и в этих условиях могла твориться духовная жизнь или бездуховность. Культура — это не порционное блюдо, которое подается к празднику, она — повседневная работа души, она создает интерес к жизни и делает жизнь прекрасной. Не пора ли в гуманитарной науке рассматривать именно культуру с ее вечными ценностями как цель, а технику с ее научным прогрессом как средство. Ныне это средство агрессивно покушается на духовную жизнь человека, предлагая соблазнительную легкость Интернета, подменяя искусство шоу-бизнесом, телевидением, культурой без содержания. Потребление культуры через телевидение пассивно. Торжествует «фанера» вместо живого голоса, «фанера» в виде чтива, секс вместо любви. Адаптированная классика, халтурные переводы — повсюду «фанера». Его взгляды были радикальны, он не боялся выступать против установившихся мнений. Так, он считал, что у России никогда не было особой миссии, она всегда была европейской страной, и все это евразийство было навязано ей без всяких исторических оснований. Для России не было проблемы «Запад — Восток», скорее существует проблема «Север — Юг». Подобные работы и выступления Д. С. Лихачева вызывали яростные нападки. К сожалению, цивилизованно спорить, а тем более прислушиваться к доводам противника мы еще не умеем.

О чем он мечтал? Главная его мечта была о том, чтобы Россия выступила инициатором принятия «Декларации прав культуры». Культура беззащитна. Культура, произведения искусства принадлежат всему миру. Это не сугубо национальное достояние, и защищать и сохранять их надо, имея правовую основу в виде «Декларации прав культуры», принятой всеми странами. Если сознание первично, то чем оно определяется? Лихачев убежден, что, прежде всего, совестью — тем внутренним качеством, которое вложено в нас, казалось бы, неизвестно зачем. Странное это свойство доставляет человеку только неудобства и даже страдание. Совесть, воспитание — то, что идет от семьи, от учителя, от вечных высоких и высших заповедей. Идеи Лихачева признаются далеко не всеми. Они с трудом торят себе дорогу сквозь прежнюю нашу идеологию, но они пробивают и будят наше застойное сознание.

У нас с культурой происходит примерно то же, что с нефтью и газом. Великая культура России прежде всего идет на экспорт. Художники, музыканты, ученые уезжают, лучшие театры вынуждены гастролировать не по России, а за границей. С точки зрения

обывателя, судьба Д. С. Лихачева — счастливая судьба. В конце концов он был признан, обласкан, получил множество мантий в разных Университетах и Академиях мира, награды, лауреатство, лавровый венок славы прочно увенчал его жизнь. Но боюсь, что это был не только лавровый, но и терновый венок.

Д. С. Лихачева хвалили, но памятники продолжали гибнуть, сады вырубали, библиотеки закрывали. Музейные работники и библиотекари получали (и получают до сих пор) совершенно нищенские оклады, комплектование плохое, библиотеки отдают в ведение коммунальных служб. Печальное, а то и безобразное состояние кладбищ, бог знает что творится с малыми театрами. Коммерция, погоня за рейтингом превратили телевидение в шоу-бизнес, культура там — Золушка.

Старания академика Лихачева пока что не оправдали себя. Победил холодный практи-

цизм, циничный чиновник, беспрестанные школьные реформы. Растут пороки, сокращаются добродетели. Уже не возмущают бесчестность, несправедливо нажитые миллионы, вызывающая роскошь, разврат. Все идет на продажу. Реальность нынешнего времени знаменует поражение Д. С. Лихачева. Думаю, для него существовала другая мера собственной судьбы, скорее, это слова Б. Пастернака:

Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать...

Д. С. Лихачев показал нам огромные возможности русской культуры, ее место в жизни народа, в жизни каждого человека, он расширил пространство нашей исторической культурной памяти. Что ждет наследие академика Лихачева и хватит ли у нас сил быть верными его заветам, добиваться хотя бы малых побед — в одной школе, в одном классе, в одном ребенке?..

М. Б. ПИОТРОВСКИЙ,

член-корреспондент РАН, председатель Конгресса петербургской интеллигенции,
директор Государственного Эрмитажа

КУЛЬТУРА ДОЛЖНА ОБЪЕДИНЯТЬ ЛЮДЕЙ

Мы все хорошо знаем, что в последнее время из официальных документов исчезло слово «культура». Культура не упомянута ни в национальных проектах, ни в последнем послании Президента Федеральному собранию РФ. Я считаю, что в этом наша вина: мы, работники учреждений культуры, все вместе не можем донести до тех, кто выбирает сегодняшние приоритеты, то значение, которое имеет культура — как не наследуемая память поколений; как то, что отличает человека от животного, одну нацию от другой; как то, что может помочь нам решить многие социальные проблемы.

Когда речь идет о проблемах глобализации, нередко обсуждают два схожих феномена — цивилизацию и культуру. Я думаю, что удобнее всего под словом «культура» подразумевать различные культуры, живущие в некоем взаимодействии, а цивилизацию понимать как общечеловеческое явление, существующее на Земле, в рамках которого происходит взаимное влияние или — иногда — борьба различных культур. В этом смысле цивилизация очень сильно зависит от того, как будет проходить глобализация.

Напомню, что глобализация — явление не новое. В разные века было много примеров глобализации в виде распространения

определенных понятий и критериев на значительную часть мира. Глобализация осуществлялась по торговым маршрутам (достаточно вспомнить Великий шелковый путь или Путь ароматов) и объединяла гораздо больше стран, чем принято считать сегодня. Европа в XVIII в. была объединена родственными отношениями правителей, и эти связи были гораздо крепче, чем в современном Европейском союзе.

Также не надо забывать, что у глобализации много направлений. Например, для антиглобалистов один из ее символов — несчастные рестораны «Макдоналдс», которые везде крушат и уничтожают. Но ведь точно так же по всему миру распространились суши-бары, и суши — это такой же элемент культурного влияния, как дзен-буддизм и восточные единоборства.

Так что процессы идут разные, и при этом должен происходить динамичный диалог культур, которые могут людей соединять, а могут и разделять. Надо помнить о том, что культура может не просто разъединять народы, а стать страшным оружием в противопоставлении их друг другу. Если же культура объединит людей в динамичном диалоге (а именно так и должно быть), то значительная часть отрицательных, примитивных сто-

рон глобализации просто отомрет. Причем диалог культур, на мой взгляд, более продуктивен, чем диалог религий, о котором сейчас много говорят.

Между религиями есть границы, которые очень трудно, если вообще возможно, преодолеть. Например, христиане, мусульмане и иудеи могут договариваться, поскольку в этих религиях есть схожие догмы, в частности единобожие. Но с их точки зрения догмы, скажем, индуизма — «неправильные», и этот барьер преодолеть невозможно.

Культурам легче найти общий язык, потому что между ними нет противоречий, нет спора. Когда в арабских странах решили перевести новое для них слово «глобализация», то для этого понятия употребили такую же грамматическую форму, как и для слова «перевод». Глобализация и есть перевод одной культуры в другую или перевод нескольких культур. Это и есть, видимо, подходящая схема, которую надо активно пропагандировать и внедрять в просветительской деятельности.

Именно диалог культур мы — учреждения культуры, музеи, различные фонды и общественные организации — пытаемся противопоставить узкому пониманию глобализации.

Приведу пример из моей специальности. Мусульманская культура в разных странах очень различна и вместе с тем содержит единые черты, благодаря которым всегда можно понять, что та или иная вещь сделана в мусульманском культурном кругу. Это есть и во всех других культурах. Поэтому диалог, о котором я говорю, может привести к созданию многомерных культур. Отдельный человек может жить в нескольких культурах. Из нашей истории мы знаем примеры, когда люди дву- или триязычны, читают литературу на этих языках и могут жить, перемещаясь из одной культуры в другую или находясь в поликультурном пространстве. Зачастую это навязано обстоятельствами, но это еще и громадное удовольствие. Нет ничего более комфортного для человека, чем умение нормально жить в нескольких культурах, считать их своими. Думаю, что в этом и есть смысл пропаганды наших больших культур.

В настоящее время мы много делаем для того, чтобы русский язык сохранял свою традиционно важную роль в мире, хотя совершенно ясно, что он уже утратил функцию связующего. Все говорят по-английски, и сейчас можно контактировать, не зная русского

языка. Но он является основой одного из культурных кустов, которые существуют в мире. Есть англо-саксонский культурный куст, есть франко-романский, семитский, персидский, тюркский, индийский, японо-китайский. И есть русский, приобщившись к которому можно получать не только пользу, но и огромную радость. Человек, который читает Достоевского в подлиннике, духовно значительно богаче, и жить ему намного интереснее, чем человеку, который этого не умеет. То же относится и ко всем другим вещам.

Проблема диалога этих кустов и осваивания разных культур — вот то, чем мы занимаемся на практике. И в связи с этим встает вопрос о правах культуры. Дмитрий Сергеевич оставил нам свою «Декларацию прав культуры», и сейчас она становится безумно актуальной.

Что такое права культуры, как я их понимаю? К примеру, идет война. Отряд должен взять высоту, на которой стоит церковь с колокольней, и по ней координируют огонь. Возможны два решения: разрушить церковь либо поднять отряд и взять высоту, не уничтожая храм. В разных армиях бывает по-разному, во Второй мировой войне случалось и так, и этак. Подобные вопросы и должна регулировать Декларация.

Более того, сейчас взаимодействие различных культур и их аспектов привело к дискуссии о правах человека, культуры, нации, религии, определенных общин и т. д. Все эти права, разумеется, не совпадают, и открытый диалог может и должен привести к пониманию этого. Каждый раз нужно делать выбор. Как его делать — это уже другой вопрос. Будет ли тот или иной выбор правильным — судить потомкам. Но задача представителей гуманитарных сфер деятельности — правильное сочетание проповеди и научного исследования, потому что проповедь без изучения бессмысленна, даже если основана на очень хороших моральных постулатах. И при этом необходима борьба за то, чтобы эти идеи понимались, осваивались и руководили обществом.

Это и есть тот главный урок, который нам оставил академик Лихачев. Он дал блестящие примеры стратегии и тактики борьбы за права и влияние культуры, за внедрение правильного понимания, что такое культура, что такое разница между людьми и национальное единство. И мы должны продолжать его дело. Если мы будем действовать так, как действовал он, то, может быть, добьемся положительных результатов.

А. В. ЯКОВЕНКО,
заместитель министра иностранных дел РФ

РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Прежде всего хотел бы поблагодарить организаторов VI Международных Лихачевских научных чтений за приглашение принять в них участие.

Тема нашей встречи исключительно актуальна. Весьма символично, что она вписана в контекст празднования юбилея такого замечательного человека, как Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Сформулированные им «девять заповедей гуманизма» заслуживают того, чтобы их напомнить применительно к теме чтения: не прибегать к убийству и не начинать войн; не считать свой народ врагом других народов; не красть и не присваивать себе плодов труда своего ближнего; стремиться лишь к правде в науке и не использовать ее во вред кому бы то ни было или в целях собственного обогащения; уважать идеи и чувства других людей; уважать своих родителей и предков, сохранять и уважать их культурное наследие. Как культуролог он выступал последовательным противником всякого рода культурной исключительности и культурного изоляционизма.

Глубина и значение этих мыслей находят практическое подтверждение в современных условиях. Не случайно Президент Российской Федерации В. В. Путин на Первом форуме творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ 15 апреля сего года подчеркнул: «Идеи этого величайшего мыслителя и гуманиста сейчас как никогда актуальны... Сегодня, когда миру реально угрожает идеология экстремизма и террора, ценности гуманизма остаются одним из принципиальных средств противодействия этому злу».

За полтора десятилетия после окончания «холодной войны» в мире произошли масштабные перемены. По мере своего внутреннего укрепления Россия вновь превращается в значимый самостоятельный фактор мировой политики. Это полностью отвечает ее национальному и историческому предназначению. Уже в силу своего уникального геополитического положения в Европе и Азии Россия призвана внести важный вклад в решение крупнейшей общемировой задачи эпохи глобализации — укрепление единства и вместе с тем сохранение многообразия человеческой цивилизации. Именно обусловленная историей и географией способность России содействовать поддержанию межцивилизационного согласия, утверждению принципов толерантности и взаимного уважения во многом

определяет востребованность ее активной роли в международных отношениях на современном этапе. Нередко можно слышать завуалированные призывы к нам «самоопределимся» на стороне западной цивилизации в ее, как многие полагают, неминуемом конфликте с исламом. На это мы пойти не можем. Это противоречило бы интересам ее внутреннего развития как многонационального и межконфессионального общества, а также укрепления международного положения России.

Россия не может принимать чью-либо сторону в развязываемом, в том числе вследствие экстремистских проявлений, провокаций и нарушений международного гуманитарного права, межцивилизационном конфликте глобального масштаба. Не намерена Россия занимать и позицию стороннего наблюдателя. Единственно допустимый для нас подход — осуществление инициативной внешнеполитической линии, направленной на поддержание международной стабильности и снижение напряженности в интересах выхода на устойчивые и приемлемые для всех варианты переговорного урегулирования имеющихся конфликтов и кризисных ситуаций. А они, к сожалению, имеют межцивилизационное измерение, будучи сосредоточены в регионе Ближнего и Среднего Востока. Россия готова играть роль «моста», каким она и была на протяжении практически всего своего существования. Иными словами, Россия не может и не будет играть роль «фронтального государства» в новой «холодной войне» — теперь уже между цивилизациями, хотя, наверное, правильнее было бы говорить, что цивилизация у нас одна.

В этой работе важную роль призваны сыграть наши академические и общественные круги, институты гражданского общества. Хотелось бы особо отметить вклад Группы стратегического видения «Россия — исламский мир» под председательством Е. М. Примакова. Весьма перспективной является ее инициатива о создании при Генеральном секретаре ООН консультативного совета из представителей различных цивилизаций. Этот совет мог бы готовить рекомендации о том, как улаживать имеющиеся этноконфессиональные проблемы, религиозно-цивилизационные противоречия, как не допускать новых стен и разломов в мире.

В эпоху глобализации интересы любой страны, в том числе России, невозможно ограничить только прилегающими районами. Мы активно выстраиваем отношения с госу-

дарствами всех континентов не ради «демонстрации флага», а для того, чтобы прагматично, на реалистичной основе искать формы сотрудничества, которые помогут решению общенациональных задач, укрепят безопасность страны, повысят конкурентоспособность экономики, обеспечат России достойное место в международном разделении труда. Наша внешняя политика многовекторна, но эта многовекторность не направлена на разыгрывание одних партнеров против других. Для нас каждый вектор самоценен. Более того, жизнь показывает, что чем прочнее наши отношения с одними партнерами, тем устойчивее они с другими.

Нынешний этап мирового развития связан прежде всего с процессами глобализации, которая, с одной стороны, требует от международного сообщества объединения усилий в противодействии новым вызовам и угрозам, а с другой — несет опасность для национальной самобытности, культурно-цивилизационного многообразия мира, свободы личности. На руку террористам и экстремистам любых мастей играют те, кто исповедует жесткие идеологизированные подходы к международным делам, стремится решить проблемы на путях выравнивания всех стран, если можно так сказать, под одну гребенку. Убеждены, что бездумное тиражирование какой-либо одной системы ценностей или модели развития не сделает мир счастливым. Напротив — это скорее дестабилизирует обстановку в соответствующих странах и регионах. Весь наш исторический опыт говорит в пользу эволюции, а не революции, чреватой потрясениями, длительной аберрацией в естественном ходе развития общества и государства.

Не следует противопоставлять интересы личности общему благу, абсолютизировать права и свободы в ущерб ответственности человека за его поступки, забывать про нравственную природу человека, ставить демократию над стабильностью и наоборот. Демократические ценности реализуются в каждой стране с учетом ее традиций и культуры. И история это доказывала не раз. Видимо, пора встать на почву здравого смысла и отказаться от любой монополии, в том числе от монополии на трактовку прав и свобод.

Когда мы говорим о глобализации, то зачастую имеем в виду прежде всего ее экономические и технологические аспекты. Это — свободный перелив капитала, децентрализация производства и рынков, более активные контакты между людьми. Действительно, прилетая в крупный аэропорт, не всегда сразу можно понять, в какой стране ты находишься — вокруг одинаковые рекламные плакаты, примерно тот же ассортимент сервис-

ных услуг. В то же время нельзя не видеть, что плюсы научно-технологического развития стали причиной углубления неравенства государств в доступе к высоким технологиям и их использовании в целях устойчивого развития. Это может привести к консервации на десятилетия отставания большой группы развивающихся стран, прежде всего африканских, которые пока не способны на равных участвовать в современных глобализационных процессах.

Но, конечно, издержки глобализации этим не ограничиваются. С уходом в прошлое идеологической конфронтации мир не стал более безопасным. В этом уже все убедились. На первый план вышли вызовы и угрозы нового поколения — международный терроризм, трансграничная оргпреступность, наркотрафик, демографические дисбалансы, экологическая деградация, климатические деформации, пандемии и многое другое. Наряду с появлением новых «горячих точек» остаются нерешенными конфликты, возникшие еще во времена «холодной войны». Обостряются проблемы распространения ОМУ. Все больше дает о себе знать истощение невозобновляемых ресурсов. Нет оправдания выпадению разоруженческой темы из глобальной повестки дня.

Особую опасность несут в себе региональные конфликты. Причем это относится не только к человеческим жертвам и разрушениям. В последнее время мы стали свидетелями исчезновения целых пластов исторических и культурных ценностей в таких странах, как Афганистан и Ирак. Этот урок должен быть усвоен всеми — никакие проблемы, даже самые сложные, не могут быть решены военными средствами. Любое применение силы, тем более неоправданное, равнозначно гуманитарной катастрофе. Это в полной мере относится к ядерным проблемам Ирана и Корейского полуострова. Их не решить санкционными методами. Единственно возможный путь — политико-дипломатическое урегулирование на путях вовлечения в международное сотрудничество, а не изоляции, прямого диалога между основными антагонистами. Никакие соображения идеологического порядка не должны стать препятствием для мирного решения кризисных ситуаций.

Весь ход событий в мире в последние годы указывает на то, что попытки справиться с современными угрозами путем односторонних действий несостоятельны. Это — разновидность изоляционизма. Россия, как и подавляющее большинство других государств, считает, что будущий миропорядок должен основываться на коллективных механизмах решения мировых проблем. Будет ли это называться

многополюсной системой или как-то иначе — суть от этого не меняется. Главное — чтобы такая система имела как можно больше точек опоры. Это стало бы гарантией ее устойчивости. В этом было бы и проявление подлинной общечеловеческой солидарности как отличительной черты современной мировой политики.

Сегодня практически сошла на нет дискуссия об однополюсном или многополюсном мире. Видимо, потому, что потеряли смысл схоластические дискуссии об очевидном. Вместе с «холодной войной» в прошлое уходит практика так называемых фиксированных альянсов, им на смену приходят многообразные форматы по интересам, своего рода дипломатия с изменяемой геометрией. Глобализация начинает приобретать, если можно так сказать, «азиатское лицо» — это подъем Китая, Индии, стран АСЕАН. Появилась и новая аббревиатура — БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) — самые быстро растущие и перспективные экономики мира.

Нельзя забывать, что две трети территории России приходится на Азию, с которой нас объединяют общие исторические судьбы, неделимые интересы безопасности и социально-экономического прогресса. Наша триединая цель в Азии — безопасность, стабильность, развитие. Мы активно развиваем отношения с азиатскими государствами, участвуем в масштабных действиях, крупных многосторонних объединениях. Это же относится к другим регионам мира — Европе, странам Персидского залива, Северной и Латинской Америке, Африке.

Необходимо искать платформу для широкого согласия по максимальному кругу вопросов и взаимодействия между основными игроками на мировой арене, включая страны «восьмерки», Европейский союз, США, Китай, Индию, Японию, ключевые страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки. В ее основе должны быть прежде всего взаимное доверие, уважение и учет интересов друг друга при решении международных проблем. Конечно, наши интересы не могут совпадать во всех вопросах. Но там, где они совпадают, необходимо развивать сотрудничество, что мы и делаем. И здесь уместно вспомнить точное высказывание Дмитрия Сергеевича: «Народы — это не окруженные стенами сообщества, а гармонично согласованные между собой ассоциации».

Другое направление поисков более надежного, предсказуемого международного управления связано с совершенствованием механизмов многостороннего сотрудничества. Наиболее универсальным из них, несомнен-

но, является ООН. Эта организация обладает уникальной легитимностью и опытом деятельности на глобальном и региональном уровнях. Важно добиваться того, чтобы ООН была в состоянии более эффективно реагировать на кризисы, чтобы были установлены более четкие критерии применения принудительных мер, включая силовые, по решению Совета Безопасности ООН.

Россия исходит из того, что, разрабатывая критерии, в соответствии с которыми Совет Безопасности ООН при определенных условиях обязан дать согласие на применение силы, необходимо избегать механических подходов. Каждую ситуацию следует рассматривать конкретно, с учетом ее специфики. Здесь нет и не может быть какого-то универсального рецепта, простых, арифметических решений. Важно, чтобы решение о вмешательстве мирового сообщества в тот или иной кризис, особенно когда речь идет о так называемом «превентивном вмешательстве», принималось на основе проверенных, неопровержимых фактов, а не домыслов и голословных обвинений. От того, как удастся справиться с этой проблемой, во многом будет зависеть способность мирового сообщества создавать партнерские, равноправные многосторонние механизмы нового мироустройства.

Одну из ключевых ролей в сохранении культурного многообразия мира в эпоху глобализации играет ЮНЕСКО. В преамбулу и некоторые статьи «Декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии», принятой в 2000 г., включены предложенные российской стороной формулировки, основанные на идеях Д. С. Лихачева. В частности, понимая под культурным разнообразием «неповторимость и многообразие особенностей, присущих группам и сообществам, составляющим человечество», Декларация провозглашает своей основной целью «гарантировать свободное распространение идей словесным и изобразительным путем, добиваясь, чтобы все культуры могли бы быть объектом самовыражения и распространения». Залогом культурного разнообразия названа «свобода выражения мнений, плюрализм средств информации, равный доступ к возможностям для художественного творчества, к научно-техническим знаниям». За каждым человеком признается право на самовыражение и творчество на любом языке, в частности на своем родном. При этом подчеркивается, что, придерживаясь своих культурных традиций, каждый человек не должен наносить ущерб основным правам других людей. Эти принципы закреплены в принятой в октябре прошлого года ЮНЕСКО при активном участии России Конвенции о культурном разнообразии.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на вопиющие нарушения прав русскоязычного населения в странах Балтии. Например, в Латвии и Эстонии введено в оборот понятие «неграждан», абсолютно не вписывающееся ни в общемировые юридические нормы, ни в систему права на пространстве Евросоюза. Россия не предъявляет к Латвии и Эстонии каких-либо за пределами требований. Речь идет о необходимости соблюдения этими государствами универсально признанных восьми стандартов в сфере прав человека, в частности по защите прав меньшинств.

Вопреки заверениям наших европейских партнеров, вступление Латвии и Эстонии в Европейский союз, к сожалению, принципиально не изменило ситуацию. Более того, попустительствуя тем, кто недобросовестно подходит к выполнению обязательств, вытекающих из элементарных международных норм, заметно девальвируются те самые «общие ценности», о которых так много говорят в Евросоюзе.

Важным направлением строительства нового мироустройства является дальнейшее укрепление международного права. Россия не рассматривает его как раз и навсегда установленную догму. Так же как и национальное законодательство, международное право должно следовать за жизнью. Много споров вызывает сопряженный с темой «гуманитарных интервенций» вопрос о соотношении государственного суверенитета и необходимости реагировать на кризисы в тех или иных странах. Над поиском верного международно-правового ответа надо работать. Но в любом случае, занимаясь международным нормотворчеством, следует исходить из того, что пока действуют общепринятые международные нормы, их нужно неукоснительно соблюдать.

Фундаментальные принципы внешней политики России остаются неизменными. Это еще раз нашло свое подтверждение в послании Президента России В. В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации. Россия будет и дальше строить свою внешнюю политику, как подобает сильному, миролюбивому и ответственному участнику мирового сообщества, действуя через диалог и развитие партнерства, а не конфронтацию даже при возникновении самых сложных международных проблем или вопросов в межгосударственных отношениях. Вместе с другими государствами Россия будет вносить конструктивный вклад в повышение управляемости мировых процессов, в формирование более справедливой, безопасной и устойчивой системы международных отношений.

Такая политика отвечает не только интересам России, но и, по большому счету, всего международного сообщества. Этим объясняется и растущая востребованность инициативной роли российской дипломатии в мировых делах. Подтверждением может служить, в частности, избрание России в состав вновь созданного Совета ООН по правам человека. Доверие партнеров к России определяется в том числе и культурной составляющей нашей истории, учитывающей разнообразие и богатство мировых культур, восприимчивость к интересам и особенностям других наций.

Человечество вновь оказалось на водоразделе. С одной стороны, силы, которые требуют отказа народов от своей истории, культуры и духовности, поскольку культурно-цивилизационные различия якобы лежат в основе всех противоречий между государствами. С другой — те, кто отстаивает свою национальную самобытность перед натиском глобализации. Россия как многоконфессиональное и многонациональное государство, испокон веков существовавшее на стыке цивилизаций, вновь призвана сыграть решающую роль в выстраивании сбалансированной и устойчивой архитектуры международных отношений.

И здесь как никогда актуальна идея о совместности духовных ценностей различных цивилизаций и народов. Дмитрию Сергеевичу принадлежат слова: «Национальные черты нельзя преувеличивать, делать их исключительными. Национальные особенности сближают людей, интересуют людей других национальностей, а не изымают людей из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе». Сказано, по моему, исключительно емко и точно. Думаю, надо верить в способность народов к созидательному взаимодействию и надеяться на то, что конструктивный межцивилизационный диалог, взаимообогащение культур на принципах признания равенства культурных и этнических ценностей, недопущения любых форм ксенофобии, толерантности способны восторжествовать, заложив тем самым прочную основу стабильности в мире и устойчивого развития человечества.

По большому счету перед нами стоит задача найти правильный баланс между требованиями глобализации и стремлением стран и народов оставаться самими собой. Как сделать так, чтобы уникальность мировых культур не была смыта техногенной волной стандартизации и унификации. Мы ждем соответствующих предложений и от участников нынешнего форума, готовы внимательно их рассмотреть и активно продвигать на международном

уровне. Лихачевские чтения уже заложили хорошую основу для такой дискуссии, и мы желаем им успешной работы.

В этом году Россия председательствует в «Группе восьми», Комитете министров Совета Европы, Организации Черноморского экономического сотрудничества, Арктическом совете. Цель наших дипломатических усилий — создание максимально благоприятных внешних условий для развития страны. Этого можно добиться прежде всего за счет активного раз-

вития отношений со всеми странами. Мы хотим, чтобы наши люди чувствовали себя в безопасности в любом уголке мира. Основой для этого стало бы реальное продвижение в выстраивании устойчивой системы международного права приоритета многосторонности в решении важнейших проблем современности. В этом — наш главный национальный интерес. В этом мы видим и непреходящее значение интеллектуального и духовного наследия Д. С. Лихачева.

Д. С. ЛЬВОВ,

академик РАН, советник Президиума РАН,
главный редактор журнала «Экономическая наука современной России»

ЭКОНОМИКА И ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

Россия, рамки ее реальности и контуры будущего

В свое время мы с академиком Н. Н. Моисеевым часто обсуждали проблему будущего России, какое место она займет в нынешнем противоречивом и трудном мире. Вспоминали отца Филофея с его мыслями о Третьем Риме, пытались сформулировать контуры «Русской идеи». К сожалению, за всем этим не оказалось серьезных оснований.

А вот то, что действительно составляет для нас объективную реальность и чем следовало бы заняться в первую очередь, — это Россия в ее современных границах, Россия, занимающая самую холодную и неуютную часть нашей планеты.

Достаточно вспомнить, что самый крупный северный город Канады Эдмонтон лежит на широте Курска, а у нас практически вся страна находится в районах с более суровым климатом. И если в Канаде на этих широтах плотность населения не превышает два человека на квадратный километр, то у нас в подобных условиях живут не меньше двадцати.

В Западной Европе, США и Японии для обеспечения принятых там стандартов жизни расходуют от 3,5 до 6 т условного нефтяного эквивалента на человека в год. Нам для обеспечения стандартов, которые естественны для США, необходимо 18 т. Сегодня Россия добывает около 8 т условного топлива на человека в год. Сопоставление этих цифр показывает, что в обозримом будущем обеспечить американские жизненные стандарты мы не сможем.

Да так ли это и необходимо?

Для нас более важным является реализация тех возможностей, которые позволят

России подняться с колен и снова занять лидирующее место в мире. Таких возможностей у нас, по существу, три.

Первая — опора на творческий, созидательный слой нации.

Весь опыт последнего пятидесятилетия подтверждает, что на роль лидеров в социально-экономическом развитии всегда претендовали страны, имеющие наиболее высокий уровень образования, науки, здравоохранения, культуры и, конечно же, духовности. Поддержание и умножение этого потенциала обходится ныне крайне дорого, требует от общества огромных ресурсов. Но без него нет и не может быть инновационного общества, независимого государства, способного к быстрому саморазвитию в современной весьма сложной геополитической и экономической обстановке. Можно сравнительно легко восполнить потерю части экономического потенциала. Но нельзя рассчитывать на регенерацию, когда речь идет о фундаментальной науке, системе общего и профессионального образования, системе воспроизводства интеллектуальной элиты и высококвалифицированных кадров, об их социальном статусе.

В этом суть дела. Либо мы оседлаем творческий фактор, для чего пока еще не потеряли возможностей, либо окажемся одним из главных фигурантов мирового подполья, деструктивного геопояса, угрожающего существованию как самой России, так и всего мира.

Вот почему весь экономический механизм нам необходимо развернуть на поддержку и развитие опорного слоя нации. Наши приоритеты в этом отношении должны быть четко обозначены. Это — наука, образование и здоровье населения.

Вторая — повышение эффективности использования природно-ресурсного потенциала России.

Природный потенциал России оценивается в сотни триллионов долларов. Ежегодный доход от использования наших сырьевых ресурсов превышает 50 млрд долларов.

Но разителен контраст между огромными доходами, получаемыми страной, и недопустимо низким уровнем жизни нашего населения. Сегодня по душевому ВВП Россия отстает от США в 5 раз, от безресурсной Японии — в 4 раза, от стран Западной Европы — в 3,5–4 раза.

Указанное несоответствие сложилось не сегодня. Оно было характерно и для советского периода, когда мы проиграли экономическое соревнование с ведущими странами Запада. И тогда во всех наших «грехах» мы обвинили социализм. Парадокс же нынешней ситуации состоит в том, что, реформировав «зрелый социализм» в «переходный капитализм», мы еще в большей степени стали проигрывать «зрелому капитализму». По-видимому, реальная причина состоит в порочности как старой, так и новой экономических систем.

Если мы хотим видеть Россию сильной и процветающей страной, то должны коренным образом изменить механизм распределения рентного дохода, направить поток чистой прибыли от нефти и газа, использования других природных ресурсов страны на подъем жизненного уровня народа, развитие науки, образования, резкое улучшение медицинского обслуживания населения, решение жилищной и других важнейших социальных проблем.

При этом мы не должны забывать, что Россия является крупнейшей экологической кладовой планеты.

Природная экосистема России в 2,2 раза превышает природные экосистемы таких стран, как США, Канада, Австралия, Бразилия. В то время как экологический потенциал России вносит положительный вклад в мировое экологическое равновесие (+3,3 %), вклад США отрицательный (-4,5 %).

Без России сегодня невозможно найти удовлетворительного решения проблемы глобального экологического равновесия.

Третья — эффективное использование геостратегических преимуществ территориального пространства России.

Россия — это мост между двумя центрами экономической силы: Европой и Азией.

Основой для построения такого моста является земля, природные богатства, которыми так щедро наградила природа Россию. Народу нужна была Земля, нужна была Воля, которая одна только и могла дать проявиться ему как русскому.

Русские обрели второй океан. Окно в первый прорубил Петр, а второй подарил «мужик». Россия стала страной двух океанов — вот в чем ее истинное евразийство! Нация двух океанов — это уже совсем иное осознание народа, на протяжении тысячелетия защищавшего Европейский полуостров от натиска Великой Степи и обуздавшего ее. Пока Европа мельтешила в своих междуусобицах, русские создали великую страну с собственным Востоком и собственным Западом, связанными чувством единства, которое теперь, в новых геополитических условиях, имеет шанс возродиться и стать одной из важнейших опор, способных обеспечить будущее страны.

Обустройство инфраструктуры географического пространства России, как предлагал академик Н. Н. Моисеев, могло бы стать аналогом плана ГОЭЛРО-2.

Создание транспортной инфраструктуры, способной обеспечить товарные потоки, связывающие два самых быстро развивающихся региона планеты — Западную Европу и страны Тихоокеанского региона, — вот достойный проект, реализация которого всколыхнула бы всю страну от края и до края, создала бы мощные основания для нашего развития.

Решением этой задачи уже всюю занимаются. Но, увы, без нас, в обход России. И мы можем опоздать. Это будет тем более обидно, что основа транспортной инфраструктуры уже существует в нашей стране. Прежде всего это Транссибирская железнодорожная магистраль. Но еще более важное значение имеет для нас Великий полярный морской путь. Это самая короткая дорога, соединяющая два океана; самый ближний выход в Европу западным провинциям Канады и США; наконец, морские перевозки во много раз дешевле сухопутных. Это откроет путь к неиспользуемым кладовым минеральных ресурсов, которые скрыты огромными непроходимыми пространствами. Так, шаг за шагом будет формироваться новое индустриальное лицо России, заработают простаивающие мощности предприятий, окажется востребованным научный потенциал страны, всколыхнется жизнь на ныне замирающих территориях и в отраслях промышленности.

Новое общество

В последние годы мы теряем себя, осмысленный образ своего прошлого, настоящего и будущего, и уже давно пришла пора говорить о реалистических целях, способных объединить Россию, вдохнуть в ее народ ту энергию, которая необходима для выхода из смутного времени.

Заглядывая в будущее, мы неизбежно возвращаемся к фундаментальным проблемам социального мира и справедливости. Социалистические идеалы, втоптаные в грязь недалекими политиками и конъюнктурщиками от науки, вновь оживают.

Люди хотят знать, что там впереди. Был советский социализм, он оказался разрушенным. Теперь куда — на рысях к капитализму? Ответ на этот вопрос не может быть прямолинейным в терминах «да-нет».

В распространяемых сейчас суждениях о социализме ему отведена роль пугала, от которого следует всячески открещиваться. Такой образ предназначен для масс, чтобы они, упаси Бог, не вернулись к прежним идолам. При этом не делается никакого разграничения между социализмом как Идеей и социализмом как Системой, выстроенной на потребу правящей элиты, своего рода «практической философии» компромисса, которая сохраняет за ней свободу лавирования в политико-экономическом пространстве между максимумом контроля и минимумом ответственности.

Социализм как Идея — это один из глубинных символов эпохи, ее миро-исторических настроений, взыскуемая жизнью возможность. Не политико-экономическая формула (в духе «советская власть плюс электрификация всей страны» или переход к так называемой «шведской модели») и не механическое следствие экономических, моральных или каких-то еще факторов, а социализм как Идея, данная в своей непосредственной достоверности, трагической масштабности и напряженности.

Эта идея оживает перед зримо ощутимой угрозой потери будущего в прямом (биологическом, экологическом, политическом) смысле или угрозой распада упорядоченной картины будущего как достояния любого человека данной культуры. Социализм — это Идея, воплощающая заботу о будущем как тотальную проблему, выходящую за рамки обыденной предусмотрительности или лично-семейных притязаний.

Разве эта идея не выступала на первый план, с неумолимостью судьбы подчиняя своей силе настроения и действия как масс, так и политических и культурных элит всегда, когда угроза будущему достигала предельных отметок? Идея социализма призвала к жизни новый курс Рузвельта. Не просто сказалось давление обстоятельств — воодушевляющая Идея явилась в нужный момент достойным ее людям (Рузвельту и Кейнсу) и сыграла роль своего рода мембраны, гигантски усилившей импульсы решимости и воли отдельных людей, оказавшихся в полном смысле на своем месте в истории США, да и всего мира.

Идея социализма, как справедливо отмечал в свое время один из классиков экономической теории В. Г. Гребенников, есть восстание против омертвления социальной жизни — будь оно связано с «остыванием» клонящейся к закату культуры или с органическими нарушениями и разрывами социальной ткани общества вследствие внешних угроз или крутой ломки устоявшихся традиций и форм жизни.

Социалистические идеалы — это не проблема рассудка, расчетливо оценивающего шансы и выбирающего между теми или другими благами существования. Это вопрос высших ценностей жизни и воли, вбирающей в себя стремительно нарастающий потенциал глобального конфликта между жизнью и имитирующей жизнь смертью. В этом смысле социализм как Идея смыкается с нравственными принципами христианской этики. Они генетически закреплены в сознании народа. Никакие революции и глобальные потрясения не способны изменить этой первоосновы человеческого самосознания. Силой складывающихся обстоятельств можно, и то лишь на время, отвернуть человека от его самосознания, притупить восприятие истины. И тогда человек начинает терять реальные ориентиры в жизни, второстепенное и наносное принимает за основное и главное. Происходит как бы переоценка ценностей, и вместо созидания духовных ценностей идет их разрушение. Наступает духовное перерождение. Но возникающие в результате этого глубокие противоречия начинают разъедать Систему изнутри. Наиболее рельефно это проявилось в противоречии между Мыслью, Словом и Делом: «думаю одно, говорю другое, делаю третье». Народ переступил запретную черту, за которой последовало нарушение нормального хода жизни, перерождение общественного уклада, смена устоявшейся в сознании людей системы ценностей. Краткосрочные интересы текущей выгоды стали превалировать над долгосрочными целями возрождения и развития страны. Шоковая пересадка в души людей новых ценностей не могла не вызвать их бурного отторжения.

Для наших либерал-реформаторов так и остался непонятым исходный тезис подлинных реформ — в ходе их осуществления надлежит не только перестроить саму реальность — экономику, но и скорректировать субъективное отношение людей к этой реальности, то есть трансформировать образ социального мира, который превалирует в сознании наших сограждан.

Может быть, лучшим напоминанием об этом являются слова выдающегося немецкого экономиста и социального мыслителя XIX в.

Фридриха Листа: «Мир богатства не существует! Только представление о духовном или живом может быть соединено с понятием о мире... Разве возможно говорить, например, о мире минералов? Устраните духовное начало, и все, что называется богатством, превратится лишь в мертвую материю. Что стало с сокровищами Тира и Карфагена, с богатством венецианских дворцов, когда дух отлетел от этих каменных масс?»

Образ духовного и живого всегда связывался в сознании нашего народа с образом Совести. Этот образ проходит красной нитью через всю историю России. Какова суть этого образа? В нем два собирательных начала. Это прежде всего весть — благая весть. Известие для души об истинах, которые как бы сами собой выстраиваются в понятный и неоспоримый принцип праведного поведения человека. Благая весть переполняет человека, и поэтому он невольно ищет соучастия других. Отсюда и появилась приставка «со» — от сокращения слова «соучастие». Соучастие в общем деле, объединяющем всех.

Дух западноевропейской идеологии — индивидуальная избранность к спасению — несовместим с духовным наследием нашего народа — спасутся все или никто. Он всегда отстаивал равенство всех перед Богом!

Таким образом, ключевым моментом в понимании духовных начал российского общества, его скрепляющим стержнем является глубоко личностный, индивидуально избираемый путь к общности. Так мы понимаем российский коллективизм — общее для всех дело. Конечно, речь идет не о том «коллективизме», который был канонизирован в СССР и выхолощен государственной доктриной. Как в свое время историческая русская община, он был превращен в орган круговой поруки, облегчающий контроль со стороны полицейского государства.

Российский коллективизм, если он получает благоприятные условия для своего развития, сыграет роль не только в судьбе нашей страны, но и в решении фундаментальной задачи, которая стоит сегодня перед всем человечеством: сохранить жизненный мир человека в борьбе с глобальной экспансией технократических систем. О трагических последствиях их тотальных наступлений говорят ведущие представители мировой гуманистической мысли.

Поэтому нашим голосам не следует присоединяться к хору анафемствующих коллективистские начала жизни, в том числе и в экономике. Наоборот, эти начала надо сделать опорой реформ. Для этого мы должны четко заявить, что целью для нас должна быть экономика, основная движущая сила

которой будет принципиально иной по сравнению с рыночным обществом массового потребления.

Вместо стремления к богатству и его символическим выражениям стремление к высокому качеству жизни. А этого качества невозможно достичь индивидуально, не повышая одновременно качество жизни окружающих. Здесь должен сработать принцип: «лучший способ помочь себе — это помочь слабому». Речь не идет о создании общества, состоящего из альтруистов. Речь идет о правилах игры, при которых, как в командной гонке велосипедистов, зачет ведется по последнему. Иными словами, качество жизни общества должно определяться разнообразием жизненных благ, которые могут быть гарантированы каждому его члену.

Было бы уместно провести аналогию с законом развития биологических систем. Если в живом организме нарушается механизм оптимального распределения полезных веществ по отдельным клеточным структурам, то возникают сбои в жизнедеятельности системы в целом. Общеизвестный в экономике принцип Парето-оптимальности является достаточно универсальным и применительно к клеточным структурам. Развитие одних структур за счет других неизбежно приводит к их вырождению. Возникает раковая опухоль, которая губит близлежащие клетки, а затем и весь организм.

Один из наших ведущих генетиков академик Е. Д. Свердлов пишет, что выживет то общество, где действуют центростремительные силы, где интересы индивида подчинены интересам общества, если они, конечно, не доводятся до абсурда. Человек в процессе эволюционного развития выжил только потому, что существовал в обществе себе подобных... Генетика — это то, что обеспечивает реальную передачу частички индивидуальности и уникальности человека, впитавшей в себя историческое наследие своего прошлого... Каждый из нас — маленький атом, который смертен. Лишь генофонд в целом бессмертен. Он меняется, но живет.

Советская власть за годы своего господства над государством, экономикой, культурой выстроила гигантский мавзолей, подчинивший жизнь миллионов людей ритуалу поклонения трупу. Труп великой Идеи — солидарной заботы о будущем. Умертвляя ее, Система присвоила себе ее имя. Но взамен она ничего не смогла предложить, кроме коллективной аскезы для всех и сохранения командных высот для руководящего меньшинства.

Но нам нет нужды особенно беспокоиться за будущее социалистической доктрины,

ратующей за идеалы социальной солидарности и справедливости, за использование политической силы государства для решения экономических, политических и экологических проблем, защиты слабых в обществе, разъедаемом тысячами болезней. В сравнении с доктриной минимального вмешательства государства в частную жизнь людей социалистическая доктрина не хуже (а с точки зрения этических идеалов масс даже лучше) и не менее жизнеспособна как политическое течение. Вместе с СССР пала не мировая доктрина, а мировая Система социализма, имевшая к моменту своей гибели мало общего с исходным социалистическим Замыслом.

С уходом социализма с политической карты мира, долгое время выступавшего мощным противовесом Западу, системный мировой кризис стал ускоряться. Противоречия внутри капиталистической системы резко усилились.

В этой ситуации нам нельзя довольствоваться очередной ролью козла отпущения за мировой грех индустриальной и постиндустриальной цивилизации, смиренно ожидать очередных испытаний судьбы, пока историческое провидение нащупывает новый глобальный баланс, продлевающий существование мира. Как минимум, мы должны собственными действиями у себя дома и во внешней политике не усугублять мировой кризис, а добиваться глобального перераспределения рисков, связанных со спорадически возникающими обострениями этого кризиса.

И в этом поиске новой самоидентификации ничто — включая институты плановой экономики — не может быть заведомо отброшено в угоду «чистоте» антисоциалистической доктрины, как ничто — включая западные методы государственного прессинга экономики — не может быть принято только потому, что фактически применяется в рамках системы, альтернативной социализму.

Новая экономика

Человек в современном мире оказывается заложником созданной им индустриальной системы, машинообразных монстров современной технологии власти и масс-медиа. Не устранены причины резкого расслоения общества на богатых и бедных, не созданы условия для раскрытия духовного потенциала личности. Несмотря на фантастически развитую экономику, западное общество потребления зашло в тупик. Потребительская цивилизация постепенно подводит нашу планету к гибели.

И так будет до тех пор, пока экономика не сменит ложные аксиоматические принци-

пы на новые, отражающие приоритет духовного и живого над материальным и мертвым.

Новая аксиоматика нужна нам как воздух. Нравственные аксиомы должны выступать в новой экономике в виде своеобразных ограничений, сдерживающих общество и власть от нарушения заповедей Бога нашего Иисуса Христа.

Надо иметь в виду, что каков бы ни был по своему генезису правящий режим, в его же интересах помнить и реализовывать важнейший идеологический и в то же время практический принцип — «относись к другим так, как ты бы хотел, чтобы к тебе относились другие...».

К сожалению, эта аксиома была выброшена «за ненадобностью» нашими либералами. В результате произошло разрушение всей системы духовно-нравственных ценностей. И прежде всего связанных со взаимодействием человека и природы.

Люди в обмен на право пользоваться землей должны были бы вести себя этически и духовно безукоризненно, бережно сохранять и приумножать дарованные им свыше Создателем природные блага на пользу всем. Все верования, имеющие свои духовные основы, признают священные начала Природы. Они представляют собой базис для развития принципов справедливости, согласно которым люди должны делиться между собой теми благами, которые дарованы им Природой. Это естественное право стоит на первом месте, имеет нравственный приоритет перед созданными человеком законами, оскорбительно ставящими на первое место материальную сторону жизни.

К сожалению, развитие земной цивилизации пошло по пути постоянного искажения и отступничества от основ Священного Соглашения человека с Богом. Право частного присвоения дохода, не являющегося «делом рук человеческих», становится господствующим. И неудивительно в связи с этим, что ни одна из общественных формаций, за исключением социализма (и то в чисто формальном аспекте), не посягала на святая святых — частную собственность на землю. Это право является «священной коровой» капитализма.

А ведь отсюда и проистекают постоянно усиливающиеся противоречия в современном мире между богатыми и бедными странами, между богатыми и бедными слоями населения внутри отдельно взятой страны.

Остановить разрушающее воздействие нынешней системы глобализации на внутренний мир человека возможно лишь при выработке и поэтапной реализации всеми странами мира новой экологической доктри-

ны. Главный ее принцип должен состоять в том, что природная среда, природные ресурсы дарованы человеку Создателем, а поэтому и должны принадлежать всему человеческому сообществу. Частное присвоение того, что от Бога, является преступлением перед человечеством, разрушающим социальный мир. Мешают осознанию этих истин стереотипы господствующей либеральной доктрины Вашингтонского консенсуса. Главный ее порок — отсутствие взаимосвязи экономического развития с определяющими ее инвариантами, и прежде всего с окружающей нас природной средой.

И не случайно, что граждане России, во всяком случае их большая часть, при проведении либеральных реформ, по существу, не отождествляли интересы своей самореализации с соблюдением законов России, сохранением ее территориальной целостности, ростом авторитета среди других стран, то есть с ростом общего, а не только личного, группового и этнического благосостояния.

Чтобы исправить эту историческую традицию, нужно сделать так, чтобы общество на деле стало владельцем тех ресурсов, на которых основывается жизнедеятельность всех его членов. Только общество способно быть истинным владельцем территории, ее земельных, водных и прочих природных богатств, включая полезные ископаемые, воздушное пространство и ландшафтно-рекреационные ресурсы.

Материальной реализацией верховных владельческих прав общества на национальное имущество могло бы стать обращение рент от использования всех видов природных ресурсов в общественные доходы. Это сумма рентных доходов, образующаяся после оплаты услуг всех остальных факторов производства, составляет чистый доход общества, в котором все его члены имели бы равную долю. Она может стать материальной основой их гражданского статуса, то, что получило название социального дивиденда.

Социальный дивиденд мыслится нами не как дополнительный доход, получаемый всеми и каждым в качестве индивидуальных собственников природных ресурсов и расходующий по личному усмотрению в частном порядке (как, например, это устроено в американском штате Аляска). Социальный дивиденд мы рассматриваем как главный источ-

ник социально-стратегической компоненты общественных расходов, то есть расходов, не только направленных на развитие человеческого потенциала, но и осуществляемых общественно-организованным способом. Это прежде всего сферы бесплатного здравоохранения и образования, ресурсной поддержки фундаментальной науки, развития культуры и искусства.

Определяющая роль в системе национального имущества отводится механизмам обеспечения социальных стандартов для всех — минимального уровня гарантированной оплаты труда (не ниже 3 долларов в час), пенсии — не ниже 2/3 от минимально гарантированной заработной платы, необлагаемого минимума жилой площади, приусадебного участка, в общем, всего того, что создает минимальный комфорт для нормальной жизнедеятельности человека.

Только в этом случае может быть обеспечено, и не на словах, а на деле, право равного доступа каждого гражданина России, будь то русский, якут, чеченец и любой другой, к природно-ресурсному потенциалу страны. Ее институциональное оформление создало бы неограниченный простор для проявления индивидуальных способностей каждого.

Признание за обществом права на верховное владение природными ресурсами и, как следствие, на присвоение чистого дохода от них меняет его отношения с государством. Они переводятся на правовую основу, и государство становится тем, чем ему надлежит быть — агентом, действующим от имени и по поручению общества. Точно так же члены общества из фактического состояния подданных государства переходят в состояние его реальных граждан, волю которых как членов общества государство как агент последнего обязано исполнять. Соответственно и в системе государственной власти можно будет произвести разумные изменения, превращающие ее в систему общественного управления, а не властвования над гражданами.

Вот тогда мы на деле, а не на словах получили бы подлинно гражданское, демократическое общество, сумели бы выстроить на этой основе новую экономику, в которой нравственные принципы станут основой хозяйственного поведения субъектов рынка.

А. А. ГУСЕЙНОВ,

академик РАН, директор Института философии РАН,

доктор философских наук, профессор

ВОЗМОЖНА ЛИ МОРАЛЬ, НЕЗАВИСИМАЯ ОТ РЕЛИГИИ?

Мораль (нравственность), несомненно, зависит от религии в том смысле, что взаимодействует с ней так же, как с другими формами культуры — искусством, наукой, может быть, даже теснее, чем с ними. У морали и религии есть общие точки пересечения. Так, например, для них (и только для них) специфична проблема смысла жизни человека. В интересующем нас вопросе речь идет, видимо, не о такого рода горизонтальных связях, а совсем о другом, а именно: производна ли мораль в своем происхождении и зависима ли она в своем существовании от религии до такой степени, что вне религиозного контекста она деформируется, теряет свою подлинность?

Не существует религии по определению, а есть многообразные, часто отрицающие друг друга религиозные опыты, в том числе, между прочим, и такие, которые саму мораль объявляли религией. К примеру, Л. Н. Толстой считал себя глубоко верующим христианином и создал свое религиозно-нравственное учение. Однако Святейший синод назвал последнее «противохристианским». Совершенно очевидно, что в данном случае мы имеем дело с двумя разными пониманиями религии вообще и христианской религии в частности. Когда говорят о зависимости или независимости морали от религии, то обычно имеют в виду авраамические религии (иудаизм, христианство, ислам) в их исторически устоявшихся конфессиональных формах.

Если переформулировать исходный вопрос с учетом сделанных уточнений, то он выглядит сугубо риторическим. Ибо ответ на него совершенно очевиден и бесспорен: мораль, независимая от религии, возможна. Существовали целые эпохи и народы, которые имели огромные нравственные достижения еще в языческий период своей истории. Самый яркий пример — Древняя Греция, в рамках культуры которой выкристаллизовались кардинальные добродетели умеренности, мужества, справедливости, мудрости, было сформулировано золотое правило нравственности, разработано понятие этики. Все это — бесценное достояние человечества, в полной мере сохраняющее свое значение до настоящего времени.

Другим исторически масштабным опытом нравственной жизни, которая складывалась вне, а часто вопреки религиозно-конфессиональному влиянию, был советский опыт. Как

бы ни оценивали советскую эпоху, одно несомненно: ее нравственная повседневность ни в коем случае не может считаться правилом по сравнению с эпохой, которая предшествовала ей, и со временем, наступившим после нее.

Существуют целые цивилизации, которые по привычным канонам авраамических верований вообще являются безрелигиозными, но они тем не менее блестяще доказали свою нравственную дееспособность. Такова, например, китайская цивилизация.

Наконец, элементарный и непредвзятый жизненный опыт в современном обществе показывает, что есть много нравственно достойных людей, которые далеки от официальных церковных верований и практик и настроены по отношению к ним скептически, даже враждебно.

Мораль не только может быть независимой от религии или других детерминирующих ее факторов, но только такой она и может быть! Она выражает автономию личности. Существует много определений и теоретических интерпретаций морали. Однако один ее признак, в общем и целом, признается всеми: мораль охватывает область индивидуально-ответственных суждений и действий — тех суждений и действий личности, совершение или несовершение которых находится целиком в ее власти и которые в полной мере могут быть вменены ей в вину или поставлены в заслугу. Это не значит, что моральные действия беспричинны. А означает лишь, что сам сознательно, целенаправленно действующий индивид является их последней причиной в том смысле, что они не могли бы состояться без его моральной санкции. Человек, например, может кое-что терять из-за того, что он рыжий или обладает малым ростом. Но это не вызывает в нем угрызений совести, хотя, правда, и может доставлять жизненные неудобства. В то же время он может много выиграть, подделав подпись или иным способом обманув окружающих. При этом он где-то в глубине души понимает, что совершил подлость. Разница в том, что первое от него не зависит, а второе является его делом.

Особо следует подчеркнуть: в рамках религиозного мировоззрения мораль также фактически рассматривается как область человеческой автономии. Никто и никогда не сомневался в том, что нормы Десятисловия Моисея или Нагорной проповеди Иисуса Хри-

ста находятся в пределах возможностей верующего человека, являются делом его свободного выбора и в этом качестве вменяются ему в долг. В свое время Августин и Пелагий вели богословский спор о том, в какой мере посмертная судьба человека зависит от нравственного качества его земной жизни. Пелагий видел здесь прямую связь. Августин считал, что такой связи нет, и рассматривал спасение человека как непостижимую тайну Бога. Однако и Августин рассматривал моральный выбор как исключительную прерогативу человека, ибо, как писал он, в самих божественных заповедях не было бы пользы для человека, когда бы не обладал он свободным произволением воли.

Есть, правда, один пункт, где идея морали кажется зависимой от идеи Бога. Это был основной аргумент, в силу которого Л. Н. Толстой (см. об этом его работу «Религия и нравственность») на вопрос о возможности нравственности, независимой от религии, давал отрицательный ответ, тут же, правда, уточняя, что речь идет о религии в его понимании. Под религией он понимал отношение человека к окружающему его бесконечному миру, его началу и первопричине, и при этом считал, что без такого отношения к миру существование человека так же невозможно, как невозможно его существование без сердца. Соответственно нравственностью он называл обозначение и разъяснение той деятельности, которая вытекает из того или иного религиозного отношения к миру. Речь, таким образом, идет об осмыслении моральных абсолютов и абсолютности самой морали в ценностной системе координат человеческого поведения. Насколько я могу судить, пока еще не найдено удовлетворительного философского решения данной проблемы, если, конечно, не считать за такое решение сам отказ от морального абсолютизма¹.

Первоисточниками важнейших общечеловеческих норм в культурной зоне авраамических религий являются Тора, Евангелие, Коран. Сформулированы они там от имени Бога. Этот факт как будто бы опровергает идею автономной морали. В действительности он может быть дополнительным аргументом в ее пользу. Возведение моральных норм к Богу, рассмотренное в контексте культуры, может быть понято как знак и признание того, что никто из людей не имеет

исключительного права говорить от имени морали, что перед ней, перед моралью, как и перед Богом, все равны и что, следовательно, на каждом индивидуе лежит бремя ответственности и суда за следование тем нормам, которые определяют меру его человечности.

Во «Второзаконии» Моисей, подводя итог наставлениям Бога, говорит: «Вот я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» (Втор. 30, 15). Добро несет свою награду в себе, оно совпадает с жизнью, зло несет свое наказание в себе, оно совпадает со смертью. Это представление о самоценности добра, об изначальности морали в человеческой жизнедеятельности красной нитью проходит через всю Библию. С него начинается и им кончается библейская версия человеческой истории. Сотворив человека и поселив его в саду Эдемском, Бог разрешил ему есть от всякого дерева за исключением дерева познания и добра: «Не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт. 2, 17). Человек понял этот запрет как моральное предписание. А на самом деле слова Бога были фактическим утверждением. Бог просто сообщал человеку о ядовитости плодов этого дерева и предостерегал его, так же как взрослый предостерегает ребенка, запрещая ему играть, например, спичками. Человек же усвоил только то, что он *сам* может выбирать. Он проигнорировал самое важное, а именно, что выбор будет адекватным, поддерживающим его жизнь и, следовательно, соответствующим также его самости, только в том случае, если это будет выбор добра. Моральная автономия есть привилегия и право разумного существа быть моральным, выстраивать свое познание и свою жизнь по вектору добра. А человек, согласно библейской легенде, которая, впрочем, довольно точно обобщает историческую правду, истолковал ее ложно — как право самому решать, что есть добро и что есть зло. Именно это роковое заблуждение стало первопричиной человеческих бедствий, о чем мы узнаем из заключительной книги «Откровение святого Иоанна Богослова», идейно и композиционно завершающей Библию. В ней описывается страшный конец, где народы губят друг друга, выстроившись по линиям добра и зла так, как они их понимают.

Нет сомнения, религия и мораль — разные вещи. Они и именуются по-разному. Но они при этом «тянутся» друг к другу, переkreщаются. Возникает вопрос, так ли они соединяются друг с другом, как это происходит, например, в случае соединения религиозных и эстетических чувств. Или как-то по другому? Художественно-эстетическое

¹ В поиске философского (не теологического) ответа на этот вопрос я вижу одну из важнейших задач этики сегодня (см. об этом мои статьи: Сослагательное наклонение морали // Вопр. филос. 2001. № 5. С. 3–32; Об идее абсолютного в морали // Вопр. филос. 2004. № 3. С. 3–13).

и религиозное восприятия мира по существу различны, до такой степени различны, что вполне мыслим и существовал религиозный опыт (например тех же первых христиан) вне специального эстетического оформления. А возможен ли он вне этического наполнения — вот вопрос! Нет ли в самом характере различия (разности) между моралью и религией чего-то такого, что не позволяет им оторваться друг от друга?

Возьмем различие между моралью и религией так, как оно выражается, когда религия является монотеистической, а мораль — автономной. Религия учит, что без ведома Бога ничего не происходит в мире. Мораль учит человека брать на себя всю полноту ответственности за свои действия. Нетрудно видеть: здесь — не просто различие. Здесь — противоположность. А противоположности переходят друг в друга, как нас учит диалектика.

Следовать воле Бога — такова логика человека религии. «Не как я хочу, а как ты хочешь, Боже», — говорил Иисус перед лицом предстоящей страшной казни. Теперь давайте задумаемся, где и когда мы действуем не от себя? Тогда, когда мы ставим себя на службу другому — готовы пойти в огонь и воду ради любимого человека, пожертвовать собой ради Отчизны, умерять свои эгоистические страсти и интересы, оторвать что-то от себя и отдать ближнему, следовать долгу и так далее, то есть тогда, когда мы действуем нравственно. Из всех форм ценностного сознания и поведения именно мораль (и едва ли не только она!) ориентирует человека на благо другого, на то, чтобы руководствоваться тем, что несомненно получило бы всеобщее одобрение, что хотели бы другие, а не ты сам от себя. Мораль, собственно, и есть способность соразмеряться с другими, жить в общежитии. Получается, что, действуя в логике религии, мы попадаем в пространство морали. Заповедь любви в христианской версии, собственно, об этом и говорит: «Люби Бога и ближнего как самого себя».

Подойдем теперь с другой стороны: мораль означает — быть последней и высшей причиной своих действий. Это значит быть зачинателем мира, действовать так, как если бы ты был высшей, последней и абсолютной инстанцией. Автономия морали не просто предполагает человека гордого, а преисполняет его такой гордыней, которая не считается ни с кем и ни с чем, а только с тем, что он сам считает правильным, и даже, как мы узнаем из Библии, не признает заповедь Бога, полагая, что даже Бог ему не указ. Получается, что, следуя логике морали, человек действует так, как если бы он сам был Богом.

Противоположности, таким образом, действительно переходят друг в друга. Двигаясь в направлении, которое задается религиозной логикой, человек раскрывает себя как нравственное существо. Двигаясь в направлении, которое задается логикой морали, человек раскрывает себя как божественное (богоподобное, богоравное) существо.

Европейский гуманизм вырос из критики религии. Но не вообще религии, а религии в ее средневековой версии. Надо различать религию саму по себе и религию в церковно-догматизированном и ритуализированном виде. Правда, я не уверен, существовала бы первая (религия), если бы не было второй (церкви). Тем не менее это разные вещи.

Давайте задумаемся: что останется от религии, если вычесть из нее символ веры, обрядность и прочие вещи, которые замкнуты на интересы церкви как особого общественного института, а также всякие сомнительные с научной точки зрения представления о мире (творение за шесть дней, непорочное зачатие и т. д.)? Многие умные люди полагали, что в таком случае останется только мораль. Толстой так думал. Фейербах так думал. Что-то в этом роде думал Кант. И Спиноза. Может быть они правы?

Хочу обратить внимание на такой, с интересующей нас точки зрения, очень показательный факт. Эпикур считается атеистом (по крайней мере, многие, в том числе идеологи церкви, считали его таковым). В то же время известно, что у него была своя теология. Он признавал существование богов. Его боги — существа блаженные и бессмертные, которые живут в межмировых пространствах в совершенной безмятежности. Что он определенно отрицал, так это промыслительную деятельность богов. По Эпикуру, боги не вмешиваются в человеческие дела ни в смысле наказания, ни в смысле благотворения. И одного этого оказалось достаточно для того, чтобы считать его атеистом, видеть в нем «героя, впервые низвергнувшего богов и поправшего религию» (Маркс). Если Эпикур попал в число атеистов только потому, что он отказал богам в участии в человеческих делах и построил этику без оглядки на них, то это означает (по крайней мере, с точки зрения тех, кто считает Эпикура атеистом), что религия, оторвавшись от морали, перестает быть религией.

Я думаю, мы должны исследовать мораль саму по себе, без апелляции к религии. Если между ними есть связь, то ее необходимо выявить (к ней подойти) в ходе и через исследование морали. Ключевым является вопрос: а что есть такого в моральном опыте, с какими такими трудностями и тупиками встреча-

ется познание морали, которые принуждают нас обратиться к религии? Повторюсь: с моей точки зрения, это вопрос прежде всего об абсолютности моральных притязаний.

Обсуждая тему соотношения религии и морали, нужно иметь в виду ее взрывоопасную силу. Джордж Буш, президент США, прочерчивая свою ось зла, проходящую через 60 стран и более, как он выразился, апеллирует к Богу. Бог не нейтрален, утверждает он. Но те, кто противостоит ему, тот же Бен Ладен, также творят свои черные дела именем Бога. Кто нам укажет критерий, отделяющий злоупотребление именем Бога от оправданного обращения к нему?! Мне кажется, нравственная атмосфера современного общества будет намного чище, если мы не будем делать вид, будто знаем, что хочет от нас Бог или чего требует от нас история, а

будем принимать решения и совершать поступки с полным сознанием своей собственной ответственности за них.

Содержание нравственных норм и добродетелей является до банальности простым и практически одинаковым во всех развитых культурах; так, любой современный человек знает, что обманывать — плохо, а помогать нуждающимся — хорошо. Но что касается философских и религиозно-конфессиональных обоснований и конфигураций морали, то они сильно отличаются друг от друга. Поэтому в современных условиях разъедающего мировоззренческого плюрализма очень важно акцентировать внимание на единстве нравственного опыта людей в рамках общепринятых светских форм жизни, а не на различиях, которые связаны с доктринальными обоснованиями и версиями этого опыта.

М. В. СЕСЛАВИНСКИЙ,

руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

КУЛЬТУРА И СМИ

Культура не может существовать сама по себе, в замкнутой среде. Культуре необходим, говоря рыночными понятиями, потребитель, то есть человек, ее воспринимающий на личностном уровне. Дмитрий Сергеевич Лихачев, говоря об объективных исторических закономерностях развития культуры, как раз указывал на возрастание личностного начала и расширение социальной среды в ходе культурного развития. Подобные процессы не происходят сами по себе. Средства массовой информации — важнейший инструмент в деле приобщения населения к благам культурной цивилизации.

Д. С. Лихачев писал, что если мы сохраним нашу культуру и все то, что способствует ее развитию, — библиотеки, архивы, школы, университеты, периодику (особенно типичные для России «толстые» журналы), если сохраним неиспорченным наш богатейший язык, литературу, музыкальное образование, научные институты, то мы, безусловно, будем занимать ведущее место на Севере Европы и Азии.

Разумеется, задача сохранения культурного наследия — не магистральная задача для СМИ, это очевидно. Но она обязательно должна присутствовать в том широком спектре задач, которые выполняют сегодняшние средства массовой информации. И говоря о создании единого информационного пространства страны, нельзя отделять эту задачу от

другой — создания единого культурного пространства.

2007 г. мы планируем объявить в стране «Годом чтения». Сейчас готовится Указ Президента по этому поводу. Особая внутренняя логика есть в том, что год Д. С. Лихачева как бы дает старт всероссийскому «Году чтения». Естественно в реализации различных мероприятий «Года чтения» СМИ будут играть важнейшую роль.

Теперь несколько слов о том, как выглядит сегодня рынок средств массовой информации в России.

В Федеральной целевой программе «Культура России (2006–2010 годы)» и в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2006–2008) содержатся позиции по сфере печати и массовых коммуникаций, но они скорее выполняют обеспечивающую задачу. Хотя задачи модернизации сети телерадиовещания, обеспечения максимального охвата населения страны пакетом социально значимых телерадиопрограмм, пропаганды книги, поддержки чтения трудно назвать задачами не национального уровня.

В международной системе координат российский рынок СМИ выглядит совсем неплохо. По темпам роста внутреннего валового продукта наша страна в последние годы стабильно находится в группе лидеров. Рынок СМИ развивается еще быстрее. В условиях

растущей конкуренции меняется стратегия медиакомпаний, которые все больше развиваются как многопрофильные холдинги, включающие, по сути дела, все известные типы СМИ. Ведущие аналитики уверены, что в ближайшие годы в России будут построены несколько миллиардных по капитализации медиагрупп.

Неслучайным, на наш взгляд, выглядит в связи с этим и решение Правления Всемирной газетной ассоциации (WAN) о проведении 4–7 июня 2006 г. в Москве 59-го Всемирного газетного конгресса и 13-го Форума главных редакторов этой авторитетнейшей международной организации, практически накануне саммита G-8 в Санкт-Петербурге.

Всемирный газетный конгресс и Форум главных редакторов WAN проводятся ежегодно и собирают от 1500 до 1700 издателей и главных редакторов ведущих газет мира. В нашу страну ожидается приезд не менее 1600 представителей элиты мировой прессы — издателей и редакторов ведущих газет мира, руководителей крупнейших международных и национальных зарубежных медийных организаций и объединений из более 80 стран. Торжественная церемония открытия состоялась 5 июня 2006 г. в Государственном Кремлевском Дворце с личным участием Президента Российской Федерации В. В. Путина.

Работа Агентства как структуры государственного управления в настоящее время в значительной степени ориентирована на обеспечение эффективности мер, проводимых в рамках упомянутой выше Федеральной целевой программы «Культура России (2006–2010 годы)», ставшей продолжением аналогичной программы на 2001–2005 гг.

Приведу всего несколько цифр. В 2005 г. на оказание финансовой поддержки книгоиздания направлено 125 млн рублей, в том числе профинансирован выпуск 333 социально значимых изданий. На продолжение выпуска Большой российской энциклопедии выделено 35 млн рублей. Агентство также финансировало выпуск 60 книжных изданий для инвалидов по зрению на сумму 14,4 млн рублей. На финансовую поддержку изданий для инвалидов, телевизионных и радиопрограмм, субтитрование телепрограмм «Первого канала» в размере 500 часов в 2005 г. было направлено более 30 млн рублей. Особое внимание уделялось поддержке наших «толстых» литературных журналов, которые в настоящее время, к сожалению, переживают не лучшие времена. В 2004–2005 гг. Агентство на эти цели ежегодно выделяло более 3,5 млн рублей, или около 10 % всех средств, предусмотренных в федеральном бюджете на поддержку периодической печати.

На государственную поддержку периодических печатных изданий социальной и культурной направленности в бюджет 2005 г. было выделено 47,6 млн рублей, финансирование получили 222 издания 49 субъектов Федерации. В 2006 г. на эти цели средств направляется в три раза больше.

В федеральном бюджете предусмотрены средства и на поддержку государственных телерадиокомпаний, это 10 114,6 млн рублей. Из них на производство, распространение и тиражирование социально значимых программ в сфере электронных СМИ будет потрачено 470 млн рублей.

Конечно, такое перечисление «сухих» цифр на первый взгляд может показаться малопонятным, но за ними — реальные средства, направленные государством в индустрию СМИ. Хотел бы подчеркнуть — именно в индустрию СМИ, а не только в индустрию государственных СМИ.

Оценивая вклад СМИ в пропаганду достижений культуры, безусловно, необходимо отметить роль телерадиовещания.

В 2007 г. мы будем отмечать десять лет вещания телеканала «Культура». Сегодня его аудитория — более 91 млн потенциальных телезрителей, что составляет почти 63 % населения страны.

Можно говорить о том, что «Культура» — телеканал, не имеющий аналогов в мире. Суть его деятельности можно определить одним словом — просветительство.

Исторические и литературные исследования, «Фабрика памяти: крупнейшие библиотеки мира», «Слово и дело» — программы о русских философах, «Предлагаемые обстоятельства» — программа А. Смелянского об истории российского театра, «Странствия по минувшим годам» — программа О. Басилашвили о наиболее ярких событиях творческой жизни.

Миллионы зрителей страны могут видеть на экране лучшие музыкальные и драматические спектакли театров России и мира.

Авторские программы М. Пиотровского «Мой Эрмитаж», В. Гусева «Век Русского музея», «Пятое измерение» И. Антоновой, цикл «Третьяковка — дар бесценный» — названия этих программ нет необходимости комментировать.

Уникальная телевизионная коллекция лучших выступлений великих музыкантов XX в., представленная в новой программе «Классики» В. Спивакова, популярный цикл «Шедевры мирового музыкального театра», включающий прямые трансляции, способствуют расширению возможностей телезрителей всех возрастов в знакомстве с лучшими музыкальными исполнителями и коллективами.

Необходимо отметить, что создание и развитие телеканала «Культура» было бы не-

возможно без финансовой поддержки государства. 25 % средств, которые Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям направляет на производство социально значимых программ, получили проекты, вышедшие в эфире телеканала «Культура».

На поддержку проектов телеканала «Культура» только наше Агентство направило за последние два года почти 36 млн рублей, а с 2000 г. объем таких средств составил 110 млн рублей.

Кстати, одни из самых активных зрителей телеканала «Культура» — жители Санкт-Петербурга. Программы канала набирают высокие доли — 17,8 % и даже 18,7 %. Для канала освещение жизни Северной столицы, ее истории, культуры является одним из приоритетных направлений вещания.

Государство, поддерживая производство таких программ, выполняет функцию корректировки недостаточного присутствия в телерадиоэфире проектов просветительской, культурологической направленности.

Государственные радиостанции «Радио России», «Маяк», созданное полтора года назад радио «Культура» продолжают лучшие традиции отечественного радиотеатра, познавательных, литературных, музыкальных, исторических программ.

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям принимает участие в развитии государственной радиостанции «Орфей»; это, по сути, единственная радиостанция, основу вещания которой составляет серьезная классическая музыка.

Государственная поддержка программ культурологической направленности распространяется и на проекты для радиотеатра, создание библиотеки на электронных носителях лучших литературных произведений современных авторов, русской и мировой классической литературы, в том числе произведений для детей.

Радиoprogramмы «Новая библиотека», «Домашнее чтение», «Мастерская радиотеатра», программа о книжных новостях «Порядок слов», программы «Разночтения», «Колобок и два жирафа» имеют своих постоянных слушателей.

Следует отметить и такие интересные телепроекты, как «Культурная провинция», «Провинциальные музеи России», «Театральный фонограф» — цикл передач по произведениям выдающихся русских писателей.

Стремясь привлечь молодежь к овладению достижениями культуры, мы уделяем внимание развитию культурологического сегмента российского Интернета, в том числе интернет-журнала молодых писателей «Пролог», интернет-портала Института русской литературы (Пушкинский Дом), интернет-журналов «Музыка для всех», «Читай-ка!», интернет-портала: www.Kultura-portal.ru.

Всего на поддержку проектов в сфере истории культуры, образования Агентство направило в 2004–2005 гг. более 378 млн рублей.

Большую роль в развитии культуры играют печатные средства массовой информации. В 2005 г. рынок российской периодики продемонстрировал динамичный качественный рост. В стране было реализовано печатных изданий на сумму более 62 млрд рублей (включая бесплатное распространение), из них на 16,5 млрд рублей по подписке. Кроме того, в 2005 г. пресса освоила около 39 млрд рублей рекламных средств (из 140,2 млрд рублей). В совокупности российский рынок периодической печати (распространение + реклама) в 2005 г. превысил 100 млрд рублей, а объем инвестиций в него составил более 34 млрд рублей (против 28,5 млрд рублей в 2004 г.). Общее количество зарегистрированных печатных СМИ в Российской Федерации составляет почти 53 тыс. наименований, то есть увеличилось более чем в 2 раза.

Таким образом, прессы у нас сегодня много хорошей и разной. Безусловно, культурологическая роль ее далеко не однозначна. Наряду с качественными изданиями встречается много наносного, а то и откровенно пошлого. К сожалению, по сравнению с началом 1990-х гг. в несколько раз сократились тиражи прессы, утратили былую роль и культурологическое значение «толстые» литературные журналы, многие ранее популярные и известные издания для детей и молодежи. Пресса стала преимущественно гламурно-светской. Однозначно сказать, что это плохо, нельзя, хотя вопросы возникают.

По мере стабилизации общества и взросления нашего капитализма интерес к подлинной культуре в стране возрождается достаточно быстро. Как следствие, в последние год-два количество изданий о культуре, искусстве, театре, архитектуре, художественной фотографии, антиквариате, ландшафтном дизайне и так далее увеличилось в несколько раз и продолжает расти. Они издаются неплохими тиражами, с весьма приличными текстами и, как правило, в очень хорошем полиграфическом исполнении. В 2005 г., например, начал издаваться великолепный художественный журнал «Русское искусство». Издательский дом «Индепендент Медиа» предложил рынку еще одно издание об искусстве и культуре premium-класса — журнал «Эрмитаж», предназначенный для профессионалов и любителей искусства, в том числе коллекционеров. Этот ряд продолжил журнал-галерея ZOOM, почти полностью состоящий из высокохудожественных фотографий. Еще в 2004 г. в России появился журнал «Художественная галерея». А число

изданий о культуре прикладного характера растет чуть ли не в геометрической прогрессии.

Рынок прессы в нашей стране находится на подъеме. Однако утверждать, что динамика его развития однозначно положительная, преждевременно. Пока он очень молод и наличие проблем переходного периода для него закономерно. Бизнес-проектов на этом рынке уже реализуется немало и с каждым днем становится больше, но в процентном отношении, особенно в газетном сегменте, они пока не преобладают. Наблюдается рост потребительского спроса на чисто развлекательные издания. Издательскому бизнесу все еще присущи неорганизованность и нестабильность, его раздражают внутренние противоречия.

К сказанному следует добавить излишнюю сенсационность контента основной массы газет и журналов, падение их социальной и культурно-просветительской роли в обществе, широкое распространение в печати заказных материалов и поверхностной журналистики, опирающейся преимущественно на интернет-ресурсы и не обременяющей себя ответственностью за достоверность фактов, впрочем, как и за чистоту русского языка. К сожалению, нередки случаи прямого нарушения законодательства Российской Федерации о СМИ, особенно в области рекламы и соблюдения запретов на пропаганду секса, культы насилия.

В минувшем году в соответствии с поручением Президента Российской Федерации В. В. Путина Агентство подготовило для представления в Министерство культуры и Правительство Российской Федерации предложения, касающиеся поддержки в 2006-м и последующие годы социально значимых проектов общефедеральных, региональных и местных периодических печатных средств массовой информации. Они были приняты, и объем средств на субсидирование периодических печатных изданий на указанные цели в федеральном бюджете в 2006 г. был увеличен с 47 млн до 150 млн рублей.

На получение государственной субсидии в 2006 г. могут претендовать печатные СМИ

любой организационно-правовой формы и любой тематической направленности, в том числе региональные и районные (городские) периодические печатные издания, но только под реализацию социально значимых проектов. Такой подход будет применяться впервые.

Приоритетные темы таких проектов определены исходя из насущных государственных интересов. Среди них: содействие реализации президентских национальных проектов, нравственное оздоровление общества, повышение рождаемости, формирование культуры семьи и здорового образа жизни, борьба с терроризмом, преступностью, коррупцией, экстремизмом, расовой и религиозной нетерпимостью, развитие межнационального диалога народов России, пропаганда достижений нашей страны в сфере науки, культуры и искусства. По каждому тематическому направлению устанавливается минимально необходимый объем и количество публикаций. Редакциям печатных СМИ, претендующим на получение государственной субсидии, планируется возмещать расходы, связанные с подготовкой и опубликованием социально значимых материалов: авторский гонорар журналиста, подготовившего публикацию, оплата труда редактора и корректора, а также часть производственных затрат.

Кроме того, по нашему мнению, начиная с 2007 г. следовало бы вернуться на федеральном уровне к практике создания для печатных СМИ Российской Федерации, связанных с образованием, наукой и культурой, оптимального режима налогообложения деятельности, имеющего целью сделать их максимально доступными для населения. Прежде всего, установить ставку НДС в размере 5 % на все виды работ и услуг по производству и распространению таких изданий, как это практикуется в большинстве стран Евросоюза.

Надеемся, что в совокупности предпринимаемые и планируемые меры позволят более эффективно и предметно решать с помощью прессы задачи нравственного оздоровления, культурного и экономического развития российского общества.

А. А. ЛИХАНОВ,

академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, председатель Российского детского фонда, писатель

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Дорогие учителя! Уж кому как не вам лучше и основательнее иных понимать глубокую сущность понятия и сути слов ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО.

Повторить — значит закрепить знание. Повторить — значит соединить познаваемое с предыдущим и последующим, помочь ученику, соединяя одно с другим, формировать

целостную картину темы, предмета или, даже, мира.

Я полагаю, что ценность заветов Д. С. Лихачева именно в этом — повторении пройденного этим замечательным человеком и ученым, ибо было бы наивным полагать, будто современность активно создает новые ценности — несмотря на громкий и сомнительный шум, сопровождающий суету на тему этой мнимой, на мой взгляд, суеты.

Нет смысла характеризовать Дмитрия Сергеевича, как личность нравственную, духовную, ищущую. Сказанное и написанное им самим — достаточная самохарактеристика и самооценка. Так что оценивая много лет спустя после ухода Лихачева его труды и отдельные высказывания, нам следует *повторить пройденное* им, отысканное *его* духовными исканиями, и это, как увидим, окажется не только частным делом, но важной практикой для всего общества и всей страны. Для уроков, которые преподал Д. С. Лихачев и детям, и взрослым.

Сегодня более чем часто и суетно употребляется термин «образование», причем его наполнение кому-то кажется более чем определенным, самодостаточным, что, конечно же, ошибка. Даже бывшая Академия педагогических наук стала только Академией образования — сухо, холодно, технологично и бесцеречно.

Устойчивое впечатление: школу норовят освободить от функций воспитания, ответственности за формирование человеческой личности, наконец, от любви, привязанности, как будто закрываясь от этого всего знанием, которое, опять же, сверху — сокращается, умалывается, отрезается, дозируется.

Из школы — не из всякой, конечно, лучшие-то сопротивляются — уходит понятие «нравственность».

А Лихачев нам завещал иное. Он писал: *«Жить в нравственном отношении надо так, как если бы ты должен был умереть сегодня, а работать так, как если бы ты был бессмертен»*.

В наследии Дмитрия Сергеевича я выделяю нравственные поиски как главный труд и главную ценность, и здесь он следует традиции русской литературной классики — традиции Пушкина, Толстого, Достоевского.

В его трудах есть такая запись: *«У Белинского где-то в письмах, помнится, есть такая мысль: мерзавцы всегда одерживают верх над порядочными людьми потому, что они обращаются с порядочными людьми как с мерзавцами, а порядочные люди обращаются с мерзавцами как с порядочными людьми»*. И еще одна, примыкающая, мысль: *«Мицкевич где-то сказал: Дьявол трус, он боится*

одиночества и всегда прячется в толпе». И еще: *«Дьявол ищет темноты, и надо от него прятаться в свете»*¹.

Две рядом стоящие записи, но какое же между ними видится гигантское, в позитивном смысле слова, глобальное пространство. Это пространство совсем не назовешь непаянским. Напротив, оно изрыто вдоль и поперек, распаханно воронками тихих разрывов, осыпано прахом разрушенных судеб, толченым кирпичом разломанной морали.

Дети наши криком кричат, спрашивая: где же истина, в чем правда, куда идти, к чему стремиться, ради чего жить? Нет ответа...

Впрочем, он есть. Ответы на эти восклицания, чаще всего произнесенные, давным-давно дала наша классика, в том числе Лихачев, но, во-первых, мало ребенку это узнать, прочитав, надо ведь в этом еще утвердиться, с помощью учителя, родителей, надо душе, не устоявшейся в жизни, преодолеть дьявольские искушения денег, пива, детской молвы, цинизма старших. А во-вторых, сам-то учитель — он каков? Не разуверился ли под гнетом повседневности, неустойчивости каждоминутной обработки, социальной отторженности в высоких надвременных ценностях? А если разуверился — чем и как поможет воспитаннику своему?

И здесь особое слово надобно сказать об учительстве.

Я дитя войны, и в ту жестокую пору маленькой своей душой сумел понять, испытал на себе истинно святую учительскую предназначенность.

Я немало — в прозе и в публицистике — сказал о моей любимой учительнице Аполлинарии Николаевне Тепляшиной. Она прожила 96 лет, 70 из них отдав школе в Вятке (позднее г. Киров). Начала еще с дореволюционной церковноприходской, была, как я узнал уже после ее ухода, верующим человеком, а за труды свои — по выслуге лет (была тогда для учителей такая система поощрения) она была дважды награждена, и не чем-нибудь, а двумя орденами Ленина.

За ордена полагались небольшие, но деньги, и учительница сказала нам, малышам, такую взрослую фразу, которую мы, несмотря на малость лет, вполне уразумели: *«Я не считаю себя вправе тратить эти деньги на себя»*. И покупала для нас единственное, что продавалось без карточек, — в аптеке большие коробочки с витамином «С». Учиться начинали мы в 8 утра — школа работала в три смены — света не было, все электричество по утрам забирали в Кирове оборонные заводы и госпитали — и вот при свете свечей

¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. Л., 1989. С. 318.

и коптилок, словно в храме, Аполлиария Николоевна обходила класс и каждому из сорока учеников, прямо в рот, серебряной старинной ложечкой вкладывала витаминку. Потом, обучая этим гигиене, ложечку споласкивала в кружке, которую нес дежурный, и давала «ягодку» следующему. Зачем каждому и обязательно в рот? Чтоб не обронили, не потеряли, это был 2-й, 3-й класс. Когда деньги за орден кончались, тратила на нас свою зарплату. Когда и она кончалась, велела нам обламывать сосновую хвою во дворе и заваривала ее в эмалированном ведре — здесь помогала ей нянечка. Так она спасла свой класс от цинги. Почтальонша, ее ученица, приносила похоронки, но не родителям, а ей, учительнице, на ее же учеников. Невозможно написать и трудно даже подумать, что она испытывала. Но брала эту тяжесть на свою душу, и мне известен случай, когда похоронку учительница забрала себе, потому что мать погибшего ученика тяжело болела, и отдала по назначению сама, несколько месяцев спустя, думая о спасении матери.

Хочу заметить: школа, о которой идет речь, была начальной, маленькой, но уже в ту пору у нас работали еще две учительницы, награжденные орденами Ленина; так что мы, дети, гордились: в 9-й начальной четыре ордена на трех учительниц!

Для меня моя учительница — символ учительства вообще. Она не только обучала нас, образовывала. Не только воспитывала. Она нас спасала — вот что главное.

Она ни разу с нами на эту тему не говорила, но мы подросли, и все поняли. Это и есть настоящая учительница. Настоящая интеллигентка.

И как тут не услышать Лихачева: *«Образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованность живет старым содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового»*. И еще он записал поистине вещь: *«Нация, которая не ценит интеллигентности, обречена на гибель»*. И вот еще что он записал: *«...нельзя притвориться интеллигентным. Можно притвориться добрым, щедрым, даже глубокомысленным, мудрым, наконец, но интеллигентным — никогда»*¹.

Могут заметить, и, возможно, справедливо, что времена-де меняются, интеллигентность ныне не востребована, наоборот, и детям, входящим в жизнь, скорее надо локтями уметь работать, нежели брать деликатностью и культурой.

Однако стоит заметить, что отработав локтями и достигнув в этой толчее некоторого

уровня благосостояния, человек, ежели он развивающаяся персона, рано или поздно окажется неудовлетворен одной лишь материальной составляющей. Ведь все это было, было, было и в нашей, русской истории, и в европейской, вспомним хотя бы «Сагу о Форсайтах» Голсуорси, и в американской — назову лишь одного Драйзера. И вот именно в этом контексте — контексте повторения пройденного мировым гуманизмом, мудро и современно звучат такие слова Лихачева: *«Удивительно правильная мысль: “Небольшой шаг для человека — большой шаг для человечества”*. Можно привести тысячи примеров тому: быть добрым одному человеку ничего не стоит, но стать добрым человечеству невероятно трудно. Исправить человечество нельзя, исправить себя — просто. Накормить ребенка, перевести через улицу старика, уступить место в трамвае, хорошо работать, быть вежливым и обходительным... и т. д., и т. п. — все это просто для человека, но невероятно трудно для всех сразу. Вот почему нужно начинать с себя»².

Дорогие коллеги! Учительство и наставничество — родственные понятия. Исполненные по совести, они помогают растущему человеку осознать себя и мир вокруг себя, ведут его к истине. Увы, путь к ложной истине тоже открыт, и сегодня сквозняки, смешанные из правды и лжи, путают не только детей, но и взрослых. Кто как не учитель, в отсутствие здоровых программ по гуманитарным дисциплинам, может и должен одарить своих учеников непреходящими ценностями, которые могут и отойти в тень под влиянием, скажем, новомодного постмодерна, но ведь рано или поздно истина вернется.

Я с радостью прочитал интервью Кирилла Юрьевича Лаврова в «Независимой газете», где он прямо и честно говорит, что ему неинтересны эксперименты современных театральных новаторов и он остается верным приверженцем реалистической ленинградской школы Георгия Товстоногова. Ничего сложного, все по правде. Но почему же слово Лаврова так и остается лишь его мнением? Почему его никто не отрицает, но и не принимает, как должно бы быть. Почему школа молчит?

Школа вообще стала молчаливой. А помните начало перестройки, которую можно оценить и «катастрофой», по Зиновьеву, но первый этап которой всех обнадежил. Помните «Вечера в Останкино», где часами обсуждалось наше бытие, не меньше. И кем? Учителями-новаторами! Где они теперь? Или их нет? Или они не нужны обществу?

¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. С. 318.

² Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 488.

Я с уважением отношусь к попыткам власти чуточку приподнять школу: надбавки за классное руководство, премии в миллион целой школе и 100 тысяч образцовому учителю. Благодарен президенту за то, что он впервые в новейшей истории употребил слово «сироты», которых 200 тысяч в сиротских заведениях и всего в стране около 800 тысяч.

Однако и меня, и Детский фонд печалит какая-то настойчивая сосредоточенность на деньгах. Без них не обойтись, дело ясное, но понятия «деньги» и «честь» не всегда совпадают. Ведь моя стародавняя учительница военных лет казенные деньги, даже за ордена, не считала «вправе» тратить на себя — на детей их тратила.

На мой взгляд, национальный проект «Образование» должен был деньгами завершаться. А начинаться — с укрепления репутации школы, и как тут вновь не вспомнить Лихачева, который написал: «Человека создает средняя школа, высшая — дает специальность»¹. И вот я думаю, может быть, за этот священный труд создания человека надо бы возродить добрую традицию — награждение высшими орденами государства учителей за выслугу лет? Рядом со званием «Заслуженный учитель РФ» давно пора учредить звание «Народный учитель России» — подобное звание существовало в последние годы СССР.

Приведу маленький и в чем-то личный пример (извините уж за нескромность). Я вместе с властями Кирова — Вятки учредил там городскую премию имени моей Аполлинарии Николаевны Тепляшиной: четыре годовые награды по 10 тыс. рублей, еще и позолоченный нагрудный знак с силуэтом моей учительницы, отчеканенный на Московском монетном дворе не хуже государственной награды. А также выдаются большие фотопортреты старой учительницы каждому лауреату, с предложением, чтобы он висел в классе, где учителствует награжденный, с расчетом: дети будут спрашивать, кто это, а учитель расскажет о подвиге своей далекой предшественницы.

Соучредителем премии формально выступает Российский детский фонд, но премию эту даю из своих писательских гонораров я лично, и это, кажется, первая и единственная в России премия учителям именно начальной школы. Я убежден: такие учительские классики есть в каждом регионе, и повсюду можно учредить такие награды — от имени помнящих учеников. Так почему бы стране и не сподобиться, а власти, не обязательно центральной, не поддержать такое дело? Одним

только этим, не самым сложным действием, власть и общество сообща могли бы упрочить *начальное образование*, как самую нежную составляющую средней школы.

Укреплять школу можно по-разному. Деньги обладают одним чудовищным качеством: они тают, проедаются, тратятся. И потратив их, чувство сытости не приходит, что человеку лично, что целому заведению.

Но ведь деньги призваны что-то изменить, как-то улучшить? А будет не здорово, если премии уйдут на ремонт, на оборудование, даже на учебники — где же окажутся в таком случае бюджетные дотации? Значит, стоит создавать дополнительные, и прежде всего нравственные, ценности.

Многие годы Д. С. Лихачев жил и работал в Ленинграде–Петербурге. Обожаю пострадавших ленинградцев, становлюсь перед ними на колени за 900 блокадных дней и не знаю, как относиться к питерцам, еще не выработал отношения. Высоко чту писательский и гражданский подвиг Д. А. Гранина за «Блокадную книгу», но особо — за цикл его телефильмов-бесед о блокаде. Полагаю, что это образцовые уроки высокого мастера, посвященные не только страданию, мужеству, долгу блокадников, их терпению и нравственности, но и воспитанию гордости, достоинства, почтения в новых поколениях.

Я немало езжу по стране, встречаюсь с ребятами разных социальных достояний. Спрашиваю о блокаде, о Сталинграде, о битве под Москвой — полторы сухие фразы в ответ, в лучшем случае. Стараюсь расшевелить, разговорить — молчат, не могут ничего сказать, страшно подумать: не знают.

Так вот предлагаю (только не знаю кому, на Минобрнауки надежда невелика): фильмы Гранина в виде цикла видеоуроков всем школам страны закупить и создать методику их понимания, обсуждения и, главное, воспитания одного из лучших человеческих достоинств — памяти и памятивости.

И лучшее из советской литературы надобно вернуть в школу — и «Повесть о настоящем человеке», и «Молодую гвардию», и «Два капитана» и др. Разве это все не с нами было?

Все это относится и к Д. С. Лихачеву. Книга, которая называется «Заветное», — истинные заветы и духовное завещание прекрасного русского ученого, философа и писателя. Она составлена специально для школы — для вашего ученика и для вас, учителя. И это хороший учебник для юношества, да еще и на такую важную тему, как нравственность. Перечитайте заветные мысли Д. С. Лихачева и раз, и два, поговорите с вашими воспитанниками так проникновенно, чтобы в душах их

¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. С. 483.

всколыхнулось главное пламя — пламя желания сделать лучше самого себя и мир окружающий.

И тут к месту, мне кажется, еще раз взглянуть в пометы Лихачева. Большой знаток классики, он заметил, и не только для себя: «А. С. Пушкин в “Наброске статьи о русской литературе”»: *Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости*¹.

Остается лишь воскликнуть: как же это все про нас! Нет на Руси ничего проще и

яснее, чем почитание этого минувшего. Нет ничего трудней и неразумнее, как это же самое почитание.

А про деньги... Опять из записок Лихачева. Выписанные им две строки поэта Игоря Шкляревского: *«Дай мне все — я не стану богаче. Все возьми — я не стану бедней»*.

Повторим, но без всякой иронии: не в деньгах счастье. Счастье в пламени: загорится ли оно в детской душе.

Раздуйте же это пламя, дорогие учителя, повторяя пройденное Д. С. Лихачевым.

Ж. Т. ТОШЕНКО,

член-корреспондент РАН, декан социологического факультета,
заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования»,
доктор филологических наук, профессор (Москва)

ФАНТОМЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Слово «фантом» по-разному звучит в обыденной, литературной и научной речи. В словаре С. И. Ожегова фантом объясняется как «причудливое явление, призрак»². В академическом Словаре русского языка фантом трактуется в трех смыслах: как призрак, привидение; как вымысел, игра воображения; как модель тела или части его в натуральную величину, служащая наглядным пособием³. В «Психологическом словаре» представление о фантомах связывается с фантомными болями в послеоперационном или последующем этапе жизни после контузии, ранения или операции, когда ампутированная рука или нога в определенные моменты чувствуется человеком через боль как реально существующая⁴. И хотя последнее определение апеллирует к специфическому, узкопрофессиональному лексикону (в данном случае к медицинскому), мы сталкиваемся с особым явлением, когда физической реальности нет, но в то же время ее мнимое функционирование является объективной реальностью, так как приносит вполне осязаемые переживания. Практически аналогично протекают и фантомные воспоминания о некоторых собы-

тиях в жизни человека, когда они заставляют болезненно переживать с такой же нестерпимой остротой, как и в момент их проявления в прошлом. Иногда к разряду фантомов относят возникновение, существование и функционирование различных мистических обществ и орденов, внутренняя жизнь которых остается тайной не только для современников, но и для последующих поколений. А если случайно эта завеса тайны приоткрывается, то ровно настолько, чтобы вызвать догадки и предположения, лишь усугубляющие атмосферу таинственности⁵.

К этому набору определений фантома, данных в словарях и энциклопедиях, нельзя относиться как к исчерпывающему объяснению всего многообразия некоторых общественных процессов, а также специфических элементов функционирования общественного сознания и поведения.

Мы отмечаем, что в реальной научной и политической лексике этот термин стал все чаще использоваться для интерпретации процессов и явлений как выпадающих из обычного, принятого, признанного течения экономической, политической, социальной или культурной жизни. Употребление этого понятия в современной жизни вышло далеко за рамки того смысла, которым пользовались ранее. Сейчас его относят к странам (например, объявляется, что режим талибов в Аф-

¹ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения. С. 310.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1991. С. 846.

³ Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1984. Т. IV. С. 513.

⁴ Психологический словарь / под ред. А. А. Давыдова [и др.]. М., 1993. С. 388–389.

⁵ См. например: Никитин А. Л. Мистики, розенкрейцеры и тамплиеры в советской России: исследования и материалы. М., 2000.

ганистане был особенным, не стандартным, не укладывающимся в типичные представления о государстве фантомом). Некоторые аналитики политической жизни считают, что существование таких стран, как Куба, Никарагуа, Камбоджа на определенных этапах их развития представляет собой фантомы, которые олицетворяли весьма специфические и неприемлемые мировым сообществом формы политического правления и, соответственно, устройства общественной жизни (И. А. Василенко)¹.

Фантомными процессами иногда называют феномен секты «Аум Сенрике», а также такие специфические события, как вспышка геноцида в Сумгаите в 1989 г., приведшего к изгнанию армян с азербайджанской территории и положившего начало этническим столкновениям в СССР, а затем в России.

Проблематику фантомов пытаются использовать в аргументации против своих оппонентов, особенно тогда, когда отвергают устоявшиеся представления. Так, сторонники и последователи А. Т. Фоменко, которые дают новую интерпретацию отечественной истории, обвиняют традиционных историков в том, что они в течение уже нескольких сот лет занимаются изучением только «фантомных» событий, что приводит их к «субъективному подходу в осмыслении событий прошлого»². Фантомы стали широко использоваться в политической борьбе, особенно в процессе избирательных кампаний, когда в списках кандидатов в депутаты, мэров и губернаторов появляются двойники-однофамильцы, что позволяет им не просто отнимать определенное количество голосов у реального кандидата, но даже занимать 3-и–4-е места по итогам голосования. Такие методы оболванивания избирателей достигаются при помощи умышленного сознательного создания фантомных образов, которые имеют реальные результаты и оказывают реальное воздействие на ход общественных процессов (В. К. Левашов)³.

Но в последнее время исследователи, политики, общественные деятели обращают внимание на факт возникновения в общественной жизни неких всплесков, аномальных явлений. Во-первых, в реальной жизни появились милиционеры-мистики, серийные убийцы с философским складом ума, упыри-наильники, наемные киллеры, количество которых значительно возрастает, хотя это с тру-

дом поддается объяснению. В связи с этим некоторые исследователи считают своей «сверхзадачей», чтобы «в творчестве было раскрытие тех внутренних бездн, которые таятся в душе человека» (Ю. В. Мамлеев)⁴. Во-вторых, систематически возникают своеобразные фантомы разного масштаба и калибра. Когда рухнул советский строй, появилась, «как в сказке — чертовщина с первыми петухами. Первым откуда-то взялся Кашпировский с его сеансами целительной силы. Потом на нас свалился Жириновский с его политической клоунадой, потом Мавроди с его финансовыми фокусами, затем Невзоров и Доренко с их информационными медитациями. За ними Березовский — совершенно паранормальное явление» (Ю. Богомолов)⁵. Поэтому в публицистике, в политической риторике данное понятие стали употреблять применительно к некоторым экстравагантным фигурам современной общественно-политической деятельности и необычным игрокам политической сцены.

Что касается масштаба проявления различного вида фантомов, то они могут носить как всемирный характер (терроризм), так и региональный (события в Югославии, приведшие к кровавой войне представителей одного народа, говорящих фактически на одном языке — сербском, но разделенном религиозными «пергородками»). Возможен и такой региональный конфликт, который уникален по причинам, этапам и следствиям своего решения (чеченский случай). Могут появляться фантомы и на локальном уровне, когда нарушается плановое течение дел в определенной социальной группе, но оно является повторяющимся в других группах (обманутые вкладчики).

Обратим внимание на еще один класс явлений — своего рода протуберанцы на политическом и общественном поприще. Кто только не «прокукарекал» за последние 10 лет в политике и экономике, а потом сгинул, не оставив даже памяти о себе. А ведь некоторые из них долго занимали умы россиян и были в первых строчках опросов общественного мнения. Например, опрос студентов Российского Государственного гуманитарного университета (Москва) в 2001 г. показал, что 17–20-летним молодым людям абсолютно неизвестны такие имена, как Бурбулис, Шахрай, Шумейко и т. д. А между тем эти люди в недавнем прошлом вершили судьбы страны и, более того, способствовали тому, что Советский Союз перестал существовать. В принципе это понятно — в те годы эти 17–20-летние

¹ См.: Василенко И. А. Политическая глобалистика. М., 2000.

² Заговор против русской истории (факты, загадки, версии) / Л. И. Бочаров [и др.]. М., 1998. С. 11, 222.

³ См.: Левашов В. К. Социологическая динамика (Опыт социологического анализа). М., 2003.

⁴ См.: Мамлеев Ю. В. Поиск истины // Версия. 2001. № 19.

⁵ См.: Богомолов Ю. Паранормальные явления // Известия. 2001. 10 сент.

люди только начинали учиться и их не заботили «взрослые», гражданские проблемы. Но почему эти политические деятели внезапно появились и также стремительно исчезли со страниц текущей истории общества и государства, еще предстоит осмыслить. А так как эти фантомы родились в среде интеллигенции, то мы вправе задуматься и попытаться выяснить сущность и латентные причины, приведшие к появлению этих фантомов в российской жизни вообще, и особенно в политике.

Иначе говоря, понятие «фантом» в настоящее время серьезно расширилось и включает в себя достаточно разнообразный класс процессов и явлений общественной жизни. Мы пока не будем претендовать на законченную их классификацию (типологизацию), — остановимся только на тех из них, которые характеризуют специфичность и особенность некоторых проявлений общественного сознания и поведения. Это первая предварительная оговорка. Вторая состоит в том, что мы берем для анализа не всех субъектов современного исторического процесса, а только представителей интеллигенции, ибо эта среда дала практически все формы и виды фантомной деятельности.

Цель настоящей статьи — выявить и классифицировать фантомы общественного сознания и поведения интеллигенции, особенно ярко проявившиеся в условиях переходного периода и олицетворявшие такие феномены общественной жизни, которые обнажили парадоксальные и противоречивые процессы духовной жизни общества. Описание, классификация и попытки смоделировать эти уникальные явления позволяют обогатить теоретические представления о сущности и характере общественного сознания, что будет иметь не только научное, но и прикладное, управленческое значение.

Научное осмысление социальной реальности позволяет обратить внимание на это явление с точки зрения теории познания или повседневной практики. С этих позиций выясняется, что фантом может выступать не только как вымысел, игра ума, но и как явление, выбивающееся из типичных, повторяющихся, носящее специфический, особенный характер.

Каковы же причины, порождающие данный феномен? Если попытаться охарактеризовать современное состояние общественного сознания в России, то можно прийти к выводу (практически никем не оспариваемому), что оно не только расколото, раздроблено, противоречиво, но и зачастую парадоксально, а нередко фантомно. В общественном сознании зреют и продолжают существовать взаимо-

исключающие ориентации, которые противопоставляются друг другу и нередко претендуют на то, чтобы быть единственными, спасительными средствами выхода из того кризиса, в котором очутилась Россия. Смысл нашего анализа состоит не в том, чтобы включиться в этот спор, а чтобы разобраться, почему он бесперспективен. Необходимо найти ответ на одну из фундаментальных проблем нашего времени — почему не только общество (то есть многие социальные группы и слои), но и сам человек расколот в своем сознании, представляет собой уникально противоречивое явление, которое во многом олицетворяет сегодняшнюю Россию.

Парадоксальность ситуации состоит в том, что именно в человеке, конкретном индивидууме сосредотачивается эта противоречивость, когда он одновременно доверяет взаимоисключающим утверждениям, верит в их ценность для своей и общественной жизни. Такой подход дает возможность охарактеризовать сознание и поведение многих людей, находящихся в конфронтации с самими собой, что затем переносится и на общественное поприще. Люди как бы бегут от себя, их мысли устремляются одновременно в прямо противоположных направлениях.

Почему это произошло?

Распад СССР привел к краху устоявшего образа жизни, пересмотру ориентаций и ценностей десятков миллионов людей. Исчезла не только страна — исчезла база прежнего мировоззрения, на которую опирались люди в своем взаимодействии с обществом, с государственными и производственными организациями, со своими коллегами, друзьями, соседями и всем окружающим миром.

Осознание того, что необходимо изменить состояние советского общества, было характерно не только для перестройки, но и до нее — ведь именно ожидание перемен, стремление к ним и породили то общественное движение, которое наглядно показало себя во второй половине 1980-х гг.

Все это привело к тому, что произошло изменение сознания народа, явный или скрытый отказ от многих ценностей и установок, с которыми жили люди в течение своей жизни. Но мировоззрение как ключевое звено сознания достаточно консервативно: оно продолжает аккумулировать в себе приверженность к прошлому, одобрение и критику настоящего и неуверенность в будущем, вернее, в способах реализовать цели, намерения и интересы. Именно этот «гибрид» сдвигов в общественном сознании, его проявление в конкретных ситуациях и позволяет говорить о парадоксальности сознания и поведения.

Следует особо подчеркнуть, что парадоксальность сознания и поведения многолика, многообразна. Парадоксальный человек как явление эпохи предстает перед нами во всем противоречивом обличье, так как причины, порождающие парадоксы, не являются однопорядковыми и однозначными. Тем не менее можно с полной уверенностью утверждать, что именно парадоксальный человек олицетворяет современную эпоху нашей страны. Он является мощным дестабилизирующим фактором. Опасность этого феномена заключается также и в том, что парадоксальный человек представляет собой очень удобный объект манипулирования общественным сознанием.

Имеющаяся информация позволяет утверждать, что парадоксальный человек — это непреходящий атрибут переходного периода. Его нельзя изжить, игнорировать. Его необходимо познать, и использовать это знание для ответа на злободневные вопросы развития России. С особой наглядностью этот процесс протекает в среде интеллигенции.

Среди причин, породивших фантомы в современной России, во-первых, следует назвать несовершенство механизма взаимодействия общества и государства с интеллектуальным потенциалом страны. Этот механизм не позволял и не позволяет выявлять и затем активно использовать творческие возможности и силы людей, согласовывать объективные потребности с субъективными устремлениями интеллигенции. В результате на различные уровни управления или воздействия на жизнь страны мобилизуются далеко не лучшие, а иногда и случайные персонажи, которые не отвечают этим объективным потребностям.

Во-вторых, к причинам появления фантомов можно отнести и тот факт, что некоторых из представителей интеллигенции не устраивает достигнутый ими социальный статус. Они считают, что недооценен их талант, знания и личностный потенциал, что они способны на большее, чем то, что им в настоящее время поручено. И они не хотят с этим мириться, активно ищут средства и методы, которые бы позволили не ожидать (на это они уже не надеются), а самим активно добиваться изменения своего социального положения, которое ими мыслится как невысокое, недостойное их. Подчеркнем, что эти люди не мирятся с достигнутым статусом и стремятся повысить его не только теми средствами, которые предлагает существующий политический строй, но и иными нередко экстравагантными методами.

В-третьих, этими людьми, как правило, руководит неумемная жажда власти, безразлично какой — политической, экономической, психологической или просто данной, на-

думанной. Обычно в этом стремлении они безмерно настойчивы, используют все мыслимые и немыслимые средства ее достижения.

В-четвертых, почти все из них испытали травмирующее чувство при советской власти, которая не признавала исключительности этих людей и всячески давала им это почувствовать через существующую социальную среду, то есть препятствовала, как им казалось, их росту, мешала реализовать стремления к тем или иным постам, должностям, позициям и т. д.

В-пятых, эти люди предстают перед нами как чрезвычайно амбициозные субъекты, которые не ограничиваются мечтаниями и пожеланиями: они весьма действенны, настойчивы до абсурда, непреклонны в своей решимости и не отступают перед препятствиями. Причем всю ответственность за любые возникающие преграды они перелаживают на общество, на окружающих их людей, на общественные и государственные организации. Они никогда не сомневаются в правильности выбранного курса, не принимают критику их действий, постоянно претендуют на то, чтобы их исключительность признавалась всеми, и в первую очередь — их окружением.

В-шестых, для многих из этих людей материальное благополучие все же выступает немаловажным фактором, ибо они всегда избирают так называемую референтную группу (она всегда выше той планки, о которой мечтает претендент). По крайней мере, все эти фантомные деятели 1990-х гг. успешно позаботились о себе, воспользовавшись случаем пребывания то ли у власти, то ли около нее, организовав для себя или банк, или фонд, или корпорацию, или что-то другое, весьма «хлебное».

И наконец, общей характеристикой всех фантомов политической и экономической жизни России является следующее: они обстоятельно занимаются своим возвеличиванием, оправданием собственных действий, доказательством своего «вклада» в процветание России. Они болезненно реагируют на любые возможные попытки усомниться в значимости их «лепты» и готовы на отчаянное сопротивление и защиту, вплоть до судебных разбирательств.

Анализ имеющихся данных, в том числе и социологических, позволяет дать характеристику различных типов парадоксального сознания и поведения избранной нами группы интеллигенции.

Первый тип — «хищники». Это идеология современных олигархов, различных комбинаторов и просто мелких жуликов, устремления которых сводятся к тому, чтобы обосновать законность и правомерность хищения,

присвоения национального богатства под флагом «заботы» о будущем страны, народа. Именно от них можно услышать утверждения о том, что построенные дворцы и накопленное богатство, хотя и принадлежат лично кому-то из них, но все равно являются национальным достоянием, которое может перейти и в другие руки, и общество, в конечном счете, только выиграет от этого. Нередко «хищники» используют и такой аргумент: да, первое поколение владельцев любых богатств (как, например, в Америке) — это хищники, грабители, но их дети, внуки (то есть следующие поколения) — достопочтимые члены демократического общества.

Второй тип фантомов — «мародеры». Данная категория людей пытается поживиться тем, что осталось от прошлого, невзирая на то, имеет ли оно какую-либо ценность для сегодняшнего дня или нет. Обстановка после распада СССР напоминала поле битвы, когда еще не ясно, кто победил и что ждет участвовавших в ней завтра, то есть еще нет четкого представления о ее результатах, но есть короткий перерыв. Именно в этих условиях экономической и политической неопределенности возникает стремление «урвать» побольше, будучи при этом убежденным в своей безнаказанности. И «мародерствуют» везде — лишь бы была выгода — и на экономическом поприще, и в политических дебрях, и в этноконфессиональных конфликтах, и даже в сфере культуры.

Своеобразный — третий — фантом парадоксального сознания и поведения образуют «мутанты», число которых внушительно. Для них характерен следующий алгоритм поведения. В течение значительной части жизни они придерживались одного мировоззрения, а затем — в период перелома — объявляют себя сторонниками прямо противоположных идей и убеждений. Причем это отвержение происходит в форме не просто отречения, но предательства прежних идеалов. Своими «оркульскими» открытиями они нередко попирают нравственные начала, ибо отказ от былых убеждений превращается в распродажу: торговлю новыми убеждениями и жесточайшую критику старых идей. Не лучше ли руководствоваться христианской моралью: при изменении личной концепции жизни человек должен оставаться наедине с Богом, со своей совестью и только при этих свидетелях размышлять об изменении жизненной позиции. В ином случае подобная мутация говорит не об изменении сознания и поведения, а о вырождении всех высших начал человеческой жизни.

Не менее характерен для общества переходного периода и такой фантом, который можно отнести к различным видам шови-

низма. Носители его, с одной стороны, нередко декларируют общечеловеческие ценности — уважение к другим народам, признание их права на собственный язык и культуру. Но, с другой стороны, в конкретных обстоятельствах они унижают и даже убивают людей иной национальности или инакомыслящих лишь за то, что они придерживаются других взглядов и «мешают» своим несоответствием. Именно на этой основе так называемые интернационалисты становятся носителями бытового шовинизма. Именно они являются сторонниками морального насилия. Именно они возрождают социальные мифы, тасуют историю, «на научной основе» доказывают претензии к другим народам и государствам.

Особый фантом парадоксального сознания и поведения представляют персонажи, которых можно назвать «блуждающими форвардами». Мы можем наблюдать многочисленные примеры «миграции» таких людей из одной партии (или общественного движения) в другую, затем в третью, четвертую и так до бесконечности. Причем это почти всегда сопровождается коренным изменением ранее провозглашаемых принципов, отказом от прошлых приверженностей, славословиями в адрес новых предпочтений или выгодных для себя «открытий». И все это прикрывается тем, что очередные новые ориентации объявляются воплощением «гласа народа», отражением его чаяний и желаний. По сути, это участие в борьбе за власть, капитал, удовлетворение своих амбиций за счет народа.

Достаточно широкое распространение получил еще один фантом, который можно отнести к категории «симулянты». Их поведение свойственно значительной части чиновничества в современной России. Эта группа людей неустанно и дружно изображает симуляцию заботы об общественном благе, которая очень образно проявляется, с одной стороны, в риторике (болтовне), а с другой — в накопительстве и расхищении народного достояния. Причем это нередко прикрывается показным оказанием помощи какому-либо дому престарелых или детскому приюту, спортивной команде или больнице. Как показывают результаты выборов, такая «забота» приносит весьма ощутимые дивиденды в виде депутатских мест или должностей глав администраций. Именно этой категории людей присуще осознанное поддержание парадоксальности поведения и сознания населения, ибо сулит немалые выгоды и приносит значительное приращение личного благополучия.

Наконец, стоит сказать о таком фантоме сознания и поведения, как «новые диссиденты», которые, как это ни парадоксально, комп-

лектуются из бывших диссидентов. Многие из них когда-то выступали против различных аспектов государственной политики в СССР и теперь с такой же настойчивостью и убежденностью выступают против того, что происходит в России сегодня. К этой категории можно отнести и многих общественных деятелей первой демократической волны, которые после определенного времени отреклись от создаваемого ими (или при их помощи) нового режима. Новые реальности превратили многих из них в стойких борцов против того, за что они радели в первые «розовые» годы перестройки. Их парадоксальность часто проявляется в приверженности по-прежнему старым идеям демократии, но уже в сочетании с новыми патриотическими или социальными ориентациями.

Таким образом, анализ современного состояния фантомов общественного сознания и поведения интеллигенции позволяет говорить о многообразии форм их проявления. Мы назвали лишь некоторые из них, не претендуя на полноту анализа. Нам очень хотелось обратить внимание на то, что именно переходный период обнажил эту противоречивость, сделал более определенной картину того, что сейчас представляют эти парадоксальные явления. Именно понимание сложившегося положения вселяет надежду, что правильно поставленный диагноз даст возможность преодолеть и социальные недуги новой России.

Итак, в значительном числе исследований проблем общественного сознания практически не затронут тот класс явлений, который мы называем фантомами общественного со-

знания. Предложенный анализ можно рассматривать как определенное открытие, ибо в ходе многолетних исследований нами обнаружен новый класс явлений, который не только не получил должного исследования, но и сколько-нибудь удовлетворительного осмысления и объяснения.

Изучение имеющейся литературы позволяет утверждать, что данная попытка проанализировать предлагаемый нами феномен опережает не только многие отечественные разработки, но и научные результаты зарубежных коллег в тех работах, которые посвящены общественному сознанию.

В заключение хотелось бы сказать об одном небольшом, но очень важном методологическом аспекте познания данного социального явления. На наш взгляд, особое значение для изучения фантомов общественного сознания имеют получившие все большее распространение качественно новые методы, методологические и методические возможности которых позволяют получить новое знание. Так, наряду с использованием контент-анализа предстоит широко применять биографический метод, сравнительные методики изучения качеств людей. Серьезные результаты дает сопоставление характеристик фантомных явлений как со стороны самих носителей этого класса явлений, так и со стороны противостоящих им сил. Данные методики еще только разрабатываются в отечественной социологии. Нет их и в мировой социологии, что позволяет говорить об инновационном характере представленных методов и средств исследования данного феномена.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ,

член-корреспондент РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции,
ректор СПбГУП, доктор культурологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

Д. С. ЛИХАЧЕВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ГРАЖДАНИН, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ

1. О национальном значении научного наследия академика Д. С. Лихачева

28 ноября 2006 г. исполняется 100 лет со дня рождения академика Д. С. Лихачева.

Как это ни парадоксально звучит, но мне представляется, что мы еще недостаточно хорошо знаем Дмитрия Сергеевича Лихачева. Не имя его — оно, слава Богу, известно широко. В общественном сознании Лихачев прочно укоренился в виде риторических штампов: «совесть нации», «нравственный идеал», «последний российский интеллигент».

Нет ничего плохого в том, что образ великого человека становится доступным народу хотя бы на уровне массовой культуры. Однако Россия еще недостаточно глубоко изучила труды академика Лихачева. Осмысление его научного и нравственного наследия только начинается. В то же время, к сожалению, в прессе появляются всевозможные ерничанья, что, мол, Лихачев был весьма средним ученым. Конечно, это мнение посредственных критиков и поверхностных читателей.

Юбилеи тем и полезны, что, помимо прочего, позволяют, поднявшись над повседневностью, объективно оценить события времен минувших, сделать прогнозы и выводы на будущее. К слову сказать, я не припомню случая, когда бы увековечению памяти одного, даже самого выдающегося человека были посвящены два указа президента страны¹. В этом исключении из правила видится признание особой роли Дмитрия Сергеевича Лихачева даже не столько в прошлом и настоящем нашей страны, сколько в ее будущем.

В чем эта роль? Думаю, что президент В. В. Путин, лично хорошо знавший Дмитрия Сергеевича, понял то, что не вполне ясно даже научному сообществу: работы и сама личность академика Лихачева имеют исключительное значение для национальной самоидентификации россиян.

После краха Советского Союза, времен смуты и тяжелейшего периода деградации государства и общества наступило время собирать, спланировать страну, поднимать ее с колен. В таком деле национальному лидеру, на полную мощность использующему властный ресурс и административные рычаги, без точно выбранных точек опоры не обойтись. Оказывается, что обращение к трудам Д. С. Лихачева дает одну из таких точек.

По Лихачеву, наша сила — в нашей культуре. «Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой, даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта «великость» России не может вызывать враждебности к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути», — говорил Дмитрий Сергеевич 22 мая 1997 г. в нашем Университете на традиционных Международных чтениях по гуманитарным проблемам, получивших в 2001 г. его имя в соответствии с Указом Президента России.

Я думаю, никто не постиг сути нашей культуры лучше Лихачева. И именно в этом его величайшая заслуга перед страной. Взор Дмитрия Сергеевича сумел охватить культуру России в динамике исторического становления и развития и в ее системной целостности, в удивительной, прекрасной внутренней сложности и в благородной, щедрой открытости, многообразии внешних связей и взаимовлияний, в стержневой нравственной силе и в переплетении противоречий.

Дмитрий Сергеевич предстает в своих научных трудах как великий гражданин России. Так же, к примеру, как Пушкин в поэзии. Пушкин произрастал из отечественной и европейской словесности как голос русского этноса, воплощенный в художественном слове. Лихачев произрастает из отечественной и мировой науки и воплощается в научных трудах.

Отсюда, кстати, и исключительная востребованность академика Лихачева в общественной жизни страны начиная со второй половины 80-х гг. XX в. Когда стала рушиться десятилетиями устоявшаяся система ценностей общества, когда жизнь начала выдвигать совершенно новые, доселе немыслимые вопросы, наиболее убедительными оказались на них ответы именно Лихачева. В их основе лежало понимание России — как научное достижение Дмитрия Сергеевича, как достижение отечественных гуманитарных наук. Из филологии и искусствоведения, истории и социологии, краеведения и естествознания, философии, наконец, происходило понимание Лихачевым России, произрастало Знание.

Академик Лихачев отличается от тысяч других ученых-гуманитариев не только масштабами своих работ, но и их особым нравственным, гражданским стержнем. Не «наука ради науки», не просто удовлетворение исследователем своего личного любопытства. И уж тем более не жажда славы, почестей, наград. Нет, ученым движет высокое нравственное чувство. И, может быть, именно оно позволяет в данном случае получить особенные результаты.

В его трудах есть широта взгляда, подчиненная неумолимой логике основополагающего интереса: познать суть России через ее культуру, в динамике становления и развития. Лихачев — человек будущего. Он вглядывается в прошлое, чтобы помочь нам заглянуть в будущее.

Особенно важно уже сейчас, не откладывая в долгий ящик, извлекать уроки из жизни Дмитрия Лихачева. Мне думается, что России, известной особыми возможностями фундаментального образования, под силу такая задача.

2. Дмитрий Лихачев как выдающийся культуролог

Анализ научного наследия академика Д. С. Лихачева показывает, что по ходу занятий древнерусской литературой ему становится тесно в рамках классической филологии. Дмитрий Сергеевич постепенно предстает перед нами как ученый синтетического типа, свободно работающий практически во всех актуальных для его эпохи областях гуманитарного знания. Это обстоятельство позволило ему

¹ Указ Президента РФ от 23 мая 2001 г. № 587 «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева»; Указ Президента РФ от 14 февраля 2006 г. № 110 «О праздновании 100-летия со дня рождения академика Д. С. Лихачева».

оказаться на гребне междисциплинарных исследований, приведших в конце XX столетия к формированию новой научной отрасли — культурологии. Теперь, оборачиваясь в прошлое с позиций современного знания, можно сказать, что рядом с Лихачевым-филологом в конце минувшего столетия встала фигура Лихачева-культуролога, не менее значительная и не менее масштабная. Академик Лихачев — выдающийся, великий культуролог XX столетия.

Несомненно, что работы Дмитрия Сергеевича в ближайшем будущем составят блистательный раздел университетских учебников по истории культурологических учений.

От заметок об истоках искусства до «Декларации прав культуры» — таков диапазон научных интересов, включающий древнерусскую эстетику и эстетику садов, петровские реформы и проблемы русской интеллигенции времен сталинского террора, Пушкина и Достоевского, европейскую культуру и русский исторический опыт, воспитание нравственности в Царскосельском лицее и вопросы студенческой корпоративности в Гуманитарном университете профсоюзов, историю культуры Петербурга и его интеллектуальную топографию... Здесь нет случайности. Есть свобода интеллекта, основанная на уникальной научной эрудиции, когда аргументы, факты, аналогии и контрапункты возникают легко и естественно, как бы сами собою. Есть свобода мысли, не стесненная шаблоном, не опутанная конъюнктурой, «социальным заказом», позволяющая посмотреть на, казалось бы, общеизвестное по-новому (к примеру, ни один из талантливейших историков не смог так, как Лихачев, осмыслить петровские реформы).

Что же сделано Дмитрием Сергеевичем в культурологии?

В его трудах был поставлен ряд важных вопросов, связанных с особенностями развития и закономерностями существования европейской и русской культуры, он разработал и ввел в научный оборот понятие экологии культуры, развил идею о природе как важнейшей ее части. Именно ему принадлежит суждение о законе целостности, который он полагал одним из основных в искусстве и культуре.

Размышляя о России, Дмитрий Сергеевич подчеркивает, что именно многонациональность есть отличительная особенность русской культуры, а неотъемлемые ее черты — вселенность, универсализм, устремленность в будущее и неуловимость настоящего — определяют ее особое место в мировом сообществе. Большое внимание он уделяет взаимодействию компонентов и сфер русской культуры, подчеркивает, что мы должны

заботиться о расширении наблюдений над аналогиями в разных видах искусства, и в качестве примера рассматривает процессы развития литературы, скульптуры и живописи Древней Руси. Его интересует вопрос о синхронности развития разных видов искусства, ибо, с его точки зрения, они всегда находятся в состоянии динамического взаимодействия.

Д. С. Лихачев считает, что забота о гуманитарной культуре в целом — дело всего мира. Ведь развитие культуры — это не только движение вперед, но и отбор в мировом масштабе всего лучшего, созданного человеком. Характеризуя особенности европейского культурного опыта, частью которого является и русский, ученый обращает внимание на три важнейших качества, его отличающие: личностное начало, восприимчивость к другим культурам, осознание изменяемого мира.

Важная тема культурологического наследия Д. С. Лихачева — формирование национальных культур. Он подробно рассматривает процессы становления русской национальной культуры, при этом утверждает новую точку зрения на эпоху Петра Великого, взамен старой, по его выражению, «мифологической». Дмитрий Сергеевич полагает, что реформы Петра отнюдь не были поворотным пунктом в истории России, а явились отражением процессов последовательного развития страны и могли бы появиться в это время и без Петра, при другом правителе. Для него значение Петровской эпохи заключается, прежде всего, в том, что это был период смены «знаковой системы» культуры, эпоха «осознания» совершающегося. И именно этим, считает Лихачев, определяется ее историко-культурное значение.

В работах Лихачева разрабатывается ряд положений, актуальных как для культурологии, так и для эстетики. Так, например, в его статьях предлагается необычная трактовка стиля эпохи, разрабатываются понятия Предвозрождения и Проторенессанса. Именно он обращает внимание на то, что каждое произведение искусства есть средоточие нескольких стилей и такой контрапункт является залогом развития художественного творчества в целом. В этом ряду следует рассматривать и категорию «концептосфера», отражающую представление о цельности культуры и ее явлений. Это понятие призвано выражать всю полноту содержания культуры и ее явлений, в том числе и значения всех факторов, обуславливающих эти явления.

Среди оригинальных (и дискуссионных) идей Лихачева — мысль о природе как части культуры. Он замечает, что природа живет сообществом, что существуют «растительные

ассоциации» деревьев, грибов, кустарников, в которых действуют определенные «правила поведения». Отношения человека и природы Дмитрий Сергеевич рассматривает как соотношение двух культур. Он обращает внимание на то, что пейзаж всегда создается усилиями той и другой культуры: стараниями человека в него вносится то, что смягчает «резкости природы», а природа, с другой стороны, стремится смягчить дисгармонию, являющуюся следствием деятельности человека. В контексте этих размышлений и в связи с особенностями русского пейзажа ученый размышляет о воле и просторе, свободе, удали и храбрости, сопрягая мир человека и мир природы.

Особое место в наследии Лихачева занимает культурологическое понимание Петербурга, в облике которого, по мысли ученого, сливаются природа и архитектура. Дмитрий Сергеевич выделяет петербургскую культуру как одно из высших проявлений культуры общемировой. Он отмечает «характерные только для Петербурга черты, свойственные всем векам его существования». Это прежде всего — органичное сочетание в петербургской культуре лучшей европейскости и лучшей русскости. Петербург — «и чрезвычайно европейский, и чрезвычайно русский» город. По Лихачеву, уникальность Петербурга в том, что это — город общемировых культурных интересов, соединивший в себе градостроительные и культурные принципы различных европейских стран и допетровской Руси. При этом суть петербургской культуры — не в похожести на Европу, а в концентрации лучших сторон русской и мировой культуры. Важной особенностью Петербурга Дмитрий Сергеевич считал «его научную связь со всем миром». Петербург — «город общемировых культурных интересов». Другая существенная сторона Петербурга — академизм во всех его проявлениях, «склонность к классическому искусству, классическим формам. Это проявилось как внешне — в зодчестве, так и в существе интересов петербургских авторов, творцов, педагогов и т. д.». Лихачев считает, что в Петербурге все основные европейские и мировые стили приобретали классический характер.

С академизмом тесно связана еще одна основополагающая черта петербургской культуры — профессионализм, который пронизывает и науку, и искусство, и ремесло, и общественно-политическую деятельность. Кроме того, Дмитрий Сергеевич говорит о том, что этот концентрированный петербургский профессионализм требует особого профессионального обучения и академического образования. Истинный профессионализм дол-

жен базироваться на широком и глубоком общем образовании. «Профессионализм отнюдь не следует смешивать с узкой специализацией»¹.

Дмитрий Сергеевич вводит понятие интеллектуальной топографии Петербурга, предлагая, таким образом, совершенно новый подход к изучению его культуры. В границах петербургской культуры Д. С. Лихачев видел особый запас прочности и при этом — широкую перспективу, устремленность в будущее.

Одна из важнейших тем Лихачева-культуролога — творчество Достоевского, размышляя о котором ученый приходит к интереснейшим соображениям относительно реалистического метода в целом. Он указывает на важнейшие черты реализма как стиля и метода, замечает, что реальность не может быть схвачена с одной точки зрения, и чем различнее позиции, тем вернее приближение к действительности.

Его чрезвычайно занимают вопросы, связанные с происхождением и сущностью искусства как части культуры. Он обращает внимание на организующую силу художественного творчества, направленную как на окружающий нас мир, так и на внутренний мир человека, на способность творчества противостоять разрушительным, хаотическим тенденциям деятельности людей.

Следует остановиться еще на нескольких особенностях культурологического мировосприятия Лихачева. Прежде всего, в плане общепhilosophическом, Д. С. Лихачев призывает опираться на особого рода индивидуализм — индивидуализм человека общественного, человека, сопряженного с обществом этическими императивами, в русской транскрипции — совестью. Это, на первый взгляд, парадоксальное прочтение взаимосвязи между личностью и социумом имеет, по нашему мнению, огромное методологическое значение. По Д. С. Лихачеву, не «объективные» законы существования классов, страт или партий, а индивидуальная воля конкретной нравственной личности должна утверждаться в качестве локомотива истории. И его итоговый вывод поразителен: «Я лично верю в случайность в истории, то есть я верю в волю человека. От нас зависит, станем мы проводниками добра или не станем. Поэтому такие вопросы, как “Что ждет нас в будущем?”, не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами, потому что таких законов, которые бы вели нас по строго определенному пути и не

¹ Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 19.

давали никуда отклониться, в истории нет»¹. Традиционной марксистской формуле «бытие определяет сознание» Дмитрий Сергеевич противопоставляет свою: «Сознание определяет бытие».

Проблема человека общественного, индивидуальности нравственной напрямую связана у Д. С. Лихачева с проблемой интеллигенции, разряда людей, по его же определению, мыслящих себя исключительно индивидуалистически: «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных»². Принципиально невозможно участие интеллигента в любой общественно-политической организации, в политической партии: «Интеллигент теряет интеллектуальную свободу и перестает быть интеллигентом, когда принужден слепо следовать догмам какого-либо учения. <...> Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, действий, не согласованных с его личным мнением, то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интеллигенции. Это очень важное утверждение»³.

Интеллигент, по Д. С. Лихачеву, — это народный человек. И интеллигенции необходимо самопроизвольно, по-народному, «снизу» объединяться в «общества и сообщества», «общественные формирования», где собираются люди, объединенные специальностью, умственными или мировоззренческими интересами. Развитая система таких неформальных и независимых от государства обществ (как когда-то в «петербургский период» России) формирует общественное мнение — в некоторых ситуациях орудие не менее мощное, чем политическая или законодательная власть. «...Эти общественные объединения играли колоссальную роль прежде всего в формировании общественного мнения. Общественное мнение в Петербурге создавалось не в государственных учреждениях, а главным образом в этих частных кружках, объединениях, на журфиксах, на встречах ученых и т. д. Именно здесь формировалась и репутация людей, впоследствии замененная характеристиками “треугольников”⁴. Но когда-то репу-

тация была у каждого специалиста, у каждого ученого, и она создавалась именно в этих кружках, общественных объединениях»⁵. Еще и еще раз Д. С. Лихачев настаивает на том, что именно мораль как категория обоюдоострая, как синтез личного и общественного есть единственная власть, которая не лишает человека свободы, напротив, именно совесть и является истинной гарантией свободы. Соединяясь в единое диалектическое целое, воля и мораль создают стержень человека — его личность. Именно поэтому «самое большое сопротивление злым идеям всегда оказывает личность»⁶.

В работах Д. С. Лихачева настойчиво звучит мысль о том, что сопровождающий развитие личности прочный гражданский мир возможен только на основе культуры. В его понимании вне культуры жизнь конкретного человека и человечества в целом лишена смысла. Ученый убежден, что мир должен стать культуроцентричным.

3. Дмитрий Лихачев — имя университетское

Вклад Дмитрия Лихачева в отечественное образование пока недостаточно изучен. Думается, в значительной мере он еще даже и не востребован, не воплощен в практику, остается неосвоенным богатством. Разумеется, результаты научной деятельности Д. С. Лихачева должны быть включены в школьные и вузовские программы как Знание, обязательное при получении образования. Пока это должным образом не сделано, но, несомненно, произойдет после осмысления великого наследия академика новыми поколениями ученых.

Очень важен методологический вклад Лихачева в образование. Здесь — в плане его осмысления — открывается широчайший фронт работы для педагогической науки. Влияние литературы, искусства, архитектуры, природы на души людей Дмитрием Сергеевичем прочувствовано и осмыслено по-особому. Взять хотя бы исключительную по силе мысли работу «Сады Лицея» или выступление перед профессурой и студенчеством Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов «Петербург в истории русской культуры». Не меньший интерес

¹ Нас ждет то, что мы сделаем сами // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. С. 70.

² Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. С. 38.

³ Там же. С. 39.

⁴ «Треугольник» — общее название трех руководящих лиц учреждения, предприятия или подразделе-

ния по административной, партийной и профсоюзной линии в бывшем СССР. (Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.)

⁵ Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. С. 23.

⁶ Сила интеллигенции — в индивидуальности // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. С. 56.

вызывают и его размышления «О русской интеллигенции». Мне они представляются одним из важнейших элементов своего рода педагогической программы Лихачева по самовоспитанию для молодого человека, вступающего в жизнь. Но самой важной в этом плане является, конечно, «Декларация прав культуры» и ее центральная мысль о том, что культура — определяющее условие реализации созидательного потенциала личности.

Отдельного разговора заслуживает непосредственное участие академика Лихачева в образовательной и, шире, просветительской деятельности.

С 1992 г. Дмитрий Сергеевич Лихачев начал активно сотрудничать с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов.

Надо сказать, что СПбГУП последние 15 лет исповедует и отстаивает свой путь, свое видение университетского образования в России. Это видение во многом сформировалось под влиянием и при непосредственном участии Д. С. Лихачева. Для понимания сути сотрудничества академика Лихачева с нашим вузом весьма полезно прочитать его работу «Заметки к интеллектуальной топографии Петербурга первой четверти двадцатого века». Дмитрий Сергеевич пишет, что «в городах существуют районы наибольшей творческой активности», «места деятельности, куда тянет собираться, обсуждать работы, беседовать, где обстановка располагает к творческой открытости, где можно быть в своей среде». По его мнению, тяга к творческому новаторству способствует появлению групп единомышленников. Новаторство требует коллективности и признания хотя бы в небольшом кружке людей близкого интеллектуального уровня. Эти высказывания дают ответ сразу на два вопроса, которые нам часто задают в последние годы: почему академик Лихачев избрал для сотрудничества именно наш Университет, и почему вслед за ним в СПбГУП пришли Михаил Аникушин, Даниил Гранин, Андрей Петров, Эльдар Рязанов, Андрей Вознесенский и др.

Одной из первых общественных инициатив нашего вуза в начале 1990-х гг. стало создание института Почетных докторов. Эта университетская традиция, имеющая многовековую историю, была практически забыта в советское время, хотя, как сейчас представляется совершенно очевидным, присутствие в вузе особой группы духовных лидеров благотворно сказывается как на деятельности всего университетского сообщества, так и на личном «настроении» универсантов. Одно дело осознавать себя участником некоей учебной или научной будничной рутины, совсем другое — понимать, что твоими коллегами или

учителями являются выдающиеся современники, «чьи имена звучат нам как девизы».

Д. С. Лихачев был избран первым Почетным доктором Гуманитарного университета профсоюзов. Следует упомянуть, что это стало, помимо прочего, и неким актом исторической справедливости: по иронии судьбы, великий ученый, обладая целой коллекцией докторских дипломов *honoris causa* самых авторитетных зарубежных учебных и академических заведений, не имел ни одного российского.

Слова Д. С. Лихачева: «Я чувствую себя сегодня в Университете XXI века», которыми он начал свою актовую лекцию в 1993 г., стали для нас руководством к действию. В своем развитии Гуманитарный университет профсоюзов, с легкой руки своего первого Почетного доктора, осознал и сотворил себя «университетом будущего», лидирующим в российском университетском сообществе, предвосхищающим, иницилирующим и реализующим позитивные тенденции в современном мировом образовательном процессе.

Необходимо отметить, что, давая согласие принять диплом и мантию Почетного доктора Гуманитарного университета профсоюзов, Д. С. Лихачев, очевидно, ассоциировал наш вуз с теми своими идеями, которые позволяли ему быть «абсолютно уверенным» в будущем российского высшего образования, шире — в будущем российской науки и культуры даже в очень непростой для нашей страны период 90-х гг. XX столетия.

С тех пор и до ухода ученого из жизни Университет был его постоянной трибуной, и то, что прозвучало с этой трибуны, мы с полным правом можем назвать научным и нравственным завещанием нашего великого современника.

Теперь свои мантии и дипломы вручают все сколько-нибудь известные (а иногда и вовсе не известные) российские вузы. Но в начале 1990-х гг. это было совершеннейшей новацией для нашего высшего образования.

Эта идея была важна для Университета вот почему: серьезную озабоченность у нас вызывало стремительное разрушение советской системы воспитания. Как известно, педагогический процесс (если он есть, конечно) представляет собой систему, а в системе важнейшим элементом является цель воспитания. Формирование же цели предполагает наличие идеалов. Люди, разрушавшие Советский Союз, начали работу с отказа от идеалов советского времени. Были уничтожены и общественные структуры, в задачу которых входило поддержание этих идеалов: партия, комсомол, студенческие организации. Образовалась опасная пустота, которую

стремительно заполняли чуждые нашим представлениям о жизни ценности. Поэтому нам показалось очень важным представить университетскому сообществу персонифицированные идеалы, людей, которые были бы официально провозглашены Университетом в качестве таковых.

Дмитрий Сергеевич стал персонифицированным идеалом нашего Университета. К тому времени, благодаря своей общественной деятельности, он уже фактически стал светлым символом, идеалом современника для миллионов россиян. Несмотря на кипение политических страстей того времени, Лихачев оказался вне политики, точнее — выше политики. В пору всеобщего смятения умов он стал олицетворением идеи служения вечным, абсолютным ценностям. Его научный и нравственный авторитет в обществе был безупречен.

К слову сказать, положение нашего вуза в то время было непростым. Высшая профсоюзная школа культуры, на базе которой был создан СПбГУП, являлась до 1991 г. закрытым, а потому малоизвестным в стране учебным заведением. Школа принимала на первый курс всего 150 человек, из них около трети приходилось на страны социалистического содружества, для которых она тоже готовила кадры. Отсутствие известности создавало большие проблемы при переходе к рыночной системе образования. К тому же на Университет перешла антипатия, которую испытывала новая российская власть к «советским учреждениям». После ельцинского переворота в ряде консульств западных стран имелись «ориентировки», требовавшие соблюдения осторожности в контактах с Гуманитарным университетом профсоюзов — «придатком коммунистической системы» (как будто в советское время у нас существовали какие-то вузы, не являвшиеся «придатками»).

Лихачев посмотрел на происходящее у нас другими глазами. Он обстоятельно познакомился с вузом и нашими идеями по его дальнейшему реформированию и поддержал динамично развивающийся университет.

Д. С. Лихачев вообще отводил важную роль развитию в России университетов — не только как научно-образовательных учреждений, но и как механизма воспроизводства интеллигенции. «Я хочу, — обращался Д. С. Лихачев к студентам нашего вуза, — чтобы вы не теряли связи друг с другом и по окончании университета. Чтобы вы объединялись в общества и сообщества, которые будут существовать и после окончания университета. Чтобы свой профессионализм, который здесь получите, вы сохраняли и развивали в будущем. Чтобы этот профессионализм и акаде-

мизм были всегда с вами. И чтобы вы обращали больше внимания на знание иностранных языков и на совершенствование своего родного, русского языка — благодаря хорошему знанию иностранных языков. Чтобы вы не допускали в свою речь ужасные ошибки, которые сейчас просто гнетут, когда вы смотрите телевизор, слышите речи наших депутатов и журналистов. Чтобы все это успешно преодолевалось вами в вашем профессионализме и хорошем академизме!»¹.

Постепенно в общение с нашим Почетным доктором оказался вовлечен широкий круг университетской профессуры и студенчества. Вливались в этот круг и наши новые Почетные доктора, крупные фигуры из числа петербургской интеллигенции.

9 апреля 1999 г. по инициативе Дмитрия Сергеевича и Даниила Александровича Градина нами был зарегистрирован «Конгресс Петербургской интеллигенции». Вместе с нами его учредителями выступили Жорес Алферов, Андрей Петров, Михаил Пиотровский и Кирилл Лавров. Это стало неким юридическим оформлением уже вполне сложившейся к тому моменту традиции собираться вместе для обсуждения волнующих нас проблем.

Близкие Дмитрию Сергеевичу люди помнят, что в последние годы он избегал пышных мероприятий с пространными речами. Местом встреч с широкой аудиторией он избрал Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Сюда он приезжал по зову души, участвовал в научных чтениях, выступал перед студентами, будучи убежден, что именно в этом Университете формируется новая российская интеллигенция. Здесь он чувствовал себя просто и естественно.

Думается, есть глубокая внутренняя логика в том, что, получив университетское образование и проявив себя в качестве выдающегося деятеля академической науки, Дмитрий Сергеевич на завершающем этапе жизни приходит в Университет: связь времен не должна распасться, страна должна прирастать новыми Лихачевыми.

4. «Декларация прав культуры» — научное и нравственное завещание Дмитрия Лихачева

Разработка «Декларации прав культуры» стала своего рода вершиной жизненного пути Д. С. Лихачева и особой страницей в его совместной деятельности с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов.

¹ Петербург в истории русской культуры // Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов. С. 25.

История создания Декларации заслуживает отдельного разговора. Летом 1995 г. профессор нашего Университета В. Е. Триодин сообщил мне, что Д. С. Лихачев хотел бы встретиться и обсудить ряд волнующих его соображений. Я созвонился с Дмитрием Сергеевичем и через несколько дней, в выходные, отправился к нему на дачу в Комарово. Там академик познакомил меня со своей идеей разработки проекта «Декларации прав культуры». По мысли Лихачева, современный этап развития цивилизации породил необходимость официального принятия международным сообществом, правительствами государств ряда принципов и положений, обеспечивающих дальнейшее сохранение и развитие культуры как достояния человечества. В связи с этим логичным представлялось обсудить эту идею с интеллигенцией Санкт-Петербурга, выйти в международное сообщество с инициативой принятия Декларации от имени города, являющегося уникальным феноменом мировой культуры. (Как известно, Санкт-Петербург — единственный город России, включенный ЮНЕСКО в список всемирного культурного наследия.)

Исходя из необходимости дать импульс общественной дискуссии, Дмитрий Сергеевич подготовил, выражаясь его словами, «проект проекта» Декларации, который был издан нашим Университетом. Первыми с ним познакомилась педагоги и студенты СПбГУП. «Свои надежды на реализацию идей Декларации я возлагаю на молодых людей с университетским образованием», — сказал тогда Дмитрий Сергеевич. Презентация проекта состоялась 1 сентября 1995 г. на нашем традиционном «Дне знаний».

С этого момента началось широкое вовлечение в обсуждение проекта Декларации общности Санкт-Петербурга. В октябре 1995 г. Университет опубликовал Декларацию в материалах Всероссийской научно-практической конференции «Наука, культура, образование на рубеже XXI века». Учредителями конференции вместе с Университетом были Министерство культуры РФ, Министерство образования РФ, Российская Академия образования, Российский творческий союз работников культуры. Выступление Д. С. Лихачева на конференции вызвало широкий общественный резонанс. В итоге идеи Декларации получили горячую поддержку.

Но Декларация обращена к международному сообществу, а субъектом международного права выступает государство. Поэтому Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов предложил создать при Правительстве Санкт-Петербурга общественную комиссию по доработке идей «Деклара-

ции прав культуры» с тем, чтобы Правительство Санкт-Петербурга передало одобренный им вариант проекта на рассмотрение Президенту России, и далее — в ЮНЕСКО.

Анатолий Собчак отнесся к нашему обращению с большим интересом и буквально за несколько дней выпустил соответствующее решение. В состав комиссии, возглавляемой председателем Правительства города, вошли крупные общественные деятели, ученые, просветители, хранители культуры, деятели литературы и искусства. Среди них: О. В. Басилашвили, Я. А. Гордин, Д. А. Гранин, В. В. Знаменов, М. С. Каган, А. А. Мильников, М. Б. Пиотровский, В. Е. Триодин и др. Члены комиссии выступили в роли авторитетных экспертов. Сам же текст шлифовался и оттачивался группой ученых Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, выполнявших работу по теме «Декларация прав культуры» в рамках комплексного университетского исследования «Гуманитарная культура как фактор преобразования России».

В результате общими усилиями под научным руководством Д. С. Лихачева был подготовлен итоговый документ. Думается, научное и нравственное значение проекта Декларации трудно переоценить. По существу, в документе сформулирован новый подход к определению места и роли культуры в жизни общества. В нем прямо сказано, что культура представляет главный смысл и глобальную ценность существования как народов, малых этносов, так и государств. Вне культуры их самостоятельное существование лишается смысла. Культура, по существу, поставлена в один ряд с жизнью. И потому право на культуру должно стоять в одном ряду с правом на жизнь, правами человека. Культура — условие продолжения осмысленной жизни, человеческой истории, дальнейшего развития человечества.

В Декларации вводится понятие гуманитарной культуры, то есть культуры, ориентированной на развитие созидательных начал в человеке и обществе. И это понятно: сорняки, если им не поставить заслон, способны заглушить культурные растения. Ничем не регулируемый, нецивилизованный рынок усиливает экспансию антигуманных ценностей массовой культуры. Если так будет продолжаться и дальше, мы можем стать свидетелями утраты культурой своей сущностной функции — быть гуманистическим ориентиром и критерием развития цивилизации и человека. Не случайно величайший гений России Пушкин ставил себе в заслугу в первую очередь то, что его поэзия пробуждала в людях добрые чувства. Так и государство должно стать гарантом возвращения гума-

нитарной культуры, которая обеспечивает духовную основу и возможность развития, совершенствования человека и общества.

Документ не только обогащает теоретическую мысль. Он имеет и практическое значение. На уровне государств его принятие должно привести к изменению национального законодательства каждой страны, способствовать полноценному развитию национальных культур. На уровне мирового сообщества — это шаг на пути интеграции мирового культурного процесса, с общечеловеческих позиций — это обогащение коллективного разума. Наконец, на уровне жизни каждого отдельного человека — это, если вспомнить Священное писание, формирование Человека «по образу и подобию» Божию.

Декларация прошла апробацию на различных российских общественных форумах и получила одобрение научной и творческой интеллигенции, но на этом ее продвижение застопорилось. Наше обращение в Администрацию Президента РФ Б. Н. Ельцина встретило полное равнодушие начальства к данному начинанию, а чиновники из МИДа прямо указали на неуместность Декларации. Оказалось, что в тот момент по поручению ЮНЕСКО некий документ на аналогичную тему разрабатывал один из швейцарских институтов. Надо сказать, документ этот был совершенно иным, неизмеримо более мелким по масштабу, но московские чиновники по каким-то конъюнктурным соображениям не хотели «переходить дорогу» швейцарским ученым и дипломатам. В результате продвижение нашей Декларации задержалось на десять лет.

«Декларация прав культуры» — один из важнейших научных и нравственных итогов жизни Дмитрия Сергеевича Лихачева, жизни, символизирующей собой служение высшим духовным идеалам. Каждый, кто внимательно прочтет Декларацию, увидит, что в этом документе выдающийся ученый формулирует, быть может, главное свое открытие: смысл жизни можно обрести только через приобщение к культуре.

Интересно, что в Декларации Д. С. Лихачев дал свое, альтернативное видение глобализации — как процесса, движимого в первую очередь не экономическими, а культурными интересами человечества.

По Лихачеву, глобализацию нужно осуществлять не для «золотого миллиарда» жителей отдельных стран, а для всего человечества; ее неверно понимать только как экспансию мировых корпораций, перетоки кадров и сырьевых ресурсов. Человечеством должна быть выстроена концепция глобализации как гармоничного процесса мирового культурного развития. В этой концепции нужно отстроить

баланс между культурами огромными, например США, России, Китая, и культурами малых этносов. В Декларации Дмитрий Сергеевич особое внимание уделяет именно этому. Глобализацию многие критикуют, но ею можно и нужно управлять, добиваясь положительных результатов для всех. Допустим: большая и маленькая культура. Есть опасность подавления большим меньшего? Безусловно. Но можно ли изолировать маленькую культуру от большой? Может быть, и можно, но опасно. Например, всякая попытка изолировать язык малого народа от языка большого приводит к обеднению языка малого народа. С другой стороны, русский язык — «могучий», но чем он могучий? Да своими связями, открытостью, в том числе и тем, что из сотен тысяч слов десятки тысяч в нем — иностранные. Русский язык все время подпитывался от других языков. Так же и малые культуры должны подпитываться от больших культур. И их же обогащать.

Идея сохранения культуры — это идея сохранения духа, языка, особого ментального склада, этических комплексов. Культура будет подвергаться интернационализации неизбежно. Но всегда у каждого народа должно оставаться культурное пространство для своей самобытности. Это проблема баланса.

Есть целый ряд вопросов, на которые у нас нет сегодня конкретных ответов. Но важно, чтобы для их поиска были заложены правильные базисные подходы. Это так же, как с защитой природы. Понятно, что человек должен расходовать природные ресурсы. Но человечество последнее время непрерывно работает над тем, чтобы эти ресурсы не только расходовать, но и возобновлять. Да и расходовать более экономично, целесообразно. Главная задача в том, чтобы некую неотвратимость направить в нужное русло. Лихачев был убежден, что это возможно, и убедительно обосновывал данную точку зрения результатами своих исследований истории развития мировой культуры, и в первую очередь российской. Наша культура на протяжении многих веков впитывала многие зарубежные влияния. И Дмитрий Сергеевич в своих работах показывал, какую пользу это приносило.

Для нас мысль о запрещении английского языка кажется абсурдной. Понятно, что образованный человек должен знать несколько языков. Но некоторые государственные деятели сопредельных с Россией стран развивают кипучую деятельность, чтобы запретить у себя русский язык. Разные подходы. Какой из них правильный? Наука должна искать ответы на эти вопросы. Почему, например, власти Украины сейчас воюют с русским языком? Он вредит языку украинскому? Неужели

украинские писатели будут писать лучше, если с детства не будут знать русского языка, от этого произойдет бурный расцвет украинской культуры? Нет, конечно. Просто Украину хотят оторвать от России. Это военные действия, распространенные на сферу культуры...

25 ноября 1996 г., в преддверии своего 90-летия, академик Д. С. Лихачев написал такие строчки на авантитуле первого (университетского) издания Декларации: «Культура представляет главный смысл и главную ценность существования человечества. Спасибо моим друзьям, благодаря которым Декларация прав культуры увидела свет. Давайте объединим усилия, чтобы заложенные в ней идеи были реализованы».

Долг нашего поколения состоит в том, чтобы замечательные идеи Дмитрия Сергеевича Лихачева воплотились в принятой ЮНЕСКО «Декларации прав культуры» — «Петербургской декларации». Нужно добиться претворения этих идей в жизнь нашу и наших детей, в жизнь следующих за нами поколений.

5. Заключение

Осмысление научного и нравственного наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева впереди. Издаются труды академика, работы, посвященные его научному творчеству, проводятся различные форумы, конференции.

Свидетельство тому — и ежегодно проводимые в СПбГУП Международные Лихачевские научные чтения, которые стали знаковым событием в общественной жизни страны, фактически — базовой площадкой по изучению гуманитарных проблем современности, научного наследия академика Д. С. Лихачева.

В юбилейный Лихачевский год наш Университет выпустил две книги с работами Лихачева: «Избранные труды по русской и мировой культуре», систематизирующие взгляды Лихачева-культуролога, и сборник «Д. С. Лихачев — университетские встречи. 16 текстов», явившийся плодом научно-педагогического сотрудничества Д. С. Лихачева с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов.

Перечитывая тексты Лихачева сегодня, мы словно слышим живой, негромкий голос Дмитрия Сергеевича. Обращаясь к студенческой аудитории, Лихачев напоминал, что «образованность — это основа умения честно прожить жизнь, насладиться ею, получить радость от познания мира». Эти слова прозвучали как определение цели человеческой жизни вообще. И мы видим свою задачу в том, чтобы слова Дмитрия Сергеевича Лихачева были услышаны всеми гражданами России, особенно — молодыми людьми.

ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПРИВЕТСТВИЯ

Е. И. МАКАРОВ,

помощник Полномочного представителя Президента РФ
в Северо-Западном федеральном округе РФ

РЕНЕССАНС РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Позвольте мне выразить огромное удовлетворение и благодарность от имени Администрации Президента Российской Федерации, от имени Президента Российской Федерации за то, что Университет в течение такого длительного времени поддерживает положения Указа, изданного в 2001 г., «О проведении Лихачевских чтений».

Хотелось бы отметить, что в то время, когда Российская Федерация, весь славянский мир празднуют Дни славянской письменности, в Санкт-Петербурге накануне в Государственном университете состоялось заседание и заключительная часть фестиваля «Русское слово», а сегодня в Гуманитарном университете профсоюзов открываются Лихачевские чтения. Все эти события, поставленные в один ряд, конечно, очень хороший и серьезный вклад в многовековые культурные традиции Российской Федерации, в сохранение и развитие наследия, оставленного Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Не случайно мы переживаем сейчас новый всплеск интереса к нашему языку и нашей культуре. Может быть, это только начало ренессанса, думаю, будет и продолжение, потому что наша страна постепенно, год за годом набирает экономиче-

ский и политический вес в мире и, соответственно, нуждается в осмыслении своего культурного влияния. Конечно, в этом контексте проще всего представить картину сегодняшнего и завтрашнего дня как экспансию русского языка на мир, что отчасти имело место после окончания Великой Отечественной войны. Однако сегодня миссия нашего языка не в этом. Цель современного ренессанса русского языка и культуры в сохранении и спасении народа как культурной основы нашей многонациональной страны. Миссия языка — это соединение различных народов, живущих на огромных пространствах самого крупного государства в мире. И эту миссию надо нести с сознанием того, что основой такого объединения, межнационального общения является именно русский язык, то духовное наследие великих ученых и творцов, один из которых жил в Санкт-Петербурге. Нам посчастливилось быть современниками этого необыкновенного человека — Дмитрия Сергеевича Лихачева, с именем которого на устах мы все здесь сегодня собрались. Поздравляю вас с открытием Чтений, желаю вам успехов и всего самого хорошего в жизни и творчестве!

Э. А. ТРОПП,

главный ученый секретарь Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, доктор физико-математических наук, профессор

ФОРУМ, ДОСТОЙНЫЙ ИМЕНИ ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО

Глубокоуважаемый
Александр Сергеевич,
глубокоуважаемые коллеги!

Позвольте поприветствовать вас от имени Президиума Санкт-Петербургского научного центра Российской Академии наук и от имени всего петербургского академического общества.

Лихачевские чтения за время своего существования заявили о себе, как авторитетная научная конференция, плодотворно обсуждающая проблемы культуры, духовности, интеллигентности. Лихачевские чтения —

форум, достойный имени великого ученого, 100-летие со дня рождения которого мы все в этом году отмечаем. Естественно, что в центре нынешней конференции — работа Д. С. Лихачева как пропагандиста и защитника культуры, но, на мой взгляд, еще важнее то, что он был носителем культуры — культуры Серебряного века, либерального, толерантного, космополитического Петербурга.

Думаю, что собравшаяся здесь конференция пройдет успешно, и желаю каждому из участников извлечь из нее свой урок Лихачева.

В. А. ЧЕРЕШНЕВ,академик РАН, председатель Уральского отделения РАН,
директор Института экологии и генетики микроорганизмов Пермского научного центра
Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор

ДОЛГ УЧЕНОГО И ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ

Я всегда буду благодарен судьбе за то, что в Академии наук мне посчастливилось встретиться с таким удивительным человеком, каким был Дмитрий Сергеевич Лихачев, и слышать его выступления — нечастые, но всегда возвышающие и заставляющие размышлять. Это действительно был человек-энциклопедия, выдающийся гражданин и ученый. В его размышлениях о государстве, науке, глобализме мы находим много такого, что созвучно настоящему времени, хотя Дмитрия Сергеевича уже несколько лет нет с нами.

Известно, что Лихачев многие годы проработал в Пушкинском Доме, и по его статьям и выступлениям видно, что он разделял многие мысли А. С. Пушкина и часто обращался к нему.

Здесь уместно вспомнить произведение А. С. Пушкина «Путешествие из Москвы в Санкт-Петербург», в котором он полемизирует с А. Н. Радищевым. Пушкин пишет: «Вижу улучшение нравов только из-за того, что образование и просвещение входят в жизнь». И еще: «Не дай Бог нам этих революционных изменений, политических, опасных, катастрофических».

Мысли А. С. Пушкина перекликаются с работами Д. С. Лихачева, в частности со статьей «Репрессированная наука». Он прекрасно понимал, что эта «репрессированная наука» во многом помогла перелому в Великой Отечественной войне; благодаря науке быстро шло послевоенное восстановление страны, были реализованы космическая программа и атомный проект, которые выдвинули нашу страну в число «супернаучных» держав. Судьба академика Лихачева, непростая и во многом трагическая, созвучна эпохе, в которую он жил. Другой знаменитый ленинградец, академик А. А. Ухтомский, образно сформулировал мысль, которая в полной мере относится к Д. С. Лихачеву. Он сказал, что все действительно ценное в мире зарабатывается трудом и болением сердца — такова диалектика жизни и бытия. Действительно, широкий гладкий путь и распахнутые ворота ведут к падению и смерти того лучшего, что есть в че-

ловечестве. Узкий, тесный путь и болезненные ворота — к проявлению настоящего добра между людьми.

Рассуждения Дмитрия Сергеевича о глобализме привели к тому, что сейчас появился новый термин «глокализм» — глобальные проблемы в применении к локальным государствам.

Что мы сегодня имеем? В мире насчитывается около 250 государств, из которых только 50–60, то есть примерно 20 %, развивают фундаментальную науку. Среди них особенно интенсивно в данном направлении работают всего одиннадцать стран: Россия, Соединенные Штаты, Англия, Германия, Франция, Италия, Китай, Япония, Южная Корея, Индия и Израиль. Получается, что весь мир пользуется благами того, что делают эти десять плюс пятьдесят по отдельным направлениям. Вот к чему привела глобализация. При этом следует подчеркнуть, что в последние триста лет Россия всегда была (и продолжает быть) в десятке научных лидеров. Однако если рассматривать Россию как члена «большой восьмерки», то необходимо отметить, что страны бывшей «семерки» в сумме тратят на науку 550 млрд долларов, а Россия — 2,5 млрд. И тем не менее российские ученые лидируют по многим фундаментальным направлениям — благодаря подвижничеству и героическому труду таких людей, как Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Свое выступление я хочу закончить словами, прозвучавшими здесь, в Санкт-Петербурге, 17 апреля 1832 г., на первом вручении Демидовских премий. Это была высшая награда Российской академии наук, учрежденная Петербургской Императорской академией наук и уральским меценатом, золотопромышленником, заводчиком Павлом Николаевичем Демидовым. Демидовская премия и сегодня от имени Академии наук вручается выдающимся российским ученым. Граф Сергей Семенович Уваров, заканчивая свою приветственную речь, сказал: «Честь и хвала тем, которые посвящают себя постоянным усилиям и скромной славе учености». Честь и хвала Дмитрию Сергеевичу Лихачеву.

Ю. С. ДАВЫДОВ,

академик РАН, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРОТИВОЯДИЕ НЕВЕЖЕСТВУ, КУЛЬТУРА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

В самом начале нашей встречи прозвучали слова Д. С. Лихачева о том, что главной заботой государства и власти должна быть культура. Я хотел бы обратить ваше внимание на то обстоятельство, что, говоря о культуре, академик Лихачев на первое место ставит образование. Это по существу не что иное, как развитие мысли великого педагога Я. Коменского о том, что образование является противоядием невежеству.

Воспитание культуры — процесс сугубо индивидуальный; только у роботов культура поведения может быть одинаковой. Как индивидуальны отпечатки пальцев и сетчатка глаз, так индивидуальна и культура каждого человека. Задача высшего учебного заведения, как мне представляется, — развивать мыслительные способности студента таким образом, чтобы он смог пойти дальше тех типов культуры, которые характерны для его социального окружения, вносить новое и создавать собственную внутреннюю культуру. Культура — это не только искусство и литература, но и образ жизни, фундаментальные права человека, система ценностей, традиции и верования. Культура — это умение жить вместе. Происходящие в мире изменения, связанные с переходом к обществу и экономике знаний, требуют все большего образования и культуры. В области образования это проявляется в развитии Болонского процесса. Высказываются мнения, что процесс глобализации образования ведет к его унификации, но мне хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что Болонской декларацией отмечается необходимость сохранения самобытности культуры, чтобы предупредить превращение образования в массовый конвейер. Культурная самобытность является достоинством, которое увеличивает возможности человечества в самоутверждении, и особые характерные черты той или иной культуры не умаляют, а скорее обогащают всеобщие ценности, которые объединяют народы. Нужно признать равенство и достоинства всех культур.

Сегодня гуманизация развития общества жизненно необходима. Но здесь важно иметь в виду, что конечной целью является уважение к достоинству человека и в то же время его ответственность перед обществом. Как сказал американский ученый Э. Бойер, для того чтобы стать настоящим человеком, надо уметь служить не только своим интересам. Показательно, что этот вывод сделан уче-

ным из страны, в которой вся система воспитания строится на признании ценности отдельной личности и индивидуализма. Эта система воспитания, как мы знаем, увенчалась хорошим результатом, но очевидно, что в современных условиях культивирование индивидуализма начало давать сбои, и выдвигание на передний план интересов общества и коллектива, ярко проявляющееся в Японии, приносит намного лучшие плоды. Так, по мнению К. Мацуситы — человека, который при жизни был назван «гением менеджмента», тезис «выживает сильнейший», популярный в США, недостоин подражания. Напомню духовное завещание К. Мацуситы: «Не хитри, будь честным; будь хозяином на своем месте; не живи вчерашним днем, постоянно совершенствуй свои познания; относись с уважением к окружающим; все время помни о внешнем мире, приспосабливайся к законам его развития; с благодарностью относись к тому, что имеешь и получаешь — мы все берем у общества в долг; не уставай вопрошать: на кого ты работаешь? Ответ только один — на общество <...>. Наши принципы: осознание своей ответственности в деле прогресса и преумножения благосостояния нашего общества, посвящение себя дальнейшему развитию мировой цивилизации»¹.

Чем не программа воспитательной работы в высших учебных заведениях?

А что же у нас? Межведомственная программа «Студенчество России в 2004–2008 годах» отмечает, что сегодня формируется новый тип личности, ориентированной на индивидуализм, приоритет частного интереса, расчет на свои силы, ценность капитала. И далее замечается, что студенчество чутко реагирует на изменения в жизни общества и формирует новую систему ценностей, которая диктуется рыночной экономикой.

В связи с этим хочу напомнить, что еще Э. Фромм говорил о том, что «рыночная экономика» ведет к воспитанию человека с «рыночным» характером, главная черта которого — «чего изволите?».

Мне представляется правомерным вывод нобелевского лауреата, Почетного доктора Университета Ж. И. Алферова о том, что если каждый будет заботиться лишь о себе, то это, скорее всего, получится за счет других.

¹ См.: Японский менеджмент. М., 1991. С. 29; Принципы Мацуситы // www.top-manager.ru.

То есть он просто начнет воровать. И действительно, результат «нового воспитания» налицо: в настоящее время, по данным социологических исследований, 15 % молодых людей считают возможным взять силой то, что им хочется. Только один молодой человек из десяти готов безоговорочно подчиняться требованиям закона. Особенно огорчительно то, что среди важных для них ценностей молодые люди отводят культуре и образованию только 12-е место из 15 возможных. Не этим ли создается благоприятная среда для террористов и других преступников?

Напомню, что в качестве новой формы обращения к обществу Д. С. Лихачев избрал телевидение. Однако что мы видим сегодня? В одном из последних своих выступлений Его Святейшество Алексей II выразил сожаление о том, что до сих пор обществом не осознана необходимость объединения усилий образования и церкви, что выражается и в недостаточном финансировании, и в ограничении доступа к СМИ и телевидению.

Прав С. П. Капица, говоря о том, что в настоящее время электронные СМИ ведут к одичанию страны; прав и А. Пушков, ведущий аналитической программы «Постскриптум», когда говорит, что наше телевидение движется в сторону оглушения населения. Вице-премьер России С. Иванов сказал однажды на заседании Правительства, что телевидение «дебилизирует» людей. По словам С. П. Капицы, также сказанным на заседании Правительства, пренебрежение культурой ведет к превращению России в страну идиотов. Может быть, такой страной станет проще править, но будущего у нее нет. И задача конференций, подобных Лихачевским чтениям, заключается в том, чтобы не допустить этого.

Надо изменить образ России. В настоящее время формируется образ России как страны обкраденной, обесчещенной, нищей, идущей по миру с протянутой рукой. Мне кажется, что у нас есть все возможности вновь стать

великой державой. По национальному богатству, приходящемуся на душу населения, мы практически не отстаем от Соединенных Штатов, но не умеем его использовать.

Нужно добиться того, чтобы мы прекратили поливать грязью прошлое нашей страны. И речь идет не только о советской эпохе. Уже можно прочесть, что святые Ольга и Александр Невский, оказывається, вовсе не святые, потому что они жестоко обращались с врагами. В одной работе по истории Петербурга вполне серьезно говорится, что Петр I не кто иной, как фашист, который при строительстве Петербурга не соблюдал права человека.

Если мы посмотрим на ценности, которые провозглашались в социалистическую эпоху, то увидим, и в этом нужно согласиться с А. С. Запесоцким, что они были близки к христианским. Если из «морального кодекса строителя коммунизма» исключить слова «социализм» и «коммунизм», то останется любовь к Родине, добросовестный труд на благо страны, забота о сохранении общественного богатства, высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушению общественных интересов, коллективизм, взаимопонимание, гуманное отношение и взаимное уважение между людьми, честность, правдивость, взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей, непримиримость и справедливость, нетерпимость к национальной розни.

Сегодня, по мнению депутата Государственной Думы И. Кобзона, Правительством и Госдумой уделяется недостаточно внимания образованию, и значение культуры, сознательно или по недомыслию, явно недооценивается. На образование в настоящее время расходуется примерно в три раза больше средств, чем на культуру, а на культуру идет всего 1 % бюджета. На мой взгляд, нужна политическая воля, чтобы положить реальное начало длительному процессу вознесения культуры и образования на пьедестал высшей ценности.

О. С. КУЗИН,
главный редактор газеты «Трибуна»

ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ДОЛЖНА ПРОДОЛЖАТЬСЯ

Хочется верить, что в России остались еще газеты, которые, в отличие от телевидения, могут считать себя частью российской национальной культуры.

Сегодня уже говорили очень хорошие, добрые слова о Дмитрии Сергеевиче. Я отношусь к тому поколению людей, которому довелось видеть и слышать его. До сих пор вспоминаю о том, как переживал и нервничал Дмитрий

Сергеевич Лихачев во время первого телемарафона «Возрождение». Эта акция была призвана привлечь внимание общественности на положение отечественной культуры. Ведь на том участке человеческой деятельности, который именуется культурой, Россия занимает особое место. Здесь, в отличие от автопрома, мы абсолютно конкурентоспособны: Россия знаменита в мире не только нефтью,

газом и ядерным оружием, но и литературой, музыкой, балетом и т. д. Поэтому, я думаю, миллионы людей, знающих, что собой представляет наша культура, относятся к России с уважением.

Что касается Лихачевских чтений, то эта замечательная традиция должна продолжаться.

Сегодня многие газеты поместили материалы об этой конференции. В газете «Трибуна» опубликована беседа с Александром Сергеевичем Запесоцким, посвященная юбилею академика и сегодняшнему мероприятию. Желаю всем участникам Лихачевских чтений успешной работы и полезного общения.

Г. М. РЕЗНИК,

заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист РФ

«РОССИИ НАДО ОПРЕДЕЛЯТЬСЯ»

Сейчас перед человечеством стоит несколько особенно острых проблем, требующих осмысления и обсуждения. Основная из них связана с тем, что в мире существует несколько крупных, субглобальных цивилизаций, или культур. Под словом «культура» я в данном случае подразумеваю определенный способ жизнедеятельности целых сообществ, основанный на наработанных за долгие века ценностях и традициях. Их сейчас четыре: западная, исламская и две индийско-тихоокеанские — индусская и китайская.

Я глубоко убежден (и в этом плане разделяю взгляд выдающегося мыслителя современности Григория Соломоновича Померанца), что Россия не может быть сейчас причислена ни к одной из этих субглобальных культур. Вследствие исторического положения России, которая развивалась на перекрестке разных культур, она так и не выработала своей устойчивой культурной формы. На это обращали внимание многие выдающиеся сыны России — Достоевский, Толстой, Чаадаев. В то же время, как сказал Андрей Синявский, «Россия — страна Святого Духа, способного наполнить любую форму»¹. Поэтому сейчас России надо определяться. Нынешняя демографическая ситуация в стране вполне закономерна, сейчас такое положение во многих странах, и не стоит возлагать больших надежд на повышение рождаемости. Я полагаю, что президент верно обозначил проблему, но ее решения на пути повышения рождаемости не существует. Падение рождаемости — неизбежный спутник урбанизации, это происходит во всех странах, которые стали на путь глобализации и наращивания своего экономического потенциала. Поэтому увеличения числа младенцев ждать не приходится. Но уникальность России в данном случае заклю-

чается в том, что у нас европейская рождаемость сочетается с африканской смертностью, чего нет ни в одной стране мира. Россия может превратиться в аномалию — огромную малозаселенную территорию с колоссальным запасом различных природных ресурсов.

С незапамятных времен идут споры о том, является ли Россия европейской страной. Как бы то ни было, уже много веков она исповедует христианские ценности. Очень верно и образно оценил ситуацию Г. С. Померанц, сказав, что в России одна культура всегда пыталась уничтожить другую, но ничего не получалось, и «возник своего рода пирог из разных сортов теста»².

А теперь о другом важнейшем вопросе — правах человека. Сейчас часто приходится слышать, что нельзя «абсолютизировать права человека», что важнее нравственное содержание и т. д. Право и нравственность — плоскости разные. Их нельзя смешивать. Права человека универсальны и могут ограничиваться не нравственностью, а только законом. В любой субглобальной культуре и любой религии присутствуют такие ценности, как личность, общество, нация и государство; различия этих культур определяются порядком их расположения. Мы уже жили в государстве, которое демонстрировало тупиковый путь развития. Государство было абсолютом. Иногда, когда это было выгодно государству, подпускалась нация, общество существовало само по себе, но гражданским обществом его назвать было никак нельзя, а личности предназначалось быть неким средством, которое может принести государству большую или меньшую пользу.

Давайте посмотрим на результаты развития мирового сообщества. Сейчас звучат сетования (которые и я разделяю) на то, что мало средств выделяется на культуру и науку.

¹ Синявский А. Д. Голос из хора. Париж, 1980. С. 47.

² Померанц Г. С. История России в свете теории цивилизаций // Еврейская газ. 2005. № 43–44. С. 10.

Почему мало выделяется? Ведь есть же финансы, хоть и ограниченные. А как они нарабатываются? Очень прискорбно, что у нас дискредитированы такие понятия, как «демократия» и «либерализм». В России либеральные идеи никак не прививались, государство было все, личность — ничто. Самое страшное наследие советской власти — иждивенчество, пассивность, стремление к уравнительности. Людей нельзя за это винить, их так воспитали.

Социальная идея очень привлекательна. Но она всегда подразумевает перераспределение богатств, а богатства надо создавать. Сейчас, когда частный бизнес не оправдал всех возлагавшихся на него надежд, государство снова внедряется в экономику. На данном этапе, возможно, это оправданно — взять под контроль хотя бы энергетические отрасли. Но так продолжаться долго не может. Давно и

везде доказано: государство не может быть эффективным собственником.

И последнее. Плюрализм заключается в том, что надо быть терпимым к разным точкам зрения, в том числе радикальным, экстремистским и даже идиотским. Если кто-то объявил Петра I фашистом, то не надо призывать к тому, чтобы запретить подобные высказывания. Россия, как и любая страна, имеет право на собственных идиотов. Мнения бывают самые разные. Для кого-то Сталин — выдающийся государственный деятель, а для кого-то — величайший преступник в истории человечества. Государство не должно вмешиваться в обмен мнениями, потому что свобода слова, свобода самовыражения — самое эффективное средство для предотвращения всевозможных погромов и революций. Оно выпускает пар. Свобода слова позволяет обсудить проблему, вместо того чтобы пытаться разрешить ее на улице.

А. В. ЯКОВЕНКО,

заместитель министра иностранных дел РФ

РОССИЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕМ МИРЕ

Последнее выступление вызвало у меня большое желание прокомментировать ряд положений. Постараюсь быть максимально кратким. Прежде всего, мне не хотелось бы создавать ложного впечатления о том, что Россия на международной арене и внутри страны каким-то образом выступает за сворачивание прав человека. Наоборот, мы занимаем достаточно инициативную позицию, в том числе и в Комиссии по правам человека, у нас есть проблемы, с которыми мы стараемся справиться у себя в стране. На это нацелена и деятельность различных неправительственных организаций. Но если посмотреть на проблему шире, то за последние 40 лет международное сообщество накопило довольно богатый опыт в области соблюдения прав человека. Однако есть некий неписанный кодекс, который необходимо соблюдать. Именно это я имел в виду, когда говорил о негражданах в Латвии, Эстонии, а это около 500 тыс. человек, которые лишены всех гражданских прав и свобод: они не имеют паспортов и перспективы интеграции, они никуда не могут поехать, в том числе в свою родную страну, Россию. Нарушение это прав человека? Конечно. Хотим мы, чтобы этого не было? Будем мы за это выступать? Разумеется...

Люди, которые работали в Комиссии по правам человека, знают, что 1980–1990-е — это годы, когда одна группа стран обвиняла, а другая — слушала. Сейчас ситуация во многом изменилась, потому что возникли проблемы по широкому спектру вопросов. Это и пытки в Ираке, и сложная ситуация в Афганистане, и летающие тюрьмы, и, наконец, доклады, которые выпускает Совет Европы по нарушению прав человека в тех странах, которые считаются традиционно демократическими. Хотим мы, чтобы права человека соблюдались во всем мире? Ну, разумеется, хотим. Собственно говоря, на это и направлена работа, которую Россия будет вести в Совете Европы по правам человека. Это не значит, что у нас нет проблем, с которыми нужно справляться, в том числе и трудности построения демократического общества. Но если мы замкнемся только на себе, на собственных проблемах и не будем продвигать те важные вещи, под которыми стоит подпись Российской Федерации (например в сфере защиты прав человека), то наш мир не станет единым и в нем не будут соблюдаться права человека. И я ни в коей мере не призываю к тому, чтобы хоть как-то, даже на йоту, сворачивать подобную деятельность — очень важный элемент жизни общества.

В. ДОБРЕВА,

первый заместитель министра науки и образования Республики Болгария

ПРАЗДНИК ДУХОВНОСТИ

Для меня большая честь присутствовать на открытии VI Международных Лихачевских научных чтений. Вопросы, которые сегодня будут предметом обсуждения, очень важны, если иметь в виду естество века, в который мы живем. Это время компьютеризации, высоких информационных технологий. Интернет-поколение, залитое неиссякаемым потоком технологических открытий, все больше тянется к тем духовным ценностям, которые приносят надежду и веру в добро. Именно здесь, ища их основания, корни, люди обращаются к творчеству академика Дмитрия Лихачева. Великий ученый верил, что XXI век будет веком гуманитарных знаний, поскольку если этого не произойдет, культура человечества перестанет существовать. Развитие гуманитарных наук обеспечит и поддержит развитие технических. В истории болгарской куль-

туры, образования и науки имя академика Дмитрия Лихачева вписано золотыми буквами. Академик Лихачев — заграничный ученый, которому присуждена первая международная награда имени святых Кирилла и Мефодия, а в 1996 г. он был удостоен высочайшего ордена нашего государства «Стара Планина» I степени. И сегодня на этом празднике духовности я бы хотела низко поклониться России как отчине гуманитарных наук, благодаря которой все мы соприкасаемся с государством духа, которому Лихачев посвятил свою жизнь.

В заключение разрешите мне исполнить одну очень важную миссию — вручить Вам, дорогой Александр Сергеевич, почетный знак Министерства культуры Болгарии как дань глубокого уважения и признания Ваших заслуг в сфере развития культуры.

А. А. АКАЕВ,Почетный академик РАН, академик Академии наук Республики Кыргызстан,
первый Президент Республики Кыргызстан

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ДУХОВНОГО ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ

Искренне признателен за великодушно предоставленную возможность выступить на этом заседании. Считаю для себя особой честью участвовать в чтениях, посвященных Д. С. Лихачеву, великому сыну русского народа, мыслителю и гуманисту, которого мне посчастливилось лично знать. Я не встречал людей, которые не испытывали бы благоговения от общения с этим поистине благородным и внешне и внутренне человеком. Лучшей памятью академику Лихачеву станет сопряжение его выдающегося творческого наследия с теми сложными современными реалиями, с которыми сталкивается не только Россия, но и ее ближние и дальние евразийские соседи. Они составляют мир, с которым Россия навечно и неразрывно связана географией, историей, общей судьбой, геополитическими факторами, духовными узлами, идущими от сердца к сердцу, от души к душе, населяющих это пространство миллионов людей.

Мысленно возвращаясь к творческому наследию Д. С. Лихачева, я отчетливо видел ранее и ныне убеждаюсь, как присущие ему

редкостные коммуникативные качества органично сочетались с его выдающимся аналитическим даром и, я хотел бы подчеркнуть, провидческим талантом. Эти качества породили в личности ученого уникальный гуманистический сплав, подобный мощному магниту, неизменно притягивающему к нему людей. Мне как представителю Центральной Азии, может быть, лучше видно, насколько широко его позитивное влияние, вобравшее в себя наивысшие общечеловеческие ценности, охватывает наш регион и духовно сближает нас с великой многонациональной Россией, в том числе с коренной Русью, к которой генетически принадлежал Д. С. Лихачев. Именно в том и состоит, по моему мнению, величие личности Дмитрия Сергеевича, что в нем всегда присутствовало интегральное начало, своего рода общий знаменатель, который помогал объединять и умиротворять людей различных взглядов и убеждений, а если взять шире — разные регионы, страны, народы, конфессии, и этим общим знаменателем являлась имманентно присущая ему духовность, проходящая через его личную

жизнь, творческую и общественно-политическую деятельность. Это духовное объединительное, умиротворяющее начало особенно проявилось в те турбулентные годы в конце XX в., когда возникшие в Советском Союзе центробежные, конфликтные по характеру силы испытывали на разрыв и разлом жившие в согласии не одно столетие в единой стране народы. Характерный для Д. С. Лихачева общий знаменатель концентрировался прежде всего в понятии «культура». Великий российский мыслитель, может быть, впервые в тех сложнейших условиях придал ему общенародный объединительный оттенок. Не случайно в последние почти полтора десятилетия своей жизни он возглавлял сначала Советский, а затем и Российский фонд культуры.

Мне хотелось бы привлечь внимание к тем важнейшим процессам, которые набирают ныне силу на пространстве СНГ и подлинным предтечей которых мы вправе считать Д. С. Лихачева. Речь идет о формировании единого гуманитарного пространства, о чем недавно говорил Президент России Владимир Владимирович Путин. Именно из России исходит главный импульс в этом направлении, и с деятельностью Президента связывается надежда на успех этой великой инициативы. Союзников у него в странах СНГ, особенно в широких народных массах, великое множество. Какие бы ветры ни дули на пространстве СНГ — политическом, экономическом, торговом и других направлениях, — им никогда не удастся одолеть мощный теплый животворный циклон духовности. Его сила определяется многомиллионной человеческой энергией наших сограждан, и давайте всегда помнить, что во многом начало этому дали заложенные академиком Лихачевым идеи, его яркие, эмоциональные, берущие за душу выступления в защиту культуры, поддержку накопленных веками культурных ценностей, которые невозможно разделить наносимыми на политические карты или проводимыми на суше или по морю государственными границами. И когда я говорю, что Д. С. Лихачев был предтечей того, что ныне делается для создания единого гуманитарного пространства, то это констатация его неоспоримого вклада в наши нынешние дела. Посеянные им добрые семена ныне начинают давать всходы, а за этим, я уверен, последуют и плоды, которые мы в недалеком будущем воочию увидим. Идеи создания общего гуманитарного пространства, провозглашенные на Казанском саммите СНГ в августе 2005 г., были, кстати, обсуждены на нескольких заседаниях советов интеллектуалов видных представителей культуры, науки стран СНГ, которые

горячо поддержали эту инициативу. В целом, я убежден, что это дело, за которое стоит бороться, и на нынешних Лихачевских чтениях, проходящих в год празднования 100-летия со дня рождения Д. С. Лихачева, мы могли бы высказать этой благородной инициативе полную поддержку.

Слушая Даниила Гранина, я отметил, что он не случайно остановился на двух апостолах ушедшей эпохи — академиков Лихачеве и Сахарове. Вспоминая сотни программных выступлений на съездах народных депутатов СССР в 1989–1991 гг., я думаю, что два выступления были судьбоносными: Программа культуры Лихачева и Конституция республик Азии и Европы, предложенная А. Д. Сахаровым. Это было в 1989 г. Мы обсуждали эту Конституцию, но мало кто ее поддержал. В этом проявился провидческий дар Лихачева, он своим мощным умом предвидел распад Советского Союза и предложил сделать упреждающий ход и сохранить Союз на конфедеративной основе. У физиков есть понятие «бифуркационный выбор»¹. Может быть, если бы история избрала другую траекторию, сегодня вместо разваливающегося Содружества мы имели бы крепкий союз на конфедеративной основе, где скрепляющими силами были бы как раз силы культурного притяжения великой России, о чем в своем выступлении в защиту культуры выступал на съездах народных депутатов СССР Д. С. Лихачев.

В заключение не могу не сказать о роли России в историческом развитии стран Центральной Азии; думаю, это во многом относится и к странам Прибалтики, о чем сегодня с такой болью говорил здесь Александр Яковенко. Основываясь на своем человеческом опыте, а также на опыте политической, государственной деятельности, я с особой силой хотел бы подчеркнуть выдающуюся позитивную роль России в нашей исторической судьбе — судьбе республик бывшего Советского Союза. Заботливо выпестовав братские союзные республики в советское время, Россия выпустила их в 1991 г. в самостоятельное плавание, убедившись, что они в состоянии дальше сами выстраивать жизнь в соответствии со своими национальными интересами и традициями. Об этом многие политики очень быстро забыли, а ведь могло сложиться и по-иному. Поэтому принижать это благородство России было бы по-человечески и

¹ Бифуркационный переход — это выбор системой одного из возможных вариантов развития, каждый из которых предполагает переход в состояние, радикально отличное от исходного. То есть происходит резкая смена характера процесса. — *Прим. ред.*

исторически крайне несправедливо. И поныне прогресс центрально-азиатских государств и других стран СНГ в духовной области, развитии демократических процессов, в социаль-

ной сфере, в делах их вхождения в процессы глобализации во многом зависит от добрых отношений с Россией, а она нас никогда не подводила.

Б. Г. КЛЕМЕНТЬЕВ,

главный редактор ООО «Известия — Санкт-Петербург»

КУЛЬТУРА КАК СМЫСЛ ЖИЗНИ

Для газеты «Известия», как и для всех средств массовой информации, — самое хорошее, когда известия хорошие. И сегодняшние Чтения — это добрые вести, хорошие дела и очень достойные люди. Д. С. Лихачев говорил, что приобщение к культуре — это

смысл жизни. И те выступления, которые я сегодня уже услышал, помогли мне понять, что смысл жизни найти очень трудно, но здесь много ищущих, и это — замечательно! Я от всего сердца желаю удачи и плодотворной деятельности всем участникам форума.

В. Б. УГРЮМОВ,

главный редактор регионального представительства ФГУ «Редакция "Российской газеты" в Санкт-Петербурге»

ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ КАК ТРАДИЦИЯ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Наше издание как главная газета страны не могла не оказать информационную поддержку Лихачевским чтениям по двум соображениям. Во-первых, Лихачевские чтения — это акт сохранения, поддержания и развития традиционной российской и в большой степе-

ни петербургской культуры. Во-вторых, как было напечатано в нашем издании два дня назад при публикации интервью с А. С. Запесоцким, мы не можем не поддерживать этот нескромный, в лучшем смысле этого слова, Гуманитарный университет. Удачной работы!

В. Е. ЛАВРОВ,

генеральный директор ООО «Ксерокс (СНП)»

КУЛЬТУРА И СУБКУЛЬТУРЫ

Я хотел бы поприветствовать всех участников и организаторов Лихачевских чтений и поблагодарить за предоставленную нашей компании возможность принять участие в них. Учитывая регламент, я все-таки хотел бы сказать о том, почему компания «Ксерокс», занимающаяся вопросами информатизации, принимает участие в разговоре о глобальных проблемах человеческой цивилизации и способах организации жизни общества. Дело в том, что этот разговор из

абстрактного становится для нас очень конкретным, постольку поскольку мы работаем на рынках, сталкиваемся с отмеченными сегодня субкультурами, и без серьезной культурной базы тех людей, с которыми мы работаем и которые работают в нашей компании, мы не сможем соответствовать быстро изменяющимся условиям, характерным для нашего времени. Поэтому мне особенно приятно пожелать успеха VI Лихачевским чтениям.

Круглый стол

**ДИАЛОГ КУЛЬТУР:
САМОБЫТНОСТЬ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ**

Дом ученых им. А. М. Горького Российской Академии наук
26 мая 2006 года

ДИСКУССИЮ ВЕЛ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ член-корреспондент РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

УЧАСТНИКИ:

- В. М. ДИАНОВА** профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук
- С. Н. ИКОННИКОВА** заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского университета культуры и искусств, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ
- А. В. КУЗНЕЦОВ** учитель истории школы № 1253 г. Москвы, сотрудник Агентства «Р. И. М. Портер Новелли»
- А. Г. КУТУЗОВ** ректор Московского гуманитарного педагогического института, доктор педагогических наук, профессор
- А. А. ЛИХАНОВ** академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, председатель Российского детского фонда, писатель
- В. П. ЛУКЪЯНИН** сопредседатель Союза российских писателей, писатель, литературный критик, кандидат философских наук, Заслуженный работник культуры РФ
- Ф. А. ЛУКЪЯНОВ** главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
- В. Ф. ПЕТРЕНКО** член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики Московского государственного университета, доктор психологических наук, профессор
- Г. М. РЕЗНИК** заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист РФ
- Ю. А. РЫЖОВ** академик РАН, президент Международного инженерного университета
- Г. А. САТАРОВ** президент Регионального общественного фонда «Информатика для демократии», кандидат технических наук
- Ю. В. СЕНЬКО** академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор
- Г. Г. СИЛЛАСТЕ** заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, эксперт Комитета по социальной политике Совета Федерации Федерального собрания РФ, президент Международной ассоциации «Женщины и развитие», доктор философских наук, профессор
- В. В. СОГРИН** главный редактор журнала «Общественные науки и современность» РАН, доктор исторических наук, профессор
- В. Е. ЧУРОВ** заместитель председателя Комитета по делам СНГ и связям с соотечественниками Государственной Думы РФ, профессор кафедры экономики СПбГУП
- Б. Г. ЮДИН** член-корреспондент РАН, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек», профессор

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Дорогие друзья, мы продолжаем международные Лихачевские чтения. Утром у нас прошло пленарное заседание, а сейчас состоится круглый стол «Диалог культур: самобытность, глобализация, толерантность». Предлагается обсудить целый ряд вопросов: «Декларация прав культуры», диалог как феномен культуры, глобализация и демократия, диалог культур и пределы толерантности, историко-культурная самобытность России и модернизационные процессы в современном мире, современные субкультуры, соотношение самобытности и мультикультурализма.

Г. М. РЕЗНИК

— Есть необходимость обоснования в нынешнем общественном сознании таких категорий, как демократия, либерализм и свободный рынок. Западное мировоззрение, преодолевая сопротивление, встречая достаточно жесткую оппозицию, в том числе в форме терроризма, тем не менее охватывает все большее и большее количество стран. Сейчас на путь исключительно ускоренного экономического развития вступили такие страны, как Китай, Индия, ожидается экономический прогресс в Бразилии и Индонезии. Что касается культуры, то можно назвать персоноцентристской только западную культуру. На Востоке господствуют до сего времени ценности традиционные, и культуру можно назвать не персоноцентристской, а системоцентристской, то есть интересы страны, нации, общества, государства превалируют над интересами личности. Встает очень важный вопрос: при сохранении системоцентристской ориентации возможен будет экономический прогресс в этих странах? В длительной исторической перспективе я отвечаю на этот вопрос отрицательно, в некоей короткой перспективе — положительно. Известно, что становление Советского Союза как мощной империи проходило на базе системоцентристского подхода, личность не значила практически ничего, то есть индивид использовался как некое средство для обретения, построения могущественного государства. Когда возможно при системоцентристской конструкции обеспечение экономического роста? Что означает экономический рост? Это означает то, что традиционно бедные страны не хотят мириться с бедностью. И поэтому стремятся к исключительно материальным ценностям и обеспечению достойного человека существования, но человека в том образе, каковой представлен сейчас в международно-правовых актах — «Хартии прав человека», «Пакте гражданских и политических свобод», то есть к образу человека, определяющего

международно-правовую планку, к которой необходимо стремиться. Однако сейчас в риторике представителей высшей власти опять звучат идеи державности, патриотизма, необходимости руководствоваться только высокими целями. Я считаю, что сейчас это невозможно, потому что, в общем, мы этот путь исчерпали. Весь ход развития доказал, что построить благополучное в экономическом и социальном отношении общество можно только на тех ценностях, которые, соответственно, всем известны и которые закреплены в международно-правовых актах. Это признание безусловного приоритета прав человека при рыночной экономике, то есть при тех ценностях, которые называются либеральными. Или мы наладим действительно эффективную экономику на реальных основаниях, или будущее нашей страны представляется мне весьма и весьма сомнительным.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Мне была очень интересна тема, которую Генри Маркович затронул в первой половине дня, закончив свое очень яркое выступление фразой: «Свобода слова — это величайшее право человечества». На мой взгляд, ничего нельзя абсолютизировать, в том числе и свободу слова, и права человека. Зададимся простым вопросом — что такое свобода слова? А что, если эта свобода призывает к погрому? Полагаю, сейчас все должно строиться на балансах, и диалог культур предполагает достижение именно баланса. Как известно, в начале 1990-х гг. Хаддингтон заявил, что в XXI в. мировые конфликты возникнут не из-за передела рынков, не из-за борьбы за территории, а из-за непонимания одними народами других. И сейчас мы видим, что передел рынков не отменен, но настоящие культурные конфликты происходят. Боюсь, что абсолютизация чего-либо — это прямой путь к конфликтам, потому что как только мы абсолютизируем один принцип или что-то одно из системы построения человеческих отношений в культуре, то сразу ущемляем что-то другое. Так и интересы личности, наверное, все-таки должны быть поставлены в соответствие с интересами общества.

Ю. А. РЫЖОВ

— Начну с небольшого комментария к той дискуссии, которая возникла сейчас между вами и Г. М. Резником. Механизмы той балансировки, о которой вы говорили, существуют уже давно. Это баланс исполнительной, законодательной и судебной властей, и если они эффективны, не коррумпированы, если они не искажены, что мы имеем в нашей

стране сегодня, то баланс, о котором шла речь, может быть достигнут.

Я хочу вернуться к сегодняшней утренней дискуссии, Д. А. Гранин подчеркнул причины успешности пути Д. С. Лихачева, превращения его из высококлассного ученого, известного в широких научных кругах в стране и мире, в морального лидера, в нравственный эталон, чтимый и слышимый широкими кругами населения страны. Причину этого Даниил Александрович обозначил — телевидение. Практически тот же путь к широкому признанию и моральному лидерству прошел мало кому известный из-за своей секретной деятельности другой замечательный ученый — А. Д. Сахаров. Появление таких уникальных людей — явление редчайшее. К сожалению, для нашего времени характерно отсутствие на «зачищенном» пространстве публичной политики в России личностей, пусть не столь выдающихся, не такого масштаба, но слышимых, признаваемых по своим умственным, гражданским и моральным качествам. Уверен, что таких людей достаточно много, но у них нет пути доступа к людям. Нет теперь того телевидения, и вообще тех средств массовой информации, которые были во времена Лихачева и Сахарова. Зато есть списки людей, составленные то ли властью, то ли ее холуями, доступ которым на телевидение, а тем более в прямой эфир, категорически запрещен; есть и списки запрещенных тем.

Г. А. САТАРОВ

— Как известно из теории коммуникации, наше понимание текста определяется, во-первых, его содержанием, во-вторых, представлением об источнике, откуда поступает текст, и, в-третьих, контекстом. Если бы текст о необязательности абсолютизации прав человека Г. М. Резник услышал от Л. М. Алексеевой, то, видимо, реакция была бы одна. Но когда об этом заявляет представитель органов власти, представитель государства, которое ограничивает права граждан выбирать, которое ограничивает права граждан на информацию и доступ к информации, то он воспринимает это как контекст и соответствующим образом интерпретирует эти слова. Поэтому для меня его реакция абсолютно объяснима. Теперь я перехожу, собственно, к сути нашей дискуссии. Хочу вам предложить некий альтернативный взгляд на сравнение культур, а стало быть, на самобытность, выбор пути и т. д. Для того чтобы моя точка зрения была понятнее, начну с интересного примера из этнографии. Среди североамериканских племен есть племя наскапи, у которого существует ритуал: перед тем как идти охотиться, шаман племени коптит над кост-

ром лопатку оленя — это такая треугольная плоская кость, — потом смотрит, куда направлен самый длинный «язык» копоти и направляет туда свое племя. То есть речь идет о датчике случайных направлений. Представьте себе, что в этом племени происходит революция, и власть захватывает главный охотник, который говорит: «Чего нам 500 лет дурили головы эти шаманы?! Помните, какого оленя мы завалили у Нижнего ручья? Поэтому теперь надо охотиться только у Нижнего ручья...» Все закончится весьма плачевно — племя вымрет. Поскольку вы наверняка помните главную теорему теории игр: если твой противник использует против тебя случайную стратегию, то твоя ответная стратегия не может быть детерминированной; оптимальной может быть только случайная стратегия. Проблема в том, что мы живем в условиях постоянной игры с как минимум одной непредсказуемой средой. Эта среда называется «будущее». И игра с этим случайным будущим может быть только с применением случайности. Я озвучу следующую крамольную мысль. Различие двух культур — западной и восточной — состоит в том, что они по-разному внедрились в себя хаос. Западная культура внедрила его через институализацию хаоса. Приведу самый последний и свежий пример нашего личного российского неудачного опыта институализации хаоса. Задайте себе вопрос: зачем нужны выборы? Почему говорят правильные демократы, что выборы правильны тогда, когда их результат непредсказуем? Потому что одна из ключевых функций, я это утверждаю и готов доказывать в более длительной дискуссии при другом регламенте, — это генерация случайных направлений развития. Есть, конечно, множество других функций, любые институты, вы прекрасно знаете, многофункциональны, но обычно эта функция выборов слабо рассматривается. Но это та же самая лопатка оленя, это случайная игра с будущим. Таков путь западный. Восточный путь, если говорить, например, о китайском, другой, — он имплантирует хаос не в институты, а в мировоззрение. Известно, что китайское мировоззрение — это сплав двух философий: конфуцианской — философии порядка и даосизма — философии хаоса. И то и другое смешано в повседневных и фундаментальных представлениях современных китайцев. Вы знаете китайскую историю, их отношение к революциям, условно говоря, абсолютно спокойное отношение как к чему-то неизбежному. Накапливаются дефекты, так сказать, действующего направления, потом происходит нечто хаотическое и абсолютно непредсказуемое, и начинается движение в другом направлении.

Ф. А. ЛУКЬЯНОВ

— Я оттолкнулся тоже от той дискуссии, которая завязалась на первом заседании и продолжилась здесь. Мне кажется, что слово «глобализация», столь популярное сейчас, употребляется в связи с совершенно разными явлениями, его по-разному интерпретируют, и существует множество различных определений. Применительно к тому, о чем мы говорим, глобализация — это стирание границ, но не только в прямом смысле, то есть национальных, экономических, но и стирание границ между идеологиями, какими-то картинками мира, которые раньше были очень четко разграничены. С одной стороны, можно сказать, что в процессе глобализации побеждает, скажем, либеральная западная система, система рынка. Понятно, что плановое хозяйство оказалось практически везде неконкурентоспособно, и те страны, которые раньше шли этим путем, теперь перенимают то, чему они раньше противостояли. С другой стороны, перенимая эти правила игры — рыночные или как бы западные, — они адаптируют их таким образом, что выхолащиваются очень многие понятия, которые раньше были несущими. То есть та рыночная экономика, которая утверждается в Азии, заметно отличается от той, которая изначально была на Западе. Сами понятия, запущенные с Запада и вполне победившие в идеологическом противостоянии, возвращаются обратно и вызывают ту реакцию, на которую на Западе не рассчитывали. Более того, мне кажется, что сейчас мы видим процесс формирования совершенно неожиданных конструкций — политических, идеологических, когда пока в не очень явной, но уже заметной форме возникает потребность в защите в глобальном смысле. И противопоставление, о котором говорил Г. М. Резник, между интересами личности и интересами системы сейчас в определенной степени начинает вытесняться другим противоречием — между интересами безопасности той же самой личности и системы (когда-то они совпадают, когда-то — нет) и интересами свободы.

Напомню слова Д. С. Лихачева о том, что Россия, безусловно, европейская страна. Я целиком и полностью с этим согласен. Мне кажется, что все наши интеллектуальные конструкции, с помощью которых мы пытаемся сами себе доказать, что мы не европейцы, а евразийцы или кто-то еще, разбиваются об один простой факт: как бы мы сами к себе ни относились, Европа нас при всех поправках воспринимает европейцами, а Азия нас азиатами никогда не воспримет, то есть это абсолютно другой мир, для которого Россия является чужой. Кстати, что такое азиатский

путь, если убрать всяческие украшения? Это абсолютно беспощадная эксплуатация рабочей силы без каких-либо социальных гарантий, без пенсионной системы и хищническое использование ресурсов и окружающей среды. Очень сомневаюсь, что такой путь вообще кому-нибудь в России был бы интересен.

Что касается осмысления прошлого, то вместо того чтобы реально задуматься о его уроках, из каких-то элементов прошлого (причем элементы совершенно разные, друг с другом иногда с трудом сочетающиеся) пытаются, как из строительного материала, построить то ли национальную идею, то ли идеологию, то ли вообще какую-то оболочку для того, чтобы ее «нахлобучить» на происходящие события. По-моему, это роковая ошибка, которая приводит к тому, что Россия, к сожалению, на многих этапах своего развития движется по кругу.

В. М. ДИАНОВА

— Мне кажется, что ключевое слово сегодняшней встречи — глобализация. О диалоге культур мы говорили раньше, но именно глобализационные процессы поставили эту проблему очень остро. И, может быть, беда в том, что возникли сначала глобализационные процессы как факт, как объективная реальность, с которой мы столкнулись, и только потом разного рода теоретические концепции, которые попробовали эти процессы осмыслить. Следует четко различать глобализационные процессы в сфере экономики и в сфере культуры. Потому что в первом случае они ведут к унификации, к единообразию, и не надо автоматически такие же характеристики переносить на сферу культуры. Любая культура тем богаче и тем более ценна, чем больше в ней разнообразия внутри. Поэтому, говоря о глобализационных процессах, я бы хотела подчеркнуть не то, что глобализационные процессы — это стирание границ, а это взаимопроникновение и, может быть, переход, переступание, но все-таки не стирание.

Почему возникает такое яркое противостояние этим глобализационным процессам? Потому что как раз глобализационные процессы пугают тем, что в сфере культуры это может привести к унификации, единообразию. И мне кажется, что задача культурологов и политологов — выработать такие концепты, которые помогли бы сохранить многообразие культуры в период глобализационных процессов. Обратимся к проблемам Болонского процесса, которые предусматривают соблюдение необходимых требований и стандартов для всех присоединившихся к этому процессу

стран, однако во всех документах прописано, что приветствуется и сохранение национальной специфики в образовании. То есть тем мы будем и ценны, что привнесем в этот образовательный процесс свою национальную специфику.

Чтобы осмыслить все эти процессы в сфере культуры, нужна соответствующая терминология. И если в сфере экономики мы прибегаем к термину «унификация, единообразие», то в сфере культуры, мне кажется, как раз уместно говорить о создании универсальной культуры, понимая под универсальностью в данном случае то общее, которое вмещает в себя множество, то есть общее, которое содержит в себе много разных составляющих. Существует еще один термин, который, я думаю, отчасти объясняет тенденции в культуре, — гибридизация культуры, соединение, взаимопроникновение Запада и Востока. Есть такой термин, который предлагают по отношению к культуре, — андрогинизация культуры, то есть в данном случае под андрогинностью понимается соединение западных и восточных тенденций.

Я вижу смысл нашей сегодняшней встречи в том, чтобы мы постарались выработать какие-то стратегии, объяснительные концепции, которые и позволяют сохранить национальное многообразие в условиях глобализации и не подвергнуться унификации.

Г. Г. СИМЛАСТЕ

— Позволю себе выступить в несколько непривычной роли — хорошего стрелочника на железной дороге и предложить несколько перевести вектор от глобальных проблем мирового контекста на реальную российскую почву, на базе которой мы эти глобальные идеи пытаемся реализовать. Когда мы говорим о том, что на сегодняшний период времени глобализация ставит совершенно новые проблемы, касающиеся подготовки кадров, сохранения культуры, влияния на национальную культуру, то мне думается, что сегодня стоит задаться вопросом: в наших многочисленных российских национальных вузах кого мы в итоге формируем? Сегодня экономические специальности многим вузам дают возможность выжить. По существу, мы формируем совершенно новую страту — новую экономическую интеллигенцию России. Через эту когорту новой экономической интеллигенции России какие мы взгляды ретранслируем? Мы из молодых людей воспитываем специалистов, которых требует западный рынок, — узких профессионалов или мы пытаемся в них сохранить те наши духовные идеи высокой национальной российской

культуры? Через кого мы будем ретранслировать не только экономические идеи, но и способность просчитать социальные последствия принимаемых глобальных экономических решений? Мне кажется, социальная ответственность — это одна из граней российской духовности, которая всегда была характерна для интеллигенции. Речь идет о приоритетных ценностях. На первом месте — формирование предприимчивости, а отнюдь не духовные, нравственные ценности, о которых мы привыкли говорить. Второе место занимает уверенность в своих профессиональных знаниях, третье — постоянное совершенствование профессионального уровня, инициативность, и лишь четвертое — интеллигентность. Какие же ценности в духовном контексте мы будем считать приоритетными при формировании специалистов нашими многочисленными экономическими вузами, кого мы выпустим на международный рынок труда?

И абсолютно противоположный, большой вопрос — представительство нашей сельской интеллигенции в формировании ценностей и сохранение ценностей культуры в России. Сельская интеллигенция вымирает, если принять во внимание, что у нас в 8 % российских сел больше нет ни одного жителя, а в 10 % живет менее 25 человек. Итак, экономическая и уходящая на задний план сельская интеллигенция — каким образом через эти две очень мощные по своей силе влияния и очень разные в российской сегодняшней действительности страты интеллигенции мы с вами будем ретранслировать те глобальные культурные ценности, о которых сегодня справедливо говорим?

А. А. ЛИХАНОВ

— Есть наши разговоры о высоком, и есть жизнь, которая нас окружает. Я хочу вам преподнести несколько публичных «оплеух», которые в том числе предназначены и мне. В прошлом году в нашей стране дети совершили 1200 убийств, 150 тыс. детей привлечено к уголовной ответственности. 13 тыс. преступлений и уголовных дел возбуждено по отношению к девочкам. В нашей стране 740 тыс. детей-сирот. При этом после Второй мировой войны их было 678 тыс. Растет число колоний для несовершеннолетних детей; в 1991 г. в России было 850 детских домов, сегодня их 2100. Министерство образования и науки получило предложение закрыть 5500 малокомплектных сельских школ. Президентом была предложена идея закрыть государственные детские дома и передать детей на воспитание гражданам с соответствующими финансовыми гарантиями. Мы

переживаем по отношению к детству эпоху непонимания государством его проблем. И мне кажется, что интеллигенция — единственная часть общества, которая способна объяснить нашей власти суть проблемы.

В. В. СОГРИН

— Я хочу вернуться к той схеме, которая заявлена в качестве главной на круглом столе «Диалог культур: самобытность, глобализация, толерантность». Угрожает ли глобализация равенству культур? Безусловно, угрожает. Соединенные Штаты Америки — самое богатое в мире общество, имеющее колоссальные возможности для того, чтобы утвердить свою культуру в качестве глобальной. Но дальше западная цивилизация и сами Соединенные Штаты Америки, благодаря демократии и либерализму, попадают в достаточно опасную ловушку, которую защитники национальных культур могут использовать. Я имею в виду одну из центральных тем концепции современной западной цивилизации — мультикультурность, которая проповедует равенство всех культур. Эта основополагающая заповедь современного либерализма и демократии оказывается в очевидном противоречии с тем, как понимает либерализм и демократию коллега Резник. С его точки зрения на либерализм и демократию, существует только одна концепция прав человека, а все остальное — это бесправие. Но с точки зрения концепции мультикультурности, которая является основополагающей ценностью в современной западной цивилизации и Соединенных Штатах Америки, возможны разные концепции прав человека, у каждой из существующих цивилизаций свои представления о правах человека.

Относительно абсолютной свободы. При наличии множества субкультур нужно изыскивать возможности и механизмы толерантности, консенсусы, и абсолютная свобода, конечно, таким механизмом быть не может. Согласно Лотману, свобода — это культура самоограничения, и если каждая субкультура не выработает для себя запрет, то хаос, конфликт культур неизбежен.

Сегодня массовая культура обладает огромным влиянием, и в результате обычная человеческая мораль, десять основных заповедей уже представляются элитарной культурой, доступной и приемлемой только для малой части общества. Мне кажется, что диктат массовой культуры в рамках российского общества обусловлен двумя факторами. Пока что сегодня назывался только один фактор — это то, что массовая культура приносит прибыль, поэтому средства массовой информации ее распространяют. Но я бы хо-

тел обратить внимание на второй фактор, который, на мой взгляд, очень важен. Массовая культура обслуживает интересы власти. Власть заинтересована в ее насаждении, поскольку массовая культура зомбирует сознание населения и отвлекает от возможности конфликта с властью.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Позволю себе тоже высказаться, потому что В. В. Согрин затронул несколько вопросов, которые меня очень волнуют, и остаться в стороне я не могу. Небольшая ремарка: раньше на телевидении была цензура обкомов, центрального комитета партии. Сейчас нам рекомендуют руководствоваться критериями опросов Гэллапа. Это означает, что на место ЦК пришла американская корпорация, которая проводит весьма сомнительные опросы весьма сомнительными методами, получая весьма сомнительные результаты.

Далее — меня очень серьезно волнует то, что происходит с мультикультурализмом. Эта новая проблема хорошо просматривается на примере Соединенных Штатов. США всегда считались культурным котлом, тиглем, в котором переплавляются очень многие культуры в господствующую англо-протестантскую культуру белой расы. Сегодня впервые им угрожает опасность со стороны мексиканского и китайского населения. Мой друг, ректор американского университета, делился со мной: «Я семь лет назад преподавал на испанском языке, а сейчас — на мандарино-китайском языке. Мой бизнес этого требует, но я в ужасе, я не знаю, что мне с этим делать». Что будет делать Америка, когда ее захлестнут национальные меньшинства, которые превратятся в национальное большинство и потребуют перемен в системе массовых коммуникаций, причем очень глубоких? Сохранится ли гражданский мир в этой ситуации? Россия всегда была чрезвычайно терпима к другим народам, к другим верам и очень мягко переплавляла иноверцев и в свою религию, и в свою культуру. Но как мы будем жить, когда у нас, например, в Петербурге мусульманская часть населения сравняется по численности с той частью населения, которая свои корни видит в христианстве? Сохранение национальной самобытности — очень серьезная проблема, которая, кстати, при разумном подходе может решаться. Но как будет решаться проблема, когда культура национального меньшинства достигает критической массы? Будет ли достигать культура самоограничения, станут ли тут более многочисленные мощные этносы прислушиваться к малочисленным этносам — очень большой вопрос.

В. Ф. ПЕТРЕНКО

— В культуру входит не только ее экономическая составляющая или право, о чем сегодня шла речь, но и состояние сознания, которое культивируется и присуще разным культурам, возьмем индуизм, конфуцианский Китай, Юго-Восточную Азию. Измененное состояние сознания — это не только некая экзотика — медитация, молитва, но и состояние фанатов на футбольных стадионах или на концерте своего кумира. В культуру входят и психотехники, которые задают эмоциональное состояние человека.

Теперь коротко коснусь того, о чем говорил В. В. Согрин: как избежать культурной унификации. Если вспомнить принцип необходимого равноправия Эшми, то достаточно большой, сложной системе, которой является мировая цивилизация, необходимо определенное разнообразие культур, запас идей, культурных стереотипов, системы ценностей, чтобы человечество выбирало возможные пути, идеологию, культуру. Но избыток, как мы знаем из биологии, ведет к мутации, в нашем случае — к появлению людей вне культуры и пр. Что касается культуры как наличия определенных форм ограничений, то профессор Назарикян разрабатывает так называемый закон Седова: для того чтобы система развивалась на более высоких этажах, чтобы она имела свободу развития, она должна стандартизировать некоторые нормы на более низких этажах, то есть определенная форма стандартизации более низших форм освобождает общественное сознание для выбора свободы на более высоких уровнях. Возьмем религиозные нормы. Почти все они начинаются с «не»: не убей, не укради, не прелюбодействуй и т. д. Примерно 2000 лет назад была выработана система ограничений, которая позволила осевым цивилизациям сделать мощный рывок в цивилизационном развитии. Мне кажется, определенный кодекс взаимоотношения культур, стран должен существовать. Невозможен толерантный диалог, если в современном Афганистане человека могут приговорить к смертной казни за то, что он христианин. Есть определенные нормы, которые страны должны принять, чтобы войти в цивилизационную семью народов.

Ю. В. СЕНЬКО

— Одним из важнейших уроков Д. С. Лихачева является понимание того, что XXI век — это век гуманитарной культуры, то есть культуры, связанной с обращением к другому, к его духовному опыту за сомыслом, сочувствием, содействием. Именно так понимается педагогический процесс. Если он понимается иначе,

то все выстраивается по-другому и от лукавого, и тогда на первый план выходит предмет, а не те смыслы, которые стоят за ним. Если вы помните, в свое время еще В. А. Сухомилинский заметил, что образование оказалось оторванным от духовного опыта ученика, и это до сих пор остается центральной проблемой образования. Для меня, например, глобализация образования — это выстраивание его на гуманитарных отношениях вне зависимости от того, в какой культуре это происходит. И тогда возникает задача услышать друг друга и понять. Об этом знал еще Платон, он видел опасность, которая заключалась в том, что чем квалифицированней говорит человек, тем больше он теряет способность к разговору, потому что главной ее характеристикой является умение слышать другого. Последний из столпов Ренессанса, Бальтасаре Кастильоне, написал трактат «Идеальные придворные». Каким должен быть идеальный придворный? Оказывается, идеальный придворный — это не только тот, кто обладает всеми знаниями, обращен к другому, добр, внимателен, заботлив. Если перевести это на педагогическую тему, то даже всем этим обладая, учитель не будет идеальным. Идеальным он оказывается тогда, когда он видит и вычерпывает для себя из сложившейся ситуации задачу, которую никто, кроме него, решить не может, и тогда, когда эта задача выступает для него как нравственное условие его существования и самоопределения в культуре. Наша забота заключается в подготовке учителя-интеллекта, учителя страдающего, понимающего, сомневающегося, принимающего других такими, какие они есть со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это, думаю, первейшая задача становления нового человека, именно человека культуры.

С. Н. ИКОННИКОВА

— Я хочу вспомнить сегодняшнее пленарное заседание и выступление М. Б. Пиотровского, в котором он высказал сожаление по поводу того, что слово «культура» исчезло из правительственных документов, в том числе из послания Президента. И проекты, которые намечались, тем более в сфере образования, могут относиться к культуре, но все-таки на правительственном уровне этот вопрос не обсуждается. Определенную инерцию социального и культурного развития мы имеем. Так или иначе мы еще долгое время будем ждать или как-то ориентироваться на ту стратегию, которую вырабатывает общество и которую мы хотим поддерживать, разрабатывать дальше, соглашаться или нет. И в этом смысле та свобода слова,

которая существует, позволяет держаться именно в данных рамках.

Если говорить о проблеме глобализма, то прослеживается несколько достаточно четких тенденций. Первая связана с мистификацией глобализации, она становится страшилкой, и на этом фоне возникает психологическое состояние отторжения и, что самое опасное, недоверия. Вторая — антропологическое измерение глобализации. Мне кажется, оно сейчас едва ли не главное потому, что с финансовым, экономическим, экологическим, политическим все ясно. А человек? Каков он — человек мира? Третья тенденция — взаимодействие мировой и национальной культур. Какое место Россия и русская культура, кроме Достоевского, Чехова, занимает в этой мировой культуре? С этих позиций и следует вести диалог, который вполне реален.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Я хотел бы еще сегодня обратиться к Г. А. Сатарову. Вы меня, признаться, запутали совершенно — речь идет о том, возможно ли воспринимать историю как теорию случайных чисел или это процесс, происходящий в результате самопроизвольно выбираемых человеком стратегий. А почему, собственно, оппонент должен выбрать случайную стратегию? Почему выборы — это случайный процесс? Почему обязательно вся наша жизнь — это игра? Д. С. Лихачев примерно десять лет назад на одной из наших дискуссий говорил о том, что он верит в волю человека. И он не говорил про случайности, он понимал ее в другом смысле — как неопределенность, порожденную неизвестностью столкновения воли разных людей. Чья воля победит, чья харизма, интеллект, идеи и так далее, какая личность победит, то и случится. Лихачев представлял себе историю в значительной степени как результат столкновения деятельности личностей, которые за собой кого-то ведут.

Теперь я хочу признаться в одной вещи. С. Н. Иконникова побудила меня это сделать. Как ученому мне интересно изучать другие культуры. И сегодня М. Б. Пиотровский сказал потрясающую фразу: «Надо уметь получать удовольствие от чужой культуры». Я как турист обожаю индуса в чалме в Индии, араба в Египте, американца в Америке. Но если я перейду на свой личностный уровень и вообразу, что выйду на Невский и увижу там большинство людей в бурнусах, чалмах и паранджах, то почувствую себя несколько неестественно. Я не знаю, случится ли такое, но психологически я к этому не готов. Как ученый я готов изучать, но как рядовой гражданин — я боюсь.

В. Е. ЧУРОВ

— Не хочу отнимать лавры у известного адвоката, но намерен выступить в роли защитника. Прежде всего я хочу защитить нашу массовую культуру, по крайней мере, в двух ее проявлениях: продукции кино и книгоиздания. На Западе уже появились, как раньше бы сказали, злопыхательские заметки о русской киношизофрении. Для них совершенно непонятно и непредставимо, что сериалы на основе литературной классики могут пользоваться массовым спросом. Равно и то, как быстро вытеснили наши фильмы по сборам всю остальную кинопродукцию: в 2006 г. в первом полугодии первые шесть мест занимают российские картины. Что касается издательской деятельности, то при известной нам с вами деградации редактуры и перевода в целом, мы никогда еще не имели такой возможности выбора книг. Во-вторых, я хотел бы защитить американскую культуру — опять же в некоторых ее проявлениях. И хотел бы обратить ваше внимание на то, что мы с вами воспринимаем прежде всего те элементы американской культуры, которые по сути являются исконно русскими. Нынешняя мода на американское кино 1930–1950-х гг. — это кино, созданное русским Голливудом. Другое дело, что, к сожалению, и основатели Голливуда, и актеры, и режиссеры до определенного периода предпочитали скрывать свое российское происхождение. Кроме того, примером прекрасного проникновения американской культуры в российскую действительность является высокохудожественный, высокоинтеллектуальный университетский журнал «Очень^{UM}», который, безусловно, лучше аналогичных журналов американских университетов. Такой журнал в России прежде не издавался. И в-третьих, я хотел бы защитить доллар. Вы знаете, что Государственная Дума, и я в том числе, запретила употребление доллара, но в душе я категорически против этого, потому что знаю, что доллар и рубль — это братья, у них один отец — талер. «Обрубленный» талер — это рубль, а талер в произношении на американском континенте — это доллар. Поэтому мы должны заставить американцев точно также любить рубль, как мы готовы любить доллар. И последний призыв. Страх — нехорошее чувство. Давайте ничего не бояться, в том числе и глобализации, а разумно к ней подходить, анализировать, ставить там, где нужно, барьеры и фильтры. Вот пример того, как не надо бояться глобализации. Глобальная транснациональная корпорация TNK BP, в руководстве которой, как мне известно, нет ни одного православного человека, реставрирует Александро-Невскую лавру в Санкт-Петербурге.

В. П. ЛУКЬЯНИН

— Несмотря на жесткость регламента, я хочу разделить это короткое выступление на две части. Теоретическое вступление: мы очень много спорим, оперируя не глубинно понятиями явлениями, а идеологическими стандартами. Вот популярнейший стандарт: нет в мире лучшего устройства, нежели демократия. Но это лишь один из способов, который может обсуждаться, и, может быть, в разных условиях он не самый лучший. Теперь перехожу к сути. Да, мы обсуждаем проблему глобализации. Это процесс естественный, неостановимый, но в нем участвуют две тенденции, прямо противоположные. Одну тенденцию очень политкорректно организаторы чтений назвали «национальной самобытностью». Но, вообще говоря, это и тенденция к национальному изоляционизму. Другая тенденция — толерантность. Тенденция к изоляционизму вырывает человека в том случае, когда мы знаем все вместе относительно мало по сравнению с бесконечным неизвестным нам, не исследованным до конца миром. Тогда мы опираемся на традицию, на инерцию. Что касается толерантности — надо любить и уважать друг друга, но, следуя путем толерантности, мы разрушаем основную тенденцию, лежащую в основе нашего культурного развития.

А. В. КУЗНЕЦОВ

— Я хотел бы сказать несколько пессимистических слов по поводу диалога культур. Мне кажется, что большинству нормальных людей, даже не очень образованных, общение, любое соприкосновение с чужой культурой интересно просто потому, что интересно, в том числе и на бытовом уровне. Что этому мешает? Ксенофобия. Причем под ксенофобией я понимаю не те абсолютно мне понятные и мной разделяемые опасения, которые высказал А. С. Запесоцкий, а именно агрессивное неприятие права других людей быть другими. И в этом смысле я полон, так сказать, самого черного пессимизма.

Во-первых, бороться со взрослыми, сформировавшимися людьми, мне кажется, не имеет смысла, их уже не переделаешь, их можно только ограничивать определенными рамками, правилами поведения, предписанного законом. Но здесь мы, простые граждане, почти бессильны, это обязанность власти. Значит, бороться надо за умы, в первую очередь молодого поколения. И вот здесь, мне кажется, ситуация абсолютно беспросветная. Кто формирует умы молодого поколения? Семья. Здесь мы ничего сделать не можем. Ни общественность, ни государство, никто.

Во-вторых, школа. И вот здесь, на мой взгляд, самое страшное, потому что по мое-

му опыту, и дай бог, чтобы я был не прав, подавляющее большинство современных учителей — люди, ксенофобией зараженные и несущие ее своим ученикам. Этому можно найти множество объяснений, которые будут вполне логичны. Это, так сказать, и материальное положение учителей, которое никогда, к стати, не было блестящим, но таким плохим не было при советской власти, по крайней мере в последние ее десятилетия. Это и утрата определенного общественного уважения, все-таки, как бы то ни было в 1960–1970-е гг. (про другие мне трудно судить), учитель был окружен общественным уважением. Сейчас это значительно меньше чувствуется. И в результате получилось, что в классе один на один с 20–30 учениками остаются люди разочарованные, зачастую озлобленные, и, к сожалению, подавляющее большинство учителей не учатся, скажем, у Ш. А. Амонашвили, не читают его книг, не читают книг других учителей-гуманистов. Это люди, так сказать, пропагандирующие идею «Россия для русских» в самом ее примитивном исполнении, ну а некоторые и еще более крайние идеи «бей — спасай». И при том, что практически новых молодых «потоков» в школу не идет. Боюсь, что в ближайшие годы ситуация не изменится.

Кто мог бы повлиять в этом смысле на умы молодых людей? Это интеллигенция. Мне кажется, в последние пять-шесть лет сложилась ситуация уникальная, которой в нашей истории пока не было. Дело в том, что российская интеллигенция качественно отличается от того, что принято называть «людьми умственного труда» — это не просто люди умственного труда, это люди с определенной нравственной позицией, с определенными жизненными установками. Как мне кажется, в большой степени этот слой общества был сформирован властью, ее оппозицией к власти. Начиная со второй половины XIX в. интеллигент не обязательно активно выступал против власти, но, по крайней мере, внутренне относился к ней достаточно настороженно. И пока власть в свою очередь демонстрировала этим людям свое неприятие, преследовала их, пока она затыкала им рот, тем самым она их поддерживала, как это ни парадоксально. А то, что я наблюдаю последние пять лет — это просто полное игнорирование интеллигенции. И с этой точки зрения я не представляю себе, как можно пропагандировать интернационализм в хорошем смысле этого слова, если те, кто должны его донести до людей — в большинстве своем, к сожалению, мне кажется, этого делать не будут.

А. Г. КУТУЗОВ

— Мне вспомнилась ситуация, в общем, может быть и парадоксальная, но тем не менее имеющая отношение к тому, что мы сегодня обсуждаем. Я вспомнил 1916 г., Таврический дворец и выступление графа Игнатьева — тогдашнего министра образования Российской империи в Думе с предложениями по поводу реформирования системы российского образования. Вы, конечно, все помните, что речь шла о демократизации внутренней жизни и возврату к национальным образовательным ценностям. Самое удивительное то, что ему досталось со всех сторон: и от тогдашних демократов социал-революционеров и от сторонников самодержавия. В результате реформа не состоялась. Очень ценные и важные подходы, которые там были заложены, ушли надолго, и сейчас мы пытаемся что-то возродить.

Итак, реформа умерла, но победу одержали марксисты. На мой взгляд, марксизм — это достаточно жесткий материализм, а если экстраполировать на человека — это пессимизм. Следующая победа такого плана — это победа российского экономического либерализма, а в моем понимании — еще более жесткий материализм и в каком-то смысле даже не пессимизм, а духовная пустота. В рамках такой пустоты проблемы толерантности не существует, потому что, если место пустое, оно легко занимает чем угодно, что сегодня может быть активно внедрено средствами массовой информации. Значит, если мы все-таки хотим, чтобы диалог культур был и проблема толерантности оставалась актуальной, мы должны возвращаться к некоей системе ценностей, которая принимается большей частью народа. Эти ценности формируются и разрушаются веками. Если эти ценности разрушены, значит, народ перестает существовать. Но разрушить их очень тяжело. Обратите внимание, что с 1991 г. перестали говорить о воспитании в школе, потому что считалось, что любое воспитание — это идеологически мощный пресс, против которого надо бороться. Но ведь от идеологии все равно никуда не уйдешь. Так вот, образовывать можно практически одинаково по общим лекалам, а воспитывать таким образом не получится. Воспитание всегда происходит в рамках определенной системы национальных ценностей, размытие которой чрезвычайно опасно. И здесь проблема толерантности встает очень остро. Мы говорим нашим ученикам, что А. В. Суворов — наш национальный герой, а в Польше, вы понимаете, отношение к нему принципиально другое. Что в этой ситуации нам с вами делать как людям, которые хотят жить в единой Европе? Надо признать, что

он на самом деле не герой или наполовину герой?.. Такие примеры можно приводить бесконечно, но опасность эта преодолима. Она преодолима не с помощью подбора толерантных интерпретаций, а лишь введением в обязательном порядке толерантности в систему национально-образовательных ценностей. Сейчас это сделать чрезвычайно сложно, потому что, если вы помните, до сих пор не сформулирована новая цель образования. Последняя цель была сформулирована в 1990 г., и она звучит приблизительно так: «Разностороннее развитие личности». Фактически это интерпретация советской формулы: «Всестороннее развитие личности — строителя коммунизма». Поддерживая мнение академика Ю. В. Сенько, необходимо сказать: существующая сейчас наукоцентричная организация учебного процесса неизбежно приведет к тому, что проблем толерантности не будет, потому что будет пустота.

Б. Г. ЮДИН

— Когда мы познаем другую культуру, то мы познаем тем самым и самих себя, и когда мы взаимодействуем с другой культурой, мы также познаем самих себя. Поэтому ксенофобские настроения особенно опасны, потому что мы сами себя теряем.

Дискуссия по поводу мультикультурализма и прав человека — насколько они универсальны — актуальна, но я хотел бы обратить внимание на то, что все страны — члены Организации Объединенных Наций остаются таковыми, поскольку они согласились с некоторыми универсальными нормами в области прав человека. То же самое касается и ЮНЕСКО, и других международных организаций. Значит, есть какая-то универсальная составляющая в правах человека, с которой нельзя не согласиться, не будучи изолированным от мирового сообщества. Мне довелось работать над Декларацией ЮНЕСКО, которая была принята в октябре прошлого года, — это Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека. Было очень много споров, работа шла тяжело, поскольку отстаивались вопросы культурной самобытности, шедшие вразрез с гуманистическими нормами.

Г. А. САТАРОВ

— Я попытаюсь ответить на ваш вопрос, сославшись в качестве иллюстрации на следующий пример. Почему игорный бизнес рентабелен — я имею в виду честный игорный бизнес, где честно крутится рулетка, честно бросается шарик и абсолютно случайно куда-то попадает, на какое-то число и какой-то цвет. А рентабелен он только потому, что

люди с упорством, достойным лучшего применения, используют против игорного бизнеса детерминированные стратегии. Все, что можно сделать с игорным бизнесом, это свести его рентабельность к нулю, но у него нельзя выиграть. Теперь по поводу столкновения воли. Я вам расскажу про одно такое, абсолютно типичное, происходящее каждую пятницу, особенно летом, в Москве. Ближе к концу дня, когда все автомобилисты едут на дачу, каждый стремится обогнать соседа. Что в результате этого получается? Столкновения, гигантские пробки, и в итоге проигрывают все воли вместе. Если бы они ехали нормально, со скоростью 80 км/ч, доехали бы, конечно, не быстро, но за два часа. А в результате столкновения воли все без исключения доезжают за пять часов. Я, конечно, немного утрирую картину, но такова абсолютно типичная ситуация человеческого столкновения воли. Теперь немного теории. Мой любимый Фуко в своей книге «Слова и вещи» написал, что современности — «модернити» — всего 200 лет. А что отделяет модернисти от не-модернити, то есть не пост, а до? Представление о том, что на социальный порядок можно влиять. То есть раньше, до модернисти философы и историки обосновывали существующий социальный порядок, а после — начали обосновывать необходимость и возможности его изменения. Назовите мне хотя бы один успешный проект изменения социального порядка? Нет ни одного.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— Порядок меняется, тем не менее.

Г. А. САТАРОВ

— Да, конечно, меняется. Точно так же, как менялся человек. Мы, совершенные, умные, дискутирующие на тему толерантности и столкновения цивилизаций, являемся результатом какого-то осмысленного проекта? Отнюдь — филогенетического дрейфа. Лауреаты Нобелевской премии пишут нам о том, что более-менее эффективные институты рыночной экономики — результат случайного институционального дрейфа. С этим надо смириться. В космогонии Древнего Египта люди уже успели смириться с тем, что хаос — это плодотворно, хаос попеременно сменяет порядок и т. д. Потом мы об этом забыли. Теперь хаос для нас — враг, да? Не поймите меня неправильно, что я, так сказать, проповедник полного индетерминизма — нужно складывать руки и т. п. Я просто в полемическом задоре пытаюсь маятник качнуть немножко дальше, чем было бы разумно с точки зрения корректности чисто научной.

Г. М. РЕЗНИК

— Все люди рождаются равными в своей свободе и достоинстве, гласит текст Декларации прав человека. Это некая идея, до которой додумалось человечество, но это вовсе не означает, что люди по природе своей равны. Давайте разделим сферу права и морали и сферу культуры. Как говорит профессор Согрин, «все культуры равны». Что это значит? Они в правовом отношении равны, потому что каждый, кто исповедует какую-то культуру, имеет такое же право ее исповедовать и придерживаться, как все другие люди. Но все ли национальные культуры на территории бывшего Советского Союза, России по вкладу в мировую культуру равны? Единственная культура мирового уровня, которая существовала на территории Советского Союза, была русская культура. Я никого не хочу обидеть, потому что в русскую культуру внесли вклад люди разных национальностей — грузины, узбеки, украинцы, мои соплеменники евреи, чем я горжусь. Поэтому всех нас здесь объединяет тревога за судьбы великой русской культуры, за русский язык, который является родным для всех нас. И я не совсем согласен с академиком Лихачевым в том, что мы европейцы. Но с другой стороны, конечно, ценности христианской культуры — архетип средиземноморский, который затем дал европейца, — конечно, нам ближе всего. И здесь, соответственно, мы должны быть согласны с тем, что повторял академик Лихачев — мы должны идти по пути европейской культуры.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

— В заключение сделаю несколько ремарок, совершенно не будучи убежденным, что я абсолютно во всем прав. Во-первых, я бы не хотел, чтобы среди присутствующих кто-то подумал, что здесь шел спор о том, уважаем ли мы права человека или нет. Безусловно, уважаем. Но мне кажется, что в жизни все-таки все немного сложнее. Если перед нами встанет конкретный выбор — жизнь ребенка или право какого-то человека, мы выберем жизнь ребенка. А значит, будет альтернатива между правами двух людей. Права человека, признанные международными организациями, никто, конечно, не оспаривает. И мне кажется, что диалог культур не предполагает, что в конечном счете все должно быть одинакового мнения по всем вопросам, а инакомыслящие должны быть уничтожены. Но есть два очень серьезных вопроса, которые сегодня были затронуты и по которым мне хотелось бы высказаться. Первый из них связан с массовой культурой. На мой взгляд, Д. С. Лихачев стал в нашей стране

явлением массовой культуры. И это очень хорошо. А вот когда явлением массовой культуры становится телепрограмма «Дом-2», — это очень плохо. Массовая культура бывает разная, встречаются в ней такие явления, по поводу которых мы не можем однозначно сказать, хорошие они или плохие. Мне кажется, что массовая культура нужна обязательно, но она должна пропагандировать высшие ценности, потому что задает образцы поведения, определяет нормы и идеалы. Именно поэтому «Дом-2» воспринимается как нечто неприемлемое, а Д. С. Лихачев должен стать образцом культуры для всех, и все должны жить по его этическим принципам. Я упрощаю немного, конечно, но хочу показать тенденцию.

Второй вопрос, который мне хочется затронуть, касается дилеммы «изоляция — толерантность». Думаю, ни полной изоляции, ни абсолютной всеядности в культуре быть не может, но я не знаю, где истина. Она,

может быть, даже не посередине. Человек способен существовать в разных культурах. Например, молодой человек может одновременно жить и в культуре молодежной компании, и в рафинированной культуре своих родителей. Мы не изучаем эти механизмы. Самое главное, мне кажется, чтобы не происходила дезорганизация личности в результате пребывания в разных культурах. Но есть одна проблема, к которой, по-моему, наша наука вообще еще не нашла подхода. Почему так обострилась проблема культуры? У каждой общности есть свои ценности, нормы, лидеры, культурные традиции и в связи с этим очень важен пространственный центр локализации. Настоящие столкновения культур начинаются там, где одни общности начинают вытеснять другие. Механизмы, как это происходит, не изучены еще ни отечественной, ни мировой наукой. Здесь у нас есть перспективы.

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

В. И. АДИШЕВ,

заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики Пермского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук, профессор

МУЗЫКА В СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ:
ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА

В данном материале раскрываются концептуальные основания музыкального образования в отечественных дореволюционных учебно-воспитательных заведениях закрытого типа — детских корпусах, женских институтах.

На рубеже 80–90-х гг. XIX в. для названных школ были разработаны концепции музыкального образования и на их основе созданы учебные программы по музыке. Подготовка данных документов инициировалась руководством Ведомства учреждений императрицы Марии и Главного управления военно-учебных заведений военного министерства, носила общественно-государственный характер, осуществлялась профессиональными музыкантами с участием работников учебных заведений и указанных ведомств, представляла собой пример плодотворного сотрудничества деятелей музыкального искусства и сферы образования. Механизм подготовки материалов включал создание первичных вариантов, альтернативных образцов, их обсуждение в институтах и корпусах, экспертизу с участием выдающихся музыкантов (в том числе М. А. Балакирева и Н. А. Римского-Корсакова), окончательную «доводку» и утверждение главами ведомств. Подготовленные концепции представляли собой целостные построения, в которых раскрывались как идейные основания преподавания музыки в школах закрытого типа, так и условия, соблюдение которых делало возможным воплощение теоретических представлений в образовательную практику.

Необходимость разработки концепций музыкального образования обуславливалась действием ряда факторов. Основной из них — углублявшееся противоречие между достигнутым к концу 1880-х гг. в России уровнем развития музыкальной культуры, научно-педагогической мысли и существовавшей в закрытых учебных заведениях идеологией и практикой преподавания музыки, уже не соответствовавших сложившимся в обществе новым запросам и представлениям в области обучения детей музыке, не «вписывавшихся»

в изменившийся социокультурный контекст. Для разрешения указанного противоречия, разработки новых концептуальных подходов к преподаванию музыкального искусства имелись необходимые *предпосылки* — достижения отечественной философской мысли и педагогической науки, практические «наработки» ряда педагогов-музыкантов, преподававших в институтах и корпусах, опыт отдельных учебных заведений в сфере музыкального просвещения учащихся.

Ведущей идеей в рассмотренных концепциях являлась идея о необходимости дать всем детям *общее музыкальное образование*, обеспечивающее их музыкальное и нравственно-эстетическое развитие. В основе концепции был положен взгляд на музыку как содержательное искусство, обладающее огромным воспитательно-образовательным потенциалом. Стержневыми в концепциях являлись положения об обязательности, всеобщности, непрерывности школьного музыкального образования, широте и разносторонности содержания этого образования, включающего хоровое и инструментальное обучение. Значение базовых в концепциях имели идеи о приоритетной роли хорового пения в процессе приобщения детей к музыке, индивидуальном подходе в обучении, его дифференциации, необходимости углубленного преподавания искусства музыкально одаренным детям.

Теоретическими *источниками* концепций, их фундаментальной основой явился выработанный отечественными мыслителями арсенал идей по вопросам воспитания и образования подрастающего поколения. Среди этих идей оказались востребованными, «проросли» в концепциях философские и педагогические постулаты о целостной личности и целостном образовании, гармонии национальных и универсальных ценностей в нем; преобразующей силе искусства, его необходимости как элементе общей культуры человека; особой художественной и воспитательной значимости произведений отечественного церковного и народного певческого искусства, а также

иные положения. Вместе с тем ряд идей, выдвинутых и обоснованных российскими учеными и музыкантами (о самооценности музыки, ее роли в самопознании человека и др.), остались вне поля зрения авторов рассмотренных документов.

Параллельно с разработкой концепции в указанный период были подготовлены учебные программы по музыке. Ведущими дидактико-методическими установками данных программ являлись следующие положения: осуществлять музыкальное образование на высоких образцах русского и зарубежного искусства — светского и церковного; основательно знакомить учащихся с языком музыки; тесно связывать обучение теоретическим основам музыки с певческой практикой; использовать разнообразные формы организации учебной деятельности, отдавая приоритет коллективным формам занятий; строить обучение на основе принципов доступности, последовательности, воспитания интереса к музыке.

Концепции и программы музыкального образования для женских институтов и кадетских корпусов содержали много общих положений, единых подходов к преподаванию музыки. Основу этого общего составлял идеал российского дворянина, сообразно которому осуществлялось образование и воспитание девочек и мальчиков данного сословия. Вместе с тем в указанных документах наблюдались и существенные различия (в целевой ориентации, содержании, формах и

средствах обучения), обусловленные действием гендерного фактора, спецификой учебных заведений.

Рассмотренные концепции и программы являлись новаторскими для своего времени документами. Будучи разработанными в русле передовых философско-педагогических представлений эпохи и связанными с лучшими достижениями отечественной образовательной практики, они заключали в себе обновленную идеологию музыкального образования, в значительной мере отвечавшей социокультурным реалиям России конца XIX в. Положенные в основание концепций идеи сопрягались, находились в органической связи с базовыми принципами российской цивилизационной традиции — приверженностью русских людей к духовным ценностям, общинно-соборным устройством их бытия, значительной ролью православия, церкви в жизни, культуре, просвещении россиян.

С разработкой концепций и учебных программ была создана научно-методическая база для перестройки практики преподавания музыкального искусства в российских школах закрытого типа. Изучение этой практики показало, что названные выше идеи и подходы получили в ней достаточно полное воплощение. Корпуса и институты, осуществляя учебную деятельность на основе указанных концептуальных положений, давали своим воспитанникам качественное и разностороннее общее музыкальное образование.

Н. М. АЛЕКСАНДРОВА,

заместитель директора по научной работе Государственного научного учреждения
«Институт профессионально-технического образования» РАО,
доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РАБОЧИХ В КОНТЕКСТЕ КОПЕНГАГЕНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ

Декларация Европейской комиссии и министров профессионального образования европейских стран по развитию сотрудничества в области профессионального образования и обучения в Европе, принятая на заседании в 2002 г. в Копенгагене, зафиксировала создание в Европе к 2010 г. системы образования и профессионального обучения, которая станет общепризнанным стандартом качества в мире. Данная программа предусматривает дополнительные мероприятия по внедрению механизмов, обеспечивающих прозрачность дипломов и квалификаций

(включая мероприятия по образцу), реализуемых в рамках Болонского процесса и скорректированных с учетом особенностей профессионального образования в училищах, лицеях, колледжах. В положениях Декларации отмечается, что повышение возможностей образования, выработка активной гражданской позиции выпускников профессиональных училищ, лицеев и колледжей, укрепление социальных связей реализуют стратегию образования человека в течение всей жизни и его мобильность на международном рынке труда.

Укрепление международного сотрудничества в области профессионального образования и обучения является одним из важнейших факторов, катализирующих создание европейской системы профессионального образования и обучения. Прежде всего потому, что оно способствует повышению взаимного доверия и признания компетенций и квалификаций рабочих и специалистов. В данном процессе укрепляются партнерские отношения не только между педагогами и студентами учебных заведений, но и научными коллективами учреждений и учебных заведений различных стран Европы, что активно способствует выработке позитивных решений в пересмотре квалификаций и компетенций, разработке образовательных стандартов и создании многоуровневых систем обучения «рабочий-специалист».

Государственное научное учреждение «Институт профессионально-технического образования» Российской Академии образования, возглавляемое академиком РАО А. П. Беляевой, в течение многих лет сотрудничает с научно-педагогическими кадрами институтов и центров, занимающимися проблемами подготовки квалифицированных рабочих Республики Беларусь, Польши, Финляндии. Совместно с научно-педагогическими работниками этих стран разработаны: модульная модель непрерывного многоуровневого профессионального образования механиков (утверждена и объявлена Министерством национального просвещения обязательной в системе профессионального образования Польши); проект международного сотрудничества профессиональных училищ Российской Федерации и Финляндии по обучению оленеводству (реализован в Обучающем центре саамского региона Финляндии и в профессиональных училищах № 25 и № 26 Мурманской области); концепция интенсивной педагогической системы производственного обучения по профессиям машиностроительного профиля в условиях непрерывного многоуровневого профессионального образования (реализована в Высшем техническом училище г. Минска).

Модель модульной системы непрерывного многоуровневого профессионального образования механиков включает новые Перечень и Классификатор, профессиологические модели профессий, систему управления качеством, учебно-программную документацию, научно-методическое обеспечение педагогических процессов, дидактические средства, проекты профессиональных стан-

дартов, критерии и показатели эффективности обучения.

В рамках проекта международного сотрудничества профессиональных училищ Российской Федерации и Финляндии по обучению оленеводству осуществлен сравнительный анализ предметных областей обучения учащихся сельскохозяйственным профессиям в этих странах; созданы и внедрены примерные учебные и тематические планы различных сроков обучения для подготовки квалифицированных рабочих по профессиям: «Хозяйка оленеводческой фермы», «Мастер сельскохозяйственного производства (мастер-олeneвод)», «Изготовитель художественных изделий из дерева, кости и оленьего рога»; разработаны учебные программы по общетехническому, общепрофессиональному и частнопрофессиональному циклам обучения, в том числе: «Оленеводство», «Основы лесохозяйственного производства», «Охрана природы с основами экологии», «Внеэкономическая деятельность», «Управление фермерским хозяйством», «Информационное обеспечение», «Основы этики и психологии», «Организация и технология работ в оленеводческом хозяйстве», «Техническое обслуживание и ремонт машин», «История и культура народов Севера», «Саамский и финский языки», «Семейная педагогика»; создано научно-методическое обеспечение учебного процесса. В течение трех лет 30 учащихся профессиональных учебных заведений Мурманской области проходили теоретическое и производственное обучение по программам, разработанным совместно учеными-педагогами Российской Федерации и Финляндии, территориально обучение осуществлялось и в России, и в Финляндии. Первый выпуск квалифицированных рабочих был осуществлен в 2001 г. По окончании обучения выпускникам были вручены дипломы профессионального образования Российской Федерации и Финляндии, при этом дипломные специализации не дублировали, а логично дополняли друг друга.

Проверка интенсивной педагогической системы производственного обучения по профессиям машиностроительного профиля в условиях непрерывного многоуровневого профессионального образования обеспечила стабильность жизнеспособности экспериментальных учебных заведений стран СНГ, восхождение в профессиональной карьере выпускников, спрос на рынке труда как специалистов высокого уровня динамичной квалификации.

Ю. В. АНДРЕЕВА,

доцент кафедры электронных СМИ Казанского государственного университета,
кандидат психологических наук

ПРИОРИТЕТНЫЕ СТРАТЕГИИ ГУМАНИЗАЦИИ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Сложнейшие процессы происходят сегодня в профессиональном журналистском образовании во всем мире, но в России острота проблем еще серьезнее. Информационная революция во многих странах началась в условиях сложившихся гуманистических ориентиров и ценностей, а в России вот уже более 15 лет продолжается разрушение старой и поиск новой нравственной основы. Вслед за журналистикой журналистское образование испытывает экзистенциальный кризис — кризис поиска идеалов и высшего смысла.

В журналистике сложился стереотип недоверия образованию, а сами журналисты стали жертвами кризиса низкой профессиональной культуры. Общество разочаровано в журналистах. «По данным ROMIR Monitoring, в марте 2005 г. абсолютный показатель общего доверия россиян к СМИ был незначителен — около 8 %»¹.

Жизненная потребность в изменении педагогических подходов и практика профессии (автор этих строк — журналист-практик и только потом — преподаватель) показывают, что начинать модернизацию журналистского образования следует с уточнения новых гуманистических приоритетов.

С учетом вышеизложенных тенденций могут быть сформулированы следующие стратегии гуманизации профессионального журналистского образования:

1. Ориентация на исконные ценности российской ментальности.

Вера в торжество справедливости, добродушие, открытость и другие идеалы и истинно российские традиции практически не отражаются в современной журналистике. Студентам чаще всего демонстрируют западные модели профессиональной успешности, вместо того чтобы направить интерес на изучение национальных корней и традиций, истории родного края и культурного наследия поколений.

2. Ориентация на лучшие отечественные образцы журналистского творчества.

Стоит обратить внимание на то, что студенты-журналисты практически не знают классиков российской современной журнали-

стики. В билетах госэкзамена, как и 20 лет назад, — известные журналисты начала прошлого века Аграновский и Кольцов. Список «классиков» пора бы расширить. Между тем не просто знание, а изучение, анализ современных образцов журналистского мастерства (ИД «Коммерсантъ», ТК «Культура», НТВ) помогут студентам высоко поднять свою профессиональную планку.

3. Ориентация на глубинное понимание общественной миссии журналистики.

Важно постижение студентом своей, персональной миссии в журналистике. Как показывает практика (автор ведет цикл дисциплин по профессиональной психологии), студенты даже выпускных курсов факультета журналистики затрудняются сформулировать миссию профессии. Можно ли выходить на поле, не понимая цели игры? Между тем крайне важно молодому специалисту знать и понимать свой внутренний, нравственный кодекс. Осознавая личный моральный порог, журналист даже в сложных ситуациях не сможет его преступить.

4. Стимулирование самопроцессов у студентов-журналистов.

Профессиональный журналист отличается способностью к постоянному профессиональному росту и саморазвитию. Многие считают, что «научить журналистике невозможно». Действительно, можно дать какие-то базовые знания и умения, но главное — научить студента работать над собой, тогда рефлексия перейдет на уровень саморефлексии, развитие — на уровень саморазвития, организация — на уровень самоорганизации. Только личность на высоком уровне саморазвития способна стать авторитетным журналистом. И это важно, поскольку только авторитетный журналист сможет транслировать в общество идеи гуманизма.

5. Развитие лидерских качеств у студентов-журналистов.

В журналистике лидерство поднимается с уровня лидера группы на уровень лидера мнения, которому присуще умение брать ответственность: не только за себя, но и за общество. Журналист в современном мире становится третейским судьей, которому необходимо оценивать сложнейшие ситуации и делать выбор. Для того чтобы в нужный момент журналист сделал правильный нравственный выбор, он должен обладать не только истинным пониманием идеалов, но

¹ Российский рынок периодической печати, 2005 год. Состояние, тенденции и перспективы развития: доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, г. Москва, май 2005 г. // <http://www.gipp.ru/print.php?id=6586>.

и способностью брать на себя ответственность за свой выбор.

6. Развитие патриотических, гражданских чувств.

Студенты-журналисты за пять лет обучения сегодня могут ни разу не услышать слов «патриотизм», «гражданское мужество» и не задуматься о своей высокой патриотической миссии. Современные журналисты используют подобных слов считают моветоном. В последние годы мы потеряли чувство гордости за Отечество и живем, оглядываясь то на Восток, то на Запад. Но очевидно, что

возродить свою страну смогут только россияне, если этим займется кто-то другой — это уже будет не Россия.

Ориентация профессионального образования журналистов на гуманистические принципы, пусть не сразу, через десятилетия, позволит разрешить экзистенциальный кризис — поиск смысла и идеалов, который наметился сегодня в журналистике и в обществе в целом. В любом случае наше общество будет более здоровым и благополучным, если новое поколение журналистов станет транслятором новых, гуманных идей и ценностей.

С. Н. АРТАНОВСКИЙ,

профессор кафедры теории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук

МОЙ ОПЫТ РАБОТЫ С АСПИРАНТАМИ

*Молодым — дерзать и открывать новое.
Пожилым — подводить итоги и делиться
опытом. Вместе — стремиться
«вырастить новую культуру
из старых корней».*

Т. С. Элиот

За долгие годы моей педагогической деятельности 18 моих аспирантов защитили диссертации. Это не так уж много. Считая участие в обсуждении диссертаций на кафедре и оппонирование, материала для обобщений все же накопилось немало. Попытаюсь наметить некоторые положения, относящиеся к методике работы с аспирантами. Многие из них известны, другие могут вызвать споры. Я отобрал лишь те, которые освоены мной на опыте.

Прежде чем перейти к теории, скажу несколько слов о судьбе своих аспирантов. Одного из них, Александра Сергеевича Запесоцкого, мы все отлично знаем и уважаем. В академических кругах нашего города известна и О. И. Даниленко, в настоящее время профессор Санкт-Петербургского университета. Но большинство моих аспирантов уехали в провинцию. Там они почти все заведуют кафедрами в Институтах культуры. Аспиранты из Литвы и Эстонии, с которыми у меня раньше были не только деловые, но и хорошие дружеские отношения, в последнее время исчезли с моего горизонта. Остальные изредка напоминают о себе. Г-н Мамбеков написал мне, что получил назначение дипломатическим представителем Республики Казахстан в Париже.

Важный этап — выбор темы диссертации. Желательно (и действует вдохновляюще), чтобы аспирант приходил со своей темой. Но, увы, такие случаи редки. Вспоминаю, что О. И. Даниленко, придя ко мне впервые, сказала: «Сергей Николаевич, я хочу изучать обаяние». — «А вы можете сказать, что это такое?» — «Конечно. Обаяние — это способность привлекать, завлекать, каким-то незаметным волшебством привораживать. Протягиваются невидимые нити, устанавливаются скрытые связи между обаятельной личностью и человеком, испытывающим обаяние; эти нити соединяют самые глубинные основы человеческих душ. Нас охватывает радость бытия, мы обретаем новые жизненные силы, наше самоуважение растет. И более широко: окружающий мир обретает для нас новую ценность».

К сожалению, аспиранты с обаянием встречаются редко. Остальным приходится предлагать темы и, как правило, они без размышления их принимают. Я почти всегда имел наготове список заранее продуманных тем из 10–15 названий. Эти темы я измышлял сам, но это не лучший вариант. Если список их составлен общими усилиями на кафедре, это расширяет возможности выбора и уменьшает субъективность предложения. Но тут-то и таится опасность — научный руководитель в своем предложении обычно (и естественно) исходит из собственных научных интересов. Между тем надо думать об аспиранте, его склонностях, подготовленности, перспективах его будущей (а иногда и уже имеющейся) трудовой деятельности. После перестройки в нашей стране пошла мода предлагать молодым

людям темы по русской религиозной философии. Само по себе это неплохо, но по опыту знаю, что их нередко предлагали юношам и девушкам, неверующим и, главное, совершенно незнакомым с азбукой христианского учения. Я беседовал с несколькими из них и выяснил, что, уже заканчивая диссертацию, они не читали Евангелие и даже не могли в каноническом порядке и без ошибок перечислить имена четырех евангелистов.

Теперь я подхожу к пункту, который представляется мне особо важным. Тема диссертации должна быть конкретной (разумеется, проблемной) и находящейся в определенных границах. Кандидатская диссертация (в отличие от докторской) не должна обязательно блистать новизной идей. Совсем новые идеи, как известно, редки в истории науки. Кандидатская диссертация — еще наполовину учебная работа. И давать тему следует вместе с коротким списком уже опубликованных работ по данной теме. Задача кандидатской диссертации — освоить уже накопившийся материал и отчасти расширить его рамки. Основной смысл кандидатской — научить молодого человека технике научной работы.

Исходя из сказанного выше, не надо давать аспирантам слишком широкие и сложные темы. Пускай научная проблема будет не столь уж значительна — лишь бы работа была аккуратно и осмысленно выполнена. И потому идеи своего руководителя диссертант может использовать даже без особых ссылок. На диссертации стоит имя руководителя, и это — право считаться соавтором исследования. Если диссертант что-то списал — руководитель должен строго указать ему на его некорректность.

Покойный Э. В. Соколов, который вообще успешно работал со своими аспирантами и относился к ним с редкой человечностью, имел, однако, привычку предлагать им темы вроде следующей: «Вечные образы: Гамлет, Дон Кихот, Фауст». И некоторые аспиранты соглашались, но дело кончалось тем, что на втором или третьем году аспирантуры им приходилось менять тему. Настоятельно рекомендую научным руководителям не давать тем вроде «Концепция русской культуры у *N.*» или «Восток и Запад: притяжение и отталкивание». Об этих материях писать диссертации можно и должно, но лишь выделив в качестве темы диссертационного исследования один конкретный, строго очерченный предмет, определенный аспект проблемы.

Но, увы, я присутствовал на многочисленных кафедральных обсуждениях и заседаниях диссертационного Совета и доподлинно знаю, что реализуется это правило — повторяю, конкретности, четких границ, инициальной

снабженности минимумом литературы — совсем не так, как хотелось бы.

Другой момент в работе с аспирантами, который я хотел бы отметить, это характер работы с ними. Конечно, чтение работ аспиранта и вообще контроль за его трудовой деятельностью в аспирантуре необходим. Это известная истина. Но еще важнее разъяснить аспиранту смысл основных понятий, которые он использует в работе, побеседовать с ним о предмете его исследования, постараться внушить ему, что его исследование имеет человеческий смысл, затрагивает интересы и духовные устремления наших соотечественников. Весьма желательно, чтобы атмосфера встреч руководителя и аспиранта была по возможности неформальной, чтобы аспирант чувствовал себя не школьником, которому дает задание строгий учитель, а собеседником, участником философического обмена мнениями, а то и спора. Вспоминается анекдот из времен Средневековья, когда в немецких университетах на одного студента приходилось по одному профессору: студент каждый вечер приходил к профессору пить чай, потом женился на его дочери и в конце концов из него получался весьма эрудированный профессор.

Помню подобные чаепития у моего руководителя В. П. Тугаринова. Лекции читал он скучновато — и к тому же довольно редко, будучи деканом факультета. Зато дома, за чайным столом он становился совсем другим: живо и увлекательно, иногда в стиле народного говора (он был сыном сельского священника, за что натерпелся горя в большевистское время), рассказывал о людях, которых встречал в жизни, об их взглядах и идеях. И его рассказ был интересен и поучителен для молодого человека, каким я был тогда.

В 1970–1980-е гг., пока «костлявая рука» послеперестроечного оскудения не схватила меня за горло, я, живя холостой жизнью в просторной квартире, всегда принимал аспирантов у себя дома, нередко ходил с ними в кино, в театр или приглашал их на свою дачу, на природу; они были моими друзьями, если хотите, моей «свитой». Мы говорили о новых книгах, оценивали вместе те или иные выставки — Сомова, современной французской живописи или, например, экранизацию русской или зарубежной классики и т. д. Наверное, так они учились чему-то у меня, а я учился у них.

Начиная с 1990-х гг. все стало иначе. Появилась возможность говорить свободно, не прячась за затверженные со школьных лет марксистские формулы, и это было хорошо, но материальное обнищание всей сферы образования больно ударило по качеству работы с аспирантами. Приходишь читать лекцию

аспирантам — полупустая аудитория. Спрашиваешь: «Где же Иванов, Петров, Сидоров? Они еще на прошлой неделе были здесь. Я помню, как они внимательно слушали, задавали вопросы. Почему же их нет сегодня? Или им не понравились мои лекции?» «Нет, — отвечают мне, — они отсутствуют не по-этому. Они работают». Или: «Почему не пишешь, я же вижу, ты умница, умеешь писать, — так хорошо написал первый параграф, но где же остальная диссертация?» — «Ничего не могу поделать. Работа».

Данная проблема находится за пределами моих педагогических воспоминаний и рекомен-

даций — это социальная проблема. Сегодня многие вопросы образования уходят корнями в социальную действительность, и решать эти задачи нашему обществу нужно в первую очередь не на педагогической стезе. Но и нам, педагогам, можно здесь кое-что сделать: нести в среду учащихся идеи добра, справедливости, внутренней красоты человека. Русская интеллигенция со времен Н. И. Новикова всегда боролась за *Правду*, и многие ее представители жестоко поплатились за это. Постараемся же удержаться на нравственной высоте, на которой были наши отцы, деды и прадеды.

А. Б. БАГДАСАРОВА,

доцент Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

В соответствии с «Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 года», «современное общество нуждается в образованных, нравственных людях, способных самостоятельно принимать решения в ситуации выбора, готовых к сотрудничеству и к межкультурному взаимодействию, обладающих чувством ответственности за судьбу страны»¹.

Одной из форм, в рамках которой происходит взаимодействие и формирование навыков межкультурного, межкультурного диалога, является образовательное пространство, представляющее собой «форму существования трансляции социального опыта от поколения к поколению»², и условие обучения и воспитания индивида. В условиях полиэтничности российского общества (в Российской Федерации проживают около 160 народов) образовательное пространство служит условием сохранения, взаимодействия и развития различных этнических культур.

Народы России различаются по цивилизационным корням, языку, культуре, устойчивым традициям образа жизни, численности и т. д. В этой ситуации образовательное учреждение представляет собой важнейший социальный институт, выполняющий функцию этнокультурной консолидации социума и обес-

печения его устойчивости. В границах образовательного пространства формируются этнические особенности, ценностные ориентации, принципы и стереотипы поведения людей, представителей тех или иных этнических общностей.

Знакомство, простейшие навыки взаимодействия и диалога этнических культур закладываются в дошкольном возрасте (семья, дошкольные учреждения), развиваются в школе и проявляются в виде сформировавшихся этнических стереотипов в условиях высшей школы. Студентам и преподавателям приходится взаимодействовать, контактировать в поликультурном пространстве. В этих условиях важно сохранять и развивать во взаимодействии этнокультурные особенности как российские, так и региональных этнических групп.

Национально-региональный компонент позволяет сохранить единство образовательного пространства, создать благоприятные условия для усвоения культурно-образовательных ценностей тех или иных этносов. Межкультурное взаимодействие предполагает формирование определенных норм, отражающих уровень взаимоотношений представителей различных этнических групп. Задача высшего образовательного учреждения — создать благоприятные условия для формирования и развития у студентов навыков межкультурного, межкультурного общения. В университете закладываются основы диалога различных этнических культур. Этому способствуют дисциплины этнологической направленности, такие как «Этнология», «Этноконфликтология»,

¹ См.: Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года // Директор школы. 2002. № 1. С. 97–126.

² Веряев А. А., Шалаев И. К. От образовательных сред к образовательному пространству: понятие, формирование, свойства // Педагогика. 1998. № 4. С. 25.

и ряд креативных курсов. Так, теоретический и практический разделы курса «Этнология» включают элементы, обобщения и выводы целого ряда гуманитарных дисциплин: истории, философии, этнографии, культурологии, этноконфликтологии, психологии и др. Основные цели дисциплин этнологического блока: во-первых, формирование познавательного интереса у студентов к истории происхождения, культуре, обычаям, традициям народов, населяющих Ставропольский край; во-вторых, привлечение студентов к творческой деятельности; в-третьих, формирование у них навыков межэтнического взаимодействия, общения; самоидентификации как представителя той или иной этнонациональной общности и культуры; межкультурной коммуникации; толерантного поведения.

В числе факторов развития современного образовательного пространства следует выделить: культуру межэтнического общения и межкультурный диалог.

В границах образовательного пространства происходит формирование у обучающегося навыков и умений работать с краеведческим материалом, образцами фольклора, анализировать и сопоставлять факты, систематизировать знания, выявлять способности и склонности студентов к самостоятельному творчеству, а также овладение элементарными приемами межэтнического, межкультурного общения. Одним из примеров проявления

межкультурного диалога и формирования навыков культуры межэтнического общения могут служить практические занятия (фестивали) в рамках экспериментальной площадки по формированию гражданской и этнокультурной идентичности Ставропольского государственного университета на тему «Этнокультурные особенности народов России и Северного Кавказа». В процессе подготовки и проведения такого рода занятий студенты знакомятся с особенностями фольклора и лучшими образцами устного народного творчества народов России и Северо-Кавказского региона. На наш взгляд, подобные мероприятия направлены на поддержание интереса к общероссийским и региональным национально-культурным и духовным ценностям, традициям, культурному наследию в целом. Следовательно, учебно-воспитательная деятельность преподавателя должна быть ориентирована на изучение региональных национально-культурных традиций в диалектическом единстве с российскими и общечеловеческими ценностями. Именно эти принципы должны составлять содержательную основу образования в поликультурном регионе.

Современное образовательное пространство выступает необходимым условием формирования этнического самосознания, сохранения и развития этнической культуры и совершенствования процесса межэтнического, межкультурного взаимодействия в полиэтничном регионе.

В. К. БАЛЬСЕВИЧ,

член-корреспондент РАН, профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, доктор биологических наук (Москва);

Л. И. ЛУБЫШЕВА,

профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, доктор педагогических наук (Москва)

ЗДОРОВЬЕФОРМИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Катастрофическое ухудшение качественных характеристик народонаселения Российской Федерации (низкая рождаемость, высокая смертность от сердечно-сосудистых заболеваний, наркомании и алкоголизма, снижение общего уровня духовности и нравственности, устойчивая динамика ухудшения показателей физического развития, подготовленности, физической и интеллектуальной работоспособности) становится все более значимым признаком кризиса качества жизнедеятельности значительных масс населения. Это один из серьезных факторов риска

для национальной безопасности и надежности условий интеллектуального, нравственного, духовного развития нации, экономического прогресса, политической стабильности и роста международного авторитета Российской Федерации.

Уровень физического, нравственного и духовного здоровья населения детерминируется многими обстоятельствами (материальный достаток граждан, высокое качество образования, прогресс культуры жизнедеятельности, политическая и экономическая стабильность). В данном сообщении мы остановимся

на образовательном векторе формирования потенциала здоровья нации и, в частности, на образовательном пространстве физического и спортивного воспитания подрастающего поколения.

К сожалению, в последние десятилетия теоретики и управленцы в образовательной сфере не ставили перед политическими и государственными структурами масштабных задач преобразования содержания и инфраструктуры физического воспитания подрастающего поколения. Нищенское оборудование и убогий инвентарь спортивных залов, отсутствие элементарных санитарно-гигиенических условий, уверенно снижающийся профессионализм учителей физкультуры привели российскую систему физического воспитания к глубокому упадку.

Между тем в настоящее время уже известны высокие наукоемкие технологии стимулируемого развития физического потенциала человека, отработанные в спорте высших достижений и в системе подготовки его резервов. Их эффективность разительно превосходит результативность традиционного школьного физического воспитания. Известны и хорошо отработаны методы выявления предрасположенности ребенка и подростка к тому или иному виду спортивной или общеразвивающей и оздоровительной тренировки. Реальные возможности использования этих инновационных образовательных технологий убедительно подтверждены в масштабных экспериментах по реализации идеи спортивно ориентированного физического воспитания, проведенных в Омске, Сургуте, Чайковском, Ижевске, Перми, Тобольске, Иркутске, Самаре, Набережных Челнах, Чебоксарах, Краснодаре, Ставрополе, Томске.

Отсутствие серьезной государственной поддержки внедрения инновационных технологий физического воспитания, обеспечивающих активизацию процессов освоения здоровьесформирующих ценностей физической и спортивной культуры в массовой общеобразовательной школе, становится все более актуальной социальной проблемой. От ее разрешения во многом зависит выбор стратегических решений о путях освоения ценностей физической и спортивной культуры как наиболее перспективных пространств здоровьестроения, необходимо для всех.

Опираясь на многочисленные научные данные и многолетние подтверждения валеологических, социально-психологических и деятельностных преимуществ людей, активно занимавшихся спортом в детском, юношес-

ком и пожилом возрасте, по сравнению с их сверстниками, лишенными этой возможности по разным причинам, а также на результаты вышеупомянутых масштабных и многолетних педагогических экспериментов, можно предположить, что существенное увеличение числа детей и подростков, активно осваивающих ценности физической и спортивной культуры (от нынешних 2–5 % до 80–85 %), позволит в исторически короткий срок (15–20 лет) существенно улучшить качественные характеристики здоровья, психофизического состояния и общей социально-позиционной, поведенческой, интеллектуальной, нравственной и этической культуры жизнедеятельности с последующей положительной их динамикой в контингентах населения среднего, старшего и пожилого возраста.

Реальная и эффективная модернизация национальной системы физического воспитания может быть осуществлена только в случае придания ей статуса национального проекта формирования здоровья населения России.

Автор предлагает рассмотреть конкретные пути организации на государственном уровне политической, информационной, правовой, финансовой, проектной и материально-технической поддержки реализации инновационных организационно-управленческих моделей и форм деятельности по массовому привлечению к активным занятиям физической культурой и спортом детей, подростков и молодежи России в государственной системе обязательного физического воспитания.

Для достижения этой цели в ходе реализации данного национального проекта необходимо решить следующие задачи: разработать и принять Закон о физическом воспитании подрастающего поколения населения Российской Федерации; обеспечить правовую и финансовую поддержку модернизации физического воспитания подрастающего поколения на уровне затрат на еженедельный объем 6 часов регламентированных учебно-тренировочных занятий за пределами академического расписания образовательных учреждений всех типов в условиях обновленной наукоемкой инфраструктуры образовательного пространства массового физического воспитания детей, подростков и молодежи России.

Необходимо рассмотреть гуманитарные, нравственные, культурологические, научные, образовательные, правовые, политические, экономические и оборонные перспективы, обеспеченные реализацией предлагаемого национального проекта оздоровления подрастающего поколения нашей страны.

Г. М. БИРЖЕНЮК,

заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии,
профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ

ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА: ПОИСКИ ГАРМОНИИ

Подготовке данного сообщения предшествовали несколько событий. Во-первых, на протяжении многих лет автор данной работы участвовал в ряде научных конференций под общим названием «Образование в условиях становления нового типа культуры». Во-вторых, автору довелось выступать в качестве рецензента по одной докторской и в качестве оппонента по кандидатской диссертациям, каждая из которых в той или иной мере была посвящена анализу соотношения культуры и образования. И на конференциях, и в диссертациях достаточно определенно звучала мысль: культура меняется, и образование, обладая некоторой инертностью, будучи консервативным по своей природе, уже ей не соответствует. Это приводит к определенному кризису образования, диктует необходимость его реформирования (как минимум модернизации). Далее наступит гармония между культурой и образованием, но затем культура опять уйдет вперед, и образованию придется вновь меняться, чтобы догнать культуру.

В принципе, с такого рода постановкой вопроса можно было бы согласиться, но мешает одно обстоятельство. Во всех дискурсах об отставании образования от культуры существует некая фигура умолчания. Никто не берет на себя смелость сказать, о какой культуре идет речь. Между тем существует, как известно, ядро культуры, которое если и меняется, то крайне медленно и незначительно, и есть периферия культуры — динамичный слой бытования культуры «здесь и теперь», который подвижен, изменчив.

Если иметь в виду ядро культуры, то образование от него не отстает. Наоборот, занимая существенное место в оболочке ядра и находясь между ядром культуры и периферией, оно выполняет важнейшую функцию трансляции ценностей культуры новым поколениям людей, входящим в социум.

Скорее всего, речь идет о периферии культуры. Авторы диссертаций, статей, участники упомянутых конференций, как правило, ограничиваются упоминанием о ней в форме грамматических конструкций примерно такого содержания: «Нам не дано судить о том, какая культура рождается сегодня. Более определенно об этом смогут судить наши потомки».

В принципе, можно было бы доверить потомкам анализ нарождающейся культуры. Но образование собираются модернизировать сегодня и именно под эту культуру. Поэтому целесообразно попытаться осмыслить,

какая культура сегодня выражена наиболее интенсивно, какая тенденция в культуре доминирует.

В качестве гипотезы можно предложить определение современной культуры как культуры блефа¹. Что дает основания для такого рода утверждения? Во все времена богатство возникало за счет приложения реального труда и затрат реальной энергии. В XX в. возникает виртуальная экономика. Деньги делаются из денег, из политики, из воздуха. Пример из относительно недавних событий. Был арестован за неуплату налогов и другие злоупотребления (по официальной версии следствия, абсолютно не разделяемой прессой) один из крупнейших предпринимателей России. В тот же день газеты сообщили, что из-за этого страна потеряла 32 млрд долларов. Кто и как вывез эти деньги, неизвестно. Нефть на тот день была в недрах, ее успешно качали насосы, люди были на нефте-разработках, но где-то кто-то, возможно, водил курсором по экрану компьютера, и виртуальные деньги откуда-то уходили и куда-то поступали. На другой день было сообщено, что высшее лицо государства — президент сказал, что данного олигарха будут судить строго по закону (а как еще?), и СМИ сообщили, что 16 млрд долларов вернулись в страну. Как говорится, самолет с долларами в небе замечен не был, но деньги вроде вернулись.

В подтверждение высказанной мысли один факт. Наряду с известной Нобелевской премией существует премия «Антинобель», которая присуждается за самые экстравагантные, абсурдные и бесполезные разработки, проекты и пр. В 2002 г. этой премии был удостоен ряд фирм и корпораций, куда входит и «Газпром». В номинации значилось: «За введение в экономику сугубо математической категории “мнимые числа”».

Искусство XX в. в значительной своей части — это тоже искусство блефа. В свое время Бушар повесил на выставке на стену писсуар, и художественная критика восхитилась оригинальностью и глубиной, как потом стало модно выражаться, этого проекта. Памятуя о том, что за предмет был выставлен как произведение искусства, можно как минимум усомниться в наличии в нем хоть

¹ Данное словосочетание было предложено в частной беседе автора с талантливым культурологом и педагогом, профессором А. П. Марковым, который предложил рассматривать блеф как ресурс культуры XX в.

какой-то глубины. Блефом отдают бесчисленные инсталляции, перфомансы и многое другое, что принято именовать «современным искусством». Лидирует здесь, безусловно, «Черный квадрат» К. Малевича.

Если посмотреть, какие социальные технологии получили развитие в XX в., то не трудно заметить, что это все — технологии блефа. Речь идет о рекламе, которая может побудить человека приобрести что угодно, в том числе и то, что ему абсолютно не нужно. Речь идет о PR-технологии, которая может из ничего и никого сделать (то есть обеспечить избрание) депутата, мэра и т. д.

Трудно сказать, порождает ли каждый тип культуры свою систему образования, но то, что каждый тип культуры моделирует свою философию, представляется фактом. Культура блефа породила философию постмодерна, где нет истины, нет определенности, где центральное место занимает симулякр — нечто, не имеющее собственного содержания, но достаточно убедительно имитирующее любое субъективно значимое явление.

К сожалению, образование обнаруживает тенденцию к развитию некоторых «блефовых» направлений. Здесь можно назвать валеологию. Открывались кафедры, существовала такая специальность. Затем было письмо Минобразования, и все было закрыто. Блефом, на взгляд целого ряда специалистов, является и дистанционное образование, в рамках которого человек может, сидя дома у компьютера, находить в Сети рефераты, заказывать по Интернету контрольные и курсовые работы, а затем получить вполне реальный диплом и претендовать на реальную должность по специальности.

В свое время Э. Фромм задал знаменитый вопрос: «Иметь или быть?» Время нашло убедительный ответ на него: «Быть!» Сегодня этот вопрос формулируется иначе: «Быть или казаться?» И ответ на него, в принципе, прост: образование — это быть, а культура блефа — это казаться.

Но в этом случае образование должно держаться как можно дальше от этой культуры. Более того, образование на сегодня это едва ли не последняя линия сопротивления, без которой блеф окончательно станет образом жизни, смыслом жизни и ее главной ценностью.

В XIX в. был хотя бы мальчик, который вышел вперед и сказал: «А король-то голый!» Сегодня тот, кто мог бы выйти и сказать нечто подобное о культуре, стал политтехнологом, менеджером по продажам или еще кем-то, в ком так нуждается культура блефа.

Хочется закончить известным примером из истории. Однажды метеоролог Э. Лоренц, произведя сложные вычисления, решил их перепроверить и ввел данные вновь, изменив лишь одну цифру, отстоящую далеко от запятой. К своему удивлению, он получил не просто иной, а кардинально иной результат. Затем уже появилась теория систем, чувствительных к начальным изменениям. Речь идет о том, что в нелинейных системах (а образование в силу своей многосложности и полиструктурности относится именно к таким системам) принципиально невозможно предсказать последствия любого, даже самого малого, вмешательства. Не случайно Лоренцу принадлежит фраза: «Взмах крыла бабочки в Китае может закончиться ураганом в Америке»...

Разумеется, мы можем исключить из школьной программы, например, Лермонтова, но мы не можем даже приблизительно предсказать, какой будет наша страна через 100 или 200 лет в результате этого малого изменения. Что же тогда говорить о модернизации всего образования, которое должно догнать культуру?..

В конце концов гармония в этом вопросе будет обретена. Однако это долгий путь, где образование не только будет «догонять» культуру, но и вносить существенный вклад в ее развитие, гуманизацию для обретения оптимального баланса между изменениями в культуре и ее сохранением.

А. С. БОЛЬШАКОВ,

профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук;

Н. В. ЛАШМАНОВА,

заведующая кафедрой управления СПбГУП, доктор технических наук

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

Анализируя современные информационные источники и критически осмысливая собственный 20-летний опыт преподавания экономических и управленческих дисциплин, можно выделить три важные проблемы, от

решения которых зависит эффективность будущего специалиста на рынке труда:

— проблема адаптации преподаваемых дисциплин к современной практике ведения бизнеса;

— проблема некоторого отставания преподаваемых практических инструментов менеджмента от современных методов ведения бизнеса;

— проблема внедрения методов обучения с использованием информационных технологий.

Кратко раскроем каждую из проблем. Первая из них наиболее остро проявляется в преподавании фундаментальных дисциплин, таких как «Экономическая теория», «История экономических учений», «Макроэкономика», «Основы менеджмента» и др. Студенты в большинстве своем относятся к ним несколько отстраненно, считают их формально-обязательными, необходимыми для сдачи экзаменов и зачетов. Быстрая практическая отдача от полученных знаний кажется им сомнительной, поскольку практика ведения бизнеса акцентирует в сознании другие реалии, такие как экономические сговоры, коррупцию, коммерческие и финансовые риски, лицемерие партнерства, цинизм, криминогенность конкурентной борьбы и т. д.

Наиболее «продвинутым» студентам уже кажется сомнительным естественное рыночное равновесие спроса и предложения, обеспечиваемое коэффициентом пропорциональности — ценой, им уже необходимо объяснять другие механизмы: например, в противопоставление «невидимой рыночной руки» (термин А. Смита) объяснять методы и способы влияния на динамику курсов валют на электронной бирже FOREX, учить анализировать «сигналы» (термин биржевой торговли), выделять из них главные, описывать способы принятия практических решений.

Практика ведения бизнеса за 200 лет ушла вперед, так что многие фундаментальные книги по «экономике», макроэкономике и менеджменту, написанные в XIX и XX вв., требуют тщательной доработки и корректировки. Если в то время макроэкономические процессы рассматривались теоретически, то на рубеже XIX–XX вв. произошел качественный скачок: макроэкономика стала быстро управляемой и регулируемой, в том числе и из «центров»: бирж, транснациональных корпораций, финансово-промышленных групп. Появились электронные биржи, документооборот ведется не за дни, а за доли секунд, оперативность принятия решений в финансовой сфере касается не десятков и сотен долларов в день, а миллионов и триллионов в минуту.

Преподавателям фундаментальных дисциплин необходимо осваивать новые современные принципы и методы: концентрации и распределения капитала, дифференциации доходов, налогообложения, движения и

кругооборота капитала и др. Новые экономические механизмы в XXI столетии весьма разительно отличаются от механизмов XIX–XX вв., красиво описанных А. Смитом и К. Марксом.

Вторая проблема заключается в некотором отставании практических инструментов менеджмента, владение которыми входит в программу обучения, от современных методов ведения бизнеса. С этим связана и проблема методологий обучения с использованием современных информационных технологий.

Ресурсы современных IT-технологий стали такими же значимыми, как и материальные, финансовые, трудовые и временные ресурсы. Применение информационных систем и технологий должно стать в системе образования программой не декларируемой, а реальной. Отставание внедрения IT-технологий в практику преподавания экономических и управленческих дисциплин приводит в итоге к значительному отставанию от потребностей бизнеса. Организация современных АРМ специалиста-менеджера, экономиста, маркетолога должна стать первоочередной задачей в работе современного экономического факультета вуза.

На современном рынке активно распространяются системы «Склад-Офис-Магазин», «Предприятие-1 С», «Sale-expert», «Audit-expert», информационные системы бюджетирования, анализа, прогнозирования, принятия решений, пакеты на базе Microsoft Business Solutions. В большинстве же вузов в лучшем случае ограничиваются кратковременным курсом бизнес-планирования: Project-Expert, Marketing-Geo, Marketing-Expert, Бухгалтерия-1 С. Как правило, игнорируются (из-за трудоемкости освоения) пакеты практической направленности: бюджетирование, управление денежными потоками, персоналом, финансами, корпоративное управление. А ведь именно от уровня освоения последних зависит качество специалиста на рынке труда. Работодателя, как правило, не интересует, знает или не знает молодой специалист чисто теоретические методы экономического анализа или методы прогнозирования. Работодателю необходимо, чтобы молодой специалист качественно и в срок подготовил бухгалтерский отчет, разработал обоснованный инвестиционный проект или бюджет, составил смету расходов, оформил бизнес-оферту и т. д.

Проблема передовых методологий обучения с использованием информационных технологий тесно взаимосвязана с бизнес-тренингом. Большинство западных бизнес-школ акцентируют внимание именно на этой форме подготовки специалиста. Десятки и сотни

бизнес-кейсов осваиваются студентами с помощью квалифицированного практика (бизнес-тренера), знающего не только теорию, но и проблемы реального дела. Именно от последнего зависит расстановка акцентов в работе, постановка целей, выявление главных проблем. Современный бизнес-тренер должен основательно не только знать предмет, но и свободно взаимодействовать в сетевом

электронном пространстве, знать документооборот фирмы, психологию общения в группе, иметь навыки разрешения конфликтов.

Таким образом, решение этих проблем и связанных с ними учебных и методических процессов является первоочередной задачей подготовки специалиста экономического и управленческого направлений в российских вузах.

И. Е. БЫСТРОВ,

начальник отдела информации, статистики и баз данных
Федерального агентства по образованию, кандидат технических наук (Москва);

С. И. ФОМИНЫХ,

профессор Российского университета дружбы народов, Заслуженный работник высшей школы РФ (Москва);

В. П. ЦАРЕВ,

начальник контрольного отдела Федерального агентства по образованию,
профессор Московского государственного технического университета «МАМИ»

СКОЛЬКО ВУЗОВ ОПТИМАЛЬНО ДЛЯ РОССИИ

В 2001 г. в 621 аккредитованном высшем учебном заведении страны обучались 4,8 млн студентов, что составило 332 студента на 10 тыс. жителей России. В тот год государственные вузы вручили своим выпускникам 647,8 тыс. дипломов о высшем образовании и приняли на первый курс 1263,4 тыс. новых студентов. В это же время 387 негосударственных вузов Российской Федерации на студенческих скамьях содержали 629,5 тыс. человек (13,1 % от общей численности российских студентов).

В 2002/03 учебном году 272,7 тыс. профессоров и преподавателей (среди них около 30 тыс. докторов и 130 тыс. кандидатов наук) в 1039 вузах (655 государственных и 384 негосударственных), в том числе 312 университетах, 179 академиях и 145 институтах, воспитывали и обучали свыше 3,2 млн человек, что составило на 10 тыс. человек населения России 376 студентов.

Вузы расположены в стране крайне неравномерно, третья часть из них располагается в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, сильно концентрируясь в Москве и Санкт-Петербурге. В столицах и региональных центрах сосредоточено 85 % университетов, академий и учебных институтов (как государственных, так и негосударственных). На долю провинциальных городов и поселков Российской Федерации приходится только 15 % учреждений высшей школы, причем это в подавляющем числе вузы педагогические (выпускники которых по специальности в половине случаев и не работают из-за низких зарплат учителей, хотя такого рода специалистов, особенно на селе, постоянно не хватает).

Дополнительные возможности в реализации прав граждан на высшее образование предоставляют филиалы вузов, около половины из них находится в Сибири и на Дальнем Востоке, что несколько сглаживает сложившуюся диспропорцию в размещении вузов на территории Российского государства¹.

В 2003 г. Российская Федерация присоединилась к «Декларации о Европейском пространстве для высшего образования» (Болонская конвенция, 1999 г.). Болонский процесс намерен создать для всей Европы единую, сильную, конкурентоспособную систему высшего образования, привлекательную для всех студентов мира. Должна повыситься академическая мобильность вузов, когда можно будет студентам свободно прослушивать курсы лекций в любом университете любой страны. Для полноценного участия в Болонском процессе нашему государству до 2010 г. предстоит принять немало мер по совершенствованию высшего образования: ввести сопоставимые с Европой системы многоуровневого высшего образования (бакалавр-магистр), внедрить кредитную систему учета объема изучаемых студентами дисциплин

¹ См.: Большая Российская энциклопедия. Россия. М., 2004; Все вузы России: справ. для абитуриентов. 2006–2007. М., 2006; Высшая школа России в начале третьего тысячелетия: труды Междунар. науч. конф. «Современные проблемы преподавания математики и информатики», посвященной 100-летию со дня рождения академика РАН С. М. Никольского / И. Е. Быстров, Л. А. Калинина, М. В. Суворов, С. И. Фоминых, В. П. Царев и др. М., 2006.

(вместо принятых у нас академических часов), создать соответствующую требованиям Европейского союза государственную систему контроля качества, аккредитации и аттестации образовательных программ и вузов, ввести принятую в Европе форму приложения к диплому о высшем образовании и т. д.

В настоящее время в Российской Федерации 989 университетов, академий и институтов, а также 1607 их филиалов, в том числе в Москве соответственно 245 вузов и 7 филиалов вузов других городов, в Санкт-Петербурге — 82 и 10.

Российская Федерация — самое большое по площади государство мира (17 075 400 кв. км). По численности населения наша страна седьмая в мире. В России живут 145,2 млн человек (перепись 2002 г.). На данный момент численность людей составляет уже 144,9 млн человек. Значит, один наш аккредитованный вуз приходится в среднем на 17265 кв. км, а один филиал — уже на 10 626 кв. км. Аналогично в среднем 146 512 человек имеют один вуз, а 90 168 жителей России (включая иностранных граждан, пребывающих в стране) — один филиал университета, академии или учебного института. Исходя из этих чисел каждый регион может подсчитать, много у них вузов или мало?

Руководство страны сильно озабочено тем, что у нас слишком много высших учебных заведений, приняты меры к тому, чтобы государственные вузы больше не открывать. И с конца прошлого десятилетия вузы в России больше не организуются (разумеется, это относится к государственным учебным заведениям, негосударственные же вузы могут открываться, этого никто не запрещает!). Осенью прошлого года во время телевизионного общения президента страны Владимира Путина с населением на жалобу выпускницы чеченского вуза о том, что даже с отличием окончившие грозненский университет студенты не могут найти работу, президент, в частности, заметил, что намечается организовать два новых университета: один на юге, другой — в Сибири. Имеются в виду учебные заведения, создаваемые путем объединения существующих. Так, в Ростове-на-Дону организуется единый университет. Обсуждается вопрос о создании подобного вуза в Екатеринбурге, Томске, других городах и регионах страны.

На самом деле, количество вузов — дело десятое. Главное — количество и структура подготавливаемых специалистов, сколько их и каких специальностей требуется стране, каждому региону в год окончания вуза каждым студентом — вот в чем вопрос! Так произошло перепроизводство экономистов и юристов в последние годы, и количество вузов, обучающихся этим специальностям, резко увеличилось. Хорошо, что все-таки догадались, наконец, уменьшить прием на бюджетное отделение студентов на эти специальности, поскольку выпускникам стало трудно находить достойную работу.

Представляет интерес сравнить, сколько вузов, студентов в других цивилизованных странах Европы и мира. Вот некоторые примеры.

Австралия. 7 687 000 кв. км. 15,6 млн человек (перепись 1986 г.). В стране 37 государственных и два частных университета, в которых учатся около 600 тыс. студентов. Кроме этого, в стране более 250 колледжей, в них учатся свыше 1 млн человек. Для получения степени бакалавра выпускники колледжей системы TAFE (Technical and Further Education) должны перевестись в университет с зачетом одного-двух лет обучения в колледже и проучиться там еще год-два. Таким образом, можно сказать, что в стране около 300 вузов (университетов и колледжей) и около 1,6 млн студентов. Один вуз приходится на 25 623 кв. км и 52 тыс. граждан. Австралийская система построена по британской модели, академические стандарты во всех вузах высоки, иностранных студентов часто удивляет высокий объем работы.

Австрия. 84 000 кв. км. 7 795 786 человек (перепись 1991 г.). Вузы страны делятся на три сектора: университеты (Universitaeten) и университеты искусств (Universitaeten der Kuenste); колледжи (Akademien des nicht-universitaeten Bereich), в которых учат преподавателей и социальных работников; высшие школы (Fachhochschule). Учебные планы разрабатывают университеты. Степень магистра получают после сдачи около 50 экзаменов. В вузах Австрии 18 тыс. преподавателей учат 210 тыс. студентов, 12 % которых — иностранцы.

Бельгия. 30 500 кв. км. 9 978 681 человек (перепись 1991 г.). В почти 180 вузах учатся 280 тыс. человек. Один вуз в среднем на 169 кв. км, 55 437 человек.

М. Б. ГЛОТОВ,

заведующий кафедрой социологии и психологии
Государственной полярной академии, доктор социологических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ МИРЕ

Проблемы образования в полиэтническом мире стали предметом специального изучения после того, как они оказались в центре внимания на съезде специалистов в области образования, проходившего под эгидой ЮНЕСКО в 1951 г. Как подчеркивают участники съезда, задача образования в полиэтническом мире состоит в том, чтобы подготовить новое поколение к функционированию в демократическом обществе и воспитывать чувство национального единства, а не националистические настроения¹. Проблемы образования в полиэтнических обществах сходны во многих странах из-за процессов массовой миграции, мультикультурализма и глобализации.

Одной из важных проблем образования в полиэтническом мире является проблема языка обучения. Международным правом выработаны способствующие обеспечению сохранения и развития этнокультурности следующие принципы языковой политики в полиэтнических государствах:

- наибольшее благоприятствование государственному языку;
- максимальное удовлетворение языковых потребностей народов и этнических меньшинств, проживающих совместно в государстве;
- запрет на любую дискриминацию языков этнических меньшинств;
- всемерное поощрение граждан, стремящихся к освоению двуязычия и многоязычия;
- поддержка специалистов, владеющих языками межэтнического общения.

В подавляющем большинстве стран современного мира законодательством закреплено право обучения на национальном языке, но на практике даже в наиболее развитых демократических странах реализация этого права наталкивается на серьезные трудности. Например, в Швеции, где проживает значительное число этнических финнов, единственным языком обучения является шведский. Противоположный пример — Финляндия, где предусмотрен целый комплекс мер, гарантирующих сохранение самобытности как шведам, так и саами. Финское законодательство четко устанавливает, что финский и швед-

ский языки являются национальными языками, а язык саами может быть использован при обучении в районах их проживания.

Наиболее типичным государством, где в системе образования доминирует один государственный язык, является Франция. Государство финансирует образование только на французском языке. Изучение же родного языка проживающими на территории страны другими этносами происходит за счет частных средств, так же как и формирование библиотек на языках этих этносов. Тем не менее в правовой системе Франции признается территориальный статус этносов, сохраняющих свою языковую и культурную специфику, таких как бретонцы, эльзасцы, баски, а также «возможность удовлетворения ими языковых, религиозных, культурных, этнических потребностей, но не на групповом, а на индивидуальном уровне»².

В большинстве стран Африки официальным является английский язык, хотя на нем говорит меньше половины населения. Во многих африканских странах обучение ведется на двух языках: английском и родном. По мнению экспертов ЮНЕСКО, страны, где место распространения языков коренного населения государственным признается английский язык, демонстрируют «африканский путь развития» и национальное единство в сфере образования³.

Япония — общество почти с однородным этническим составом населения. Слабым местом, по признанию японских специалистов, является недостаточно хорошее владение иностранными языками, в том числе английским, несмотря на то что в скором будущем японцы собираются придать ему статус второго государственного языка. Согласно статистике, «средний балл, который японцы сегодня получают при сдаче международных тестов на знание английского языка, является все еще самым низким среди азиатских стран»⁴.

В докладе Международной комиссии по образованию, представленном ЮНЕСКО как

² См.: Любарт М. К. Регионализм и культурно-лингвистические меньшинства во Франции // Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998. С. 130–131.

³ См.: Хейнеман С., Тодорич-Бebич С. Указ. соч.

⁴ См.: Железняк О. Н. Образовательная система Японии сегодня // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 2.

¹ См.: Хейнеман С., Тодорич-Бebич С. Новые задачи обучения в школе: проблемы образования и социальная сплоченность в странах Азии, Африки, Латинской Америки и Европы // Перспективы: сравнительные исследования в области образования. 2001. № 1. Т. XXX.

проект XXI в., одна из главных четырех основополагающих целей образования — «научить жить вместе». Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми или религиозными группами и должно содействовать деятельности ООН по поддержанию мира¹. В связи с этим особое значение приобретает процесс межкультурной и межэтнической коммуникации и взаимодействия, который предложен в проектах введения мультикультурализма в реформы систем образования.

Мультикультурализм определяется как «особая форма интегративной, либеральной идеологии, посредством которой полиэтничные, поликультурные общества реализуют стратегии социального согласия и стабильности на принципах равноправного сосуществования различных форм культурной жизни»². К несомненным достоинствам мультикультурализма следует отнести: сохранение и поддержание культурного многообразия; признание и защиту многообразных этнических меньшинств; отказ от шовинизма, расовых и других предрассудков и стереотипов, ксенофобии; воспитание терпимости и уважения к «другим».

Внедрение мультикультурализма через систему образования призвано обеспечивать поддержку культурной специфики и ее сочетание с возможностью индивидов полноправно участвовать во всех сферах общественной жизни, от экономики и политики до науки и искусства. В современном российском обществе «этническая политика, скорее всего, будет определяться как политика мультикультурализма»³. Будущее глобального общества невозможно без сосуществования различных культур, и, следовательно, толерантность и мультикультурализм должны стать основными принципами нового общества, развивающегося в процессе глобализации.

Сегодня институты образования, обеспечивающие усвоение подрастающими поколениями социокультурного опыта, рассматриваются в качестве эффективного средства развития межкультурной компетенции личности и гармонизации отношений в полиэтничном социуме. С начала 1980-х гг. в большинстве стран Западной Европы, а также в

США и Канаде, все большую популярность завоевывает концепция мультикультурного образования, которая широко используется в младших и средних классах школ и в меньшей степени в вузах. В настоящее время в нашей стране начинают активно обсуждать идею мультикультурного образования как одной из важных составляющих концепции государственного образования и воспитания. Перед образованием ставится задача помочь освоить три основных уровня ценностей: этнокультурный, общенациональный (российский) и общечеловеческий (планетарный).

Мультикультурное образование рассматривается не только как средство снижения напряженности в обществе, но и как средство формирования многогранного целостного видения мира, способности оценить явление с позиции другого человека, желания к сотрудничеству, взаимопониманию и взаимодействию. Мультикультурность образования означает ориентацию на множество и многообразие культурных ценностей и норм и их равноправие в образовании, соответствие разнообразной палитре общества и предполагает их свободный выбор субъектами образовательных процессов. Такой подход к образованию особенно важен для воспитания граждан полиэтничной страны, каковой исторически является Россия. Мультикультурное образование предполагает формирование у учащихся социокультурной (по отношению к родной культуре) и кросскультурной (по отношению к инородной культуре) компетенций.

В последнее десятилетие глобализация стала оказывать трансформирующее влияние на национальные системы образования. К глобальным проблемам развития современного образования в полиэтничном мире следует отнести внедрение новых информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс, таких как Интернет- и киберобучение, виртуальные и франчайзинговые университеты. К сожалению, новые технологии ориентированы на распространение общечеловеческих унифицированных ценностей, и в них этнокультурные ценности пока не находят своих ниш, что может привести к утрате обучающимися своего этногенетического кода.

Включение образования в систему глобальной экономики приводит к распространению в полиэтничном мире потребительской модели его функционирования, формируется «образовательный капитализм». Учебные заведения превращаются в предпринимательские организации, сокращается государственное финансирование на образование, обучение становится товаром, за который надо платить. Коммерциализация системы образования,

¹ См.: *Всемирный доклад по образованию. Право на образование: на пути к образованию для всех в течение всей жизни.* М., 2000.

² *Куропятник А. И.* Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтничных обществ. СПб., 2000. С. 7.

³ *Мартынова М. Ю.* Поликультурное пространство России и проблемы образования // ЭО. 2004. № 1. С. 50.

особенно высшего, вызывает протесты со стороны студентов. Так, уже в Великобритании, Франции и Мексике имели место студенческие выступления. Поэтому в усло-

виях глобализации возрастает роль национальных систем образования в деле сохранения национальных ценностей этнических культур.

А. А. ГОГОЛЬ,

ректор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича, действительный член Международной академии наук высшей школы, Международной академии связи, Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Информационное общество — это новое понятие, новая общественно-экономическая категория, которая характеризует новую ступень в развитии человеческой цивилизации.

Информационное общество — это общество, в котором производство и потребление информации являются важнейшими видами деятельности, а информация признается наиболее значимым ресурсом, новые информационные и телекоммуникационные технологии и техника становятся базовыми технологиями и техникой, а информационная среда наряду с социальной и экологической — новой средой обитания человека.

В информационном обществе изменится образ жизни людей, стиль работы, отношения друг с другом, будет обеспечено повышение производительности труда и тем самым рост благосостояния людей.

22 июня 2000 г. в Окинаве (Япония) была подписана главами восьми передовых государств мира, включая Россию, Окинавская хартия глобального информационного общества, которая на высшем политическом уровне поставила вопросы использования возможностей инфотелекоммуникаций населением планеты и определила основные принципы преодоления так называемого «цифрового барьера». В Хартии подчеркивается, что инфотелекоммуникации становятся жизненно важным звеном развития мировой экономики, представляющие возможность широкого использования трудового потенциала и обеспечивающие достижение устойчивого экономического роста, улучшения благосостояния народа, развития культурного обмена, укрепления демократии, международного мира и стабильности.

Чтобы избежать падения морали, которое наблюдается в настоящем, и не допустить усиления этого явления в будущем, разрабатываются этические нормы информационного общества. На Международной конферен-

ции по изменениям культуры и демократии в глобальном информационном обществе (ГИО) (Корфу, Греция) среди прочих правовых, политических, культурных вопросов обсуждалась хартия граждан ГИО.

Хартия содержит семь принципов, которым должны следовать граждане будущего киберпространства, образованного ГИО. В числе этих принципов: «Киберпространство должно быть использовано для поддержания многообразия культур и идеологий».

Важное место в творчестве Д. С. Лихачева отведено размышлениям о природе культуры. Для него «культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из простого населения — народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей в государстве» — утверждал Д. С. Лихачев в статье «Культура как целостная среда»¹.

«Область культуры много шире области научной творческой работы» — делает вывод В. И. Вернадский в «Очерках по истории естествознания в России в XVIII столетии»².

Академик Карл Бэр (его имя вошло в историю мировой науки) в декабре 1835 г. выступил на собрании Академии с докладом «Взгляд на развитие науки», значительная часть которого была посвящена роли науки в истории человечества. Он рассматривал науку как «проекцию» всей культуры.

В информационном обществе создаются условия интеграции образования, науки и

¹ Лихачев Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. М., 1994. № 8. С. 3-8.

² См.: Вернадский В. И. Очерки и речи. Пг., 1922. Вып. II. Подлинник (типографский оттиск I главы с авторской правкой и рукопись III-VI глав) хранится в Кабинете-музее В. И. Вернадского при Институте геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского АН СССР. — Прим. ред.

производства, включая интеграцию научных исследований с образовательным процессом, научных организаций с образовательными учреждениями.

В программном документе ЮНЕСКО «Реформа и развитие высшего образования» повышение качества образования признано одним из главных направлений совершенствования функционирования высшего учебного заведения.

Качество высшего образования во многом определяется уровнями трех основных составляющих: уровнем преподавательских кадров, уровнем используемых технологий образования, уровнем (потенциальными возможностями) студентов.

Новые технологии образования предполагают глубокую компьютеризацию современного образовательного процесса, опирающуюся на использование прогрессивных программных систем. К их числу можно отнести и программные системы компьютерной математики (MathLAB, Mathematica, MathCAD, Maple и др.), которые динамично внедряются в процессы подготовки специалистов технических направлений.

Современный процесс обучения предполагает проведение теоретических, практических или лабораторных занятий, которые в немалой степени, если не в основном, формируют умение применять теоретические положения (знания) к решению практических задач профессионального профиля, умение доводить «до числа» результаты их анализа и решения. Базой для этого служит знание математических методов, умение формализовать рассматриваемую задачу и применять новые информационные технологии. Обеспечение должной полноты навыков и умений в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта (ГОС) конкретной специальности требует и от преподавателей должной подготовленности не только в теоретической части, но и в плане практических навыков и умений.

Постепенно стало меняться само понятие «образование». Если раньше оно отождеств-

лялось с организованным и длительным процессом обучения в начальной, средней, высшей школе, то есть в специальной системе, созданной для реализации целей образования, то теперь такое образование стало называться формальным, и получила развитие идея о том, что понятие «образование» гораздо шире, чем понятие «формальное образование». В этой расширенной трактовке под «образованием» понимается все, что имеет своей целью изменить установки и модели поведения индивидов путем передачи им новых знаний, развития новых умений и навыков.

Развитие неформального образования связано с тем, что школа перестала рассматриваться как единственно допустимое и возможное место обучения, ее монополия на просветительскую роль в обществе нарушена. Образование и обучение уже не воспринимаются как синонимы «учебы в школе».

Предлагается концепция «инновационного обучения», ориентированная на «человеческую инициативу», а не на неосознанное социальное воспроизводство, свойственное обучению в традиционных школах.

Гуманитарное образование в техническом вузе — необходимый компонент подготовки специалиста высшей квалификации, связанный с развитием духовного потенциала студентов за время их обучения.

Стадия гуманитарной адаптации преобладает в тех вузах, которые готовят специалистов в области естественных и технических наук, прививая студентам духовность, формируя гуманитарную культуру, которая будет расширять кругозор, способствовать развитию их эвристических способностей, вырабатывать гуманистические ценностные ориентации.

Задачи выпускника технического университета в информационном обществе — хранить верность своему призванию, искать ответы на вечные вопросы, уходить от соблазна покоя и равнодушия, обладать интегральным стилем мышления, уметь соединять теорию и практику, учиться у жизни, осмысливать свой жизненный опыт, его уроки и ошибки, как бы сложно это ни было.

В. В. ГОРШКОВА,

профессор кафедры социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Любой философ и всякая философская школа решают для себя проблему подлинного, истинно существующего в мире, а не кажущегося бытия. Разумеется, мнения при этом

расходятся. Представители разных конфессий религиозного мировоззрения полагают истинно существующим только Господа (каждая своего) и считают, что Его бытие является главным

условием человеческой жизни. Неверующие полагают эти представления плодом человеческого воображения и строят различные теории происхождения жизни, которые также не являются неотразимо убедительными. Однако само существование человека и человечества, культуры и цивилизации, земли, луны, солнца и звезд этими антагонистами не оспаривается.

В философии образования (как подсистеме общей философии) онтологические основания также не монолитны: само существование и роль образования в человеческой жизни, его наличие в семье, школе и обществе никем не оспаривается, но мнения относительно объектов и процессов, которые составляют сущность образования, расходятся довольно резко.

Философское исследование отличается от научного тем, что оно совершается в области чистой мысли, здесь не предполагается проведение экспериментов, которые могли бы подтвердить или опровергнуть выдвигаемые философами предположения. Вместе с тем это и не пустые фантазии — фундаментальные предположения относительно основ бытия подвергаются внимательному анализу, проводятся сопоставления и логические рассуждения, все подробности устройства мира рассматриваются в свете основных предположений.

Слово «образование», согласно В. И. Далю, происходит от глаголов «образовать, образовывать», которые, в свою очередь, восходят к глаголу «образить». Он имеет довольно много значений: давать вид, образ; обтесывать, слагать нечто целое, отдельное; устраивать, учреждать, основывать, создавать; улучшать духовно, просвещать. Образование (ума и нрава, по Далю), таким образом, есть целостный процесс придания душевного, умственного и духовного облика растущему человеку.

На современном русском языке целостный процесс становления и развития личности, принятия ею нравственных норм, усвоения разного рода информации уже не удается описать одним словом, для этого используют обычно два: «образование» и «воспитание». Эти понятия, хотя и не обладают достаточной четкостью и объема их частично перекрываются, все же довольно хорошо разводятся в современном русском языке. Говоря о воспитании, также подразумевают либо процесс — совокупность влияний на формирование личности, приводящую к усвоению навыков поведения в данном обществе и принятых в нем социальных норм, либо результат этого процесса — воспитанность человека. А понятие «образование» стало обозначать процесс и результат освоения личностью конкретных содержательных аспектов культуры, приобретения грамотности в существующих

в ней языках и ориентированности в текстах. Интересно, что в английском языке слово «education» (от *лат.* *educatio* — воспитание, разведение, выращивание) тоже охватывает весь процесс приобщения человека к культуре общества, как это было в русском языке во времена В. И. Даля.

Словосочетание «philosophy of education» принято переводить как «философия образования». В названии социального института, который берет на себя заботу о приобщении юных к культуре, также нет отдельного упоминания о воспитании, он именуется «системой образования». Исходя из этого необходимо использовать слово «образование» для обозначения целостного процесса придания облика растущему человеку, в том числе и духовно-нравственного.

Итак, понятие «образование» имеет три основных значения: образование — это достояние личности; образование — процесс обретения личностью своего достояния; система образования — социальный институт, существующий для того, чтобы помогать всем гражданам обрести такое достояние.

В педагогике под «образованием» обычно понимают совокупность или, как все чаще говорят в последнее время, систему знаний, умений и навыков. Однако обычно ни элементы системы не определяются сколько-нибудь строго, ни характерные особенности структуры целого не указываются.

Один из классиков аналитической философии образования Ричард Питере в своей работе «Этика и образование» обсуждал смысл этого понятия. По его мнению, образование предполагает преднамеренную передачу *действительно ценного знания нравственно приемлемыми способами*. Понятно, что такого рода методологические соображения нуждаются в расшифровке, следует указать, какие знания являются подлинно ценными и какие именно способы их передачи можно признать нравственно приемлемыми. Очевидно, однако, что Питере подразумевает, во-первых, только процессуальную сторону образования, а во-вторых, исключительно процессы, которые специально организованы в рамках системы образования. Кроме того, Питере говорит только о деятельности учителя, работа учения, выполняемая учеником, здесь не имеется в виду.

Важные соображения относительно образования как достояния личности можно полагать в том, что образованный человек должен: 1) владеть неким целостным объемом знаний, или понятийной схемой, а не просто изолированными умениями и навыками; 2) быть преобразованным этими представлениями таким образом, чтобы знание, например истории,

влияло на то, как человек воспринимает, скажем, архитектуру или социальные институты; 3) предпочитать определенные стандарты или нормы, неявно заложенные в освоенных им способах понимания мира; 4) иметь собственную познавательную позицию — способность разместить, например, некое научное понимание в более широком контексте мировосприятия. Приняв к сведению эти соображения, отметим, что при всей их содержательности они также не имеют характера строгого определения.

Строгие определения в данном случае либо невозможны, либо не приносят никакой пользы в той широкой гуманитарной области, к которой относится и философия образования. Однако и не слишком строгое определение обретает конкретный смысл лишь в некоторой системе понятий и представлений. Так и образование можно понять (как процесс и результат), только увидев его роль и место в развитии личности.

Выдающийся ученый, нобелевский лауреат Макс фон Лауэ сказал: «Образование — это то, что остается, когда все выученное забывается». Его определение звучит парадоксально: действительно, что может остаться после того, как все выученное забыто? Нам кажется, что высказывание ученого можно интерпретировать следующим образом. Образование человека есть система моделей мира и поведения, среди подсистем которой можно выделить знания, способы и ценности. Поскольку в системе отношения между элементами, то есть структура целого важнее, чем элементы, взятые по отдельности, потеря даже большого массива данных (знаний) практически не приносит ущерба целостности образования. Так при обмене веществ в организме постоянно происходит замена конкретных атомов водорода или азота на другие атомы тех же химических элементов, но способ их соеди-

нения между собой при этом остается прежним и организм сохраняет свою структуру.

Рассматривая процесс образования как движение человека в поле культуры сообщества, мы ясно различаем две его составляющие. С одной стороны, человек активен, он движется по пути познания, разрабатывает и совершенствует индивидуальную систему моделей мира. С другой — человек растет в культурной среде и становится ее неотъемлемой частью, принимает нормы, обычаи и привычки, осваивает модельный фонд, издавна принадлежащий сообществу. Становление и развитие индивидуальной культуры в поле культуры образовательной среды нашего гуманитарного вуза может способствовать высвобождению внутренних ресурсов развития личности студента и преподавателя, что станет условием для выражения их духовной активности.

Создание вузовской среды как социально-культурного контекста, который играет роль фактора в ценностных предпочтениях современного студента и мотивирует его нравственные поступки при следующих условиях, это:

— организация учебно-исследовательской деятельности, приоритетно направленная на изучение (или не изучение) феноменологии духовности как деятельного состояния и творческого опыта человека;

— построение образовательного процесса на основе событийности, включающей разнообразные формы социально-культурной работы со студентами — акции, экспедиции, митинги, пресс-конференции, творческие встречи и т. д.;

— наличие преподавателя вуза как референта в духовно-нравственном развитии студента, как транслятора положительной для студента духовной энергии, как эталонно-индивидуально-общественного и профессионального поведения.

Ю. С. ДАВЫДОВ,

академик РАН, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук

ВЛАСТЬ КУЛЬТУРЫ В УНИВЕРСИТЕТЕ

Главной заботой государства, власти, должна быть не химера национальной идеи, а культура. В самом широком ее понимании — образование, наука, искусство, отношение друг к другу и природе. Культура как глубинное основание общественного устройства и всего социально-экономического развития.

Д. С. Лихачев

Обращает на себя внимание тот факт, что, говоря о культуре, Д. С. Лихачев на первое

место ставит образование. Это, по существу, развитие мысли Я. Коменского о том, что только образование является противоядием невежеству.

Д. С. Лихачев протестует против отнесения культуры, образования к «надстройке» в противовес «базису». И нужно с ним в этом согласиться. В современных условиях культура и образование — прав А. А. Зиновьев — не являются, как считалось в традиционном

марксизме, «надстройкой» над экономическим «базисом», а составляют части самого реального базиса общества совместно с государством, экономикой, идеологией.

Образование и культура неотделимы.

Воспитание культуры — это процесс глубоко индивидуальный. Только у роботов «культура» поведения будет однопорядковой. Так же, как нет одинаковых отпечатков пальцев, сетчатки глаз и оттенков голоса, нет и одинаковой культуры у людей.

Задача университета — развивать мыслительные способности студента таким образом, чтобы он смог пойти дальше тех типов культуры, которые характерны для его социального окружения, вносить новое, пусть самым скромным образом, и создавать свою собственную внутреннюю культуру, как сказал Дж. Бруннер.

«Именно культура дает человеку способность к самокритике. Именно культура и делает нас людьми, разумными существами, наделенными критическим суждением и чувством моральной ответственности. Именно с помощью культуры мы различаем ценности и делаем выбор. Именно в культуре человек выражает себя, осознает себя, осознает свое несовершенство, ставит под сомнение свои достижения, находится в неустанном поиске нового и создает свои творения, посредством которых он переступает через границы своих возможностей». Это положение «Декларации Мехико по политике в области культуры» обязывает университет строить всю свою работу таким образом, чтобы культура пронизывала всю его деятельность: образовательную, научную, воспитательную, и отнюдь не как механизм, а тонкий инструмент воздействия на уникальные души студентов.

Подводя некоторый итог продолжающейся века дискуссии о сущности культуры (существует уже около 1500 ее определений), участники конференции в Мехико пришли к выводу, что «в широком смысле слова культуру сегодня можно определить как целый комплекс определенных духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных качеств, характеризующих общество или социальную группу. Она включает не только искусство и литературу, но и образ жизни, фундаментальные права человека, систему ценностей, традиции, верования».

С данным определением согласились и участники конференции в Стокгольме, посвященной использованию культурной политики в целях развития, а также участники 31-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, добавив, что культура учит «умению жить вместе».

Происходящие в мире изменения, связанные с переходом к обществу и экономике зна-

ний, требуют все большего внимания к образованию и культуре.

В области образования это проявляется во все более глубоком развитии Болонского процесса. Хотелось бы обратить внимание на то, что в его документах отмечается необходимость сохранения самобытности культуры как предупреждения превращения образования в массовый конвейер. В процессе вхождения России в общеевропейское образовательное пространство нужно в полной мере учитывать рекомендации по политике в области культуры Декларации Мехико о том, что:

— культурная самобытность является тем достоинством, которое увеличивает возможности человечества к самоутверждению, составляя каждую группу и каждый народ искать поддержку в своем прошлом, приветствовать вклад извне, который соразмерим с собственными характеристиками, и таким образом продолжить процесс своего становления;

— особые характерные черты не мешают, а скорее обогащают исповедание всеобщих ценностей, которые объединяют народы. Следовательно, признание наличия разнообразия культурных индивидуальностей, где сосуществуют различные традиции, составляет саму сущность культурного плюрализма;

— нужно признать равенство и достоинство всех культур, так же как и право каждого народа и культурного сообщества на утверждение и сохранение своей культурной самобытности, и ее уважение со стороны других.

Жизненно необходимой является гуманизация развития, конечная цель которого — достоинство индивидуума как человеческого существа и его *ответственность* перед обществом.

Для того чтобы стать настоящим человеком, как говорит Э. Бойер, — надо уметь служить не только своим интересам. Показательно, что этот вывод сделан американским ученым, страны, в которой вся система воспитания строится на признании ценности отдельной собственной личности. И эта система воспитания, если судить по положению США в мире, имеет свои достоинства. Но очевидно, что в современных условиях культивирование индивидуализма уже начало давать сбои.

Выдвижение на первый план интересов общества и коллектива, ярко проявляющихся в Японии, дает уже намного лучшие результаты.

По мнению К. Мацуситы, человека, названного при жизни «гением менеджмента», афоризм «выживает сильнейший», имеющий хождение в США, не достоин подражания. В духовном завещании К. Мацуситы сказано:

«Не хитри, будь честным; будь хозяином на своем месте; не живи вчерашним днем, постоянно совершенствуй свои познания; относись с уважением к окружающим; все время помни о внешнем мире, приспосабливайся к законам его развития; с благодарностью относись к тому, что имеешь и получаешь — мы все берем у общества в долг; не уставай вопрошать: на кого ты работаешь? Ответ только один — на общество»¹.

Чем не программа воспитательной работы в вузе?.. А что у нас?

Межведомственная программа «Студенчество России в 2004–2008 годах» констатирует, что сегодня формируется новый тип личности, ориентированный на индивидуализм, приоритет частного интереса, расчет на свои силы, ценность капитала.

Программа эти ценности бесстрастно приводит. Отношения к ним не выражает. Просто отмечает, что студенчество чутко реагирует на изменения в жизни общества, формирует новую систему ценностей, которая диктуется рыночной экономикой. По существу, авторы Программы исходят из тезиса, который провозгласил первый Президент России Б. Н. Ельцин: «Стремитесь стать богатыми и заботьтесь о собственном благополучии, тогда все общество станет богатым, и все будут жить хорошо». Ж. И. Алферов, приведя эти слова Б. Н. Ельцина, заметил, что если каждый будет заботиться лишь о себе, то это получится, скорее всего, за счет других, то есть он просто начнет воровать.

И что же?.. По данным отечественных исследователей, почти каждый шестой из молодых людей (15 %) считает возможным «взять силой то, что ему хочется». Только один молодой человек из десяти готов безоговорочно подчиняться требованиям закона. И, что особенно огорчительно, в иерархии ценностей, которым отдают предпочтение молодые люди, образованность, духовное богатство занимают только 12-е место из 15 возможных.

Не так ли создается среда для террористов и других видов преступников?.. Этому же способствует и то море насилия и бездуховности, которое захлестнуло наши электронные средства массовой информации. По словам известного ученого, бессменного руководителя программы «Очевидное — невероятное» профессора Сергея Петровича Капицы, «нынешние электронные СМИ ведут к одичанию страны. Страна великой культуры “пичкается” продукцией на уровне Элочки-людоедки, на уровне Буратино, у которого были коротень-

кие мысли, и который нес свой золотой на поле чудес».

По существу, это же отмечает и А. Пушков, автор и ведущий аналитической программы «Постскриптум» (ТВЦ), когда говорит, что наше телевидение «пошло в сторону оглушения населения, может быть, ради того, чтобы помочь власти решать проблемы без особого давления снизу».

Вице-премьер правительства России С. Иванов даже сказал однажды на заседании Правительства, что телевидение «дебилизирует» население.

По словам С. П. Капицы, также сказанным на заседании Правительства, пренебрежение культурой ведет к превращению России в страну идиотов, «может, такой страной идиотов станет проще править, но будущего у нее нет».

Что же нужно сделать, чтобы изменить положение?

Во-первых, надо изменить образ России в наших глазах. Сегодня она все еще предстает обкраденной, обесчещенной, нищей, идущей по миру с протянутой рукой.

Надо показать, что у нашей страны есть силы вновь стать великой державой. И в этом ей должна помочь молодежь. Программа действий в этом направлении очерчена в майском Послании Президента России В. В. Путина Федеральному собранию.

Во-вторых, нужно прекратить обливать грязью прошлое страны. Оно, по словам видного общественного деятеля О. Попцова, — никогда и никому не прощает своего поругания. Изучать, постигать и беречь прошлое — только так! Когда говорят, что социалистическая идея была бесперспективной, тупиковой, с этим нельзя согласиться. Социализм позволил нашей стране стать великой, совершить экономический и технологический рывок под девизом «Догнать и перегнать!». И эта энергия рывка захватила все сферы: промышленность, сельское хозяйство, армию, науку, образование, культуру, литературу, искусство. Нравится это кому-то или нет, но было именно так... Заслуга Советского Союза и социализма как строя была еще в одном: присутствие социализма в мире «социализировало» капитализм, сделало его общественно ориентированным, более гуманным к наемному работнику. Самые яркие примеры — шведская модель, германская...

Для того чтобы показать, насколько сильным было влияние СССР, приведу следующий пример. Месяц назад делегация Пятигорского государственного лингвистического университета была в Египте. И на улицах городов Египта теперь очень редко можно встретить женщину без хиджаба — платка,

¹ См.: Японский менеджмент. М., 1991. С. 29; Принципы Мацуситы // www.top-manager.ru.

глубоко закрывающего голову и лицо. Но еще 20 лет назад все было наоборот. Не стало СССР — не стало открытых лиц у женщин Египта. Победил традиционный ислам.

В-третьих, к какому опыту СССР в свете рассматриваемой проблемы воспитания культуры у молодежи можно обратиться в настоящее время? На мой взгляд, традиционные ценности российской культуры были отражены в Моральном кодексе строителей коммунизма. Я согласен с А. С. Запесоцким, когда он говорит, что ценности, которые провозглашались в социалистическую эпоху, были очень близки к христианским ценностям.

Если исключить из текста морального кодекса коммунизма слово «социалистический», то останется:

- любовь к Родине;
- добросовестный труд на благо общества;
- забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;
- высокое сознание общественного долга;
- нетерпимость к нарушениям общественных интересов;
- коллективизм и взаимопонимание;
- гуманное отношение и взаимное уважение между людьми;
- честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;
- взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей;
- непримиримость к несправедливости, нечестности, карьеризму, стяжательству;
- нетерпимость к национальной и расовой неприязни.

Это те нравственные признаки, которых нам так недостает в настоящее время. Подкрепленные заповедями Закона Божьего и девятью заповедями блаженства они могут быть положены в основу нравственного воспитания.

Очень важно, что в Законе РФ «Об образовании», его последней редакции, воспитание и образование тесно связаны. Не достает только вывода о том, что это единый процесс. Как писал В. Даль: «Воспитывать в высшем значении — научать, наставлять, обучать всему, что для жизни нужно».

Отрадно, что по существу эти принципы нашли отражение в докладе, представленном на заседании Государственного совета Российской Федерации 24 марта 2006 г. В докладе указано, что для формирования гражданского общества необходимо:

- воспитывать гражданина и патриота, осознающего свой долг перед отечеством и малой родиной, свою российскую идентичность;

- формировать в человеке чувство чести и собственного достоинства, социальной справедливости, гуманизм, высокую духовность и нравственность;

- нести в себе межнациональную, межэтническую солидарность, уважение к национальным традициям и культуре, всемерно поощряя этнокультурные образовательные инициативы;

- развивать веротерпимость, миролюбие, толерантность в межконфессиональных отношениях, в частности путем ознакомления учащихся с историей мировых религий как неотрывной части мировой культуры;

- выстраивать уклад жизни каждого образовательного учреждения на принципах антиавторитарной педагогики, педагогики сотрудничества и сотворчества детей и взрослых — как модель гражданского общества.

В-четвертых, обратим внимание на то, что в настоящее время телевидение и радио от размещения рекламы получает в год около 2 млрд долларов дохода (то есть почти столько же, сколько средств государственного бюджета России направляет высшей школе). Вряд ли они откажутся от этих доходов, ибо, как писал, например, более века назад классик, «высшая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 статей ее символа веры, чем на 1/39 ее денежного дохода». Так что нужно, вспоминая одну из басен И. А. Крылова, просто «власть употребить».

По мнению И. Кобзона и координатора общественного экспертного совета при Комитете Государственной Думы РФ по культуре Ю. Агешина, «Правительством Российской Федерации, Государственной Думой, федеральными ведомствами, ответственными за развитие России, значение культуры явно недооценивается» (сознательно или по недомыслию — вот вопрос?).

Это наглядно проявляется в выделении средств из государственного бюджета на культуру. В 2006 г. они составят всего 1,2 % от расходов госбюджета, то есть около 50 млрд рублей из 5 трлн. В то же время на преодоление последствий бескультурья: борьбу с организованной преступностью, коррупцией, другими нарушениями законов, наркоманией, терроризмом, содержание спецслужб уходит до трети государственного бюджета. То есть, заключают И. Кобзон и Ю. Агешин, «чем меньше культуры, тем больше расходов на безопасность».

В заключение подчеркнем, что нужна политическая воля, чтобы положить реальное начало длительному процессу вознесения культуры и образования на пьедестал высшей ценности.

В. А. ДИНЕС,

ректор Саратовского государственного социально-экономического университета,

доктор исторических наук, профессор;

В. А. РУСАНОВСКИЙ,

проректор по научной работе Саратовского государственного

социально-экономического университета, доктор экономических наук, профессор

НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА, АДЕКВАТНОГО СОВРЕМЕННОМУ РЫНКУ ТРУДА

Особенности современного адаптационного процесса в России обусловлены не только глубокой трансформацией всего устройства общества, но и высокой степенью нестабильности рыночной среды, темпы изменения которой далеко не всегда учитывают возможности населения. Молодежь — особая группа. Ее отличает от старших поколений способность к более быстрой и менее болезненной адаптации к меняющимся внешним условиям; более высокое качество и более современный уровень знаний, динамичность, гибкость, способность к восприятию и продуцированию нового.

Однако, согласно данным социологических опросов, более трети работодателей недовольны качеством отечественного экономического образования, более 60 % выпускников не могут трудоустроиться по полученной в вузе специальности, а спустя три года после окончания уже менее 20 % выпускников работают в областях, связанных с полученной профессией. Недоверие к молодым специалистам на рынке труда проявляется в низком уровне заработной платы, стремлении, по возможности, «закрывать» вакансии претендентами, имеющими стаж работы.

При этом объем базовых знаний, полученных выпускниками вузов, как правило, не вызывает особых нареканий. Основными факторами низкой конкурентоспособности молодых специалистов являются излишний академизм образования, его оторванность от реалий современного бизнеса, недостаток специальных знаний и практических навыков. Разрыв между полученными знаниями и практикой проявляется в неготовности выпускников к восприятию реалий современного производства, к командной работе и руководству людьми; в неумении преподнести себя и результаты своего труда в профессиональной среде. Работодатели отмечают низкую мотивацию выпускников, их недостаточную нацеленность на профессиональное развитие и карьерный рост, нежелание адаптироваться, учиться, профессионально развиваться. По мнению работодателей, развивать у молодых специалистов соответствующие качества и навыки должны именно вузы.

Будучи активными операторами рынка образовательных услуг (товар, «покупаемый» абитуриентами, — диплом о высшем образовании), вузы вместе с тем реализуют пассивную маркетинговую политику на рынке труда (товар — профессиональная компетенция выпускника), что и приводит в конечном итоге к разрыву между этими двумя типами рынков.

Подавляющее большинство компаний сегодня не рассчитывают, что полученное в вузе образование позволит молодому специалисту немедленно включиться в работу. Выпускник вуза воспринимается скорее как исходный материал для подготовки полноценного специалиста. Соответственно работодатели все более активно инвестируют в различные внутрикорпоративные программы обучения на рабочем месте, рассматривая их как вынужденное средство практической достройки высшего образования.

Выход из сложившейся ситуации — объединение рынка образовательных услуг и рынка труда в единый рынок — возможен при условии изменения парадигмы российского высшего образования: от традиционной ориентации на знания — к ориентации на успех, на повышение конкурентоспособности специалиста в рыночной среде.

Основой реализации данной идеи является формирование регионального образовательного кластера — партнерства, объединяющего университет и профессиональное сообщество на основе общей заинтересованности и ответственности в подготовке и использовании на региональном рынке труда высококвалифицированных специалистов.

Региональный образовательный кластер — профессиональный форум, на котором сходятся интересы разных сторон: делового сообщества и вуза как внешнего поставщика для открытого конструктивного диалога. Именно через такой коммуникационный механизм можно сформировать общие приоритеты консолидированных действий. На основе этих приоритетов выстраиваются принципы партнерства, стандарты профессионализма и качества образования. Конкретными формами этой работы являются публичные мероприятия

информационного характера, информационно-аналитические и исследовательские программы. В итоге через механизм профессионального форума сложится эффективная система профессионального развития.

Предполагается, что у выпускников университета должен появиться главный заказчик, в роли которого будет выступать бизнес, а не государство, причем бизнес именно региональный. Бизнес должен также влиять на формирование портфеля профессии. При

этом подготовка «технического задания» на выпускника не отдается полностью на откуп бизнесменам из-за конъюнктурности и частичной сиюминутности их потребностей, а реализуется в процессе диалога между бизнесом, властью и обществом. Региональный образовательный кластер определяет формат, в котором бизнес включается в процесс оценки качества программ подготовки специалистов наряду с государством и образовательным сообществом.

Н. Н. ЗАБЕЛИНА,

профессор кафедры философии Мурманского государственного
технического университета, кандидат философских наук

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУР: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Проблема «двух культур» (естественно-научной и гуманитарной), возможно, одна из центральных проблем наших дней. Сегодня в образовании активно идет «технократизация»: явное преобладание естественно-научных дисциплин, а гуманитарные — формализуются и преподаются методами естественно-научных дисциплин.

Говорить об этом тревожном факте ученые начали уже на рубеже 60–70-х гг. XX в. Достаточно назвать выступления и работы Ч. Сноу, В. Р. Поттера, В. Гейзенберга, И. Пригожина и др. Это было связано с осознанием того, что западная цивилизация на пути научно-технического прогресса неожиданно пришла к некоему критическому рубежу, так называемым «глобальным проблемам человечества». А. Печчеи — создатель и лидер Римского клуба, заговорил о стратегии выживания человечества, академик Н. Моисеев наметил пять основных направлений деятельности человечества. До настоящего времени эти проблемы обсуждаются, но стало очевидно, что практический успех в решении глобальных проблем принесет в высшей степени комплексный и междисциплинарный подход. Так как, несмотря на неоспоримую мощь современных методов математики и компьютерного моделирования, сами по себе они не всемогущи. Ядром всех проблем является Человек как центральная, комплексная, междисциплинарная научная проблема.

Однако анализ дискуссионной литературы по проблеме человека показывает, что нет не только решения, но и сколько-нибудь приемлемого единства в понимании ее сути. Очевидно, должна появиться еще более углуб-

ленная проработка проблем гуманизма и научной рациональности как высших ценностей цивилизации. А это предполагает дальнейшее прояснение вопроса о самой природе раскола двух культур, его истоков, форм выражения как неперемennого условия осознания путей преодоления кризиса.

Многие ученые видят истоки раскола в период процесса формирования европейской науки нового времени и даже в античности (особенности формирования первых научных и философских программ древних греков). Однако действительное выражение этого раскола и четкое его осмысление принято относить к концу XIX и самому началу XX в. В. Дильтей одним из первых в работе «Введение в науку о духе» противопоставил всю совокупность наук, имеющих своим предметом социально-историческую реальность («науки о духе»), естествознанию — «наукам о природе». О полной автономности гуманитарных наук заявил один из лидеров баденской школы неокантианства Г. Риккерт. Он предложил именовать гуманитарные науки как «науки о культуре». В их аргументации сформулирована обобщенная картина основных оппозиций и по предметному, и по методологическим основаниям. Эти оппозиции стали предметом как тщательного анализа, так и ожесточенных дискуссий в течение всего XX в. Многие крупные ученые — Э. Кассирер, К. Леви-Стросс, Г. Гадамер, М. Фуко, Ж. Деррида и другие работали над углублением проблематизации всей антропологической и гуманитарной проблематики, закладывали движение нового (эволюционного) натурализма. Представители эволюционного натурализма увидели в новейших

разделах естественных и математических наук (кибернетика, теория информации, синергетика, социобиология, этология и др.) мощный ресурс для обогащения научного инструментария исследования проблем человека, общества, культуры. Результаты, полученные в рамках этого направления дают основания говорить, что естествознание XX в. сделало шаг в направлении преодоления раскола двух культур. Так, природа в естествознании конца XX — начала XXI в. обнаруживает черты, близкие человеку, человеческому миру. Научная картина мира, которая складывается на наших глазах, включает и природу, и человека, и культуру как органически взаимосвязанные части единого целого. Процесс сближения идет на самых разных уровнях общности и в самых различных формах: и на уровне чистой логики, и на конкретном уровне построения теоретических моделей возникновения, функционирования и эволюции сложных систем. Серьезные коррективы в классической трактовке природы научной деятельности произошли в науке XX в. по линии «объект — субъект». Интересны работы А. Ивина. Он обосновывает положение о единстве естественно-научного и гуманитарного знаний, исходя из тезиса о том, что объяснение и понимание есть универсальные операции мышления, взаимно дополняющие друг друга. Таким образом, «проблема обоснования моральных принципов» — это проблема раскрытия их двойственного, дескриптивно-прескриптивного характера.

В процесс взаимного сближения методов и концептуальных основ естествознания и гуманитарных наук особое место занимает современная биология и ее обширная междисциплинарная сфера научного исследования мира, которую все чаще называют биофилософией. Характеристика биофилософии как «моста», соединяющего генетико-органическую и социально-культурную эволюцию, быстро была подхвачена. Так, еще в начале 1980-х гг. Е. Уилсон и Ч. Ламсден предложили теорию геннокультурной коэволюции, направляемой особыми эпигенетическими правилами. Работа «Обратная сторона зеркала» К. Лоренца, положившая начало эволюционной эпистемологии, основной задачей считала преодоление раскола двух культур. Наши ведущие ученые-синергетики С. Курдюмова, Г. Малинецкий, С. Капица считают, что междисциплинарный синтез, направляемый на выработку новых императивов развития, идеологию XXI в., стал не игрой ума, не академической программой, а насущной потребностью.

Таким образом, сам ход развития науки XX в. направлен на сближение двух культур — естественно-научной и гуманитарной.

Однако тенденции в современном образовании на гуманизацию и гуманитаризацию не так ярко выражены. Весь смысл гуманитаризации заключается в процессе приведения содержания и формы образования в соответствие с природой человека, его душой и духом, в активизации всей целостности внутреннего мира человека. Это предполагает обязательное наличие во всех учебных заведениях гуманитарных дисциплин широкого спектра. У нас же гуманитарные дисциплины, в большинстве случаев, преподносятся методами преподавания естественных дисциплин: живой мир человеческой культуры подменяется отвлеченными сведениями о нем. Предметы эстетического цикла часто даются с вульгарно-социологических позиций. До сих пор существует недооценка общественных дисциплин в обучающем процессе, их традиционная «привязка» к идеологическим реалиям текущего момента. Здесь, в первую очередь, особенно строго должен соблюдаться принцип опережающего образования.

К фундаментальным явлениям культуры, в которых находят наибольшее воплощение целостность, гуманитаризация, закономерности бытия, относятся: религиоведение, искусство, философия, понимаемые как исследования духовного развития человека.

Но гуманизация образования не может ограничиться лишь введением гуманитарных дисциплин. Гуманизация предполагает особое изучение естественно-научных и технических дисциплин. Как следует из принципа целостности, эти дисциплины должны содержать обращенность на человека, соотноситься с гуманистическим смыслом человеческой цивилизации. Если же эти дисциплины будут изучаться «объективно», в оппозиции к человеку, то гуманизация останется «частичной».

Технократизм — это нетворческое существование, это простое, примитивное репродуцирование механически запомненных, а не «выстраданных» знаний. Таким образом, принцип гуманизации выступает как объективное требование учебного процесса. И какой бы ни была дисциплина, она прежде всего должна утверждать ценность человека как творца бытия. Какой бы ни была методика преподавания, она должна исходить из существа человека как творца. Поэтому гуманизация образования присутствует в принципе целостности и фундаментальности, профессионализма, гуманитаризации и социализации образования.

Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ,декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии
Гуманитарного университета г. Екатеринбурга, доктор философских наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

В ставших уже традиционными трактовках информационного общества основными его характеристиками считаются информация, знание, коммуникация, новые технологии их генерирования. Однако оказывается упущенным, с нашей точки зрения, важнейший элемент информационного общества — образование и его составная часть — самообразование, определяющая роль которого в становлении этого общества все более заметна. В основной цепочке конструирования информационного общества «данные — информация — знание» следует обратить особое внимание на тот процесс и вид деятельности, который приводит к превращению информации в знание. Это и есть образование и самообразование, становящееся доминантным видом деятельности многих социальных групп в информационном обществе.

Таким образом, понятие информационного общества требует более широкой интерпретации за счет включения в него образования и самообразования в их изменяющейся социальной роли и новой функции. Вместе с тем многие аспекты развития образования как социального института, явления, процесса, вида деятельности могут быть поняты только в контексте широкого социального анализа, где решающую роль играет понимание общества, его характера, специфики и направленности развития. Главное здесь — понять, что современное общество успешно продвигается к своему информационному состоянию, и роль образования в данном процессе очень велика. В связи с этим возникает первый вопрос о том, что такое информационное общество, а затем и второй — о характере и специфике образования в нем.

Для ответа на первый вопрос необходимо разграничить понятия информационного общества и информационной эпохи. Представляется, что они соотносятся, в самом общем виде, как часть и целое. Понятие информационного общества более конкретно, оно очерчивается достаточно четкими методологическими границами, тогда как понятие информационной эпохи имеет менее определенный характер. Эти понятия, а также реалии, которые в них отражены, отличаются по временному, пространственному и содержательному критериям. Информационная эпоха возникает по времени раньше, чем информационное общество, и имеет более широкие

(протяженные) пространственные характеристики. Она отличается также и более размытыми (в сравнении с информационным обществом) содержательными чертами.

Говоря о содержательном критерии, следует отметить, что информационное общество в нашем понимании означает общество, базирующееся на создании, распределении и потреблении информации. Это общество, в котором господствуют информационные (компьютерные) технологии, а основным видом деятельности большинства населения становится работа с информацией. В таком обществе производство и распространение товаров и услуг во многом зависят от производства, обработки и передачи информации.

Информационное общество характеризуется наличием такой социальной структуры и стратификационной модели, в которой высок удельный вес социальных групп (страт, слоев), так или иначе занятых процессом производства, потребления и распространения информации. В нем доминирующими становятся формы и виды информационного труда, основанного, как правило, на образовательной (самообразовательной) деятельности, компьютерных технологиях и экранной культуре. В информационном обществе ключевым источником новшеств и основой социальной организации становится знание. Переход к информационному обществу связан с резким возрастанием роли, значения и распространения высшего образования, поскольку именно оно обеспечивает, прежде всего, производство нового знания. Главным источником производительности становится воздействие знания на само знание.

Насколько реально информационное общество для начала XXI в.? Степень этой реальности различается в зависимости от уровня развития стран, рассматриваемых в контексте реализации в них критериев информационного общества. Конечно, высокоразвитые страны гораздо больше соответствуют этим критериям, чем иные. Но вряд ли сейчас можно поставить «клеймо» информационного общества на какой-либо из них. Тем более этого нельзя делать в отношении стран, где широко распространен тяжелый ручной физический труд, а наличие компьютеров у населения в их повседневном или регулярном использовании не является статистически значимым.

Второй поставленный вопрос — о характере и специфике образования и самообразования в информационном обществе. Суть кардинальных изменений, которые будут становиться все более характерными для этого общества, заключается в постепенном смещении соотношения «образование — самообразование» в сторону последнего. Отчетливее проявится тенденция, когда самообразовательные процессы, протекающие стихийно, будут обретать все более осознанные и рационально организованные формы. Новые информационные и коммуникативные средства меняют принципы организации и функционирования самообразования. С их помощью оно в качестве активной составляющей внедряется в любой вид деятельности. Компьютерные технологии не только обеспечивают доступность и разнообразие информации, но и активизируют самообразовательные процессы, сопутствующие профессиональной, образовательной, досуговой и всякой иной деятельности.

Вместе с тем общественные структуры, имеющие доступ к контролю за системами социальной коммуникации, узурпируют (либо могут узурпировать) власть над информаци-

ей и соответственно контролируют (либо могут контролировать) процессы духовного производства. Культуротворческая составляющая информационного общества обретает не индивидуально-личностные, а групповые черты, обладая способностью подавлять и стандартизировать сознание и деятельность человека. В силу этого основным пафосом самообразовательной деятельности становится борьба за самоопределение перед лицом глобальных социальных вызовов.

С учетом высказанных суждений о самообразовании становится очевидной его противоречивая природа в условиях перехода к информационному обществу. С одной стороны, этот вид деятельности свободен и демократичен, поскольку он является следствием действительного выбора субъекта самообразования, оказывающегося наедине лишь с информацией и не испытывающего при этом никаких воздействий извне. С другой стороны, самообразовательная деятельность не свободна в полной мере от информационной зависимости, поскольку существует такое явление, как власть и контроль над информацией.

О. В. КАШИРИНА,

доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук

СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯВЕДЕНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Формирование общеевропейского образовательного пространства осуществляется в течение последних двадцати лет. Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 г., подписав Берлинское коммюнике. Однако некоторое сомнение в неоспоримости положений Болонского процесса остается. Представляется важным выделить три момента.

1) Недостаточная информационная поддержка намеченных правительством мер. Неведение всегда вызывает неопределенность и разночтения: даже среди приверженцев этого процесса возникают споры о его сущности. Задаются вопросы: можно ли свести все реформы по Болонскому процессу только к двум или трем уровням системы обучения? Нужно ли коренным образом менять программы обучения, удалив из них почти полностью, как на Западе, гуманитарную составляющую? Если все сводить только к уровням, то мы давно работаем с бакалавриатом и магистратурой. В этом случае Болонский процесс потерял для нас актуальность. А если речь идет

о гуманизации, то отказ от нее противоречит традициям нашего образования. В таком случае данный процесс для нас неприемлем. Зачастую эти разночтения и вопросы идут от плохой информированности и неполноты знаний. Цельность знания предполагает всестороннюю информацию о предмете.

2) Большинство преподавателей и организаторов высшего образования испытывают естественное желание сохранить огромный теоретический багаж российской естественной и гуманитарной науки. Кроме того, мы имеем и колоссальный практический интеграционный опыт крупнейшей в мире интернациональной системы образования. Мы испытываем естественное стремление к тому, чтобы Европа увидела и признала наши достижения в этой области и взяла все лучшее. Мы готовы помочь, чтобы идея создания общеевропейского пространства высшего образования не проваливалась и не стала фикцией, пустой формальностью, как это уже случалось со многими идеями.

3) Главное — бросается в глаза некоторая односторонность, отраженная уже в названии проекта, ведь речь идет в нем о *пространстве* высшего образования, а *социальное время* лишь подразумевается. Между тем известно, что *коллективно-пространственные* границы легче преодолеть, чем *индивидуально-временные* барьеры. В самом деле, не вызывает сомнения тот факт, что знания имеют вселенский характер. Например, можно получить образование в старейшем вузе Европы, начинающем свою биографию в XI в. — Болонском университете, где обучаются более 60 тыс. студентов, и при этом быть посредственным профессионалом. Но можно быть Циолковским в Калуге или Лобачевским в Казани. Очевидно, что пространственный фактор здесь имеет второстепенное значение. Важно не только прилежание или гениальность обучающегося, но и способность организовать время обучения самими студентами и организаторами учебного процесса.

Данные обстоятельства вынудили нас обратиться к проблеме социального времяведения, полагая, что эта проблема наиболее деполитизирована и деидеологизирована. Она — общечеловеческая. Именно она объединяет две культуры — естественно-научную и гуманитарную — в одном учебном процессе. Именно она интегрирует три сферы жизни — «вчера», «сегодня», «завтра» — в одном мгновении.

В исследовании этой проблемы мы исходим из следующих положений:

а) приоритетность социального времяведения в учебном процессе, поскольку любое социальное пространство (структура-состояние), в том числе образовательное, обладает лишь субстанциональной (пассивной) первичностью, а функциональная (деятельностная) первичность принадлежит социальному времени (структуре-процессу); это означает применительно к процессу высшего образования, что социальное времяведение должно стать

его стержневой основой как в форме профессионального самосознания любой из преподаваемых дисциплин, так и в виде специального гуманитарного цикла «Основы социального времяведения»;

б) русский период в учении о времени внес значительный вклад в развитие мировой науки и философии; у российской науки и образования есть тот багаж, с которым можно прийти в общеевропейское пространство высшей школы;

в) в российском обществе гуманизация науки и образования всегда была приоритетной, поэтому главным условием (а не просьбой) нашего вхождения в Болонский процесс может быть только общее понимание того, что Европе, как и всему миру, нужен не просто компетентностный подход, объявленный в качестве основополагающего в документах Болонского процесса, но *гуманитарно-компетентностный*; социальное времяведение, основываясь на синтезном мышлении, может стать гуманитарной составляющей высшего образования всей Европы, ориентированной на цивилизационные и общечеловеческие ценности¹.

Мы считаем, что необходимо создать единый международный учебник для университетов и отраслевых вузов по социальному времяведению. «Основы социального времяведения» как обязательная учебная дисциплина для технических и естественно-научных специальностей может включить в себя в *интегрированном* виде не только почти все гуманитарные и философские науки, но и профессиональное самосознание естественных и технических наук. Поэтому для дальнейшей разработки мы предполагаем выделить в ней пять разделов: 1) дидактика социального времяведения; 2) гипотеза о метавремени культуры; 3) концепция культуры времени; 4) философский диагноз времени; 5) профессиональное самосознание науки.

3. И. КОЛЫЧЕВА,

проректор по научной работе Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева, кандидат педагогических наук

РОЛЬ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОХРАНЕНИИ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА

Проблема ценностей и ценностных ориентаций вообще и в образовании в частности не является новой. Это одна из «вечных» проблем и задач, поскольку речь идет об «умах и душах» людей, об идеалах, нормах, принципах, цели человеческого существования, об отношениях человека к окружающему миру

во всем его многообразии, смысле и значении активности человека.

¹ *Каширин В. И., Каширина О. В.* Социальное времяведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования. Ставрополь, 2006.

Особое значение проблема ценностей, ценностных ориентаций имеет для педагогики и образования, в том числе в процессе подготовки учителя, поскольку моделирование системы ценностных векторов данного социального фенотипа не может не рассматриваться как диагностический и прогностический моменты в определении ближайшего будущего России. В последние годы проведена целая серия исследований по проблемам ценностных основ современного образования, сформировалась междисциплинарная область знания — педагогическая аксиология как наука о ценностях образования, в которых представлена система значений, принципов, норм, канонов, идеалов, регулирующих взаимодействия в образовательной сфере и формирующих отношенческий компонент структуры личности [7, 12].

Каждый раз, когда общество оказывается в состоянии кризиса и ищет пути выхода из него, проблема ценностей приобретает особую значимость. В связи с этим исследования проблемы ценностей и ценностных ориентаций сегодня приобретают важный, по сути, стратегический характер, поскольку от того, какие позиции будут определять «дух народа» в ближайшие десятилетия, зависит само сохранение россиян как полиэтнической общности в физическом и духовно-нравственном плане.

В целом выявлено, что ценность в своей внутренней структуре может проявляться как *значение, отношение, цель, принцип, норма и идеал*. Означенная линия отражает уровень реализации ценностей, это есть своеобразное восхождение человека по вертикали, его «второе рождение». Ценностные ориентации могут находиться на любом из указанных уровней внутренней иерархической структуры; при этом одна и та же ценностная ориентация может рассматриваться в разных условиях по-разному и тем самым иметь неодинаковый уровень стимульной регуляции деятельности, совершенствования личностной и профессиональной сферы.

Полезно, на наш взгляд, разграничить понятия: «ценность образования», «ценности образования», «образование ценностей в образовании» [3]. Несомненно, образование как социальный феномен представляет собой ценность для общества, социума, каждой конкретной личности. Углубляться в данную проблематику нет возможности и необходимости. Ценности образования — это то, что считается ценностью и целью каждого конкретного общества и каждой конкретной образовательной системы. Назовем основные, на наш взгляд, ценности образования: личность, знание, понимание, активность, мышление, реф-

лексия, сознание, субъекты образовательной деятельности, духовный и личностный рост. Перечень данных ценностей может быть легко продолжен. В данной статье мы акцентируем внимание на третьей категории ценностей, не умаляя при этом две другие, тем более что данное деление совершенно условно.

В последние годы философами, культурологами, социологами ведутся активные исследования, связанные с выявлением сущности, структуры, условий функционирования общечеловеческих ценностей. Они не конструируются искусственно в историческом процессе, но открываются в нем, встраиваясь в культуру. Данные ценности можно назвать «безусловными», «абсолютными целями» для человека, которые светят своим собственным светом, являются «целями в себе», и каждое достижение при «преследовании» этих целей оказывается только этапом по пути ко все новым достижениям [1]. Именно данные высшие цели составляют культуру и историю человеческого общества, образуют их неразрывную связующую ткань, составляют суть и содержание предания. Во все большем достижении данных ценностей состоит суть нравственного становления личности, обретения ею свободы.

Общечеловеческие ценности — это педагогический идеал воспитания. Мы полностью разделяем точку зрения Ш. А. Амонашвили, В. И. Загвязинского и А. Ф. Закировой о том, что в современных условиях идеологической неопределенности, но уже явно наметившейся тенденции движения к духовности и гуманизму особенно важно вернуться к понятию идеала [2]. Без идеалов движение может вести в никуда; это грозит спадом учительского творчества и обнищанием духовного мира школьника. Идеал есть призвание школы, ее синтез, ее душа, ее целостность. Человек как духовное существо не может без идеала, он обладает «рефлексом идеала». Следуя традиции русской философии, философии русского космизма и проективной философии в целом, идеалы не могут браться из повседневной жизни, их необходимо определять под знаком вечности. Исходя из этого, основной задачей школы должно быть воспитание *духовной, здоровой, свободной, творческой, гармоничной личности*. Сошлемся еще раз на упоминавшихся выше авторов, точку зрения которых мы полностью разделяем: «Гармония стала целью развития и условием выживания человечества. И в образовании необходимо поставить, а точнее — восстановить цель воспитания не только активной, творческой, свободной, но и гармоничной личности, умеющей жить слаженно с природой,

другими людьми, обществом и в согласии с самим собой».

Несмотря на движение к единству, общечеловеческим ценностям, в педагогической аксиологии не существует единого мнения на инвариант ценностей, которые должно и обязательно сохранить образование, транслировать в специфические, собственно педагогические категории, явления и процессы, трансформировать, в конце концов, в индивидуально-личностную аксиосферу обучающихся. Сошлемся в данном случае на работы Н. Д. Никандрова и других авторов, анализирующих данную проблему в российском и мировом контексте [5].

Наша нынешняя действительность убеждает: общечеловеческое необходимо осмысливать в соотношении с национальным. Проблема национального характера и менталитета не из простых, особенно в многонациональной стране. Мы рассматриваем национальный характер как совокупность объективных, исторически сложившихся социально-психологических особенностей духовного облика народа, проявляющихся через отношения к вечным общечеловеческим ценностям в свойственных его представителям традиционных формах поведения и существующих в объективизированных формах общественного сознания. Как показано М. И. Шиловой и Н. И. Малиновской, при анализе понятия «национальный характер» общим в понимании данного феномена является признание «ядра» или «сути» [13]. Таким общим в понимании «национального характера» в отечественной и зарубежной науке является рассмотрение его на уровне ценностей, интроецированных в личность в результате длительного процесса взаимодействия генотипа с культурой, их взаимного проникновения. Это важно для нас в плане вычленения таких черт национального характера, которые сформировались в ходе данного взаимодействия и которые присутствуют в каждом. К диалектике общечеловеческого и национального в развитии личности обращались такие отечественные мыслители, как В. О. Ключевский, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, С. В. Соловьев, В. В. Розанов, Н. О. Лосский, С. И. Гессен, Н. В. Станкевич и другие, а также наши современники В. Н. Сагатовский, Д. В. Чернилевский, А. И. Субетто и т. д. [1, 4, 6, 8–12]. По мнению указанных мыслителей, характер русского народа выражается в таких чертах-качествах, как гражданственность, честность, милосердие, доброта и незлобие, смирение и терпимость, способность к состраданию и сопереживанию, соборность, доброжелательность, потребность в общении и поиск смысла жизни. Данные ценности вошли в аксиосферу русской педагогики в ходе исторического развития, в них

находят отражение географические, природно-климатические, социально-экономические, геополитические факторы и условия жизни народа, многие из данных ценностей обязаны православью.

Таким образом, ценности есть существующие в сознании каждого человека ориентиры, с которыми индивид или социальная группа соотносят свои действия. Ценности — не вспомогательная пристройка к экономике и политике, а обобщенные базисные представления людей о целях и нормах своего поведения, воплощающие исторический опыт и выражающие смысл культуры отдельного этноса и всего человечества. Система ценностей образует внутренний стержень культуры, духовную quintessence потребностей и интересов индивидов и социальных общностей.

Ценностные основания в педагогических системах транслируются в специфические, собственно педагогические категории, явления, процессы, технологии. При этом можно выделить ценности: транслируемые через содержание образования; транслируемые учителем; транслируемые через организацию образовательного процесса; рождаемые событийной общностью субъектов образовательного пространства. В аксиологическом образовательном пространстве происходит индивидуально-личностная трансформация ценностей. Из абстрактного инвариантного «пятна» смысла жизнедеятельности на индивидуально-личностном уровне образуется вполне четкая и конкретная «мозаика» личностных устремлений, предопределяющих в том числе и необходимость выбора индивидуальных образовательных траекторий.

Из приведенного выше ясно, что центральное положение должно быть отведено учителю. Именно от личности учителя, сформированности его ценностного сознания зависит успешность или неуспешность жизни духа образования — аксиологических основ. О роли личности учителя в воспитании обучаемых сказано много; это сюжет, относительно которого высказывались практически все известные мыслители и педагоги. Так, В. О. Ключевский говорил, что воспитатели и учителя должны знать не только тот педагогический материал, который «сидит» или «бежит» под их руководством, но и тот умственный и нравственный идеал, к которому они обязаны приближать эти вверенные им маленькие живые будущности, смотрящие на них полными смутных ожиданий глазами.

В ценностных ориентациях учителя выделяют три типа отношений к значимым моментам профессиональной деятельности: к педагогическому труду (определение цели и личностного смысла деятельности); к личности ученика (ее безусловное принятие и про-

ектирование развития); к личности учителя и к самому себе как педагогу (профессиональный идеал и Я-концепция учителя). Все они взаимосвязаны, но системо- и смыслообразующим является при этом отношение к личности ученика.

Таким образом, реальность осуществления идеала, ценностей в подрастающем поколении обусловлена не столько объективными условиями, сколько субъективными аспектами деятельности учителя, опытом его творчества. Чем ниже планка идеала, тем больше упрощается труд учителя в ущерб растущему человеку, а это уже уход от профессионального долга. Все сказанное еще раз подтверждает важность профессионального педагогического образования, особенно его аксиологических основ. Только личность воспитывает личность; достоинство способно породить достоинство.

Литература

1. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995.
2. Загвязинский В. И. Идеал, гармония и реальность в системе гуманистического воспитания / В. И. Загвязинский, Ш. А. Амонашвили, А. Ф. Закирова // Педагогика. 2002. № 9. С. 3–10.
3. Зинченко В. П. Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова). М., 2002.
4. Ключевский В. О. О русской истории / под ред. В. И. Буганова. М., 1993.
5. Никандров Н. Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. М., 2000.
6. Сагатовский В. Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь. СПб., 1994.
7. Сластенин В. А., Чижикова Г. И. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М., 2003.
8. Субетто А. И. Россия и человечество на «перевале» истории в преддверии третьего тысячелетия. СПб., 1999.
9. Сурожский А. О слышании и делании. М.: Московское подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1999.
10. Флоренский П. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи. М., 2003.
11. Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.
12. Чернилевский Д. В. Духовно-нравственные ценности образовательной системы России XXI века. М., 2003.
13. Шилова М. И., Малиновская Н. И. Черты национального характера: российский вариант // Педагогика. 2002. № 8. С. 24–28.

В. В. КРАЕВСКИЙ,

академик РАО, главный научный сотрудник
Института управления образованием РАО (Москва)

«ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ» В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ

Игра в поддавки в спорте — вовсе не изобретение последних лет. наших дедов и прадедов тоже водили за нос организаторы всяких соревнований и состязаний, поставляя публике яркие, но недостоверные зрелища. Однако специалистам нужно было знать реальность. И вот появилось то, что обозначает термин «гамбургский счет», довольно часто употребляемый, но не всем понятный по сути. Возник он в XIX в. и первоначально означал особые международные состязания борцов, раз в год проводившиеся в городе Гамбурге. Их отличие от других подобных игр состояло в том, что они были настоящими, и побеждали в них действительно сильнейшие, а не заранее назначенные «чемпионы». Другая особенность — «широким массам» доступа не было, зрителями там были только профессионалы. Им просто необходимо было знать, кто чего стоит в действительности. Впоследствии «гамбургский счет» распространился на другие сферы деятельности в смысле объективной оцен-

ки действительных в отличие от «раскрученных» артистов, писателей, ученых и т. д. По соотношению первых и вторых и восприятию их большинством населения можно судить о состоянии общества, степени его информированности, самостоятельности, о гражданских качествах его членов.

Обращусь к близким мне областям нашего общества и государства, не так давно административно объединенных в огромном по охвату Министерстве науки и образования.

Сначала о ситуации, когда суррогатные ученые занимают ключевые должности. Она чревата вытеснением ученых настоящих, озаченных не «выбиванием» грантов, премий, должностей, а своим делом, то есть научными исследованиями и организацией науки. Когда они оттесняются на периферию и становятся маргиналами, на их место идут те, кого обозначают емким, но не имеющим точного определения словом «прохиндей». В этом случае постепенное угасание науки — дело времени. К сожалению, это — картина не

только гипотетическая. В СМИ все чаще выступают люди, встревоженные судьбой науки (в Интернете не иссякает поток публикаций на эту тему). И дело не только в пресловутой «утечке мозгов», но в большой степени в качестве таких мозгов, какие никуда не собираются, да и не могут «утекать». В выступлении профессора Государственного университета управления, доктора экономических наук Е. В. Балацкого на тему «Диссертационная ловушка» отмечается, что в настоящее время практически разрушена система объективных критериев и принципов оценки научной значимости вклада конкретного исследователя. Пополнение высших научных эшелонов страны номинальными фигурами естественным образом сказывается на общем уровне науки. Ситуация усугубляется возникновением дутых авторитетов, эрзац-академиков новоявленных виртуальных академий и членов тех реальных академий, которые поражены вирусом равнодушия и, добавим, — непротивления любым придумкам начальства, определяемым личными отношениями, а не интересами дела. Все больше развиваются разнообразные формы околонучной демагогии, особенно в гуманитарной области.

Обычно по «гамбургскому счету» отличить настоящих ученых от имитаторов не составляет труда. В частном разговоре любой скажет, кто поближе от него — фельдфебель, «назначенный в Вольтеры», а кто действительно Вольтер. Могут и выразить неудовольствие по этому поводу. Однако чувства редко бывают связаны с действиями, и можно только пожалеть, что интеллигенцию в таких случаях почти не слышно. Это обстоятельство у многих вызывает сомнения в самом ее существовании. Не верится все же, что эти сомнения оправданы, и положение маргиналов кого-то может устраивать.

В образовании, по определению тесно связанном с наукой, тоже немало объектов для оценки с тех же «гамбургских» позиций. Реальная ситуация: на образовательной арене — два борца, и побеждает тот, кто рассматривает образование как «сферу услуг». Как будто повержен другой, для кого образование — всеобщее социально значимое благо, однако сильнее все-таки именно тот, кто ставит на первое место образование,

а не экономику, справедливо считая, что образование — основа экономического прогресса, а не наоборот.

Из слов министра А. Фурсенко в докладе на парламентских слушаниях в Совете Федерации «Образование — сфера вторичная по отношению к экономике» следует, что духовность, нравственность, культура, составляющие основу образования, так же вторичны по отношению к экономике, как вторичны по отношению к ней и сам человек. Получается, вопреки ст. 2 Конституции РФ, что человек отнюдь не высшая ценность.

Но на деле «первичными» оказываются представители «вторичной» сферы. Наиболее губительные для страны «покушения» на школу были остановлены после их решительных протестов. Под принятым в апреле 2005 г. на V съезде отраслевого профсоюза обращением к президенту страны работников образования, протестующих против образовательной политики, насаждающей платность образования и социальный геноцид, было поставлено более трех миллионов подписей. Попытки реформировать отечественную систему образования на основе ее социальной сегрегации и коммерциализации провалились. Поскольку общество отвергло эти попытки, президент страны в декабре прошлого года вынужден был лично скорректировать принципы и направления реформы образования.

Таким образом, в явном виде предстало то, что по «гамбургскому счету» было ясно и раньше. В прошлом году три министра образования России, занимавшие свои посты в 1990–1996 гг. — Э. Д. Днепров, Е. В. Ткаченко, В. Д. Шадриков, — в открытом письме, опубликованном в газете «Россия» (10–16 февраля 2005 г.), подвергли острой критике представленный Министерством образования и науки документ «О приоритетных направлениях развития образовательной системы Российской Федерации».

В заключение надо сказать, что «гамбургский счет» — не от хорошей жизни. Необходимость в нем возникает в условиях двойных стандартов, когда нужно скрыть что-то от других, а самому быть полностью «в курсе». Дело всегда оборачивается потерей ориентиров и, в конце концов, самообманом, который может повлечь за собой тяжкие последствия.

Л. А. КУЗНЕЦОВ,

заведующий сектором Научно-исследовательского центра Ленинградского областного института развития образования, доцент

Д. С. ЛИХАЧЕВ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В 70-е гг. XX столетия в нашей стране да и во всем мире усилился интерес к проблемам окружающей природной среды, к поиску путей ее сохранения в пригодном для жизни человека состоянии. Стало понятным, что научной основой решения проблемы является наука экология, до этого мало привлекавшая внимание неспециалистов. Как это часто бывает в жизни, некоторые увидели в экологии подходящую основу для понимания осложнившейся ситуации в общественных отношениях. Не очень разобравшись в сути экологических законов, некоторые публицисты и философы стали активно эксплуатировать приглянувшийся термин. Его метафорическое использование стало определенной модой. Пик этого явления пришелся на 1980-е гг. Именно в это время Д. С. Лихачев начинает писать об «экологии культуры», понимая под ней прежде всего «сохранение культурной среды». Однако словосочетание стало широко употребляться в более неопределенном смысле — как взаимосвязи внутри самой культуры, ее социологическими и нравственными особенностями; заговорили об экологии духа, определяющей нравственные координаты бытия, его духовность и т. д. Появились и многие другие «экологии».

Естественно, это размывало само фундаментальное понятие, превращало в легковесное словечко и объективно мешало формированию в общественном сознании понимания значимости науки в сохранении окружающей среды и природы в целом. Безусловно, у профессионалов сложилось негативное отношение к подобной «экологизации» сознания. Думаю, что это повредило и «экологии культуры» в том смысле, как понимал это Д. С. Лихачев. На переломе 1980–1990-х гг. мне повезло неоднократно беседовать с Дмитрием Сергеевичем на эту тему. Отвечая на упрек использования «чужого термина», он говорил, что привлечение слова из смежной области знания вполне допустимо. Конечно, на первых порах понятие будет казаться неудачным, но в конце концов за ним закрепится точное значение и ученые к нему привыкнут.

Под экологией культуры Д. С. Лихачев понимал науку о сохранении культурной окружающей среды. В отличие от многих писавших об экологии культуры, Дмитрий Сергеевич подчеркивал, что «нет четко обозначенной границы между природой и культурой», и, рассуждая об отношениях между биологической экологией и экологией культуры, нахо-

дил место последней в рамках социальной экологии. Последняя как научная дисциплина рассматривает взаимоотношения общества и природы.

Что же позволило Д. С. Лихачеву столь успешно понять суть взаимодействия наук? Во-первых, это широкая эрудиция, далеко выходящая за рамки собственной научной специальности. Во-вторых, это тонкое чувство природы, подтверждением чего могут служить следующие строки, вышедшие из-под его пера: «Крестьянин веками трудился, ласково гладил холмы и доли сохой и плугом, бороной и косой, оставляя леса и перелески не тронутыми, обходил их плугом, и потому они выростали ровными купами, точно в вазу поставленные» (1985). В своих работах Дмитрий Сергеевич достаточно точно описывает растительное сообщество в районе Токсово под Петербургом и процесс восстановления леса после его вырубки, а также оставляет нам свои наблюдения за старыми деревьями. Конечно, прежде всего его интересует дерево как элемент парковой архитектуры, но Д. С. Лихачев выступает в защиту лесных патриархов, которым приписывают преувеличенную опасность! Взаимодействие человека и природы — одна из тем, присутствующая во всех работах, где затрагиваются вопросы экологии культуры. Автор обращается к историческому прошлому. Он подчеркивает, что совместная деятельность двух великих культур: культуры человека и культуры природы создавали среду обитания. Именно они сформировали современные ландшафты Восточно-Европейской равнины, островов Беломорья, пригородов старых русских городов. В России главным действующим лицом был земледелец; в Англии — скотовод, разводивший овец и крупный рогатый скот. Кочевники-болгары, переходя к оседлому образу жизни, оставались жителями степей; жители горных районов даже в городах сохраняли могучие лесные деревья и т. д. И всюду человек был интеллектуален, ибо не наносил природе непоправимого ущерба, хотя эти отношения принадлежали разным эпохам. Природа определяла ментальность человека и историю народов. Д. С. Лихачев не ссылается в своих построениях на двух замечательных ученых — автора ноосферной идеи В. И. Вернадского и автора идеи о взаиморазвитии природы и истории народов Л. Н. Гумилева, но его идеи созвучны научным идеям знаменитых земляков. Всего ярче Д. С. Лихачев выступает

как выразитель идей экологической культуры в замечательной и глубоко экологичной книге «Поэзия садов» (1981, 1991). Сады и парки — это важный рубеж объединения человека и природы и в городской, и в сельской обстановке. Это живые действующие результаты созидательной деятельности человека, яркий пример действия времени как экологического фактора. Это один из наиболее продуманных случаев целенаправленного изменения экосистем. Именно здесь проявляется прогнозируемый В. И. Вернадским ноосферный подход.

Теперь обратимся к образованию. Д. С. Лихачев заинтересованно относился к проблеме экологического воспитания. В 1989 г. мы были избраны народными депутатами СССР, и в Комитете Верховного Совета по экологии мне довелось возглавить подкомитет по экологическому образованию и воспитанию. Дмитрий Сергеевич интересовался содержанием нашей работы и неоднократно подчеркивал необходимость нравственного воспитания человека, которое обязательно должно основываться на знании. К этой идее он неоднократно обращается в своих публицистических выступлениях: «Знания раскрывают нам двери, но войти в них мы должны сами» (1994). Такова педагогическая позиция ученого. И еще об одном принципе — краеведческом. Он важен в любом воспитании, но особенно в экологическом. Д. С. Лихачев неоднократно писал об этом применительно к экологии культуры; отмечая разницу между экологией биологической и экологией культуры, он подчеркивал важность обеих в образовании, осознавая биоцентризм первой и антропоцентричность второй.

Появившиеся в последние годы программы и учебники школьной экологии включают как фундаментальную (биологическую) экологию, так и социальную экологию. В ряде школ экологическое образование выполняет системообразующую функцию. В Ленинградской области в экологических школах большой популярностью пользуются педагогические взгляды Д. С. Лихачева. Сошлемся на опыт некоторых из них. В школе № 3 г. Тихвина («Экологическая школа», 2005) в рамках программы «Земля родная» изучается тихвинская водная система. В Сельцовской школе Волосовского района исследуются памятники природы и культуры района («География и экология в школе XXI века», 2004. № 9). В школе № 1 г. Кировска и Молодцовском детском доме школьники подготовили и опубликовали итоги своей работы («По бечевому Ладожскому тракту. Атлас эколого-краеведческого похода», 2005). Последнее интересное и великолепно напечатанное издание было спонсировано фондом имени Д. С. Лихачева.

Использование эколого-культурного подхода в преподавании позволяет успешно реализовывать в экологическом образовании принципы гуманизации и социализации, что в конечном итоге формирует возможность опоры на ноосферную идею. Мировое сообщество признало, что устойчивое развитие человечества в XXI в. возможно лишь на основе экологических приоритетов. Не случайно 2005 год был объявлен ООН началом десятилетия экологического образования для устойчивого развития. Несомненно, что идеи Д. С. Лихачева будут способствовать его успеху в России.

А. Г. КУТУЗОВ,

ректор Московского гуманитарного педагогического института,
доктор педагогических наук, профессор

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ И ЦЕЛЯХ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Известно, что система образования функционирует в рамках триады: культура — общество — индивид. Эти же субстанции одновременно являются формирующей средой источников образования. Каждый из элементов триады проходит процесс неравнополюженного осмысления и поиска направлений и механизмов упорядочивания процессов своего развития.

Для России образование — традиционная ценность высшего порядка, тогда как экономическая услуга, в которую его сейчас хотят

превратить, является всего лишь потребительской ценностью, как хороший костюм, гарнитур, машина и т. д. Если же государственная власть начинает рассматривать образование на таком уровне, то в случае принятия большинством общества таковой ценности образования наше российское образование неизбежно должно будет претерпеть высшую степень трансформации — получить новое качество через полный распад: новая, в смысле принципиально иная система ценностей, иное целеполагание, иная нормативность,

иной мировоззренческий уклад, даже иной стиль взаимоотношений в системе.

Думается, что такой сценарий развития событий очень маловероятен, поскольку для его реализации необходимо как минимум изменить ментальность населения.

Если допустить чрезвычайно низкую вероятность и практически принципиальную нереализуемость «взрывного» сценария, необходимо рассмотреть возможные варианты эволюционного развития на практике государственного тезиса о модернизации-реформировании, тем более что этот тезис действительно поддерживается большей частью общества.

Прошло еще не так много времени, чтобы эволюционные потенциалы системы смогли активно заработать, но главное — новые ценности быстро становятся таковыми в общественном сознании только в том случае, когда они приходят вместе с новой идеологией как инструментом их создания и внедрения. Говорить о том, что таковая сейчас есть у России или в России, на наш взгляд, преждевременно.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что система государственно-общественных ценностей сейчас размыта, поэтому ожидать государственной формулировки социального заказа, как это было в СССР, не следует.

Перейдем к спектру личностных ценностей. Процесс изменения их идет также чрезвычайно активно. Особенно это касается, как уже отмечалось, молодого поколения. Соединяющиеся процессы мозаичности сознания и монетизации ценностных ориентиров уже имеют серьезные результаты, среди которых быстро утверждающийся постулат материального успеха любой ценой.

В случае повсеместного утверждения этого принципа гуманитарные знания перестанут быть необходимой частью сознания социального индивида. Ему будет достаточно более или менее стандартного набора гуманитарно-социальных представлений. В результате гуманитарное образование в традиционном смысле этого слова останется востребованным лишь незначительной прослойкой творческих личностей и интеллектуалов в западноевропейском понимании этого определения.

Что касается третьей субстанции — культуры, то условия ее востребованности также лежат в плоскости понимания ее функциональности. Если культура приобретает статус музея прошлого, а ее современное бытие остается лишь в функции повсеместного дизайна, ее ценность станет технологичной, потеряв при этом сущностную содержательную значимость.

В таком случае новые культурные ценности будут создавать и новые социально-личностные запросы и потребности, которые, в свою очередь, будут реализованы в новых обра-

зовательных ценностях, что будет означать появление другого гуманитарного образования.

Мы преднамеренно рассматриваем крайние направления развития процесса трансформации гуманитарного образования, причем делаем это в рамках безоценочной констатации. Это необходимо для того, чтобы, во-первых, признать вероятностную возможность таких направлений флуктуации процесса, а во-вторых, чтобы обозначить границы развития, в рамках которых мы проводим исследование источников появления новых образовательных целей. Естественно, прежде всего гуманитарных образовательных целей.

Можно по-разному оценивать традиционную для России парадигму ценностных государственно-общественных источников нашего образования. Не это важно. На наш взгляд, важно признать, что такая парадигма существует в России уже более трех столетий, не считая времени ее формирования. Историческое время ее существования свидетельствует о том, что она достаточно гармонична для России и поменять ее без серьезных социальных потрясений для этноса страны вряд ли возможно. Надо постараться использовать ее внутреннюю гибкость для того, чтобы образование нового времени стало действительно новым.

Таким образом, общественное общее образование, в особенности его гуманитарная составляющая, должны быть сориентированы прежде всего на воспитательные цели, которые являются для человека смыслообразующими, а для общества — воспроизводящими его в границах неразрушения. Такой целью может являться только создание целостного образа мира и своего образа в этом мире. В рамках этого целеполагания может осуществляться связь общественных и личных ценностей. Она будет укреплена через систему ядерных целей образовательных областей и предметов.

Это можно проиллюстрировать на таком примере. Среди череды быстро меняющихся ценностей достаточно устойчивую традицию у нас имеет ценность служения стране и ее идеалам.

В этой точке для большинства населения страны пока еще соединяются общественные и личные ценности. Еще одна личная образовательная ценность — наличие хорошего образования. Традиционно она строилась на взаимосвязи понятий: лучшее образование — возможность принесения большей пользы стране.

В целом же, анализируя проблематику личных образовательных ценностей, мы пришли к выводу, что устойчивой традиции выбора или определения образовательных ценностей личного плана у населения страны пока не сложилось.

В процессе исследования мы провели анкетирование более 300 человек с целью выяснить: задумываются ли граждане о том, зачем их ребенок идет в школу или зачем он там учится?

Отметим тот факт, что огромное количество людей фактически не интересуется тем, что дает школа ребенку, хотя динамика повышения внимания к этой проблеме явно появилась. Значит, начинают формироваться образовательные запросы у населения, отличные от декларируемых государственных образовательных задач. Любопытно и то, что среди людей моложе 30 лет значительно больше тех, кто из задач школы выбирает социализирующие личность: подготовку к дальнейшей жизни, стремление научиться жить в обществе и др.

Целеполагание, связанное с изучением основ наук, напротив, теряет своих сторонников. Кажется совершенно закономерным тот факт, что столь расплывчатая вне профессионального сообщества цель, как всестороннее развитие личности, практически не имеет сторонников.

В целом же можно сказать, что в сознании общества происходят активные процессы переоценки ценностей. Процессы во многом хаотичные, ориентированные на узко понимаемые потребительские ценности, которые активно насыщаются средствами массовой информации.

Прогноз развития образовательных систем не может строиться только в рамках анализа положения дел в отечественном образовании. В современных условиях крайне необходимо обратиться к выявлению образовательных мегатенденций, среди которых выделим следующие:

- глобализацию и гуманизацию образования;
- культуроведческую социологизацию и экологизацию содержания образования;
- междисциплинарную интеграцию и непрерывность образования;
- ориентацию на развивающие и гражданские функции образования;
- осознание каждого уровня образования как составной части системы непрерывного народного образования;
- переход от преимущественно информационных форм к активным методам и формам обучения с включением элементов проблемности и организации творческой и самостоятельной деятельности обучающихся;
- необходимость организации взаимодействия ученика и учителя как коллективной, совместной деятельности обучающихся.

Подчеркнем воспитательную направленность этих мировых образовательных тенденций, но прямая их реализация может привести к це-

лому ряду негативных последствий, среди которых необходимо указать следующие:

- стирание границ между национальным самосознанием разных этнических групп и «сбой» психологических механизмов, обеспечивающих формирование стабильной картины мира у детей;

- усиление дифференциации и индивидуализации процессов воспитания и обучения неизбежно ведет к формированию эгоцентрических устремлений детей, если при этом не активизируются механизмы личностного роста, социальные мотивы поведения;

- алгоритмизация процесса обучения часто препятствует развитию креативного и проблемного мышления, так как воспитывает установку на работу только со структурированным познавательным материалом (но при этом создает условия для формирования личности, легко поддающейся косвенному манипулированию со стороны обучающихся людей);

- усиливается влияние «параллельной» школы (СМИ) на сознание учащихся (поскольку у них воспитывают ненасыщаемую потребность в информатизации, но не делается акцент на систематизации знаний с помощью взрослого), что способствует усилению их внушаемости и невротизации из-за отсутствия устойчивых механизмов психологической защиты.

В России негативные последствия внедрения западных образовательных мегатенденций увеличиваются за счет кризиса социальной и национальной идентичности, возникшего после экономических и политических изменений в нашей стране. Для преодоления этих последствий необходимо опираться на важнейшую мегатенденцию российского образования, сформулированную К. Д. Ушинским, — ориентацию на сохранение исторической преемственности поколений и развитие национальной культуры.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что спектр источников целеполагания образования сейчас весьма трудноопределяем — в смысле высокоточности отражения личных и общественных образовательных запросов. Но эти источники могут быть спрогнозированы с весьма большой степенью точности, которую дает анализ развития образовательных потребностей в России и Европе.

На наш взгляд, их можно представить следующим образом. Первый ряд источников — ценности общества-государства. Они находятся в рамках традиционной образовательной парадигмы. Второй ряд источников — ценности социального индивида и индивидуума. Они в обязательном порядке должны быть разновальными и зависимыми от многих причин, в том числе вызванных кратковременными явлениями и процессами.

Н. А. ЛОБАНОВ,

директор Научно-исследовательского института социально-экономических и педагогических проблем непрерывного образования Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина, профессор

НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В докладе выдвигается идея, согласно которой непрерывное образование как социальное явление с момента его появления на мировом образовательном пространстве представляло собой часть глобальной, мировой культуры. Феноменология непрерывного образования как явления мировой культуры может быть полнее раскрыта, если мы рассмотрим это явление в контексте «Декларации прав культуры», выдвинутой Д. С. Лихачевым.

На протяжении нескольких тысячелетий непрерывное образование развивалось как персонифицированная неинституциональная форма самообразования, и только в середине XX в. оно «шагнуло» из области индивидуальной потребности в сферу общественной необходимости. Гносеологическими истоками современного процесса непрерывного образования являются:

а) исторически сложившаяся традиция в образовании — непрерывное самообразование неформализованной социальной группы — интеллектуальной элиты;

б) осознание на государственном уровне необходимости постоянного поддержания (по крайней мере, на протяжении нормативного срока трудовой деятельности человека) некоторого уровня профессиональных знаний работника как потенциального условия его эффективной работы;

в) осознание индивидом (гражданином) потребности в непрерывном повышении своего профессионального знания как условия своего профессионального (должностного) роста, экономического и социального благополучия.

Два последних источника можно рассматривать в качестве глобальных факторов становления непрерывного образования как системы, один из которых носит объективный, а другой — субъективный характер. Воздействие этих двух факторов на систему образования, а в конечном счете и на всю социальную сферу общества, определяет состояние и интенсивность развития непрерывного образования.

Глобальный, всемирный характер социально-экономического процесса, получившего название «образование через всю жизнь», постепенно выходит за пределы сферы образования — становится частью общественного сознания. Если все реформы образования, осуществленные (с разным успехом) в тех или

иных странах мира до середины XX в., носили локально-государственный и национальный характер и были направлены на то, чтобы опередить или догнать другие державы, то во второй половине XX в. сложились объективные условия для осуществления *первой мировой реформы образования*, предопределившей развитие образования в XXI столетии.

За более чем полувековой период своего развития непрерывное образование не только оказало влияние на многие стороны общественной жизни, но само стало неотъемлемой его частью. Во-первых, непрерывное образование — это *существенный социальный факт* всемирного значения. Во-вторых, во всем мире (в том числе в Дании, Германии, России, США, Франции и других странах) философами, социологами, педагогами, психологами, экономистами и представителями иных отраслей научного знания опубликовано большое количество научных работ по этой проблематике, что само по себе уже является *существенным научным фактом*. В-третьих, в странах с развитой экономикой и социальной инфраструктурой сложились свои национальные системы непрерывного образования, получив отражение в нормах образовательного права, что следует рассматривать применительно к этим странам как *существенный юридический факт*. В-четвертых, ЮНЕСКО на протяжении последних десятилетий последовательно поддерживает идею и практику национальных усилий в области непрерывного образования; рассматривает это социальное явление и процесс в качестве важнейшего направления по преодолению экономической отсталости и бедности, достижению всеобщей грамотности, культурного и гуманитарного развития во всем мире (и в первую очередь — в странах «третьего мира» и с «переходной экономикой»), что позволяет рассматривать непрерывное образование как *существенный факт международного развития*.

В непрерывном образовании воплощена идея, уходящая своими корнями в традиции гуманизма и ставящая в центр всех образовательных начинаний человека, для которого следует создать оптимальные условия во имя полного развития его способностей и реализации трудового потенциала на протяжении всей жизни. В историческом плане непрерывное образование всегда выступало как часть

культуры. Однако непрерывное образование не только часть культуры, оно само является источником культуры, формируя культуру человека, его представления о культуре и ее ценностях. В то же время приходится констатировать, что абсолютное большинство концепций непрерывного образования ориентировано на приращение профессиональных знаний и умений вне контекста формирования культуры личности. Категория «личность» в этих концепциях вытеснена категорией «работник» («конкурентоспособный работник»). Если вчитаться в текст «Декларации прав культуры» Д. С. Лихачева, то нетрудно заметить, что его обеспокоенность за судьбы российской и мировой культур в полной мере

относится и к современному состоянию российского образования. Остается сожалеть, что основные положения гуманистического манифеста Д. С. Лихачева не нашли отражения в российских концепциях непрерывного образования, не получили повсеместного развития в практике педагогической деятельности.

Думается, что для того чтобы призыв Д. С. Лихачева был услышан, Министерство образования и науки РФ должно если не обязать, то, по крайней мере, рекомендовать учебным заведениям и издательствам, издающим учебную литературу, в конце каждого учебника или учебного пособия привести текст «Декларации прав культуры».

В. П. ЛУКЬЯНИН,

сопредседатель Союза российских писателей, писатель, литературный критик,
кандидат философских наук, Заслуженный работник культуры РФ

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ЗНАНИЕ КАК «НЕОПОЗНАННЫЙ» КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ

Традиция словоупотребления, закрепленная в словарях, предполагает, что образование — это процесс передачи и усвоения знаний. Современная ситуация в системе образования чрезвычайно осложнена тем обстоятельством, что объем знаний, которые накоплены человечеством, уже сегодня неподъемен и продолжает лавинообразно нарастать. И вот парадокс: с одной стороны, знания, передаваемые в процессе образования, начинают забываться уже в ходе самого этого процесса, так что студент, отлично сдавший экзамен по какому-то предмету на первом или втором курсе, едва ли смог бы пересдать его так же успешно на пятом курсе. С другой стороны, наращивание объема знаний априори считается делом естественным и необходимым; одна из важнейших целей образования как раз в том и состоит, чтобы подготовить людей, способных вырабатывать новые знания. Необходимость «встроиться» в этот противоречивый процесс заставляет организаторов образования и у нас в стране, и за рубежом снова и снова перекраивать программы, изобретать новые формы организации учебного процесса, дифференцировать уровни образования и т. п. Но едва ли кто-то решится утверждать, что все эти усилия приводят к удовлетворительным результатам.

Между тем есть еще одна проблема образования — на мой взгляд, даже и более важная, однако еще менее успешно решаемая. Пожалуй, наиболее кратко и внятно ее обо-

значил Гераклит: «Многознание ума не прибавляет». Ум, то есть тот интеллектуальный механизм, который позволяет успешно пользоваться багажом знаний, представляет собой нечто отличное от суммы знаний. Нет сомнений, что это «нечто» для формирования и специалиста, и личности вообще много важнее, нежели накопление знаний (в конце концов, недостающие знания умный человек, не перегружая свою память, всегда может почерпнуть из справочника, памяти компьютера или Интернета). Что же это «нечто» собой представляет и можно ли ему научиться?

В обиходе существует два основных подхода к толкованию феномена, «сопровождающего» знание в духовном мире полноценной личности. Первый заключен в традиционной формуле «образование и воспитание»; он предполагает, что истина эффективна лишь в связке с ценностью, а поэтому знания должны быть включены в действенную систему ценностных ориентаций (которая может описываться в разных категориях: нравственных, религиозных, гражданской самоидентификации и т. п.). Вряд ли можно спорить с этими утверждениями, но надо сразу заметить, что ни высоконравственная позиция, ни патристический порыв не помогают найти, например, верное инженерное решение или интерпретировать экспериментальный факт.

Другой подход: знание должно быть дополнено *опытом*. Само по себе это утверждение

представляется тривиальным, пока мы не коснемся вопроса о том, а что, собственно говоря, представляет собой этот феномен — опыт? Умение применять знание на практике? Но почему применение знания вызывает затруднения? Наша образовательная традиция пренебрегает этими вопросами, полагаясь на то, что разного рода «практики» (в процессе обучения или в первое время после окончания учебного заведения) решат проблему сами собой. Между тем за «опытом», дополняющим знание, кроется чрезвычайно важная гносеологическая проблема.

Суть ее в том, что дискурсивное («положительное», научное) знание, каким бы необъятным оно нам ни казалось, на самом деле *конечно*, а представляет оно в нашем сознании *бесконечную* реальность. Что скрывается за границами (не принципиальными, а существующими в каждый конкретный момент) знания? На этот вопрос ответа быть не может, но взаимодействуем-то мы с реальным миром, решая какие-то практические задачи, не в рамках познания, а обращаясь ко всей его полноте! Вот эта неполнота знания и компенсируется опытом, при этом опыт представляет собой не «приложение» к зна-

нию, а полноценное *самостоятельное* знание, отнюдь не сводимое к «умению». Это, например, способность ученого оценивать решение задачи по стройности доказательств или умение конструктора видеть по чертежу, будет работать конструкция или не будет. Это *непосредственное* знание, которое некоторые философы (например Бердяев) ставят выше дискурсивного.

Непосредственное знание в практической жизни людей играет не менее важную роль, нежели дискурсивное. На нем основывается не только умение распознавать правильные решения, но и приходиться к таковым. На нем базируются мировоззренческие системы. Без него научный факт — вроде отчетливого ориентира в лесу, когда у вас нет ни компаса, ни карты.

Как формируется, сохраняется и передается непосредственное знание? Вот вопросы, которыми практически не занимается наша система образования. Между тем от их решения зависит и движение человека от одного этапа образования к другому (что-то служит «мостиком» к следующему этапу и потом без ущерба может быть забыто и т. п.), и понимание роли гуманитарного компонента, и последствия внедрения информационных технологий.

В. В. МИКРЮКОВ,

профессор кафедры управления СПбГУП, кандидат технических наук

ИННОВАЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВУЗОМ НА ОСНОВЕ МАРКЕТИНГА

В начале XXI в. мир стал чрезвычайно динамичным, во всех сферах деятельности в короткое время происходят кардинальные изменения. Это в полной мере относится и к высшему образованию: повышаются требования общества к качеству высшего профессионального образования, обновляются технологии обучения, быстро меняются организационные и экономические условия деятельности вузов, обостряется конкурентная борьба на рынке образовательных услуг, улучшается позиция государства по отношению к высшей школе и т. д.

В этих сложно прогнозируемых условиях успешная работа любого вуза невозможна без постоянного совершенствования его деятельности по улучшению качества образовательных, научных, информационных и иных услуг.

В настоящее время наблюдается бурный рост популярности высшего образования в целом и определенных специальностей в частности. Существенно выросла потребность в повышении квалификации и переподготовке специалистов. Одного диплома становится недостаточно для успешной карьеры, особенно

в бизнесе и политике, поэтому молодежь ориентирована на получение двух, а то и трех дипломов о высшем образовании.

Сегодня вузы столкнулись с проблемой нехватки финансирования в целом, в том числе и бюджетного финансирования. Чтобы изыскать дополнительные источники поступления средств, вузы открывают новые специальности и специализации, не проводя соответствующих маркетинговых исследований. В результате значительное количество выпускников вроде бы престижных экономических и юридических специальностей остается невостребованными.

Вуз как субъект рыночных отношений выступает одновременно:

— на рынке образовательных услуг, характеризующемся спросом на специальности вуза среди абитуриентов;

— на рынке труда, характеризующемся спросом на выпускников вуза.

Чтобы сбалансировать спрос и предложение на рынке образовательных услуг, необходимо знать, каких специалистов, в каком количестве нужно готовить сегодня и в

перспективе, какими профессиональными знаниями и навыками они должны обладать, чтобы быть востребованными на рынке труда. Необходимо обратная связь с выпускниками и анализ их трудоустройства.

С учетом анализа рынка образовательных услуг и рынка труда вуз организует мониторинг количественных и структурных пропорций, складывающихся на рынке труда, требований со стороны предприятий и организаций к качественным параметрам подготовки специалистов, то есть вуз проводит расширенный анализ своей деятельности и осуществляет оценку своего положения на рынке.

Одной из современных концепций управления, обеспечивающей конкурентоспособность и эффективность вуза, является стратегический маркетинг. Только инновационное управление на базе стратегического планирования способно обеспечить поступательное развитие вуза, его активное поведение на рынке образовательных услуг и конкурентоспособность его продукции.

В этом плане эффективность деятельности вуза напрямую зависит от того, насколько эффективно используются современные методы анализа и управления, в частности ситуационный анализ, который можно представить в виде анализа внешней и внутренней среды.

В процессе анализа внешней среды проводятся следующие исследования:

- выявляются тенденции развития системы высшего образования;
- выявляются тенденции и факторы изменения спроса на специалистов, выпускаемых вузом;
- выявляются тенденции межвузовской конкуренции;
- определяется положение вуза на рынке труда и образовательных услуг (доля вуза на рынке труда и общеобразовательных услуг, рейтинг вуза, определение основных конкурентов и степени их опасности, оценки репутации вуза и др.).

Осуществляется ранжирование вопросов, исследованных выше, с целью определения

их значимости по степени влияния на изменение существующей ситуации при прогнозировании ее развития.

На основе анализа внешней среды выявляются внешние воздействия и угрозы, влияющие на деятельность вуза, составляется перечень перспективных возможностей и угроз, могущих возникнуть с наибольшей вероятностью и сильно повлиять на деятельность вуза в будущем.

При анализе внутренней среды производится:

- оценка влияния тенденций развития системы высшего образования на деятельность вуза;
- оценка учета требований рынка труда и образовательных услуг в деятельности вуза;
- определение зависимости деятельности вуза от состояния конкурентной среды;
- оценка соответствия внутреннего состояния вуза его положению на рынке труда и образовательных услуг (для чего исследуется финансовое состояние вуза, его экономическая устойчивость, эффективность деятельности, система стимулирования преподавателей и студентов и др.).

Проводится ранжирование показателей, выявленных выше, с целью определения их значимости по степени влияния на изменение существующей ситуации при прогнозировании ее развития.

В процессе анализа внутренней среды составляется перечень сильных и слабых сторон в деятельности вуза для использования при проектировании системы целей сильных сторон и нейтрализации слабых сторон.

В случае необходимости проводится корректировка миссии и целей вуза на основании ситуационного анализа, разрабатывается план достижения стратегических целей и оценивается степень готовности вуза к реализации этого стратегического плана.

Таким образом, маркетинг позволяет вузу повысить конкурентоспособность на рынке образовательных услуг.

И. А. МИРОНЕНКО,

профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор психологических наук

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Преподавание психологии, как и любой учебной дисциплины, предполагает наличие целостного представления о предмете науки, ее теоретико-методологических основах, по-

нятийном аппарате, структуре и пр. Иными словами, психологическое знание должно быть представлено в учебном курсе в интегрированной форме. После долгого периода

преподавания психологической науки в рамках отдельно взятой высоко интегрированной теории отечественной советской школы, сегодня выбор оснований для целостного представления психологии в учебном курсе становится самостоятельной проблемой, которая решается преподавателем в соответствии с его квалификацией и вкусами. В новых условиях самостоятельной проблемой становится ориентация в психологическом знании, интеграция этого знания при составлении учебных программ и в процессе преподавания психологии.

Современный период в развитии отечественной психологии может быть охарактеризован как переходный от единой моноструктурной формации к некоторой еще не сложившейся, но активно формирующейся полиструктурной системе. Общий методологический каркас, который выступал в советской психологии в качестве парадигмы, задавал направления развития, нормы и стратегию проведения исследований и обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли, утратил былую непререкаемость и безальтернативность.

Начало перестройки стало концом парадигмального периода в истории отечественной психологии. С конца 1980-х гг. отечественная психология вступила в период бурных изменений, которые в области теории и методологии исследований проявились, прежде всего, в отказе от ранее неизбежного единства и растущем разнообразии форм и подходов. Следствием стала дивергенция отечественного психологического сообщества, утрата единого методологического пространства.

Данная тенденция входит в противоречие и затрудняет продвижение к формированию единого образовательного пространства СНГ и сближение с европейским образовательным пространством в рамках Болонского процесса, что является одной из доминант текущих реформ отечественной высшей школы. Современное состояние мировой психологической науки, как и состояние других сторон жизни человечества, характеризуется тенденцией к интеграции. Мир становится единым. Информационный обмен и нужды практики, необходимость разработки единых стандартов профессий уже изменили то состояние мировой психологической науки, в котором она пребывала с конца XIX в. на протяжении более ста лет, — состояние «феодалной раздроб-

ленности» школ, фактического отсутствия единого общенаучного контекста.

Процесс объединения Европы вызвал к жизни ряд проектов соответствующей направленности в области профессиональной подготовки психологов. Прежде всего это так называемый проект *Europsych*, финансируемый Европейским союзом психологов и реализуемый в основном силами Европейской федерации профессиональных объединений психологов (EFPPA). Важнейшие цели, которые поставлены в рамках данного проекта:

— создание единого диплома о психологическом образовании (*Europsychologist diploma*), который будет действительным во всех европейских странах, что должно обеспечить общеевропейский рынок труда для психологов;

— формирование общеевропейской единой правовой базы, регулирующей профессиональную деятельность в сфере психологии с целью обеспечения гарантий высокого уровня соответствующих профессиональных услуг для населения европейских стран.

Обязательным условием достижения этих целей является формирование единого стандарта знаний, которыми должен обладать специалист, получающий диплом о высшем образовании. Выработка такого стандарта предполагает соотнесение в едином контексте подходов, развиваемых весьма многочисленными и разнообразными научными школами, существующими в современной психологической науке. Это непростая задача, над решением которой работают и Европейский союз психологов, и Европейская федерация профессиональных объединений психологов [Lunt, 2000; Newstead, Makkinen, 1997].

Необходимость соотнести различные подходы в контексте единой психологической науки является актуальной задачей отечественного психологического сообщества. Современная высшая школа должна ознакомить будущего специалиста с психологической наукой во всем многообразии существующих подходов и направлений и снабдить его своего рода координатной сеткой, в рамках которой это многообразие может быть целостным образом представлено. То есть высшая школа должна дать будущему специалисту основу, позицию, которую он либо примет и осознает себя принадлежащим к конкретной научной школе, либо сознательно отвергнет и согласится с взглядом иной школы.

В. И. МИХАЙЛОВ,

профессор кафедры управления СПбГУП, доктор технических наук

СИСТЕМА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Во многих странах, включая Россию, действует система профессиональной подготовки, содержащая университеты, институты, другие учебные заведения, которые дают значительный объем теоретических знаний, требуют длительного обучения, сдачи многочисленных экзаменов для получения диплома, имеют ограничения по возрасту и др.

Самое главное состоит в том, что действующая система не обеспечивает достаточно полного использования трудовых ресурсов страны, то есть не способствует обеспечению достаточной занятости населения, тем самым не лучшим способом препятствует безработице, не способствует международной интеграции и разделению труда и пр.

В 1980-е гг. в ряде стран (Англия, Франция, Швеция и др.) был осуществлен переход на новую международную систему профессиональной квалификации, построенную на принципах, существенно отличающихся от ранее действовавшей системы и устраняющих указанные недостатки существующей системы.

Рассмотрим данное решение на примере сравнения системы профессиональной квалификации России и Англии¹.

Систему профессиональной квалификации в России можно представить следующей схемой:

время не распределяются на предприятия по государственным заявкам, а ищут работу самостоятельно.

Быстро меняющиеся социальные и экономические условия в стране требуют быстрой переподготовки, повышения квалификации людей различных специальностей.

Наличие государственных и разного рода коммерческих учебных заведений требует единой системы оценки практического мастерства и знаний, которая должна соответствовать международным требованиям.

В связи с такой ситуацией в системе профессиональной квалификации был разработан новый подход — международные стандарты профессиональной квалификации. Мы рассмотрим ее основные характеристики на примере действующей в Англии с 1980-х гг. национальной системы профессиональной квалификации, которую кратко обозначим как НПК.

НПК представляет собой многоуровневую систему оценки профессиональной квалификации, построенную на принципах, соответствующих международным стандартам, и отличающуюся от существующей системы следующими характеристиками:

— обязательна реальная компетенция для выполнения работы на своем уровне, а не диплом;

Таблица 1

Система профессиональной квалификации

Типы учебных заведений	Длительность обучения	Получаемые знания и мастерство	Контроль и оценка квалификации	Сертификат
<i>Высшее образование:</i> государственное, коммерческое, академия, университет, институт	5–6 лет 5–6 лет	Академические знания и некоторое профессиональное мастерство	Устные и письменные экзамены, зачеты, выпускной экзамен, защита диплома	Диплом по специальности, диплом магистра, бакалавра
<i>Среднее техническое образование:</i> колледж проф.-тех. училище	2–3 года 2–3 года	Практическое мастерство и некоторые знания		Диплом среднего образования

В настоящее время некоторые недостатки существующей системы компенсируются вновь образованными коммерческими учебными заведениями, которые имеют собственные недостатки, связанные с несовершенством учебного процесса.

Выпускники школ, государственных и коммерческих учебных заведений в настоящее

— оценка квалификации работника может быть выполнена прямо на рабочем месте;

— не требуется никакого предварительного обучения;

— оценку квалификации можно выполнить в любое удобное для человека время;

— отсутствует какое-либо ограничение на возраст.

Можно сказать, что начальная модель запланированной системы профессиональной квалификации имела следующий вид:

¹ Drozdova T., Mikhailov V. UK NVQ Experience analysis for its introduction in Russia. UK, Manchester: M.B.S., 1997.

$$Y = F(X_i),$$

где $i = 1, 2, \dots, 5$.

В отличие от существующей системы профессиональной квалификации, факторы X_1, X_2, X_3, X_4, X_5 считаются управляемыми:

- X_1 — тип сертификата работника;
- X_2 — возраст работника;
- X_3 — срок и время оценки уровня квалификации работника;
- X_4 — предварительный уровень образования работника;
- X_5 — уровень профессиональной квалификации и ответственности работника.

Первый фактор. В существующей системе профессиональной квалификации в качестве сертификата служат дипломы или удостоверения определенного образца. Для новой системы решено расширить сертификат до пяти уровней соответствия выполняемой работы профессиональным стандартам.

Второй фактор. Возраст работника в существующей системе часто ограничен весьма существенно: при приеме в институт, университет, при выходе на пенсию, при учебе в школе, при длительной болезни. В новой системе решено расширить без ограничений возрастные рамки от 14 до 80 лет.

Третий фактор. Срок и время оценки уровня квалификации также во многих аспектах имеет ограничения в существующей системе: нельзя сдать экзамены, когда удобно и вне учебного заведения, время экзаменов определено возрастом и периодом сдачи. Решено для новой системы это ограничение полностью исключить.

Четвертый фактор существующей системы профессиональной квалификации в значительной мере ограничивает возможности человека начать или продолжить образование при отсутствии своевременной предварительной подготовки в школе, институте и т. д. Однако есть много людей, достигших значительного уровня мастерства без специальной подготовки. Поэтому в новой системе решено дать возможность таким людям проявить себя без искусственных ограничений.

Пятый фактор определяется в существующей системе дипломом, специальностью и должностью работника. Бывает весьма трудно по диплому определить, на что же действительно способен человек, имеющий определенный диплом и опыт некоторой работы. Поэтому профессиональные возможности и способность человека выполнять работу различной сложности решено классифицировать в новой системе по пяти уровням сложности и ответственности. Выходной характеристикой Y считается полнота использования трудовых ресурсов, занятости населения страны.

Принципы, заложенные в НПК, приводят к следующим различиям между существующей системой профессиональной квалификации и НПК:

Существующая система профессиональной квалификации	Новая система профессиональной квалификации
Показывает, что вы прошли обучение	Показывает, что вы можете выполнять работу
Показывает, что вы сдали экзамен	Не используя письменных экзаменов, группа профессионалов проверяет, что вы делаете на работе и каким мастерством вы уже обладаете
Предлагает вам перечень учебных дисциплин, которые вы должны прослушать и по которым вы должны сдать экзамены	Вы сами можете выбрать область работы и получить требуемый сертификат
Входная проверка и квалификация, как правило, обязательны	Не нужно никакой входной квалификации
Период обучения и возраст имеют определенные ограничения	Никакого ограничения на период обучения

Таким образом, для НПК сформулированы и реализованы следующие принципы:

- НПК охватывает все виды деятельности человека;
- новая система открыта для каждого, нет ограничений на период обучения и возраст участника;
- возможно самостоятельное определение места, способа и этапа оценки квалификации участника;
- можно получить должную оценку за уже имеющееся мастерство или опыт;
- при прохождении оценки отсутствует понятие «провал» и оценку можно возобновить и продолжить по мере готовности;
- проверку можно проходить поэтапно, выбрав для оценки только подходящий вам блок квалификации, мастерства по вашему направлению.

НПК содержит всего пять уровней: от уровня 1, который определяет простые основные виды работ, до уровней 4 и 5, соответствующих уровню высшего образования и уровню руководителя высшего ранга. Каждый уровень состоит из блоков, содержащих описание сути стандартов, определенных видов деятельности. Эти блоки показывают, что должен уметь делать работник данного уровня. Чтобы получить квалификацию по НПК, которую будут признавать и должным образом оплачивать на любом месте работы во всей стране и в тех странах, где принята система международных стандартов, надо выполнить на определенном уровне все блоки. Это можно делать поэтапно, последовательно и в удобное время, достигая поставленной цели.

Смысл уровней НПК состоит в следующем:

— *уровень 1* показывает, что вы можете выполнять определенную рутинную работу;

— *уровень 2* показывает, что вы умеете сочетать организационные функции и рутинную работу с некоторой долей ответственности;

— *уровень 3* соответствует широкому кругу обязанностей и видов деятельности и требует умения осуществлять контроль за деятельностью других;

— *уровень 4* соответствует широкому кругу сложной технической, профессиональной работы и большой ответственности за свою работу;

— *уровень 5* показывает ваши возможности выполнять широкий круг обязанностей в разнообразных условиях и способности нести большую ответственность за свою работу и работу других.

Сравнивая существующую систему и уровни классификации НПК, можно сказать, что уровень 1 соответствует, например, обязанностям чернорабочего и неквалифицированного рабочего; уровень 2 — обязанностям инженера, продавца, бухгалтера; уровень 3 — должности руководителя группы, сектора, отдела, главного бухгалтера, директора малого и среднего предприятия; уровень 4 — должности главного инженера, руководителя крупного предприятия, заместителя министра; уровень 5 — топ-менеджеру, министру и т. п.

Оценки квалификации по стандартам НПК осуществляются следующими методами:

— оценка по специально собранной документации о вашей работе;

— наблюдение за работой на рабочем месте;

— при невозможности наблюдения имитация рабочей деятельности;

— дискуссия, выполнение курсовой работы, проекта;

— группа проверки определяет, как вы делаете работу в соответствии с готовыми стандартами.

Не имеет значения то, что вы прошли проверку на соответствие всем стандартам или только части. Нет ограничения на время проверки и ее можно проводить по шагам: от одного блока к другому.

Достоинства НПК по сравнению с традиционной системой профессиональной квалификации состоят в следующем:

— НПК открыта для людей всех возрастов от школьников и студентов до людей, достигших пенсионного возраста, работающих и безработных, имеющих высшее образование, для людей со средним образованием и с самым минимальным уровнем образования;

— можно поработать с НПК на рабочем месте, дома, в учебном заведении (главным здесь является то, что показывается соответствие стандартам НПК);

— можно выполнить тест по НПК весь сразу или по частям;

— вам не требуется никакой подготовки для определения вашего соответствия НПК:

1) если проверяемый только начинает работу, то НПК может показать, какое профессиональное мастерство он должен иметь;

2) если у проверяемого уже есть опыт работы, то НПК может улучшить его шансы продвижения по службе путем показа работодателю, что может делать проверяемый;

3) если проверяемый меняет работу, то НПК может показать новому работодателю, что он имеет соответствующий опыт и мастерство;

4) если проверяемый вернулся на работу после перерыва, то НПК может включить его опыт и достижения в прошлом;

5) даже если проверяемый является безработным в настоящее время, он может пройти НПК на основе работы, которую выполнял до этого или на основе другого доступного проверяемому вида деятельности;

— НПК может помочь людям с ограниченными возможностями, зрительными и слуховыми проблемами, имеющими трудности в обучении;

— в основе НПК лежит практика, а не теория, как в традиционной системе профессиональной квалификации.

НПК помогает и работодателям: работодатели играют определенную роль в том, что они участвуют в разработке НПК по каждому виду деятельности и на каждом уровне. В результате НПК отражает реальные потребности работодателей.

Предприятия промышленности, сферы обслуживания, учебные заведения участвуют в разработке стандартов для НПК в соответствии со своими профессиональными интересами. Эти предприятия управляются руководителями, которые лучше всех знают, каким профессиональным мастерством должны обладать работники на той или иной должности.

Стандарты, которые устанавливают работодатели, включаются в НПК и используются группой оценки работников.

НПК дает работодателям практический способ управлять профессиональным мастерством и развивать его до уровня, необходимого для того или иного вида деятельности.

Таким образом, НПК помогает работодателям:

— измерять мастерство и опыт работников;

— определять потребности профессионального обучения в соответствии с целями вида деятельности;

— выбирать лучший тип профессионального обучения и оценки;

- распознавать достижения людей;
- находить работников, соответствующих потребностям;
- мотивировать своих сотрудников;
- развивать и адаптировать рабочие места;
- показывать, как предприниматели делают «вложения в людей»;
- совершенствовать предприятия, компании, учебные заведения.

Примерно пятеро из шести работающих в настоящее время будут работать в 2016 г. Вложения в людей сегодня выгодно для будущего предприятий, компаний, учебных заведений. Для введения системы НПК в Англии только в течение двух лет внедрения разработанной системы потребовалось около 2 млн фунтов стерлингов. По всей стране пришлось создать сеть различных групп консультаций и методической поддержки. Результаты работы НПК показывают, что все ведущие компании Англии ощущают пользу от системы НПК.

Преимущества НПК для бизнеса (на опыте Англии):

- НПК может стимулировать человека работать с наибольшими возможностями;

- работники, знающие, что они соответствуют некоторому уровню НПК по своей специализации, чувствуют себя более уверенно, чем другие;

- работники могут выбирать наилучший способ профессиональной подготовки своих работников;

- позволяют измерить успех работника и определить этапы его продвижения;

- работники, имеющие соответствующий уровень НПК, легко могут быть приняты на работу в стране, имеющей подобную систему профессиональной квалификации и получать соответствующее вознаграждение за свой труд или кредитную поддержку.

Создание системы, подобной НПК, в России может быть ответом на происходящие изменения в экономике, образовании, промышленности и будет способствовать оживлению малого бизнеса и увеличению занятости квалифицированной части населения, потерявшего работу, и интеграции России в международную систему разделения труда. При создании подобной системы (а в перспективе это должно произойти) можно использовать многие из существующих предприятий, учебных заведений и организаций.

Л. М. МОСОЛОВА,

заведующая кафедрой теории и истории культуры
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена,
доктор искусствоведения, профессор (Санкт-Петербург)

О КУЛЬТУРОЛОГИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Термин «культурологизация образования» был введен А. Я. Флиером в 2000 г. в его монографическом издании «Культурология для культурологов». Под этим понималось «введение элементов систематизированного культурологического знания во все системы как общего, так и специального образования, а также подготовка специалистов-культурологов, ориентированных на решение соответствующих образовательных задач»¹. Это стратегически правильная установка до сих пор реализуется, мягко говоря, недостаточно.

Конституирование самой науки о культуре на рубеже XX–XXI вв. происходило бурно, интересно и продуктивно. В этом процессе можно выделить активность изучения многих проблем фундаментальной теории

культуры, осмысление мирового и отечественного культурного наследия, особое внимание к изучению региональных культур и локальному многообразию культурного развития, проблемам культурной политики. Сегодня культурология представляет собой сложившуюся область знаний, которая дает особый взгляд на мир человека, процесс социокультурного развития человеческого общества.

Вместе с тем, несмотря на то что эта наука развивается полным ходом, издано огромное количество книг и учебников, наша система образования (в особенности общая) все еще продолжает размышлять, какое место культурология должна занять в образовательном процессе? Нужна ли вообще культурология в школе?

В этом году в процессе подготовки вариантов профильного обучения в школе нами был предложен большой спектр спецкурсов

¹ Флиер А. Я. Культурология для культурологов. М., 2000. С. 91.

по культурологии для старшеклассников¹. Однако школьные администраторы говорили: «У нас едва ли кто пойдет в будущем в культурологи, поэтому культурологические курсы не нужны». Эти руководители даже не подозревают, что данная дисциплина обеспечивает общую культурологическую компетентность личности выпускника, какую бы он потом профессию ни выбрал. В университетских стандартах обучения в социально-экономическом блоке дисциплин предоставлен выбор между политологией, социологией и культурологией (что крайне неверно) и далеко не на всех факультетах отдается предпочтение культурологии, до сих пор воспринимающейся странной «незнакомкой» в мире культуры. Даже в ряде институтов культуры и искусства ни культура как вся внеприродная реальность, созданная человеком, ни наука, изучающая эту реальность, не понимается адекватно. Например, один из выпускников известного Сибирского института культуры, ставший мэром, на весьма представительном юбилейном собрании сказал: «Культура, если ее с чем-то сравнивать, похожа на шоколадную глазурь на пирожном, она очень приятна». Такое представление типично для работников учреждений культуры и не только для них. Феномен культуры, его фундаментальное антропологическое значение остаются неадекватными и для многих работников образования, не говоря уже о сознании представителей различных властных структур или массовом общественном мнении. Примитивный редукционизм, сведение культуры к «культпросвету», к сфере досуга и развлечений мощно поддерживается СМИ.

Между тем понимание культуры как специфического способа бытия человека — грандиозного и противоречивого, в единстве всех его духовных, материальных и художественных форм, закономерностей культурных процессов, стратегий развития — сегодня чрезвычайно важно. «Жить в культуре и ничего о ней не знать — преступно, ибо в этом случае каждое действие человека может оказаться и оказывается! — разрушительным для культуры», — отмечает Ю. Н. Солонин².

По мнению А. Я. Флиера, «главной опасностью для России представляется прежде всего интеллектуальный кризис национального самосознания и полная неадекватность понимания самого феномена культуры и его со-

циальной роли в сохранении общественной стабильности»³. Он полагает, что полем сегодняшнего «генерального контрнаступления», безусловно, станет сфера образования, где и развернутся главные битвы между культурой и социальной деградацией.

Следует отметить, что серьезной литературы, специально посвященной культурологическому образованию, его роли и пропаганде очень мало; работы такого рода «тонут» маленькими тиражами в потоке другой и часто околочкультурологической литературы. Например, упомянутая книга А. Я. Флиера «Культурология для культурологов» является библиографической редкостью. Специальное издание по культурологическому образованию, выпущенное РГПУ им. А. И. Герцена, насчитывает всего сто экземпляров⁴. Хорошая статья А. С. Запесоцкого «Культурологическое знание как одна из основ гуманитарного образования» в журнале «Академические чтения» является малодоступной для широкой публики⁵.

В современном обществе необходимо развернуть масштабную работу по культурологическому образованию, проявить особую заботу об обеспечении необходимой общекультурной компетентности каждого ученика и каждого студента. Культурная компетентность обществу сегодня нужна как воздух. Она является базовой для любых профессиональных компетентностей.

Это направление образования должно быть в центре внимания предстоящего Первого Всероссийского культурологического конгресса и формирующегося Всероссийского культурологического общества. Нужна обстоятельная программа развития культурологического образования в России. Она должна стать органической частью государственной программы развития культуры России, о которой в последние годы своей жизни говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев.

³ Флиер А. Я. Указ. соч. С. 444–445.

⁴ *Культура и образование в условиях информационного общества* / под ред. А. В. Венковой. СПб., 2005.

⁵ Запесоцкий А. С. Культурологические знания как одна из основ гуманитарного образования // Академические чтения. Вып. 1: Роль академической науки в развитии современного образования / науч. ред. И. М. Титова. СПб., 2001. С. 7–10.

¹ *Культурологические основы современного образования. Элективные курсы в профильном обучении* / под ред. Л. М. Мосоловой. СПб., 2006.

² Солонин Ю. Н. Введение // *Культурология*. М., 2005. С. 7.

Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА,

академик РАО, директор Института среднего профессионального образования РАО, доктор педагогических наук, профессор (Казань)

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Поставленные в выступлениях Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании Госсовета во время встречи с предпринимателями, а также в докладе Госсовета «О развитии образования в Российской Федерации» задачи в области профессионального образования предполагают консолидацию всех сил, призванных влиять на образование.

В документах отмечается огромная роль интеграционных процессов в профессиональном образовании, в том числе говорится об интеграции уровней профессионального образования, образовательных технологий и др. Нам представляется, что на данном этапе развития образования, и особенно в перспективе, системообразующую роль будет играть такой фактор, как интеграция образования и науки. В связи с этим требуются совместные усилия по изучению, обобщению накопленного в этой области опыта и выработке рекомендаций органам управления образованием по развитию научно-образовательных комплексов.

Насущной необходимостью является разработка перспективных планов и программ развития профессионального образования в отдельных регионах с учетом территориального размещения видов производства, типов учебных заведений и прогнозирования новых точек их функционирования и востребованной в данной области направленностью подготовки.

Сегодня много говорят о том, что необходимо повышать социальный статус учителя и преподавателя, привлекая различные механизмы стимулирования его труда. Одновременно констатируется тот факт, что происходят качественные изменения в содержании труда современного преподавателя — его основная функция состоит не в передаче знаний, а в том, чтобы формировать профессиональные способности и умения. Это означает, что в основе всех форм обучения в учреждениях профессионального образования должен лежать профессионально-деятельностный подход, предполагающий сближение учебной и будущей профессиональной деятельности.

Одной из задач профессиональной школы является развитие интеллектуального потенциала личности. Проблема поиска и развития талантов, работа с одаренной молодежью — настоятельная необходимость времени. Руководство страны понимает актуальность дан-

ной проблемы, — Президентом РФ В. В. Путиным подписан Указ «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи». Следует сказать, что на мировой арене мы стали утрачивать свои позиции в области научных открытий. Наша страна по интеллектуальному рейтингу к концу 1950-х гг. находилась в первой тройке государств. В 1950-е гг. учеными нашей страны было сделано 34 % всех мировых открытий; в 1960-е гг. — 46 % открытий, а в последние годы количество всех годовых открытий составляет только 20 %.

Педагогическое решение проблемы выявления талантливой молодежи, воспитания творческой личности на первый план выдвигает вопрос, связанный с определением того, каким должно быть содержание образования. Сторонники ныне действующих программ считают, что чем больше знаний, тем больше развивается интеллект. В результате современные студенты перегружены информацией, которая не всегда превращается в знание. Они овладевают ею часто только за счет памяти. Ориентация на запоминание и воспроизведение материала не способствует развитию нестандартного мышления и не позволяет молодежи подготовиться к решению творческих задач.

Если мы хотим научить мыслить, то акцент надо сместить в сторону дидактического формализма. Развитие интеллекта зависит, как доказали исследования, не от объема знаний, а главным образом от методов их усвоения. Проблема формирования интеллекта требует разрешения противоречия, которое существует между новым содержанием образования и формами, методами обучения.

Известно, что образование является одной из главных ценностей. Результаты опросов студентов, проведенных сотрудниками Института психологии и педагогики профессионального обучения РАО, подтверждают эту истину (образование как высшую ценность называют до 55 % студентов). Сегодня необходимо особо бережное отношение к этому богатству, ибо в мире идет острая борьба за интеллектуальный потенциал. Одним из важнейших путей формирования интеллектуальных способностей молодежи является плодотворная интеграция образования с научной деятельностью обучаемых.

Несовершенство отечественного профессионального образования заключается в том,

что педагоги — выпускники вузов недостаточно подготовлены к деятельности по развитию интеллектуального потенциала молодежи. Вместе с этим следует отметить тот факт, что нет структур, которые бы готовили преподавателей для систем начального, среднего и высшего профессионального образования. Поскольку создание специальных структур для решения этой задачи на данном этапе вряд ли возможно, мы полагаем, что в рамках идеи о совмещении профессий можно было бы выпускникам педагогических вузов давать дополнительную специальность преподавателя в области профессионального образования.

Одной из ключевых идей в развитии профессионального образования является положение о том, чтобы в учреждениях профессионального образования (начального и среднего уровня) давать только профессиональную подготовку, а общеобразовательную подготовку осуществлять в системе общего образования в различных формах (вечерняя, экстернат, дистанционно и т. п.). Мы считаем, что такой подход отвечает, может быть, лишь интересам производства, бизнеса, но не интересам личности, общества, государства. Общеобразовательная подготовка должна осуществляться в учебных заведениях профессионального образования, но иметь при этом профессиональную направленность. Теоретические и методические основы такого подхода разработаны в стенах нашего института еще в середине 1980-х гг.

В условиях функционирования рынка трудовых ресурсов основным критерием в оценке выпускников профессиональных образовательных учреждений становится их реальная профессиональная квалификация и компетентность, обеспечивающие конкурентоспособность и профессиональную мобильность специалиста. Достижение целей формирования подобного специалиста обеспечивается как модернизацией содержания профессионального образования, так и совершенствованием технологий специальной и практической подготовки и созданием необходимых педагогических условий их реализации. Одним из эффективных механизмов достижения этого мы считаем создание нормативных, организационных и педагогических условий для реализации социального партнерства.

Целевая или адресная подготовка может быть реализована в различных схемах организации учебного процесса и осуществлена за счет следующих мер:

— адаптации варьируемой части учебного плана и программ дисциплин, их элективной и факультативной части применительно к особенностям предприятия; выполнением кур-

совых и дипломных проектов по реальной тематике предприятия;

— проведение всех видов учебных практик на предприятии;

— привлечение крупных ученых, ведущих специалистов предприятия к преподаванию части дисциплин специальности и специализации, организацией при необходимости на предприятии учебных кабинетов и лабораторий;

— проведение стажировок преподавателей учебного заведения на предприятии.

Все возрастающее значение в системе профессионального образования будут иметь информационно-компьютерные технологии, которые, как показывают наши исследования, должны использоваться с учетом особенностей среды, на основе требований средового подхода.

Рассмотрение требований современного рынка труда с позиций информатизации общества и образования актуализируют проблему системного формирования творческого компонента информационной культуры учащейся молодежи. Из сказанного вытекает актуальность проектирования и реализация новых форм организации творческой деятельности в образовательном процессе не только на уроке, но и во внеурочной деятельности.

Специфические проявления социального заказа в информационном обществе связаны с динамичностью его развития и заключаются в возрастающей потребности общества в творческих специалистах, обладающих высоким уровнем информационной культуры.

Психологическое сопровождение профессионального образования в современных условиях должно пронизывать все компоненты образовательного процесса — от целей до критериев оценки, ибо при всем многообразии концептуальных подходов ведущими остаются деятельностный и личностный подходы.

Особо следует выделить вопросы профессионального воспитания. Мы полагаем, что необходимо разработать государственную идеологию воспитания, на основе которой учебные заведения профессионального образования могли бы создавать свои локальные программы воспитания будущих рабочих и специалистов.

Россия с началом демократических реформ стала активно интегрироваться в мировое образовательное пространство через вхождение в планетарную сеть учебных заведений, интернационализацию связей, гармонизацию образовательных программ и учебных планов, создание предпосылок для взаимного признания документов о профессиональном образовании. Однако процесс интеграции

России в международное образовательное пространство проходит не без сложностей. Это обусловлено многообразием устоявшихся национальных особенностей. В то же время конкурентоспособность любой страны мира в ближайшие десятилетия будет определяться способностью интегрироваться в глобальную экономику знаний.

Болонский и Копенгагенский процессы являются очевидным средством достижения конкурентоспособности российского профессионального образования. Использование лучшей европейской практики в совокупности с традиционно высоким уровнем российского высшего образования поможет достигнуть показателей, отвечающих требованиям постоянно изменяющегося мирового образовательного пространства. Наши исследования показали, что использование потенциала зарубежного опыта реформирования профессионального образования в соответствии с задачами, поставленными на Госсовете, возможно по следующим направлениям:

— создание колледжей с сокращенным до трех лет сроком обучения и нетрадиционных профессиональных учебных заведений — открытых, радио- и телеколледжей, колледжей «без стен»;

— полисубъектный характер образовательной политики, причастность к ее реализации всех государственных и общественных институтов на принципах социального партнерства;

— привитие культуры меценатства и донорства для нужд профессионального образования и науки: маркетинговая ориентация подготовки компетентных специалистов;

привлечение студентов к научно-исследовательской деятельности; интеграция учебно-научной и производственной деятельности, проявляющаяся в переосмыслении образовательной деятельности; сближение ее с исследовательскими проектами фирм, корпораций; привлечении сотрудников этих фирм к участию в семинарах, коллоквиумах и конференциях; проектировании учебных планов и программ; использовании новых форм промышленно-колледжного сотрудничества;

— увеличение в составе содержания обучения внеаудиторных видов деятельности студентов, значительным образом влияющих на результаты обучения и усиливающих воспитательные и образовательные функции учебных программ, которые обязательно содержат компонент бизнес-образования и менеджмента;

— широкое применение модульной организации обучения и различных ее модификаций, дающих возможность гибкого и оперативного реагирования на потребности личности и общества; интеграция индивидуальных и групповых технологий;

— интенсификация контактов и разнообразие форм взаимодействия между преподавателями и студентами, внедрение технологий самостоятельной работы студентов и ее научно-методическое и организационное обеспечение.

Ввиду того что профессиональная подготовка за рубежом включена в процесс виртуализации, важны программы дистанционного образования, телеконференции, образование через интернет-сайты.

С. Н. МЯГКОВА,

профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, главный редактор издательства «Физкультура и спорт» (Москва)

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СПОРТИВНЫХ ВУЗОВ

Проблема гуманизации образовательного процесса, особенно в специализированных негуманитарных высших учебных заведениях, была и остается весьма актуальной и достаточно сложной для решения в силу разных причин. Это и ограниченное количество учебных часов, отведенных на гуманитарные дисциплины; это и требующие постоянной работы и внимания межпредметные связи; это и снижающийся уровень общей подготовки абитуриентов; это и недостаточная оснащенность разного рода дополнительными техни-

ческими средствами и современными методическими материалами и т. д.

Решать обозначенные проблемы необходимо: современный специалист не должен абсолютно замыкаться в рамках только собственной специальности. Важно, чтобы он понимал сопричастность собственной сферы деятельности с теми глобальными процессами, которые происходят в мире. Важно, чтобы он ощущал вписанность своих действий в общекультурное развитие своей страны.

Все вышеперечисленное относится и к физкультурно-спортивной сфере. Физическая культура и спорт являются составной и весьма значимой частью общей культуры, но, к сожалению, часто мы сталкиваемся с недопониманием этого феномена в среде как гуманитариев, так и технической интеллигенции. Декларативно определяется стремление к «здоровому образу жизни», «оздоровлению нации» и тому подобному, а в реальности подчеркивается второстепенность, некая второсортность этих видов деятельности. Например, в каких учебниках и учебных пособиях общеобразовательных школ и высших учебных заведений, предположим, по истории в разделах «Культура» сообщаются сведения о физической культуре и спорту, о достижениях страны в этой сфере, о героях спорта и т. д.? Думаю, ответ известен.

Считаю, что работа в специализированном спортивном вузе требует от преподавателей гуманитарного цикла особо внимательного отношения к профилю института, использования некоторых сведений из истории физической культуры при чтении лекций и проведении семинарских занятий по таким дисциплинам, как, например, «История Отечества», «Культурология», «Политология», «Социология» и др. Эти сведения, вплетенные в контекст общего исторического повествования, значительно оживляют интерес студентов к гуманитарным наукам, заставляют их более внимательно вчитываться в предлагаемые исторические источники, будят их творческую мысль. Приведем несколько примеров, использование которых на занятиях позволяет удерживать внимание студентов при изучении отдельных исторических периодов.

Рассказывая об истории восточных славян, можно остановиться на традициях, например, кулачного боя, который издревле существовал на нашей земле. Испокон веков устраивались общенародные «игрища», зачастую имевшие и ритуальный характер: они проходили в дни славянских, еще языческих празднеств — Красной горки, Масленицы или во время тризны, своеобразных поминок по умершему. Кулачные бои были неременной частью такой поминальной тризны. Обычай этот столь древний, что невозможно даже приблизительно указать его возраст. О древнем славянском обычае поминальных спортивных игрищ хранит память одно из старинных русских названий кладбища. Звучало оно необычно: «буевище», то есть место, где проходили бои. «Буй-Тур Всеволод» в «Слове

о полку Игореве» — это богатырь, подобный в бою грозному разъяренному туру.

История Древней Руси IX–XIII вв. будет явно неполной без более или менее детального изучения русского народного эпоса. По подсчетам историков, свыше трехсот строк в записях более сорока сюжетов былины дают упоминание значительного числа исторических реалий, содержащих и элементы физической культуры. В былинах отражены разнообразные конные виды, прообразы отдельных видов легкой атлетики, стрельба из лука, борьба, поднятие тяжестей, шахматы и некоторые родственные им игры, кулачный бой, охота, плавание. Кроме того, отражены в былинах некоторые виды, не имеющие аналогов в наше время, например, различные способы испытания физической силы (удар палицей по дереву или по камню и т. д.). Цитирование отдельных мест из различных циклов былин (и не только о хорошо известных трех богатырях, но и «Дюк Степанович», «Иван Гостиный сын», «Ставр Годинович», «Василий Буслаевич» и др.) дает представление о значении в Древней Руси хорошей физической закалки, ловкости, силы, выносливости, конной подготовки.

История интересна тем, что очень сложно, вернее, почти невозможно выделить и обособить отдельную ниточку из прочной ткани исторического процесса. Материальные и духовные накопления различных периодов настолько взаимосвязаны и взаимозависимы, что нельзя, предположим, представить себе обращение к гуманистическим идеям в сфере физического воспитания в конце XIX в. (когда формировалась концепция Пьера де Кубертена) без обращения к тем же проблемам XVIII столетия, эпохи Просвещения и российского «Просвещенного абсолютизма». Именно в тот период и закладывался будущий особый интерес к гуманистическим идеалам олимпизма в России, тогда же произошло накопление той критической массы духовного сознания, которое позволило России не быть в стороне от олимпийского движения конца XIX в.

Примеры, касающиеся интереснейших вопросов истории Российского государства XIX–XXI вв., которые так или иначе связаны с проблемами физического воспитания и спорта, можно продолжать бесконечно. Однако даже вышеизложенный материал позволяет сделать вывод о целесообразности использования сведений из истории физической культуры в курсах гуманитарного цикла в специализированных спортивных вузах.

В. М. ПОМЕРАНЦЕВ,профессор кафедры катализаторов Санкт-Петербургского государственного
технологического университета, доктор химических наук

РУССКИЙ ПРОЕКТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Духовность — базовый компонент национальной идеи России, и высшее образование — один из главных каналов светского ее наполнения. Выход за пределы «образованщины», преодоление узости и всеохватной ограниченности ее — неизменная задача высшего образования. Мы привыкли к тандему «наука и образование» в разных модификациях и толкованиях. Представление образования в чистом виде, в отдельности — существенный прорыв в трактовке этой проблемы. Наука — отдельный, иной конгломерат проблем, и, что важно, решение их лежит в значительной степени на плечах других структур общества. Нашим финансовым неурядицам приписывается пальма первенства в формировании кризиса высшего образования. Споры нет, экономическое положение образовательной системы скверное, и «ректорский корпус» бесменно сражается на этом поле. Экономический статус резко обостряет ситуацию в высшем образовании, но не определяет ее. Наличие такого же кризиса в процветающих странах — доказательство тому. Очаги кризиса гнездятся в структуре самого высшего образования. Просматривается два крупных фактора, которые не только формируют кризисные явления, но и определяют пути развития высшего образования в обозримом будущем.

Однако анализ данной ситуации невозможен без расчленения высшего образования на общее (базовое) и профессиональное. Они различны, и различны существенно: по базовым элементам, конкретно-целевым направлениям, набору «строительных компонентов» образования. Иногда кажется, что в основе общего образования лежит концепция «что есть», а в основе профессионального — «чего нет». В профессиональном образовании стоит задача не только его максимальной международной интеграции, международного признания дипломов, но и вывод его на уровень аутентичности.

В общем образовании все принципиально иначе. Казалось бы, почему в центре Европы, на основе одной и той же физики и лирики, сформировались разные школы высшего образования — немецкая и французская. И не только сформировались, но и будут существовать до тех пор, пока немцы будут немцами, а французы — французами. Структурная и, в особенности, содержательная часть общего высшего образования всегда выстраивались и будут выстраиваться в со-

ответствии с историческим опытом, традициями, ментальностью народа. Оно замешано, заквашено на базовых факторах общества. Отсюда проистекает и высочайшая степень консервативности системы образования. Ни один народ не будет жить по обычаям другого. Наши ведущие вузы должны не обучать, копируя программы Гарварда и Сорбонны, но по своему уровню стоять в ряду подобных учебных заведений.

Унификация образования — естественный процесс. И как всякий естественный процесс — медленный, осторожный, включающий лишь то, что выверено временем. К этому относится и возврат (с дореволюционных времен) к системе «бакалавр-магистр», но уже в рамках концепции общего и профессионального образования. И нужна не подготовка никому не нужного «голенького» бакалавра, а инженера-бакалавра, экономиста-бакалавра и т. д. Естественно, что и срок обучения их будет разный по разным направлениям. В сущности, сейчас вузы так и поступают. Выбор молодым поколением того или иного вуза — это, по сути, выбор круга предметов базового образования, и не более того. Предметов естественно доступных, понятных, легких. Сфера приложения своих сил, способностей, профессиональная локализация сформируются значительно позже. Общее, базовое высшее образование безраздельно принадлежит высшей школе, вузу. Наполнение его, оценка, аттестация выпускников — все это общеизвестная вузовская кухня.

Всеобщая компьютеризация практической деятельности человека сформировала крупнейший пласт специалистов с общим высшим образованием; она выдвигает необходимость расчленения высшего образования на общее и профессиональное. Там, где на рабочем столе стоит компьютер, нужен человек с высшим образованием. Заметим заодно, что наша пятибалльная система оценок — одна из лучших в мире по адекватности и соразмерности понятий. Хотя и здесь необходим возврат к пятому нижнему баллу в виде «профессиональной непригодности» без уничижительного оттенка.

В высшем профессиональном образовании дело обстоит иначе. Оно в высшей степени интеграционно (в международном плане) и предельно аутентично (в рамках национально-государственных интересов). Но вне профессиональной деятельности, не будучи специалистом-профессионалом в своей области,

человек не может получить полноценного высшего профессионального образования. Всякое профессиональное образование предполагает непрерывную профессиональную деятельность. Более того, оценка профессиональной, практической деятельности всегда должна фигурировать непрерывным компонентом аттестации профессионального образования. Это и есть самое слабое, самое уязвимое звено высшего профессионального образования.

Если вообще, базовое образование зиждется на единых, объективных законах и правилах, то в профессиональном образовании велик пласт субъективных закономерностей, сугубо частных выводов и наблюдений. Запреты составляют львиную долю основ профессионального образования. Кто из нас не выслушивал сентенций о том, что «специалист не тот, кто знает что делать, а тот, кто знает чего делать нельзя». Профессиональное образование вне профессиональной деятельности просто исключено, поскольку восприимчивость его в этом случае близка к нулю. А из этого следует, что эффективное профессиональное образование может быть получено лишь при совмещении его с профессиональной практической деятельностью. Аттестация его должна непременно включать аттестацию практической деятельности. Оценка же профессиональной деятельности может быть дана лишь ассоциацией профессионалов.

Таким образом, некоторые прерогативы высшей школы должны быть переданы ассоциациям профессионалов. И тут нет ничего нового. Такая ситуация когда-то сложилась в науке. Человек сдает кандидатские экзамены, выполняет исследовательскую работу, и все это в вузе, не покидая студенческой скамьи. А вот на заключительном этапе передается в руки ассоциации профессионалов — в Ученый совет по присуждению... Тут роль ассоциации специалистов сводится к оценке результатов деятельности персоны, уровня ее подготовки. Так обстоит дело с профессиональной подготовкой научных кадров, научных сотрудников. Такой путь сформировался благодаря тому, что на выпускающих кафедрах присутствуют «элементы научного производства». И в недавнем прошлом, когда весь выпуск целиком «сметался» в научные сотрудники, проблема профессионального образования не обострялась. Теперь доля тех, кто стал научными сотрудниками, в вузовском выпуске весьма незначительна. Профессиональная деятельность не приложение к профессиональному образованию, а необходимый компонент профессионального образования. Без такой деятельности профессионального образования не может быть. Невообразимо, чтобы человек вначале получил диплом хи-

рурга и только после этого взял в руки скальпель.

Весь набор стажировок, доподготовок и переподготовок, второго высшего и заочного послевузовского образования — все это стихийные элементы профессионального образования. Формы сочленения профессиональной деятельности и профессионального образования в разных отраслях будут разными. Но одно без другого не полноценно. Иначе это либо «практик», либо персона, которую фирма «вытюривает» по причине профессиональной непригодности, как бы она при этом ни размахивала дипломом Сорбонны. Такова подоплека недавних парижских страстей.

Диплом магистра может иметь только человек, получивший профессиональное образование и будучи непременно профессионалом в своей сфере деятельности. По сути, таким путем идет немецкая школа высшего образования, смещая получение диплома магистра к 30-летнему возрасту.

Уровень развития техники и технологии всех видов, динамика и скачкообразный характер их развития в XX в. не только сформировали основу современного кризиса высшего образования в мире, но и поместили его в лоно профессионального образования. Спрашивается, а почему же общее образование находится (и будет находиться!) в оковах менталитета народа, его исторического опыта, а профессиональное — предельно аутентично в международном плане? И только национальные интересы государств могут выставлять ограничительные рамки. Дело в том, что требования к специалисту абсолютно одинаковы, независимо от того, где располагается какая-либо сложная современная система, или на каком континенте базируется авиалайнер последней модели. Следует ожидать и высокой степени международной интеграции, универсализации, в первую очередь по линии ассоциаций специалистов в деле образовательных процедур.

В итоге и выпускается инженер-бакалавр, экономист-бакалавр и так далее с неодинаковыми сроками обучения и в некоторой степени с разным наполнением в различных вузах. Промышленный Екатеринбург и сельскохозяйственный Краснодар будут вносить свою, разную лепту в это наполнение. На втором этапе, на уровне высшего профессионального образования, тот же вуз, но уже вкупе с ассоциацией профессионалов-специалистов и из профессионально работающих людей (что важно!) подготовит и аттестует специалистов с титулом «магистр». В таком направлении просматривается путь развития высшей школы в обозримом будущем.

Сегодня появился и интенсивно формируется еще один новый фактор — компьютеризация, которая вошла в любую человеческую деятельность, во все виды технологии, в том числе и в технологию образования. Похоже, что компьютеризация исподволь проникает и в «технологии нашего мышления». Хотя это и не бесспорно.

В чем суть образования? В нулевом приближении — в познании, освоении законов мироздания с последовательным углублением и расширением их трактовки. Но потенциал компьютеризации, ее всеохватная мощь, бескрайние возможности таковы, что она, сметая поле законов мироздания, заменяет их моделями — низводит до уровня моделей. Происходит отторжение, удаление от физической картины реального мира, замена его виртуальной конструкцией. Виртуальный мир вытесняет картину реального физического

мира. Но если в общественно-значимых трактовках должен обязательно фигурировать человеческий фактор, то трактовка физического мира, лишенная физического смысла, просто абсурдна.

В итоге образование стоит перед проблемой «чистого листа». Приходит человек в вуз, но у него нет первоосновы, нет базы для образования. Более того, фундаментальные законы не воспринимаются им как непреложные. Вначале это казалось обычной проблемой смены поколений. Однако время показывает, что речь идет о глубинных факторах. Модельное мышление, его виртуализация исключает возможность традиционного обучения. Виртуальный мир, отрыв от физического, смыслового содержания явлений, процессов становятся серьезной проблемой. Выстраивание системы образования в условиях всеобщей компьютеризации — одна из сложнейших задач современности.

Ю. В. СЕНЬКО,

академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета,
доктор педагогических наук, профессор (Барнаул)

ГУМАНИТАРНЫЙ БАЗИС КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Гуманитаризация различных сфер социальной практики стала опознавательным знаком конца XX в. Создание во всем мире гуманитарных фондов поддержки соответствующих проектов, оказание гуманитарной (медицинской, финансовой, материально-технической, научной, культурной и др.) помощи людям, пострадавшим от стихийных бедствий, войн, эпидемий, экологических и технических катастроф, социальных потрясений, — все это актуально и в начале XXI в. Наш знаменитый современник Д. С. Лихачев, 100-летие со дня рождения которого мы отмечаем, просто и емко выразил эту тенденцию в канун нового века: «Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющее талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которым должно дорожить, возрождение совестливости и понятие чести — вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке»².

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 04-06-361а).

² Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 6.

Казалось бы, ответ на вопрос о качестве образования содержится в самом названии доклада: образование является составляющей культуры и не может развиваться вне ее гуманитарного контекста. При этом строй мышления теоретиков и практиков образования определенным образом соотносится с культурным слоем эпохи, ее гуманитарной доминантой (от *лат.* *humanitas* — имеющий человеческую природу, относящийся к духовности, духовной культуре). Однако критики образовательной практики за ее «бездетность», отчуждение учителя от ученика, студента от вуза, подмену целей образования узкоремесленническими, утилитарными свидетельствами о дегуманитаризации образования. Чтобы заострить проблему, напомним известный тезис: поменьше бы нам белинских, побольше бы эдисонов и менделеевых!

Непрерывное реформирование, модернизация, разработка стандартов образования и другое говорит о том, что его качество не устраивает ни общество, ни государство, ни тех, кто «образуется». Сегодня общим из направлений определения качества образования выступает компетентностный подход. Его разработчики предлагают различные каррикулы³, включающие «Требования к уровню

³ Учебный план, программа (от *лат.* *CV* — «каррикулум витие» — жизненный путь). — *Прим. ред.*

подготовки выпускников» и «Обязательный минимум содержания образовательных программ». По данным ЮНЕСКО, к ключевым жизненным компетенциям относятся: социальные, межкультурные, коммуникативные, императивные, способность человека учиться всю жизнь. Эти компетенции имеют прямое отношение к проблеме качества образования, поскольку оно (качество) в них и через них проявляется.

Думаю, что это лишь часть проблемы. Какие бы доктрины, стратегии, парадигмы, каррикулы образования ни разрабатывались, все в конечном счете решается в связке «учитель — ученик», «преподаватель — студент», «воспитатель — воспитанник»: судьба реакции определяется, по А. А. Ухтомскому, не на станции отправления, а на станции назначения. В подтверждение этого тезиса сошлюсь на почти 30-летней давности брошюру И. Я. Лернера «Качества знаний учащихся. Какими они должны быть?» (М., 1978), в которой приводится более широкий список требований к знаниям учащихся: полнота и глубина, систематичность и системность, оперативность и гибкость, конкретность и обобщенность, свернутость и развернутость, осознанность и прочность. С тех пор мало что изменилось.

Не столь много изменилось и со времени выпуска в свет трактата «Придворный» в 1528 г. одним из видных представителей Ренессанса Бальдассарре Кастильоне. В своем труде он поставил перед читателями простой, казалось бы, вопрос: каким должен быть идеальный придворный? И тщательно проанализировал необходимость для него различных достоинств — от ума, таланта, доброты и тому подобного до незаурядного мастерства в своем деле, в своей профессии (а в этой почетной роли, например, у Лоренцо Медичи Великолепного были не только философы, художники, поэты, но и повара, слуги).

Не этот ли, по сути, вопрос «Каким должен быть современный педагог?» является мучительным для Министерства образования и РАО, разрабатывающих за короткий срок программу уже третьего поколения? Ищут ответ на этот вопрос и учреждения, осуществляющие подготовку, переподготовку и повышение квалификации педагогических кадров. Ищет ответ и Ф. Т. Михайлов в своей книге¹. Следуя за железной логикой Б. Кастильоне (в контексте обсуждения проблем медицинской этики), он делает важный — уже

и для нашей темы вывод: придворному необходимо обладать всеми перечисленными качествами и достоинствами *без исключения*, но и этого безнадежно мало для того, чтобы получить столь почетное положение и звание. Надо, чтобы в уникальной ситуации, напряженной внутренними противоречиями до абсолютной и окончательной ее неразрешимости, он смог бы поступить не по шаблону, которым богата каждая профессия, не по образцам и канонам (в том числе религиозным и моральным), усвоенным с детства, верным лишь в своей абстрактности, а *только лишь в соответствии с требованиями своей совести*. Иными словами, он должен сделать то, чего не совершив, он всю оставшуюся жизнь презирал бы себя за преступление против собственной совести. А значит, он должен будет сделать нечто такое, что в данной ситуации *кроме него никто не сделает*. Сделать это он вынужден не стандартно, не по правилам, а *творчески*, применив сразу все свои способности именно к данной, возможно, что и неповторимой ситуации. Но это и значит, что он должен быть способен тут же *создать* единственно возможное решение уникальной задачи...

Поэтому же, продолжает философ, прав и наш Пушкин: гений и злодейство — две вещи несовместимые. И Кьеркегор снова вспоминается (совесть не знает выбора), и Риккерт с его утверждением, что она и есть последняя основа знания².

Возрождение совестливости и понятия чести являются, по Д. С. Лихачеву, непременным условием качества образования. Есть все предпосылки считать гуманитарные основания культуры ее фундаментальными основаниями. Полагаю, что такая позиция в условиях рынка и прагматизма способствует обращенности социума к духовно-душевному миру человека. Сегодня образование как способ становления человека в культуре является условием существования и самой культуры, и человека. Экзистенциальные смыслы современного образования становятся в нем приоритетными, обретают статус целей и ценностей. Аксиологическая адекватность образования вызову времени предполагает определение в нем самом ориентиров для поиска его непосредственными участниками назначения образования и осуществления собственных смыслов в нем.

В таком случае образование является действительным образованием в той мере, в какой оно гуманитарно. И это — первое определение его качества. Чтобы образование

¹ Михайлов Ф. Т. Самоопределение культуры. М., 2003.

² Там же. С. 184.

таким стало, необходимо и педагогу в самом себе преодолеть технократизм. Речь идет о переходе от педагогики предметоцентризма, патернализма, объяснения, монолога, значения, к педагогике доминирующей, сотрудничества, понимания, диалога, смысла. Переход этот трудный и длительный. Иными словами, образование XXI в. очевидно тяготеет к гуманитарности.

С культурой, а значит, и с качественным образованием XXI столетия многие сегодня

связывают свои надежды на возрождение духовности. Статью «Учитель на пороге XXI века» Ю. М. Лотман заканчивает словами «Двадцать первый век может оказаться новой казармой, может оказаться новым Ренессансом. Развитие науки и техники открывает перед нами обе двери. В какую мы войдем, зависит от нас»¹. Я думаю, что мы войдем в дверь, открывающую путь к гуманитаризации образования, что является условием и определением его качества.

А. И. СКИБА,

старший научный сотрудник Государственного научного учреждения
«Институт профессионального технического образования» РАО,
кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Решающую роль в современном мировом сообществе играет распространение так называемой западной цивилизационной модели, которую принято определять как постмодернизм. В российской профессионально-образовательной политике присутствуют два направления: *западная ориентация*, при которой в отсутствие государственного регулирования образование финансируется «потребителями» квалифицированных работников, что предполагает их стремление к минимальным затратам, а подготовка осуществляется, как правило, в условиях производства и имеет недостаточный педагогический контроль, и *собственно российская ориентация*, основанная на государственной ответственности за сферу образования.

Регионализация. Идея единого образовательного пространства не противоречит появлению автономных регионов со сложившимися в них профилями профессионально-производственной деятельности и накопившимся интеллектуальным потенциалом, при этом все образовательные учреждения данного региона, кроме начальной школы, становятся профессионально ориентированными. Уже появляются так называемые «университетские профессионально-образовательные социумы» (Университетский региональный центр непрерывного образования Кемеровского государственного университета — Региональный университетский комплекс РУК КемГУ; Бурятский Университетский образовательный комплекс — УОК БГУ; Калмыцкий университетский образовательный округ и др.), в которых моло-

дежь может получать непрерывное профессиональное образование по специально разработанным программам в старших классах школ, в гимназиях, колледжах и самом региональном университете.

Информатизация (дистанцирование). В информационном обществе особенно резко возрастает роль информационных технологий, осуществляющих трансляцию культурных и духовных ценностей, профессиональных знаний. При этом роль системы образования в этом процессе стремительно ослабевает. Другие социальные институты (СМИ, Интернет, церковь) начинают исполнять первые роли в образовании и воспитании подрастающего поколения. Есть еще ряд современных признаков западной модели информационного общества. Сокращаются прямые контакты между людьми; увеличивается число контактов с помощью технических коммуникационных средств (телефон, факс, компьютерные сети), в том числе в науке и образовании; личные контакты между индивидуумами сокращаются по количеству и продолжительности времени, расширяются контакты по электронной почте и Интернету.

Операционализация. Современные профессиональные знания становятся все более «сколопортящимся» продуктом². Сегодняшний

¹ Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2003. С. 180.

² См.: Гуревич П. С., Филатов О. К. Философия образования / Моск. гос. ун-т технологий и управления. Кн. 1: Философия воспитания (От античности до эпохи Просвещения). Уфа, 2004.

«факт» завтра превращается в «дезинформацию». В профессиональных школах будущего должны преподаваться не только суммы знаний, но и умение ими оперировать. Молодые люди должны учиться умению отказываться от устаревших идей, а также тому, когда и как их заменять, — они должны научиться учиться. Истинная гуманизация образования заключается в том, чтобы вооружить учащихся методами познания, методами наук и научить их создавать свои собственные методы на основе известных или совершенно новых способов и приемов.

Коммуникация. В советский период идеи неклассической философии применительно к образованию состояли: в признании молодежи как относительно самостоятельной социальной группы, имеющей свои специфические ценности; стремлении осуществить индивидуальный подход в школьном и профессиональном образовании на основе признания ценностей личности; стремлении рассматривать обучение как проблемное, способствующее развитию творческого начала в учащемся. Сохраняя установку на развитие личности ученика, современная постклассическая педагогика акцентирует внимание на поиске оснований и возможностей коммуникации между учащимися и преподавателем с целью согласования позиций по поводу смысложизненных вопросов, вопросов профессионального становления, самоопределения, будущей профессиональной и жизненной самоидентификации.

Специализация. Потребность рынка труда в постоянном пополнении специалистами с новыми конкретными знаниями и навыками приводит к тому, что отсутствие базового образования компенсируется целой серией различных курсов, краткосрочных семинаров и образовательных программ. Здесь как раз наиболее ярко проявляется принципиальное

различие базового, фундаментального образования и краткосрочного, специализированного обучения. При этом складываются объективные условия для выделения в отдельную категорию форм профессиональной подготовки, занимающихся повышением квалификации и переподготовкой специалистов. Это краткосрочное интенсивное профессиональное обучение отвечает современным знаниям и новейшим научно-техническим достижениям, а также востребовано рынком труда. Основным заказчиком на выпускников таких краткосрочных форм профессиональной подготовки должны стать фирмы-работодатели, готовые повысить квалификацию или осуществить переподготовку собственных сотрудников, поскольку только работодатели формируют потребности на рынке труда

Происходит *изменение структуры аксиологических ориентаций* профессионального образования. Снижается роль самоценности образования и повышается его инструментальная ценность (профессиональное образование как средство карьерного роста, достижения высокого социального статуса и положения и т. д.).

Доктрина образования России должна включать, учитывая социально-экономические особенности страны в начале XXI в., понятие *социальности образования*, то есть образования, обеспечивающего социально-профессиональные интересы всех слоев, групп общества и отдельной личности.

Должен соблюдаться *принцип единства национально-государственных и мировых начал* в профессиональном образовании. При этом сегодня не Россия должна оглядываться на Запад, а напротив, Россия имеет все возможности помочь Западу в его духовном возрождении, в том числе в организации «нравственного» профессионального образования.

В. Г. ТОРОСЯН,

профессор кафедры философии Кубанского государственного университета,
доктор философских наук (Краснодар)

МЕСТО ФИЛОСОФИИ В РЕАЛИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В перечне активно и, увы, безрезультатно обсуждаемых глобальных проблем человечества фигурируют и глобальное потепление, и несколько подзабытые озоновые дыры, и терроризм, охвативший всю планету, и все новые болезни, прибавляющиеся к так и не побежденным старым. В этом перечне нет образования. Или предполагается,

что ситуация в нем не доросла до угрожающей человечеству, или образованию не придается достаточного значения (и это тоже угрожающий симптом). Между тем именно образование, адекватное сегодняшним реалиям и проблемам, помогло бы в разрешении перечисленных (и не перечисленных) глобальных проблем.

Известно, что современная цивилизация уже сейчас могла бы добиться удвоения производительности труда при сокращении вдвое потребляемых ресурсов¹. Чтобы это произошло, требуются не технологические прорывы, а изменение менталитета, ориентированного на безудержное потребление. Но такого изменения не хотят не только производители, но и соответствующим образом (и в значительной степени производителем же) воспитанные потребители. Средства массовой информации, оправдывающиеся тем, что вынуждены подстраиваться под культурно неисключенного потребителя, сами же воспитывают его на примитивной продукции массовой культуры. Бесчинствующие толпы на улицах даже благополучных стран, террористы-смертники часто представлены не только необразованными, но и соответствующим образом образованными людьми — и уж тем более таковыми направляются.

Пора осознать (и признать), что глобальной во всех отношениях является сегодня и проблема образования. Она глобальна в том двояком смысле этого понятия, что охватывает всю планету, все государства (пусть в различной степени и различной форме) и решена может быть только объединенными усилиями всей «планеты людей». Чаше всего, однако, сегодня говорят о глобализации образования — как элементе общей глобализации (наиболее наглядно выступающей в экономической сфере). Означает ли глобализация образования унификацию, подведение под единые стандарты (вырабатываемые ведущими в экономическом отношении государствами и неизбежно принимаемые ведомыми, в числе которых оказалась и Россия)? Вопрос вовсе не риторический, особенно в свете вступления России в Болонский процесс.

Возможна ли такая глобализация концептуальных оснований образования, которая, создав единое мировое образовательное пространство, наполнила бы его качествами, необходимыми для жизнеспособного организма? В современном мире, пронизанном духом прагматизма, преобладает такая «философия образования», в которой не остается места философии, а приобщение к общекультурным ценностям третируется как излишняя роскошь и даже как помеха «конкретному» образованию.

Известно, что роль философии более всего осознается в переломные, кризисные мо-

менты социокультурной истории. Поучительно в этом смысле то восстановление в правах философии, которым увенчалась «романтическая реакция» на бездушный, а потому и бесчеловечный порядок механико-математической картины мира. Гегель и Гердер, мыслители, верившие в идеалы Просвещения, но и видевшие крах его опоры на механицизм, считали, что образование — это «возрастание к культуре». Тем более это относилось к философии как ядру культуры. Роль «дозорного культуры» признается за философией и сейчас. О том, что философы постоянно держат руку на пульсе мировых процессов, свидетельствует хотя бы тематика крупнейших философских конгрессов. Другое дело, что сегодня наблюдения и рекомендации «философов нелицеприятных истин» более чем когда-либо раздражают людей, обладающих властными полномочиями и использующих их для принятия решений вместо решения проблем.

«Философ должен быть учителем недоверия к истине», — утверждал Ницше, имея в виду трафаретные, мертвые, ничему не учащие и заучиваемые «истины», законсервированные в учебниках и убивающие дух игры, без которой невозможно никакое развитие. Только «возрастание к философии» способно преодолеть давно исчерпавшую себя «банко-депозитную» модель образования («что вложил, то и извлек» — да еще при постоянной инфляции вкладов). Велением времени является сегодня «ризоматическая» концепция образования, когда его целью является не объем информации (за которым все равно не угнаться), а базисные знания, на основании которых возможно реагировать на динамику современной жизни — подобно ризомам, корневищам, отбрасывающим побеги из самых различных точек, в ответ на запросы из окружающей среды. Приобщение к философской мысли, истории философии, мировой культуре — это еще и путь к уважению иной мысли и иной культуры, культурной толерантности, умению обогащаться из культурной сокровищницы, выработке нестандартного взгляда на вещи. Это еще и воспитание философского отношения к жизни — несуетности, способности не отравлять жизнь злобой, завистью или беспочвенными иллюзиями, иметь внутренний стержень, Бога в душе.

Как сделать, чтобы это понимали не только философы? Какого рубежа должен достичь современный социокультурный кризис, чтобы вновь осозналась необходимость философии? По существу, речь идет не только о судьбе философии в мире XXI в., но и судьбе мира без философии.

¹ См.: Антипина О. Н., Иноземцев В. Л. К. Э. фон Вайцзеккер, А. Ловинс, Х. Ловинс. Фактор 4: в два раза больше богатства из половины ресурсов. Новый доклад Римскому клубу // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 186–190.

Б. Г. ЮДИН,

член-корреспондент РАН, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, главный редактор журнала «Человек», профессор (Москва)

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, НОВЫЕ УГРОЗЫ¹

В последние десятилетия XX в. начала складываться тенденция, которая становится особенно отчетливой уже в текущем десятилетии. Речь идет о том, что научно-технический прогресс во все большей мере концентрируется на *человеке*. Современные технологии — это чаще всего технологии, непосредственно воздействующие на человека; при этом он выступает в качестве объекта направленных на него воздействий, либо технологии, во взаимодействии с которыми он выступает в качестве активного субъекта. Существенно, что в обоих случаях технологии ориентированы на человека как *массового потребителя*, вследствие чего их производство, освоение и внедрение оказывается перспективным в коммерческом отношении, а значит, поддерживается бизнесом.

Характерно то, что наиболее востребованными и бурно развивающимися сегодня являются: биотехнологии (особенно — биомедицинские) и информационные технологии. Нисколько не умаляя значимость всех других видов технологий, следует отметить, что именно биомедицинские и информационные технологии, в силу их отнесенности к отдельному человеку (иначе говоря — «человеко-размерности»), выступают сегодня в качестве доминанты научно-технического прогресса.

Безусловно, все те технологии, с помощью которых люди преобразуют окружающий мир, оказывают те ли иные опосредованные воздействия и на человека. Хорошо известно, что, изменяя мир вокруг себя, человек одновременно — пусть чаще всего и непреднамеренно — изменяет и самого себя. Не являются чем-то новым и технологии прямых психологических или социопсихологических воздействий, призванных трансформировать тех, на кого они направлены.

Сегодня, однако, можно констатировать, что изыскиваются и используются все новые технологии намеренного воздействия на человека на уровне не только его психологии, но и психофизиологии, и биологии. Более того, технологизируются и сами процессы создания и продвижения таких технологий. А это значит, что бытие человека в современном

мире во все большей мере опосредуется современными технологиями, то есть выступает как бытие в мире, формируемом теми технологиями, которые воздействуют на него и с которыми он взаимодействует.

Тем самым неизмеримо расширяется горизонт возможностей, доступных человеку. И наиболее показательны в этом смысле именно биомедицинские и информационные технологии. Первые нацелены сегодня не только на то, чтобы побеждать все большее число заболеваний и продлевать человеческую жизнь, но и на обеспечение такого ее качества, которое представлялось бы, по крайней мере, приемлемым тому, кто ее проживает. Вторые позволяют усиливать способности человека, относящиеся к восприятию окружающего мира, интеллектуальной деятельности, освоению (виртуальному) пространства и времени и т. д.

Расширяя физические и интеллектуальные возможности человека, позволяя преодолевать ему многие естественные ограничения, такие технологии нацелены на то, чтобы сделать его жизнь содержательнее и богаче. Можно поэтому согласиться с теми, кто, подобно Ф. Фукуяме, характеризует их как технологии свободы.

Вопрос, однако, в том, насколько возможности, открываемые такого рода технологиями, действительно доступны человеку. На пути к такому доступу существует целый ряд препятствий. Это, во-первых, препятствия, связанные с тем, что далеко не все возможности, открываемые новыми технологиями, бывают известны и выявлены их пользователями и даже разработчиками. Во-вторых, бывает труднодоступной информация об уже выявленных новых возможностях той или иной технологии. В-третьих, проблемы с доступностью данной технологии для тех потенциальных потребителей, которые могли бы извлечь пользу от ее применения, но лишены этого в силу, скажем, их материального положения.

В целом же следует сказать, что возникает необходимость решения, помимо всего прочего, множества технологических проблем, связанных с обеспечением доступа человека к возможностям, открываемым новыми технологиями. Иначе говоря, требуется разработка социальных и гуманитарных технологий, ориентированных на обеспечение быстрого и

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 06-03-91312а/У.

справедливого доступа к тем технологическим возможностям, которые позволяют обогатить жизнь человека.

Как хорошо известно, новые технологии, даже если они создаются с самыми благими и гуманными целями, несут с собой и немало рискованного и даже опасного. В современном обществе чрезвычайно актуальной становится деятельность, направленная на выявление, предупреждение и минимизацию такого рода негативных эффектов; важно, чтобы такая деятельность — ее можно назвать *гуманитарной экспертизой* — носила систематический и технологически проработанный характер.

Негативные эффекты и опасности, связанные с новыми технологиями, весьма многообразны, тем не менее можно попытаться, в самом грубом приближении, выделить различные группы таких эффектов и опасностей.

1. Доступность новых технологий для широкого потребителя, как уже говорилось, порождает новые проблемы в области социальной справедливости. Новые социальные барьеры возникают, например, в связи с доступностью электронных средств связи и информации или новых эффективных медицинских технологий.

2. Новые технологии неизмеримо усиливают могущество человека, причем далеко не всегда этот рост могущества сопровождается соответствующим ростом осмотрительности и осторожности.

3. Нередко новые технологии (и прежде всего — информационные) используются в целях манипулирования человеком.

4. Особые проблемы и опасения связываются сегодня с перспективами применения новых технологий для модификации, вплоть до самой радикальной, человека (создание сверх-, пост- или трансчеловека).

Ю. В. ЯКОВЕЦ,

президент Международного института П. Сорокина — Н. Кондратьева,
профессор Российской академии государственной службы,
доктор экономических наук (Москва)

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ XXI ВЕКА

Современная революция в образовании кардинально меняет технологическую и информационную базу системы образования, его организационные формы, — на что направлен национальный проект в области образования, реализуемый в России с 2006 г. Но главное в том, что меняется *содержание* образования, состав и характер передаваемого новым поколениям знаний. Место преобладавшей в течение двух с половиной столетий индустриальной парадигмы занимает *постиндустриальная* парадигма, отражающая гуманитарно-ноосферное содержание формирующегося общества. Обновляется корпус знаний, которые должны помочь обучающимся адаптироваться к радикальным переменам в обществе. И это не специфически российская, а глобальная тенденция. Отставание в этом процессе снижает эффективность общества, порождает разрыв и конфликты между поколениями и между цивилизациями.

Одно из центральных мест в новом корпусе знаний занимают проблемы теории, истории и будущего цивилизаций, развития их диалога и партнерства в решении острейших глобальных проблем нового века.

Такой сдвиг в структуре корпуса знаний не случаен. Проблема взаимодействия и диа-

лога цивилизаций, предотвращения их столкновений — осязательная проблема первых десятилетий нового столетия. И это относится не только к взаимодействию двенадцати локальных цивилизаций пятого поколения, но и к международному терроризму и межкультурным конфликтам внутри стран в условиях миграции и растущего взаимопереплетения цивилизаций (как это показал недавний опыт Франции). Цивилизационный подход к истории и будущему человечества занимает сейчас центральное место в общественных науках, потеснив марксизм и либерализм. Будущее, вероятно, за предсказанным Питиримом Сорокиным интегральным социокультурным строем, при примате духовной сферы, а не производительных сил или экономических рыночных отношений.

Реакция системы образования на изменившиеся условия жизни и развития общества должна быть адекватной, многогранной и своевременной, не запоздалой, ориентированной на будущее, а не на прошлое.

Во-первых, в учебные программы всех уровней образования — от школьного до послевузовского — должны быть включены полноценные курсы по теории, истории, диалогу и будущему цивилизаций. При

содержательном наполнении этих курсов нужно ориентироваться на достижения отечественной цивилизационной школы, которая занимает лидирующее место в мировой цивилиографии — начиная от книг А. Метлинского (1839), Н. Данилевского (1868), П. Сорокина — до современной школы, позиции которой нашли выражение в учебном пособии «История цивилизаций» и в только что опубликованном двухтомнике «Цивилизации: теория, история, диалог, будущее», презентация которого в ООН состоится, вероятно, в октябре этого года. Потребуются соответствующие образовательные программы, стандарты и учебники.

Во-вторых, необходимо эффективное использование достижений современной информационной революции для включения цивилизационных проблем в процессы образования. Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева выступил с инициативой создания в Москве Международного научно-образовательного музея цивилизаций, который концентрировал бы у себя базу данных по истории, культуре, науке, экономике, системе ценностей, взаимодействию цивилизаций, оказывал содействие ученым, преподавателям, обучающимся туристическим компаниям и туристам. Совместно с Санкт-Петербургским университетом мы предложили сформировать портал Интернета «Всемирное научное наследие: Россия» и подготовили первые сайты о Николае Кондратьеве, Леониде Канторовиче, Василии Леонтьеве (Леонтьевский центр), Дмитрие Менделееве (СПбГУ), разрабатываем интернет-музей «Питирим Со-

рокин». При поддержке ЮНЕСКО и Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании подготовлена первая очередь мультимедийного диска «История, диалог и будущее цивилизаций».

В-третьих, необходимо создать дифференцированные по цивилизациям учебные программы к дисциплинам по истории и диалогу цивилизаций как для обучающихся каждой страны, так и особенно для иммигрантов, чтобы помочь адаптироваться к условиям новой для себя цивилизационной среды. Это поможет предупреждению ксенофобии и цивилизационных конфликтов в многоцивилизационных центрах.

На саммите лидеров восьми ведущих мировых держав в Санкт-Петербурге 16–17 июля 2006 г. по предложению России будет обсуждаться вопрос о развитии образования, и в частности предложение о помощи развивающимся странам в подготовке миллионов учителей для преодоления неграмотности. Россия могла бы стать координатором глобального проекта, опираясь на опыт и помощь выпускников Российского университета дружбы народов и других российских вузов. Одно из центральных мест в этом проекте должно занять изучение истории и диалога цивилизаций.

Российским ученым и научным организациям, опираясь на накопленный опыт, следует занимать более активные позиции в мировом сообществе стран и цивилизаций, выступая с новыми инициативами и беря на себя реализацию пилотных проектов при поддержке ООН и ЮНЕСКО.

С. Р. АБРАМОВ,

заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат филологических наук

САКРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В герменевтике сложилось представление о том, что существует три способа и соответственно три уровня когнитивной деятельности субъекта, то есть три способа толкования бытия, затрагивающие экзистенциальную ситуацию субъекта:

1) эмпирическое, практически-деятельностное «вживание» в ситуацию — ему соответствует «ощущение» жизни (в терминах Гуссерля — это «жизненный мир»);

2) абстрактно-логическое, теоретическое, рассудочное осознание своей экзистенции — ему соответствует речемыслительная активность, рефлексия («душевная жизнь» — осознание чувственных переживаний, жизнь как переживание своей экзистенциальной ситуации и личностных проблем);

3) интуитивное схватывание «смысла жизни» — акт свободного творческого движения всего высшего в человеке, воссоздание и переформливание бытия, акт в существе своем глубоко мистический, синергетический, источником своим имеющий озарение, прозрение, вдохновение (это истинно «духовная» жизнь личности, вершинное ее проявление, хайдеггеровское «бытие»).

Из сказанного ясно, что первый уровень (психофизиологический) доступен любому человеку, равно как и высшим животным; второй присущ исключительно человеку, причем в минуты активности его мышления; третий уровень познания (или бытия) — самопознание личности в минуты творческого взлета или экзистенциальной ситуации. При этом отметим, что второй уровень жизнеусвоения выражается в стремлении включить свое «Я» в контекст культуры путем «прочтения» текста культурного универсума, в который это «Я» погружено (первый уровень обходится без активных стремлений к чему бы то ни было — это чисто пассивное «проживание»). Второй уровень характеризуется рефлексивной активностью (рефлексия выступает как множество возможных, виртуальных текстов). Третьему уровню свойственно включение в культурный универсум путем активной трансформации совокупного «текста» культуры — творческое воздействие на семиосферу, целью своей имеющее стремление создать новый текст, то есть включение

собственного «Я» в качестве полноценного текста в контекст бытия: чаще всего речь идет о создании реальных текстов — литературных, художественных, научных, музыкальных и так далее, а также о переоценке и переосмыслении (то есть деконструкции) жизненной ситуации. Любое проявление активности высшей разумной силы в человеке, будь то «прочтение» текста культуры или внедрение «своего текста» в совокупный текст культуры, сопровождается изменениями в семиосфере, но в последнем случае, очевидно, эти изменения столь значительны, что могут стать самостоятельным объектом исследования герменевтов (художественные идеи, искусство, философские трактаты и прочее, будучи продуктом индивидуальной «интерпретации», в силу ряда закономерностей могут превращаться в универсальные знаки-тексты). Сила воздействия «Я» интерпретатора может быть столь велика, что индивидуальный текст становится генератором множества других толкований, последующих текстов, явившихся, в свою очередь, результатом творческого освоения бытия¹.

Итак, высшим результатом воздействия творческого акта толкования оказывается порождение самостоятельного текста как вторичной семиотической системы, включенной как элемент в совокупный культурный континуум. Включение это пределом своим имеет стремление превратиться в целое, включить в себя весь контекст, стать его полноценным символом, самодостаточной семиотической вселенной. Это путь от метафоры к универсальному, всеохватывающему мифу, от простейшего диалога двух текстов до соединения множества текстов в синкретическом единстве: таков и эволюционный путь библейских текстов к единому и цельному канону Библии.

Простейшей формой включения субъективности в контекст культуры является диалог с другой субъективностью — непосредственно в виде акта коммуникации (речевого акта) двух лиц или опосредованно, рефлексивно,

¹ Хорхе Луис Борхес заметил, что все книги в конечном счете пишутся о книгах, а все слова говорят о Слове.

мысленно. Филологическая герменевтика интересуется всем спектром «текстопорождающей» деятельности субъекта, от дискурса (единичного, частного, сугубо индивидуального) до поэтического мифа или метафизических систем (всеобщее, надындивидуальное, коллективное, intersubjectное). Филологическую герменевтику интересуют все способы и виды понимания и осознания субъектом мира и своего места в нем (то есть «смысла жизни»), поскольку они осуществляются в знаковой форме. Отсюда следует, что в основе толкования и понимания сакральных и поэтических текстов лежат универсальные принципы филологической герменевтики.

На практике текст соединяет два события понимания: первое произвело сам текст, а второе проистекает из восприятия и толкования текста. Когда речь идет о библейском материале, приходится учитывать ряд специфических особенностей.

Во-первых, всякий данный читатель — не первый читатель, и даже не предполагавшийся читатель. В большинстве случаев читатель имеет дело с «обогащенным» текстом. Например, Лука не просто передает приказ Иисуса мытарю Левии «Следуй за мною» (Лк. 5:27), но расширяет описанием реакции Левия и фарисеев и изображает контекст события. Вот этот «обогащенный» текст (а не одни лишь слова Иисуса) и становится объектом толкования. В долгой истории библейских текстов возможно не одно такое «обогащение», что, например, демонстрирует история Авраама в ее многочисленных вариантах.

Во-вторых, огромное значение имеет цель и контекст чтения. И если обычный текст можно читать с целью анализа лингвистических и художественных характеристик, то «керигматическая природа священного текста, его универсальный коммуникативно-прагматический смысл предполагает новое событие понимания как конечную цель чтения»¹ (а мы отмечали выше, что новое понимание экзистенциально, меняет само бытие и сущность личностной организации интерпретатора). Таким образом, чтение библейского текста (в любой его национально-языковой версии) может быть адекватным лишь при учете керигмы, духовного коммуникативно-прагматического заряда этого текста.

В-третьих, хотя наше понимание текста зависит от его предварительного прочтения, что делает невозможным разговор об объективном статусе текста в абсолютном смысле

(текст существует как «текст-для-нас», а не как некий «текст-в-себе»), сам текст все же функционирует как отдельное целое в рамках интерпретационного процесса. Горизонт текста формирует некий контрапункт горизонту читателя, и напряжение между этими двумя горизонтами открывает возможности для нового понимания.

В-четвертых, поскольку авторы сакральных текстов (а также и всех поэтических текстов, возникших в иные эпохи или в иной среде) не участвуют непосредственно ни в коммуникативном процессе, ни в процессе толкования, интерпретативная интеракция имеет место между текстом и его действительным читателем, тем самым превращая текст в отправную точку последующего герменевтического процесса.

Следовательно, текст одновременно является собой конец процесса текстопорождения и начало процесса толкования: центр герменевтического круга. В своем письменном состоянии текст — это запись события понимания, и имманентные тексту характеристики представляют важный ключ к его дальнейшему толкованию. Так, анализ поверхностной структуры открывает синтагматические связи и сцепление отдельных смысловых единиц, то есть семантическую архитектонику целого, его смысловую макроструктуру. Взгляду открывается специфический мир текста, с его собственной «социологией», собственной точкой зрения, представляющей «открытое множество» пресуппозиций. «Мир этот — не имитация, но толкование реальности, опосредованное системой текстовых смыслов»². Но текст, однако, это и «текст в тексте»³, он стоит на пересечении вектора истории (изменчивости) и вектора культуры (духовной традиции). Текст по природе своей интертекстуален, он неизбежно выходит за свои пределы; текст — это символ бытия⁴. Синтагматические связи между знаками в самом тексте отражают как имманентные тексту связи (соединяющие семантические элементы в единую смысловую структуру), так и трансцендентные отношения (указывают на структуру реальности, отраженной в тексте).

В треугольнике «культ — священный текст — община (или толкователь)», равно как и в треугольнике «автор — художественное произведение — читатель» (релевантного для функционирования текста поэтического), последний элемент представляет не

² Roessler B. Die Theorie des Verstehens in Sprachanalyse und Hermeneutik. Berlin: Drunker & Humboldt, 1983. S. 107.

³ См.: Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.

⁴ Флоренский П. А. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1999. Т. 3. Ч. 1. С. 306–307.

¹ Shoshany R. Prosodic structures in Jeremiah's poetry // Folia linguistica historica. 1986. Vol. 7. P. 165.

пассивное звено, не просто цепь реакций: это «энергия, творящая историю»¹. Историческая жизнь сакрального и поэтического текста немислима без активного участия его адресата. Его посредничество позволяет включить текст в меняющийся горизонт познания его исторической длительности, в котором простое восприятие постоянно трансформируется в критическое понимание, а пассивная рецепция — в активную. Например, историчность Библии, ее коммуникативный характер предполагают понимание как отношение диалога, интеракции. Это отношение раскрывается во взаимосвязи сообщения и воспринимающего его адресата, в соотношении вопроса и ответа, проблемы и разрешения. Культурологическая импликация тут заключается в том, что уже первое восприятие текста читателем опирается на *предпонимание*, включает его первичную культовую или эстетическую оценку, предполагающую сравнение с прочитанным и понятым прежде (это показано и на материале истории литературы, то есть в *эстетическом* плане)². Историческая же импликация состоит в том, что понимание первых читателей может продолжиться и обогатиться в цепи рецепций, соединяющих поколение с поколением, предвещая тем самым историческое значение произведения, выявляя его ценностный ранг.

Библейские тексты историчны в двух смыслах. С одной стороны, они суть типичные исторические памятники, со своей историей возникновения, передачи, трансформации, переводов на другие языки и т. д. Но они также имеют отношение к специфическим историческим событиям (например, к истории Израиля, жизни Иисуса, деятельности апостола Павла). Для адекватного понимания этих

текстов анализ их структуры (в широком смысле слова) должен сочетаться с историческим изучением мира, лежащего за пределами текста. Это особенно существенно при понимании вторичных версий.

Наконец, текст связан и с предлежащим миром (в этом смысле можно говорить не только о ретроспективной, исторической наполненности содержания, но и *перспективе* текста, претворяющей здесь структурный и исторический аспекты в экзистенциальный и прагматический «потенциал»). Риторика, поэтика, стилистика, теория речевых актов, анализ дискурса и другие лингвистические дисциплины помогают выработке стратегии толкования текста в этом направлении. Кроме того, интерпретатор должен иметь в виду и *экзистенциальную ситуацию* читателя (так как всякая интерпретация тоже имеет определенную прагматическую цель — скажем, убедить читателя в истинности или ложности смысла текста). И здесь текст играет посредующую роль: он предлагает нам альтернативный взгляд на мир нашей действительности, выстраивает «возможный мир» (иной мир), в котором, говорит П. Рикер, «мы можем поселиться»³. Так текст вызывает изменение экзистенции читателя, перемену в его душе, — то, что в церковной традиции издревле называется покаянием, «метанойей» (в дословном переводе исходного греческого термина — «переменой ума»).

Между миром текста и миром читателя возникает духовное напряжение, требующее разрядки: читатель волен отвергнуть смысл текста и сохранить статус-кво своего бытия (не понять текст, не принять его) или же усвоить этот экзистенциальный смысл и пережить «перемену ума»⁴ (понять текст).

А. А. АСОЯН,

профессор кафедры искусствознания СПбГУП,
доктор филологических наук

ПИФИЧЕСКИЕ ГОЛОСА В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

XX век, по мнению многих людей, даже таких разных, как протестантский теолог Карл Барт и русская поэтесса Анна Ахматова, начался с 1 августа 1914 г., когда достаточно благополучный мир впервые встретил-

ся с массовым уничтожением людей, с газовыми атаками и бомбардировками «цепеллинов». Последующие катаклизмы нового столетия заставили говорить об антропологическом кризисе, и фраза Фридриха Ницше «Бог умер» приобрела оттенок банальности,

¹ Гинцбург Д. Г. Каббала, мистическая философия евреев / предисл. В. С. Соловьева // Вопросы философии и психологии. М., 1896. Кн. 3 (33). С. 278.

² Picon G. Introduction à une esthétique de la littérature. P., 1953. 90 sq.

³ Ricoeur P. Ethics and Culture: Habermas and Gadamer in Dialogue // Philosophy Today. 1973. № 17. P. 189.

⁴ Sancti I. Lugdunensis episcopi... Adversus Valentini & similibus gnosticorum haereses... P.: S. n., 1639. P. 112.

свойственный давно известному факту. Но 1 сентября 1939 г. нашелся еще человек, который воспринял начало Второй мировой войны как собственную вину. Перед актом суицида, по свидетельству Элиаса Канетти, он записал в дневнике: «Если я не смог остановить ее, значит, я не поэт».

Это высокое представление о миссии поэта было свойственно почти всем в первой половине XX столетия. Недаром один испанский генерал однажды сказал: «Если поэтов принимать всерьез, их всех нужно расстреливать». Генералы так и делали. В 1936 г. они расстреляли Федерико Гарсиа Лорку.

Третья мировая война, под угрозой которой началась вторая половина XX в., не состоялась, но так называемый прогресс стал все чаще отождествляться с «забвением бытия» и ростом эсхатологических ожиданий, спровоцированных антропологическим кризисом. После обвала мировой советской державы случилось нечто подобное. Френсис Фукуяма заявил о конце истории. В своей статье он пишет, что конец истории печален. В постисторический период нет ни искусства, ни философии, но, может быть, именно эта *перспектива многовековой скуки* вынудит историю взять еще один, новый старт¹.

Другой философ, Франсуа-Жан Лиотар придерживается более радикальной и более антропологической, если можно сказать, точки зрения. Тайная печаль, отмечает он, снедает наш *Zeitgeist* (дух времени), который может выражать себя во всевозможных реактивных или даже реакционных установках или утопиях, но не существует позитивной ориентации, которая могла бы открыть перед нами какую-то новую перспективу. Эта ситуация *fin de siècle*, по мнению Лиотара, манифестирует суть постсовременного, постхристианского менталитета, а именно видение мира как хаоса, лишённого причинно-следственных связей и крах веры в способность языка проговаривать истину. Такое эпистемологическое сомнение ведет к тому, что *logos propheticos* («творческий первоогонь») уступает свои позиции *darkness visible* («зримой тьме») и на смену эстетическому освоению мира, то есть поэзии, приходит мифотворчество.

В XX в. начинается процесс, обратный развитию европейской литературы, начиная с Гомера. Раньше становление литературы было связано с движением мифа к поэзии, теперь: от поэзии — к мифу. В этом отношении на-

звание монографии Ихаба Хассана «Литература молчания, или Расчлененный Орфей» демонстрирует трансцендентные шифры. Семантика оглавления связана не только с отказом искусства слова от каких-либо обобщений и претензий на истину, но и передачей самой историей человечества, которое будто бы находится в неустанном созидании смысла (Ролан Барт), прерогатив Поэта — Пифии. Она узурпировала профетическую миссию поэта, какой наделяли себя Данте, герой своей «священной поэмы», Джон Милтон... и стала, после Медеи, самым популярным персонажем литературы Старого света. Ей посвящают свои сочинения Пер Фабиан Лагерквист (1891–1974), Ганс Эрих Носсака (1901–1977), Уильям Голдинг (1911–1993), Фридрих Дюрренматт (1921–1990), Криста Вольф (1929) и другие мастера зарубежной прозы.

«Веселая наука» тулузских трубадуров (XIV в.), «*la gaia scienza*», с которой началась новая европейская литература, превратилась в косноязычие извивающейся в судорогах, одурманенной хтоническими испарениями пифии. Постмодернистская дефиниция «литература молчания» в свете пифической темы предстает литературой «*horrid silence*».

Олицетворением этого предгибельного безмолвия становится героиня Носсака — Кассандра. Ее уста замкнуты, потому что она не в силах предотвратить катастрофу и, как в «Агамемноне» Эсхила, уже живой обращается в камень. В интерпретации Носсаком пифической темы проступает коллизия, сокровенная для мироощущения экзистенциалиста, как автор повести предстает в большинстве своих художественных произведений. В образе Кассандры, награжденной даром Аполлона, угадывается предчувствие Носсака, что в XX в. откровение Бога свершается не в переживаниях и суждениях человека, как думал, к примеру, Н. Бердяев, а в суде Бога над отдельным человеком и всем миром — в каждомдневном апокалипсисе. Но это предчувствие остается вне понятийного языка, оно — атрибут невыговариваемой экзистенции.

В повести Кристи Вольф комплекс пророчицы осложняется акцентуацией, что предсказаниям дочери Приама никто не верит. Ни царь, ни его окружение не хотят замечать нависшей опасности, они живут в благодушном заблуждении о своем будущем, более того, они не хотят знать, что уготовила им мойра, и только смерть и крушение Трои может привести каждого из них к встрече с самим собой. Древние, как и сегодняшний мир, жили только настоящим. Но время, как говорил М. Хайдеггер, «временится» из будущего.

¹ См.: Фукуяма Ф. Конец истории? // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/_Fuk_EndIst.php.

Последний роман У. Голдинга, где героиней тоже предстает пифия, назван симптоматично и знаменательно — «Двойной язык». «Двойной язык» — это тот, что способен ускользнуть от диктата линейности, он сам себя пародирует и сам себя релятивизирует, словно отрицая свою репрезентирующую роль, но тем не менее не отрекаясь от нее. Он свидетельствует о разложении эпического и трагического единства человека, равно как и его веры в «трансцендентную реальность».

В этой коллизии узнается параллель к рассказу Дюрренматта «Смерть пифии» (1976), где обнажается эпистемологическая аморальность современного мышления, где любая ценность оказывается жертвой так называемой «другой логики». В отличие от аристотелевской, она предполагает между оппозитивными элементами бинарной оппозиции дизъюнктивные отношения, то есть такие, когда эти элементы соотносятся друг с другом союзом «или», утверждающим амбивалентность аксиологической нормы. Дельфийская пифия Панихия XI привыкла на любой вопрос отвечать «и да, и нет». Но парадокс заключался в том, что именно такая зыбкость смысла, его неясное мерцание только и могли вызвать доверие вопрошавших, ибо слово давно лишилось своих добродетелей.

Самый старший из названных прозаиков — Лагерквист. Он родился в конце XIX в., что сказалось на содержании его повести «Сивилла». Даже образ Кассандры в повести Носсака предстает в менее драматическом изображении, чем героиня шведского писателя, и дело не только в традициях скандинавской литературы, творчества Генрика Иб-

сена, Августа Стриндберга, Кнута Гамсуна... но и в мировоззренческой экспрессии писателя, его рефлексии на «гибель богов». Трагические взаимоотношения человека с Богом стали средоточием романа, который с самого начала организован как паратекст: рассказ Агасфера о встрече с Христом соотнесен с историей пифии, напоминающей своей судьбой о «Страхе и трепете» Серена Кьеркегора.

В конце рассказа о своих драматических отношениях с Богом Сивилла утверждает: «Он не таков, как мы, и мы никогда его не поймем. Он непостижим, он неисповедим... Загадка, существующая не для того, чтобы быть разгаданной, но для того, чтобы существовать. А самое непонятное, что он бывает и небольшим алтарем из дерна <...>. Или источником. Для меня он был дикая бездна <...>. Неистовая и чуждая мне сила, которая всецело повелевала мной».

Этот монолог точно выражает один из самых глубоких концептов повести: социализация и институализация Бога ведет к его гибели, между ним и человеком возникает отчуждение, которое делает Бога «страшным проклятием».

Таким образом, так называемая «пифическая» тема западной литературы вбирает в себя экзистенциальные проблемы бытия, она оказывается узлом, в который завязаны самые глущие отношения человека с богом, человечества с веком, настоящего с будущим. С ней связана манифестация драматического самосознания культуры второй половины XX столетия, в ней пульсирует смятение современного человека.

Ю. А. ВЕДИНИН,

директор Российского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
доктор географических наук, профессор (Москва);

П. М. ШУЛЬГИН,

заместитель директора Российского института культурного и природного наследия
им. Д. С. Лихачева, кандидат экономических наук, профессор (Москва)

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ

Наследие — это один из важнейших ресурсов, определяющих социально-экономическое и социокультурное развитие России. Оно составляет основу ее духовного и интеллектуального потенциала и характеризует высокий авторитет России как великой мировой державы. На базе эффективного использования историко-культурного наследия происходит раз-

витие личности и формирование новых поколений, определяющих будущее России.

В основе формирования стратегического плана сохранения и использования наследия на долгосрочную перспективу лежат следующие принципы.

1. Признание фундаментальной роли наследия в формировании важнейших общественных

процессов и устойчивом развитии. При этом наследие рассматривается как широкая категория, включающая не только недвижимые или движимые памятники истории, культуры и природы, но и живую традиционную культуру, традиционные культурные ценности, ремесла и промыслы, исторические технологии, традиционные формы природопользования, этнокультурную среду и природное окружение. При этом наследие рассматривается как системное образование, в котором отдельные объекты не могут быть сохранены вне связи друг с другом и вне окружающей среды.

2. Признание особой роли территориального подхода к сохранению наследия, при котором основным объектом охраны и использования становится территория со всем многообразием присущих ей элементов наследия, сохранившимися формами традиционной культурной и хозяйственной деятельности, исторически сложившимися системами расселения.

3. Рассмотрение деятельности по охране и использованию наследия как органической части комплекса современных социально-культурных и экономических процессов.

Подобный подход отвечает общемировым тенденциям, отраженным в принятом ЮНЕСКО «Плане действий по политике в области культуры в интересах общего развития», где в числе важнейших задач содержится четкая постановка вопроса укрепления политики и практической деятельности с целью сохранения и повышения роли материального и нематериального, движимого и недвижимого наследия, а также превращения политики в области культуры в один из ключевых элементов стратегии развития. Учитывая богатство и разнообразие национального наследия, Россия может и должна стать одним из лидеров мирового сообщества в разработке новых подходов и реализации предложенных целей в сфере сохранения наследия.

Важнейшей задачей, стоящей сегодня перед Российским институтом культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, является разработка стратегии сохранения и эффективного использования наследия, отвечающего требованиям современного и будущего общества. В основе этой стратегии лежат три взаимосвязанных между собой концепции: ноосферная, экологии культуры и культурного ландшафта. В разработке этих концепций определяющую роль сыграли замечательные русские ученые В. И. Вернадский и Д. С. Лихачев.

Место Вернадского в современной науке об окружающей среде общеизвестно и не требует особых подтверждений. Один из основателей геохимии и биогеохимии, ученый, внесший колоссальный вклад в развитие ес-

тественных наук, В. И. Вернадский развил учение о ноосфере как новом этапе развития Земли, связанном, прежде всего, с научной и интеллектуальной деятельностью человека.

Огромный вклад в развитие науки о Земле, в осознание роли культуры в формировании окружающей среды и ее культурных ландшафтов внес Д. С. Лихачев — ученый, основной специальностью которого была история древнерусской литературы. Д. С. Лихачев рассматривал тему гуманитарного фактора становления среды обитания человека во многих своих книгах, в том числе и в исследованиях, посвященных семантике садово-паркового искусства. Особое внимание он уделял духовному началу в формировании окружающей среды и ее культурной составляющей. «Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной; нравственной жизни, для его “духовной оседлости”, для его нравственной самодисциплины и социальности» [1, 82]. Д. С. Лихачев подчеркивает «нравственное значение и влияние воздействующей силы на человека всей культурной среды во всех ее взаимосвязях» [1, 82].

Для всех очевидным является процесс нарастания мощности культурного слоя, культурной среды. Д. С. Лихачев обращает внимание на обратный процесс. «“Запас” памятников культуры, “запас” культурной среды крайне ограничен в мире, и он истощается со все прогрессирующей скоростью» [1, 93]. Именно это, по Д. С. Лихачеву, является предопределяющим фактором особого отношения к культурному и природному наследию, делает необходимым ведение активной деятельности по сохранению наследия. Человек, по представлениям Лихачева, формирует особую нравственно-духовную сферу в оболочке Земли, которая определяет развитие всех других сфер и в то же время сама оказывается под сильным их воздействием. Здесь он близок к идеям В. И. Вернадского о ноосфере, в которой определяющей силой ландшафтно-формирующих процессов становятся мысль и труд. «В живом веществе создалась новая геологическая сила ума и техники, раньше на нашей планете небывалая, которая нам кажется беспредельной и, возможно, в будущем выходящей за пределы планеты» [2, 165].

Интеллект становится силой, соизмеримой с геологическими и космическими процессами. Однако было бы абсолютно неверно сводить сущность человеческих деяний только к интеллекту и научной деятельности. Именно

в этом заключается суть экологии культуры, ее вклад в становление современной концепции о сохранении окружающей среды. И об этом одним из первых сказал Д. С. Лихачев. Сегодня мы можем говорить о необходимости нового прочтения трудов этих двух великих ученых; поскольку именно в разработанных ими концепциях впервые было сформулировано представление о фундаментальной роли интеллектуального и духовного начала в формировании ноосферы, понимание особой роли историко-культурного наследия в сохранении всей окружающей среды. В соответствии с этими идеями, на основе концепций ноосферы, экологии культуры и культурного ландшафта, формулируются и новые подходы к сохранению наследия. Среди возможных, предопределяющих принципиально новое отношение к наследию, следует выделить следующие подходы:

— генетический (наследие как носитель исторической памяти, определяющей сохранение самобытности национальной или региональной культуры);

— экологический (наследие как основа устойчивого развития общества и биосферы);

— географический (наследие как основа сохранения культурного и природного разнообразия мира, страны, отдельных регионов, этносов, групп населения).

В основе этих подходов лежит представление о наследии как фундаментальной категории, определяющей возможность формирования самобытного, устойчивого и разнообразного культурно-ландшафтного пространства. Тем самым предопределяется конструктивная роль наследия при формировании экономической и социальной политики государства, его поведении на мировой арене. Естественно, что это должно быть осознанно и людьми, находящимися во главе государства.

В соответствии с новым взглядом на роль наследия как одного из важнейших средообразующих факторов должна измениться и политика в области сохранения культурного и природного наследия. Приоритетными областями деятельности органов охраны наследия и субъектов, связанных с использованием наследия, должны стать национальные и региональные комплексные программы управления культурным и природным наследием, раскрывающие возможности включения наследия в современные системы управления культурными, социально-экономическими и экологическими процессами развития. Особое значение приобретает формирование сетей особо охраняемых историко-культурных и природных территорий, ответственных за сохранность всего культурно-природного пространства страны, отдельных ее регионов.

Принципиально новым направлением в управлении наследием должна стать гуманитарная концепция культурного ландшафта, рассмотрение и признание его как комплексного и интегрального объекта культурного и природного наследия.

В соответствии с этими принципиальными позициями строится научная деятельность в Российском институте культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, участие его сотрудников в управлении культурным и природным наследием, в развитии концепции экологии культуры, в разработке стратегии и тактики организации окружающей среды. Все эти особенности современного подхода к культурному и природному наследию были положены в основу при разработке методологии, теории и практической деятельности, связанной с охраной и использованием наследия.

Важнейшей стратегической задачей, решение которой необходимо для сохранения культурного наследия народов России, является формирование историко-культурного каркаса страны. В его основе лежит система особо охраняемых историко-культурных территорий Российской Федерации, имеющих особое значение для сохранения ее культуры, национальной и региональной самобытности. Эта система является своеобразным аналогом сети особо охраняемых природных территорий, обеспечивающих экологическую безопасность и защиту окружающей среды.

Соответственно среди наиболее актуальных и вместе с тем очень конкретных задач, которые необходимо решать в первую очередь, следует назвать разработку концепции и стратегии формирования и развития системы особо охраняемых историко-культурных территорий.

В настоящее время система особо охраняемых историко-культурных территорий России еще только начинает формироваться. Все многообразие охраняемых историко-культурных территорий сведено к музеям-заповедникам, а общая сеть охраняемых территорий культурного наследия и их правовое обеспечение существенно уступает системе охраняемых природных территорий.

В качестве приоритетных задач, которые необходимо решать уже сегодня, следует поставить задачу создания развитой сети историко-культурных территорий Российской Федерации. Основу этой сети должны составлять такие объекты, как исторические города и сельские регионы, усадебные и монастырские комплексы, мемориальные ансамбли и поля сражений, археологические комплексы, этно-экологические зоны проживания малочисленных народов или этнографических

групп, исторические дороги, промышленные зоны и другие возможные типы территорий.

Формирование развитой сети особо охраняемых историко-культурных территорий создаст благоприятные условия для эффективного использования историко-культурного потенциала и развития на его основе туристской отрасли, научно-образовательного комплекса, совершенствования инфраструктурного комплекса. Для ряда регионов, не располагающих значительным промышленным или аграрным потенциалом, ориентация на культурное богатство становится одной из реальных возможностей социального и экономического развития. Таким образом, наследие может выступать и как фактор хозяйственной специализации, причем фактор экологически безопасный и способствующий решению социальных проблем, занятости населения, развитию социальной инфраструктуры.

Необходимым условием успешного решения данной задачи является включение земель историко-культурного назначения в земельный кадастр. Реализация данной задачи приобретает особое значение в связи с формированием Единого государственного реестра земель Российской Федерации. Для ее осуществления необходима выработка единых параметров учета и классификаторов, разработка порядка отнесения земельных участков к категории земель историко-культурного назначения, установление особого порядка наложения ограничений на землепользование. Данная работа позволит спасти ценные культурные ландшафты, археологические памятники, исторические территории, памятники ландшафтной архитектуры от нарушений или даже возможного уничтожения в связи с перспективной застройкой или сельскохозяйственными мероприятиями, определить реальную ценность земель историко-культурного назначения.

Создание развитой системы особо охраняемых историко-культурных территорий позволит перейти от спонтанных действий, направленных на сохранение отдельных памятников, к формированию научно обоснованной программы сохранения всей исторической, культурной и природной среды, к становлению надежной системы защиты исторических городов, музеев-заповедников, музеев-усадеб, национальных парков и других форм сохранения исторической культурной и природной среды. Эта тема должна рассматриваться Министерством культуры в качестве приоритетной. Актуальность решения этой задачи подтверждает и тот факт, что в последнее время появились новые тенденции в формировании списка Всемирного наследия ЮНЕСКО. Наибольший интерес стал проявляться к выде-

лению территориально выраженных смешанных (культурных и природных) объектов наследия, к номинации таких принципиально новых объектов наследия, как культурные ландшафты¹.

Признание культурного ландшафта в качестве одного из типов наследия, включаемых в Список всемирного наследия, поставило перед учеными-теоретиками и практиками ряд абсолютно новых задач. В международной практике, в частности, связанной с формированием Списка всемирного наследия, фигурируют три подхода к ландшафту как объекту наследия [5]. Первый подход ориентируется на творческий гений художника, создающего великолепный дворцово-парковый ансамбль, или инженера, конструирующего принципиально новую природно-техническую систему. Фактически он базируется на идеях наших отечественных физикогеографов — Д. Л. Арманды и Ф. Н. Милькова — о культурных ландшафтах как хорошо устроенных (с точки зрения эстетики и функциональности) антропогенных ландшафтах.

Второй подход основан на классическом этнографическом знании, рассматривающем культурный ландшафт как некую среду обитания определенной культурной (чаще всего этнокультурной) общности, сформировавшейся в течение длительного исторического периода. Это может быть уникальный, сохранившийся до наших дней, ландшафт, сложившийся на Русском Севере в местах проживания поморов, или ландшафт, связанный с жизнью коренных малочисленных народов, сохраняющий уникальные черты особенностей их быта, отношения к природе, в том числе и связанные с их традиционными верованиями.

Третий подход ближе всего соответствует взглядам Д. С. Лихачева и В. И. Вернадского на характер соотношения между природой и культурой. В данном случае особенно подчеркивается интеллектуальная и духовная составляющая ландшафта. Это так называемые ассоциативные ландшафты, то есть ландшафты, хранящие в себе память о выдающихся исторических событиях, личностях, их связи с художественными произведениями или несущие в себе черты сакральности.

При этом необходимо отметить, что культурный ландшафт как объект наследия рассматривается весьма широко. Он включает не только вещественно выраженные природные и культурные объекты, но и сохранившуюся

¹ См.: Веденин Ю. А., Кулешова М. Е. Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Сер. География. 2001. № 1. С. 7–14.

на этой территории живую традиционную культуру, проживающее на его территории население как носителя этой культуры. Проблема классификации культурных ландшафтов, сохранения их аутентичности и целостности стала объектом как теоретических исследований, так и практических проектов, связанных с разработкой концепции и стратегии развития музеев-заповедников и национальных парков, разработкой конкретных проектов, касающихся отдельных проектов и территорий.

Новый подход к наследию предопределяет особую актуальность проблемы организации экологического мониторинга культурного наследия. Как известно, в настоящее время тема охраны культурного наследия нашла свое отражение в Государственном докладе «О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации». Очень важно подчеркнуть то, что значение этой темы выходит за традиционные узкоотраслевые рамки. Ее содержание может быть сформулировано следующим образом: *наследие как фактор сохранения культурного и природного разнообразия и устойчивого развития*. Тем самым подчеркивается фундаментальная роль наследия в жизни общества и управлении окружающей средой.

Особая роль в подготовке данных разделов в государственном докладе принадлежит регионам. Только при наличии надежной и достоверной системы регионального мониторинга можно дать объективную картину на уровне Российской Федерации. Однако для организации эффективного экологического мониторинга наследия необходима также надежная научная и методическая база, достаточное финансирование, наличие специализированных научных учреждений. Все это может быть достигнуто только при соответствующей государственной поддержке, тесном контакте между природоохранными ведомствами и ведомствами, ответственными за сохранение объектов культурного наследия в субъектах Федерации, при участии научных и общественных организаций, в том числе музеев-заповедников и национальных парков.

Сегодня в Государственный доклад «О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации» включены следующие разделы:

— экологические факторы воздействия на культурное наследие (архитектурно-историческое и археологическое наследие);

— особо охраняемые территории (музеи-заповедники и музеи-усады, объекты ландшафтной архитектуры, ботанические сады и дендрологические парки, объекты Всемирного

наследия, особо ценные объекты культурного наследия).

Оценка воздействия экологических факторов на памятники истории и культуры позволила выявить реальную ситуацию, в которой находится сегодня наследие России. Характерной особенностью этой ситуации является устойчивое сокращение культурного богатства нашей страны в результате негативного воздействия экологических факторов и, прежде всего, факторов антропогенного происхождения. Среди них следует выделить:

1) загрязнение воздушного бассейна, что приводит к разрушению кирпичной кладки, белого камня, лепнины, красочных слоев и т. д.;

2) вибрацию, что ведет к разрушению конструкции здания, появлению трещин;

3) подтопление городов, монастырских и усадебных комплексов вследствие подъема грунтовых вод.

К экологическим факторам может быть отнесена и нерегулируемая застройка ценнейших памятников, что приводит к гибели самих памятников и разрушению окружающей их территории. Большая часть археологических памятников подвергается прессу антропогенных нагрузок, связанных с промышленным, жилым и гидротехническим строительством и распашкой. Проблема сохранения археологического наследия тесно связана с проблемой охраны земель и организацией рационального землепользования.

Важнейшую роль в формировании системы мониторинга и в сохранении наследия играют особо охраняемые историко-культурные и природные территории, в том числе музеи-заповедники и национальные парки.

Именно эти учреждения должны стать основным полигоном для отработки методологии и методики экологического мониторинга. В задачу музеев-заповедников и национальных парков входит не просто сохранение и использование недвижимых памятников истории и культуры, расположенных на их территории. Фактически они должны быть ориентированы на сохранение целостной традиционной историко-культурной и природной среды. При этом национальные парки связаны, прежде всего, с природной или сельской средой, а музеи-заповедники имеют более широкий спектр сред — от городской, сильно урбанизированной, до чисто природной.

Российский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева совместно с музеями-заповедниками регулярно проводит совещания по экологическому мониторингу наследия с участием представителей регионов (Бородинская конференция с участием представителей учреждений культуры и

природоохранных учреждений, вузов и научных институтов). Издание материалов о методике и разнообразии подходов к подготовке разделов экологических докладов в различных областях России способствует распространению этих идей по всей России.

Чрезвычайно важной задачей, которая стоит сейчас перед институтом, является разработка принципов и методов экологического, а социально-экологического мониторинга культурного наследия. Для этого необходимо начать регулярную работу по проведению исследований отношения населения к объектам наследия, к исторической среде. Институт в свое время начал проводить такого рода исследования, однако из-за недостаточного финансирования эти работы были приостановлены. Необходимо, чтобы Министерство культуры выступило с инициативой разработки программы комплексного экологического мониторинга культурного наследия, а в рамках этой проблемы выделило особо разработку новой темы «Социологические и социально-экономические проблемы сохранения историко-культурных и природных территорий (исторических городов, музеев-заповедников, национальных парков)».

Одна из актуальнейших задач, стоящих перед Российским институтом культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, обусловлена необходимостью совершенствования системы управления в сфере сохранения и использования наследия. При этом имеется в виду вся система управления — законодательство, экономическое стимулирование, административное управление. Создание правовой основы деятельности по сохранению культурного наследия предполагает необходимость не только принятия закона об охране и использовании культурного наследия (памятников истории и культуры), но и соответствующих подзаконных актов.

В качестве следующего шага необходимо формирование принципиально новой для Российской Федерации системы законодательства об особо охраняемых историко-культурных территориях, которая бы определила общие задачи формирования историко-культурного каркаса страны и правовое положение отдельных типов территориальных объектов наследия. Необходимо принятие основополагающего закона об археологическом наследии, регулирующего эту специфическую сторону сохранения национального достояния; системы законов о сохранении традиционной культуры, традиционного хозяйства, традиционных форм природопользования, которые позволят поддержать политику возрождения национальных культур в Российской Федерации.

Разработка системы стимулирования деятельности по сохранению и использованию культурного наследия предполагает со стороны федерального центра формирование специальной финансовой и налоговой политики в этой сфере. Имеющиеся предпосылки использования богатого культурного потенциала не могут быть полностью решены в самые ближайшие годы из-за недостатка финансовых ресурсов. Необходимы разработка и принятие налоговых решений для поддержки бережного содержания памятников истории и культуры; для эффективного функционирования историко-культурных территорий и для участников программ сохранения национальных культур, помощи партнерам в программах культурного развития и обеспечения реставрационной деятельности.

Необходимо также решение различных вопросов, связанных с возможностью приватизации памятников истории и культуры, организации эффективного контроля за состоянием приватизированных памятников, четким регулированием использования экономических средств, полученных в результате приватизации и аренды памятника. Важным фактором экономического регулирования может стать создание специализированного фонда сохранения наследия.

Роль федерального управления в прогнозируемый период особенно велика в связи с необходимостью методического обеспечения деятельности по сохранению и использованию культурного наследия. Федеральному центру принадлежит ведущая роль в разработке федеральных и крупных межрегиональных программ сохранения и использования наследия, а также в поддержке объектов наследия, не имеющих самостоятельных источников развития (например национальных культур малочисленных коренных народов). Необходимо лицензирование реставрационной, исследовательской и иных видов деятельности на объектах наследия.

Чрезвычайно важным является формирование эффективных механизмов обеспечения органов управления различного уровня и граждан информацией о национальном наследии и о культурном развитии мирового сообщества. Для реализации этой задачи необходимо создание банка данных историко-культурного наследия для страны в целом и ее регионов и расширение специальной издательской деятельности. Одной из актуальных задач в построении системы информационного обеспечения сферы сохранения наследия становится в настоящее время разработка национального атласа «Культурное и природное наследие России». Сейчас эта работа уже началась. Разработана общая концепция такого

атласа. Во многих регионах страны создаются свои региональные атласы культурного наследия, историко-культурные атласы, атласы культурного и природного наследия. Российский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева выступает в качестве консультанта или участника этой деятельности. Одновременно начинается работа по созданию отдельных карт, связанных с конкретными регионами или определенным видом наследия. Однако эту работу необходимо перевести на единую методологическую базу, сделать эти материалы сопоставимыми друг с другом.

В этой статье изложены только некоторые из актуальных задач, которые необходимо решить в процессе совершенствования

системы управления объектами культурного и природного наследия России. Однако их надо решать уже сегодня. Российский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева по мере своих возможностей будет осуществлять активную научно-исследовательскую работу по данным проблемам.

Литература

1. Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983.
2. Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1989.
3. Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. М., 1975.
4. Мильков Ф. Н. Человек и ландшафты. М., 1973.
5. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention. UNESCO.WHC-97/2. 1997. February.

С. Ю. ИВАНОВА,

заведующая кафедрой социальной философии и этнологии
Ставропольского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современные мировые тенденции развития культуры характеризуются прежде всего тем, что расширение транснациональных экономических связей и коммуникаций резко ускорило превращение планеты в «глобальную деревню».

Одно из центральных мест в философском осмыслении процесса глобализации займут, видимо, вопросы, касающиеся идентичности, политического будущего и возможных траекторий развития национальных государств. Что может составить социальную и культурную базу новых направлений развития, какие перспективы коллективного будущего могут быть предложены и приняты? Как отдельная личность определяется в новую эпоху? Какие изменения приносит глобализация в культуру, в идеологию, в традиционные системы ценностей? Как, не потеряв себя, свою идентичность, самобытность, найти свою нишу в глобализирующемся мире?

Глобальная циркуляция идей демократизации, культурной образности очевидна и проявляется в форме политических институтов и идеологий, социальных подразделений, культурных ценностей. Конфликт между глобальным и локальным составляет истинную сущность жизни в начале нового века. Но что означают эти термины, какое отношение они имеют к суверенитету и развитию наций и национальных государств, к жизни отдельно человека?

Само понятие «глобализация» все более приобретает черты философской категории, обозначает всеобщие свойства и тенденции современного исторического процесса, нового взаимосвязанного, единого и взаимосвязанного мира. К настоящему времени не сложилось единой теории глобализации, а есть ряд параллельных концепций с приблизительно одинаковой ориентацией.

Американизация, по сути, представляет собой конкретизацию глобализации с включенными элементами американской национальной культуры. Причем особенности американизации в области культуры состоят в иррационализации рациональных матриц (доведение до абсурда рациональных элементов культуры), приоритете количественных характеристик (коммерциализации), готовности к употреблению (оперантности), полностью гарантированном качестве на определенном уровне, упакованности в яркие символические формы, виртуализации культурных образов (создании виртуальной реальности, в которой разворачивается культурный феномен).

Глобализация, приводящая к возникновению многочисленных сообществ на локальном уровне, стимулирует всемирные связи этих сообществ по горизонтали. Такие сообщества, строящиеся по единству и близости интересов их участников, связываются друг с другом подобно ячейкам сети. Сетевые связи становятся самодостаточными, причем «сети» возникают на всех уровнях, что приводит к

резкому снижению вертикальных процессов в политике, экономике и культуре.

Мирогражданство — большая тема, обсуждавшаяся в течение двух тысячелетий, начиная со стоиков, и получившая новый резонанс в последние годы. Но на этом основании противопоставление суверенности стран и прав человека вряд ли оправданно. Полнота жизни человека во многом проистекает из его одновременной принадлежности национальному государству в качестве подданного и гражданскому обществу в качестве частного лица. В силу этого актуален для исследователей ряд вопросов, касающихся глобализации культуры и ее влияния на национальную культуру и самобытность.

В таких метафорах, как американизация, «макдональдизация», просвечивает беспокойство о распространении массовой культуры, защите интересов потребителя и путях решения проблем, с которыми сталкиваются традиционные культурные модели. Современная культурная озабоченность по поводу глобальной гомогенизации была порождена полемикой о способности «Американской империи» манипулировать общественным мнением.

Реакция на культурную гомогенизацию приняла различные формы, включая разные попытки урегулирования информационного мира: например, наложить запрет на использование спутниковых тарелок в части Среднего Востока, включая Исламскую Республику Иран, или европейской законодательство о контроле за трансляцией ряда зарубежных телевизионных программ. Есть, однако, свидетельства того, что местная культурная продукция предпочитается транснациональной в тех случаях, если она доступна, и что внутреннее производство — лучшее средство против глобального потребления.

Исследователи культуры уделяют все больше и больше времени поиску форм гибридизации, очевидно проявляющейся в новых местах культурного производства, в популярных культурных жанрах (азиатская поп-музыка, латиноамериканские сериалы, кино стран «третьего» мира и т. п.), в личных впечатлениях и народных сказках разного культурного и диаспорного происхождения. Постоянный конфликт между гомогенизацией и гетерогенизацией делает формирование культурной самобытности и одной из ключевых проблем глобализации.

При первом взгляде на глобализацию она предстает как усиление взаимосвязей между людьми разных стран, этносов и культур, ведущее к формированию из населения земного шара единого человечества. Однако в который раз подтверждается, что реальное осуществление некогда желанных целей час-

то порождает проблем больше, чем решает. Превращение человечества в целое амбивалентно для его блага. Если для производства, экономики, техники соединение разрозненных усилий дает эффект эмерджентности, способствует росту, то сферы жизни, где самоценны различия, — деградируют. На начальном этапе усиление взаимодействия может происходить при сохранении качества составляющих систему частей. Это феномен комплексности, предполагающий функциональное единство компонентов при их субстратной гетерогенности. На содержательном языке об этом говорили как об интернационализации. В дальнейшем, при отсутствии противонаправленных усилий, процессы обычно идут в сторону стирания различий между частями. Компоненты становятся одинаковыми и вся система — гомогенной. Именно такой характер приобретает сейчас взаимодействие людей на планете, заставляющее говорить о глобализме. Мир давно, по крайней мере с Нового времени, был единым, но как комплекс, теперь он переходит в органическое состояние.

В глобально целостной системе этносы не обогащают друг друга, а взаимопоглощаются, культуры не получают импульс для самораскрытия, а нивелируются, страны не коэволюционируют, сотрудничая, а унифицируются. Своеобразие народов уходит в историю, в традицию, в фольклор и существует как пережиток прошлого. Если бы в городах не было старых кварталов и музеев, то путешествовать было бы совершенно бессмысленно — человек неизбежно попадает в окружение изоцирено одинаковых автомобилей, зданий, его преследуют вездесущие рекламы транснациональных корпораций. Многообразие, до противоположности пестрое, географически разбросанное и растянувшееся по историческим эпохам человечество стоит на пороге трансформации в раздираемое противоречиями, но структурно однородное пространственно-временное образование.

Формирующийся одинаковый образ жизни — это не равновесное смещение всех существующих форм. Это не сплав этносов, культур с заимствованием в каждом лучшего и включением его в общую целостность. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, в особенности американской, культуры над всеми остальными. Экономика, государственное устройство, наука, первоначально возникшие в Европе, сейчас захватывают в свою орбиту другие народы. Так называемые общечеловеческие ценности фактически рождаются западной, либерально-рыночной демократией. «Новый мировой порядок» — результат ее развития, и несогласные с ним рассматриваются как консерваторы,

стоящие на обочине цивилизационного процесса, его «изгой». Становление монокультуры означает сужение базиса развития человечества.

Глобализм — это универсальный технологизм. Глобальный технологизм ведет к превращению человека из социально-культурной личности в человеческий фактор развития технологий. Человеческий фактор, бурно протестуя против ограничения своей свободы культурными регуляторами, довольно легко смиряется, если они будут техническими. Открытое гражданское общество закрыто и регламентировано не меньше, чем традиционное, разница в том, что закрытость здесь «усовершенствованная», технологическая.

Замену хотя и стандартных, одномерных, но культурных отношений между людьми на технологические можно считать рубежом превращения глобализации в глобализм. Этот «-изм» — выражение перехода к жизни без оценки поступков с позиции добра и зла, прекрасного и безобразного. Образуется общество, которое предсказывали фантасты-утописты начала XX в.

Утверждениям о глобализме как стирании культурных различий и движении к посткультурной технической цивилизации противостоят широко распространенные представления о плюралистическом характере нашего

времени и наступлении эры мультикультурализма, апофеозом которого считают возникновение «индивидуальной культуры». Думается, что это противоречие поверхностное.

В безудержной плюрализации, раздроблении культуры на дисперсные частицы как раз и выражается ее распад, превращение в материал «для другого». Индивидуальная культура, когда у каждого есть собственные понятия о добром или дóлжном, персональная совесть, которая, естественно, всегда оправдывает свою персону, обесмысливает ее социальные функции, ведя тем самым к исчезновению, что невольно признают сторонники мультикультурализма.

По отношению к глобализму культура находится в том же положении, что и природа. Но если в необходимости защиты природы многие отдают себе отчет, и что-то предпринимается, то об экологии культуры говорят в самом неопределенном или узкоэмпирическом смысле как о бережном обращении с памятниками и артефактами. Нет ясности, от чего надо защищать культуру, какие процессы угрожают культурному разнообразию мира. Под влиянием начинающей господствовать глобалистской культуры «стираются» даже контуры этого культурного разнообразия, которые в таком случае надо подчеркивать и пропагандировать.

Р. В. ИЕЗУИТОВА,

заместитель директора по научной работе Всероссийского музея А. С. Пушкина,
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)

ЦАРСКИЕ САДЫ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА И В. А. ЖУКОВСКОГО

Тема царских садов позволяет напомнить об особых культурно-исторических заслугах русских монархов, оставивших нам знаменитые царскосельские и павловские резиденции в окружении садов и парков, воспетых А. С. Пушкиным и В. А. Жуковским.

Существенно важно указать, что «победитель-ученик» в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814) опередил своего поэтического наставника в обращении к этой теме, потому что «Славянка» Жуковского (1815) была написана почти год спустя и несет следы отклика на пушкинский текст.

Характерно, что тема садов — ключевая для каждого из этих стихотворений. И не просто садов, а именно садов царских. Воспетые в стихотворении Пушкина «древние липы», «кристаллы зыбких вод», «кремнисты водопады», озеро — это узнаваемые черты пейзажа Екатерининского парка, на фоне кото-

рого дается прямая отсылка к царским чертогам:

Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храм?
Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?¹

Может быть, впервые так отчетливо юный гений сформулировал прямую связь «прекрасного царскосельского сада» с исторической жизнью огромной и мощной страны. В изображении поэта сад не просто место отдыха и эстетических наслаждений, это хранилище

¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 20 т. СПб., 1999. Т. I. С. 69. Далее ссылки на сочинения Пушкина даются по этому изданию с указанием римской цифрой тома, арабской — страницы.

истории (и какой истории!?), «Когда под скипетром великия жены Венчалась славою счастливая Россия»¹. Воображаемая ночная прогулка по саду — это путешествие по славным страницам российской истории, воплощенной в художественных памятниках Екатерининского парка, это элизиум великих мужей России, прославивших страну, и великих монархов (Екатерины II и Александра I), ее представляющих. В поэтическом тексте запечатлен мастерски воссозданный хронотоп царского сада как хранителя воспоминаний о величии и славе России, ибо воспетые Пушкиным исторические памятники — знаки тех побед, прямыми наследниками которых являются нынешние герои Отечественной войны 1812 г. «Из скульптур и памятников Царского, — пишет Д. С. Лихачев, — Пушкин откликается главным образом на исторические памятники русским победам. Это отчасти объясняется тем, что Павел I увез из Царского большинство статуй, и сады Лицея вообще были ими сравнительно небогаты во времена Пушкина, Павел не решился разрушить <...> эти памятники»². Такова была как бы заново обнаруженная и глубоко осмысленная поэтом философско-эстетическая концепция, положенная в основу того царского парка, который наблюдал и до мельчайших подробностей знал Пушкин-лицеист; он сумел передать ощущение общности истории с ее великими деятелями с самым лирическим повествователем, их неразрывное единство. В восприятии Пушкина царское-сельский парк не был садом исключительно самих царей и их высоких гостей; он был садом для лирически настроенного посетителя и, конечно же, для каждого лицеиста. Позднее Пушкин найдет для него замечательную формулу «сады Лицея». В статье Д. С. Лихачева «Сады Лицея» раскрывается тот символический, многозначный смысл, который вкладывал Пушкин в этот образ-хронотоп, как бы превращая сады царско-сельские в сады Лицея, разумеется, имея при этом в виду не только и не столько лицейский садик, а прежде всего сад царей, в котором поэт «безмятежно расцветал».

Счастливо сложившаяся судьба этого стихотворения широко известна: оно вызвало восторг не у одного Державина, а было не менее восторженно встречено в литературных кругах Москвы, в особенности В. А. Жуковским, задержавшимся там у друзей проездом в Дерпт. Показательно, что, приехав в мае 1815 г. в Петербург, Жуковский поспешил лично познакомиться с молодым чудо-

творцем, побывав в Лицее сначала в июле, а затем и в сентябре. Между тем в самом начале сентября Жуковский по приглашению императрицы Марии Федоровны посетил ее летнюю резиденцию в Павловске. Прогулка по другому царскому парку (на этот раз павловскому) вдохновила Жуковского на создание элегии «Славянка». Можно предположить, что на этот замысел Жуковского навели пушкинские «Воспоминания», хотя у каждого из поэтов собственная художественная палитра, другой и сад. «В пейзажных парках, — указывает Д. С. Лихачев в той же статье, — важным моментом явилось появление монументов <...>, отражавших личные, индивидуальные чувства к друзьям, родным, к философам и поэтам»³. Так мы подходим к теме садов романтизма: это не просто пейзажные сады с имитацией как бы неупорядоченной природы (английского парка), а сочетание природного живописного ландшафта с умело вписанными в этот ландшафт знаковыми постройками и скульптурами как своего рода вехами внутреннего духовного состояния посетителя сада.

Вкусы владелицы павловского парка во многом иные, чем у знаменитой «Минервы русской». Величие государственного масштаба ее личности заменяется величием матери русских царей, дочери царей и жены царя (так она характеризуется в послании к ней Жуковского 1814 г.). Но эту особенность хозяйки павловского сада поэт не акцентирует, он на нее намекает:

Лишь ярко заревом восточный брег облит,
И пышный дом царей на скате позлащенном,
Как исполин, глядясь в зеркало вод, блестит
В величии уединенном⁴.

Позднее в «Послании о луне» Жуковский еще раз воссоздает этот образ:

Сколь милы в Павловске вечерние картины!
Люблю, когда закат безоблачный горит;
Пылая, зыблются древесные вершины,
И ярким заревом осыпанный дворец,
Глядясь с полутопы в водах, покрытых тенью,
Мрачится медленно, и купол, как венец,
Над потемневшею дерев окрестных сенью
Заката пламенем сияет в вышине...⁵

Павловский парк, подчеркивает Лихачев, «на первых порах устраивался как парк личных воспоминаний»⁶ матери-императрицы

³ Лихачев Д. С. «Сады Лицея». С. 192.

⁴ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2000. Т. II. С. 23.

⁵ Там же. С. 158–159.

⁶ Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 228.

¹ Пушкин А. С. Указ. соч.

² Лихачев Д. С. «Сады Лицея» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX. С. 194.

о родном ее Монбельярском парке, а затем постепенно стал хранилищем семейных воспоминаний и важных событий царского семейства. Даже в самих названиях знаменитых памятников супругу-благотелю, семейная роца, памятник умершей рано дочери Александре Павловне, — иной настрой, грустный, мечтательный, а также мирный и даже идиллический. Здесь отражается новое представление о парке пейзажном: сад не должен иметь четких границ с окружающей сельской местностью, но и в самом саду появляются незатейливые сельские уголки (шалле, сельский двор), садовый пейзаж оживляется и идиллическими сельскими картинками:

Там слышен на току согласный стук цепов;
Там песня пастуха и шум от стад бегущих;
Там медленно, скрипя, тащится ряд возов,
Тяжелый груз снопов везущих¹.

Памятные скульптуры павловского парка (стелы, мавзолеи, павильоны и т. п.) иные, чем в Царском Селе, они интимно-личностные. Храм дружбы, рухнувшая в 1817 г. колоннада Аполлона, павильон Трех граций — это не только дань новым веяньям в архитектуре в эпоху неоклассицизма, но и знаки переоценки ценностей, перенесение акцента с общезначимого на индивидуально значимое. В этом случае уникальным является соответствие стиля и философии самого хронотопа павловского парка с его защищенностью от внешнего беспокойного мира духовному миру ищущего уединения и размышляющего на лоне природы посетителя. В лице романтика Жуковского парк обрел своего певца, своего поэта.

В «Славянке» Жуковского, как и ранее, но по-другому, у Пушкина-лицеиста в «Воспоминаниях в Царском Селе», имеет место духовный резонанс рукотворного художественного памятника (царского сада) и творческой личности поэта, при этом царскосельский сад вызывает чувства восторга, «упоения в бою», гордости победами, тогда как павловский парк настраивает на умиротворение, единение с природой, философское восприятие окружающего. Пафос пушкинских «Воспоминаний в Царском Селе» сродни оде. «Славянке» более соответствует форма элегии и даже лирического дневника. Характерно, что у Пушкина повествование ведется не от первого лица, исторические ассоциации рождаются в парке у всякого истинного россиянина. Жуковский, напротив, повествует от себя лично: «Спешу к твоим брегам», «Что час, то новая в глазах

моих картина», «Вхожу с волнением под их священный кров» и др. И Пушкин, и Жуковский описывают царские сады, что называется, с натуры. Но у Пушкина на основе едва ли не каждодневного в лицейские годы посещения Екатерининского парка воссоздан точный и целостный художественный образ, хотя в основе сюжета стихотворения и лежит воображаемая ночная прогулка по этому парку. Жуковский в «Славянке» описывает вполне реальную, собственную прогулку по павловскому парку в начале сентября 1815 г. До этого времени поэту не удавалось (или лишь изредка удавалось) бывать в нем. Напомним, что Жуковский провел в Петербурге лето-осень только в 1815 г. До этого он дважды приезжал в столицу на короткое время ранней весной в 1805 и 1809 гг. (время, не подходящее для прогулок по паркам и садам). Однако текст «Славянки» выразительно свидетельствует о прекрасном знании общего плана и ландшафтов павловского парка.

Откуда мог почерпнуть эти сведения Жуковский? На этот вопрос помогает ответить недавно попавшая в наше поле зрения брошюра А. К. Шторха «Письма о саде в Павловске, писанные в 1802 году», изданная в Петербурге на немецком языке в 1803 г. В русском переводе Ю. А. Ходосова она впервые была опубликована издательством «Журнал “Нева”» в 2004 г. с прекрасным предисловием и комментариями С. В. Выжевского. Немецкий язык Жуковский знал в совершенстве и, как это следует из его дневников, был хорошо знаком не только с автором брошюры (который был в свое время учителем великих князей Марии и Екатерины, а затем и великих князей Николая и Михаила), но впоследствии и с сыновьями Шторха³. Известно, что в 1843 г. Жуковский принял участие в издании другого путеводителя по г. Павловску и его знаменитому парку, автором которого был уже сын А. К. Шторха — П. А. Шторх, а Жуковский иллюстрировал его книгу своими павловскими гравюрами. Длительность и устойчивость личных связей Жуковского с семейством Шторхов позволяет предположить, что брошюра 1802 г. вполне могла быть известной автору «Славянки»⁴.

Вот всего лишь несколько примеров текстуальных перекличек текстов А. К. Шторха (достаточно точно переданных в русском переводе) со стихами Жуковского: «Давайте, мой

³ См.: Жуковский В. А. Указ соч. Т. XIII. С. 130, 242, 386, 530; Т. XIV. С. 375.

⁴ См.: Шторх А. К. Письма о саде в Павловске, писанные в 1802 году. СПб., 2004.

¹ Жуковский В. А. Указ. соч. Т. II. С. 22.

друг, поспешим в сад, чтобы найти там тенистые тропы...», «...я спешу к теплу ночлега...» — часто повторяющаяся фраза, имеющая аналог у Жуковского. Или восхищение разнообразием открывающихся видов: «Но как местность тут разнообразна!» (у Жуковского — «Что шаг, то новая в глазах моих картина»). В авторских примечаниях к «Славянке» зависимость от «Писем о саде в Павловске» еще заметнее. Сравните описание березовой («семейной») рощи Шторхом: «Приветливая роща встречает Вас и открывает Вам трогательный памятник, являющий собою природу, окруженную природой... Тут каждое дерево и деревцо означает какое-либо большое и счастливое событие в семье»¹, с примечанием Жуковского: «Спустясь к реке Славянке, находишь молодую березовую рощу: эта роща называется *семейственною*, ибо в ней каждое дерево означает какое-нибудь радостное происшествие в Высоком семействе царском»². Еще нагляднее эта связь с «Письмами о саде в Павловске» в текстах Жуковского (прозаическом и стихотворном), посвященных памятнику Александре Павловне. Вот как описывает памятник А. Шторх: «Стройная, благородная фигура, черты лица которой напоминают лик ангела, а чело уже отмечено звездой преобразования, намерена покинуть землю. Стоящий рядом с нею гений напрасно старается удержать ее. Она стремится ввысь»³. Сравните с примечаниями Жуковского, почти дословно переданными в поэтическом тексте: «...вы видите молодую женщину, существо более небесное, нежели земное; она готова покинуть мир сей; она еще не улетила, но душа ее смиренно покорилась призывающему ее гласу; и взор и рука ее, поднятые к небесам, как будто говорят: *да будет воля Твоя*. Жизнь, в виде юного гения, простирается у ее ног и хочет удержать летящую; но она ее не замечает; она повинуется одному небу — и уже над головой ее сияет звезда новой жизни»⁴.

И ангел от земли в сиянье предо мной
Взлетает; на лице величие смиренья;
Взор к небу устремлен; над юною главой
Горит звезда преображенья.
Помедли улетать, прекрасный сын небес;
Младая Жизнь в слезах простерта пред тобою...⁵

В примечаниях и стихотворном тексте Жуковского особое значение имеет описание

мавзолея, не имеющее аналогов у Шторха, ибо мемориальный памятник «Супругу — благодетелю» был создан Тома де Томоном и скульптором Мартосом позднее, в 1808–1809 гг. В описании «творения знаменитого Мартоса» — барельефа с изображением скорбящего царского семейства Жуковский акцентирует внимание на фигуре Александра I: «Государь представлен сидящим; голова его склонилась на правую руку, и левая рука опирается на щит, на коем изображен двуглавый орел»⁶. Образ этот воссоздан в поэтическом тексте:

Сей витязь, на руку склонившийся главой;
Сей громоносец двоеглавый,
Под шуйцей твердою сидящий на щите...

Двуглавый орел на щите символизирует надежность и прочность державной власти Александра I, напоминая о недавних событиях Отечественной войны 1812 г. и ее победоносного завершения:

Борьба за честь; народ, покрытый блеском славным;
И мир, воскреснувший по манию небес,
Спокойный под щитом державным⁷.

В элегию включается историческая тема: так, во всяком случае, расшифровывается символика барельефа Мартоса. Однако Жуковский вступает в диалог с Пушкиным, как бы отвечая на прямо обращенный к нему призыв:

О Скальд России вдохновенный.
Воспевший ратных грозный строй,
В кругу друзей твоих, душой воспламененной
Взгнечи на арфе золотой!
Да снова стройный глас герою в честь прольется,
И струны трепетны посыплют огонь в сердца,
И ратник молодой вскипит и содрогнется
При звуках бранного певца.

Жуковский отказывается воспевать ратные подвиги, он славит мир, добытый кровью русских воинов, и предостерегает Александра, вознесенного на высоту величия и славы, акцентируя мысль о том, что «блага наших дней» и «все величия мгновенны». И что особенно показательно: это предостережение дается при описании памятника Павлу I, в судьбе которого свою роль сыграл и его венценосный сын.

Царские сады в поэзии Пушкина и Жуковского символически выразили идею национальной и человеческой общности российских монархов и их подданных.

¹ Шторх А. К. Указ. соч. С. 27.

² Жуковский В. А. Указ. соч. Т. II. С. 440.

³ Шторх А. К. Указ. соч. С. 38.

⁴ Жуковский В. А. Указ. соч. Т. II. С. 440.

⁵ Там же. С. 24.

⁶ Жуковский В. А. Указ. соч. Т. II. С. 440.

⁷ Там же. С. 21–22.

⁸ Жуковский В. А. Указ. соч. Т. I. С. 73.

А. В. ИЛЬИЧЕВ,

заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП,

доктор филологических наук

ТРАГЕДИЯ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» И ЛЕТОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

Работая над «Борисом Годуновым», А. С. Пушкин в первую очередь пытался создать русскую национальную историческую драму, то есть взглянуть на историю глазами национальной традиции, которую он находил как в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, так и в летописях. Б. П. Городецкий в качестве основного источника трагедии указывает на «Историю...» Н. М. Карамзина. Отдельно выделяет примечания, где обильно цитируются как исторические документы, так и русские летописи. Знакомство А. С. Пушкина с другими летописными источниками трудно установить, хотя существует мнение, что Пушкин знал «Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы, и о бывших потом в России мятежах» Авраамия Палицына¹. Сам А. С. Пушкин замечает: «...Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий; в Летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени»².

Обращение к этим источникам дает возможность осознать их историософские концепции.

Начать следует со «Сказания...» Авраамия Палицына, в котором все беды смуты объясняются так: «И ныне всяк возраст да разумеет и всяк да приложит ухо слышать, ких ради грех попусти господь Бог наш праведное свое наказание и от конец до конец всея Россия, и како весь словенский язык возмутится, и вся места по России огнем и мечем поядены быша»³. Это — историософский зачин ко всему дальнейшему повествованию, придающий последующему описанию конкретных событий надэмпирический смысл. Как пишет В. В. Кусков, «причины бед есте содеяся во всей России» — «праведное гневобстрое наказание от Бога за вся та сотвореннаа от нас злаа»; победы, одержанные русским народом над иноземными захватчиками, — результат благодеяния и милосердия Богоматери и заступничества святых Сер-

гия и Никона⁴. Причины же Божьего наказания связываются Палицыным с убиением царевича Дмитрия: «Се первый грех да разумеется, таже по сем и другой: ни во что же положиша сю кровь неповинную вся Россия»⁵. Авраамий Палицын отражает одну из древнейших традиций в понимании истории, восходящую к Ветхому Завету, отразившуюся в «Повести временных лет»⁶ и характерную для всего русского средневековья, — понятие о каре Божьей⁷. Эта традиция получила название концепции «казней Божьих».

Согласно этой концепции, материальный ход истории осуществляется в соответствии с Божественным планом, предопределяющим тенденцию развития от сотворения мира к его концу. Многообразие событий, которые составляют содержание этого процесса, сложилось из самовластных действий человечества, которое получало воздаяние еще при жизни за уклонение от Божественных заповедей⁸. Действительно, И. П. Еремин, восстанавливая историософские представления русского летописца, отмечает, что у него «была своя „философия истории“». Реконструкцию ее облегчает нам сам летописец; имею в виду его многочисленные отступления от повествования, где он в порядке авторского комментария к своему рассказу касался иногда и вопросов общего, „философского“ характера. Все они, эти его „философские“ фрагменты... посвящены одной, по существу, проблеме — происхождению добра и зла... Решая вопрос о происхождении добра и зла, он тем самым осмыслял для себя весь ход исторического процесса. Для него, моралиста, эта тенденция — свести к этике всю „философию истории“ — естественна. В центре внимания летописца — проблема зла. Источник зла в мире — дьявол»⁹. Соответственно, источник

⁴ Кусков В. В. История древнерусской литературы. 3-е изд., испр. и доп. М., 1977. С. 190.

⁵ Сказание Авраамия Палицына С. 488.

⁶ Замалеев А. Ф. Виблейские основы историософии «Повести временных лет» // Замалеев А. Ф. Лепты: исследования по русской философии. СПб., 1996. С. 22–26.

⁷ О возрождении этой традиции в Смутное время см.: Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002. С. 248–254.

⁸ Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2000. С. 5–61.

⁹ Еремин И. П. Литература Древней Руси: этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 64.

¹ Городецкий Б. П. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов»: комментарий. Л., 1969. С. 28–43.

² Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. М.: АН СССР, 1957–1958. Т. VII. С. 164–165.

³ Сказание Авраамия Палицына // Изборник: сб. произведений литературы Древней Руси. М., 1969. С. 487.

добра в мире — Бог. И поэтому «преступление почти всегда, как правило, влечет за собою у летописца кару»¹.

В «Сказании...» Палицына это выражено прежде всего композиционно. Грех, введенный царем в государство, повлек за собой голод, начало разбойничества во всей Руси, появление расстриги Григория, который толкуется Палицыным как Антихрист, посланный Сатаной. Дальнейшее изложение приобретает еще более драматический характер: Антихрист Григорий в союзе с иноверцами пытается не просто захватить Русь, но искоренить последнее в мире государство, сохраняющее православную веру. При таком осознании событий взаимосвязь частного (грех царя) и общего (бедствие государства) становится закономерной. Это именно то единство действия, которое составляет, по А. С. Пушкину, единственный интерес драмы.

С летописной традицией можно связать еще одно очень яркое свойство пушкинской трагедии. Он отказывается от деления драмы на акты («не разделил своей трагедии на действия»²). Действительно, «...исследователи... вынуждены констатировать, что построение трагедии Пушкина не соответствует принципам, которые реализовал в своих пьесах Шекспир. У Пушкина нет обязательной для Шекспира последовательности действий, логического нарастания драматизма от акта к акту»³. Это приводит к существенным изменениям самой драматической структуры: все разнообразие действующих лиц, перенесение действия в разные места объединяется только единым потоком времени. В предисловии к «Истории...» Карамзин пишет: «Читатель заметит, что описываю деяния не врозь, по годам и дням, но совокупляю их для удобнейшего впечатления в памяти. Историк не летописец: последний смотрит единственно на время, а первый — на свойство и связь деяний»⁴.

Комментарий Карамзина дает возможность пушкинское решение русской драмы соотнести с национальной летописной традицией, нашедшей свое отражение в «Повести временных лет». Начнем с указания на то, что принципы средневековых европейских и ви-

зантских хроник были существенно иными. Наиболее распространен в средневековой западной историософии жанр «королевских» или «императорских» хроник. «...В таких хрониках, равно и в византийских “Царских историях”, персональные деяния их владетельных героев составляют сюжетный каркас повествования по формуле <...> Вильяма Мэмсберийского — “Всякий исторический труд есть зеркало Государя”. Труды русских летописцев, во всяком случае домосковского периода, неизменно оставались зеркалом судеб Русской земли»⁵.

«Повесть временных лет» избирает совершенно иной композиционный принцип — хронологический. Героем хроники становится не князь, а как бы само время. Форма погодных записей «могла явиться у Никона под влиянием пасхальных таблиц (то есть таблиц, указывающих даты празднования Пасхи в каждом году). В этих таблицах нередко делались краткие летописные отметки»⁶. Совершенно естественно, что это структурное своеобразие привело к содержательным изменениям: «Летописец стремится видеть события с высоты их “вечного”, а не реального смысла. Часто отсутствие мотивировок, попыток установить причинно-следственную связь событий, отказ от реальных объяснений событий подчеркивает высшую предопределенность хода истории <...>. Прагматическая связь не описывается, <...> летописец намекает этим на существование иной, более важной связи <...> — связи, находящейся под законом вечности <...>. Прагматическую связь фактов он стремится не замечать, так как для него важнее их общая зависимость от Божественной воли»⁷.

В совокупности все указанные факты приводили к формированию определенной национальной традиции восприятия истории. Суть этой традиции удачно выражена Е. Н. Купреяновой: «Неизменное осуждение феодального “высокоумия”, “похвальбы”, “несытства”, тщеславия, междоусобия, военного авантюризма княжеско-боярской верхушки как самого тяжкого и пагубного для Русской земли греха пред Богом — вот что принципиально отличает ценностную структуру русского лето-

¹ Еремин И. П. Указ. соч. С. 51.

² Пушкин А. С. Указ. соч. Т. VII. С. 72.

³ Лотман Л. М. Судьба царей и царств в Библии и трагизм истории в «Борисе Годунове» // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Иерусалим, 2000. С. 102.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М., 1989. Т. 1. С. XIII. (Репринт издания 1842–1844 гг.).

⁵ Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Очерки и характеристики. Л., 1976. С. 31.

⁶ Лихачев Д. С. Великое наследие: классические произведения литературы Древней Руси // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 2. С. 101.

⁷ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 543–545.

писания от ярко выраженного сословно-феодалного характера ценностной структуры, на которую опирается западноевропейская хронистика и рыцарская литература»¹.

Обращаясь к исторической концепции Карамзина, подчеркнем его отношение к летописной традиции. «Для Карамзина, — пишет Г. П. Макогоненко, — летопись ценна прежде всего тем, что она открывала отношение к фактам, событиям и легендам современника их — летописца. <...> Постыжение точки зрения летописца, его “простодушия” и суда над современниками, в которых запечатлелся “дух времени”, было задачей Карамзина-художника. Карамзин-историк выступал с комментарием этой летописной версии событий»². В связи с этим напомним оценку Карамзина Пушкиным: «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец... Нравственные его размышления своею иноческою простотою дают его повествованию всю прелесть древней истории»³.

Столь внимательное отношение Карамзина к древним летописям привело к восстановлению летописной традиции на ином уровне: «Высшей и главной силой, управляющей историческими событиями, — пишет П. А. Орлов, — Карамзин считал Божественный Промысел, или, как он часто называет его в своей “Истории” — “рок”. Что касается реальных исполнителей воли провидения, то ими, по его мнению, могут быть как отдельные лица, так и народные массы. Вся же суть <...> состоит в том, что ни те, ни другие не подозревают и не думают о своей высокой Божественной миссии, о своей провиденциальной роли и преследуют в своих действиях самые земные, самые подчас низменные и корыстные цели. Но, независимо от намерений, их поступки объективно совпадают с волей высшего промысла. “Ибо, — писал Карамзин, — от человека зависит только дело, а следствие — от Бога”»⁴.

Судьба Бориса Годунова принадлежит к числу тех немногих случаев, когда правитель при жизни, а не в запоздалом суде потомства понес суровое возмездие за совершенное им преступление. Даже человека, не

склонного к мистике, не могло не поразить это странное стечение обстоятельств. Что касается Карамзина, то он увидел в этом действие высшей силы. Повествование историка, когда он описывает историю падения Годуновых, поднимается до высокой вдохновенной патетики: «Сей человеческою мудростью наделенный правитель достиг престола злодейством... Казнь Небесная угрожала царю преступнику и царству несчастному»⁵. «Настало время явной казни для того, кто не верил правосудию Божественному в земном мире... Сие дело умыслил и совершил презренный Бродяга именем младенца, давно лежавшего в могиле... Как бы действием сверхъестественным тень Димитриева вышла из гроба, чтобы ужасом поразить, обезумить убийцу и привести в смятение всю Россию»⁶.

Одним из первых, кто обратил внимание на то, что пушкинская драма завязана на мотиве Борисова греха, был И. В. Киреевский. В статье «Обзорение русской литературы за 1831 год» он пишет: «Очевидно, что и Борис, и Самозванец, и Россия, и Польша, и народ, и царедворцы, и монашеская келья, и государственный совет — все лица и все сцены трагедии развиты только в одном отношении: в отношении к последствиям царевубийства. Тень умерщвленного Димитрия властвует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий, служит связью всем лицам и сценам, расставляет в одну перспективу все отдельные группы и различным краскам дает один общий тон, один кровавый оттенок. Доказывать это значило бы переписать всю трагедию»⁷. Нужно отметить, что с этой оценкой И. В. Киреевского согласился А. С. Пушкин: «Ваша статья о Годунове и о Наложнице порадовала все сердца; насилу-то дождалась мы истинной критики»⁸.

Изложенные выше соображения позволяют иначе интерпретировать и саму пушкинскую драму, обнаружив в ней следование глубинным национальным традициям. Важно отметить, что литературные открытия, совершенные Пушкиным, осуществлялись на основе продолжения и углубления коренных основ русского самосознания.

¹ Куприянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Указ. соч. С. 40.

² Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // XVIII век: проблемы историзма в русской литературе: конец XVIII — начало XIX века. Л., 1981. С. 60.

³ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. VII. С. 136–137.

⁴ Орлов П. А. Трагедия Пушкина «Борис Годунов» и «История государства Российского» Карамзина // Филологические науки. 1981. № 6. С. 8.

⁵ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 10. С. 135.

⁶ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. 11. С. 72–73, 120.

⁷ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 85.

⁸ Пушкин А. С. Указ. соч. Т. X. С. 404.

М. ЙОВЧЕВА,

старший научный сотрудник Кирилло-Мефодиевского научного центра
Болгарской академии наук, доктор филологических наук (София, Болгария)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УРОКИ Д. С. ЛИХАЧЕВА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Обобщая деятельность Д. С. Лихачева, выдающийся болгарский ученый П. Динеков писал о том, что академик Лихачев, исследуя литературу прошлых веков, является одной из тех исключительных личностей своего времени, которые успели заглянуть в ее будущее. Перефразируя эту мысль, мы могли бы сказать, что Д. С. Лихачев не только заглянул в будущее литературы, но и задал перспективы дальнейшего развития литературно-исторической науки своими теоретическими постановками, находящими верификацию в исследованиях уже приблизительно двух поколений его учеников и последователей. Независимо от того, что в настоящее время медиевистика вышла на совершенно новый этап после преодоления некоторых идеологических ограничений, его концепты остаются краеугольным камнем для поисков современных ученых. Немалое количество исследований академика Лихачева посвящено культурному и духовному обмену славянских народов и, в особенности, — связям между древнеболгарской и древнерусской литературой, рассмотренным в рамках более динамического восприятия литературы как сферы различных культурных, книжных и языковых взаимодействий. Его взгляд на древнеболгарскую литературу и язык как на посредников в освоении и адаптации византизма и общехристианских текстов служит основой для изучения таких литературных явлений, как Первое и Второе южнославянские влияния.

По мнению Д. С. Лихачева, сущность постоянных интенсивных взаимоотношений между болгарской и русской литературой в средние века отражают:

1) типологическое своеобразие древнеболгарской литературы, которая с эпохи своего становления имеет и наднациональный, общехристианский характер (эта примета касается вообще средневековых литератур);

2) родство древнеболгарской с богатой и разноликой византийской литературой;

3) особенности церковно-славянского языка.

Закономерность этого непрерывного взаимодействия проистекает из одной основной необходимости (даже неизбежности), которую заметил русский ученый. Речь идет о христианско-православном единстве, но не только в смысле общности духовной и идеологической, а и в чисто прагматическом аспекте, так как это единство закреплено одинаково

вым богослужебным ритуалом, предполагающим использование общих ритуально-литургических и других богослужебных книг. Как не раз подчеркивал и Д. С. Лихачев, средневековые литературы характеризуются прежде всего своей функциональностью, связанностью с христианским культом (в широком значении этого понятия). На основе совокупности структурно-композиционного, тематического и функционального признаков их жанровая система конструируется по иерархическому принципу, согласно которому на первом месте оказываются словесные формы, непосредственно связанные с христианским ритуалом.

Историки богослужения выдвинули как основную типологическую особенность восточно-православного ритуала то, что он отличается таким сложным строем, для правильного осуществления которого необходимы весьма специфические литургические книги. Исходя из этих двух предпосылок — первостепенного места литургических жанров (и макрожанров), с одной стороны, и особого характера византийского обряда — с другой, можно уточнить, что общность славянских средневековых литератур в большой степени мотивирована литургическим единством.

По наблюдениям литургистов, корпус богослужебных текстов среди славян не переводится заново и целиком, если он уже существует в славянской версии — он просто дополняется, обновляется и приурочивается к новым требованиям к структуре и композиции. Эти тезисы подтверждаются таким явлением, как Первое южнославянское влияние X–XI вв., когда на Русь прежде всего пришел комплекс богослужебных книг, в состав которых входили как переводные, так и оригинальные произведения «золотой» эпохи древнеболгарской культуры. Четырьмя веками позже, в рамках Второго южнославянского влияния (которому Д. С. Лихачев посвятил свои замечательные труды), из балканских центров в Россию попал комплекс так называемых новоизводных книг, приуроченных к богослужению по Иерусалимскому уставу. Конечно, проникновение новых жанровых моделей (как, например, житий метафрастовского типа, служб тридельной структуры), нового стиля «плетение словес» и нового движения — исихазма, являются одними из эмблематических примет Второго южнославянского влияния, но этот широкий литературный и идейный

поток осуществился благодаря движению основного корпуса литургических и паралитургических текстов.

В связи с взаимовлияниями славянских культур Д. С. Лихачев не раз обращался к сущности церковно-славянского языка как инструмента средневекового литературного единства славянских народов, раскрывая также его наднациональный характер с точки зрения его функции. Дальнейшее развитие приемов функционального подхода в исследованиях лингвистов подтверждает то, что, терпя локальные адаптации, этот язык смог выполнять роль официального церковного языка *Slavia Orthodoxa* в течение многих веков и поныне только потому, что после афонско-тырновской редакции XIV в. он достиг такой формы, с помощью которой воспроизводил в самой высокой степени исходные греческие модели почти на всех уровнях. Орфографическая устойчивость в наборе и употреблении знаков, очищенность от регионализмов и архаизмов, стабильность словарного фонда и синтаксических средств, установленность систем самых важных христианских богословских и гносеологических терминов придали этому языку более нейтральный характер и создали предпосылки для его бытования в качестве письменного и устного церковного языка православного славянского (а не только славянского) мира.

Благодаря Д. С. Лихачеву, задана одна из фундаментальных опор современной медиавистики тем, что в его трудах текстология кристаллизовалась в самостоятельную науку со

всеми необходимыми для этого статуса компонентами: со своим объектом, принципами исследования, методологическим аппаратом, терминологической системой. На основе сборников неустойчивого состава и русских летописных сводов он показал необходимость в изучении не только языкового уровня (орфографии, фонетики, лексики, синтаксиса и т. д.), но прежде всего поставил основы текстологии как науки о комплексном анализе текста в связи с филологическими и культурно-историческими факторами. Введенное академиком Лихачевым понятие «конвой» для исследования письменной истории средневековых памятников по своей сути отражает необходимость в контекстуальном изучении отдельных текстовых «ансамблей». Этот подход можно успешно применять и по отношению к другим макрожанрам: например, сборникам устойчивого состава (миньям, триодям, октоихам) или композициям, включающим микроединицы неодинаковой жанровой принадлежности (службы, чинопоследования, литургии — они характеризуются открытой структурой, где разные тексты заменяются одни другими, но общая жанрово-композиционная схема остается вполне устойчивой). Самые актуальные разработки гимнографических книг в исследованиях выдающихся современных русских и болгарских ученых основываются на применении этого подхода. Интерпретации литературного произведения в контексте окружающих компонентов привели к полезным результатам, ставшим настоящей базой для реконструкции истории славянской песенной поэзии.

Д. Н. КАТЫШЕВА,

профессор кафедры искусствоведения СПбГУП, доктор искусствоведения,
член Союза театральных деятелей РФ, член Союза писателей РФ,
Заслуженный деятель искусств России

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕЖИССУРЫ В ЭКРАНИЗАЦИИ КЛАССИКИ

После участвовавших случаев, когда драматический театр «заказывает» классиков (намеренно их искажает), после антихудожественных экранизаций классики на телевидении («Женитьбы Фигаро» Бомарше, клиповых «блокбастеров» по произведениям Н. Гоголя) в стиле шоу-бизнеса, когда в ролях были замечены эстрадные «звезды», далекие от профессиональных основ актерского искусства, но рьяно выразившие свой кастовый гедонизм, возникла новая ситуация. На первом и втором каналах российского телевидения после длительного «третирования» маргинали-

зации извечной функции отечественного искусства — социальной диагностики, как выразился известный писатель Ю. Поляков, возникло обращение к классике с иных позиций.

Стремление приблизиться к смысловому стержню художественного текста, его духовной сущности — дорогого стоит.

К настоящему времени сложилось несколько режиссерских позиций в отношении к классическому тексту. Первая — режиссер-толкователь текста (формулировка А. И. Немировича-Данченко). Вторая — режиссерская концепция

по мотивам произведения. Третья — режиссерская версия текста со свободным с ним обращением, вплоть до явной смысловой деформации.

Когда это касается отдельного театра, как это случилось в постановке «Дон-Жуана» Мольера в Драматическом театре им. В. Ф. Комиссаржевской (спектакль удостоен «Золотой маски»), это полбеды. Но когда это выходит на телевизионные экраны к миллионной аудитории, то наносится удар по художественной культуре в целом. Она сохраняется и развивается не путем деформации, а благодаря интерпретации художественных текстов для передачи каждому новому поколению зрителей.

Телевизионные сериалы последнего времени («Идиот» Ф. Достоевского, «Мастер и Маргарита» М. Булгакова в постановке В. Бортко, «В круге первом» А. Солженицына в постановке Г. Панфилова) заметно отличаются по режиссерской позиции. Так, В. Бортко объявил, что он следует за первоисточником, текстом классика, стремясь быть верным не только духу, но и букве писателя. Возможна позиция иллюстратора, но тогда теряется цель экранизации.

Всякое классическое произведение имеет смысловой фонд, равный знаку в математике — бесконечности. И каждое поколение вступает в обратную связь с текстом, с тем его смысловым регистром, в котором есть созвучие его настроениям, мыслям и чаяниям. В связи с этим К. С. Станиславский вводит в режиссуре понятия сверх-сверхзадачи, сверхзадачи и сквозного действия. И в этом сказывается современное понимание художественного текста, во имя чего он переводится на язык сценического или экранного действия.

Но просто следовать за первоисточником, как провозглашает В. Бортко, ему не всегда удается. К примеру, в «Мастере и Маргарите» это сказывается на выборе актеров на роль. По тому, какие ему типажи предпочтительнее (а он исходит из критерия внешнего сходства, типажности), таких актеров он и выбирает на главные роли. И в этом уже сказывается истолкование романа. Режиссер отталкивается не от образов романа артефактов, а от их прототипов — самого Булгакова и его жены Елены Сергеевны.

Вспоминается высказывание Андрея Белого, который предлагает различать бытийную личность писателя от его образа в художественном тексте: «Не путайте Булгакова с Андреем Белым». Принцип типажности, внешнего сходства у режиссера обнаруживается при выборе актеров на роль Иешуа Ганоцри, Иуды. Метафорическая действительность в романе, перенесенная на экран, наполови-

ну приближена к документальному письму: обилие сцен с обысками чекистов, данных в монохроме (цвет документальной съемки). Да и внешнее описание персонажей в романе далеко не совпадает с ними на экране (Воланд — О. Басилашвили). Так что декларация «идти за образом, за романом» — весьма спорна. Всегда присутствуют диалогические отношения между режиссером и текстом, которые он стремится экранизировать или поставить на сцене. Иными словами — понимание творческой личностью художественного создания другой творческой личности.

Удача ожидает режиссера при экранизации классического произведения, если он рассчитывает на актера, актерский дуэт, ансамбль, которые способны создать полноценные образы на экране, а не просто «отработать фактуру», то есть внешние физические данные исполнителя. Ансамбль актеров Е. Миронова, В. Машкова, И. Чуриковой в экранизации В. Бортко «Идиот» Ф. М. Достоевского обеспечили успех сериала благодаря созданию многомерных образов, оказавшись на линии основного смыслового стержня этого литературного произведения. Аналогичное произошло в экранизации романа А. Солженицына «В круге первом» (режиссер Г. Панфилов).

Непосредственное участие автора романа в создании сценария фильма, его непосредственный писательский комментарий в ряде эпизодов и выбор актера Е. Миронова на главную роль Нержина — все это обусловило полноценную экранизацию знаменитого романа, ставшего классикой.

Одной из проблем кинорежиссуры является создание на экране образа великого поэта. Создатель жанра монотеатра, посвященного творческой личности, выдающийся актер Владимир Яхонтов, создавший на сцене образ Пушкина, Маяковского, Есенина, определил ряд закономерностей в воплощении великих поэтов. Среди них создание творческого портрета, воплощение лирического героя поэта, а не бытовой биографии. Но, к сожалению, сериал «Сергей Есенин» (режиссер В. Зайцев) менее всего представил великого национального поэта в процессе творческого акта, внутренних побуждений создания поэзии. Последнее в сериале исчезло.

Биографический материал, который вошел в сериал, в ряде эпизодов расходится с реальными фактами жизни поэта. Кроме того, проакцентированы сцены пьяных драк хулигана, забияки и сорванца, воплощение некультурности. Мощный культурный потенциал поэта-новатора, знатока мировой поэзии, страстно преданного своей Лире, успешного

необычайно много за свои 30 лет, мало сообразуется с героем сериала, ограниченного в интеллектуальном плане, «без царя в голове» в исполнении Сергея Безрукова. Проблема документально-художественного сериала, посвященного выдающемуся поэту, писателю остается проблемой.

Хочется присоединиться к известному пианисту Николаю Петрову, яркому противнику «смердящей попсы», мечтающему о том времени, «когда вход для людей, опошляющих и превращающих нашу великую русскую культуру, наконец-то будет наглухо закрыт»¹.

С. А. КИБАЛЬНИК,

ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом),
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)

СПОР О БЛАГОДАТИ (РУССКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ ПРОТИВ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА)

Экзистенциализм в России выразился, как известно², в большей мере в литературе, чем в философии. Особенно отчетливо он проявился у писателей младшего поколения первой русской эмиграции: Г. И. Иванова, В. В. Набокова, Б. Ю. Поплавского, Г. И. Газданова и др.

Романы Гайто Газданова «Пробуждение» (1965) и его предыдущий роман «Пилигримы» (1953–1954) занимают в его творчестве место, аналогичное «Идиоту» и «Братьям Карамазовым» в творчестве Ф. М. Достоевского. «Пробуждение» является чем-то вроде попытки создать образ «положительно прекрасного человека». Именно в необходимости «положительной философии» героиня романа Анна, вызволенная героическим самоотвержением Пьера Форэ из плена безумия, убеждает в романе его друга, журналиста Франсуа. В ответ Франсуа ссылается на одного из самых любимых Газдановым авторов — блаженного Августина³: «Вы должны, мне кажется, и у вас для этого есть все данные, это преодолеть и создать для себя самого какую-то положительную философию, которая была бы важнее, чем эта отрицательная оценка.

— Это мне напоминает спор блаженного Августина с Пелагием о благодати, — сказал Франсуа. — Но Пелагий еретик, как вы знаете»⁴.

В этом споре Августин, как поясняют нам авторы комментария к собранию сочинений Газданова, «отстаивал идею необходимости Божественной благодати, которая выводит человека из состояния греховности и тем самым спасает, в то время как Пелагий делал акцент на свободе воли и нравственно-аскетических усилиях самого человека, отрицая наследственную силу первородного греха»⁵. К этому комментарию хотелось бы добавить следующее.

Спор Пелагия с Августином был связан с тем, что учение последнего о непреодолимой Божественной благодати не требует активного участия человека в преодолении своей греховности. Солидаризируясь с подобной критикой Августина, В. С. Соловьев, например, писал, что христианство по существу своему понимает высшую задачу человеческой жизни (то, что теологически называется «спасением») как дело *богочеловеческое*, непременно требующее полноты участия как божественного, так и человеческого начала. Хотя в ереси был уличен именно Пелагий, но Августин, которого, между прочим, некоторые средневековые толкователи упрекали в манихействе, в сущности, тоже не был в этом вопросе выразителем ортодоксально-христианской точки зрения. По авторитетному суждению Соловьева об Августине, в споре своем с Пелагием и его учениками он не был всецело истинным представителем христианского сознания.

Ученики и последователи Пелагия в свою очередь также, по мнению Соловьева, удалялись от ортодоксального христианства, но в другом отношении: «...они забывали, что это формально самостоятельное человеческое начало может иметь положительное содержание и достигать должных результатов не от себя, а лишь через внутреннее и действительное участие человека в существенном

¹ См.: Шаблинская О. Николай Петров: «Милиция вытягивается, когда мимо проезжают воруги-олигархи»: интервью // Аргументы и факты. 2006. № 12 (1325). 22 мар. С. 17.

² См.: Семенова С. Г. Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика — Видение мира — Философия. М., 2001. С. 507–588.

³ См.: Орлова О. Газданов. М., 2003. С. 211.

⁴ Газданов Г. И. Собрание сочинений: в 3 т. / сост. и подг. текста Л. Диенеша, С. С. Никоненко, Ф. Х. Халдоновой; коммент. Л. В. Сыроватко, С. С. Никоненко, Л. Диенеша. М., 1996. Т. II. С. 544.

⁵ Газданов Г. И. Указ. соч. Т. II. С. 783.

доброе, всецело содержащемся в Боге»¹. У Соловьева учение Пелагия вызывало следующее ироническое сравнение: согласно ему, Бог представляется «в виде добросовестного, но живущего в другой стране опекуна, который издали заботится о благосостоянии своего питомца, никогда с ним не встречаясь»².

Важно иметь в виду контекст, в котором прозвучали выше приведенные слова газдановского героя. В ходе разговора с Анной и Пьером Франсуа развивает идеал «собственного душевного оазиса», в котором человек огражден, «насколько это возможно, от вмешательства этого государственного аппарата», и своеобразной мизантропии, при которой человек забывает обо всем плохом и помнит только обо всем хорошем. При этом он оговаривается, что сам он таким не создан, в то время как у Пьера «этот оазис существует»³. Возражая ему, Анна говорит: «Допустим, что ваш мрачный взгляд на вещи совершенно оправдан. Но это отрицательное суждение о многих вещах — это только одна часть вашей задачи, вашего назначения на земле»⁴. И именно здесь звучит ремарка о необходимости «положительной философии».

Таким образом, ассоциация со спором Августина с Пелагием возникает у Франсуа по поводу способности человека к преодолению собственной греховности. В реплике Анны: «Вы должны, мне кажется, и у вас есть все данные, это преодолеть и создать для себя какую-то положительную философию...» — ключевые слова: «вы должны...». На самом человеке лежит ответственность борьбы со злом. В ответ Франсуа, хотя и вспоминает, что учение Пелагия было признано ересью, все же соглашается, что «нужно было бы это

преодолеть», однако прибавляет: «Но не все это могут». И наконец в этот спор вступает Пьер, который говорит Франсуа: «Конечно, не все <...>. Но ты, я думаю, — больше, я уверен, — ты это можешь»⁵.

При этом Пьер бросает критическую реплику об Августине: «...он всюду пишет — да, я грешен, но Ты, Господи, Ты знал это — и так далее — так, точно у Господа Бога было только одно занятие — следить за тем, что делает или чего не делает блаженный Августин»⁶. В контексте выше воспроизведенного разговора это аргумент в пользу позиции Пелагия, который критиковал Августина именно за возведение всей ответственности только на Господа. К тому же вся эта дискуссия служит теоретическим базисом для осмысления практического деяния Пьера в частности и реального добра вообще. Принимая это во внимание, а также учитывая, что Франсуа испытывает в конце этого вечера «что-то похожее на начало нового понимания жизни»⁷, верх в романе в конце концов явно берет позиция Пелагия.

В годы после Второй мировой войны русский экзистенциализм у того же Газданова («Призрак Александра Вольфа», 1947–1948), как и западный («Чума» А. Камю, 1947) отказывается от прежней зачарованности смертью и абсурдом. Однако при всей коррекции экзистенциальной философии некоторые из ее положений — начиная хотя бы с понятия, вынесенного в заглавие, — ощущаются в романе Газданова «Пробуждение» как первоначальный каркас. Так, в образе главного героя романа воплощен идеал «индивидуального поступка», характерный, в частности, также для Г. Марселя⁸.

В. А. КОБЫЛЯНСКИЙ,

заведующий лабораторией по комплексному изучению человека Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук, член-корреспондент РАН (Чита)

МАРКС И ИЛЬИН: К ПРОБЛЕМЕ ГАРМОНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ

Гармонизация современной российской жизни — актуальная задача нашего времени, и ее решение требует соответствующего теоретического осмысления. В истории общественной мысли существовали разные подходы к анализу проблем гармонизации отно-

шений между людьми. Ярким примером различного понимания причин несправедного устройства социума и путей его гармонизации

¹ Соловьев В. С. Пелагий // Христианство: энцикл. слов. М., 1995. Т. 2. С. 379–380.

² Там же.

³ Газданов Г. И. Указ. соч. Т. II. С. 543.

⁴ Газданов Г. И. Там же. С. 544.

⁵ Газданов Г. И. Указ. соч. Т. II. С. 544.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ «Ценность, — пишет Эдгар Сотио, комментатор Марселя, — апеллирует к единичному сознанию, включенному в частный поступок; она воплощается в индивидуальном поступке, совершить который надлежит только данной личности — и никакой другой» (*Sottiaux Ed. G. Marcel, philosophe et dramaturge. P., 1956. P. 337*).

являются позиции Карла Маркса и выдающегося русского мыслителя первой половины прошлого века Ивана Александровича Ильина.

Согласно Марксу, корни всех общественных проблем эпохи капитализма лежат в особенностях взаимоотношений капиталиста и наемного работника. То, что при определенных условиях для капиталиста выступает присвоением, для наемного работника оборачивается отчуждением. Отчуждение труда наемного работника выступает фактором обогащения капиталиста, а труд прошлых поколений, как и труд ныне живущих людей, используется капиталистом против самого же трудящегося. «Поэтому, — писал Маркс, — уничтожение частной собственности означает полную *эмансипацию* всех человеческих чувств и свойств; но оно является этой эмансипацией именно потому, что чувства и свойства эти стали *человеческими* как в субъективном, так и в объективном смысле»¹.

Выполнив свою цивилизаторскую миссию по очеловечиванию человеческих чувств и свойств, капитал исчерпывает себя, власть капитала и вообще вся власть частной собственности должна быть ликвидирована. Уничтожение частной собственности является с этой точки зрения кардинальным условием решения всех общественных проблем.

Известно, что приоритет в подобной постановке проблемы не принадлежит марксизму. Достаточно упомянуть Платона, Т. Кампанеллу, Т. Мора. Однако, как показывает социальная практика, реальная жизнь намного сложнее, чем это может показаться даже самому строгому и изощренному логикой уму. Уничтожение частной собственности не означает автоматического возникновения рая на земле.

Наряду с ярыми противниками частной собственности были, есть и, надо полагать, будут горячие ее сторонники. К числу последних относился И. А. Ильин. Не отвергая места и роли (в каждом конкретном случае своего места и своей роли) государственной, муниципальной собственности, он считал, что именно частная собственность есть наиболее адекватная, данная нам Богом, форма индивидуального способа бытия человека. По его мнению, «отмена частной собственности не только не дает людям освобождения, но отнимает у них всякую и последнюю свободу», и в этих условиях «все превращаются в пролетариев, а у пролетариев отнимаются все возможности защищать свои классовые

и профессиональные интересы (исчезает частная конкуренция, нет свободных профессиональных союзов, свободной печати, кооперации и т. д.)»².

И. А. Ильин особо подчеркивал, что признание необходимости, целесообразности, верности института частной собственности не означает оправдания любого и всякого распределения имущества или, тем более, любого и всякого *злоупотребления* имуществом (ростовщичество, эксплуатацию и т. д.). Оно не означает также апологетики всех наличных законов и законодательств, регулирующих этот институт. Общественный строй, возникший на базе частной собственности, создает немало проблем. Но для их решения требуется не отрицание частной собственности, а «*внутреннее воспитание и просвещение* человеческого существа; с тем, однако, чтобы постоянно отыскивать и проводить те духовно-верные и целесообразные *государственные мероприятия*, которые могли бы внешним образом исправить внешние последствия внутреннего несовершенства людей»³.

Строй частной собственности должен, по И. А. Ильину, максимальным образом социализироваться. «Чувствовать и действовать “социально” — значит, — писал он, — прежде всего признавать на деле начало христианской любви и братства; это значит, далее, руководиться не *уравнивающей* справедливостью (“*всем поровну*”), а *распределяющей* (“каждому свое, кто чего заслужил”); это значит — оберегать слабых, нуждающихся, больных и беспомощных; связывать благополучие целого с благоденствием личности; и, наконец, будить и поощрять во всех слоях народа качественные, творческие силы человеческого инстинкта и духа»⁴. Таким образом, «частная собственность должна быть не отвергнута, а принята и утверждена, но только в новом виде, подлинно христианском, освященном ответственностью перед Богом и людьми»⁵. Через необходимость поиска человечеством «новой социальной идеи» частная собственность у И. А. Ильина возвышается до нового социального понимания собственности.

Нетрудно видеть, что, полемизируя с противниками частной собственности, И. А. Ильин подвергает резкой критике прежде всего фундаменталистские представления о социализме, требующие радикального решения проблемы частной собственности. Ущербность

² Ильин И. А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. М., 1993. С. 276.

³ Там же. С. 284.

⁴ Там же. С. 285.

⁵ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Путь к очевидности. С. 106.

¹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М., 1974. Т. 42. С. 120.

этих фундаменталистских представлений в какой-то мере осознавалась уже В. И. Лениным. Введение новой экономической политики в 1920-е гг. было результатом этого осознания, к сожалению, не доведенного до логического завершения. Китайский опыт последних десятилетий, с целью получения новых, дополнительных стимулов к труду, продолжил корректировку социалистического курса страны, направленную на своеобразную «капитализацию» социализма и перевод его на рыночные рельсы.

В настоящее время многие ученые и политики, в том числе стоящие на социалистических позициях, признают, как само собой разумеющееся, многообразие форм собственности для успешного развития общества. Если это признание искреннее и дополняется осознанием роли духовного фактора, в том числе традиционных религий в современном обществе, то прежнее идеологическое противостояние между социализмом (как обществом социализированных и одухотворенных производителей — «цивилизованных кооператоров») и «свободным обществом» (ответственных перед Богом и людьми собственников) исчезает.

И. А. Ильин был горячим сторонником частной собственности. Однако он не был безразличен к судьбе людей, лишенных собственности. Его основное кредо таково: «Иметь частную собственность и проистекающую из нее хозяйственную самостоятельность есть великое благо. Чем меньше людей лишено этого блага, тем лучше. Чем больше людей оторвано от собственности, тем несправедливее общественный строй, тем менее жизнеспособно государство»¹. Сегодня эти слова звучат весьма актуально.

Маркс был ярким противником частной собственности и основанного на ней буржуазного общества. Он смотрел на проблему глазами человека, лишенного собственности. Нарисованная же им неприглядная картина пороков, вырастающих на основе частной собственности, не выдумана Марксом. Она есть отражение реальной действительности (и когда-то, и сейчас).

В настоящее время в стране отвергнут путь «по Марксу». Хотелось бы, чтобы она пошла путем «по Ильину». Однако мы только в самом начале пути. Изучая И. А. Ильина, нам не следует забывать и К. Маркса. Если первый акцентирует на том, как *должно быть* устроено социально-ориентированное общество с частной собственностью, то второй все еще ценен для знания того, каким *может быть* (и *бывает*) общество с частной собственностью или, говоря иначе, каким *не должно быть человеческое общество*.

Истинное значение трудов И. А. Ильина и других русских мыслителей первой половины XX в., пришедших к читателю в самые последние годы и актуальность которых в наши дни стремительно возрастает, не ослабевает и не умалывается от признания позитивных моментов в марксистском учении об обществе. В этом учении на достаточно высоком для своего времени научном уровне во многом справедливо изображена горькая правда жизни — жизни по необходимости. Зачеркивая марксизм как явление общечеловеческой культуры, мы оказываемся неспособными понять действительное величие и актуальность нашего национального наследия.

А. Б. КУДЕЛИН,

академик РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов,
доктор филологических наук, профессор (Москва)

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сегодня мы пытаемся обсуждать действительно очень серьезные, наболевшие вопросы глобальной проблемы, обозначенной нами как «Язык и культура в эпоху глобализации», и творчество Д. С. Лихачева — одна из сторон этого обсуждения.

Я был знаком лично с Дмитрием Сергеевичем и могу сказать, что этот человек был удивительный. И прежде всего потому, что он никогда не навязывал свои мысли и не

требовал, чтобы эти мысли были раз и навсегда определены первыми. В то же время то, что он говорил, всегда давало импульс для некоего развития, движения вперед.

Не стоит утверждать, что нечто сказано раз и навсегда и больше меняться не будет. Работы Дмитрия Сергеевича так хороши именно потому, что они давали возможность развиваться, применять их к новым условиям. Соответственно, и его идеи развивались, потому что, если какое-либо учение или что-то творчество «останавливается» в своем развитии, оно умирает.

¹ Ильин И. А. Путь духовного обновления // Путь к очевидности. С. 286.

Сегодня здесь возник актуальнейший разговор о взаимовлиянии равноправных культур и языков в эпоху глобализации.

И я хотел бы подчеркнуть, откликаясь на доклад нашей коллеги из Казахстана и другие выступления, что в российской науке оппонентов данной теме нет, о чем свидетельствуют доклады на нашем форуме представителей крупнейших научных центров страны — Института мировой литературы, Института языкознания, Института лингвистических исследований и многие другие. Для нас нет ни малых народов, ни малых культур, ни малых языков.

В то же время целый ряд штампов крепко вошел в наше сознание и речь. Так, в 1992 г. мы отмечали 500-летие открытия Америки. Мы даже не вдумываемся в смысл этих слов «открытие Америки». Открыть можно Антарктиду, где жили одни пингвины, но открыть целый континент — Америку, где до нас были потрясающие цивилизации мирового значения, которые теперь изучают ученые, это своего рода нонсенс. И что же принесло этой древней культуре европейское ее «открытие»? Несколько миллионов индейцев были уничтожены вместе с их древней культурой, традициями и языком, ныне известным лишь узкому кругу специалистов.

В Институте мировой литературы недавно вышла в свет многотомная «История литературы Латинской Америки». Это совершенно новая постановка вопроса. В связи с этим у меня есть обращение к ученым всего мира: мы должны работать вместе, объединить усилия, чтобы сохранить культуры и традиции всех народов земли. Ведь не секрет, что в силу глобалистских тенденций развития мира многое из национального наследия отдельных стран находится на грани полного исчезновения из памяти человечества.

Знаете, как-то будучи в Киеве, я прошелся по Крещатику и не смог найти ни одного диска или пленки с украинской национальной музыкой. Везде на прилавках лежат те же самые дурацкие, «попсовые» вещи, которые я видел и в Москве. А я хотел купить запись оперы Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем», которую люблю и помню с детства, и не смог найти.

Понимаем ли мы, отдаем ли себе отчет в том, насколько страшные вещи происходят сегодня с нашей культурой?.. Каждая национальная культура должна вводиться в мировую культуру с тем, чтобы ее достижения стали доступны и другим народам. Это одна из самых насущных задач нашего времени.

И еще один важный момент. Мы с удовольствием ругаем то, что было в советский период, предполагая, что сейчас живем в лучшее время. Но давайте подождем еще 50–100 лет и тогда посмотрим, как выглядит то,

что делается теперь, особенно по отношению к национальным культурам. На самом деле, это тяжелое время. Когда я был во Франции, мне говорили: «Вот теперь вы свободные» и пр. Но есть и обратная сторона этого. Так, во Франции, например, есть мемориальная доска Шандора Петафи. А у нас уже никто не знает, что это был венгерский поэт. В Советском Союзе он выходил 100-тысячными тиражами, а сейчас никто не возьмется издать даже 2–3 тысячи его книг. Также Мухтар Эуэзов, Абаи издавались сотнями, тысячами экземпляров и купить было нельзя. То есть мы широко пропагандировали венгерскую, казахскую и многие другие культуры в России. А что видим сейчас?.. Поэтому говорить о том, что раньше все было плохо, а сейчас хорошо, просто глупо.

Мы должны очень многое делать для того, чтобы сейчас менялась ситуация к лучшему. Я солидарен с тем, что было сказано в адрес работы Марины Владимировны Пластановой — это сотрудница нашего Института. Зачеркивать то, что было сделано в изучении мировой литературы и культуры невозможно. Сама идея «Западно-восточного дивана» навеяна у Гете стихом из Корана. Смысл ее в том, что Богу принадлежат Восток и Запад, и Он ведет людей правильным путем, и от этого пошла идея единства мировой культуры. Гете изучал арабский язык и писал о Востоке. Именно он впервые в западной литературе высказал мысль о том, что все в мировой культуре имеет право на жизнь, уважение и пр.

Институт, который я имею честь возглавлять, по праву носит название Института мировой литературы. Как-то на одной из наших конференций выступали представители литовского консульства и посольства, приехала большая группа поэтов и писателей, и зашел разговор, может ли литовский, эстонский или другой поэт или писатель сегодня стать лауреатом Нобелевской премии. Большинство сошлись на том, что это совершенно невыносимая вещь. Кто читает на малоизвестном языке маленького народа? В Институте языкознания или в Институте лингвистических исследований изучаются 32 языка. Например язык Дагестана... Может быть, несколько сот человек говорят на данном языке, но это — ценность мирового значения. Любой язык — ценность мирового значения.

В эпоху глобализации нельзя забывать, что существуют культуры многих народов, которые должны войти в культуру XXI века и на тысячу лет вперед как единое общечеловеческое достояние. Таков завет Д. С. Лихачева. Думаю, что все мы в этом едины. И мы, как ученые-лингвисты и просто интеллигентные люди, обязаны сохранить это знание для будущих поколений.

С. М. ЛАРЬКОВ,

председатель Городской секции библиофилов Санкт-Петербурга

Д. С. ЛИХАЧЕВ О РОЛИ КНИГИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Текст, литература, книги — вот объекты изучения академика Д. С. Лихачева, а сделанное им стало гигантским вкладом в отечественную и мировую науку. Достигнутое он стремился донести до широкого круга читателей без популярщины, которую сам не переносил. Имя Д. С. Лихачева приобрело широкую известность в 1970-х гг., когда Добровольное общество любителей книги (1974) только начинало свою деятельность, и вышла его книга «Великое наследие» (1975) о классических произведениях литературы Древней Руси.

Как откровение прозвучали слова Д. С. Лихачева: «От своего начала и до последних дней русская литература едина в своем развитии. Она всегда была совестью народа»¹, поэтому древнерусская литература читается с таким же интересом, как и современная. Своими работами ученый пробудил живой интерес к родной истории, мыслям, чувствам и переживаниям наших предков, запечатленным в древнерусской литературе. Всей своей жизнью он убедительно показал, как важна компетенция, глубокий профессионализм, пусть и в сравнительно узкой сфере, для того чтобы иметь право высказывать свое суждение по актуальным вопросам жизни современного общества. Именно поэтому его негромкий голос был очень хорошо слышим, к нему тянулись люди, и его участие во многих общественных инициативах было желательным. Пример тому — членство в Секции книги и графики (СкиГ) Дома ученых и Городской секции библиофилов (ГСБ) Санкт-Петербурга.

Будучи председателем редколлегии серии «Литературные памятники», на заседании ГСБ № 350, состоявшемся 26 декабря 1979 г., Д. С. Лихачев сделал сообщение, посвященное 30-летию ее существования. Вот что было тогда им сказано и сохранилось в записях Почетного члена ГСБ Б. Е. Казанкова (публикуется впервые, в сокращении). В них говорится, что о себе докладчик говорил мало, отметив только, что вырос на казенной квартире Печатного двора, где его отец работал полиграфистом. Некоторое время в доме находилась на хранении библиотека директора ОГИЗа И. И. Ионова, копание в ней родило глубокий интерес и любовь к книге будущего ученого.

«Серия возникла стихийно, в 1948 г., в связи с приездом в Советский Союз премьер-министра Индии Дж. Неру, желавшего посетить могилу Афанасия Никитина, приобрести его книгу «Хождение за три моря» и увидеть Суздаль. Оказалось, что могила не сохранилась, а последнее издание выходило сто лет тому назад. Президент Академии наук С. И. Вавилов решил срочно издавать «Хождение за три моря». С этой целью он обратился к академику Б. Д. Грекову, тот, в свою очередь, подключил члена-корреспондента В. П. Адрианову-Перетц. Стали находить и приглашать для работы специалистов. Так родилось новое издание «Хождения за три моря».

И это в 1948 г., сразу после Нюрнбергского процесса, во времена разгула расизма в США! Серия «Литературные памятники» — начинание, которое стало утверждать принципы равноправия культур, гуманизма, интернационализма. Нет культур низших и высших! Была цель охватить все континенты, все народы, все страны. Мы расширяем понятия всемирной истории и литературы. Каждый памятник — открытие для читателя, новинка, не популярщина, серьезная литература, для серьезного чтения. Издательские планы разрабатываются ИМЛИ и ИРЛИ; идейная позиция — интернационализм. На переплетах был утвержден развернутый свиток в обрамлении лавровых ветвей. В оформлении серии от многого пришлось отказаться: от золотого обреза, использования краски, ляссе; не получилось одинакового корешка, большие трудности при создании суперобложки в стиле своей эпохи...»².

Из представленного текста видно, как велась работа над отдельным памятником и серией в целом. Еще нет лаконичных формулировок в понимании того, что такое «Литературные памятники», наметились только подходы к тому, что зафиксировано в Справочнике³. Это были размышления вслух — ход мысли выверялся в открытом обсуждении на заседании Секции.

Восхищение книгой сохранилось у Д. С. Лихачева на всю жизнь, а увлеченность библиофильством имела для него «служебное значение», и все переросло в дружеские отношения с людьми, «зараженными» книжным собирательством. Это было естественным для

¹ Цит. по: *Дневниковые записи* Б. Е. Казанкова. Авторграф. Личный архив Б. Е. Казанкова.

² Там же.

³ *Литературные памятники: справочник* / сост. Д. В. Ознобишин; АН СССР. М., 1984.

человека, посвятившего жизнь русской культуре, книге, и эти связи не прерывались, когда он был избран членом ряда знаменитых иностранных университетов, стал выдающимся общественным деятелем. В связи с этим уместно напомнить о написанной совместно с председателем ГСБ Я. Б. Рабиновичем статьей «Книголюб — это состояние души»¹.

Именно состояние души двигало автором, при всей его огромной занятости, когда писались предисловия к книге «Всадники» Виктора Соснора (1969)² и сборнику «Стихотворения» Александра Кушнера (1986)³. Эти критические заметки о двух замечательных поэтах России, написанные под «знаком общности людей», дают яркое представление о Лихачеве-читателе. Для библиофилов самостоятельное значение имеют работы ученого:

— «Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [П. Н. Беркова]»⁴;

— «Поэзия труда библиографа»⁵;

— «Крупное явление советской культуры»⁶ и др.

Свое отношение к ценителям книги, их деятельности академик Лихачев высказал в напутствии, открывающем первый выпуск знаменитого альманаха «Невский библиофил», изданного Ленинградским обществом библиофилов (СПб.: Сударыня, 1996): «Желаю библиофилам Петербурга по-прежнему владеть сердцами и умами нашего великого своей культурой города».

В настоящее время активно обсуждаются всевозможные проекты по увековечиванию памяти великого ученого, гражданина, чей образ в сознании каждого является олицетворением истинно русского интеллигента, в ком непреклонное следование высоким нравственным принципам, научной этике было линией жизни, сформировавшей истинно

русский характер во всех его высших достижениях. Личность Д. С. Лихачева выделяется даже среди коллег по Клубу Почетных граждан Санкт-Петербурга. Можно напомнить об Обращении, подписанном академиком Д. С. Лихачевым, профессором В. Петрицким, известными библиофилами А. С. Коровченко, В. В. Манукьяном, Ю. В. Маретиным, Я. Б. Рабиновичем, где высказывалась необходимость создания в нашем городе Центра Книги. Беспокоила ученого судьба редчайших книг, в большом количестве увозимых на Запад, из-за колоссальной разницы в ценах антикварной книги там и у нас: «Буду стремиться к созданию Музея современного искусства... У нас нет и специального “Музея XX века”»⁷.

Создание Культурного центра имени чтемого деятеля (Джона Кеннеди, Франсуа Миттерана и др.) — наилучший способ сохранить его имя в истории. Тем более что в данном случае это может восприниматься как исполнение воли человека, его завещания.

Фигура ученого во многом репрезентативна для XX в., и потому библиотека, рабочий кабинет Д. С. Лихачева могли бы занять достойное место в экспозиции, отведенной этому историческому периоду в «Музее личных книжных собраний» — части Культурного центра. Найдется там место и традиционному Музею Книги, отсутствие которого в культурной столице России — нонсенс (это история письма от его зарождения в доисторическую эпоху до времен Интернета). Параллельно можно развернуть экспозиции:

— Духовная эволюция человека, представленная библиотеками разных эпох (Примеры тому «Кабинет Фауста» в Российской национальной библиотеке, «Библиотека Петра I» в Библиотеке Академии наук и др.).

— Всемирная история библиотек. Раритеты знаменитых хранилищ.

— Научно-техническая книга в истории цивилизации.

— Книга как предмет коллекционирования с Каталогами личных собраний.

— Эксиблирис и издательская марка; Детская книга в истории; Звучащая книга.

— Книжная иллюстрация. Шедевры книжного искусства.

Культурный центр им. Д. С. Лихачева — вот, что способно достойно сохранить память о вкладе в русскую культуру, сделанном ее великим подвижником, что очень нужно россиянам в этот сложный этап истории, что будет работать на будущее России.

Очень нужен Человек, который подобно Дмитрию Сергеевичу был бы открыт для всех и, как он сам, болел бы за наш любимый

¹ Лихачев Д. С., Рабинович Я. Б. Книголюб — это состояние души // Наука и жизнь. 1987. № 3. С. 6–9.

² Лихачев Д. С. Поэт и история // Соснора В. А. Всадники. Л., 1969. С. 5–10.

³ Лихачев Д. С. Кратчайший путь: [О поэзии А. С. Кушнера] // Кушнер А. С. Стихотворения. Л., 1986. С. 3–12.

⁴ Лихачев Д. С. Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности [П. Н. Беркова] // Павел Наумович Берков (1896–1969) / библиогр. сост. Р. И. Кузьменко и Н. Д. Кочетковой. М., 1982. С. 8–31. (Материалы к библиогр. ученых СССР. Сер. Лит. и яз. Вып. 14).

⁵ Лихачев Д. С. Поэзия труда библиографа // Библиография в моей жизни: ученый, писатель, рабочий, инженер о роли библиогр. в их работе и творчестве: сб. очерков / ред.-сост. А. Г. Глухов. М., 1984. С. 43–45.

⁶ Лихачев Д. С. Крупное явление советской культуры // Левидов А. М. Литература и действительность. Л., 1987. С. 3–7.

⁷ Лихачев Д. С. Книга беспокойств. М., 1991. С. 388.

город, за русскую культуру, за страну, с которым можно было бы конструктивно обсудить поднятую проблему. Но заменить Д. С. Лихачева способен разве что коллективный Разум. Главное, чтобы он нашелся. А пока — в серии «Жизнь замечательных людей» издан том, посвященный террористу С. Нечаеву;

исчез клочковский магазин «Букинист» (СПб., Литейный, 59) и многое другое. И в обществе нет сил этому противостоять, а социальная напряженность из-за невозможности реализовать книгу все больше возрастает.

Вот, если бы был жив Дмитрий Сергеевич...

И. П. ЛЫСАКОВА,

заведующая кафедрой межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук (Санкт-Петербург)

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ ГОРОДА

Одобренный Советом Федерации РФ в 2005 г. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» обязывает обеспечить получение образования на русском языке в государственных и муниципальных образовательных учреждениях, принять меры по совершенствованию системы подготовки специалистов *русского языка как неродного*. Выполнение данного закона будет способствовать *гармонизации межнациональных* отношений в школьных коллективах и решению вопросов создания *толерантной* среды в регионе. Нерусскоязычные дети должны научиться свободно общаться на русском литературном языке, включая функциональные стили, чтобы успешно получить аттестат зрелости и поступить в высшее или специальное учебное заведение для *вхождения* в русскоязычное пространство Санкт-Петербурга и России на *равных правах* со всеми выпускниками школ.

Петербург — традиционно многонациональный город, в котором русские составляют доминирующее большинство населения. Однако здесь проживают и сотни тысяч представителей различных национальных меньшинств. В 1989 г. это были представители почти 130, в 2002-м — 138 национальностей, из которых четыре — украинцы, белорусы, евреи и татары — являются наиболее многочисленными. Население Петербурга, независимо от национальной принадлежности, получает образование в учебных заведениях на русском языке. Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» обязывает использовать русский язык во всех сферах государственной жизни, поэтому для успешной профессиональной деятельности всем учащимся из семей беженцев и переселенцев необходимо хорошее владение русским язы-

ком. Усилившиеся в последние 10 лет процессы миграции населения из бывших союзных республик привели к тому, что в Петербурге появились школы, в которых состав учащихся до 30 % является многонациональным. Например, в школе № 462 Пушкинского района г. Санкт-Петербурга на 1 сентября 2005 г. 29 % от общего числа учеников составляли армяне, цыгане, белорусы, украинцы, татары, грузины, агулы, азербайджанцы. Школа с таким контингентом представляет собой новый тип школы — *полиэтническая школа*.

На филологическом факультете РГПУ им. А. И. Герцена (кафедра межкультурной коммуникации) с 2003 г. действует *бакалаврская* образовательная программа «Русский язык как неродной и русская литература», которая готовит преподавателей русского языка как иностранного. Трудности, с которыми сталкиваются преподаватели при работе по этой программе, связаны не только с отсутствием учебных материалов по основным дисциплинам методической подготовки студентов, но и с организацией педагогической практики в школах с полиэтническим составом учащихся.

Кафедра межкультурной коммуникации с помощью собственного мониторинга нашла такие школы в Адмиралтейском, Центральном, Калининском, Василеостровском, Пушкинском и других районах Санкт-Петербурга. В этих школах есть классы, в которых до 30 % учащихся не владеют русским языком с раннего детства. И хотя в таких классах реализуется российский национальный образовательный стандарт, в условиях полиэтнического контингента обучаемых учитель не может справиться с выполнением программы по русскому языку, так как в одном классе учатся и дети, для которых русский язык является *родным*, и дети, для которых он иностранный.

Для подготовки квалифицированных кадров преподавателей в 2005/06 учебном году на филологическом факультете РГПУ им. А. И. Герцена помимо действующей бакалаврской программы «Русский язык как неродной и русская литература» была открыта магистерская программа «Теория и практика обучения межкультурной коммуникации в полиэтнической и поликультурной среде». Высококвалифицированный преподавательский состав кафедры межкультурной коммуникации (четыре доктора, восемь кандидатов наук) и приглашенные преподаватели с других факультетов РГПУ им. А. И. Герцена разработали авторские программы таких курсов, как: *Основы теории коммуникации, Этнопсихологические основы обучения неродному языку, Дидактическое регионоведение, Освоение русского языка как родного и неродного, Речевые контакты в полиязычном обществе, Актуальные проблемы изучения национального коммуникативного поведения, Религиоведение* и др.

Сейчас на кафедре межкультурной коммуникации РГПУ им. А. И. Герцена сформиро-

вался Научно-методический центр подготовки преподавателей русского языка как неродного. В структуре этого центра — проблемная группа, школы с полиэтническим компонентом, волонтеры-студенты, научно-методическая лаборатория (обработка материалов практикумов: курсовые — бакалаврские — магистерские диссертации), курсы повышения квалификации преподавателей.

Недавние события во Франции показали, насколько актуальны проблемы воспитания толерантности в современном поликультурном мире. Эти проблемы прежде всего связаны с обучением школьников *языку* страны проживания и знакомству с ее *культурой*. Чтобы погасить проявление межнациональной неприязни, надо при обучении мигрантов русскому языку создавать условия психологического комфорта: проводить занятия в обстановке уважения к родному языку учащихся и в режиме диалога культур учить образцам русской речевой культуры общения в разных сферах жизни города.

Г. А. МАРТИНОВИЧ,

профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук

БЫТОВОЕ ПОНЯТИЕ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА

В своих последних исследованиях профессор СПбГУ В. В. Колесов значительное внимание уделяет рассмотрению *концептума* (или *концепта*), который на определенных основаниях противопоставляется *концептусу* (или *понятию*)¹. При этом подчеркивается, что концепт (концептум) «направляет мысль говорящих на данном языке, определяя их выбор и создавая потенциальные возможности языка-речи»². В то же время практически вне поля зрения ученого оказывается представление о так называемом *бытовом понятии*. Однако в научный обиход уже достаточно давно были введены такие категории, как *бытовое сознание, бытовая картина мира, бытовое понятие*³.

Так, еще в 70-е гг. XIX в. А. А. Потемня разграничил *ближайшее* и *дальнейшее* значения слова, о которых писал следующее:

¹ См.: Колесов В. В. Философия русского слова. СПб., 2002.

² Там же. С. 64.

³ Вместо слова *бытовой* в данных словосочетаниях употребляются также *наивный, обывательский, обыденный* и некоторые другие.

«...под значением слова вообще разумеют две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовем *ближайшим*, другую, составляющую предмет других наук, — *дальнейшим значением слова*. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова»⁴; «...ближайшее значение слова *народно*, между тем дальнейшее, у каждого различное по количеству и качеству элементов, — *лично*. Из личного понимания возникает высшая объективность мысли, научная, но не иначе, как при посредстве народного понимания, то есть языка и средств, создание которых условлено существованием языка. Таким образом, область языкознания народно-субъективна. Она сопрягается, с одной стороны, с областью чисто личной, индивидуально-субъективной мысли, с другой — с мыслью научной, представляющей наибольшую в данное время степень объективности»⁵. В принципе, это и есть

⁴ Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2. С. 19.

⁵ Там же. С. 20.

противопоставление понятий: *бытового* (*наивного*), ясного всем говорящим на *данном языке*, и научного, не зависящего от языка и осознаваемого каждым человеком в той или иной мере, только в зависимости от степени его образования, количества приобретенных знаний, меры «учености» и тому подобного (*личного* именно в этом смысле).

Собственно научные (строго логические, интернациональные, не зависящие от языка, не допускающие логического круга в своих определениях и т. п.) понятия бесконечно приближаются, как хорошо известно, к *объективному* отражению в человеческом сознании *объективно* существенных признаков предметов и явлений. Они фиксируются в энциклопедических словарях и участвуют в формировании научной картины мира, *научного мировоззрения*.

В бытовых понятиях отражаются не только наиболее существенные (научно значимые), но и мало существенные признаки предметов и явлений — признаки, существенные с точки зрения того или иного коллектива, социальной или профессиональной группы, территориального сообщества, всего народа и так далее и *всегда существенные* с точки зрения «наивного» языка. Бытовые понятия, как правило, национально окрашены и выявляют не черно-белую (то есть собственно научную: род — вид, плюс — минус, ноль — единица и т. д.), а разноцветную, мифическую и поэтическую картину мира¹. Они «живут» по своим наивным правилам — не являются строго логическими, интернациональными, зависят от языка, допускают логический круг в своих определениях и т. п.

Бытовые понятия фиксируются в лингвистических словарях в качестве концептуальных ядер лексических значений знаменательных слов и участвуют в формировании бытовой (наивной, языковой) картины мира, национального *миросозерцания*.

Чрезвычайно важную роль, по нашему мнению, играют бытовые (наивные) понятия и во всех лексико-семантических процессах языка, в самом становлении его семантической системы. Так, есть достаточные основания полагать, что семантические возможности слова заложены в бытовом понятии, являющемся ядром его исходного (часто и основного) значения. Это значение само по себе уже детерминирует возможность наличия у этого слова определенных производных значений, которые где-то (в одной из сфер на-

ционального языка), когда-то (в один из периодов его исторического развития), как-то (случайно, окказионально или же системно, устойчиво) должны проявиться². Покажем сказанное на примере проведенного нами изучения семантической структуры глагола *пасть* в русском национальном языке XIX–XX вв.³

Глагол *пасть* (*падать*) общеславянского происхождения, восходящий к праславянскому **padti* (*padti — patti — pasti — past'*), которое обычно сближают с индоевропейским корнем **pod* ('пол, низ, дно')⁴, явившимся в свое время *одним из* семантических признаков ('низ'), участвовавших в формировании исходного значения рассматриваемого глагола — значения 'переместиться сверху *вниз* под действием собственной тяжести; упасть, свалиться'. Однако дальнейшее развитие семантики этого слова шло по трем магистральным направлениям, обусловленным отвлечением определенных признаков от концептуального ядра (бытового понятия) этого исходного значения — 'перемещение сверху вниз под действием собственной тяжести'. В связи с этим все производные значения глагола объединились в три большие группы, организованные на основе общего для каждой из них семантического признака:

1) 'физическое перемещение материальных тел в пространстве';

2) 'стихийность, случайность и самопроизвольность совершения действия';

3) 'переход в иное (обычно худшее) состояние, положение, качество'.

В *первую группу* входят, например, такие значения:

1. 'Попасть, угодить (куда-нибудь)': *Как что-то пало в глаз, так и болит он* (Диал.).

2. 'Лечь, опуститься (куда-нибудь, на что-нибудь)': *На рассвете пал на землю иней* (В. М. Инбер).

3. 'Пройти, выпасть, выделившись из атмосферы': *Синими хлопьями пали снега* (И. К. Абраменко).

4. 'Опустившись, свисать, закрывая, заслоняя собой': *Нумерные шторы, казалось, пали на окна навсегда* (Ю. М. Тынянов).

² Ср. понимание В. В. Виноградовым лексемы «как потенциальной совокупности значений, сконцентрированных вокруг одного смыслового ядра...». См.: Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1975. С. 372.

³ См.: Мартинович Г. А. Семантическая структура глагола *пасть* в современном русском национальном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1979.

⁴ См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 184; Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский [и др.]. М., 1971. С. 322, 346.

¹ О сохранении в наши дни «очень архаичных моделей миропонимания» см.: Денисов П. Н. Проблема значения слова в связи с моделированием языка // Проблема значения в лингвистике и логике. М., 1963. С. 41.

‘Впасть, втечь, влиться’: *Умба в Пижму пала* (Диал.) и др.

Во вторую группу входят следующие значения:

1. ‘Наступить, настать, начаться’: *Ночь пала сразу* (П. А. Павленко).

2. ‘Произойти, случиться, иметь место’: *Пожар паде, так он все апаше* (Диал.).

3. ‘Прийтись, достаться, выпасть на долю’: *Нелегкое детство пало на долю мальчика* (В. М. Саянов).

4. ‘Выйти, получиться (каким-нибудь образом)’: *Случай этот пал, как сон в руку* (И. И. Лажечников).

5. ‘Попастся, случайно встретиться’: *Пьянехонек нам стрету пал* (Диал.) и др.

В третью группу входят такие значения, как:

1. ‘Погибнуть, быть убитым’: *Их цель: иль победить, иль пасть в пылу сраженья* (А. С. Пушкин).

2. ‘Околеть, издохнуть (о животных)’: *У меня летось корова пала была* (Диал.).

3. ‘Прекратить свою деятельность’: *Христианская церковь не пала вместе с Римом* (А. В. Луначарский).

4. ‘Опуститься нравственно; оказаться в положении, недостойном общественного уважения’: *Но разве искушение прошло? И я опять чувствовал, что, наверно, паду* (Л. Н. Толстой).

5. ‘Обесцениться (о деньгах)’: *Да пали деньги, я пасу их для памяти* (Диал.) и др.

В свою очередь, бытовые понятия, составляющие концептуальные ядра отдельных значений, могут делиться по *представлениям наивного сознания* на свои видовые. Это позволяет выявить внутреннюю структуру значений, определить их семантические варианты 1-й и 2-й степени, в которых эти значения собственно и существуют. Наиболее показательным в этом отношении является основное значение глагола *пасть*, состоящее из следующих семантических вариантов:

1. ‘Переместиться сверху вниз, находясь в свободном падении’. Этот вариант 1-й степени реализуется в следующих вариантах 2-й степени: а) ‘Упасть (куда-нибудь откуда-нибудь)’: *Вдруг в то ущелье... пал с неба Сокол...* (А. М. Горький); б) ‘Упасть, опуститься (на что-нибудь при ударе)’: *Топор падет на голову ему* (А. К. Толстой); в) ‘Падать, лететь вниз, выделяясь из атмосферы’: *Все дожджик вишь паде* (Диал.); г) ‘Затонуть, опуститься на дно’: *На дно пал кубок морское* (Ф. И. Тютчев) и др.

2. ‘Упасть, свалиться на бок, плашмя, навзничь, потеряв опору в ногах, основании,

месте закрепления; стоять и упасть’. Варианты 2-й степени: а) ‘Упасть, свалиться на бок, плашмя, навзничь; стоять и упасть’: *Кажись не из трусливых, а как стоял, так я и пал на месте* (А. Н. Островский); б) ‘Попасть (подо что-нибудь)’: *Сын под поис [поезд] пал* (Диал.) и др.

3. ‘Переместить свое тело сверху вниз; лечь, броситься (куда-нибудь, на что-нибудь)’. Варианты 2-й степени: а) ‘Лечь, броситься (куда-нибудь)’: *Я — от страху в палисадник. Пал в крыжовник и реву* (С. А. Васильев); б) ‘Лечь, улечься’: *Пришла, пала на кровать* (Диал.); в) ‘Распростереться (на земле, полу и т. п. в мольбе, преклонении, просьбе)’: *Перед гробом... он пал как перед святыней...* (Ф. М. Достоевский); г) ‘Броситься, навалиться (на кого-нибудь)’: *На ушкана [зайца] паду и поймаю подолом* (Диал.) и др.

4. ‘Опасть, осыпаться’: *Все равно ведь и новые листья падут и покроются грязью* (С. А. Есенин).

5. ‘Упасть, рухнуть, развалиться’: *Сарай пал, так звоннула* (Диал.).

Предложенная классификация значений глагола *пасть*, несомненно, не выдерживает критики со строго научной точки зрения. Но она совершенно правомерна с точки зрения бытового сознания народа. Например, научного понятия «свободное падение» (падение в вакууме по определенным физическим законам, описываемым строгими математическими формулами) наш повседневный язык просто не знает. Однако в бытовом сознании семантические варианты 2-й степени ‘упасть (откуда-нибудь куда-нибудь)’, ‘упасть, опуститься (на что-нибудь при ударе)’, ‘падать, лететь вниз, выделяясь из атмосферы’, ‘затонуть, опуститься на дно’ вполне могут быть идентифицированы рядовыми носителями языка как разновидности варианта 1-й степени: ‘переместиться сверху вниз, находясь в свободном падении’ основного (исходного) значения ‘переместиться сверху вниз под действием собственной тяжести; упасть, свалиться’.

Приведенные примеры системы значений глагола *пасть*, как и вся система, несомненно, являются отражением определенного фрагмента русской *ментальности XIX–XX вв.*, то есть «миросозерцания в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющего интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях»¹.

¹ Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., 2004. С. 15.

А. МИЛТЕНОВА,

профессор Института литературы Болгарской академии наук,
председатель Совета болгаристики Болгарской академии наук,
доктор филологических наук (София, Болгария)

АКАДЕМИК Д. С. ЛИХАЧЕВ И СЛАВИСТИЧЕСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА В XXI ВЕКЕ

Многостороннее творческое дело академика Лихачева развивается с начала 1930-х гг. почти до конца XX в. — время, в котором медиевистика переживает расцвет, когда делаются значительные открытия новых источников и переосмысливается ряд теоретических постановок. Подвергаются дискуссии вопросы как о национальном своеобразии отдельных славянских литератур, так и об их функционировании как системы. Не менее важны и проблемы поэтики, эстетической ценности письменных памятников, их жанров и характеристики, изображения человека средствами специфической средневековой стилистики и т. д.

Бесспорный вклад в новое освещение истории средневековых славянских литератур сегодня принадлежит крупному русскому ученому, который раскрыл нам художественность средневековой словесности, ее соизмеримость с другими искусствами и убедительно доказал, что она по своей значимости равняется литературе Нового времени.

Хорошо известно, что после середины XX в. филология славянских стран Восточной и Юго-Восточной Европы продолжает развиваться как типично национальная наука — так, как она формируется еще в своем начале в XVII в. — из-за того, что в этот период она воспринималась преимущественно как наука о народном языке.

Так, основные дискуссии в отношении дела Кирилла и Мефодия — его происхождение, охват, характер и традиции — определялись таким пониманием и интерпретацией исторических фактов, которые в большей степени были подчинены определенным схемам.

Методы «национальных филологий», так много сделавших для освещения культурного наследия отдельных языковых и народностных групп, привели бы к пренебрежению общих принципов и моделей — больше всего относящихся к *православно-христианской традиции*, сыгравшей на протяжении веков существенную роль как в социальной, так и в литературной истории Европы.

Академик Д. С. Лихачев очень много сделал для того, чтобы филологическая наука стала открытой для множества новых точек зрения и подходов. Он ратовал за то, чтобы дело Кирилла и Мефодия воспринималось в контексте европейского культурного наследия, а отдельные средневековые литературы рассматривались в их взаимной связи и

взаимовлияния. В этом контексте построены и его анализы древнеболгарской литературы, формирование ее роли для целостного развития старых славянских литератур.

Д. С. Лихачев дал высокую оценку древнеболгарской литературе и ее наднациональному значению. Он подчеркнул, что еще при своем возникновении в IX–X вв. она обладала не только национальными характеристиками, но отвечала и общечеловеческим потребностям, присоединив болгар к общеевропейскому культурному развитию¹. Исключительно удачно ученый выделил особенности древнеболгарского писателя, который проникся сознанием общехристианского значения своего дела. По мнению исследователя, древнеболгарская литература сразу после своего возникновения проявляется как зрелая, «взрослая» литература. Она восприняла философский опыт и многовековые традиции византийской литературы и культуры и передавала их другим славянским православным литературам.

Академик Лихачев раскрывает широту и открытый характер древнеболгарской литературы, которые способствуют ее восприятию в других странах. Он посвящает несколько лекций болгаро-русским литературным связям, в которых показывает, как древнеболгарские произведения дают толчок для создания таких произведений в русской литературе: как, например, «Шестоднев» Иоанна Экзарха становится источником для «Поучения» Владимира Мономаха и «Слова о погибели русской земли».

Д. С. Лихачев обратил особое внимание на некоторые проблемы средневековых литератур, связанные с созданием письменности и с первыми переводами Кирилла и Мефодия. Первостепенное место он уделяет значению, которое придают они Слову (Логосу) — как форме и звучанию и точному соответствию при переводах Священного Писания.

Священность слова и письма, по его мнению, представляет собой ведущую идейную тенденцию в IX–X вв., которая отбрасывает яркое отражение на целый первоначальный период формирования христианских литератур. Эта постановка находит подтверждение в ряде оригинальных текстов древнеболгарских и древнерусских писателей. В нашей

¹ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973. С. 35.

современности она дала толчок для исследования переводческой техники (на морфемном, лексическом и семантическом уровнях) многими болгарскими и русскими учеными. Во многом благодаря исследованиям академика Лихачева идея Кирилла и Мефодия утвердилась как система ценностей, которые, бесспорно, являются существенной частью европейского культурного наследия и сегодня приобретают новую актуальность и значение в глобализации современного мира.

Не менее плодотворен вклад академика Лихачева в области источниковедения и текстологии. Остановлюсь лишь на одной стороне новых подходов ученого в этой области, которую я с успехом применила в собственных исследованиях средневековых сборников. В своих трудах «Текстология» и «Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачев отстаивает необходимость комплексного подхода при анализе состава и текста разных сборников, обосновывает методику изучения отдельного произведения в связи с его окружением, с его «конвоем». Это удачно найденное им понятие Д. С. Лихачев определяет как «такое окружение, которое может считаться более или менее постоянным — устойчивое сопровождение памятника, окружение, повторяющееся во многих списках»¹.

Введение «конвоя» как фактора изучения содержания сборников означает не только учитывание состава как единого целого, но и общий взгляд на весь текст, его историю, внутренние связи и взаимоотношения. Кроме того, «конвой» является источником данных для изучения жанра сборника, его тематики и идейной направленности. Благодаря этому подходу раскрываются широкие возможности для анализа состава сборника как основы для установления архетипа двух или больше списков, для определения времени возникновения одного или другого произведения, для выяснения текстологических границ произведений в рамках определенного сборника и для решения ряда неясных и малоизученных проблем. С его помощью был обеспечен новый точный способ охвата и систематизации огромного числа разнообразных сборников в старых славянских литературах, чтобы они нашли свое место в истории средневекового литературного процесса.

Академик Лихачев внес уточнение и в понятие «сборник» и ввел принципы так называемой «макротекстологии». Он обратил внимание на тот факт, что сборники могут входить друг в друга и вступать в сложные взаимоотношения, что требует их изучения в зависимости один от другого. Была создана

основа для современной классификации и типологизации сборников и намечены самые характерные особенности сборников с устойчивым составом и с относительно устойчивым, циклообразным составом.

Новая сторона научных поисков Д. С. Лихачева в области изучения сборников как литературного наследия находим в его значительном труде — «Поэтика древнерусской литературы». Остановившись на взаимоотношениях между литературными жанрами, он уделит место и другой, незатронутой до него проблеме, связанной со сборниками, — их жанровой характеристике. Исследователь рассмотрел сборники как особые, объединенные произведения, в отличие от первичных текстов, из которых они были составлены. Он связал жанровую характеристику сборников с определением преобладающей пропорции содержащихся в них первичных текстов. Эта постановка в высшей степени способствовала созданию точного и результатного научного критерия жанровой систематизации сборников — особенно тех из них, которые на первый взгляд выглядят неподдающимися жанровому определению из-за большого разнообразия включенных в них текстов.

Методические открытия академика Лихачева дали сильный толчок изучению средневековых сборников. Выражением возросшего интереса в современной медиевистике к изучению сборников стал состоявшийся в 1979 г. в Салониках Международный симпозиум «Взаимоотношения византийской и славянской литератур в рукописных сборниках» и появившийся после этого ряд трудов, посвященных этой проблематике. Благодаря целому поколению ученых, исследование «диалога» между отдельным текстом (статьей) и его окружением в рукописях превратилось в необходимость. Сосуществование и взаимное проникновение между текстами оказалось исключительно важным — особенно по отношению к выяснению истории и хронологии отдельных сочинений, которые на протяжении долгого времени распространялись как комплект.

Указанные темы из научного наследия Д. С. Лихачева создали основу для новых достижений в современной палеославистике в трех направлениях: введение в научный обиход неизвестных фактов и явлений истории литературы, усиление интердисциплинарности филологии и переформулировка вопросов, относящихся к сущности и характеру славянского Средневековья. Для последнего, безусловно, имеет значение постановка проблематики в контексте православной византийско-славянской общности и более обобщенно — в процессах европейского Средневековья, к которому Д. С. Лихачев последовательно стремился.

¹ Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X–XVII веков. Л., 1983. С. 250.

В. Ф. ПЕТРЕНКО,

член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения
и психосемантики Московского государственного университета,
доктор психологических наук, профессор

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Обсуждая гуманитарные проблемы современной цивилизации, важно наметить общие тенденции развития общества, его производственных сил и человека как субъекта культуры.

Согласно концепции Тоффлера, мир движется к постиндустриальному обществу, где на смену энерго- и материалоемким производствам приходит производство идей и информации. В начале XXI в. в наиболее экономически развитых странах большая часть людей занята (если пользоваться классификацией трудовой деятельности Е. А. Климова) не в сфере «человек — объект» (сырьедобывающая, обрабатывающая промышленность, производящая товары), а в сфере «человек — знак» (от финансово-банковской сферы и юриспруденции до производства компьютерных программ) и «человек — образ» (от художника, дизайнера, видеооператора, имиджмейкера до актера и режиссера). Уже сейчас в США в сельском хозяйстве задействовано только 3 % населения и около 13 % в промышленности, в то время как более 60 % занято в сфере, связанной с производством и обменом информации (в сфере информатики).

В будущем эта тенденция только усилится, и основным производителем станет работник за монитором своего компьютера (кстати, снимется и проблема собственника на средства производства), сидящий в своем доме (уменьшится и нагрузка на транспорт) и одновременно через «мировую паутину» включенный в возможность доступа к любым информационным ресурсам и контактам с любым жителем Земли. Б. Гейтс в книге «Дорога в будущее» пишет: «Достижения технологии обязательно отразятся и на архитектуре. В стенах домов начнут встраивать управляемые компьютерами дисплеи всевозможных размеров. О проводке, соединяющей различные компоненты, позаботятся еще при строительстве домов. Когда информационные устройства подключат к единой магистрали, отпадет надобность во многих предметах: справочниках, стереоприемниках, компакт-дисках, факс-аппаратах, шкафчиках для папок и различных записей. Многие вещи, загромождающие сейчас комнаты, перейдут в иное состояние — в форму цифровой электронной информации, которая будет извлекаться только при необходимости. Даже старые фотографии мы сможем хранить в цифровом виде и вызывать на экран, вместо того, чтобы

вставлять в рамки и развешивать по комнатам»¹.

Расширятся не только пространственные, но и временные рамки человеческого бытия. Фаустовское стремление остановить мгновение, реализованное в XX столетии в форме фотографии и кино, получит дальнейшую реализацию в виде непрерывно пополняющегося всемирного архива. Каждый человек получит возможность не только быть свидетелем событий, происходящих в любой точке земного шара, но и обратиться к прошлому, пережить вновь исторические события или просмотреть любимые кинофильмы и спектакли (с уже ушедшими из жизни актерами), очутиться в «местах силы», связанных с приятными воспоминаниями, а обладая личным архивом — воспроизвести облик любимых людей и значимые события из своей жизни.

Такая виртуализация бытия может иметь последствия в аутизации человечества. Ведь даже на смену привычным социальным группам, изучаемым социальной психологией, придут виртуальные сообщества и коллективы по «интересам», объединенные с помощью электронной «паутины». На смену социальной или этнической общности людей, обеспечивающей ценность многообразия, придет общность по менталитету, увеличивающая интеллектуальное и культурное многообразие человечества. В качестве антитезы «шизоидизации» человечества, связанной с отрывом сознания от чувственной ткани, усилится роль досуга — спорта, путешествий, игры. Уже сегодня можно увидеть не только тысячные толпы молодежи, увлеченно играющей в миры Толкиена, но и их более старших собратьев, разыгрывающих Бородинское сражение или битву при Аустерлице.

Интеграция роли режиссера, психолога и историка — возможная профессия будущего. Имитационная игра, возможно, станет не только реализацией творческого досуга, но и формой исторического познания, постижения менталитета людей прошедших эпох, исторических персонажей, расширив рамки временного бытия человека. Человечество уже имеет огромную историю, накопив в «запасниках культуры» миллионы прожитых судеб, огромное количество живых и мертвых языков,

¹ Гейтс Б. Дорога в будущее. М., 2000. См.: forum.game-portal.ru.

религиозных и мифологических представлений, исторических документов, фольклорных и художественных произведений, являющихся формой «консервации» культурно-исторической ментальности, человеческих страстей, уникального этнического мирознания. Освоение и рефлексия этих безбрежных культурных пластов истории начались (по эволюционным меркам) сравнительно недавно, и человечеству (и в частности, психологической науке) еще предстоит проделать ту работу, о которой, правда в иной форме, пророчески писал Н. Ф. Федоров, как о задаче «воскрешения предков своими потомками»¹.

Электронный доступ и возможность воспроизводства и тиражирования великих мировых шедевров (приватизация человеческой культуры), будь то музыка или живопись, увеличат влияние искусства на жизнь человека, усилят значимость всего уникального и введут в массовую культуру великие духовные ценности, оставляя в то же время свободу выбора (что, в свою очередь, увеличит культурную дифференциацию населения). Роль искусства в ее развивающей и терапевтической функции безмерно возрастет, появятся новые формы синтеза искусств, а новые компьютерные технологии обеспечат возможность творческого выражения личности.

Произвольность и возросшая осознанность человека в выборе своего жизненного пути, социального окружения, информационных и ментальных пространств, структурирующих его бытие, позволят ему эмансипироваться не только от природы, перейдя, как писал Энгельс, из царства необходимости в царство свободы, но и сделают его относительно независимым от социума, открыв дорогу к свободе духа.

Создание искусственной среды обитания человека, вхождение человечества в им же созданные виртуальные миры, развитие ноосферы (Э. Ларуа, В. И. Вернадский) и семиосферы (Ю. М. Лотман) как производных человеческой культуры увеличивают степень свободы выбора путей дальнейшего развития человечества как коллективного субъекта, а также осознанную произвольность в принятии решения индивидом.

Согласно фундаментальному принципу теории личностных конструктов Дж. Келли, поведение личности канализируется (структурируется) по тем же руслам, по которым происходит антиципация событий. Другими словами, мы действуем в рамках тех представлений, через призму которых воспринимаем события. Отсюда и принцип С. Л. Рубин-

штейна о единстве сознания и деятельности. Действительно, чтобы функционировали политические и экономические институты, необходимы определенные фигуры сознания людей, реализующих экономическое и политическое поведение. Например, для того чтобы существовало феодальное общество, необходимы феодалы, имеющие свои представления об отношениях вассала и сюзерена, о долге и чести рыцаря, систему традиций и ценностей, задающих определенный уклад; крестьян, имеющих свое отношение к земле и труду, погруженных в мир представлений сельской общины и свой традиционный уклад; наконец, необходима некая религиозная идеология, синхронизирующая взаимодействие различных сословий. Для того чтобы функционировали производственные отношения и рынок, необходимо доверие к институтам власти и определенная этика субъектов этих товарных отношений. Как полагал М. Вебер, протестантская этика мостила дорогу будущему капитализму.

Для того чтобы существовало социалистическое общество советского типа (эпохи развитого социализма), необходима особая форма «двоемыслия» (Дж. Оруэлл) или «кентаврического сознания» (М. Мамардашвили), где нормы поведения граждан определяются не декларируемыми и конституционно закрепленными правами, а некими негласными правилами, нарушение или даже попытка обсуждения которых каралась инквизицией XX в. — спецслужбами. Специфика сложной семиотической игры декларируемого и реально действующего породила специфический тип еретика-правозащитника, ориентированного в своей правозащитной деятельности именно на соблюдение конституционных прав граждан.

Помимо социальных представлений (в терминах С. Московичи), в механизм социального взаимодействия входят и эмоциональные состояния. Например, чувство религиозного воодушевления во времена Крестовых походов; эсхатологические ожидания близкого конца света в Византии накануне первого тысячелетия; доминирующее чувство страха во времена разгула инквизиции в средневековье или в тоталитарном обществе.

Современная Западная Европа и Северная Америка, коммунистический Китай и Черная Африка, Арабский Восток и Индия отличаются не только и не столько промышленными технологиями и обликами городов, которые в условиях глобализации имеют тенденцию к стандартизации, сколько системой ценностей и картиной мира людей, их населяющих. Новейшая история демонстрирует, что в споре Ф. Фукуямы (предрекавшего конец истории как снятие противоречий при всемирном

¹ См.: Федоров Н. Ф. *Философия общего дела*: в 2 т. М., 2003.

движении к либеральному обществу) и С. Хантингтона (полагавшего в ближайшем будущем противостояние нескольких крупных цивилизаций, объединенных религиозно-идеологическим единством) прав, скорее, Хантингтон, и антагонизм разных «правд» сохранится. Только в современную эпоху Интернета противостояние и конкуренция различных ценностей и стилей жизни необязательно должны реализовываться в привычных рамках государственных образований, а возможно, и между виртуальными сообществами людей, объединенными сходством менталитета. Позитивный пример таких виртуальных сообществ дают «виртуальные научные колледжи», объединяющие ученых различных стран, а негативный — сетевые объединения склонных к терроризму религиозных фанатиков.

Понятие менталитета шире понятия сознания и включает как осознаваемые, так и

неосознаваемые пласты картины мира. В рамках разрабатываемого нами психосемантического подхода (близкого к теории личностных конструктов Дж. Келли) операциональными средствами реконструкции менталитета различных социальных этнических, политических и религиозных общностей выступают субъективные семантические пространства. Координатные оси семантических пространств соответствуют основаниям категоризации, присущим данным общностям, а «облака» коннотативных значений в рамках этих пространств отражают систему смысловых установок по поводу социальных, политических или духовных реалий.

В данном сообщении мы попытались выделить базовые конструкты общественного сознания, присущие современным цивилизациям и мировосприятию глобализирующегося мира россиянами.

А. К. РАХИМБЕКОВА,

доцент кафедры истории Евразийского университета
им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Человечество перешагнуло порог нового века и нового тысячелетия. Уместен вопрос: что показал XX век? Две мировые войны, которые потрясли все человечество, поставили под сомнение выработанные многими поколениями идеалы гуманизма и поколебали доверие к законодательному разуму. Есть невидимые и глубокие корни конфликтов, сложное сцепление причин и следствий, вдохновенная сила жизненных законов и сила настоящих убеждений. Мы видели заблуждения, приведшие к конфликту, из которых складывалась пропитанная кровью история человечества.

XXI столетие — век новой технологической революции и появления «сверхиндустриальных» цивилизаций. Сегодня мир сильно меняется. И очень важно в этом сложном мире найти пути благополучного сосуществования. Ведь зло, раздор, агрессия, конфликт входят в мир только через человека, его поступки и волю, как, впрочем, и добро, мир, согласие, любовь. За все, что творится в этом мире, ответственность несет только человек. Будет ли он руководствоваться культурой войны и насилия или же предпочтет культуру мира и всестороннего диалога, основанного на принципах толерантности, плюрализма?.. С точки зрения выживания человечества, прагматичней было бы выбрать последнее. Долг про-

грессивных людей указать миру, что должны быть сохранены сострадание, терпимость, справедливость, которые руководствуются разумом и вырастают из нравственных законов. В мире идет поиск новых путей развития, новых человеческих ориентиров. Одним из наиболее перспективных видится путь культуры мира, согласия, диалога. Если культура есть способ бытия человека в мире, то этот мир не должен быть узким. Как показывает Ф. Хайек, современное цивилизованное общество есть «расширенный порядок» человеческого согласия и сотрудничества¹.

Известный казахстанский поэт О. Сулейменов считает, что население XXI в. должно объединиться в народ планетария. По его убеждению, XX столетие было веком становления национального сознания, а XXI в. — планетарного. Россия и Казахстан все теснее входят в планетарный контекст и к этому надо быть готовым². В мировой ойкумене общества европейского типа занимают лидирующее положение и являются трансляторами технологических инноваций в другие незападные социокультурные образования,

¹ См.: Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М., 1992.

² См.: Сулейменов О. Нам по дороге // Родина. 2004. № 2.

причем это происходит не путем насилия, как это было в более ранние периоды (колонизация, интервенция), а с помощью новации.

Важнейшей проблемой является рассмотрение культуры в потоке времени в соотношении ее с традициями и инновациями. Данный аспект проблемы имеет непосредственное отношение к этнокультурам. Сохранение определенной культурной традиции и осознание ее ценности представляет собой поиск точки опоры для этнокультуры. Возвращение к истокам культуры, темы национальной истории, возвеличение героического времени в Казахстане являются не только объектом историко-культурологических изысканий, но и поддерживаются властной структурой (программа «Культурное наследие»).

Память не только людей, но и народов избирательна. Народы Европы не воспринимают мусульман как одних из первых своих исторических наставников. Европоцентризм — отстаивание тезиса о существовании универсально значимой культуры греко-римского мира и ее наследницы, современной западно-европейской культуры, — не хочет признавать преемственности, идущей от Востока к Западу. Так, культура итальянского Ренессанса уходит корнями не только в античную, но и в восточную культуру. Ведь именно через ирано-арабский мир культуры Запад получил свое «античное наследие» в виде философии — гордости греческого духа, чуть было не потерявшейся в период средневековой неприязни ко всему языческому.

Пространство культурного взаимообогащения велико. Центральное-азиатский регион тоже является пространством взаимодействия различных культур и религий — во многом благодаря проходившему через эти территории Великому шелковому пути. Он был поистине путем диалога великих культур, великих религий Запада и Востока. Наряду с буддизмом по Великому шелковому пути шло и христианство, которое в форме несторианства проникло на территорию современного Казахстана в V в. и довольно долгое время было одной из главенствующих религий. Культурным итогом усвоения опыта различных нравственно-религиозных ценностей стали открытость к диалогу, толерантность, доброжелательность как характерные черты казахского этноса. Общение есть всепроникающая сущность традиционной казахской культуры, которая наиболее наглядно видна в уникальной гостеприимности. Казахы в общении больше всего проявляют внимание не к утверждению позиции своего «Я», а к собеседнику, к Другому. И суть всякой беседы, общения состоит в достижении со-

гласия, гармонии с Другим. Как пишет М. Бахтин: «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться»¹.

Возможен ли диалог, а значит и взаимопонимание культур? Культура как выражение сущностно-созидательных внутренних сил человека-творца находится в теснейшей взаимосвязи с человеческой деятельностью. Как и все созданное человеческими руками, культура носит в себе концентрированное личностное начало. Поэтому «культура лишь тогда культура, когда она персонализирована как личность, когда общение культуры актуализируется в общении личностей»². История знает много примеров позитивного влияния диалога культур на становление и развитие своеобразных типов культуры (например древнегреческой).

Являясь в своей основе самобытной, культура казахского народа испытала на себе влияние сложных культур — иранской, китайской, арабской, с конца XVIII в. и русской. Эти влияния обогатили, но не уничтожили самобытного содержания традиционной казахской культуры. Творчество такого великана казахской поэзии, каким был Абай Кунанбаев, не может быть понято, если не будет отмечен факт проникновения русской культуры в степи Казахстана.

Абай Кунанбаев знал не только русскую литературу, но и западноевропейскую, и восточную. Это позволило ему вывести казахскую литературу из национальной замкнутости, обогатить ее новыми мотивами и новыми литературными формами. С проникновением русской культуры в казахское общество связано и творчество первого ученого казаха Ч. Валиханова — исключительно яркого явления в культурной жизни Казахстана. Творчество его принадлежит не только казахской, но и мировой, общечеловеческой культуре. Говоря словами О. Сулейменова, Казахстан и до революции и после строками лучших своих писателей признавался в любви к России, к ее великой культуре, языку, открывшему казахам ценности мировых цивилизаций³.

В период господства тоталитарной системы односторонне пытались показать цивилизованное влияние русских на отсталых казахов. Разумеется, невозможно отрицать положительных сторон этого влияния, но правдивее было бы говорить о взаимовлиянии и взаимообогащении двух самобытных культур разных

¹ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1980. С. 312.

² Библер В. Культура. Диалог культуры // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 38.

³ См.: Сулейменов О. Указ. соч.

народов. Леви-Стросс писал по этому поводу, что трудно представить себе, как одна цивилизация могла бы воспользоваться образом жизни другой, кроме как отказаться быть самой собой. На деле попытки такого пере-

устройства могут повести лишь к двум результатам: либо дезорганизация и крах одной системы или оригинальный синтез, который ведет, однако, к возникновению третьей системы, не сводимой к двум другим¹.

О. Ф. РУСАКОВА,

заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН, доктор политических наук, профессор (Екатеринбург)

ДИСКУРС НОВЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ РОССИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

В последнее время наблюдается не просто рост политической активности российской молодежи, но и настоящий бум молодежной «уличной политики». Среди причин подобного явления обычно называют достижения «цветных» революций в Грузии и, особенно, — в Украине, где молодежь сыграла роль «зажигателя» масштабных политических шоу.

В ответ на вызовы «цветных» революций в России разрабатываются политические технологии контрреволюций с использованием молодежного политического ресурса. С этой целью были созданы молодежные движения «Наши» и «Молодая гвардия Единой России». Из современных молодежных движений самые конформистские, технологически выверенные, четко и масштабно построенные, хорошо профинансированные — «Наши» и «Молодая гвардия». Самые искренние, по-студенчески самостоятельные и малофинансируемые — молодежное «Яблоко» и «Оборона».

В Екатеринбурге этот контраст между запрограммированными на политическую карьеру новорусскими «комсомольцами» и студентами — «оборонщиками» особенно бросается в глаза. Разница в оценках и понимании «цветных революций» привела в движение процесс политического размежевания и самоопределения пассионарных слоев российской молодежи. Параллельно происходит активная разработка дискурсов политической идентичности новых молодежных движений.

Невозможно не заметить, что для юных борцов против угрозы «цветных революций» сегодня тщательно разрабатывается дискурс с опорой на стилизацию под «комсомольскую юность» и великодержавный советский патриотизм. Аудиовизуальное наполнение нового дискурса, видимо, будут обеспечивать известные деятели шоу-бизнеса, такие как И. Демидов и Ф. Бондарчук. Тренировать «молодогвардейцев» в публичном употреблении нового контрреволюционного дискурса призваны известные политтехнологи и политоло-

гоги — Г. Павловский, С. Марков, М. Леонтьев и др.

Помимо встраивающихся во власть и альтернативных нынешней власти дискурсов молодежных движений в символическом пространстве молодежных политик можно обнаружить правозащитные дискурсы расизма и нацизма, леворадикальные дискурсы коммунизма и большевизма, а также смешанные право-левые дискурсы национал-большевизма и неоевразийства.

Особую нишу в молодежном дискурсивном пространстве занимает политический дискурс Демократической ассоциации «Да!» (лидер — М. Гайдар). Анализ программных заявлений и публичной риторики данного объединения позволяет сделать вывод, что в текстах «Да!» вполне сознательно соединены элементы либерально-демократического дискурса, дискурса политического конформизма и антиглобалистского дискурса. «Да!» позиционирует себя как группу, отвечающую интересам думающей молодежи, которая не собирается вести борьбу против существующего режима, но которая настроена на постепенное внедрение в российскую жизнь антиглобалистской модели гражданского общества — модели сетевой демократии.

Центральная идея «Да!» — создание Молодежного гражданского конгресса, широкой молодежной коалиции, занимающейся выработкой Демократической альтернативы. Среди намеченных путей ее создания — разработка и реализация гражданских проектов, проведение дискуссионных клубов, семинаров, конференций по актуальным проблемам современной политики: рост национализма и расизма, усиление ксенофобии, нарастающий произвол милиции и др.

Если обратиться к идеологическим дискурсам современной студенческой молодежи,

¹ См.: Кара-Мурза С. Г. Евроцентризм — эдипов комплекс интеллигенции. М., 2002.

не вовлеченной в политические объединения и движения, то можно обнаружить несколько видов дискурсивно-идеологических комплексов, влияющих на характер ментального строя и поведенческие ориентации нынешней вузовской молодежи.

Наши наблюдения последних лет, подкрепленные опросами студентов III–V курсов Уральского университета, обучающихся на факультетах политологии и социологии, связей с общественностью, показали, что сегодня в студенческой среде получили распространение и развитие следующие виды ценностных ориентаций — либерально-рыночная, демократически-альтерглобалистская и ориентация аутизма.

Самой мощной по своей внедренности в молодежное сознание является рыночная ценностная ориентация. Важную роль в ее формировании сыграли интенсивные процессы коммерциализации социальной, образовательной и культурной сфер жизни, а также — широкомасштабная реклама, которая настойчиво навязывает процедуру идентификации человека с товаром: человек в условиях рыночной конкуренции должен превратиться в промоутера своей деятельности. Чтобы стать успешным, надо, прежде всего, выгодно себя продать. В качестве образцов, превративших себя в стопроцентный товар, рекламируются представители шоу-бизнеса, как в сфере культуры, так и в политической.

Рыночная парадигма в молодежном сознании, как правило, соединяется с транснациональной, космополитической ориентацией, характерной для части российской политической и экономической элиты. Свое будущее

они связывают с карьерой в странах Запада, с западным образом жизни. Опросы показали, что студенты вузов хорошо разбираются в западной политической и культурной символике. В то же время отечественная национально-государственная символика у студентов часто не идентифицируется с понятием России. На вопрос, каковы основные элементы российской символики, только один из десяти учащих включил в первые строчки своего списка государственный флаг, герб и гимн страны. Главными символами России большинство назвало Кремль, матрешку, валенки, водку, Путина. То есть наши студенты смотрят на Россию глазами западного человека.

Примечательно, что в списках студентов очень редко фигурировали такие имена-бренды, как Гагарин, Толстой, Достоевский, Булгаков, Тарковский. Полностью отсутствовали имена великих русских ученых и изобретателей. Единицы указали на такие символы, как Большой театр и русский балет.

Демократически-альтерглобалистская ценностная ориентация характерна для незначительной части российской студенческой молодежи. Однако по мере включения России в глобальные экономические сети и организации, к примеру, в ВТО, наверняка число молодежи в рядах российских антиглобалистов будет расти.

Ориентация аутизма также будет более массовой с развитием средств массовой коммуникации и отечественного кинематографа. Уже сегодня жизнь в Сети и ролевые игры заменяют определенной части молодежи жесткую социальную реальность.

Т. Л. СЕЛИТРИНА,

заведующая кафедрой зарубежной литературы и страноведения
Башкирского государственного педагогического университета,
доктор филологических наук, профессор (Уфа)

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ФОРМА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Литературоведческая компаративистика — одно из ведущих направлений в современной филологии, отвечающих духу интегральных процессов в мировой литературе и культуре в целом¹. Оно представлено именами как отечественных ученых: А. Н. Веселовским, В. М. Жирмунским, М. П. Алексеевым, Н. И. Конрадом,

так и европейских — Э. Курциусом, Р. Уэллсом, Г. Кайзером, Д. Дюришиным, А. Дима и др. Сам термин «сравнительно-исторический метод» предложил, как известно, А. Н. Веселовский (1838–1906), для которого предметом исторической поэтики стала «эволюция поэтического сознания и его форм»². В своих

¹ См.: Чернец Л. В. Специализация «Сравнительное литературоведение. Первый выпуск слушателей» // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2003. № 6. С. 219–222.

² Борев Ю. Б. Сравнительно-историческая школа (компаративизм) // Проблемы современного сравнительного литературоведения / ИМЛИ РАН. М., 2004. С. 28.

трудах он обратил внимание на взаимодействие внутри литературы и раскрыл аспекты этого взаимодействия в художественном процессе, типологические общности художественных явлений, сходные связи разных произведений с породившей их социальной действительностью.

В. М. Жирмунский в своей книге «Сравнительное литературоведение» проницательно заметил, что история человеческого общества не знает примеров абсолютно изолированного социального и культурного (а следовательно) и литературного развития при отсутствии взаимодействия между отдельными его участками. Чем культурнее народ, тем интенсивнее его связи и взаимодействия между отдельными его участками. Ни одна великая национальная литература не развивалась вне живого и творческого взаимодействия с литературами других народов, и те, кто думает возвысить свою родную литературу, утверждая, будто она выросла исключительно на местной, национальной почве, тем самым обрекают ее даже не на «блестящую изоляцию», а на «провинциальную узость и самообслуживание»¹.

В самом деле, творчество таких национальных поэтов, как Р. Гамзатов, К. Кулиев, Д. Кугультинов и М. Карим, стало известно всей читающей России только после переводов их поэзии на русский язык.

Башкирский поэт М. Карим подчеркивал, что «у колыбели каждого юного вдохновения на всей российской земле стоят Пушкин и Лермонтов»²; «Поэзию трудно себе представить без тех могучих крыльев, которые дали Расулу Гамзатову его учителя и вдохновители — русская классическая и советская поэзия и мировая поэтическая культура»³. Размышляя о творчестве К. Кулиева, башкирский поэт заметил, что «судьба больших поэтов подобна судьбе больших рек. Чем дальше выходят они из своих родных пределов, тем больше вбирают в себя воды притоков, оставаясь притом теми же реками и по имени и вкусу воды»⁴. О себе он сказал: «Быть поэтом всегда трудно — передо мной обязательно стоят Овидий, Гете, Пушкин и другие величайшие гении человечества. Они утвердили

высокое звание Человека и сами явились его воплощением»⁵. М. Карим утверждал, что приобщение любой нации к мировой экономике и культуре начинается именно тогда, когда она не только что-то берет у других, но, создавая свое, отдает его другим: «Мы долго не могли быть приобщенными к мировой цивилизации. В том не наша вина — наша беда»⁶.

Работая над поэтическим циклом «Европа — Азия», М. Карим пояснял: «...исторически суждено было моему народу оказаться на стыке двух континентов — Европы и Азии. Это не просто стык материков, это рубеж двух культур, двух судеб — европейской и азиатской. Я мечтаю, чтобы поэзия моего народа вобрала в себя цвет, пьянящий аромат, спокойную мудрость поэзии Востока, суровую правду жизни, революционную призывность и активный разум поэзии Запада. При всем этом основой национальной поэзии должна оставаться жизнь народа, сам народ с присутствием только ему образом мышления и чувствами»⁷.

Рассматривая триаду современной компаративистики: глобализация — интертекст — диалог культур, И. Шайтанов выступает против самой идеи глобализации. Он считает, что глобализация отрицает индивидуальность культуры и предлагает свой путь обновления компаративных исследований в связи с понятием диалога. В самом характере русской культуры, на его взгляд, поставлен вопрос о продуктивности взаимодействия «своего» и «чужого»⁸.

В отечественном литературоведении А. Веселовский в свое время говорил о национальном и всемирном, о культурном взаимодействии, о «встречных течениях». Он ценил национальную самобытность, с большим доверием относился к способности национального, «своего» противостоять влиянию, не отвергнув «чужое», а усвоив его, претворив себе на пользу. По мнению И. Шайтанова, границы в пространстве культуры, наделены способностью не только разделять, но и связывать, предоставляя место для встречи и диалога. Это и есть глобальная посылка современной компаративной теории⁹.

¹ См.: Карим М. Избранные произведения: в 2 т. Уфа, 1969. Т. 2.

² Там же. С. 391.

³ Там же. С. 406.

⁴ Там же. С. 419.

⁵ Карим М. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1983. Т. 3. С. 446.

⁶ Карим М. Избранные произведения. Т. 2. С. 337.

⁷ Карим М. Стихи и поэмы. М., 1958. С. 6.

⁸ Шайтанов И. Триада современной компаративистики: глобализация — интертекст — диалог культур // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 136.

⁹ Там же. С. 137.

Т. Б. СИДНЕВА,

проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории,
кандидат философских наук, профессор

МУЗЫКА КАК ЯЗЫК ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Определение музыки как языка, «образованного системой специфических значений, внятных владеющему кодом данной традиции»¹, стало привычным и традиционным в музыковедении. Однако, несмотря на то, что понятие «музыкальный язык» прочно вошло в научный обиход, критерии подхода к музыке как к языку так и не сформировались, а специфика языка музыки, не сводимого к *искусству* звуков, но представляющего собой значительный пласт культуры, до сих пор оказывается не выявленной.

В то же время мы являемся свидетелями активного процесса расширения границ звукового пространства, в которое вовлечены традиционные формы восточного и западного фольклора, аутентичная музыка отдаленных от нас эпох, академическая музыка европейской традиции, неакадемические жанрово-стилевые сферы, включая джаз, рок, поп-музыку и т. п. Важной приметой времени стала утрата неприкосновенности разных «этажей» музыкального пространства, смешение форм бытования различных (национально, социально, исторически определенных) музыкально-языковых систем.

В проблеме, заявленной в названии, скрыты два (кстати, взаимоисключающих) парадокса. Первый — можно ли музыку считать языком повседневности, если в ней неизменно доминирует поэтическая функция, а эстетическая отобранность музыкального звука отсылает нас за пределы обыденной жизни? Второй — не следует ли ограничиться разговором о сфере так называемой «бытовой музыки», сопровождающей человека в повседневной жизненной реальности, не касаясь иных ее жанрово-стилевых парадигм?

Для того чтобы разрешить эти парадоксы и попытаться ответить на заданные вопросы, прежде всего обратимся к понятию *повседневности*.

Как известно, повседневность связана с частной жизнью человека, образом жизни, бытом. Повседневная жизненная среда пронизана практической функциональностью, она неотделима от процесса десакрализации, лишения «ореола святости» самых разных смыслов. Характерно, что ее синонимами нередко являются понятия обыденности, тривиальности, рутины. В то же время, находясь внутри повседневного пространства, — по словам

М. Хайдеггера, не время от времени, а постоянно присутствуя в нем, — мы не можем не только однозначно определить его, но и дискурсивно осмыслить. Повседневность — серьезное испытание для человека, поскольку она «непрерывно бежит от собственного своего содержания» и труднее всего поддается описанию; «онтически ближайшее и известное есть онтически самое далекое, неизвестное и... постоянно просмотренное»², — писал о повседневности М. Хайдеггер, один из первых обозначивший поворот философских исследований к чрезвычайно популярной сегодня проблематике повседневной жизни.

Открытие особой значимости повседневности в культуре связано с осознанием того, что именно этот опыт привычной многократно повторяющейся деятельности и определяет границы субъективного мира человека, ориентиры его поведения, является реальным источником миропонимания в целом (Ж. Ортега-и-Гассет: «Я есть Я и мои обстоятельства»). Лексический диапазон понимания музыкального языка также обусловлен повседневностью как миром обыденного опыта. Характерно, что именно здесь задается привычка к интонационному строю, определяется семантическое поле музыки, открываются горизонты понимания музыки как искусства.

Доказывать значимость музыки в повседневной жизни человека сегодня нет необходимости. В ряде исследований аргументированно показано, что музыка, сопровождая человека на всех стадиях его онто- и филогенетического развития, ничуть не менее «естественно» связана с человеком, чем язык, в силу природности этой связи именуемый «естественным», и роль музыки в формировании мышления, психики и социализации человека также не менее существенна, чем роль языка. Музыка и словесный язык равноценно причастны к феномену культуры³. Одним из наиболее очевидных аргументов этого является то, что главной особенностью существования в повседневности является *переживание* реальности. «Непосредственной передатчицей эмоций» называл Б. Асафьев широкую сферу бытовой музыки; уподобляя ее обыденной разговорной речи, он утверждал, что «она находится в таком же отношении к музыкальным

² Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993. С. 43.

³ См.: Никитенко О. К вопросу о концепции понятия «музыка» // Гармония и дисгармония в искусстве. Н. Новгород, 2005.

¹ Савенко С. Музыка Шнитке как язык современности // Музыка. Культура. Человек. 1991. Вып. 2. С. 143.

произведениям высшей художественной культуры, в каком наш обиходный бытовой язык стоит в художественной прозе и поэзии. В обеих сферах грани между обыденным и необыденным либо совсем стираются, либо резко обособляются»¹. И далее: «Музыка существует как обыденная речь, как язык, и музыка же творится в плане художественного мышления, как творятся из элементов живой разговорной речи сложные философские трактаты и глубокие поэтические произведения»².

Действительно, бытовые музыкальные жанры, несмотря на скромный интонационный словарь и непритязательность стилистики, обладают огромной силой эмоционального воздействия и в гораздо большей степени, чем какие-либо иные предполагают самоидентификацию личности. И все же, ставя вопрос о музыке как языке повседневности, мы должны вести речь не только о понятии «бытовая музыка». Как изменилась сама повседневность, так неузнаваемо трансформировалась и панорама музыки в бытовой жизненной реальности. Благодаря развитию современных технологий, в сфере «потребления» музыки стираются исторические, географические, жанрово-стилевые дистанции. Любую оперу, симфонию или какой-либо иной желаемый образец музыки в любом (!) исполнении можно воспроизвести в «домашних условиях», то есть превратить в элемент повседневной жизни. Причем студийная запись имеет несравненно больше преимуществ (в точности представления о музыкальном произведении) перед звучанием в реальной акустической среде — это обстоятельство привело к изменению слушательского восприятия. Эта проблема вызывает искреннее беспокойство музыкантов-профессионалов, так как она приобретает глобальные масштабы. Как отмечает Л. Десятников, если человек слушает на концерте, например, симфонию Малера, то у него возникает дивное ощущение целостности звучания, но он не слышит партитуру, все нюансы так, как в стереонаушниках³. Композитор акцентирует внимание на акустическом несовершенстве залов, которое ставит под сомнение форму публичного концерта как такового. Однако есть в этой проблеме и не менее важные аспекты, не позволяющие однозначно оценивать явление. С одной стороны, очевидны доступность, приобщение, просвещение. С другой — имитация пространства звучания, утрата праздни-

ности как «репрезентации общности в ее законченной форме», праздничности как «погружения в особого рода покой»⁴, отсутствие экзистенциальной «отрешенности» от будничной повседневности.

Среди метаморфоз, происходящих сегодня с музыкальной классикой, следует упомянуть «разъятие» высоких образцов музыкального искусства и приспособление их к ритмам повседневности. Весьма показателен казус, произошедший с чарующим «дьявольским» эпизодом Альтового концерта А. Шнитке: звучащий отдельно в качестве «прикладного» материала, сопровождающего различные телевизионные сюжеты, этот эпизод утратил «дьявольскую» семантику и стал символом гармонии, умиротворения, покоя.

Значимость постановки вопроса о музыке как языке повседневности обусловлена и тем, что существует различие между тем, какая музыка создается и исполняется, и тем, каково ее восприятие и понимание. В мощном потоке музыкальной информации важное значение имеет то, что человек слышит в звучании, что избирает его слух.

Неисчерпаемость смыслов художественного произведения естественно обуславливает и неисчерпаемость его понимания. Эта аксиома еще не является гарантией «заполнения» всего художественно-смыслового пространства. Вполне допустимо сосуществование принципиально различных слушательских моделей. Представители академической и неакадемической сфер музыки имеют «разный слух, воспитанный на разных музыкальных языках» (В. Медушевский).

Причем следует говорить не только о разных уровнях понимания или различной глубине постижения музыки. Погружение в стихию музыкального языка отличается «самим характером проникновения в ее глубины» (М. Бонфельд).

Качество слышания, как известно, зависит от множества факторов: жизненного и музыкального опыта, эрудиции, психологической чувствительности и, наконец, способности мыслить метафорически.

Музыкальный опыт является глубоко индивидуальным и интимным, однако формируется он под воздействием звуковой среды — музыкально-языкового потока, воздействующего на человека. Современная звуковая среда имеет известную *двунаправленность*.

С одной стороны, очевидна тенденция, о которой, характеризую современную цивилизацию, говорит Ж. Бодрийяр: «Закон, который нам навязан, есть закон смещения

¹ Асафьев Б. Бытовая музыка после Октября // Новая музыка. Л., 1927. С. 23.

² Там же. С. 31.

³ См.: Музыкальное обозрение. 2005. № 4 (256).

⁴ Гадамер Г. Искусство и подражание // Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 315.

жанров. Все сексуально, все политично, все эстетично»¹. Искусство, отмечает он, «растворилось не в возвышенной идеализации, а в общей эстетизации повседневной жизни, оно исчезло, уступив место чистой циркуляции образов, растворилось в трансэстетике банальности»².

Действительно, музыкальная классика существует во множестве ремейков, и нет границ вседозволенности, которая совершается по отношению к ней. Тому пример — классические мелодии в мобильном телефоне, для разного слуха они имеют разный смысл: для одного это напоминание об «оригинале», для другого — лишь сигнал, имеющий сугубо прикладное значение, а для кого-то — и сам «оригинал»...

Следует, однако, уточнить, что само толкование эстетического, традиционно определяемого как гармония выявленности внутреннего во внешнем, также искажено и нередко подменяется косметическим и эротическим (и вот уже девушка с виолончелью на обложках глянцевого журнала представлена как эротический символ). Сегодня много говорят об эстетизации культуры, забывая о том, что в самом эстетическом устраняется не только идея гармонизации внешнего и внутреннего, но и отмеченная еще Кантом «незаинтересованность» удовольствия. Эмансипация внешних атрибутов в культуре превратила многие классические образцы музыки в вещи прикладного, утилитарного значения. Существовая по законам обыденного практицизма, они становятся предметом банализации.

Встроенная в структуру повседневности музыка предоставляет большие возможности для расширения сознания. Сама специфика музыки способствует достижению «отрешенности» от вещей, пробуждению герменевтического, подлинного мышления, о котором писал М. Хайдеггер. Примечательно, что в музыке нет какой-либо единственной жанрово-стилистической сферы, имеющей экзистенциальные преимущества перед другими. Способность к постижению полноты бытия не ангажирована ни академическими, ни авангардистскими, ни популярно-массовыми образцами музыки (вспомним, как первые немецкие романтики конца XVIII в. вдохновлялись наивной дилетантской музыкой!). Говоря о музыке повседневности, В. Васина-Гроссман очень точно замечает, что, называя за неимением лучшего термина широкую сферу музыки бытовой, мы проявляем

к ней неблагодарность: многие явления живут в быту, но функция их там — очищающая, поэтизирующая³.

И все же лишь активная включенность в многомерное пространство музыкального языка, постижение различных национальных, социальных, исторических его моделей является условием полноценного овладения этим языком. Как писал Г. Гадамер в работе «Актуальность прекрасного», понять, что такое искусство можно «только тогда, когда единым горизонтом охвачено как великое искусство прошлого, художественная традиция, так и искусство современности — и не только противостоящее традиции, но и само черпающее в ней энергию»⁴. Известное суждение Л. Витгенштейна «границы моего языка определяют границы моего мира» чрезвычайно справедливо и по отношению к музыке. Именно познание многомерности музыкального языка является основанием художественного «иммунитета» по отношению к низкопробным эрзац-опусам.

Сегодня широко распространено недовольство современной музыкальной культурой. Можно с презрением хулить бедность и ограниченность языка массовой музыкальной продукции, осуждать кощунственное функциональное использование классики в качестве сигналов для телефонов, звукового фона для рекламы. Однако, как замечает М. Хайдеггер, подобное недовольство освобождает нас от нас самих, порождая ложное умиротворение. Гораздо важнее понять: обытовление однозначно определять нельзя, как невозможно мыслить человека в отграниченности от мира повседневности. Многочисленные эксперименты, проводимые с музыкой, отражают общую тенденцию современной культуры.

Известно, что музыка является мощным тренингом сознания, она воздействует не только на слух, но и на организм в целом. Она укоренена в повседневности и в то же время пронизывает всю вертикаль культуры и вносит аттрактивный, праздничный элемент в жизненную реальность. Как универсальный язык, она способна формировать особое ощущение значимости жизни, внимание к каждому ее проявлению, то, что Хайдеггер называет «открытость Бытию».

³ См.: Васина-Гроссман В. Вечер вокальных премьер // Советская музыка. 1984. № 8.

⁴ Гадамер Г. Искусство и подражание // Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 273.

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 16.

² Там же. С. 20.

Г. И. СТАРКОВА,

доцент кафедры издательского дела и редактирования
Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета (Ижевск)

ДЕТСКАЯ И МОЛОДЕЖНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

«Учительница спрашивает Вовочку:

— Кто такой Евгений Онегин?

— Не знаю.

— А Чацкий?

— Не знаю.

— Та-ак, значит, ты у нас ничего не знаешь...

— Почему ничего? Шварценеггера знаю, Сильвестра Сталлоне, Чака Норриса, Майкла Джексона.

— И с этими знаниями ты собираешься жить в России?

— А где это?..»

Этот анекдот отражает современную печальную тенденцию отказа детской и молодежной среды от литературных и иных достижений культуры России и безоговорочного одобрения всего иностранного (в основном американского или западного), превращения молодого поколения россиян в «Иванов, не помнящих родства». Особенно активно и всесторонне проявляется эта тенденция в условиях глобализации, при которой развивается культурно-идеологическая концепция потребления, часто вступающая в противоречие с моралью, этикой и фундаментальными ценностями российского общества.

С одной стороны, «открытие» России позволило издателям использовать полиграфическую базу за рубежом, что обеспечило повышение «внешнего» качества детских и молодежных изданий; доступ в Интернет дал редакциям столичных и региональных изданий возможность знакомить со своими номерами широкую аудиторию. Расширился рынок периодики благодаря вхождению в него иностранных издательских домов («Дисней», «Эдванс-пресс», «Бурда» и др.), обеспечив юным читателям возможность выбирать издания в соответствии с интересами и запросами. Упростился процесс знакомства с произведениями литературы и культуры народов других стран. Пополнился объем понятий, а следовательно, и словарный запас молодежи.

Но, с другой стороны, эта открытость обернулась вседозволенностью, когда свобода печати стала трактоваться как необязательность выполнения необходимых, а потому традиционных для детской и юношеской литературы функций (педагогических, воспитательных, образовательных) и возможность отказа от нравственных и культурных ценно-

стей российского общества. Прикрываясь разговорами о необратимости глобализации и положительных ее результатах, иностранные учредители волей-неволей «навязывают» российской молодежи проамериканские идеалы общества потребителей. А редакторы потворствуют этому и не обеспечивают «внутреннее» качество, то есть качество содержания изданий. Кроме того, издатели и редакторы, видимо, забыли о направленной на сохранение самобытности и суверенитета русского народа, культуры и языка деятельности просветителей, философов, писателей и поэтов, литературоведов и языковедов. Многие из них при этом положительно воспринимали внедрение в русскую культуру и язык иностранных заимствований, если признавали их действительно необходимыми и не противоречащими менталитету народов России.

На страницах периодики никогда не было противопоставления русских детей и детей других национальностей. Наоборот, в 1920-е гг. большое внимание уделялось вопросам интернационального воспитания. Например, в № 67 газеты «Жизнь крестьянина» (1920, 5 сент.) первая полоса вышла под «шапкой» «Международный юношеский праздник». А № 3 ижевской газеты «За коммунистическое воспитание детей» (1935, 18 мар.) — под «шапкой» «Сегодня 64-летие Парижской коммуны».

Как верно подмечает исследователь языка С. Г. Тер-Минасова, «русскому национальному характеру свойственны повышенный интерес, любопытство и доброжелательность к иностранцам и иностранному, образу жизни, культуре, видению мира» [1, 184]. Это любопытство приводило к подпаданию под влияние всего иноземного в ущерб русскому, например, к чрезмерному увлечению иностранными языками в XIX в.

Против засилья иностранных слов выступал еще А. П. Сумароков, говоря, что слова немецкие и французские нам не надобны, кроме названия таких животных, плодов и прочего, которых Россия не имеет, объясняя, что восприятие чужих слов, а особенно без надобности, есть порча языка. В 1924 г. библиограф С. Рагозина писала, что «колоритные, ярко художественные народные сказки, с их чистейшим, не испорченным иностранщиной языком, не следует изгонять из детской библиотеки» [2, 26].

Овладевая родным языком (а этому также должна способствовать детская периодика, как и вся литература), дети усваивают вместе с ним и обобщенный культурный опыт предшествующих поколений. Именно поэтому язык играет решающую роль в формировании личности, национального характера, этнической общности, народа, нации [1, 79]. Самой большой ценностью народа называл язык Д. С. Лихачев, поскольку «это язык, на котором он (народ. — Г. С.) пишет, говорит, думает. Думает!» [3, 355]. Считая, что при утрате родного языка непременно наступает общее падение культуры народа, ученый отмечал, что «язык наш беднеет», а «главный недостаток современной литературы — ущербное чувство языка» [3, 369, 358]. К сожалению, оно проявляется и на страницах детских и молодежных журналов и газет.

И если раньше М. М. Бахтин считал, что при встрече двух культур они не смешиваются, но взаимообогащаются [4, 154], то сегодня, в условиях рынка, «закон конкуренции абсолютно не интересуется культура слабого, ее ценности, религиозные системы, этические и моральные принципы, пусть они будут самыми «общечеловеческими» из всех общечеловеческих» [4, 36].

В детской и молодежной периодике это воздействие проявляется как:

1) сокращение численности читательской аудитории вследствие предпочтения Интернета и телевидения и нежелания мыслить;

2) потеря изданиями таких важнейших функций, как воспитание всесторонне развитой личности, социализация, формирование богатого внутреннего мира, воспитание нравственной культуры, распространение прикладных знаний;

3) распространение иностранных названий и центральных журналов (Cool, CoolGirl, Teens, NEON, Oops!, Yes! и др.), и региональных, в частности ижевских (Baraban News, DINAMIT);

4) введение в названия отрицательных персонажей («Хулиган», «Ведьмочка»);

5) излишняя облегченность содержания, превалирование развлекательных материалов, детективов, комиксов и «ужастиков»;

6) исчезновение русских сказок, пословиц, поговорок, отражающих менталитет и нравственные ценности народа;

7) отказ от духовности, провозглашение культа силы и превосходства, чем поддерживается агрессивность и эгоизм читателей;

8) выдвигание в качестве главного приоритета внимания к внешним признакам в ущерб внутреннему миру;

9) неполное использование богатства русского языка и неоправданное введение лек-

сики разговорной и сниженной («училка», «козлы», «задолбал» и др.);

10) использование иностранных слов при наличии русских («тинейджер», «супер» и др.);

11) нарушение правил русского языка, многочисленные ошибки разного рода, вплоть до выражения мысли «не по-русски» и т. д.

Таким образом незаметно происходит разрушение русского архетипа и национальной самобытности (в лучшем смысле этого слова) и, что наиболее опасно для юной аудитории, наблюдается экспансия антигуманных ценностей массовой культуры.

Для предотвращения этого необходимо стремиться к реализации Декларации прав культуры, помня, что «культурными ценностями не может распоряжаться не только правительство, парламент, но и вообще живущее поколение, ибо культурные ценности не принадлежат одному поколению, они принадлежат и поколениям будущим» [5, 10]. А для сохранения духовной культуры «необходимы творческие усилия национального разума и национальной воли» [6, 4]. Недаром в мире наблюдается сопротивление со стороны социальных движений на локальных уровнях, поскольку и эксперты ООН отмечают, что глобализация имеет свои негативные стороны.

Издателям и редакторам необходимо вернуться к национальным корням, возрождать в детях и молодежи исконно русские качества, например любовь к России и к тому, кто рядом. Надо вспомнить, что газеты и журналы призваны не только развлекать, но и содействовать формированию достойной личности, воспитывать на лучших патристических и культурных традициях гражданственности и ответственности юных читателей за происходящее в стране и мире. Нельзя забывать, что существуют вневременные требования к содержанию детских и молодежных изданий независимо от их учредителей.

Литература

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. 2-е изд., дораб. М., 2004. (Классический университетский учебник).
2. Новая детская литература / введ. ст. и аннот. указ. С. Рагозиной. Л.; М., 1924.
3. Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000.
4. Культура в процессе глобализации // Диалог культур-2005: горизонты гуманитарного знания: матер. науч.-практ. конф. СПб., 2005.
5. Декларация прав культуры (проект). 3-е изд., испр. СПб., 2001.
6. Бердяев Н. Душа России. Л., 1990.

Н. З. ТАКИЖБАЕВА,

доцент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева,
кандидат исторических наук (Астана, Казахстан)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И ИДЕОЛОГИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ (На примере Казахстана)

История общественной мысли свидетельствует о том, что обществознание развивалось на основе дифференциации социальных знаний. Раньше других в качестве самостоятельной отрасли обществознания сформировалась историческая наука. В XIX в. началось развитие экономической системы знания. Обострение классовой борьбы, повышение роли государственных институтов, политических движений, партий стимулировало развитие политической науки и комплекса правовых дисциплин. Для XX в. характерно повышение значения социологии, демографии, этнографии, культурологии. Рубеж XX–XXI вв. ознаменован междисциплинарностью и растущей социологизацией общественных наук¹.

В это время и сама социология на всем постсоветском пространстве трансформировалась. «Колоссально расширилась тематика: в советской социологии она была искусственно сжата, нельзя было касаться многого, в том числе главного — проблемы социальной структуры общества. К вопросам о том, как устроено общество, можно было подходить только на идеологических ходулях», — вспоминает академик Т. И. Заславская². Однако безусловным является то, что наука, в том числе общественная, призвана беспристрастно искать истину, используя обновляющийся аппарат знания о своем предмете. При этом идеология предназначена для другого: выражать социальный интерес определенных общественных сил. Наука, которая опирается на идеологию, утрачивает право называться наукой. Она превращается в наукообразную апологию социального интереса, как считает В. А. Ядов³.

Надо отдать должное коммунистической партии советского времени: ее исследователи в своей деятельности стремились четко

демонстрировать руководящую и направляющую силу общества. Но беда в том, что эта привычка к однозначности проявлялась ими уже в руководстве и контроле над общественными науками в условиях независимого Казахстана, когда им доверялось быть членами диссертационного и экспертного, Высшего аттестационного советов, апелляционной комиссии.

Можно сказать, что научное мышление диссертанта было у них «под колпаком». Такая ситуация имеет место и в новых политических условиях. Поэтому ни о какой полипарадигмальности, междисциплинарности речи быть не может, даже если весь мир говорит об этом: они не допустят. И если для этого надо пойти на обман ради наказания осмелившегося иметь свою концепцию, они на это пойдут (что и было сделано по отношению к автору). Но наказывать их за этот обман невозможно: они — начальники, не стесняющиеся называть себя «цветом науки» Казахстана. В нынешних условиях данный статус имеет большой вес. Борьба за справедливость, как показала практика, будет бессмысленной. А ведь еще Ленин говорил: «Не надо обольщать себя неправдой. Это вредно. Это — главный источник нашего бюрократизма»⁴.

Если в независимом Казахстане хотят дать дорогу более активному развитию науки, то нужно не допускать в руководство ею специалистов по истории КПСС: это чревато несправедливостью в научном отношении. От них науке вреда больше, чем пользы. Они просто уничтожат знания, засоряя умы псевдонаучными идеями. Ни для кого не секрет, что в каждой узкой области науки настоящих специалистов (кстати, далеких от политической идеологии) совсем немного. Их потеря быстро приводит к деградации целых научных направлений, а затем и всей науки⁵. Получается, что в общественных науках, в зависимости, наверное, от степени развитости демократии, большую роль играют субъективные факторы. А в наших условиях — особенно, тем более что защитившие свои диссертации по

¹ См.: *Российская социологическая энциклопедия* / под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1999. С. 336; *Советская историческая энциклопедия*. М., 1965. Т. 6. Ст. 584; *Осипова Н. Г.* Возникновение и развитие социологии. Предыстория. Периодизация // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2002. № 3. С. 189; *Школьник В. С.* О проблемах эволюции открытых систем // *Проблемы эволюции открытых систем*. Алматы, 2002. Вып. 4. С. 3.

² *Заславская Т. И.* Мы вошли через другую дверь // *Известия-Казахстан*. 2002. 3 сент.

³ См.: *Ядов В. А.* Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2000. С. 15.

⁴ *Маркс К.* О социализме и коммунизме / К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин. М., 1986. С. 375.

⁵ См.: *Азаренко С. Н.* О роли науки в современном обществе / С. Н. Азаренко, Н. М. Айтхожина, В. М. Сомыков // *Проблемы эволюции открытых систем*. Алматы, 2002. Вып. 4. С. 178; *Тощенко Ж. Т.* Социология. Общий курс. М., 2001. С. 353.

истории КПСС до сих пор задают тон в развитии наук об обществе. Поэтому сегодня молодой ученый в Казахстане вынужден ориентироваться не на нормы, принятые в мировой науке, а на то, как это будет воспринято начальниками, контролирующими исследование. Как говорил академик Г. Н. Флеров, «объяснить важному начальству проблему нужно не правильно, а так, как ему будет понятно. Это ложь во благо»¹.

Интересно, есть ли подобное в других государствах бывшего СССР, и как они справляются с подобной проблемой?.. Социальная и правовая защищенность исследователя явля-

ется одним из важных показателей политического режима в стране. Не секрет, что именно КПСС в советское время сделала немало для развития науки страны. Но как быть сейчас? Может быть, создать гильдию ученых, как это сделали предприниматели России, и таким образом искать справедливость в науке?.. Или, может, лучше обратиться за примером решения идеологических проблем в науке к зарубежному опыту?

Глобальные проблемы науки как сферы жизнедеятельности человечества надо решать сообща, помня этические нормы, которых придерживался Д. С. Лихачев.

А. В. УСПЕНСКАЯ,

профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук

РОМАН «ДА» И РОМАН «НЕТ»: О РОМАНАХ В. НАБОКОВА «ДАР» И «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»

О тесных интертекстуальных связях двух знаменитых романов В. Набокова — «Дар» и «Приглашение на казнь» написано немало². Как известно, писатель прервал работу над четвертой главой «Дара» и вернулся к ней, только полностью закончив «Приглашение...».

Справедливо полагая, что жизнь художественных приемов в романах В. Набокова не менее важна, чем жизнь героев, исследователи сделали в этом плане очень много: о функциях приемов в обоих романах существует целый ряд работ. Так, например, В. Полищук считает, что «ряд приемов, работающих в рамках одного романа, точно так же работает и на метауровне»³. Однако именно в этом заключена сложная герменевтическая проблема: только рассмотрение приема на метауровне помогает раскрыть «истинную жизнь» приема в отдельном произведении.

Один из таких приемов, проявляющийся в обоих романах, получил название «герменев-

тического императива». Так исследователи именуют цепочки повторяющихся мотивов, которые призваны насторожить внимательного читателя и, сложившись в определенную линию, раскрыть ему (может быть раньше, чем герою) истинный, inferнальный смысл бытия. Некоторые из этих мотивов явно просматриваются и в «Даре», но примечательно, что там их смысл кардинально меняется.

Рассмотрим два важных для «Приглашения...» мотива — децентрированности и отчасти связанный с ним мотив красного цвета. «Не совсем посередке» стола тюремщик ставит вазу с пионами в честь прибытия Пьера — Цинциннат воспринимает это как досадную, но еще безобидную подробность; лампочка в камере, расположенная не совсем посередине вогнутого потолка, уже ощущается как «неправильность, мучительно раздражавшая глаз», это «мучительное напоминание» о грядущей казни, причем «ужас ожидания» как-то сопряжен с неправильно найденным центром потолка. И, наконец, почти в центре квадратной площади, именно «не в самом центре, и это было отвратительно — возвышался червлёный помост эшафота».

Параллельно в романе звучит, все усиливаясь, мотив чего-то страшного, красного — цвета крови и гибели. Приведем элементы этой смысловой цепочки. Жизнь представляется Цинциннату «кучей черешен, красно и клейко черневшей», далее упоминается о красном цилиндре, эвфемистически обозначающем в приговоре суда декапитацию; Цинциннат видит, как кто-то в красном идет по

¹ «Путешествие на новые острова»: интервью члена-корр. РАН Ю. Оганесяна, кор. ЛГ, В. Губареву // Литературная газета. 2002. № 18–19. С. 12.

² См.: Буж Н. Эшафот в хрустальном дворце: О русских романах В. Набокова. М., 1998; *Барабтарло Г.* Очерк особенностей устройства двигателя в «Приглашении на казнь» // В. В. Набоков: Pro et contra. СПб., 1997. С. 452–453; *Долгин А.* Истинная жизнь писателя Сирина // Набоков В. Собр. соч. русского периода: в 5 т. Т. 4. С. 29; *Александров В. Е.* «Потусторонность» в «Даре» Набокова // В. В. Набоков: Pro et contra. С. 337–338; *Александров В. Е.* Набоков и потусторонность. СПб., 1999. С. 107–108.

³ *Полищук В.* Жизнь приема у Набокова // В. В. Набоков: Pro et contra. С. 815–828.

мосту в крепость — как может предположить читатель, это сам палач; боль расставания с жизнью будет «красная, громкая», — думает Цинциннат; на единую смысловую ось нанизываются и упоминания Пьера о «красном дне» встречи с Цинциннатом, «красной магии», красный платок Пьера, упоминание о красных вишнях, которыми, возможно, угостит Пьер своего гостя, пожелание связать «фаршик», вместо «шарфика», наконец — «червленый помост эшафота». Оба эти мотива являются предвестниками трагической развязки, признаками зловещей неправильности, фатальной испорченности этого мира.

Рассмотрим теперь, какую функцию выполняют эти же мотивы в романе «Дар». Мотив децентрированности также звучит зловещим диссонансом, причем в ряде эпизодов он связан с мотивом зловеще-красного цвета, впрочем, в иных случаях отвратительные красные предметы могут возникать и вне этой связи. Но мрачные ощущения и предчувствия героев практически нигде не находят подтверждения и не исполняются, то есть герменевтический императив не реализуется. Размышляя о том, кто мог написать о его сборнике одобрительную рецензию, Федор вспоминает о молодом писателе «с какой-то неправильностью в положении лопаток», но в этой асимметрии нет ничего зловещего, ибо писатель Кончеев — чуть ли не единственный единомышленник Федора. У несимпатичного пошляка и циника Щеголева «была замечательная и тоже чем-то непристойная прическа: жидкие черные волосы, ровно приглаженные и разделенные пробором не совсем посередине головы, но и не сбоку», но персонаж этот, и в самом деле напоминающий палача Пьера, не причинит Федору никакого вреда. Дом, где живет Зина Мерц, «был угловой и выпирал, как огромный красный корабль», причем вверх выдается асимметричная красная башня. Кажется, что он построен сумасшедшим архитектором. Комната в этом доме, где поселяется Федор, также поначалу кажется ему «отталкивающей, враждебной», она расположена «на несколько роковых градусов вкось». Но именно в этом доме Федор встретит свою любовь.

Красные предметы на протяжении романа возникают настойчиво, как будто сигнализируя о присутствии явного inferнального начала в окружающей жизни. Размышляя о мире «прекрасных демонов» рекламы, Федор вспоминает мальчика «в невозможной, с красным галстуком матроске», девочку в красных зашнурованных сапожках. Выросши, они будут есть, «плотоядно осклабясь, бутерброд с чем-то красным». В конторе, где работает Зина, «особенно был страшен диван, тускло-багро-

вый, с вылезшими пружинами — ужасный и непристойный предмет». В приемной дантиста «седая гарпия» сидит за столом «среди флаконов кроваво-красного Лоусоновского эликсира» и т. д. Но в «Даре» все эти странные и страшные явления так и не реализуют свой мрачный мистический смысл, подтекст, казалось бы, в них заложенный.

Смещение центра с красной точкой возникает и в сцене бритья, напоминающей «Приглашение на казнь» по силе отчаяния, овладевшего Федором. Но отчаяние это несерьезное, травестированное, к тому же быстро проходящее: Федор давит чирей, вскочивший сбоку, на подбородке (натуралистическая подробность призвана подчеркнуть временное и неуместное малодушие, пришедшее после «стихотворного похмелья», потерю самоконтроля). Эта красная точка напоминает ему око, смотревшее некогда на Каина, «адову безнадежность», «Степь Отчаяния», но отчаяние вскоре сменяется радостью встречи с Зиной.

Еще один сквозной мотив в «Приглашении» — мотив черного, пыльного, узкого «как смерть» подземного хода, путем которого надеется спастись герой — но тщетно. Другое дело, что спасение может принести сама смерть, «узкие ворота» которой он сможет преодолеть. В Евангелии от Матфея сказано: «Входите тесными воротами, потому что широкие ворота и просторен путь, ведущие в погибель... потому что тесны ворота и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф., 7: 13–14).

Перекличку с этим трагическим мотивом узкого хода, ведущего только в одну сторону, к физической гибели, А. Долинин заметил в романе «Подвиг», когда Мартын проходит через Бранденбургские ворота. Однако в «Даре» мотив узкого хода также присутствует, но лишен трагизма: сквозь «теснину Бранденбургских ворот» Федор и Зина проходят невредимо. При этом в книжном магазине Федор видит барышню, читающую почему-то именно «Туннель» Келлермана по-русски.

Одни и те же мотивы, присутствуя в обоих романах, не просто перекликаются: они имеют различный, часто противоположный смысл. Так, «Дар» начинается со сцены чьего-то переезда; зеркальный шкаф отражает «белое ослепительное небо» с «безупречно-ясным отражением ветвей». В «Приглашении...» в камеру к Цинциннату приносят такой же зеркальный шкаф — но «со своим личным отражением», там виднеется спальня Цинцинната и знак измены, перчатка на полу, потерянная второпях любовником Марфиньки.

Тамарины сады — символ несостоявшейся, обманувшей любви в «Приглашении...». В «Даре» жилище Щеголевых тоже в какой-то степени

«Тамарины сады» — именно Тамара Абрамова устроила туда Федора и там он встретил Зину Мерц.

В «Приглашении...» Цинциннат шьет тряпичных кукол — Пушкина и Гоголя, увлекается классической литературой: «уже готов был совсем углубиться в туманы древности и найти в них подложный приют», но встречает Марфиньку. Он вспоминает, как она «полуоткрыв влажные губы, целилась ниткой в игольное ушко» — и это обличает ее наивно-плотоядную, развратную сущность. В «Даре» есть схожий эпизод: Федор пытается читать Гоголя, но чувствует, что не в силах: он видит в столовой Зину. «Она сидела у балконной двери и, полуоткрыв блестящие губы, целилась в иглу». Но в Зине это не неизменные черты, а лишь трогательные.

Федор Годунов ощущает, что мир сделан кем-то — и это радует его, ибо сделан этот мир прекрасно, со вкусом: «В омытом небе, сияя всеми подробностями чудовищно-сложной лепки, из-за вороного облака выпрастывалось облако упоительной белизны». Для Цинцинната же все очевиднее становится искусственность его мира. То, что в небе плывут облака, и то, что в небе плывут «облака только трех видов», и многое другое свидетельствует об убожестве замысла неизвестного Демиурга и сама децентрированность для Цинцинната — символ испорченности мира;

в «Даре» же говорится: «В порыве к асимметрии, к неравенству слышится мне вопль по настоящей свободе».

Итак, в одном художественном пространстве звучит лейтмотив «Да», обращенный к земному миру. Как известно, именно так первоначально собирался Набоков назвать роман «Дар», о чем писал в письме к З. Шаховской в марте 1936 г. Другой роман демонстрирует решительное неприятие мира, только притворяющегося настоящим. Заметим, что палач Пьер в известной сцене искушения Цинцинната не требует, подобно Сатане, поклонения себе, он требует сказать только одно слово — «Да!» или хотя бы кивнуть головой, что невозможно для героя.

Использование сходных мотивов и образов, перетекающих из одного романа в другой, настойчиво перекликающихся, создает прием, напоминающий герменевтический императив, но реализующийся уже на макроуровне. Возникает идея биспациарности — двупространственности, где существуют две бесспорно-верные, но противоположные реакции на окружающий мир — «Да» и «Нет». Но ни одна из них не должна оставаться единственной, универсальной. Каждый вариант, оставаясь единственным, знаменует впадение в некую особую неправду. Сливаясь же, оба эти ответа знаменуют попытку найти гармонию, утраченную и литературой и жизнью.

А. И. ФИЛАТОВА,

профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ НА СТРАНИЦАХ «ТРУДОВ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» ИРЛИ РАН (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

В перечне книг по литературоведению издательства АН СССР 1930-х гг. были названы «Труды комиссии по древнерусской литературе» [т. I, 1932] и «Труды отдела древнерусской литературы» [т. II, 1935]¹.

Отдел древнерусской литературы, чьим детищем являются «Труды», организован академиком А. С. Орловым, который был его руководителем до своей кончины в марте 1947 г. В последующие годы отдел возглавляли видные ученые-медиевисты: член-корреспондент В. П. Адрианова-Перетц, академик Д. С. Ли-

хачев, доктор филологических наук О. В. Творогов, в настоящее время во главе отдела — доктор филологических наук Н. В. Поньрко. В 1930-х гг. было положено начало научному изданию, которое с завидной регулярностью выходит уже более семидесяти лет. Редакция «Трудов» стремилась консолидировать усилия исследователей, занимающихся изучением Древней Руси, дать им возможность обнародовать свои концепции, свое понимание своеобразия древнерусской литературы.

В XI томе «Трудов» читаем: «Труды отдела древнерусской литературы должны объединить всех изучающих древнерусскую литературу и предоставить им возможность выступать со своими научными размышлениями, не ограничивая борьбы научных мнений

¹ Библиографический список опубликован в качестве приложения к книге: Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.: Л., 1937.

и свободы критики, без которых никакая наука не может развиваться»¹. Вся история «Трудов» говорит о том, что этот принцип соблюдался неукоснительно. Одним из примеров может служить публикация писем из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева, озаглавленная «Спор о подлинности “Слова о полку Игореве”»: история одной неосуществленной публикации»².

Важно подчеркнуть — академик А. С. Орлов, член-корреспондент В. П. Адрианова-Перетц и другие исследователи старшего поколения считали необходимым изучение литературы Древней Руси в ее движении и главное — изучение литературного процесса. В частности, академик А. С. Орлов полагал, что принципиальное значение имеют изыскания в области средневековой эстетики, но в прямую исследователи (это были 1940-е гг.) к решению этой сложной проблемы еще не подошли. А. С. Орлов тогда писал: «Изучение древнерусской литературы не дошло еще до той стадии, когда может быть изображен во всей его полноте исторический процесс в свете его общекультурного развития, роли общественной и государственной жизни, наконец, с точки зрения литературы как искусства, то есть в плане определения своеобразных эстетических признаков литературы Средневековья»³.

Продолжение и развитие мыслей А. С. Орлова нашло отражение в развернутом докладе В. П. Адриановой-Перетц «Основные задачи изучения древнерусской литературы 1917–1947 гг.»⁴. В том, уже давнем докладе В. П. Адриановой-Перетц были намечены пути дальнейшего исследования древнерусской литературы. Одну из задач она видела в необходимости создания «Библиотеки древнерусской литературы». Для этого, по ее мнению, необходима серьезная текстологическая работа в отношении памятников, как уже издававшихся, так и еще неопубликованных. Работа эта осуществлялась медленно. Ее итоги были подведены в исследовании Д. С. Лихачева «Текстология на материале русской

литературы X–XVII веков». В предисловии от автора Д. С. Лихачев отметил, что цель его работы — обобщить опыт, накопившийся у специалистов по древнерусской литературе. Налицо преемственность: старший по возрасту и исследовательскому опыту ставит задачу, его последователь ее решает (к слову, ответственным редактором этой книги Д. С. Лихачева была В. П. Адрианова-Перетц).

В докладе была поставлена проблема периодизации древнерусской литературы. В. П. Адрианова-Перетц понимала, что выделение стадии, этапов в развитии литературы русского Средневековья, основанное на исторической схеме, явно недостаточно. Нужны новые подходы, опираться следует на научное представление о стилевых поисках древнерусских книжников, важны также изменения в концепции человека на разных этапах развития литературы X–XVI вв. Усилия многих исследователей способствовали созданию базы для разработки новой периодизации.

Одной из первых работ, посвященных проблемам стиля, стала книга В. П. Адриановой-Перетц «Очерки поэтического стиля Древней Руси», опубликованная в 1947 г., и ее же исследования о взаимосвязях литературы и фольклора. Следует заметить, что В. П. Адрианова-Перетц активно печаталась в «Трудах». Среди ее публикаций следует выделить статьи: «Древнерусская литература и фольклор (к постановке проблемы)», «Исторические повести XVII века и устное народное творчество», «О реалистических тенденциях в древнерусской литературе XI–XV вв.»⁵. Работа, обобщающая итоги ее исследований данной проблемы, — «Древнерусская литература и фольклор» была опубликована в 1974 г.

Д. С. Лихачев также активно публиковался на страницах «Трудов». Ранние публикации были посвящены проблемам летописания⁶, «Слову о полку Игореве»⁷. Дмитрий Сергеевич Лихачев занимался изучением текстов «Повестей о Николае Заразском»⁸. В поле его зрения присутствовало «Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь»⁹. Его

¹ От редакции ТОДРЛ изд. АН СССР / отв. ред. член-кор. АН СССР Д. С. Лихачев. М.; Л., 1995.

² Спор о подлинности «Слова о полку Игореве»: история одной неосуществленной публикации (по письмам из архивов Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева) // ТОДРЛ. Т. 56. СПб., 2004.

³ ТОДРЛ. Т. V. М.; Л., 1947. С. 3.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц возглавляла отдел древнерусской литературы до 1954 г., руководство отделом она передала Д. С. Лихачеву. Доклад, прочитанный на юбилейной сессии Института литературы АН СССР 15 октября 1947 г. // ТОДРЛ. Т. VI. М.; Л., 1948. Вновь вопрос о проблемах изучения древнерусской литературы был поставлен в «Трудах», т. XX. М.; Л., 1964.

⁵ ТОДРЛ. Т. VII. М.; Л., 1951; Т. IX. М.; Л., 1953; Т. XVI. М.; Л., 1960.

⁶ Лихачев Д. С. Галицкая летописная традиция в житии Александра Невского // ТОДРЛ. Т. V; Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы // ТОДРЛ. Т. VI; Изображение людей в летописи XII–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. X; О русской летописи, находившейся в одном сборнике со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. V.

⁷ Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. VIII.

⁸ ТОДРЛ. Т. VII.

⁹ ТОДРЛ. Т. VIII.

интересовала проблема изображения человека в литературе русского Средневековья¹.

Из сказанного ранее очевидно, что круг научных интересов Д. С. Лихачева во многом определен в его публикациях в «Трудах». Мысли, наблюдения, выводы нашли свое развитие и анализ в его широко известных книгах.

Д. С. Лихачев во «Вступительных замечаниях» к своей работе «Человек в литературе Древней Руси» (1958) считает нужным предупредить читателя, что часть глав этой книги предварительно публиковалась (главы 1, 2, 4, 8, 9 в книгу вошли в переработанном виде)². Первая глава книги названа «Проблема характера в исторических произведениях начала XVII века». Ее полезно сопоставить со статьей автора с таким же названием в «Трудах»³.

Долгие раздумья об исторических путях Древней Руси и, главное, о самобытной литературе с ее жанровыми и стилевыми поисками были обобщены авторами в книге «Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили» (1973). По словам автора, он стремился дать некоторые обобщения для построения будущей теоретической истории русской литературы X–XVII вв.⁴ По сути, ученым предлагается абсолютно новая периодизация древнерусской литературы, в которой главным признаком становится стиль, характерный для данной эпохи. Д. С. Лихачев говорит, что в его книге рассматривается историко-литературный смысл четырех литературных эпох в их целом: эпохи стиля монументального историзма (X–XIII вв.), Предвозрождения (XIV–XV вв.), эпохи второго монументализма (XVI в.) и века перехода к литературе типа Нового времени. Эти работы Лихачева и те, которые здесь не упоминаются, являются надежной основой для

дальнейшего успешного развития науки, изучающей древнерусскую словесность.

У Д. С. Лихачева было много соратников и учеников. Среди них — Р. П. Дмитриева, Л. А. Дмитриев, М. А. Салмина, Я. С. Лурье, О. В. Творогов, А. М. Панченко, Н. Ф. Дробленкова, Г. М. Прохоров, Н. В. Понырко и др. Их публикации мы также находим в томах «Трудов».

Хорошей традицией «Трудов» стало регулярное появление на их страницах списков научных работ исследователей древнерусской литературы. Так, в V томе «Трудов» опубликован «Библиографический указатель научных печатных трудов академика А. С. Орлова и литература о нем», составленный известным ученым П. Н. Берковым, а также последняя работа А. С. Орлова «О галицко-волынском летописании». В 55-м томе «Трудов» (2004) помещен «Список научных трудов доктора филологических наук О. В. Творогова за 1959–2003 гг.».

Ознакомление научной общественности и всех тех, кто интересуется русским Средневековьем, имеет немалый смысл. Библиографические списки позволяют получить представление о круге проблем, которые находятся в центре внимания исследователей. Материалы, публиковавшиеся «Трудами», способствуют осмыслению истории становления и развития науки, изучающей древнерусскую литературу. «Труды» и востребованы и актуальны в наши дни, в современных исследованиях множество ссылок на них. К материалам «Трудов», к примеру, активно обращаются литературоведы, занимающиеся изучением русской литературы второй половины XX и начала XXI в. (военная проза, деревенская проза). Значимость традиций древнерусской литературы велика и несомненна. Жаль только, что тираж «Трудов» невелик...

Э. Й. ХИТАРОВА,

доцент кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, кандидат педагогических наук

ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ ПУШКИНСКОГО ПЕТЕРБУРГА — ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО КОММУНИКАЦИОННО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Текст культуры — это осознанная человеком система ценностей. Изучение культуры является формированием личностного сознания

посредством последовательного осознания ценностей. Так, *изменение сознания* человека продолжается в течение всей жизни, а общественного сознания — в течение всей истории. Время жизни — это процесс позна-

¹ Изображение людей в летописи XII–XIII вв. // ТОДРЛ. Т. X; Изображение людей в житийной литературе конца XIV–XV вв. // ТОДРЛ. Т. XII; Проблема характера начала XVII в. // ТОДРЛ. Т. VIII.

² Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси / АН СССР. М.; Л., 1958. С. 6.

³ ТОДРЛ. Т. VIII. М.; Л., 1951. С. 218–235.

⁴ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 3.

ния, который *опредмечивается* в истории и личностном сознании человека. Последовательное осознание различных ценностей и изменение сознания — это становление передаваемого во времени и пространстве текста культуры, то есть *коммуникационно-культурный процесс*. Он включает развивающиеся отношения: сознание как взаимодействие знаний и сознаний; осознание как взаимодействие психологических процессов; осознание изменившихся сознаний как *развитие ценностного сознания и культуры личностной коммуникации в целом*.

Ценности культуры функционируют посредством информационного взаимодействия смыслов и сведений — это материальное; и ценностей культуры (понятия и символы) — это идеальное. Взаимодействие активно между крайностями, характеризуя целостность жизни экосистемы. В этом смысле культура и сознание «маргинальны».

Культура пушкинского Петербурга — это коммуникационно-культурное пространство актуальных, функционирующих ценностей, объективно расширяющийся и углубляющийся процесс. Две главные причины данного развития связаны: первая — с наличием понятия личности А. С. Пушкина; вторая — с наличием сообщества петербуржцев, осознавших целостность *мира культуры пушкинского Петербурга*. Такое осознание не заключается во внешних образах культуры. Целостность — это приобретенная в бесконечном труде способность формировать культуру воображаемого мира как собственную личность. Понятие пушкинской целостности соответствует понятию *практически сложившейся личности современника*.

Состоявшаяся личность — идеал разумности. Человек, воспринимая среду и условия обитания, формирует повседневно сферу сознания, реализует себя как *имеющий сознание элемент Вселенной*. В процессе управления обществом целостность культуры формируется во взаимодействии человеческих аспектов информационных технологий и технологических аспектов личностного сознания. *Осмысление культуры имеет целью не новую технологию, а сохранение взаимодействия ценностей культуры*. В коммуникационно-культурном пространстве информационный материал осмысливается посредством научного (системного) воображения человека. В результате утраченная в социуме целостность жизнедеятельности восстанавливается, формирование ценностного сознания возобновляется.

Текст *культуры пушкинского Петербурга* является редким образцом целостности повседневного сознания и высокого класси-

ческого эталона культуры. Поэтому личность изучающего мир современника включает более или менее глубокое понимание ценностей культуры пушкинского Петербурга. *Пушкиноведение* является видом (изучением) и формой (диалогом) повседневной культуры Петербурга. Теоретическая база этой *практической области жизнедеятельности* характеризуется сложностью (буквально) предмета исследования и структуры получаемых знаний. Целостность общественного сознания формируется как обновляющаяся во времени целостность формы и возвышающееся в ценности пространство отечественной и мировой культуры.

Пушкиноведение может быть наиболее целостной практической областью культуры общественного сознания. Это специфически петербургская область *культуроведения* (развитие ценностей мировой культуры познанием мира Пушкина). В Петербурге *диалог социального и культурного* реализуется как *саморазвивающийся трансфер* — переход воображаемых ценностей в реально функционирующие формы культуры. В обновляемом пушкиноведением процессе распределения этих форм заключается специфика общественного сознания, или *культуроведения* — научного, системного сознания современного человека.

Изучение культуры пушкинского Петербурга соответствует закону *единства научного познания, исследовательского (системного) процесса и практической деятельности*. От такой профессиональности сознания гражданина зависит качество управления обществом. Изучение *культуры пушкинского Петербурга* находится в фокусе конфронтации теоретического и обыденного мышления людей в условиях формирования информационной цивилизации и является актуальной проблемой современного научного познания. Средством формирования системы ценностей культуры является в данном случае пушкиноведение как дисциплина; оно меняет понятие источника культуры — основную часть *парадигмы изучения мира*. Источником идеальных ценностей являются не документ, книга, фильм, песня и так далее, а другие формы — интеллект, гражданская личностная позиция, стиль общения.

Стремление к изучению высоких ценностей приводит сознание к созданию и обновлению личностных (разумных) ценностей гуманистической культуры. Итак, понятие *коммуникационно-культурного пространства пушкинского Петербурга* включает следующие ценности:

— петербургский текст в отечественной культуре;

— изучение текста культуры пушкинского Петербурга как деятельность;

— процесс становления личности как формы культуры, включающей изучение мира культуры пушкинского Петербурга.

Коммуникационно-культурные круги (пространство жизни) и сферы (время изменения) взаимодействия ценностей культуры пушкинского Петербурга:

— люди, изучающие мир и формирующие свою «личность» (персональный человек, общество);

— Петербург как пространство взаимодействия ценностей «личность Пушкина» и «личность современника»;

— «мировое» приобщение к данному взаимодействию — географически, диалогически, разумно, обыденно, технически.

Исторически сложившиеся особые условия:

— целостность личности Пушкина и петербургская целостность личности;

— Петербург как центр коммуникационно-культурного пространства России и Европы;

— историческое единство классических образцов петербургской культуры и повседневности;

— коммуникационно-культурное влияние пушкинского Петербурга на глобализацию.

Изучение текста культуры пушкинского Петербурга создает коммуникационно-культурное пространство, объединяя предмет осознания и научное изображение человека. В области массовой культуры (СМИ, образование, управление) и просвещения (творчество, искусство, досуг) нужны тексты, отражающие развитие индивидуального сознания. Властные тексты, например имитация, демагогия, дилетантство, азарт, ложь, безличностны и не диалогичны. Своим менторским тоном они подавляют процесс трансфера ценностей, гася «сферность» процессов пространства. Личное приобщение к наследию А. С. Пушкина способствует осознанию глубинных (личностных, самостных) аспектов российской культуры, но полнота этого процесса зависит от соответствия личности изучающего мир человека предмету познания.

Л. Е. ЕЛИЗАРОВА,

старший научный сотрудник Военной академии связи,
доктор педагогических наук (Санкт-Петербург);

Л. А. ХОЛОДКОВА,

научный сотрудник Бюро изобретательства и рационализации Военной академии связи,
кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург);

В. П. ЧЕРНОЛЕС,

начальник Бюро изобретательства и рационализации Военной академии связи,
доктор педагогических наук (Санкт-Петербург)

ИННОВАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА: СУЩНОСТЬ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

Переход от «материальной» к «интеллектуальной» экономике знаний, к инновационному развитию общества в начале третьего тысячелетия отражает суть человеческой деятельности и проявления уникальной способности человека творчески вмешиваться в ход развития общества и, в первую очередь, в развитие самого себя.

Содержание инновационной деятельности может быть представлено как комплексный процесс создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для удовлетворения человеческих потребностей, меняющихся в ходе развития социокультурных систем.

Степень актуализации нововведения зависит не только от его значимости, но и от состояния «готовности» социокультурной среды воспринять и структурно-институционно

закрепить это нововведение. В значительной мере степень «готовности» определяется уровнем инновационной культуры субъектов, от которых зависит успешность актуализации новшества в социокультурную систему. Чрезмерное сопротивление, так же как и поспешность внедрения нового — признак невысокой инновационной культуры.

Анализ проблем, связанных с низким уровнем инновационной культуры дает основание для ряда выводов.

Отставание инновационных процессов в организации, управлении, образовании, праве, устройстве жизни от достижений научной и технической мысли становится тормозом развития этих достижений, препятствует их эффективному использованию. Необходимо создание такой атмосферы в обществе, системе образования, в которой конструктивное

отношение к новой идее, нововведению было бы не только потребностью каждого гражданина, но и одной из наиболее значимых общественных ценностей. Нужны концептуальные преобразования в системе образования, разработка методик по формированию инновационной культуры и оценке ее уровня у всех субъектов профессионального образования. Средства массовой информации предстоит формировать у людей установки на то, что отношение каждого гражданина к нововведениям есть отношение к своему будущему, к богатству и достоинству государства. Гуманитарным наукам, особенно культурологии, педагогике, социологии, психологии, следует более глубоко использовать феномен инновационной культуры, обосновать эффективные средства против пороков личности, препятствующих инновационным процессам. Жизненно важно содействовать развитию правовой культуры в части поддержки и охраны прав авторов на объекты интеллектуальной собственности, стимулирования инновационной активности и повышения ответственности за препятствия ей.

Взгляды исследователей на понимание инновационной культуры до настоящего времени нельзя считать устоявшимися. В большинстве случаев термин «инновационная культура» используется в научной литературе для того, чтобы подчеркнуть, что сейчас недостаточно только говорить о знаниях, навыках, умениях, необходимых для инновационной деятельности, но и важно понимание, каким образом личность взаимодействует с этими знаниями, как новые знания могут влиять на структуру и внутренний мир личности. В широком смысле инновационная культура как социальный феномен — это готовность и способность общества к инновациям во всех их проявлениях: в управлении, образовании, производстве, законодательстве.

Инновационная культура может рассматриваться как комплексный социальный феномен, органически объединяющий вопросы науки, образования, культуры с социальной и, прежде всего, профессиональной практикой в различных сферах сообщества: управлении, экономике, образовании, культуре.

Инновационная культура человека — это область его духовной жизни, отражающая его ценностную ориентацию, закрепленную в мотивах, знаниях, умениях, навыках, образцах

и нормах поведения и обеспечивающая восприимчивость им новых идей, его готовность и способность к поддержке и реализации новшеств во всех сферах жизни.

Одним из проявлений инновационной культуры в образовании является формирование образа личности, максимально полно выражающего потенциалы человека. Приоритетами образовательной деятельности, направленной на формирование инновационной культуры субъектов профессионального образования, являются:

- духовное развитие личности, ориентированное на формирование трех сфер: ценностно-нормативной, когнитивной (рациональной) и деятельностной (технологической);

- социальное развитие личности как субъекта социальных отношений и, прежде всего, овладение профессиональными знаниями, умениями и навыками;

- физическое развитие.

Перечисленные приоритеты определяют ряд концептуальных положений, которые должны лечь в основу разработки конкретных технологий по формированию инновационной культуры личности:

- создание технологий обучения инновационной деятельности;

- формирование системы представлений об инновационных процессах;

- создание структуры инновационной среды вуза;

- разработка дидактических средств, обеспечивающих диалогичность обучающегося и обучающего в процессе инновационной деятельности;

- разработка технологий и методик выявления индивидуальных особенностей обучающихся и уровня их готовности к участию в инновационной деятельности.

Из сущности инновационной деятельности и совокупности решаемых при этом проблем, очевиден вывод о том, что инновационная культура является понятием интегральным, и ее основные составляющие — культурный универсум, профессиональная культура, культура творчества, культура в области права интеллектуальной собственности, культура восприятия нового, культура управления, физическая культура.

Именно такое представление и понимание инновационной культуры будет гарантией от неудач в реализации инновационных процессов в современном обществе.

А. Ю. ШАДЖЕ,

заведующая лабораторией этнокультурных проблем Адыгейского государственного университета, профессор кафедры философии и социологии, доктор философских наук (Майкоп)

ГЛОБАЛИЗАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

Характеризуя глобализацию, следует отметить, что она представляет собой противоречивое явление, сочетающее два взаимосвязанных процесса. С одной стороны, это процесс расширяющейся самоорганизации, или естественной глобализации «по горизонтали», когда достижения одних культур усваиваются другими культурами в процессе сотрудничества народов и государств. С другой стороны, этот процесс включает глобализацию «по вертикали», или искусственную, когда определенные представления страны, группы, партии и так далее насильственно внедряются в другие социокультурные пространства и регионы.

Итак, глобализация представляет собой довольно противоречивый процесс. Она открывает границы народам и государствам, соединяет их через знания, информацию, технологию. Между тем глобализация вызывает напряженность и конфликты, связанные с усилением роли индустриально развитых стран, которые вносят наибольший вклад в поддержание глобального миропорядка. Отсюда следует, и это отмечают специалисты, что сама глобализация представляет собой глобальную проблему, содержащую большие перспективы и опасности, особенно в сфере культуры.

Культурная глобализация оказывает активное влияние на этнонациональные процессы. По словам немецкого социолога У. Бека, глобализация экономической активности сопровождается волнами трансформации в сфере культуры, процессом, который называют «культурной глобализацией».

Анализируя глобализационные процессы в традиционной кавказской культуре, заметим, что этнические культуры в Северо-Кавказском регионе испытывают жесткие глобализационные вызовы. Современная глобализация как американизация действительно сопровождается негативными последствиями, приобретающими порой весьма драматичный характер. Она ставит множество вопросов перед этническими культурами. Как сохранить и развивать аксиологические основания этнических культур? Как, не потеряв себя, свою культурную идентичность, самобытность, найти свою нишу в глобальном мире?

Какие же «ответы» находит глобальная американизация в современном мире, в частности в Северо-Кавказском регионе?

Каждая страна, регион по-своему входят в глобализацию и дают разные «ответы» на «вызовы» глобальной американизации. Интегрируясь со всеми народами земного шара, стремятся приобщиться к таким принципам устройства мира, которые позволят вписаться в модель «мирового устройства» и сохранить себя. Ими движет убеждение, что вхождение в глобальный мир будет способствовать движению открытого общества, облегчению использования мировых достижений науки, новейших технологий и т. д. Отсюда и необходимость попытки совмещения глобального и локального. В современных условиях необходимо совмещение глобального и локального, то есть активизируются процессы глобализации во многих странах и регионах.

Новое глобальное общество не должно «подстригать» культурные традиции, унифицировать их на базе «определенной социокультурной парадигмы», наконец, оно никогда не породит «нового человека» вне определенной культуры или определенного этноса. В этом контексте вновь актуализируются традиционные вопросы взаимоотношения традиции и новации, общего и национально-особенного. В то же время глобализация рождает новые формы взаимосвязи и взаимодействия стран и народов, что связано с переосмыслением устоявшихся представлений о национальной и этнической идентичности и т. д. Современная реальность требует введения в научный оборот новых понятий и освоения нового методологического инструментария, которые позволили бы понять происходящие процессы и найти новые модели цивилизационного развития.

В связи с рассматриваемой проблемой обозначу важный (и для теории, и для практики) вопрос различения этнокультурного и культурного разнообразия, являющийся дискуссионным в отечественной и зарубежной науке. Действительно, в рамках формирующейся культуры неоглобализма, признающей культурное многообразие как «непременное условие сохранения человечества», ставится вопрос: стоит прикрепить понятие «этнос» к понятию «культура»?

Соединяя эти понятия, мне представляется правомерным говорить о сохранении этнокультурного разнообразия. При этом предполагаю развитие этнических культур и воспроизводство этнических ценностей не

только «по образу и подобию» традиций. В этом вопросе, на мой взгляд, следует исходить из реальности: состояние сознания людей, вовлеченных в современность, в процессы глобализации, таково, что, согласно достоверным опросам, лишь малая часть населения интегрирующихся государств приемлет «космополитические ценности», тогда как подавляющее большинство (более 80 %) идентифицирует себя с локально-региональными, национальными ценностями и ориентирами¹. Не является ли это показателем активизирующихся этнокультурных и национальных процессов?

В современных условиях перед каждой страной и всем человечеством стоит задача: как найти путь между глобализацией и со-

хранением этнокультурного разнообразия? Этот вопрос актуален и для новой России. Необходимо продумать модель мультикультурализма в современной полиэтничной России. Представляется важным не требовать от людей забыть о своих этнических культурах и идентичностях, а способствовать их осознанию себя в качестве россиян. И при этом не следует смотреть на этнокультурные ценности народов как на реликт, поскольку в сложной системе — создаваемой единой и демократической российской нации — системообразующими элементами станут этнические культуры и этнокультурные ценности, сосуществующие с общечеловеческими ценностями по принципу взаимной дополнителности.

Ю. М. ШОР,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ (ИНТУИЦИЯ КАК ФОРМА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ)

Мы живем в кризисное, переходное время, чреватое неожиданностями. Время, когда что-то сущностное меняется — меняется везде: в бытии, в космосе, в человечестве, в России, в нашей душе. Трансформируется вся историческая эпоха. В такие периоды обострения всего и вся появляется необходимость с «декартовой ясностью» заново обрести истину, построить светлый, отчетливый образ реальности и всех ее сторон, освежить в своей душе способность качественного различения подлинного и неподлинного, доброго и злого, прекрасного и безобразного.

Когда-то объективную классическую картину реальности Платона и Аристотеля сменил эллинизм: «истина — то, что доставляет мне удовольствие» (эпикурейцы); «истина — это моя атараксия, основанная на угадке судьбы» (стоики); «хотите истины — плюньте на искусственность культуры и цивилизации» (киники); «истина доступна только богам» (скептики). Но античность не уходит с ущемленной идеей субъективности правды — она порождает неоплатонизм с его великим учением об эманации Единого, о реальности и несомненности духовности высшего порядка. И наступает очередь Благой Вести, великой проповеди Христа.

Р. Декарт захотел увидеть Истину при помощи интеллекта. В чем суть декартова учения? Критерием истины, по Р. Декарту, как известно, выступает ясность видения, отчетливость восприятия, несомненность того, что открывает интуиция. Критерий, казалось бы, простой, но на самом деле он носит фундаментальный характер.

Наш мозг, как мы знаем, состоит из двух «половинок»: логическая, дискурсивная, рассудочная (жаждущая, как писал И. Киреевский, познания причин и следствий) и эмоциональная, интуитивная (образная и сердечная, связанная с непосредственным переживанием). Эти две «половинки» нашего мозга требуют разного типа доказательств: для первой доказать — означает построить непротиворечивую цепочку силлогизмов, создать систему теоретических аргументов; для второй — увидеть, ясно почувствовать, ощутимо пережить.

Казалось бы, перед нами чисто «субъективный» критерий, — чувствует и ощущает каждый по-своему. Но, как доказывает великая традиция религии, философии и искусства, он вполне объективный, ибо основан на несомненном и непосредственном «узрении» того, что наличествует в реальности. И Р. Декарт тут совершенно прав: доказательством верности, истинности интуитивного знания является ясность восприятия, аподиктическая достоверность увиденного. И это гораздо более точный критерий, чем «истина» пресловутого «дважды два — четыре».

¹ См.: Мотрошилова Н. В. Идеи единой Европы: философские традиции и современность // Вопросы философии. 2004. № 11. С. 3.

Современная индустриальная научно-техническая, а далее постиндустриальная, электронно-компьютерная цивилизация пошла путем развития, прежде всего, логико-рассудочной, дискурсивной стороны нашего сознания. Она хочет вычислять, объяснять, познавать законы природы, чтобы применять их при создании искусственных технических и электронных конструкций.

Между тем вся огромная история творческих усилий человека, эволюция философского, религиозного, художественного мышления с очевидностью говорит нам о том, что гуманитарное знание движется принципиально иным путем, а именно: путем художественных озарений, образных ассоциаций, живых переживаний и расшифровки интуитивных прозрений, религиозных откровений.

Вспоминается знаменитый разговор старца Зосимы с «маловойской дамой» в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»:

«— Как “доказать” бытие Бога, как убедиться в Его реальности среди полного неверия? — так поставила вопрос собеседница старца.

— Доказать тут нельзя ничего, — отвечает Зосима, — убедиться же возможно.

— Как? Чем?

— Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души Вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж, несомненно, уверуете, и никакое сомнение даже и не может зайти в Вашу душу. Это испытано, это точно»¹.

Увиденное умственным взором, услышанное внутренним ухом, почувствованное душой — вот критерий Истины в такого рода знании. И главным (хотя и достаточно небанальным!) доказательством тут выступает опыт тех, кому посчастливилось испытать это непосредственное соприкосновение с подлинным, точно так же, как доказательством наличия, например, настоящего искусства является живой духовно-творческий опыт тех, кто действительно является носителем реального художественного сознания, опыт признанных мастеров искусства.

Однако проблема интуиции — не конец, а начало. Во-первых, как минимум надо обладать интуицией, просто иметь в своей душе и в своем сознании такую специфическую способность видеть; во-вторых, как всякую способность, ее надо совершенствовать, разви-

вать, шлифовать, годами, десятилетиями вновь и вновь проверяя качество ее работы.

Но, как ни прискорбно, в «продвинутой» современной цивилизации интуиция оказалась на задворках проблемы познания. Более того, интуитивное познание уродуется, искажается, «затемняется» ложной идеологией. Помните повесть Аркадия Гайдара «Судьба барабанщика»? Это — одно из загадочных произведений отечественной литературы. Как во всякой истинно художественной вещи, там сказано больше, чем может быть, хотел сказать сам автор. Там изображены ужасные люди и события, но взгляните «незамутненным взором» — все отрицательные персонажи по-своему милы, обаятельны, привлекательны, как будто они «ненастоящие»: прохиндей Юрка, «вор Шалапин», даже старик Яков... Все они составляют какую-то часть душевного мира Сережи Щербачева. На самой вершине — живой, остроумный, добрый (за исключением каких-то кризисных эпизодов), необычайно располагающий к себе «дядя». Но этот «привлекательный дядя» на самом деле оказывается немецким шпионом (!). Загадка повести в том, что наши непосредственные интуиции не совпадают с «идеологическим заданием» повести. Художественное сознание вступает в противоречие с ложными «идеологическими схемами». Не ложно, однако, другое — передача атмосферы страха, необходимости «быть начеку», атмосфера отовсюду грозящей человеку опасности, что и было главным духовным фоном 1930-х гг. в России эпохи сталинизма. И мы знаем, что в черновых вариантах повести отец Сережи «сел» не за растрату, а по политическому доносу.

Возьмем другой пример. Два замечательных русских мыслителя — Н. Чернышевский и Н. Бердяев. В условиях господства ложного мировоззрения, под бдительным устрашающим идеологическим надзором Н. Чернышевский виделся как великий мыслитель, передовой деятель революционно-демократического лагеря, предшественник марксизма, а Н. Бердяев — как «буржуазно-помещичий негодяй», реакционный религиозный идеалист. Теперь же, когда пелена насильственно навязываемого ложного мировоззрения спала, стало ясно очевидное: Н. Бердяев — выдающийся русский философ, подлинная энциклопедия русской религиозно-философской мысли, фигура, по сравнению с которой Н. Чернышевский — гораздо более мелкая величина как мыслитель, материалист и предвостанитель утилитарно-прагматического мировоззрения. Впрочем, о нем так и писали в литературе, которая в советские времена объявлялась «идеологически вредной».

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 52.

Традицию интуитивного знания обстоятельно и с необычайной интеллектуальной глубиной разрабатывала русская философия, прежде всего, религиозного плана: В. Одоевский, А. Хомяков, И. Киреевский, П. Юркевич, В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, И. Ильин, А. Лосев, а позже и по-своему — М. Бахтин, М. Лифшиц, Г. Батищев, Э. Ильенков, М. Мардашвили и др. Каковы же основные уроки русского философского интуитивизма?

1. Русский интуитивизм возник на основе православного религиозного исихазма — великой школы веры, цельного мировоззрения, собранного вокруг единого духовного центра. Этот исихазм, трансформированный реформами Петра I, но сохранивший свою энергетическую мощь, был затем «распахан» художественными образами XIX в. (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Глинка, Брюллов, Тютчев, Некрасов, Чайковский, Толстой, Достоевский, Скрябин, Блок и др.). И уже на базе религиозно-художественного постижения вырастают великие системы русского философского сознания.

2. Интуиция видится как исходная, изначальная духовная форма, из которой вырастает потом научное, художественное, философское, нравственное познание, все способы интеллектуального постижения реальности.

3. В отличие от западноевропейского понимания интуиции как создающей адекватный образ окружающего мира, русский интуитивизм видит в ней живую связь сознания с реальностью как она есть, непосредственный контакт с действительностью, выражающий изначальную «сращенность» человека и мира, микрокосмоса и макрокосмоса.

4. Интуиция пропитана токами веры, понимания, соучастия человека во всем строе бытия, его любовной связи с ним, его нравственной обремененности заботами и тревогами реального мира.

Сегодня нам необходимо вновь погрузиться в эту традицию, вчитаться и вдуматься в нее, расчистить «авгиевы конюшни» неверных представлений, увидеть все свежим, незамутненным взором.

М. К. ЭТАН-МЭТЬЮ,

директор Отдела исследований Национального центра научных исследований (Париж, Франция)

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР — «ПАНТЕОН» НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

Влияние Московского Художественного театра (М.Х.Т.) начинает бурно распространяться начиная с 1906 г. — времени первых международных гастролей, прежде всего, в странах европейского и североамериканского континентов, там, где имело место непосредственное воздействие и присутствовала диаспора. Но ростки достигли также и стран Востока, в частности Японии, где Осанаи Каору в 1910-е гг. немало способствовал тому, чтобы сделать известными постановки и систему воспитания актера М.Х.Т.; в Китае Мэй Ланфан, гастролировавший в Москве в 1935 г., произвел завораживающее впечатление на Эйзенштейна, Мейерхольда и Шкловского, и М.Х.Т. служил в 1930-е гг. китайским художникам политическим оружием в их сопротивлении традициям и стрем-

лению стать открытыми по отношению к другим культурам.

Движение этого «театра-идеала» не всегда совершалось в одном и том же направлении, с Востока на Запад: доказательство тому — приглашение в 1908 г. Гордона Крэга в Москву для постановки «Гамлета».

Несмотря на исторические переломы и перемены, М.Х.Т. продолжал привлекать, завораживать во имя прошлого и прекрасного «дела», начало которому было положено в 1897 г. в «Славянском базаре» и которое пережило две революции, позволило театру объездить всю Европу и города Восточного побережья Америки; оно выжило в эмиграции, вынесло две войны, ослабело в сталинский период, но тем не менее продолжало свое существование.

Р. М. ЮСУПОВ,директор Санкт-Петербургского института информатики
и автоматизации РАН, доктор технических наук;**В. П. ЗАБОЛОТСКИЙ,**руководитель исследовательской группы Санкт-Петербургского института
информатики и автоматизации РАН, доктор технических наук

О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТИКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В качестве существенного признака нарождающейся информационной цивилизации следует признать наличие глобального информационного пространства, в котором циркулируют информационные потоки, создаваемые обществом.

Характерными особенностями современного глобального информационного пространства являются:

— охват всего цивилизованного человечества;

— прозрачность современного глобального информационного пространства, наличие практической возможности оказывать воздействия на любого человека и общественные группы через их информационные сферы;

— резкое расширение спектра возможных информационных воздействий и увеличение их интенсивности;

— трудность своевременного выявления оказываемых информационных воздействий и предотвращения их негативных последствий.

Эти особенности не дают оснований считать, что введение только правовых норм, регламентирующих деятельность человека в глобальном информационном пространстве и использование им этого пространства, позволит обеспечить требуемый уровень информационной безопасности личности, общественных групп и всего общества. Велик соблазн нарушить нормы поведения человека в информационном пространстве, так как нарушитель чаще всего остается не только безнаказанным, но даже и не выявленным.

Возможность обеспечения эффективного достижения поставленных целей путем использования глобального информационного пространства государствами, общественными группами и даже отдельными личностями привела к расцвету всех форм информационного противоборства, среди которых основными являются: информационная война, информационный терроризм, информационная преступность. Сюда же следует отнести «грязные» политтехнологии, PR-кампании, использование Интернета и сетевых технологий в корыстных целях.

Информационная сфера все в большей степени становится ареной межгосударственной борьбы за мировое лидерство, достижение

противоборствующими сторонами определенных стратегических и политических целей. Индивидуальное, групповое и массовое сознание людей все больше зависит от деятельности средств массовой информации и массовых коммуникаций. Общество оказалось морально не готово к противодействию этим формам информационного противоборства, тем более что по мере развития современных информационно-телекоммуникационных технологий его формы становятся все более разнообразными и эффективными.

Административные и правовые меры регулирования взаимоотношений людей и их деятельности в расширяющемся информационном пространстве становятся все менее и менее эффективными. Невозможно создать всеобъемлющую систему запретов, ограничений и предписаний, регламентирующих эти отношения и деятельность. Практически невозможно проследить за выполнением этих запретов, ограничений и предписаний каждым человеком, живущим в этом пространстве. В этих условиях отрицательную роль сыграло несвоевременное применение, по крайней мере в России, принципа «что не запрещено, то можно». Российское общество оказалось не готово к подобной свободе, так как в этом случае должны срабатывать определяемые этикой нравственные и моральные нормы и принципы, которых сегодня явно не хватает и которые нужно воссоздать, привить и воспитать в основной массе членов общества.

Современное состояние глобального информационного пространства рождает у человека, взаимодействующего в нем, ощущение могущества и безнаказанности. Особенно это касается молодого поколения, которому информационное пространство одно из первых предоставляет возможность самостоятельно действовать и проявить себя как личности в мировом масштабе.

Особую тревогу вызывает увлечение компьютерными играми, в том числе азартными, которое широко охватило современную молодежь. Общество и государство должны принять всю совокупность мер, и прежде всего моральных, для защиты подрастающего поколения от пагубного влияния такого увлечения.

К серьезным проблемам поведения человека в глобальном информационном пространстве относится проблема «информационного мусора», или спама, которая является не только технической, правовой и административной, но и этической. В ее решении существенную роль должна сыграть новая, еще только нарождающаяся этика глобального информационного пространства, так как традиционная этика в данном случае вступила в противоречие с необходимостью обезопасить человека от ненужной ему информации и создать нормальные условия для эффективной информационной работы.

У современного общества слишком мала возможность контролировать поведение субъекта в глобальном информационном пространстве. Поэтому на первое место выходит самоконтроль над своим поведением. Человек должен быть так воспитан, чтобы его собственная этика не позволяла ему выходить за рамки допустимых моральных норм. Такое воспитание должно начинаться еще до того, как человек в первый раз садится за компьютер, и продолжаться все время, пока он находится в глобальном информационном про-

странстве, потому что оно бурно развивается и постоянно предоставляет субъекту все новые и новые возможности, в том числе и для проявления его асоциального поведения.

Основную роль в таком воспитании должны играть семья и школа как институты, обладающие наибольшими возможностями в своевременном привитии человеку соответствующих правил поведения в глобальном информационном пространстве, совокупность которых может быть определена как этика данного пространства. Для ее формирования необходима система образования и воспитания, которая приобщала бы человека к данной этике еще до того, как он сядет за компьютер и войдет в глобальное информационное пространство. Эта система должна быть достаточно эффективной, чтобы успевать за все ускоряющимся темпом научно-технического развития и ритмом жизни. По большому счету нужна новая информационная культура, в которой этика глобального информационного пространства, составляющая основу этики информационной цивилизации, займет одно из главных, а может быть, и самое главное место.

В. К. АБРАМОВ,

заведующий кафедрой новейшей истории народов России Мордовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Саранск)

**М. Е. ЕВСЕВЬЕВ И НАЧАЛО РУССКО-МОРДОВСКОГО
НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Мордовский народ как один из древнейших народов нашей страны и активный участник российского исторического процесса всегда привлекал внимание русских и зарубежных ученых. Уже в XVIII в. появились первые памятники мордовской письменности, исследования по различным аспектам истории, этнографии, языка мордвы. Итогом всех этих исследований стало появление солидной для того времени монографии «Мордва» И. Н. Смирнова, выпущенной в Казани в 1895 г. Позже научные работы на эту тему выпускали А. А. Шахматов, Б. Д. Греков, В. И. Лебедев, Х. Паасонен, А. Хейкель, Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев и др. Интересовался ее историей и культурой и Д. С. Лихачев. Все эти ученые внесли большой вклад в изучение мордовского народа и заслужили полное право на его уважение.

В то же время на протяжении столетий представители самого мордовского народа могли заниматься умственной деятельностью и изучать его культуру лишь в рамках русского языка, практически отрываясь от национальной среды. Такие деятели мордовского происхождения, как патриарх и писатель Никон, архитектор, профессор Казанского университета М. П. Варенцов-Коринфский, профессор Харьковского университета М. Н. Петров, ректор Томского университета И. А. Базанов, профессор Московского университета В. О. Ключевский (мордвин по отцу) и многие другие скорее являлись русскими интеллигентами, что соответствующим образом сказывалось на их менталитете, мало отличавшемся от великорусского. Что же касается собственно мордовских краеведов, изучавших историю и фольклор своего народа, то отсутствие у них систематического образования, а часто и недостаточный уровень владения русским языком не позволяли им стать равноправными партнерами русских ученых.

Во второй половине XIX в. положение стало меняться. С одной стороны, стимулированная реформами 1860–1870-х гг. общественная жизнь потребовала резкого увеличения специалистов и просто грамотных людей, с другой, в частности после земской реформы, открылась возможность использовать

определенную долю налогов на местные нужды образования, что добавило к небольшому числу имевшихся ранее церковно-приходских школ много новых — земских. Естественно, что для мордовских школ потребовались учителя, знающие мордовский язык, и система стала их продуцировать, то есть создавать собственно мордовскую интеллигенцию — социально связанную со своим народом и ориентированную на его просвещение.

Первым крупным мордовским ученым — мордовским не только по национальности, но и по тематике своих исследований, положившим начало мордовско-русскому сотрудничеству на научном уровне, стал Макарь Евсевьевич Евсевьев. Он родился 18 января 1864 г. в деревне Цярмун (по-русски — Малые Кармалы) Буинского уезда Симбирской губернии в семье крестьян. Окончил начальное народное училище в соседнем селе, а затем Казанскую учительскую инородческую семинарию, основателем и первым директором которой был известный просветитель-миссионер Н. И. Ильминский.

Это учебное заведение сыграло важную роль в создании национальных кадров Поволжья. Из его стен вышло немало видных деятелей культуры, просветителей. Среди них удмурт К. А. Андреев, мариец С. Г. Чавайн, чуваша Н. И. Ашмарин и И. Я. Яковлев, татарин В. Т. Тимофеев. Среди них и мордвин М. Е. Евсевьев. Он как «первый ученик» был оставлен в семинарии на преподавательской работе, но кроме нее занялся и наукой.

Первой его крупной учебно-методической работой стало составление эрзянского и мокшанского букварей. Им была впервые создана конструктивная система обучения грамоте и чтению на родном языке в мордовской школе. Одновременно с изучением и разработкой языка Евсевьев много времени уделял этнографическим исследованиям. В 1886–1891 гг. он участвовал в экспедициях А. Хейкеля и Х. Паасонена, помогал им в сборе фольклора, мордовских костюмов, украшений, предметов быта. С 1892 г. начинается его сотрудничество с Финно-Угорским обществом, действительным членом которого Евсевьев стал в 1910 г.

В 1912 г. он становится членом Русского географического общества, а в 1916 г. за свои исследования удостоивается его высшей награды — золотой медали. Патриот и подвижник культурного возрождения мордвы, Евсевьев всегда с уважением относился к культуре других народов и с интересом исследовал ее. Так, в 1896 г. он представил на Нижегородскую Всероссийскую промышленно-художественную выставку богатейшую коллекцию национальных узоров (в предметах одежды и фотографиях) коми, марийцев, поволжских русских, удмуртов, татар, чувашей и мордвы. Только фотоальбом содержал 250 снимков, сделанных самим Евсевьевым в десятках сел. За представленную коллекцию он был награжден золотой медалью выставки. В 1900 г. часть этой коллекции экспонировалась на Всемирной выставке в Париже и также была удостоена золотой медали. Мотивы мордовских узоров взяли на вооружение парижские модельеры.

В 1898 г. Евсевьев поступает вольнослушателем на историко-филологический факультет Казанского университета. Одновременно утверждается в должности учителя приготовительного класса Казанской учительской семинарии и сотрудником Казанского института благородных девиц. Из-за столь большой педагогической нагрузки этнографические экспедиции Евсевьева в 1898–1907 гг. почти прекратились. И лишь с февраля 1908 г., после установления контактов с этнографическим Императорским (впоследствии Русским этнографическим) музеем, они начались вновь.

По рекомендации академика А. А. Шахматова М. Е. Евсевьев стал внештатным сотрудником музея и собрал для него несколько коллекций, главным образом по мордовской, а также чувашской и татарской этнографии. Сотрудничество М. Е. Евсевьева и А. А. Шахматова переросло в дружбу. В эти годы в круг деятельности Евсевьева входил не только мордовский край, около четырехсот сел которого он посетил и описал лично, не только все Поволжье, но и крупнейшие музеи Европы в Петербурге, Москве, Казани, Хель-

синки, Берлине, Гамбурге. В эти же годы он активно сотрудничает и с переводческой комиссией Православного миссионерского общества, которое финансировало его командировки в различные районы проживания мордвы. Макар Евсевьевич перевел на родной язык несколько религиозных книг, в том числе все четыре варианта Евангелия, что потребовало разработки основных норм мордовского литературного языка. Он «впервые осуществил целостный подход к изучению мордовских языков, главную цель которого видел в создании национальной письменности, доступной и понятной простому народу».

Энергия и таланты Евсевьева не остались незамеченными. К 1917 г. он дослужился до чина коллежского советника, был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени, получал хороший денежный оклад. Он сделал удивительно много, тем не менее большинство его попыток улучшить образование мордовского народа не могли быть реализованы в тех условиях.

После 1917 г. государство стало финансировать программы просвещения малочисленных народов. Это дало М. Е. Евсевьеву возможность развернуть программу подготовки и переподготовки мордовских учителей. Под его руководством подобные курсы открылись в Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Симбирске, Самаре, Саранске, Саратове. В 1924 г. он был одним из инициаторов и почетным председателем Всероссийского съезда мордовских учителей. Съезд получился настолько представительным, что в его работе согласился участвовать нарком просвещения А. В. Луначарский.

В 1920-е гг. деятельность ученого вышла за рамки Мордовского края и охватила практически всю Россию. На новый уровень поднялось его сотрудничество с ведущими российскими учеными. Все это вызвало необходимость переезда из Казани в Москву. Однако в ночь на 11 мая 1931 г. М. Е. Евсевьев скоропостижно скончался. Последними его работами стали «Основы мордовской грамматики» и диалектологический «Мордовский словарь».

В. А. АВКЕНТЬЕВ,

заведующий отделом политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН, член редколлегии журнала «Конфликтология», доктор философских наук, профессор (Ставрополь)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И КУЛЬТУРА КОНФЛИКТА В РОССИИ

События в сфере этнонациональных отношений в последние два года можно охарактеризовать как масштабное нарастание интолерантности. Концепт толерантности вновь

оказался в центре общественного сознания, над его воплощением в жизнь работает комиссия по вопросам толерантности и свободы совести Общественной палаты РФ. Чтобы

адекватно определить перспективы этой деятельности, важно оценить работу по реализации федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма (2001–2005 гг.)».

Идея толерантности воспринята педагогической и научной общественностью, в том числе в наиболее конфликтных регионах страны. Формированию толерантности были посвящены конференции, тренинги, другие мероприятия, по этой проблеме выполнены десятки диссертационных исследований, в учебных заведениях введены соответствующие курсы. Идея толерантности присутствует в большинстве документов по управлению этнонациональными отношениями в субъектах РФ. Однако эффективность этой программы, получившей исключительную PR-поддержку в средствах массовой информации, несопоставима ни с ожиданиями, продекларированными ее создателями, ни со средствами, вложенными в ее реализацию. Вместе с тем нельзя считать программу невыполненной или неэффективной. Более того, ее результаты позитивны, но их масштаб соответствует тому, что действительно можно ожидать от самой идеи толерантности.

Формирование толерантности — лишь одно из направлений работы по стабилизации полного конфликтов российского общества. Другое важное направление деятельности — становление демократической культуры конфликта. Конфликты — естественные спутники человеческой жизни и представляют собой не только разрушение, но и созидание (конфликт как созидатель — Й. Галтунг). И если деструктивная сторона конфликтов очевидна, то конструктивная достигается через совместный поиск решения проблемы, породившей конфликт. Среди важнейших элементов культурной среды, влияющих на динамику и эволюцию социальных конфликтов, необходимо выделить комплекс социокультурных явлений — идеологических концепций, стереотипов массового сознания, образов художественной культуры, — в которых фиксируются отношение к конфликтам в данной культуре, нормы поведения людей в конфликтах, пределы допустимых компромиссов. Культуры предоставляют различные нормы и ценности относительно того, что такое конфликты и как вести себя в них. Л. Крисберг считает, что культурная среда конфликта формируется вокруг двух оснований — индивидуализма и коллективизма. Западная конфликтологическая ориентация предполагает, что в конфликте участвуют самостоятельные акторы, вовлеченные в случайное взаимодействие. К урегулированию таких конфликтов

целесообразно подходить с юридических позиций, в которой одна из сторон бывает правой, а другая — неправой. В незападных культурах конфликт рассматривается как нарушение норм и правил общения, и там поиск выхода из конфликта предполагает восстановление нормальных отношений между конфликтующими сторонами внутри сообщества или между сообществами. Не менее важным представляется и то, какой стратегии поведения в конфликте отдается предпочтение в той или иной культуре — избеганию, уступанию, компромиссу, победе над противником. Психокультурные диспозиции формируют уровень конфликтности в обществе, в то время как цели конфликта определяются конкретной расстановкой социальных сил в данный момент времени внутри общественной системы либо вне ее, либо то и другое.

Проблемы культуры конфликта являются исключительно важными для определения перспектив социальной и этнической конфликтности в России. Российское общество является одной из наиболее конфликтных культур в европейском мире, особенности российской культуры конфликта делают проблематичным использование многих наработок западной культурной традиции, к числу которых относится и концепт толерантности. Советский период российской истории с пропагандой революционного насилия и «революционной романтики» внес дополнительный вклад в повышение конфликтного потенциала общества. Конфронтационные образы оказались доминирующими в социальной картине мира как советского, так и постсоветского периода, а развернувшаяся в 1990-е гг. пропаганда насилия в средствах массовой информации существенно понизила культурный порог, не допускающий насилия. Продолжающийся экономический раскол российского общества привел к глубокому культурному расколу, который имеет многочисленные формы манифестации, в том числе экстремистское проявление в этнонациональных отношениях. Наблюдается медленный, но неуклонный рост протестных настроений. Деление общества на «наших» и, очевидно, «не наших» обостряет чувство социальной несправедливости в молодежной среде. С телевизионных каналов за последние два года исчезли программы, рассчитанные на рефлексивное осмысление политического процесса, на их место пришли передачи, пропагандирующие жесткую недемократическую культуру конфликта. Отсутствует система формирования новой российской идентичности. Не вполне удачным представляется предложенный российскому обществу концепт «русской нации». Национальные проекты вероятным следствием будут иметь эффект

понижающей идентичности. В этих условиях «второе пришествие» толерантности будет иметь такие же малозаметные результаты, как и первое.

В такой ситуации наиболее перспективным представляется конфликтологический подход к решению тех проблем, которые порождают напряженность в обществе. Накапливаясь, эта напряженность принимает субъективированные формы и проявляется, в частности, как интолерантность в отношениях между людьми разной социальной, в том числе этнической, принадлежности. Пока остаются нерешенные проблемы, интолерантность постоянно воспроизводится самим ходом жизни. Интолерантность, как и любое социально-психологическое явление, генезис и эволюция которых определяется множеством факторов, в каче-

стве исходного основания имеет совокупность нерешенных социальных проблем, которые и дают возможность манипуляции общественным сознанием политическим антрепренерам различного толка. Для достижения толерантных отношений необходимы не столько тренинги и другие мероприятия социально-психологического порядка, популярные в рамках закончившейся федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма», или характерные для современного этапа общественного развития России юридические оценки всплесков этнического экстремизма в молодежной среде (они также важны, но как работа со следствиями, а не с причинами), сколько преодоление объективно сложившихся социальных расколов в стране.

А. А. АКАЕВ,

Почетный академик РАН, академик Академии наук Республики Кыргызстан,
первый Президент Республики Кыргызстан

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И РУССКОГО ЯЗЫКА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Со времен научной молодости в Ленинграде, а затем в годы депутатства в Верховном Совете СССР и президентской деятельности в Кыргызстане я находился в поле гигантского духовного притяжения Д. С. Лихачева. Счастлив, что многократно с ним общался. В период перестройки и поворота России к новой жизни Дмитрий Сергеевич предстал перед обществом в поистине апостольской роли. Каждое слово этого великого сына русской земли воспринималось как призыв к добру, справедливости, духовной свободе, подъему науки, культуры и искусства. Его духовное наследие предназначено жить вечно и верно служить тем, кто добивается подлинной демократизации нынешнего уклада жизни.

Несмотря на попытки различных внешних и внутренних сил внести разлад в сообщество стран и народов, сложившееся в рамках Союза, это сообщество сохраняется и продолжает жить. Связующим фактором служит Россия, исходящие от нее благотворные духовные импульсы, богатство русской культуры, величие русского языка. Россия для меня не есть некое абстрактное безликое понятие. Она сопрягается с делами великих людей, которые населяли ее веками и придали ей всемирную славу. В их число входит и Д. С. Лихачев.

До настоящего времени в общественном сознании некоторых стран СНГ все еще не

устоялись оценки относительно роли России в их историческом развитии. В связи с этим уместно вспомнить, что обращение руководителей ведущих кыргызских племен 220 лет назад, в екатерининскую эпоху, к России с просьбой о принятии в российское государство помог выживанию кыргызов как нации, заложил основы современной кыргызской государственности. Вхождение в конце XIX в. центрально-азиатских квазигосударственных объединений в состав Российской империи хотя и было болезненным, ознаменовало переход от феодального к более прогрессивному укладу жизни. Если западные державы выкачали немало богатств из колонизированных ими азиатских и африканских стран, то Российская империя, наоборот, вложила немало средств в оказавшиеся под ее властью владения. Российский колониализм был намного либеральнее, чем западный.

Наряду с репрессивными издержками советская эпоха внесла в жизнь региона крупные позитивные перемены. Она была поистине эпохой ренессанса в области культуры, образования, науки и здравоохранения. Центрально-азиатские культуры вошли в мировой фонд через Россию, не растеряв своего национального многоцветия. В регионе сохранилась тяга к русскому языку и российской культуре в противовес отношению к западной культуре. Москва не утратила свою роль

как ведущего центра культурного притяжения. Особое место в жизни центрально-азиатских государств занимает русский язык как средство межнационального общения. В Кыргызстане кыргызский и русский языки исторически идут рядом, как родные братья, поддерживая и помогая друг другу. Набирающая силу тенденция мультилингвизма опирается, прежде всего, на русский язык.

Выход государств Центральной Азии и других стран СНГ на мировое культурное пространство, прежде всего с их эпическим наследием (киргизский эпос «Манас», армянский «Давид Сасунский», азербайджанский «Сказания дэдэ Коркута», грузинский «Витязь в тигровой шкуре» и др.), издавна осуществлялся через русский язык и с помощью России. Ориентиром для исследователей в этой области служили исторические труды Д. С. Лихачева, посвященные великому литературному памятнику «Слово о полку Игореве». Раздающиеся

в некоторых странах СНГ призывы к ограничению роли русского языка крайне опасны потерей их культурной самобытности, утратой завоеванного места в мировом культурном наследии.

И, наконец, о явлении, самом важном для постсоветского периода. В суровых советских условиях Россия выпестовала братские союзные республики и выпустила их в 1991 г. в самостоятельное плавание, убедившись, что они сами в состоянии выстраивать жизнь в соответствии со своими национальными интересами и традициями. Приносить это благородство России было бы и по-человечески, и исторически несправедливо. Прогресс центрально-азиатских стран и других государств СНГ в духовной области, развитии демократических процессов, социальной сфере, успех в деле вхождения в процесс общемировой глобализации всецело зависит от добрых отношений с Россией.

С. Н. АРТАНОВСКИЙ,

профессор кафедры теории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук

РОДИНА КАК САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В энциклопедиях и толковых словарях понятие «родина» определяют как место, где человек родился. Это поверхностное и неточное определение. Человек может родиться в самой отдаленной части света, куда судьба занесла его родителей, — например, они могут работать в дипломатическом представительстве своей страны где-нибудь далеко от нее — но родина его будет там, где живет его народ и на той территории, на которую распространяется юрисдикция его государства. Родина — это территория, но не просто территория, а заселенная и освоенная каким-нибудь одним народом. Границы этой земли в целом совпадают с границами государства — или должны с ними совпадать.

Родина там, где эта *территория* освоенная — на ней построены храмы, крепости, хозяйственные объекты. Вместе они образуют *родное* культурное пространство.

Но характерное для каждого народа культурное пространство еще не составляет *родины*. Родина в полном смысле появляется тогда, когда она освящается рядом санкций. К этим санкциям относятся память о предках, чьи могилы находятся на этой территории, Боги, относящиеся к данному региону, или Бог, в более поздние времена, единый для ряда стран, Бог, благословляющий данную страну, его

характерный культ, становящийся символом родной страны. В сакрализации страны и ее превращении в *родину* участвуют фольклор, литература, искусство, в развитой цивилизации — философия.

Если обратиться к аспекту пространства как территории и посмотреть на исторический процесс сакрализации этого пространства, то мы увидим в нем определенные закономерности.

Поселяясь на данной территории, человеческие группы — древние роды, племена, народы — осваивали ее. Они строили на ней дома, хозяйственные объекты, храмы. В древних и средневековых обществах наибольшее значение придается зданиям и примыкающим к ним площадям, связанным с религиозным культом. Храмы древности, соборы и церкви Средневековья образовывали систему, которой отводилось лучшее, центральное место в поселке и городе. Это была сакральная часть городской архитектуры, сакральное пространство. Если первоначально к сакральному пространству относились культовые постройки, то позже к ним прибавились другие сооружения, значение которых для жизнедеятельности сообщества представлялось существенным. Одним из первых в этом ряду был *кремль*, с которым ассоциировалась *власть* и *защита*

родной земли. Они были приравнены к объектам религиозного культа, в этом был смысл их *сакрализации*. Далее *священными* начинают называть *рубежи Родины*, бастионы и руины, связанные с историческими сражениями (например Малахов курган). Возникло выражение «семь чудес света» — своего рода экстраполяция религиозного термина на светский материал. В глубокой древности сакральный смысл приобрела звездная карта неба. Она, по мнению астрологов, влияет на судьбы людей, на земное пространство. Неслучайно храмы часто строились в соответствии с расположением небесных светил. Звезда Вифлеема вела волхвов к месту рождения Иисуса Христа. И сегодня мы говорим о «путеводной звезде». Звезды как сакральные символы вошли в гербы и пространство флагов, государственных и политических. Солярные знаки распространены по всей территории, заселенной арийскими народами (народами, говорящими на языках индоевропейской группы). В сознании частных лиц сакральный смысл могли получать дома, комнаты, предметы, связанные с глубокими личными переживаниями. Так постепенно расширялась сфера сакрального, охватывая все новые области.

Теперь пришло время для того, чтобы дать определение понятию сакрализации. Это выбор объекта, относительно которого мы испытываем сильные чувства, в основном любви, уважения, почтения, иногда страха перед его значительностью или могуществом. Это придание объекту высокой ценности. Наконец, это представление о неизменности или, по крайней мере, большой длительности существования почитаемого объекта. Родина священна потому, что мы ее любим, считаем жизненно важной для себя, и мы уверены, что она как существует уже тысячу лет, так и будет существовать второе тысячелетие, если не больше. *Сакральное* требует жертвы в виде нашего поклонения и преданности. Жертвы могут быть таковыми и в прямом смысле этого слова. Защищая родину, мы приносим в жертву лучших своих сынов. Если мы поступаем так, то, уж конечно, во имя какого-то весьма ценного и любимого нами предмета, каковым в данном случае является родина. Как и в религиозном жертвоприношении, жертва очищает нас, будничное исчезает, мы становимся сильнее и мужественнее. Наши грехи искуплены, мы омылись в священной купели, дух героев-предков возродился в нас. Перед нашим мысленным взором ясно обрисовались наши алтары — Куликово поле, Бородино, редуты Севастополя, Сталинград. Защита Отечества имеет большое значение в сакрализации родины. Уж если мы тратим столько сил и проливаем

столько крови, грудью заслоняя ее от врага, то, конечно, она этого заслуживает. В годы Отечественной войны было немало людей, которые закрыли глаза на мерзости большевистского режима, поставив родину выше всего. Правда, были такие россияне, которые поступили наоборот: они сражались в Русской освободительной армии. Но народ отнесся к ним с презрением.

Что же касается культурного пространства в единстве с пространством естественным, то в ходе государственного строительства, защиты родины, во время длительного пребывания за границей (вспомним, что Афанасий Никитин почувствовал себя патриотом русской земли во время многолетнего пребывания в Индии) — во всех этих случаях и в других мы под влиянием чувства начинаем воспринимать все или почти все, относящееся к родной земле, как священное. Иными словами, происходит полная сакрализация родины. В этой картине могут быть темные пятна: нам может не нравиться социальный порядок, или его отдельные стороны, или духовное оскудение народа, или низкий уровень материального благополучия, или даже климат нашего отечества. Когда действие этих факторов достигает определенной силы, начинается разрушение образа родины, ее десакрализация.

Если на протяжении тысячелетней истории христианской России в ней шел процесс сакрализации родины (впрочем, не всегда гладкий), то со второй половины XIX в. в нашей стране начался встречный процесс ее десакрализации. После Октябрьского переворота он пошел семимильными шагами. Сакральное не исчезло совсем, а переместилось на другие объекты.

Упадок представлений о родине как сакральном пространстве связан, прежде всего, с постепенным исчезновением религиозной веры, а с ней и веры во что бы то ни было. Сегодня в странах Запада остался лишь внешний образ религиозности, за которым не стоит искреннее чувство. Как было хорошо сказано в одной из передач Би-би-си, вместо христианства — одна лишь политкорректность. Что же касается большевизма, то он не пожалел усилий, чтобы выкорчевать и религию, и национальное чувство русских. К счастью, ему не удалось это сделать. Верующие остались, и в немалом числе. Но христианство как атрибут русского народа уже не существует, как нет его и в мире западных наций.

И вот появилось новое понимание родины — как пространства, где можно или нельзя заработать достаточно денег для поддержания «евростандарта». Мобильность населения, интенсификация международных связей позволили относительно легко менять родину.

Все жаждут попасть в «благополучные» страны, и многим это удастся. Одна немолодая интеллигентная дама сказала мне: «Моя дочь вышла замуж за майора американской армии, и я счастлива этим». В наши дни понятие «второй родины», не отсутствовавшее и ранее, становится все более распространенным.

Этому способствуют некоторые объективные процессы. Массовая культура в значительной мере безнациональна, крепнут экономические связи между различными странами, люди все больше путешествуют, растет *международный культурный фонд* (влияние английского как языка международного общения, словарь международных слов, общее в медицине, науке, градостроительстве). Постепенно внедряется понятие *международного сообщества*. А главное, растет власть транснациональных корпораций, международной финансово-промышленной мафии.

И вот заброшены алтари, догорают последние угольки в очагах. Но потребность в сакральном еще теплится даже в наиболее секуляризированной части человечества — евроамериканской. И церкви, памятники героям прошлого переосмысливаются — они становятся памятниками истории и культуры. Понятия Бога, нации, родины блекнут и уходят на второй план, остается культура — понятие, которому придают все более широкий смысл — все созданное человечеством. Прометеевское мировоззрение требует признания сотворенного человеком высшей ценностью. В соответствии с запросами массы на первый план выходит материальная культура. Или, по крайней мере, материализованная культура, заметная издали, объемная, впечатляющая. Памятники культуры сакрализуются и образуют новое сакральное пространство. Столицы стран мира имеют рейтинг не по религиозной святости, а по числу и древности своих памятников. Национальное становится экзотикой. Памятники осматривает толпа туристов, их репродуцируют, снимают на киноплёнку и показывают по телевидению. Все это создает их «имидж». Как раньше надо было

побывать в Мекке или Иерусалиме, так сегодня надо посетить Барселону или Париж и привезти домой вашу фотографию на фоне Нотр-Дам или Эйфелевой башни.

Новое сакральное пространство — не сложившееся веками и относительно однородное и органичное пространство национальной жизни. Теперь в нем господствует смешение рас, культур, религий, мировоззрений. И чем пестрее оно, тем милее оно тем, кто заинтересован в быстрой и беспрепятственной переброске капитала из страны в страну, в скорейшей доставке сырья из страны, где оно добывается, в страну-потребителя. Для этого надо сделать «прозрачными» национальные границы, ослабить национальную идентичность. Правда, последнее не признается открыто.

Но во всех странах мира, и в частности в России, чувство родины не угасло в сердцах миллионов людей. Оно готово вспыхнуть перед лицом вопиющей несправедливости глобализма, несущего новые привилегии сильным и богатым и нищету и унижение обездоленным. Господа глобалисты не любят шутить: их войска уже расположились во многих частях света, за тысячи километров от мировых финансово-промышленных центров. Их самолеты готовы в любой момент подняться в воздух с грузом смертоносных бомб на борту. В этих условиях нам необходимо подумать об укреплении безопасности России. Нужны не только военно-оборонительные усилия, но и коренное оздоровление морально-политической обстановки в стране, борьба с коррупцией, с разверзшимся как пропасть социальным расслоением, с засильем полукриминальных и мафиозных структур. Необходимо повышение уровня российского самосознания, поддержка патриотических кругов российской общественности со стороны государства и СМИ.

Натиск глобализма сокрушителен, но велика и решимость патриотических сил народов мира отстоять национальный суверенитет и национальную самобытность. Давид снова готов сразиться с Голиафом.

Г. В. АТАМАНЧУК,

профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ,
доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Почти 300 лет Россия (в наименовании, полученном при коронации императора Петра I) находится в состоянии высочайшего напряжения. Кровью народа и ресурсами при-

роды она непрерывно расплачивается за право на существование. Столько же лет Россия стремится сблизиться, скажем, с Латинской Европой, но до сих пор не находит у нее

адекватного понимания. Пережито за это время невероятное число бедствий и страданий, падений и унижений. Конечно, были великие победы, взлеты, но не об этом сейчас речь. Победы легче переносятся, чем поражения. И подлинного анализа заслуживают как раз трудные сюжеты, кризисные события, крупные провалы, ибо нельзя развиваться по синусоиде «вверх-вниз», что стало для нас почему-то весьма привычным.

Думаю, что пора бы уже заняться серьезными научными исследованиями, а не реагировать только на конъюнктуру. За последние шесть лет немного улучшилась ситуация и, как обычно, уже слышатся фанфары. Между тем и наступившее улучшение, и его экстраполяция на будущее не могут и не должны нас усыплять. Бывали в прошлом и посильнее подъемы, однако за ними почему-то следовали значительные «спуски». А нам необходимы устойчивость и гарантированность в обеспечении целостности, суверенитета, безопасности, упорядоченности и развития России.

Это предполагает осознание проблемы, объективное восприятие истории, выявление источников и факторов независимости, определение стратегического направления движения и ресурсов его достижения. Иначе нет условий и предпосылок для управления. Однако вместо этого большинство наших «обществоведческих» умов занято линчеванием истории, копированием, заимствованием, подражанием, постоянным соизмерением себя с другими и, конечно, критикой существующего. Причем все делается без каких-либо критериев, «шкал измерения». Одни кивают на Европу, другие — на США, третьи — на Японию, четвертые — на Китай, некоторые — на Бразилию и т. д. И никто почему-то не принимает во внимание, что это совершенно различные между собой страны по множеству параметров и нельзя в каждой из них выдерживать что-то одно, что импонирует кому-то.

В то же время свои собственные и объективные по природе основания, которые сотворили историю страны и определяют ее сегодня, либо недооцениваются, либо вообще игнорируются.

Во-первых, на планете Земля Россия занимает особую, во многом уникальную, географическую нишу с очень тяжелыми почвенно-климатическими условиями, которая и создала ее геополитическое положение. И хотя развитие науки, техники и технологий кое в чем смягчает действие географического основания, его геополитический компонент только обостряется. Запад и Восток сдавливают страну, исходя, естественно, из своих геополитических интересов. Но мы, как заколдованные, делаем вид, что ничего особенного не происходит.

Многие все еще думают, что мы так же легко войдем в западную цивилизацию, в ВТО или глобализацию, как Чехия и Венгрия.

Во-вторых, в силу расположения на евразийской равнине Россия включает в себя множество народов со своей исторической родиной и своими религиозными и культурными традициями. Самобытной была и «внешняя» подпитка: своими представлениями о жизни с нами делились: с севера — варяги (Рюриковичи), с юга — христиане (Византия), с востока — татаро-монголы (Золотая Орда), с запада — практически все страны Европы. В результате сформировалась сложнейшая система жизнедеятельности, несводимая ни к какому-то одному народу, конфессии или форме существования. Но сегодня у нас ищут какой-то общий для всех шаблон («прокрустово ложе»), в который хотят загнать многообразие, являющееся источником комплексного синергетического развития.

В-третьих, на территории России в течение веков возросла особая культура мироощущения и миропонимания, которая существенно отличается от культур восточных, западных и южных (по отношению к нам) народов. Эту культуру называют по-разному: русская, восточно-христианская, славяно-тюркская, православно-мусульманская и т. д. Суть, однако, не в наименованиях, а в том, что геополитическое положение и многообразие выработали соответствующие идеалы и ценности, потребности и интересы, цели и мотивы жизни людей, следование им дало нам тысячелетнюю историю.

Но самое странное и поразительное, что с началом активного взаимодействия с Западом (XVIII в.) у нас все шире и настойчивее распространяется нигилистическое отношение к своему прошлому и к самим себе, как будто мы ослепли и стали нуждаться в чужих поводырях. Что нам указывают, то и делаем, что нам говорят, то мы и повторяем. Возьмем крупные события. Стоило России в XIX в. разгромить Наполеона I и покончить с его бесконечными завоеваниями, как ее обозвали «жандармом Европы». И давай изнутри и извне подтачивать ее мощь. Внедрили левые идеи (социал-демократические) и с их помощью развалили Россию в 1917 г., создав здесь крайний их вариант — диктатуру пролетариата. Между тем и в этой модели Россия (СССР) возродилась и освободила Европу от нацизма и фашизма. И, что логично, тут же, после Великой победы, превратилась в «империю зла». Вновь пошло внедрение новых идей, но теперь уже правых (консервативных) в варианте либерализма. Еще раз в одном и том же веке разрушили страну. Обрадовались: «черная дыра» (З. Бжезинский); «криминальное общество» (М. Тэтчер); «коллапс» (М. Кастельс)

и т. д. Казалось, еще чуть-чуть: побольше вывезут ее богатств, поглубже внедрится либеральная идеология и практика, и распадется уже Российская Федерация, и ее заменит единая западная цивилизация от Ванкувера до Владивостока. Между тем Россия почему-то сохранилась и начала медленно восстанавливаться, и вполне закономерно опять пошли суждения о том, что не такая у нас демократия, не так голосует народ, не так мы мыслим, не то делаем и прочее, и прочее в том же духе. Разумеется, дружить надо со всеми странами Европы, да и других континентов, но не надо по этому поводу питать особых иллюзий. У всех свои интересы и судьба.

И я не понимаю, в чем вина России перед Западом и что она должна сделать, чтобы эту вину искупить. За последние годы многие жители России уехали на Запад, но почему-то никак не могут там адаптироваться. Что-то генетическое, историческое и культурное им мешает. И они тянутся к России. Тогда возникают вопросы, которые и должны быть предметом обсуждений.

Если Россия обладает крепким и устойчивым самобытным стержнем, который ее держит уже более 1000 лет и, как птицу Феникс, возрождает из провалов, то надо хотя бы его знать, понимать и уважать. Между тем в современной российской научной литературе по философии, экономике, политологии, юриспруденции и другим отраслям знаний редко можно встретить какое-либо упоминание о нашем вкладе и наших авторах. По отношению к самим себе действует почему-то стереотип «нигилизма, анархизма и радикализма». Он оказывается удобным для анализа своей истории и сегодняшнего дня («в которых нет ничего хорошего»), однако совсем не годится для познания Запада, в котором тоже — увьи! — не все образцово.

Далее, если мы 1000 лет взаимодействуем с Западом практически по всем проявлениям жизни, то почему вдруг «выпали» из так назы-

ваемых цивилизационных процессов и теперь нам необходимо в них непременно вписываться, причем обязательно подстраиваясь. Вроде существует мировая парадигма о равноправии народов и их культур, но о ней почему-то забывают, когда дело касается России. У всех могут быть национальные интересы, однако нам такое непозволительно. Между тем Россия объективно внесла огромный вклад в развитие народов планеты Земля и, разумеется, всегда участвовала в формировании мировой цивилизации. Кто и на каком основании пытается этот вклад девальвировать?

У каждого народа (и его государства) имеются свои достоинства и недостатки, сильные и слабые стороны, свои светлые и темные страницы истории. Но почему же, когда вопрос касается нас, то многокрасочность заменяется лишь одной черной краской? Самопознание, даже самое критическое, не есть самоуничтожение, к которому порой сводятся многие «опусы» о России. Различие, которое объективно имеется между Россией и Латинской Европой, вовсе не означает, что одна сторона живет в истине, а другая — в постоянных ошибках. Право на самобытность и самостоятельность принадлежит всем!

Поэтому, для того чтобы возродить и развить силу России, следует, прежде всего, избавиться от комплекса неполноценности непонятно перед чем, и вины — неизвестно за что. Укрепление страны требует умелого управления, которое может основываться только на всестороннем стратегическом расчете и опоре на собственный природный, человеческий и производственный потенциал. Сотрудничество с другими народами есть императив исторического будущего, но гарантией его мы должны стать сами, и этим необходимо заниматься всем интеллектуальным силам страны. К сожалению, такой концентрации знаний, опыта и искусства пока не наблюдается. Именно в ней мне и видится задача Международных Лихачевских научных чтений.

В. В. АФАНАСЬЕВ,

ректор Ярославского государственного педагогического университета
им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор;

Е. И. СМИРНОВ,

заведующий кафедрой математического анализа Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор

Д. С. ЛИХАЧЕВ И А. Н. КОЛМОГОРОВ — ВЕЛИКИЕ МЫСЛИТЕЛИ XX ВЕКА

В истории российской культуры XX в. трудно найти другие личности, которые так ярко интегрировали бы в себе особые черты русской интеллигентности — энциклопедизм

знаний и гуманизм образовательных воздействий на жизнь общества, как теоретик древнерусской литературы академик Д. С. Лихачев и великий математик А. Н. Колмогоров,

100-летие со дня рождения каждого из которых приходится на первое десятилетие XXI в.

Удивительно переплетение на ярославской земле генетических корней, научных интересов, энергии, глубины и мощности научного таланта и человеческой щедрости этих великих русских людей.

А. Н. Колмогоров был родом с берегов Волги; поместье его деда, Якова Степановича Колмогорова, находилось в селе Туношна под Ярославлем. В 1887–1893 гг. Я. С. Колмогоров был уездным предводителем дворянства, впоследствии — почетным мировым судьей. Яков Степанович был известен в Ярославской губернии как меценат и человек, активно участвовавший в культурной жизни края. Он состоял действительным членом ярославского естественно-исторического общества, поддерживая издание его трудов своими крупными взносами; участвовал в работе ярославской губернской ученой архивной комиссии и в специальной волковской подкомиссии, избранной для организации 150-летнего юбилея русского театра и установки памятника его основателю.

Мать А. Н. Колмогорова, Мария Яковлевна Колмогорова, умерла при рождении сына. Отец его, Николай Матвеевич Катаев, почти не участвовал в воспитании сына. Заботы о нем взяла на себя сестра матери Вера Яковлевна Колмогорова, усыновившая его. Детство А. Н. Колмогорова прошло в селе Туношна и в ярославском доме деда на Пробойной (Ильинской, Советской) улице.

Широта интересов и глубина познаний А. Н. Колмогорова в различных областях науки и культуры (в том числе в «изящной словесности») ставит этого выдающегося математика в первый ряд просветителей XX в. Научную деятельность А. Н. Колмогоров начал в области теории физики действительного переменного, внес существенный вклад в разработку математической логики и теории мер, топологии и теории вероятности, теории информации и математического анализа. Почти каждый результат А. Н. Колмогорова в математике становился тенденцией в развитии науки. Как писал профессор МГУ В. М. Тихомиров — ученик А. Н. Колмогорова, — «У А. Н. Колмогорова было (в одной лишь математике) около двадцати научных направлений, где он выступал как первооткрыватель или классик».

Огромный вклад Андрея Николаевича в организацию и создание математического просвещения в России: им была основана знаменитая 18-я школа-интернат при МГУ для талантливых детей из провинции; он был одним из основателей научно-популярного журнала для школьников «Квант»; в 1970-е г. под руководством А. Н. Колмогорова начинается ре-

форма среднего математического образования в СССР, и он возглавляет Комиссию по разработке новых программ по математике.

Д. С. Лихачев часть своей жизни посвятил изучению и переводу шедевра древнерусской литературы XII в. — «Слова о полку Игореве». Текст был найден в рукописном сборнике «Хронограф» (конец XV — начало XVI в.) и хранился в библиотеке архимандрита Спасо-Преображенского монастыря Иоиля Быковского в Ярославле. «Хронограф» поступил в библиотеку графа А. И. Мусина-Пушкина (1744–1817 гг.), известного собирателя древностей, во второй половине XVIII в. (считается, что не позднее 1789 г.); в 1796 г. составлена копия списка «Слова о полку Игореве» из «Хронографа» для императрицы Екатерины II, и в 1800-м А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский подготовили рукопись к изданию (тираж составил 1200 экземпляров; по словам Д. С. Лихачева, это было великолепное издание для тех времен).

«Героическая песнь о походе на половцев удельного князя Новгород-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие» — под таким названием ярославский помещик, бывший обер-прокурор Святейшего Синода, действительный тайный советник и кавалер граф Александр Иванович Мусин-Пушкин выпустил в Москве первое печатное издание «Слова».

До сих пор остаются загадкой и обстоятельства находки графом списка «Слова о полку Игореве» в Ярославле, и последующая гибель этого уникального литературного произведения в московском пожаре 1812 г. Тогда, в 1812-м, дом А. И. Мусина-Пушкина на Разгуляе подвергся грабежу со стороны солдат наполеоновской армии; в огне сгорела богатейшая коллекция древнерусских рукописей, а также значительное количество напечатанных экземпляров «Слова о полку Игореве». А вот оригинал, был ли он там? К сожалению, ответить на этот вопрос невозможно. Может быть, дать ответ или указать путь к разгадке помог бы старинный дом Мусиных-Пушкиных в Иловне, где, по воспоминаниям старожилов, имелась потайная комната с бесценными сокровищами. Но дом уже много десятилетий лежит на дне Рыбинского водохранилища. Интерес исследователей подпитывается и тем, что сам А. И. Мусин-Пушкин весьма неохотно отвечал на все вопросы, связанные с историей приобретения и гибели «Слова». И тем не менее именно благодаря ему мы можем читать, изучать и восхищаться этим замечательным произведением древнерусской культуры.

В 1985 г. в Ярославском историко-архитектурном музее-заповеднике, там, где когда-то

и было найдено «Слово», академик Д. С. Лихачев открыл экспозицию, рассказывающую об эпохе рождения и судьбе знаменитого произведения, его значении в развитии литературы и искусства. Им был передан в дар музею ряд личных документов и изданий древнерусских рукописей, в том числе дневник ученого-филолога. В последующие годы Д. С. Лихачев неоднократно бывал в Ярославле на конференциях, на чтениях и т. д. В 2006 г. в честь 100-летия со дня его рождения в городе Мышкине Ярославской области пройдут чтения «Д. С. Лихачев и русская провинциальная культура», а в Ярославле — «VII чтения по истории и культуре древней и новой России».

А. Н. Колмогоров хорошо разбирался в поэзии и литературе, не только считал их художественными сферами, но и «воспринимал как необходимую среду существования, как своего рода синхронизаторы, регуляторы, гармонизаторы эмоционального статуса человека — как нечто, задающее ритм внутренней жизни»¹. Он был великолепным знатоком творчества А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Блока, С. Есенина, М. Волошина, В. Маяковского, Н. Гумилева, почитал Т. Манна, А. Франса, любил природу в описании М. Пришвина, В. Солоухина. Ученик А. Н. Колмогорова, профессор МГУ В. А. Успенский так описывает свои литературные прогулки с Андреем Николаевичем: «Гуляя по парку, мы заговорили о поэзии, и я сказал, что люблю Гумилева. Колмогоров сразу же процитировал: «Из-за свежих волн океана красный бык поднял рога. И бежали лани тумана под скалистые берега». Я признался, что не знаю, что это такое. «Гумилев. Поэма “Дракон”, — сказал Колмогоров и потерял интерес к беседе. Каким-то образом эта поэма (а если быть точным, то первая часть задуманной Гумилевым 12-частной «Поэмы начала») не отложилась в моей памяти, и именно в нее Колмогоров и сунул меня носом с первого же попадания!»²

А. Н. Колмогоров — автор ряда стиховедческих выступлений, как устных, так и печатных, а также руководитель исследовательских работ в области стиховедения. Достаточно сказать, что в 1977 г. он был оппонентом при защите докторской диссертации М. Л. Гаспарова «Современный русский язык. Метрика и ритмика»; занимался исследованиями по энтропии речи, выявлением метрических законов в стиховедении, мето-

дикой вычисления «трудности рифмы», созданием теории «колмогоровской сложности» и др. Все это стало заметным явлением в русском стиховедении. Участником этих работ наряду с другими исследователями была и жена А. И. Солженицына — Наталья Дмитриевна Светлова.

А. Н. Колмогоров неоднократно выступал на различных форумах по математической лингвистике, например, на Симпозиуме по комплексному изучению художественного творчества в 1963 г. в Ленинграде. Он докладывал о роли статистики и теории вероятностей в исследовании русского стихосложения. На том же симпозиуме Д. С. Лихачев остановился на вопросе применения ЭВМ в изучении истории литературы. Существует гипотеза В. А. Успенского о том, что цепи Маркова (а также марковские процессы, общая теория и классификация которых была предложена А. Н. Колмогоровым в 1930 г.), автором которых был известный математик А. А. Марков, родились из наблюдений чередования букв в литературных текстах.

На этом историческом анализе мы видим, как оба великих мыслителя XX в. — Д. С. Лихачев и А. Н. Колмогоров — создавали огромное культурное наследие России на основе большой любви и интереса к генезису российского менталитета и упрочили славу российской науки в мировом культурном и просветительском пространстве. Этот интерес тем более важен в современный период развития России, когда в процессе смены экономической формации подрастающему поколению нужен анализ и реальные примеры смелой и целеустремленной деятельности по преобразованию и восстановлению нашей великой страны.

Поэтому организация и проведение международных форумов в честь наших великих земляков является в настоящий период актуальной задачей.

В 2003 г. в Ярославле на совместном семинаре научной и педагогической общественности из более чем 40 регионов России под патронатом МГУ им. М. В. Ломоносова, Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Администрации Ярославской области была поддержана инициатива о проведении ежегодных Колмогоровских чтений в Ярославле³. С большим вниманием были заслушаны выступления ректора МГУ В. А. Садовниченко, академика РАО В. Д. Шадрикова, учеников и последователей А. Н. Колмогорова —

¹ Успенский В. А. Предварение для читателей «Нового литературного обозрения» к семиотическим посланиям Андрея Николаевича Колмогорова // Новое литературное обозрение. 1997. № 24.

² Там же.

³ Труды школы-семинара по проблемам фундаментальной профессиональной подготовки учителя математики (Посвящается 100-летию со дня рождения академика А. Н. Колмогорова). Ярославль, 2003.

В. М. Тихомирова, А. М. Абрамова, Н. Х. Розова, Г. Л. Луканкина, В. М. Монахова, С. С. Демидова, В. А. Гусева, О. С. Ивашева-Мусатова и др. С тех пор ежегодно в мае на ярославской земле на базе Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского проводятся традиционные Колмогоровские чтения, освещающие актуальные проблемы математики и математического образования, теории и методики обучения математике в школе и вузе, математической подготовки

учителя и создания современных школьных учебников.

Это научное событие, ставшее в последние годы международным, привлекает научную и педагогическую общественность со всех уголков России. И такие симпозиумы, как Международные Лихачевские научные чтения в Санкт-Петербурге, Колмогоровские научные чтения в Ярославле реально способствуют становлению российской науки и образования в контексте развития мировой культуры.

В. И. БЕЛОУС,

заведующий кафедрой современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ КУЛЬТУР В РОССИИ XX И НАЧАЛА XXI ВЕКА

Стремительное развитие современного исторического процесса объективно предполагает диалог различных культур в формате их взаимовлияния и взаимодействия, и что не менее важно, их взаимоуважения. В условиях глобализации это становится категорическим императивом.

Но возникает вопрос: а что такое глобализация, в каких формах она реализуется и какими методами осуществляется? Можно согласиться с суждением П. Ярвиса, что «глобализацию точнее всего следует определять как социально-экономическое и культурное значение»¹. Можно говорить и о многозначности этого термина. Сам по себе процесс глобализации не принадлежит XX в. Достаточно вспомнить попытки создания древних империй: Александра Македонского, Римской, в новое время Британской, в новейшее германской и советской. И на протяжении тысячелетий практически не изменились методы: от военных до экономических и информационных. В конце XX и начале XXI в. на первый план выходят политические и информационные методы, а сама глобализация в значительной степени становится одноканальной и противоречивой.

Но не следует забывать и о другом, параллельном, процессе — локализации. Образование самостоятельных государств или, по крайней мере, попытки их создания — это тоже тысячелетняя историческая практика. А, следовательно, неизбежно и появление особых культурно-исторических типов и

цивилизаций, о чем убедительно писали как отечественные, так и западные исследователи². Но возникает и еще один фундаментальный вопрос: а что такое культура? Многозначность этого понятия очевидна, и вряд ли ее можно сводить к субъективно-смысловым отношениям, как это делает И. Я. Левяш³. Ведь культура глубоко структурирована, она имеет горизонтальный и вертикальный срезы (материальная и духовная культура), различные сегменты и векторы. И уже сама структурированность с необходимостью порождает противоречия во взаимовлиянии и взаимодействии различных культур во внешнем и во внутреннем направлениях. Но, думается, вряд ли всю совокупность противоречий различных культур можно сводить к противостоянию различных конфессиональных образований (проблема Запад–Восток), как это делает С. Хантингтон⁴. И совершенно прав митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, говоря, что «сравнивая различные культурно-цивилизационные модели, мы убеждаемся, что наиболее драматичные различия между ними лежат именно в сфере отношения к человеку, понимания роли человеческой личности в мире. Совершенно очевидно, что тема человека, его прав, свобод и ответственности находится на острие всех мировоззренческих споров о том, каким должно

¹ Ярвис П. Глобализация, знания, университеты // Культура и глобальные вызовы мирового развития. СПб., 2005. С. 20.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1995. Гл. 5, 17; Тойнби А. Постигание истории. М., 1989; Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

³ Левяш И. Я. Культурология. Минск, 1998. С. 7.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994. № 1. Убедительный анализ этой концепции см.: Гуревич П. С. Культурология. М., 1996. Гл. 6.

стать наше общее будущее, как избежать конфликтов между различными нациями, верованиями, традициями»¹. Вполне очевиден тот факт, что проблемы, вплоть до противоречий, взаимодействия и взаимовлияния культур различных этносов и социальных групп остро стояли в СССР и стоят в современной России. В период существования Советского Союза они носили латентный характер, реализуясь в бытовой, национальной, языковой, экономической формах. Парадоксально, но в условиях глобализации по-советски (так называемые «русификация» и «коренизация») большинство русских не имели (за исключением узких специалистов-этнографов) представления об уникальных культурах мордвы, чувашей, марийцев, народов Севера и Дальнего Востока, татар, башкир. Ситуацию усугубляло и незнание языков народов, населявших СССР. Пожалуй, единственными институтами, позволяющими преодолеть пропасть между культурами, были коммунистическая партия, армия, школы и вузы. Культурная локализация, вследствие усилий национальной интеллигенции, постепенно превращалась в этнонационализм и тенденцию к разобщенности. А ведь еще в 1968 г. академик А. Д. Сахаров писал: «Для человечества отойти от края пропасти — это значит преодолеть разобщенность»². Разобщенность, прежде всего культурную, преодолеть не удалось, вмешалась политика — Советский Союз рухнул. Но проблемы остались и на постсоветском пространстве. Более того, они усугубились. Предельно ослаблены культурные связи России и Грузии, России и Украины, России и Молдавии,

России и прибалтийских государств. Стоит острейшая проблема взаимодействия культур России и Средней Азии. Так называемые «гастарбайтеры» с Востока не только не несут даже какого-то подобия своих традиционных культур, но и не воспринимают культурные традиции России. А ведь это чревато серьезными конфликтами, как показывает пример Франции. К сожалению, разрушается и великая русская культура. Знаменитый пианист Николай Петров говорит: «Я отнюдь не идеализирую бывшую советскую жизнь. Но в то время появление в таком количестве (как сейчас. — В. Б.) малопрофессиональных, вульгарных и бездарных личностей на сцене было попросту невозможно... Я мечтаю о том времени, когда вход для людей, опошляющих и извращающих нашу великую русскую культуру, наконец-то будет наглухо закрыт»³. Ему вторит известный режиссер С. Говорухин: «Нужна культура!.. Нужна настоящая литература... Нужен настоящий кинематограф, который пробуждал бы в человеке не животные инстинкты, а добрые, благородные чувства»⁴.

Поставим вопрос: а есть ли какие-либо инструменты для решения проблем взаимодействия, взаимовлияния и взаимоуважения культур в настоящее время? Да, есть. Это формирование, как говорит академик Ш. А. Амонашвили, «гуманного педагогического сознания и гуманизация образовательного процесса»⁵. И если уж у нас политика довлеет над остальными сферами жизнедеятельности общества, то, безусловно, необходимо развитие политической педагогики⁶.

М. В. БИБИЛОВ,

заместитель директора Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук (Москва)

ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ НА РУСИ: ТРАДИЦИИ И РЕЦЕПЦИЯ

Вполне естественным представляется появление в программе Лихачевских чтений данной темы, так как она была одной из важнейших среди занимавших Дмитрия Сергеевича. В 1991 г. в Москве состоялся представительный международный научный форум — XVIII Всемирный конгресс византистов, на который съехались более трех тысяч ученых

со всего мира. Д. С. Лихачев был председателем конгресса. В те августовские дни мы много с ним общались, беседовали, обсуждали ход

⁴ Аргументы и факты. 2006. № 13. См. также: *Скатов Н. Н.* Российская культура и процессы глобализации // *Культура и глобальные вызовы мирового развития*. СПб., 2005.

⁵ *Амонашвили Ш. А.* Духовная основа образования // *Культура и глобальные вызовы мирового развития*. СПб., 2005. С. 27.

⁶ См. подробнее: *Свинцова Л. Г.* Место и роль политической педагогики в демократизации постсоветской России // *Россия в процессе политической модернизации*. Саранск, 2005. С. 206–212.

¹ Аргументы и факты. 2006. № 14.

² *Сахаров А. Д.* Тревога и надежда. 2-е изд. М., 1991. С. 17. См. также: *Глазычев В.* Агония культуры // *Погрузение в трясину*. М., 1991. С. 260–284.

³ Аргументы и факты. 2006. № 12.

Конгресса, в центре которого стояла как раз тема византийского наследия в культуре Руси. Предлагаемое сообщение навеяно памятью о тех беседах.

Новый импульс тесному культурному взаимодействию Византии и Руси, несомненно, придало крещение Руси в 988 г., но его предыстория относится еще ко второй трети IX в., когда, судя по сообщению одного из посланий константинопольского патриарха Фотия, «росы» приняли христианство и к ним направили византийского иерарха. Таким образом, появление греческого клира в русской среде произошло более чем на столетие раньше, чем крещение Руси князем Владимиром. Представление о Руси как христианской, дружественной Византии державе укрепились с тех пор не только в греческих средневековых памятниках, но и (если судить по Уставу князя Владимира в составе Софийской кормчей XIII в., по Предисловию к Киево-Печерскому патерику и Четьям-Минеям) в русской традиции.

Древнерусская и византийская столицы — Киев и Константинополь — были главными центрами официальных политических контактов. В Киеве таким центром был, несомненно, митрополичий двор: учреждение русской митрополии константинопольского патриархата в Киеве между 996/7 и 997/8 гг. сказалось на интенсификации русско-греческих связей. Двадцать два из двадцати четырех известных до начала XIV в. митрополитов Руси были греками. Греками были и большинство епископов в почти двух десятках древнерусских епископий, а также настоятели монастырей, прочие клирики.

С возникновением церковной организации на Руси связан и другой важнейший центр русско-византийских культурных связей. Это Херсонес (средневековый Херсон) в Крыму, или Корсунь, как он назывался в древнерусских летописях. Именно там, по свидетельствам о крещении Владимира, произошли основные политические события, непосредственно связанные с официальной христианизацией киевского князя и всей Руси. Именно корсунянина Анастаса предание называет первым «княжеским протопопом» в Десятиной церкви в Киеве. А новгородским епископом во времена князя Владимира назван также корсунянин — Иоанн. Летопись новгородских владык под 991 г. первым новгородским епископом, присланным патриархом Фотием (!), называет Иоакима (Якима) Корсунянина, деятельность которого относится к 996–999 гг.

С направлением торговых путей связано и оживление центра русско-греческих связей в Нижнем Подунавье: судя по «Повести вре-

менных лет», во второй половине X в. в Переяславле на Дунае русско-греческая торговля была обычным явлением.

Наконец, еще одним центром таких связей была Фессалоника — Солунь (в славянской традиции), куда на ярмарку в XII в. спешили, как рассказывается в византийской сатире «Тимарион», купцы с северных берегов Эвксинского Понта.

Показательно хорошее знание в Византии административно-политической структуры Древнерусского государства, его областей, центров, церковных епархий, этногеографических особенностей. Об этом говорят данные Константина Багрянородного, Списков епископий, тактиконов. В перечне епископий Великой России, составленном в середине XII в., перечисляются Белгород, Новгород, Чернигов, Полоцк, Владимир, Переяславль, Суздаль, Туров, Канев, Смоленск, Галич. Под именем «Киава» Никита Хониат и Иоанн Киннам имеют в виду, несомненно, Киев. Наиболее полные рассказы византийских писателей этого времени касаются Галицкой Руси, близкой к Византии территориально и потому занимавшей в международных связях Империи видное место.

Крупнейшим центром взаимодействия культур того времени был, конечно, Афон. Более тысячи лет существует то, что иногда называют «монашеской республикой», обосновавшейся на склонах гористого полуострова Халкидика. Афон, или Святая гора, с последней трети X в. стал колыбелью возникших здесь нескольких десятков монастырей и скитов — греческих (Ватопедского, Ксиропотамского, Филофейского, Ксенофонта, лавры Св. Афанасия и др.), грузинского — Иверского, сербского — Хиландарского, болгарского — Зографского, русского — Ксилурга («Древодела»), Св. Пантелеймона. Кутлумушский монастырь был, вероятно, основан в XII в. крещеным сельджуком — потомком тюрка Кутлумуша. Сохранились старинные гравюры и рисунки афонских обителей. Так, на рисунке Русского монастыря Василия Григоровича-Барского воспроизведены архитектурные памятники «Русика», как его называли, — высокая надвратная башня, католикон — главный собор. А на гравюре А. Варина из Венской национальной библиотеки хорошо видны все часовни, собор, трапезная Русского монастыря; здесь же — и монастырская библиотека, известная своим рукописным собранием.

Действительно, библиотека и архив — неотъемлемая, важнейшая часть афонских монастырей. Прежде всего в них хранились важные для афонитов юридические документы:

императорские грамоты — хрисовулы, распоряжения протата — святогорского «правительства», другие акты, регулирующие нормы жизни на Афоне. Но библиотеки были не только местом хранения важных документов. Книжные собрания помогали творчеству литераторов, историков, публицистов, распространению средневековой культуры по всему свету. Когда в середине XI в. основатель Киево-Печерской лавры Антоний Печерский с помощью эсфигменского игумена ознакомился на Афоне с уставом, то, вернувшись в Киев, он использовал и афонский опыт для формулировки определения статуса первого монастыря Древней Руси.

Путь взаимодействия культур был двусторонним — как из Греции на Русь, так и обратно: в самой Византии была распространена древнерусская книжность, в чем нас снова убеждают материалы афонских архивов. Сохранилась опись 1142 г. имущества Русского монастыря, где в скрупулезном перечне всего, что находилось в нем к тому времени, названы многочисленные иконы, изделия из золота, серебра, драгоценных камней, а также книги. При этом подчеркивается наличие русских книг и шедевров прикладного искусства. Судя по этому документу, библиотека только русских книг насчитывала сорок восемь томов. Это немало, если иметь в виду, что, например, в Москве даже значительно позже, к середине XVII в., на Печатном дворе насчитывалось тридцать две греческие книги.

В период серьезных испытаний XIII в. — после завоевания Византии крестоносцами в 1204 г. и монголо-татарского нашествия на Русь — связи греков и Руси не прекращались.

В новых условиях происходит возвышение нового центра взаимных контактов — Москвы. В это время прокладывается и активно используется и новый путь — Азовско-Донской. Он хорошо описан в «Хождении митрополита Пимена в Царьград» 1389 г. Пимен отправился из Москвы и, миновав Рязань, прошел путь по Дону, через Азов, крымскую Кафу (Феодосию), Судак и через Синоп уже на южном побережье Черного моря прибыл в Константинополь, потратив на весь путь два с половиной месяца.

Этот период характеризуется углублением прежде всего культурных связей греков с Русью. Успешно развивается такое новое явление, как греческое иконописание в России. В 1408 г. трапезундский епископ Феодул в Москве переписывает Анфологий, находящийся сейчас в рукописном собрании Ватиканской библиотеки. Эта книга находилась в Москве в библиотеке митрополита Фотия

(1408–1431), которому принадлежало еще восемь ныне известных рукописных кодексов. В его же библиотеке была и переписанная в 1408/09 г. также греком Феодулом Триодь (Постная и Цветная), хранящаяся сейчас в Государственном историческом музее в Москве. Позже, в конце первой четверти XVI в., эту книгу использовали Максим Грек и Михаил Медоварцев для «правки» текста Цветной Триоди.

В середине XVI в. библиотека греческих книг была собрана сподвижником Ивана Грозного Сильвестром. Туда вошли, в частности, рукописи Максима Грека. Рукой греческого философа и просветителя, как следует из записей в книгах, была выполнена в Твери в 1540 г. Псалтырь, а чуть позже — «Апостол».

В июле 1588 г. в Москве в окружении константинопольского патриарха Иеремии II появился Иерофей Монемвасийский. Результатом работы этого книжника в Москве стал сборник Геласия Кизикского о Никейском соборе и актов III Эфесского собора, а также книга 1596 г. блаженного Августина в греческом переводе Максима Плануда и Прохора Кидониса.

В Иерусалимском храме Вознесения находится и прекрасная греческая рукопись — «златокованное» служебное Евангелие, изготовленное в Москве в 1596 г. специально царю Борису Годунову для подарка кодекса иерусалимской церкви. Всего в XV–XVI вв. в России — в Москве, Твери и Новгороде — было переписано двадцать две греческие рукописи, дошедшие до нашего времени.

В XVII в. поток греческих книг в Россию резко увеличился. Около пятисот книг — рукописных и старопечатных — привез из поездки по Афону в 1653–1655 гг. Арсений Суханов. Эти книги и поныне являются жемчужиной московского собрания рукописей Государственного исторического музея.

Такое распространение греческой образованности в России, прежде всего в Москве, привело к тому, что со второй половины XVII в. греческие книги переписываются здесь уже не только греками, но и русскими писцами, получившими соответствующее образование.

Итак, литературные и историко-культурные богатства наших библиотек позволяют сделать интереснейшие наблюдения, касающиеся живых, не прерывавшихся связей Византии и Руси и характеризующие важный вклад греческой книжности в развитие образованности в России в условиях творческого взаимодействия греческой и русской культур.

И. Г. ВОРОБЬЕВА,

профессор кафедры истории Тверского государственного университета,

доктор исторических наук

РОССИЯ И СЕРБИЯ: К ИСТОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

«Очень много у нас пишется о наших корнях, корнях русской культуры, но очень мало делается для того, чтобы по-настоящему рассказать широкому читателю об этих корнях, а наши корни — это не только древняя русская литература и фольклор, но и вся соседствующая нам культура». (Д. С. Лихачев. «Заметки о русском»).

Эти слова Дмитрия Сергеевича могут быть эпиграфом к моему выступлению. Хотя сербы территориально никогда не были прямыми соседями русских, эти два славянских народа на протяжении веков были очень близки, несмотря на то, что в исторической памяти славян братьями Руса считались Чех и Лех. Русские и сербы родственны не по крови, а по вере. Сербы любят русских, они говорят: «Поскреби русского — найдешь Бога».

Первая встреча русских и сербских христиан, видимо, произошла на Афоне в конце XII в. Монахи русского монастыря Св. Пантелеймона получили приглашение ко двору сербского правителя (великого жупана) Стефана Немани. С этой миссией, по преданию, связано значительное событие в духовной жизни сербов. Младший сын правителя Растко под влиянием монаха, «русина родом», уклонившись от брака, «облачился в монашеские ризы» под именем Саввы. Его первыми духовными наставниками стали русские монахи, а первые прочитанные книги были из библиотеки русского монастыря. В 1219 г. Савва стал первым сербским архиепископом и вместе со своим отцом (св. Симеон) основал на Афоне Хиландарский монастырь, положив основание духовной Сербии. Сербскую церковь называют Святосавской.

Пройдет время, и в 1550 г. русского царя Ивана Васильевича посетят хиландарские монахи во главе с игуменом Паисием. Они поднесут царю в дар, как записано в документе, «образ святого Симеона, нового мироточца, и святителя и чудотворца Саввы, серебром обложенный и жемчугом украшенный, тебе на славу и на победу против врагов видимых и невидимых, и еще крест серебряный, и в нем животворящее древо и святые мощи, с жемчугом и камением, который носил святой Савва, когда был в царских одеждах прежде иночества». С того времени Иван Грозный, ведущий свое происхождение по матери от сербских князей Якшичей, стал покровительствовать Хиландарскому монастырю. Связи этого монастыря с русскими царями существовали на протяжении долгого времени.

В старой песне «Царица Елисавка и царь Татарин» сербские святыни — «Симеона царская корона, одеянье Йована святого, Константина крестный стяг державный, посох золотой святого Саввы, сабля острая Стефана сильного, да икона царя Дмитрия» — названы «отчим наследием» московской царицы. «Елисавка, госпожа москволян» разыскала их у султана, в Крыму у царя Татарина и просила вернуть за выкуп. Получив отказ, «москволяне» вышли «под Киево» и разбили войско царя Татарина. И только тогда в Крыму «уложили сербское наследье» и отправили «морем на галерах» госпоже москволян. Этот мотив отчего наследия, созданного сербами, обосновывал многочисленные обращения с просьбами к русским и выражал надежды на помощь в избавлении славян от турок. Примечательно, к примеру, что в сербской песне «Поход на турок», посвященной реальным событиям 1683 г., христианское войско возглавляет не польский король, а московский король Михаил.

Сербы постоянно напоминали и о совместных боевых действиях с русскими. Так, в сборнике начала XVIII в. рукописной коллекции Государственного архива Тверской области сохранился текст рассказа приезжего старца Симеона, дьякона Павловского Афонского монастыря, записанный русским человеком. Он насыщен многими географическими, этнографическими, политическими и религиозными сведениями о Сербии. К тому же сербский монах сообщал: «А егда ваш государь на турскаго войском своим собирался, тогда наши сербы начальников и людей турских, держащих землю нашу, порубили. Царь же турской отмстити им не дерзнул».

С начала XVIII в. главными носителями знаний о сербской культуре становятся светские люди. При дворе Петра Великого оказался славянин Савва Рагузинский, получивший должность историографа. Морскому делу русских обучал Марко Мартинович из Пераста. На военную службу в Россию прибыли сербы Пишчевич, Зорич, Милорадович, Хорват и др. А в сербские земли в качестве учителей отправились Максим Суворов и Михаил Казачинский — основатели первой у сербов светской школы.

Трудно переоценить роль собирателя и первого публикатора сербского фольклора, реформатора сербского литературного языка Вука Стефановича Караджича, побывавшего в России в 1818–1819 гг. Материалы о Караджиче,

переводы сербских эпических песен регулярно печатались в русских журналах. Неожиданное сходство сюжетов обнаруживается в опубликованной Караджичем песне «Царица Милица и змей с Ястребца» и очень популярной на Руси «Повести о Петре и Февронии». Сходство сербской песни и русской повести — свидетельство общих генетических истоков славянского наследия.

Большой интерес к поэзии сербского народа проявлял А. С. Пушкин. В его библиотеке было три тома сербских народных песен (издание 1823–1824 гг.) и словарь Вука Караджича. Сохранились закладки и пометки в книгах, выписки, сделанные А. С. Пушкиным. Русский поэт перевел из сборника Вука Караджича песни «Сестра и братья», «Соловей», «Не видала ль, девица, коня моего?» и отрывок «Что белеет на горе зеленой» из популярной на Балканах «Хасанагиницы», назвав их «Песни западных славян». Сюжет баллады «Сестра и братья» схож с сюжетом популярной русской сказки «Безручка». А. С. Пушкин несколько раз слышал эту сказку, что могло повлиять на его выбор для перевода сходной сербской песни. Эта баллада и русская сказка, по мнению исследователей, генетически родственны.

В целом вся история отношений русских и сербов наглядно иллюстрирует сформулированное О. И. Генисаретским качество исторического бытия этносов: участие в межкультурном взаимодействии выражается в способности данной культуры влиять на другие и, в свою очередь, испытывать их влияние.

А. В. ГРИНЕВ,

профессор кафедры истории СПбГУП, доктор исторических наук

КУЛЬТУРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ РУССКИХ У ТУЗЕМЦЕВ АЛЯСКИ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Особенности взаимодействия различных культур наиболее ярко проявляются при контактах этносов, резко различающихся между собой по происхождению, языку, быту, уровню социально-экономического развития, религии. Примером подобных контактов могут служить взаимоотношения русских и коренного населения Алеутских островов и Аляски в XVIII–XIX вв. Эта тема уже неоднократно привлекала внимание ученых. Правда, в их исследованиях основной упор делался на изучение воздействия российской колонизации на местных туземцев¹, влиянию же туземной культуры на пришельцев не всегда уделялось должное внимание.

Анализируя эту проблему, необходимо подчеркнуть, что объем заимствований русских у туземцев Аляски существенно отличался по масштабу в зависимости от периода и места культурных контактов.

На начальном этапе российской колонизации Нового Света, когда русские торговцы и добытчики пушнины — промышленники — осваивали Командорские и Алеутские острова (1743–1783), заимствований было не слишком много, но они имели существенное значение, так как касались жизненно важных объектов — жилищ, транспорта, одежды и пищи. Это объясняется трудностями доставки в Охотск и на Камчатку самых необходимых товаров и припасов европейского производства, а потому русским мореплавателям на отдаленных островах приходилось широко использовать местные продукты, материалы и предметы туземной культуры, хотя и весьма ограниченного ассортимента.

На безлесных Алеутских островах промышленники были вынуждены строить жилища, почти аналогичные полуземлянкам местных алеутов, которые сохраняли тепло во время частых ураганных ветров и требовали для своего сооружения меньше дерева, чем обычные русские избы. Одно из таких жилищ было описано участниками третьей кругосветной экспедиции знаменитого английского мореплавателя Дж. Кука, которые побывали на острове Уналашка в декабре 1778 г. Судя по описанию, это было сооружение казарменно-складского типа, в котором сочетались элементы русских и алеутских построек: строение было наземным, и вход со стороны фасада (в отличие от полуподземных общих

¹ Дзенискевич Г. И. Товарообмен у атапасков Аляски в первой половине XIX в. // Проблемы истории и этнографии Америки. М., 1979. С. 254–264; Федорова С. Г. Русское наследие в судьбах коренного населения Аляски // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 244–266; Ляпунова Р. Г. Этнокультурные контакты русских с алеутами и тихоокеанскими эскимосами в XVIII–XIX вв. // Америка после Колумба: Взаимодействие двух миров. Проблемы индеанистики. М., 1992. С. 73–85; Crowell A. W. Archaeology and the Capitalist World System. A Study from Russian America. N. Y.; L. 1997 и др.

алеутских домов со входом через отверстие в крыше), но кровля — сводообразная, покрытая дерном и травой, на манер алеутских жилищ¹. Подобные жилища русские строили на Алеутских островах вплоть до 1820-х гг., когда на острова стали достаточно регулярно завозить бревна, а порой и разборные деревянные дома из «столицы» Русской Америки — Ново-Архангельска.

Очень широко использовали русские промышленники традиционные транспортные средства алеутов и эскимосов — небольшие, полностью обшитые кожей байдарки (каяки) с люками в верхней части, а также крупные открытые лодки — байдары, представлявшие собой деревянный каркас, также обшитый моржовой или тюленьей кожей. Преимущество этих транспортных средств состояло в доступности материалов для их изготовления и ремонта, относительно небольшом весе и быстроходности. К недостаткам относились непрочность обшивки, которую можно было легко повредить об острые скалы или лед, а также необходимость периодически сушить и смазывать жиром кожаную обшивку, иначе под воздействием морской воды она трескалась и давала течь. Поэтому в XIX в. русские иногда приобретали деревянные каноэ индейцев тлинкитов, населявших юго-восточную Аляску. Так, в 1842 г. у них было куплено три лодки для партии эскимосов, отправленных на промыслы у берегов Камчатки, а в 1853 г. приобретено еще несколько каноэ для алеутов острова Унга².

Большие кожаные байдары служили для перевозки нескольких человек и крупногабаритных грузов, а байдарки — преимущественно для транспортировки людей, причем русские, в отличие от алеутов и эскимосов, которые употребляли главным образом одно- и двухключные байдарки, плавали только в трехключных (в среднем люке) в качестве пассажиров, а гребцами были местные туземцы. Оба транспортных средства — байдары и байдарки — применялись русскими вплоть до продажи Аляски США в 1867 г.³ В Русской Америке возник даже специальный термин «байдарщик», которым обозначался начальник небольшой артели промышленников и туземцев, имевшей обычно одну-две байдары.

¹ *Кук Дж.* Третье плавание капитана Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776–1780 гг. / пер. с англ., вступ. ст. и коммент. Я. М. Света. М., 1971. С. 562–563; *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М., 1971. С. 198.

² АВПРИ, ф. РАК, оп. 888, д. 1008, л. 90; д. 1009, л. 63; д. 1021, л. 36 об. (м/ф).

³ См.: *Блашке Э.* Несколько замечаний о плавании в байдарках и о лисьевских алеутах // *Морской сборник.* 1848. № 3. Т. I. С. 115–124; № 5. С. 160–165.

Особенностью путешествия на байдарках было то, что в них плавали, надев поверх одежды непромокаемую рубаху, так называемую «камлею», сшитую из кишок морских животных, — еще одно в высшей степени полезное изобретение алеутов. Так, по свидетельству участника экспедиции Дж. Кука, помощника хирурга Д. Самвелла (1778), штурман Г. Г. Измайлов прибыл к их кораблю на трехключной байдарке, одетый в алеутскую камлею⁴. Помимо непромокаемых камлей, промышленники использовали также теплую одежду местных жителей — так называемые парки — глухие рубахи ниже колен, которые шились из шкур животных или птиц.

Даже после основания постоянных русских поселений (с 1784 г.) на острове Кадьяк, а затем в Южной и Юго-Восточной Аляске и начала более или менее регулярных чартерных плаваний на Камчатку и в Охотск промышленники продолжали использовать в быту туземную одежду. Неслучайно посетивший в 1794 г. одно из русских поселений в заливе Кука известный английский мореплаватель Дж. Ванкувер отмечал: «Русские весьма легко принимают обыкновения туземцев, во многом весьма сближаются с их нравами. Они приняли совершенно их пищу и одежду, и наружным видом весьма мало отличаются от природных жителей»⁵.

Положение почти не изменилось после образования единой монопольной Российско-Американской компании (РАК) в 1799 г., которой были подчинены российские колонии в Новом Свете. Промышленники, особенно в начальный период существования РАК, регулярно экипировались птичьими или котиковыми парками и кишечными камлеями, как правило, сроком на два года. Если в столице российских колоний Ново-Архангельске в связи с относительно лучшим снабжением европейская одежда (хотя и весьма низкого качества) находилась во всеобщем употреблении, то на Уналашке и в отдаленных редутах и факториях русские и служившие наряду с ними креолы (метисы) часто одевались на «полуалеутский» или «полуэскимосский» манер. Таким образом, в этих поселениях вместе с традиционной русской одеждой (матерчатými штанами, рубахами, сапогами, шапками) использовалась одежда аборигенных народов⁶.

Во время экспедиций на Алеутские острова промышленники вынуждены были приспособиваться к пище местных жителей —

⁴ *Кук Дж.* Указ. соч. С. 563–564.

⁵ Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. СПб., 1861. Вып. IV. С. 29.

⁶ *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. С. 209–210.

рыбе, мясу тюленей и китов. Подобные традиции были продолжены и на Аляске. Дж. Ванкувер описал завтрак русских промышленников в их поселении на полуострове Кенай следующими словами: «Русские сидели за завтраком, состоящим из вареного тюленьего мяса, китового сала и нескольких вареных яиц; опрятность и приготовление их трапезы тут совершенно соответствовали качеству яств, оную составляющих»¹. Основным же продуктом питания как промышленников, так и местных жителей была рыба — свежая или сушеная, копченая или заквашенная в ямах на туземный манер (так называемая «юкола»). Лейтенант Ф. П. Литке, побывавший в 1818 г. на Кадьяке, свидетельствовал о быте простых служащих РАК: «Содержание их весьма бедное: они едят вообще одну юколу». Хлеб, мясо и молоко почти не попадали на стол промышленников, а головы только что пойманных рыб и китовое мясо они, как писал Литке, «почитают лакомством»². Так же как туземцы, промышленники ели крабов и моллюсков, совершенно не характерных для традиционной русской кухни. Лишь начиная с 1818 г., когда к власти в колониях пришли морские офицеры и была введена система жалованья, простые работники РАК стали относительно регулярно получать ежемесячный паек — обычно в виде одного пуда пшеничной муки и некоторых других продуктов. Рыбу стали гораздо чаще засаливать, но преимущественно в Ново-Архангельске, куда соль поставлялась из Мексики и с Гавайев, а в других местах колоний юкола продолжала составлять значительную часть рациона служащих компании.

Усвоив ряд элементов туземной материальной культуры, русские на Аляске активно использовали некоторые предметы традиционной торговли аборигенов в товарообмене с ними. Так, они снабжали внутриматериковых индейцев атапасков их излюбленным украшением — трубчатыми раковинами моллюска *Dentalium*, которые добывались у берегов острова Ванкувер и были известны в Русской Америке как «цукли»³. Эти раковины русские приобретали у индейцев тлинкитов на побережье. В свою очередь, тлинкиты получали от приказчиков РАК дубленые лосиные кожи, горностаевые шкурки, меховые парки и моржовую кость⁴. Таким образом, русские зачас-

тую выступали как посредники в традиционной межплеменной торговле, а не как поставщики европейских товаров.

Осваивая Алеутские острова и Аляску, промышленники охотно перенимали методы эксплуатации, уже сложившиеся в местных обществах, — в первую очередь патриархальное рабство, которое в 1790-х гг. трансформировалось в своеобразный институт «каюрства», просуществовавший до начала 1820-х гг.⁵

В Новый Свет из России отправлялись в основном молодые холостые мужчины, а потому связи и браки русских промышленников с туземками были обычным явлением (их потомство было известно в колониях как креолы). Так же, как и на начальных этапах освоения Сибири, где многоженство было распространенным⁶, на Алеутских островах и Аляске промышленники содержали порой несколько наложниц из числа местных туземок, что, впрочем, вполне соответствовало местным традициям. Ф. П. Литке, посетив Кадьяк в 1818 г., свидетельствовал: «Обыкновение держать (подчеркнуто Литке. — А. Г.) по две жены довольно обще не только между островитянами, но даже и русскими промышленными. Много было споров о том, полезно сие или вредно; но наконец, кажется, решились на сие смотреть сквозь пальцы и даже, как говорят, отец Герман (глава Кадьякской духовной миссии. — А. Г.) дал на то свое согласие, думая, что запрещение... повлечет за собой разврат»⁷. Лишь с укреплением власти морских офицеров в начале 1820-х гг. подобные случаи стали строго пресекаться.

Издредка русские пытались подражать туземцам в проведении некоторых торжественных церемоний, особенно во взаимоотношениях с воинственными индейцами тлинкитами — при их встрече вождей, начале торговли и т. д. Но в целом социальное поведение аборигенов Аляски не стало частью культуры местного русского, точнее — русскоязычного населения колоний (с 1820-х гг. здесь появляются наемные «финляндские уроженцы» — финны и шведы, а также немцы, якуты и представители других национальностей).

В заключение следует сказать также о некоторых заимствованиях из языков коренного населения Аляски. Слов, обозначающих предметы, было адаптировано очень мало: цукли (раковины), калуга (от искаженного алеутского слова «калюкак» — деревянная миска), ишкат (плетеная корзинка), кажим

¹ Материалы для истории... С. 22.

² РГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 162 об.

³ Загоскин Л. А. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. / общ. ред., прим. и коммент. М. Б. Черненко, Г. А. Агранат, Е. Э. Бломквист. М., 1956. С. 49.

⁴ Гринев А. В. Индейцы тлинкиты в период Русской Америки (1741–1867 гг.). Новосибирск, 1991. С. 195.

⁵ См. подробнее: Гринев А. В. Туземцы-каюры в Русской Америке // История и семиотика индейских культур Америки. М., 2002. С. 464–477.

⁶ Миллер Г. Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. С. 84–85.

⁷ РГАВМФ, ф. 15, оп. 1, д. 8, л. 168.

(мужской дом) и некоторые другие. Дело в том, что русские до появления на Аляске уже усвоили многие специфические термины из языков сибирских народов, служащие для обозначения самых разных явлений, а затем механически перенесли эти понятия и слова в Новый Свет. Так, слово «камлейка» пришло из языка чукчей («кэмлилюн»); дома аборигенов Аляски в Русской Америке обозначали тюрко-монгольским словом «юрта» или камчадалским «барабора»; родового старейшину у алеутов, эскимосов и индейцев русские звали якутским словом «тойон» или «тоен» и т. д.

Помимо обычных слов, обозначавших те или иные явления, русские заимствовали местные этнонимы, к которым добавляли свои суффиксы и окончания, обозначавшие множественное число (кенайцы, колоши, угалахмюты, аглегмюты и др.). Особенно много было адаптировано русским языком различных топонимов из языков коренного населения Аляски и Алеутских островов (само слово «Аляска» — Алахшах или Алакшак — «Большая Земля», Кадьяк, Ситха, Кускоквим, Юкон и т. д.¹).

Можно прийти к выводу, что культурные заимствования русских у туземцев Нового Света носили преимущественно утилитарный характер и ограничивались почти исключительно сферой материальной культуры. Духовная культура аборигенов, за исключением некоторых языковых заимствований, главным образом топонимического характера, так и осталась за пределами культурного круга выходцев из России. Очевидно, что причины такой ситуации крылись в слабом знании русскими аборигенных языков и значительном влиянии православной религии, через призму которой традиционные верования и обычаи коренного населения воспринимались как порождение нечистой силы. Кроме того, пришельцы значительно превосходили аборигенов в уровне технических и общенаучных знаний, а потому воспринимали духовную культуру местных народов как отсталую и примитивную, а самих ее носителей, как «диких», то есть дикарей, которых необходимо просветить христианской верой и ознакомить с основами европейской цивилизации посредством приобщения к русской культуре.

Н. А. ДОНЧЕВА-ПАНАЙОТОВА,

профессор кафедры болгарской литературы Великотырновского университета им. св. Кирилла и Мефодия, доктор филологических наук (Велико Тырново, Болгария)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР МЕЖДУ ЮЖНЫМИ И ВОСТОЧНЫМИ СЛАВЯНАМИ В СРЕДНИЕ ВЕКА В ОЦЕНКЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Проблема диалога культур является особенно актуальной в современной науке. Эта актуальность определяется исключительно большим значением диалога в развитии общечеловеческой цивилизации. Многовековой исторический опыт народов показывает, что диалог является гарантией существования самих культур. Длительный и сложный процесс взаимодействия культур требует скрупулезного исследования предпосылок, путей, центров, личностного начала, национального своеобразия, реального вклада и значения диалога между культурами разных народов в определенные периоды их развития.

В рамках этого процесса особое место занимает уникальный по своей сути, масштабам и значению диалог между культурами южных и восточных славян в эпоху Средневековья. Он отличается активностью, широким

диапазоном духовных областей, в которых происходит общение, чрезвычайно высоким интеллектуальным ростом личностей в диалоге, новаторским духом и многообразными конкретными результатами, которые оказываются перспективными и для будущих столетий.

Для правильной постановки вопроса и понимания смысла этой объективной научной истины в самом начале XXI в. решающую роль сыграли проникновенные исследования и идеи, тезисы, направления, перспективы, выдвинутые выдающимся русским ученым, гуманистом предшествующего столетия Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Поэтому, по всеобщему мнению, он предстает эмблематической фигурой не только палеославистики, но и вообще гуманитаристики XX в.

Среди научных вкладов Д. С. Лихачева в области медиевистики важное место занимают его основополагающие идеи о литературном и культурном общении между южными и восточными славянами в Средние века. Работа по исследованию древнерусской литературы

¹ См. : Варшавский С. Р. Увековеченная слава России: Топонимические следы Русской Америки на карте Аляски. Магадан, 1982.

и культуры естественно порождает и поддерживает его прочный интерес к литературе и культуре болгар и сербов, и прежде всего к проблемам взаимосвязей и духовного общения этих народов с русским, их взаимопроникновения и взаимообогащения. В ряде публикаций, большинство из которых были представлены на международных научных форумах, Д. С. Лихачев отстаивает свое глу-

бое убеждение, что этническая и языковая близость, скрепленная общей христианской верой и усвоенными письменными традициями и Кирилло-Мефодиевской азбукой, как и сходная историческая судьба, играют решающую роль в развитии духовных взаимосвязей и культурных взаимоотношений между православными славянскими народами европейского юго-востока и востока.

Н. Л. ИВАНОВА,

доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

ИСТОРИЯ МАЛОЙ РОДИНЫ — ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ (На материалах истории Сестрорецка)

20 сентября 2004 г. Сестрорецк отметил свое 290-летие. Первое упоминание о Сестрорецке (Сестербеке) появилось в шведской официальной хронике еще в 1643 г. Петр I в 1714 г., обозревая окрестности реки Сестры, приказал строить плотину и при ней завод. Так началась история Сестрорецка. По указу Петра он становится одной из царских летних резиденций.

Наиболее ценные памятники мирового значения — искусственное озеро «Сестрорецкий Разлив», Оружейный завод и парк «Дубки», признанный ЮНЕСКО объектом всемирного наследия.

В 1721 г. завод начинает производство оружия. Слава сестрорецких оружейников — в именах мастеров. С. И. Мосин — конструктор первой трехлинейной винтовки. Владимир Федоров, Василий Дегтярев и Федор Токарев — изобретатели стрелкового оружия. В 1752 г. Сестрорецкий завод выполнил заказ Академии наук — изготовил «папиновую машину», необходимую М. В. Ломоносову для работы в химической лаборатории. В 1791 г. завод посетил А. В. Суворов. Несмотря на бедственное положение оружейников, они изготавливали истинные произведения искусства — мосты, беседки, железные решетки и ворота для Екатерининского канала и реки Фонтанки, для Царского Села. Сестрорецкими мастерами была сделана серебряная рака для останков А. В. Суворова. Знаменитый оружейник С. И. Мосин покоится ныне на Сестрорецком кладбище рядом с часовней Александра Невского.

История малой Родины — это и история духовной культуры. До 1725 г. в Сестрорецке была построена только небольшая деревянная часовня. В 1725-м строится церковь во имя апостолов Петра и Павла. Через несколько лет была выстроена кладбищенская церковь Ни-

колая Чудотворца, а в 1781 г. по распоряжению заводского начальства была сооружена каменная церковь Петра и Павла. С 1807-го здесь стали селиться финны, для них была построена Петропавловская лютеранская кирка. Евреи для молитв имели синагогу. Раввинские обязанности исполнял избранный из среды евреев сельский обыватель, строго соблюдавший ветхозаветные законы.

Никольская церковь была построена на средства Александра II. В 1874 г. она была освящена митрополитом Исидором. К Петропавловской церкви были приписаны храмы: Сестрорецкая Никольская церковь, Лисьеносовская Христа Спасителя, Ермоловская Преображенская и Тарховская Пантелеймоновская. В 1930-е гг. почти все культовые сооружения были разрушены, и в настоящее время ведется работа по их восстановлению.

Единство труда и духовных ценностей в истории Сестрорецка подтверждают исторические факты. В 1721 г. на озере Разлив крестьянин Ефим Никонов при поддержке Петра I проводил испытания «потаенного судна» — прообраза подводной лодки. На этом месте на берегу современниками поставлена часовня в память о погибших моряках-подводниках.

В XIX в. в Сестрорецке строится Приморская железная дорога и санаторий «Сестрорецкий курорт». Инженер-механик поручик Петр Александрович Авенариус возглавил строительство дороги. Из рапорта волостного старшины от 29 ноября 1804 г.: «от жителей селения Сестрорецк была поднесена строителю означенной дороги Авенариусу икона Нерукотворного Спаса настоятелем Петропавловской церкви отцом Николаем и хлеб-соль депутацией от селения Сестрорецк»¹.

¹ Курорты Петербурга / сост. К. Тюников. СПб., 2001.

В 1859 г. местным священником Петром Михайловичем Лабецким в «Дубках» построена каменная часовня в память успешной обороны Сестрорецка в 1856 г. от англо-французской эскадры.

Сестрорецк официально стал городом в 1917 г. В нем много достопримечательностей — сарай-шалаш В. И. Ленина, литературные места, связанные с именами Михаила Зощенко, Корнея

Чуковского, Анны Ахматовой. Здесь бывали Федор Шляпин, Илья Репин, Иван Шишкин.

Как важно сегодня воспитывать у молодого поколения любовь к родной земле, знание истории не только своей страны и малой родины, но и своей семьи. Достойное поколение вырастет лишь в том случае, если молодежь не будет равнодушна к своим историческим корням.

С. Н. ИКОННИКОВА,

заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ДУХОВНЫЙ РЕСУРС ЦИВИЛИЗАЦИИ

«Память истории священна» — такова была жизненная позиция Д. С. Лихачева, реализованная в научных трудах о русской культуре, публицистике и общественной деятельности. Она отразила возрастающий интерес в общественном сознании к различным формам исторической памяти, отношение к традициям и реальным событиям прошлого, истории искусства и науки, политики и религии, техники и повседневности, памятникам и биографиям, сохраненным письмам, дневникам, фотографиям, записным книжкам и любимым вещам. Исследователи называют такие знаки памяти культурными символами, отразившими в самосознании и ментальности народа духовные ценности и коллективные представления исторической эпохи.

Историческая память — своеобразный пантеон национальной идентичности. Она содержит знание об исторических битвах, судьбоносных событиях, жизни и творческой деятельности выдающихся деятелей политики и науки, техники и искусства. Историческая память воспроизводит непрерывность и преемственность социального Бытия.

Д. С. Лихачев писал: «Память противостоит уничтожающей силе времени.

Память — преодоление времени, преодоление пространства. Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры. Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память наше богатство»¹. Память как «бестелесная духовная субстанция» становится отчетливой силой, особенно во времена предельных испытаний, выпадающих на долю людей. Человеку необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, оставить о себе

добрую память. Культурная память — необходимое условие нравственной жизни, духовной оседлости, национальной идентичности, привязанности к родным местам и патриотизма.

Однако процесс исторической памяти не означает механического повторения и воспроизведения прошлого, он отражает сложность, неоднозначность человеческих отношений, изменение духовных ценностей и личных позиций, влияние субъективных мнений. Свидетельством тому «белые пятна» и «черные дыры» в мировой и отечественной истории.

Историческая память нередко становится ареной идеологических конфликтов, душевных драм и трагедий. Переписывание истории, переоценка прошлого, свержение кумиров, ирония и насмешка разрывают хрупкую нить исторической памяти, изменяют энергетический потенциал культуры. Великие «отцы» становятся забытыми «дедами», новые памятники противоречат прежним ценностным ориентирам, мемориалы становятся бесхозными, книги оказываются ненужными. Примеров тому масса. Меняются экспозиции в музеях, восстанавливаются стертые цензурой имена на картинах и фотографиях, возрождаются старые памятники. Историки и писатели вносят вклад в возвращение исторической памяти в более полном объеме. Литературные произведения, фильмы передают современникам представления о трагических страницах российской истории. Немалое значение имеет устная история, закрепленная в воспоминаниях участников событий. Их достоверность создает особый эмоциональный канал сопричастности к прошлому. Памятники как тексты истории являются информационным и духовным ресурсом цивилизации, говорящим или молчащим свидетелем перемен и противоречивых мнений. Историческая память живет активной жизнью, она

¹ Лихачев Д. С. Память истории священна. М., 1986. С. 14

не только воссоздает образы прошлого, но и вызывает широкий спектр эмоций — восхищения и поклонения, скорби и страдания, пренебрежения и скептицизма. Двойственная природа исторической памяти соответствует противоречивости реальной жизни.

Греческий миф о Мнемозине — богине воображения и памяти одновременно — очень точно представлял два лика памяти, воспроизводящей прошлое и придающей ему новые оттенки — от почтения до цинизма.

Цивилизация опирается на достижения культуры, они составляют ее духовный каркас, фундамент и опору. Национальная и социальная идентичность определяется уважением к истории во всей противоречивости и многообразии ее проявлений. Историческая память — своеобразный «перекресток» прошлого, настоящего и будущего. Исторические памятники — это символы и знаки, тексты и артефакты, необходимая основа взаимопонимания поколений и диалога культур.

Альтернативные пути развития истории также отражаются в исторической памяти и воспроизводятся как нереализованные возможности. Воспоминания воссоздают контуры возможных событий, тем самым высвобождая скрытую эмоциональную энергию. Альтернативные тропинки в прошлое помогают восстановить утраченные миры. Историческая память — источник эмоциональных и психологических переживаний человека, она вызывает чувства благоговения и радости, сострадания и величия. Отношение к истории связано с политической и идеологической ситуацией, предписанием власти о том, что следует помнить, а что надо забыть и исключить из памяти. Развитие демократии и свободы слова предполагает реализацию права личности на собственное мнение, протivoстояние авторитаризму. Историческое прошлое является риторическим конструктом настоящего, оно воссоздается в дискурсе, и молчание нередко становится симптомом забвения.

В «Декларации прав культуры» Д. С. Лихачев отмечал, что культура является духовной основой цивилизации, гуманистическим

ориентиром, критерием ее самобытности и целостности. Общественные преобразования должны опираться на ценности культуры и национальное самосознание. Не только военные конфликты и терроризм, но и безответственная модернизация наносят урон культурному наследию: исчезают исторические центры городов, разрушаются памятники и ландшафты, искажаются биографии выдающихся деятелей культуры. Культурное наследие составляет богатство человечества. В Декларации содержится призыв к тому, чтобы считать преступлениями против человечества любые действия, ведущие к уничтожению памятников истории и культуры.

Вандалы — это не только хулиганы, совершающие варварские поступки, но и некомпетентные, невежественные чиновники, принимающие решения; и амбициозные архитекторы, в угоду собственной славе готовые на снос памятников истории; и реставраторы, создающие «новодел» без соответствующих исторических образцов; и режиссеры, искажающие замысел классического произведения; и ученые, угодливо переписывающие историю; и политики, изобретающие идеологические мифы, далекие от реальности. В свое время известный русский художник и общественный деятель Н. К. Рерих, разработавший «Пакт о защите культурных ценностей», назвал разрушение памятников культуры в мирное время «тихими погромами». К сожалению, варварское обращение с исторической памятью не ушло в прошлое, и в последние годы эта проблема стала особенно актуальной для Санкт-Петербурга. Так называемая «уплотнительная» застройка, архитектурные сооружения, не прошедшие общественной экспертизы, самовольные археологические раскопки, установка малохудожественных памятников, искажающих исторический облик города, — все это свидетельство утраты уважения к исторической памяти. Гармоничное развитие города, бережное сохранение уникального исторического наследия и бесценного природного ландшафта являются стратегической основой политики модернизации.

С. Я. КАРП,

ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
доктор исторических наук, профессор (Москва)

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

Д. ДИДРО И А. В. НАРЫШКИНА

Хорошо известно, что петровские преобразования и последовавшие за ними перемены в жизни России XVIII в. вызывали при-

стальный интерес многих крупных деятелей европейского и, прежде всего, французского Просвещения. С одной стороны, *философы*

использовали так называемый «русский миф» (внезапное — словно по мановению руки великого монарха — превращение отсталой окраины Европы в одну из великих держав) для критики так называемого Старого порядка — строя и уклада жизни дореволюционной Франции, переживавшей глубокий кризис. С другой стороны, французских просветителей действительно увлекал масштаб перемен, интересовала степень их глубины, а также перспективы и реальные возможности модернизации, прогресса. Все эти сюжеты находились в центре оживленной полемики. Монтескье в «Духе законов», отдавая должное гигантским усилиям Петра, указывал, что тому так и не удалось вырвать свою страну из лап рабства и деспотизма. Вольтер в своей «Истории Российской империи при Петре Великом» восторгался царем, сумевшим, по его мнению, блестяще продемонстрировать колоссальную роль просвещенной личности в истории. Руссо в «Общественном договоре» весьма критично отнесся к реформам Петра, к его жажде заимствований: он утверждал, что Петр стремился сделать из своих подданных немцев или англичан вместо того, чтобы сделать их гражданами своей страны.

Наименее изученными и понятыми до сих пор остаются взгляды Дени Дидро, его суждения о России и российских реформах, отличающиеся меньшей систематичностью и плохо укладываемые в какую-то определенную схему. Между тем Дидро был единственным из великих мыслителей европейского Просвещения, кто посетил нашу страну. Пребывание в Петербурге в 1773–1774 гг. побудило его написать два крупных политических сочинения — «Записки философского, исторического и пр. содержания для Екатерины II» и «Замечания на Наказ» ее Уложенной комиссии. Традиционно у нас и за рубежом взгляды, высказанные Дидро в этих сочинениях, интерпретируются весьма упрощенно: Дидро встречался только с Екатериной II, ничего не знал и не мог знать о России, что не мешало ему давать императрице советы о том, что ей надлежит делать для развития своей страны. Она гораздо лучше его представляла себе положение дел и лишь снисходительно выслушивала его самонадеянные утопические советы — освободить народ, ввести представительное правление, перевести столицу в Москву и т. д. Однако современные работы Ж. Дюлака, Дж. Годжи, Б. Биноша, мои собственные исследования вносят существенные коррективы в эту картину. Сегодня мы знаем, что Дидро был неплохо информирован о России, что круг его русских знакомств был значительно шире, чем обычно считается (около 150 человек).

Более того, раздумья Дидро о России стали его вкладом в разработку теории цивилизации — осознание истории как процесса постепенной социальной и культурной эволюции человечества, проходящей через определенные стадии и связанной с определенными закономерностями.

Цель данного сообщения — познакомить вас с небольшой частью моего более обширного исследования, посвященного взглядам Дидро на цивилизацию сквозь призму русского опыта в сравнении с рассуждениями на эту тему, высказанными Алексеем Васильевичем Нарышкиным и содержащимися в двух его работах — «*Ressouvenirs sur la Russie*» и «*Quelques idees de passe-temps*», анонимно опубликованных в Риге на французском языке в 1791–1792 гг., то есть много лет спустя после отъезда Дидро из России и даже после его смерти (в период Французской революции). Насколько уместно сближение этих двух столь различных имен?

Во-первых, они были близко знакомы и тесно общались: именно А. В. Нарышкин, молодой камергер Екатерины II (бывший дипломат и будущий сенатор), выполняя поручение императрицы, привез Дидро из Гааги в Петербург в своей карете. Именно А. В. Нарышкин и его брат С. В. Нарышкин предоставили Дидро кров в Петербурге: в их доме он провел все пять с половиной месяцев своего пребывания в столице Российской империи. Именно на А. В. Нарышкина как на важный источник своих сведений о России Дидро неоднократно ссылается в тексте «Записок философского, исторического и пр. содержания для Екатерины II». Во-вторых, сравнивая их взгляды, высказанные в совершенно разных по времени написания, форме и назначению работах, я не собираюсь проследить филиацию их идей; более важным мне представляется установить общие предметы их рассуждений, чтобы затем уже понять, что их объединяет, а что отличает друг от друга. Один из таких сюжетов — образ Москвы (у Дидро — в непосредственном сравнении с образом Петербурга).

Как известно, Дидро был не просто западным путешественником, посетившим Россию в царствование Екатерины II: он был представителем передовой Европы, вождем энциклопедистов, философом-материалистом, атеистом и космополитом. А. В. Нарышкин же в своих политических сочинениях выступает как консерватор-утопист: один из первых русских славянофилов, он ностальгирует по безвозвратно ушедшему прошлому, крайне идеализируя Московское царство — допетровскую Русь. Тем не менее в их отношении

к Москве обнаруживается немало сходства. Совет Дидро перенести столицу России в Москву, как и романтические взгляды Нарышкина на историю, были основаны на осуждении чрезмерного волюнтаризма Петра, признании необходимости развития любого общества на собственной основе. Другое дело, что Дидро при этом исходил из необходимости раскрепощения русского на-

рода, привития ему духа свободы. Нарышкину же эта мысль была уже достаточно чужда: для него едва ли ни единственным критерием благотворности любых законодательных мер стало их соответствие традиции, местным условиям, готовности населения их воспринять. Однако осмысление этих расхождений выходит за рамки темы моего доклада.

Т. Б. КАРУЛИНА,

доцент кафедры философско-исторических и социально-правовых наук
Московского государственного института стали и сплавов (Технический университет),
кандидат философских наук

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ЗАПАД — РОССИЯ — ВОСТОК

Проблема диалога культур, особенно если речь идет о России и ее культуре и истории, должна быть рассмотрена в двух «планах»: теоретическом — как парадигмы, политико-религиозные или ментальные «мифы», и практическом — событийном, рассматриваемом во «взаимодействии» с теоретическим.

Диалог культур — это предмет истории и историософии, в связи с чем возникает закономерный вопрос: как этот диалог для России и в России должен осуществляться в обоих планах? К тому же для России осмысление зачастую опережает то, что осуществляется или полностью это осуществление заменяет.

Любой диалог требует от стороны, вступающей в него, осознать себя как целостность, отличить от второй стороны диалога. Подобное понимание другого как «отличного от» способно показать «Я» культуры и подразумевает стремление понимания другого. Владимир Соловьев предложил такую основу для диалога: «Будь (Россия) верна своей национальной особенности, и в силу этого будь универсальна», понимая диалог как единство особенности и универсальности. Такое единство делает и мировую историю универсальной, целостной и взаимосвязанной, объединяя жизнь существующих отдельно и не сливающихся друг с другом мировых культур, уникальных единиц истории. Универсализм (как методология) коренится в самой исторической традиции.

Но следует помнить, что диалог культур осложняется встроенностью историка в историю, бесконечную цепь постоянно происходящих событий, создающей необходимость осознания исторического «места» исследователя как «внутри», так и «вне» истории.

Диалог, таким образом, помимо когнитивного элемента (понять), идентификационного (отличить), должен включать еще один — сохранить (себя). У этого «сохранить» есть две взаимозависимые составляющие — «политическая» и «культурная». Меня будет интересовать культурная, хотя для России акцент был сдвинут в сторону политическую. И культурное сохранение, выступающее как важнейшее на «ответственных» этапах жизни России, было на самом деле сохранением политическим, под которое подводилась онтологическая имманентность «самости». И начиналось «сохранение» от инока Филофея и до «веховцев», в идеях которых проступает «чаяние» истинного пути, причем обязательно «мучительного» чаяния. Возможно, этот выбор только для России был выбором моральным, хотя и предполагал политические итоги и политику как средство осуществления.

Моральность и религиозность (и в формах воинствующего атеизма тоже), будучи сутью менталитета России, определяли и понимание диалога, стороны диалога и необходимость (опасность и даже вредность) диалога для России. С моей точки зрения, наиболее типичным и, вероятно, ярким веком столкновения диалого-парадигм стал XIX век, в практическом (событийном) плане связанный двумя «начальными-конечными» событиями: убийством императора Павла (и нереализованностью идеологии универсализма — через масонов и контакты с западным религиозным миром) и началом Первой мировой войны (первым «звонком» глобализма, моральным и политическим). В теоретическом плане «зеркалом», оправданием и предвестником событийности является идеология славянофилов, выразивших сущность диалога

России как с Западом, так и с Востоком. Идеи их отозвались в чаадаевских идеях («католика») и в идеях безрелигиозного А. Герцена и задали импульс такой мощности и силы, что развитие идей А. Хомякова и И. Киреевского в «Западе и России» Н. Данилевского волной прошло через «Закат Европы» О. Шпенглера и концепцию А. Тойнби.

Поднимая тему диалога, И. Киреевский¹ задавался вопросом, какая Россия лучше — та, в которой порядок вещей слагался из собственных ее элементов, или та, в которой порядок вещей подчинен элементу западному. Но вопрос о том, какая Россия лучше нынешней, должен по «программе» славянофилов выглядеть иначе: если старое было лучше нового, то из этого вовсе не следует, что это старое будет лучше нового теперь. И можно ли пытаться истребить (и как) то западное, что Россия уже получила за двести лет от Запада, говорил Киреевский, и как тысячелетнее русское может уничтожиться от влияния нового западного. Россия, вступая в «диалог», должна понимать, полагал Киреевский, что ни возвращения Русского, ни ввода Западного как исключительного мы ожидать не можем и поневоле должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал.

Отдавая себе отчет в неизбежности такого «диалога», Киреевский спрашивал: «какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благотельно? Чего от взаимного их действия должны мы надеяться, или чего бояться?» и отвечал — благотельной, общей основой для всех участников диалога — и России, и Запада, и Востока (родины христианства) является христианство. «Христианство было душою умственной жизни народов на Западе, так же как и в России». Различие не в христианстве, а в тех политических и моральных акцентах, которые расставлены вследствие все-таки национальной самобытности как России, так и Запада: «Святая Русь» и «святая Римская империя». И русская цельность (единство религиозного и морального, не перемешанного с политическим) должна помочь России успешно противостоять западному, где религиозное связано с политическим и отдалено от морального. «Восток передает Западу свет и силу умственного просвещения, Запад делится с Востоком развитием общечеловечности, везде просвещение созидается на твердом камне Божественного Откровения». Такова онтологическая основа диалога, о которой говорили в XIX в. славянофилы и о которой в XX в. сказал представитель западной стороны диалога А. Тойнби.

Ж. В. КНЯЗЕВА,

старший научный сотрудник Российского института истории искусств,
кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург)

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ШВЕЙЦАРЕЦ ЖАК ГАНДШИН

Имя российского швейцарца Жака Гандшина известно сегодня всему музыковедческому миру и много шире него: это один из крупнейших музыковедов — историков музыки всего XX столетия, выдающийся органист. В контексте проблематики контактов различных культур фигура Гандшина особо интересна. Швейцарец из земель Базеля, он родился в Москве (в 1886 г.), учился в Европе, однако, по его собственным словам, сформировался более всего в художественной атмосфере Петербурга 1910-х гг. Что же было его родиной, какова была его идентичность?

Сам Гандшин называл своими главными университетами Петербург 1910 г. Петербург, как известно, всегда был принципиально мультикультурным городом. Примечательно, однако, что пестрый этнический состав насе-

ления отражал структуру не Российской империи, а Европы. Мир этой «малой Европы на берегах Невы» был многоязык.

Одним из стержней жизни мультикультурного Петербурга была крупнейшая немецкоязычная газета Петербурга — *St. Petersburgischer Zeitung* (SPbZ). Помимо собственно немцев, она объединяла широкий круг петербургских иноземцев: немецкоязычных швейцарцев, австрийцев, а также всех тех, кто по разным причинам не создал собственного печатного органа (например шведов и голландцев). Вплоть до начала Первой мировой войны SPbZ можно назвать главным печатным органом мультикультурного Петербурга.

В столь сложный, многозвучный, однако гармоничный в своем многообразии мир Петербурга приехал в 1909 г. молодой Жак Гандшин. Ему было всего 23 года, он только что вернулся из Европы, где обучался у великих мастеров-органистов Макса Регера, Карла

¹ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. М., 1861. Т. 1–2.

Штраубе и Шарля Мари Видора. Встрече нашего героя с Петербургом заранее можно было предсказать удачу: в них *априори* было много общего, в частности принципиальное многоязычие. Какова же была языковая идентичность молодого Жака Гандшина, — москвича по рождению, швейцарца по происхождению, европейца по образованию?

Первое, что приходит на ум, когда речь идет о российском швейцарце из Базеля, — это двуязычие «немецкий–русский». Действительно, по воспоминаниям московского дирижера Сергея Василенко, в 1910 г. Гандшин производил впечатление человека «совершенно онемечившегося»: по-русски он говорил с трудом¹. Взглянем, однако, на один любопытный документ, сохраненный Историческим архивом Москвы. Это школьное свидетельство об успеваемости ученика седьмого класса гимназии Петра и Павла Якова Гандшина². Мы видим следующие достижения: русский — «достаточно», немецкий — «хорошо». Низкая оценка по-русски не удивляет: в семье на нем не говорили, а сам по себе язык юного Гандшина, очевидно, мало интересовал. Нескольким странно скромное «четыре» по родному немецкому. Вероятно, он был обыденным языком — и тоже не особо интересен. Занятно то, что следует дальше: греческий, латынь, французский — «отлично». Успехи в греческом и латыни свидетельствовали об особом филологических склонностях мальчика: в будущем они немало помогут ему в научной деятельности. А вот блестящий французский, абсолютное знание этого языка и огромная любовь к нему пройдут через всю жизнь Гандшина, сделав его языковое пространство реально не двух-, а трехмерным.

Попробуем взглянуть на мир русских лет Гандшина с точки зрения этой языковой трехмерности.

Вплоть до 1914 г. Гандшин публикуется только по-немецки. Он пишет очень интенсивно: осенью 1910 г. становится сотрудником музыкальной редакции SPbZ и уже вскоре помещает свои рецензии чуть ли не в каждом номере. Его немецкий блестящ, легок, полон тонкой иронии. Публиковаться на русском Гандшин начинает лишь в 1915 г., когда с началом войны с Германией немецкая пресса Петербурга оказалась почти «свернута». Однако уже в первые годы своей жизни в Петербурге он пишет по-русски частные письма. Сложно сказать, говорил ли он в эти годы по-русски действительно с трудом (как вспоминает Василенко), однако письма свидетельствуют не просто об абсолютном вла-

дении языком. Гандшин пишет по-русски так, как пишут на родном языке.

И, наконец, третье языковое измерение гандшиновского мира — французский язык. Немецкий исследователь творчества Гандшина Михаэль Майер описывает позднейшую ситуацию, когда в 1937 г. Гандшин отказался представить один из текстов по-немецки и откомментировал свое решение так: «В пояснение я замечу, что рассматриваю французский язык, как вообще язык международной вежливости, что представляется мне вполне лежащим в русле европейской традиции». В этой позиции убежденного предпочтения французского языка слышен далекий отзвук русских лет его детства и юности, — интонация образованного россиянина, не намеренного в угоду сиюминутным политическим реалиям менять усвоенные с детства устои.

Взглянем теперь, как в петербургских текстах Гандшина многомерность языкового пространства повлияла на осмысление им пространства историко-географического. Статьи, о которых пойдет речь, были написаны с 1910 по 1914 г. и предназначены для двух изданий: немецкоязычной SPbZ и немецкого *Signale für die Musikalische Welt*.

При первом же взгляде на этот материал привлекает внимание обилие рецензий на национальные концерты. Живя в реалиях «малой Европы на берегах Невы», Гандшин пишет о программах немецкой, шведской, испанской, английской, польской, грузинской, еврейской, латышской и бельгийской музыки. Он словно выкладывает перед внутренним взором — своим и читателя — карту музыкальной Европы в ее истории и современности. У его карты две основные оси: Франция–Германия и Россия–Европа. В последнем случае ракурс зрения («из России» и «на Россию») определен Петербургом. Здесь Гандшин принимает участие в самых острых дискуссиях: он полемизирует о Шенберге и Стравинском, переживает целую историю отношения к Рихарду Штраусу, размышляет о ценностях новых школ — русской и французской.

Какими же видит Гандшин главных героев европейской концертной эстрады? В черед персонажей выделю «героев» и «антигероев». К последним относятся: (до некоторой степени) Рихард Штраус (он посетил Петербург в 1913 г.) и (в большой степени) Арнольд Шенберг (он выступил здесь единственный раз — в 1912 г.³). В Штраусе Гандшина восхищает

³ Единственному в Петербурге выступлению А. Шенберга посвящена статья А. Климовицкого *Petersburgskij portret Schönberg'a — Petersburg Schönberga* (*Das petersburgische Schönbergs Porträt — das Petersburg Schönbergs*) //

¹ Василенко С. И. Воспоминания. М., 1979. С. 263–264.

² ЦГИА Москвы, ф. 149, оп. 2, т. 128, л. 13.

искусство дирижера и блеск композитора-карикатуриста, и совершенно отталкивают пафосные мотивы. С Шенбергом дело обстоит много хуже: рецензию на его единственное выступление в Петербурге Гандшин начинает репликой «это был день головной боли...»

Но если не эти кумиры эпохи, то кто же герой молодого Гандшина? Первым кумиром Гандшина был, без сомнения, петербуржец Александр Глазунов. Гандшина восхищала и музыка этого автора, и его позиция художника. Другим героем Гандшина стал французский мастер — Камиль Сен-Санс.

Что дает кратко обрисованная «портретная галерея» с точки зрения осмысления молодым Гандшином языкового и территориального пространства? Мы вновь видим пересечение осей его воображаемой карты: германский мир — Франция — и Россия, которая находится в динамичном взаимодействии с ними. Вершины этого треугольника персонифицированы: петербуржец Глазунов, венец Шенберг, француз Сен-Санс. Однако все

три точки крайне неустойчивы: идеальный Глазунов все же несовременен, Шенберг — не герой, а антигерой, да и в самом соотношении его с Сен-Сансом чувствуется натяжка, ведь даже простая разница поколений дает «крен», взывая к необходимости поиска иной фигуры. Кто уравнивает его воображаемую «карту мира»?

Если мы вместе с Жаком Гандшином сделаем этот шаг, он приведет нас к фигуре другого «европейского петербуржца» — многоликого и многоязыкого полиглота Игоря Стравинского. В 1909–1910 гг. и Гандшин, и Стравинский жили в Петербурге, в кругу их общения было немало одних и тех же лиц. Однако до «пересечения» личного и творческого каждому из них еще предстояло пройти немалый путь¹. Этот путь выводит нас далеко за пределы российских лет жизни обоих музыкантов — и я оставляю этот сюжет как повод для иного — будущего рассказа о великих петербуржцах, воплотивших в себе сложные диалоги европейских культур.

Д. Н. КОПЕЛЕВ,

доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)

«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПИРАТОВ» ФЕДОРА КАРЖАВИНА: ГЕНЕЗИС И АТРИБУЦИЯ

Федор Васильевич Каржавин, известный переводчик, журналист, просветитель и предприниматель, заслуживший прозвище «русский американец», занимался разнообразной литературной и издательской деятельностью. Огромное место в его творчестве занимали переводы. Человек широчайших научных интересов, он переводил романы, словари, научные труды по истории, архитектуре, географии. Среди них и две рукописи, посвященные пиратам XVIII в. Первая находится в Санкт-Петербургском филиале института российской истории РАН — в составе коллекции Н. П. Лихачева — и условно озаглавлена «Жизнеописание пиратов». Вторая хранится в собрании П. Я. Дашкова в Институте русской литературы РАН (Пушкинский Дом). В одном из переплетенных дел собраны отдельные страницы рукописей Каржавина, разрозненные листы того же формата, написанные тем же почерком и на той же голубой бумаге, что и «Жизнеописания пиратов».

Внимание к рукописи из СПб ФИРИ РАН привлек Я. М. Свет. В 1968 г., при издании перевода «Пиратов Америки» А. О. Эксквемелина, он отметил в предисловии, что «в век Державина и Карамзина готовился перевод «Пиратов» на русский язык» и сделал примечание: «Советский искусствовед Ю. Я. Герчук в 1965 г. обнаружил в бумагах замечательного русского просветителя Ф. В. Каржавина незавершенный перевод «Пиратов Америки»». В 1985 г. при издании книги Ж. Блона «Флибустьерское море» авторы «Послесловия» А. Шумилов и Д. Демин решили более тщательно ознакомиться с рукописными текстами Каржавина и нашли, что «это отнюдь не перевод Эксквемелина. События, описываемые в ней (рукописи. — Д. К.), более поздние и происходят они в XVIII столетии — спустя полвека после выхода в свет рукописи «Пиратов Америки». Рукопись Каржавина — еще одна

¹ Одному из эпизодов в истории взаимоотношений Гандшина и Стравинского посвящена моя статья: Jacques Samuel Handschin — Igor' Stravinskij: Eine noch unbekannte Seite des Dialog // Die Musikforschung. 1999. Heft 2. April-Juni. S. 207–211.

страница в истории пиратства, страница для нас неизвестная!»

Авторы «Послесловия» предположили, что Каржавин готовил книгу, посвященную пиратам. По их мнению, он мог готовить перевод какой-то книги о пиратстве, оставшийся неоконченным и неизданным. Но более вероятным им представлялось предположение, что рукопись — это материал, собранный во время долгих скитаний самим Каржавиным: хроники, судебные отчеты, рассказы пиратов, с которыми русскому путешественнику не раз доводилось сталкиваться.

Однако в сохранившихся бумагах Каржавина отсутствуют сведения о судебных пиратских процессах или «хроники», посвященные морским разбойникам. В прожитой им бурной жизни торговца, связанного с контрабандой оружием, разумеется, нашлось место и для приключений: его обманывали компаньоны, грабили на дорогах, он терял все состояние, три раза попадал в плен к англичанам, но не к пиратам. Своим жизненным перипетиям Каржавин отдал немало места в дневниках, письмах и автобиографии. О личных контактах его с пиратами, разговорах с ними нам ничего не известно, хотя, разумеется, он был наслышан о морских разбойниках. А вот первое предположение А. Шумилова и Д. Демина о том, что рукопись в Институте истории представляет собой незаконченный «перевод какой-то книги о пиратах», заслуживает внимания.

Текст рукописи СПб ФИРИ РАН, созданный «не ранее 1805 г.», структурно делится на десять глав: 1. А. Бони; 2. Г. Девис; 3. Робертс; 4. Анстис; 5. Ворслей; 6. Дж. Ловтер; 7. Э. Лов; 8. Д. Эванс; 9. Д. Филипс; 10. Спригс. Разрозненные листы рукописи Каржавина из Пушкинского Дома были соединены нами по тому же биографическому принципу: 1. Д. Ракгам; 2. А. Бони (отрывок, отсутствующий в рукописи ФИРИ РАН) и М. Рид; 3. Ч. Вен (отсутствует начало); 4. Чернобородов (отсутствует начало); 5. С. Боннет (отсутствует окончание).

Оглавление рукописи Каржавина идентично оглавлению книги «Всеобщая история пиратов», принадлежащей перу некоего Капитана Чарлза Джонсона. Она вышла в свет в двух томах в промежутки 1724–1728 гг. В первом томе Капитан Джонсон поведал о жизни знаменитых пиратских главарей, действовавших в Атлантическом океане в первой четверти XVIII в. Место действия — Багамские острова, Вест-Индия и побережья Северной Америки и Африки. «Герои» книги — это известные 17 главарей пиратов: Д. Мартелл, Тич Черная Борода, С. Боннет, Э. Ингленд, Ч. Вейн, Д. Рэжмел, Х. Дэвис, Б. Робертс, У. Кеннеди, Т. Анстис, Р. Уорли, Дж. Лоутер, Э. Лоу,

Д. Эванс, Д. Филипс, Ф. Спригс, Д. Смит. Кроме того, в книгу введены вымышленные биографии двух женщин-пираток: А. Бони и М. Рид. «Жизнеописание пиратов» Каржавина по расположению материала повторяет первый том книги Капитана Джонсона и следует английскому оригиналу (эти главы выделены курсивом). Текстологическое сравнение сохранившегося текста «Жизнеописания пиратов» с «Всеобщей историей» также демонстрирует их информационную и структурную схожесть. Это позволяет предположить, что Каржавин готовил издание первого тома книги Капитана Джонсона на русском языке.

В отличие от своих предшественников, знаменитых пиратов конца XVII в., оставивших дневники и воспоминания (А. О. Экквемелин, Б. Рингроуз, Л. Уоффер, У. Дампир, Равено де Люссан), таинственный Капитан Джонсон представил свой труд не в качестве мемуарного свидетельства, а как историческое исследование. Странная противоречивая книга, в которой удивительным образом переплетены действительные события и авторский вымысел, «Всеобщая история» превратилась в настоящий бестселлер своего времени и по сей день переиздается на разных языках.

В 1930-х гг. профессор Чикагского университета Джон Роберт Мур высказал предположение, что псевдоним «Капитан Джонсон» принадлежал английскому писателю и журналисту Даниэлю Дефо. На сегодняшний день большинство исследователей продолжают разделять точку зрения Мура, хотя прямых доказательств авторства по сей день не найдено. Но вся жизнь и творчество Дефо превращают его в наиболее вероятного автора, скрывавшегося под псевдонимом Капитан Джонсон.

Дефо, одна из самых «скандальных» и «темных» фигур литературной Англии, интересовался социальными проблемами и многие из своих произведений посвятил людям из низов общества, авантюристам, пиратам, бродягам, проституткам. В работе над «Всеобщей историей пиратов» он использовал официальные сообщения, связанные с организацией «войны» правительства против пиратов, информацию из прессы о захвате пиратских судов и отчеты о судебных процессах по делам бандитских групп Рэкема (1721 г.), Боннета (1719 г.), Дэвиса (1721 г.), воспоминания и дневники самих пиратов. Он был знаком с участниками знаменитых пиратских рейдов Б. Шарпом, Л. Уофером, Т. Филипсом, У. Дампиром, Э. Куком. В тюремной камере он взял интервью у моряка Т. Джонса, который плыл вместе с пиратами Робертсом, Энстисом и Дэвисом. Лейтенант И. Сан, боцман Р. Балдрик и помощник капитана Д. Маклафлин рассказывали

писателю о своем участии в экспедиции против Черного Барта Робертса. Дефо связывали общие интересы с участвовавшим в преследовании Робертса сержантом Д. Эткинсом, впоследствии написавшим книгу о плавании в Гвинею, Бразилию и Вест-Индию и упомянувшим в ней о своей помощи автору «Всеобщей истории».

Таким образом, проведенное нами сопоставительное текстологическое исследование позволяет предположить, что хранящиеся в различных архивах разрозненные фрагменты рукописи Федора Каржавина представляют собой единое целое. Все подвергнутые анализу разрозненные фрагменты, не имеющие общего названия, но в ряде случаев снабжен-

ные промежуточными заголовками, являются частями одного и того же произведения, которое условно может быть обозначено как «Жизнеописание пиратов». Нами была реконструирована единая структура перевода Каржавина в виде цельного логически связанного текста. Было установлено, что исследуемая рукопись представляет собой русскоязычный перевод произведения, известного в западно-европейской традиции как «Всеобщая история пиратов» и приписываемого некоему Капитану Джонсону. Изучение обстоятельств жизни и деятельности Дефо и ряд косвенных свидетельств позволяет выдвинуть гипотезу, что за псевдонимом Капитан Джонсон скрывается автор «Робинзона Крузо».

И. А. КЫЗЛАСОВ,

заведующий группой средневековой археологии евразийских степей
Института археологии РАН, доктор исторических наук

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ В СВЕТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ

В судьбе России не до конца осознана роль Великого Сибирского пути, издревле широтно соединявшего Северную Евразию. Его деятельность отмечается во все археологические эпохи. В последние десятилетия археологами выявлены новые свидетельства функционирования этого пути в IX–X вв. и наиболее интенсивно — в XI — начале XIII в. Вполне очевидна важность этого открытия для правильного понимания процессов как предмонгольского, так и последующих периодов общей истории Евразии.

Ныне обнаружены свидетельства прихода в Восточную Европу в IX–X вв. торговых караванов с Саяно-Алтайского нагорья (изделия тютятской культуры на Днепре и в устье Дона), их культурное воздействие в X в. породило в декоративно-прикладном искусстве Северо-Запада серию так называемых «скандинаво-сибирских гибридов». Украшенные серебром и золотом железные изделия аскизской археологической культуры, изготовленные на Енисее в конце X — начале XIII в., свидетельствуют о систематическом прибытии на Русь саяно-алтайских посольских и торговых экспедиций в домонгольское время. Расположение сибирских изделий показывает цель таких поездок — несомненно их связь с важнейшими торговыми путями и центрами региона. Ныне они найдены в девяти древнерусских городах и селищах на всей территории Руси: в Великом Новгороде, в Новогрудке, в Смоленске, в летописном Болдыже (горо-

дище Слободка) на Десне, в Серенске на Оке, летописном Снепороде (городище Мацковцы) на Суле, на Семилукском городище, Лавском селище и у села Нижний Воргол близ Ельца на Дону.

Помимо Руси, аскизские изделия найдены в пластах конца XI–XII в. и второй половины XII — первой трети XIII в. на памятниках всей территории Волжской Болгарии. Количество находок в Поволжье исчисляется сотнями, а число памятников, где они сделаны, десятками. На севере саяно-алтайские караваны достигали Пермского Предуралья (городища Рождественское, Соломатовское, Городищенское, Анюшкар, Телячий Брод). Показательно, что южносибирские древности концентрируются на пересечениях торговых путей и лучших переправах при впадении Камы в Волгу, на дороге из города Болгара в Киев (Золотаревское поселение). Непрерывная деятельность южносибирских факторий в Восточной Европе наблюдается с XI до начала XIII в. Она вызвала моду на древнехакасские изделия, распространившуюся среди волжских болгар, средневековых удмуртов, марийцев и мордвы, — возникли и широко распространились местные подражания аскизским формам. Следует сказать, что появление на культурном пространстве Восточной Европы посланцев новой, богатой рудными залежами мировой державы не случайно совпадает с начавшимся на западе Евразии серебряным кризисом.

Движение по Сибирскому пути было двусторонним. Арабские авторы сообщают, что купцы Волжской Болгарии достигали реки Чульма. На трассе встречены западноевропейские вещи: меч с латинской надписью конца XII — начала XIII в., лотарингская бронзовая дарохранильница начала XIII в. На Иртыше и Оби известны привозные приуральские, волжскоболгарские и древнерусские предметы (последние поступали не только из Новгородской, но и из Владимиро-Суздальской земли). Эти данные уже вошли в обобщающие работы сибиреведов и учебные пособия сибирских вузов. Бронзовые изделия поволжско-уральских финно-угорских народов распространялись до Енисея и теперь хранятся в музеях Минусинска и Томска.

Важно осознавать: слава о камских, волжских, днепровских, неманских и волховских торжищах в XI–XII вв. достигала берегов Енисея, а саяно-алтайские посольства приносили в Европу сведения о сибирских пространствах и их богатствах. Эти знания, полученные на Руси за пять веков до Ермака и за двести лет до монгольского нашествия, во многом определили ход евразийской истории в последующий период. Не от тесноты Западной Европы и малой населенности зауральской тайги двинулось на Восток сбросившее оковы Московское царство — давние знания о богатствах сибирского края позволили ему в выгодной геополитической ситуации избрать именно это направление. В конце XVI и в XVII в. основное продвижение казаков шло по Сибирскому пути и обеспечивалось местными сибирскими проводниками, а перво-

начальные остроги нередко ставились с добровольной помощью аборигенов. Ими же, как известно, поставлялось русским землепроходцам не только продовольствие, но зачастую и первое семенное зерно. Ранние границы нового административного членения Сибири воспроизводили рубежи предшествовавших местных держав, а первые города ставились в традиционных административных центрах края. Таковы, например, Тобольск (1587), Томск (1604), Красноярск (1628) и Абаканский острог (1707).

Даже в период государственного противостояния Сибирский путь продолжал действовать. Через земли Хакасии с местными проводниками (иногда это были князья) проходили в Монголию и Китай русские посольства XVII в. (В. Тюменца и И. Петрова в 1616 г., С. Гречанина и Б. Карташова в 1636 г., В. Старкова и С. Неверова в 1638 г. и т. п.), а в Москву двигались монгольские (в 1616, 1619 гг. и др.).

Как видим, процессу продвижения России на Восток и быстрому присоединению к ней Сибири в немалой степени способствовал налаженный общевразийский Сибирский путь, искони соединявший взаимодействующие народы. До известной степени именно он заменен теперь проходящей в Китай Транссибирской железнодорожной магистралью.

Формирование и развитие Киевской Руси определил путь Днепровский, рост Московской Руси — Волжский путь, для России же таким судьбоносным стал Великий Сибирский путь. Он оказался тем становым хребтом, который создал и до сих пор удерживает богатейшее тело России, был и останется евразийскими весами ее истории.

В. Г. ЛЕБЕДЕВА,

декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургской государственной лесотехнической академии им. С. М. Кирова, кандидат исторических наук, доцент

НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ ИЗ БУДУЩЕГО (Ранняя массовая культура Европы в диалоге «Россия–Запад» — вторая половина XIX в.)

XIX и XX вв. «генетически» неразделимы: многие явления, возникнув в одном столетии, получили дальнейшее развитие в следующем. Так произошло с феноменом массовой культуры. Процессы демократизации в пореформенной России привели к кардинальным изменениям во всех сферах общественной жизни. Очевидное отставание ряда секторов отечественного культурного производства от запросов новой, массовой публики привело к заполнению этих лакун продуктами молодой

массовой культуры Европы. Благодаря отсутствию международных правил регулирования межкультурного обмена уже во второй половине XIX в. остро встала проблема литературного и драматургического «пиратства».

В изменившихся исторических условиях возник целый комплекс обстоятельств, которые способствовали формированию нового взгляда «мыслящей России» на Европу и процессы, происходящие в ее социально-культурной сфере. Российские наблюдатели

наконец-то увидели «иную» Европу, ту, которая всегда оставалась в тени «книжной», событийной культуры с ее великими именами и эстетическими эталонами.

Контраст между «двумя Европами» был столь резким, что получил отражение в многочисленных описаниях очевидцев европейской жизни той поры. Новизна содержания «вестей издалека» так взбудоражила русское общество, что это потребовало адекватного ответа средств массовой коммуникации. На волне общественного интереса к жизни за рубежом М. М. Стасюлевич (редактор-издатель) в 1862 г. возобновил, в память столетия Н. М. Карамзина, основанный им в 1802 г. журнал «Вестник Европы». Открывая издание, редактор обозначил его основные задачи: освещение истории европейской цивилизации, ее современного развития, путевые заметки и впечатления, иностранные корреспонденты о Европе, обзоры иностранной литературы.

Франции по сложившейся традиции, а также благодаря ее ведущему положению в новейшей культуре, принадлежало особое место в диалоге культур России и Запада. Это обстоятельство предопределило выбор проблематики журнала и формирование круга постоянных авторов «Вестника Европы». По рекомендации «русского парижанина» И. С. Тургенева Стасюлевич заключил договор о постоянном сотрудничестве с Э. Золя. Редактор не связывал своего именитого корреспондента каким-либо кругом тем. Главное, чтобы российскому читателю был интересен взгляд на Францию «изнутри». С марта 1875 по 1880 г. (до кончины писателя) почти в каждом номере журнала публиковались его «Парижские письма».

Родоначальник «натурализма» в своем творчестве стремился «показать жизнь такой, какая она есть». Поэтому неслучайно в этих «письмах» так много материалов на темы литературного быта и массовой культуры. Писатель, обладавший обостренным ощущением «потока времени», выбирал для русских читателей самое примечательное с его точки зрения. Некоторые темы были подсказаны ему Тургеневым. Золя писал не только о том, что было актуальным в повседневной жизни парижан; не только о том, что считал значимым автор — писатель-«натуралист». В этом отборе тем сквозит предполагаемый им уровень и характер интересов русской аудитории, а также представления писателя о французской «экзотике» для людей иной культуры и ментальности.

Э. Золя рассказывал о модных формах досуга парижан: о скачках как массовом увлечении, когда к ипподрому устремляются тысячи людей всех сословий — от французского

аристократа и модной кокетки в роскошных экипажах до личностей непонятного рода занятий, идущих пешком; о морских купаниях (летом Париж пустеет — все, кто могут себе это позволить, отправляются к морю). Автор писем оперативно сообщал о последних французских модах (например о том, что и в мужской и в женской моде царит «шотландка» — новый тип ткани в клетку). Не обошел он и темы «модных поветрий» в развлекательной культуре: например «кафешантанной лихорадки», охватившей Париж. Особенно печалил его дух коммерции, проникающий всюду. В силу своей профессиональной принадлежности особое внимание он уделял пагубному влиянию рынка на литературный процесс. Он говорил о давлении массового спроса на литературное творчество и издержках гонорарной политики издателей. Золя отмечал наметившуюся тенденцию вытеснения аналитической публицистики, на смену которой пришли массивное наступление «чистой» информации и погоня за сенсацией. В новых условиях вырождение литературной критики как особой профессии, способствующей качественному росту литературы, приводило, по его мнению, к превращению ее в разновидность рекламной деятельности.

Особые связи Золя с русским читателем обеспечили громкий успех в России его роману «Нана». «Нанаизм» стал первой литературной «эпидемией» в нашей стране. Не без влияния талантливого пера писателя широко распространился миф о прекрасном Париже — столице современной культуры, где причудливо переплелись высокое и низкое, элитарное и массовое, возвышенное и земное. «Увидеть Париж и умереть!» — формула мечты обывателей, возникшая тогда и не потерявшая актуальности и сегодня.

Вторая половина XIX столетия — время ускоренной интернационализации процессов в экономике и науке, технике и образовании, в быту и повседневной культуре. С одной стороны, продолжалось традиционное приобщение россиян к достижениям элитарной культуры Европы, а с другой — с энергией неопита заимствовалось «последнее слово» массовой культуры. Скорость усвоения ее «образцов» была поразительной. Уже в середине века кафешантаны, варьете, оперетта стали невероятно популярными в России. В течение нескольких десятилетий в досуговую культуру страны вошли канкан, танец апашей, танго. На рубеже веков эта пестрая интернациональная смесь пополнилась мюзик-холлом, пришедшим из Англии.

Обиходная культура России во второй половине XIX в. стремительно менялась. Характер и механизм этих трансформаций

кардинально отличался от преобразований петровской эпохи. Если Петр Великий провел «сверху» реформу повседневной культуры, решительно «европеизировав» ее, то теперь в условиях ускоренного развития рыночных механизмов в культуре и ослабления вмешательства государства очередной этап «европеизации» повседневности происходил естественным образом и высокими темпами, движимый не столько государственной волей, сколько коммерческим чутьем предпринимателя. Несопоставимо более широким был теперь не только диапазон культурного обмена (он впервые стал всесторонним), но и социальная база новой «европеизации», в которой равноправной участницей стала молодая массовая культура.

Стало очевидно, что системное преодоление цивилизационного отставания через многогранный диалог России и Запада с неизбежностью содержит компонент массовой культуры как его органической составляющей. Ускорение общественных процессов через заимствование чужого опыта — один из универсальных механизмов социально-культурного прогресса. Но включение этого механизма в сфере массовой культуры вызывало у многих российских интеллигентов серьезные опасения угрозы фундаментальным основаниям национальной культуры.

Встреча с ранней массовой культурой в России произошла в тот знаменательный момент, когда русская культура и культурология впервые в истории были готовы заговорить на равных с самыми развитыми странами мира. Но к такому диалогу не была готова Европа с ее традиционным европоцентризмом и самодостаточностью. Действительное

осознание на Западе «культурного взрыва» в России произошло лишь в следующем столетии. Например, когда А. И. Герцен задумал издание журнала для французов о России, эта идея не встретила во Франции заинтересованности, и проект не был реализован. Слишком долго диалог наших культур был более похож на монолог с одной стороны и жадное заимствование новаций с другой. Открытие европейскими учеными самостоятельной мысли в России совпало по времени с возникновением русского «антиевроцентризма». Важнейшим толчком для формирования этого неприятия европейского опыта явились издержки «обуржуазивания» в культуре Европы.

Сложную эволюцию восприятия в России Запада и его неоднозначного опыта в новейшей истории констатировал знаток России П. Леруа-Болье, опубликовавший во французской печати путевые заметки о русских впечатлениях. Он писал: «В начале царствования Николая Первого, как и в XVIII столетии, европейская цивилизация была для образованных русских религиею... Русская молодежь верила с большею горячностью, чем сами европейцы, в просвещение и свободные учреждения запада... В половине нашего столетия в русских понятиях совершился внезапный и решительнейший переворот. Рассмотрев ближе ту цивилизацию, от которой русский человек ожидал спасения, и познакомившись с ее недостатками, слыша, как ее отрицали и проклинали многие из тех, кто пользовались ее плодами и были ею вскормлены, русский человек начал в ней сомневаться... Русский второй половины XIX века отказался от культа своего детства, как от младенческого суеверия».

В. Г. ЛУКЬЯНОВ,

профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ИЗ НАСЛЕДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Своеобразие русской духовности, русско-го сознания и самосознания было в центре теоретических поисков религиозных мыслителей. На наш взгляд, условно можно выделить два аспекта рассмотрения ими данной проблемы в контексте диалога культур: внутренний и внешний. *Внутренний аспект* связан с осмыслением истории взаимодействия культур в рамках нашего полиэтнического общества. Как отмечал И. А. Ильин, не всякому народу удастся «выносить самостоятельный духовный акт и создать самобытную духовную культуру». Народы, которым это

удалось, по его мнению, — «духовно *ведущие* народы» (в отличие от тех, которым это не удалось — «духовно *ведомых* народов»). Задача ведущего народа заключается в том, чтобы дать возможность «*приобщиться к духовному акту и к духовной культуре*» народам ведомым, которые получают от него «творческое оплодотворение и оживление». В этом случае ведомые народы «находят свою родину в лоне ведущего народа и, не теряя своей исторической и биологической «национальности», вливается духовно в национальность ведущего». И это означает, что «*ведущему народу удалось*

выработать национальный акт такой ширины и гибкости, а может быть и глубины, что он образует для введомых народов как бы родовое духовное лоно, которое они могут видоизменять по-своему, оплодотворяя и оживляя из него свою духовную жизнь».

Данная концепция Ильина оказывается чрезвычайно актуальной для нашей многонациональной страны, объединяющей более ста наций и народностей. Действительно, на протяжении столетий российская культура была «духовным лоном» для диалога многочисленных народов и культур, принимавших участие в формировании единой российской культуры. Специально подчеркнем, что религиозные мыслители пытались осмыслить особенности диалога культур не только в истории нашей страны, но и в будущей России, в России посткоммунистической. Важнейшей задачей будущей России Г. П. Федотов считал работу над «новым национальным сознанием», которое «должно быть одновременно великорусским, русским и российским». Такая постановка вопроса («от русского — к российскому») связана с тем, что «Россия — не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси». Россия должна дать образец, форму мирного сотрудничества народов «не под гнетом, а под водительством великой нации»: новое сознание должно вобрать в себя все то, что «в них ценно, что вечно, что может найти свое место в системе вселенской культуры». Всякое дело, творимое малым народом, как бы скромно оно ни было, всякое малое слово «должны вложить в русскую славу, в дело России», отмечал Г. П. Федотов.

Вместе с тем диалог культур внутри России следует рассматривать в тесной связи с диалогом культур в контексте Запад — Россия — Восток (*внешний аспект рассмотрения*). Поэтому при определении самобытности русской культуры, ее своеобразия отечественные религиозные философы не могли обойти стороной проблематику, поставленную западниками и славянофилами. В связи с этим Н. А. Бердяев, например, отмечал, что русское самосознание не может быть ни славянофильским, ни западническим, так как обе эти формы означают «несовершеннолетие русского народа, его незрелость для жизни мировой, для мировой роли». Россия должна сознавать себя «Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем». По мысли Бердяева, «мы уже не славянофилы и не западники, ибо мы живем в небывалом мировом круговороте и от нас требуется неизмеримо больше, чем от наших отцов и дедов»; «мы уже вступаем в тот возраст нашего бытия, когда время нам уже выйти из детского

западничества и детского славянофильства, когда мы должны перейти к более зрелым формам национального самосознания». Западничество — заблуждение детского возраста, и оно находится в противоречии с мировыми задачами России. Шаблоны западнической мысли так же непригодны для постижения смысла мировых событий, как и шаблоны старославянской мысли. Историческая эпоха, в которую мы вступаем, требует «органического соединения национального сознания с сознанием универсальным, то есть определения мирового призвания национальностей», отмечал Н. А. Бердяев.

Г. П. Федотов, касаясь этой проблемы, подчеркивал, что Русь возникла на периферии двух культурных миров: Востока и Запада. Ее отношения с Востоком и Западом складывались весьма сложно: в борьбе на оба фронта, против «латинства» и против «поганства» («Русь знала Восток в двух обликах: “поганом” — языческом — и православном»), и она искала союзников то в том, то в другом. Русь утверждала своеобразие, чаще подразумевая под ним свое православно-византийское наследие (последнее тоже было сложным). Византийское православие было, конечно, «ориентализированным христианством», однако прежде всего оно было христианством. Кроме того, это христианство опиралось на значительную долю греко-римской традиции. Поэтому и религия, и эта традиция «роднили Русь с христианским Западом даже тогда, когда она не хотела и слышать об этом родстве». Кроме того, необычайный расцвет русской культуры в новое время оказался возможным лишь благодаря творческому освоению культуры Запада. Правда, при этом «уродств и деформаций было немало». Однако из галлицизмов XVIII в. вырос А. С. Пушкин; из варварства 1860-х гг. — Л. Н. Толстой, М. П. Мусоргский и В. О. Ключевский. Значит, «за ориентализмом московского типа лежали нетронутыми древние пласты Киево-Новгородской Руси, и в них легко и свободно совершался обмен духовных веществ с христианским Западом». В связи с этим же С. Л. Франк отмечал сильное, глубокое и плодотворное воздействие на «русский дух» немецкой мистики, метафизики и философской поэзии.

По Федотову, в тысячелетней истории России явственно различаются «четыре формы развития основной русской темы: Запад — Восток». В начале в Киеве мы видим Русь свободно воспринимающей культурные воздействия Византии, Запада и Востока. Время монгольского ига есть «время искусственной изоляции и мучительного выбора между Западом и Востоком (Литва и Орда)». Москва представляется государством и обществом

«существенно восточного типа», который, однако же, скоро (в XVII в.) «начинает искать сближения с Западом». Новая эпоха — от Петра до Ленина — представляет собой, разумеется, «торжество западной цивилизации на территории Российской империи».

Полная драматизма и трагедий история нашего Отечества («одна из самых мучительных историй», по Бердяеву) наложила неизгладимый отпечаток на русское самосознание. Бердяев различает не четыре, а пять периодов русской истории, которые дают «разные образы»: Россия киевская (она «не была замкнута от Запада, была восприимчивее и свободнее, чем Московское царство, в удушливой атмосфере которого угасла даже святость»); Россия времен татарского ига («общепринято мнение, что татарское иго имело роковое влияние на русскую историю и отбросило русский народ назад»); Россия московская («московский период был самым плохим периодом в русской истории, самым душным, наиболее азиатско-татарским по своему типу...»), Россия петровская («был лучше и значительнее дуалистический, раскольничий петербургский период, в котором наиболее раскрылся творческий гений русского народа») и Россия советская. И возможно, пишет он, что «будет еще новая Россия». Данный прогноз Бердяева оказался верным.

В связи с этим же В. В. Зеньковский подчеркивал, что сама постановка проблемы «Россия–Запад» означает *«историческую и духовную неотрывность нашу от Запада»*. Поэтому радикальное антизападничество «неверно и неосуществимо», с одной стороны, а с другой — невозможно и исторически бесплодно «элементаризирующее западничество». С его точки зрения, «ни отделить Россию от Запада, ни просто включить ее в систему западной культуры и истории одинаково не удастся... Видимо, не готова к этому ни историческая почва, ни внутреннее состояние русского духа, в котором не умножают, а скорее ярче и резче звучат диссонансы». Кроме того, как отмечал Г. П. Федотов, «худо мерить Европу на русский аршин, еще хуже мерить Россию на аршин Европы. Думается, что из смешения этих мерок оценки возникают все наши внутренние недоразумения».

Представляется, что размышления русских религиозных мыслителей оказываются весьма актуальными для современной России, которая ищет свой путь в современном мире. При этом важно осознавать, — на это фактически и указывали религиозные мыслители — что российское общество принадлежит иной цивилизации, отличной от западноевропейской.

М. Ю. МОРОЗОВА,

декан факультета экономики и менеджмента Ковровской государственной технологической академии им. В. А. Дегтярева, доктор философских наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Непременной основой духовной жизни любой национальной общности является национальное самосознание. Его отсутствие свидетельствует о пребывании общества в состоянии кризиса, что чревато потерей устойчивости и распадом единства социальных структур, а затем и государства. Очевидно, что в настоящее время в России не сформировано единое национальное самосознание, разделяемое большинством населения; а существуют прототипы потенциальных национальных самосознаний разных ориентаций. Среди них достойное место занимают размышления Д. С. Лихачева о России, русской культуре, ее прошлом, настоящем и будущем. Цель моего доклада — на основе анализа последних работ великого ученого реконструировать его представления о национальном самосознании русского народа.

Национальное самосознание общности выражается главным образом в представлениях ее членов о своей идентичности и существует в объективированных формах общественного сознания: в языке, нормах и ценностях, произведениях национальной культуры и т. п. В структуре национального самосознания можно выделить следующие основные составляющие: аксиологический компонент, состоящий из совокупности центральных позитивных, негативных и срединных смысловых значимостей; представления об общественном идеале, который определяет смысл существования общности; наконец, «ретроспективную трансформацию» (Ю. Лотман), то есть представления социального субъекта о своей истории. Композиция аксиологического компонента, общественного идеала,

ретроспективной трансформации образует единое смысловое поле национального самосознания.

По мнению Д. С. Лихачева, носителем национального самосознания является Россия, точнее, населяющие ее народы, составляющие вместе с русскими ее «национальное тело». Лихачев с огромной любовью пишет о России. По многообразию своих культурных типов, богатству духовности она едва ли не самая уникальная страна в мире. И в то же время родина предстает как целое, организованное «каким-то высоким единством».

Основу последнего составляет духовно-религиозное начало — русское православие или, как образно говорит Д. С. Лихачев, символом духовности России является «золотой пламень церкви или золотой пламень свечи». Эстетическая составляющая национального самосознания — красота — одна из доминирующих во всех сферах культурной жизни. Неиссякаемым источником нравственных сил нашего народа выступает русская литература, которой свойственно «прямое учительство — проповедь нравственного обновления». Ученый пишет, что русская культура полна внутренней свободы. При этом он разъясняет, что стремление народа к свободе, а точнее, к воле проявляется во всем диапазоне: от свободы творить до свободы уничтожать, от правления в безвестность. В политико-правовом аспекте отечественного национального самосознания свобода находит выражение в правдоискательстве и мужестве непротivления. Вслед за А. С. Хомяковым Д. С. Лихачев считает основной особенностью России и ее культуры соборность, то есть проявление склонности к общественному и духовно-христианскому началу. Это находит выражение в литературе, музыке (доминировании «хорового» начала), хозяйственной жизни (общине). В идее соборности провиденциализм совмещается с активностью человека, поэтому социально-коммуникативный аспект аксиологического компонента представлен одновременно двумя ценностями: «хоровым» и личностным началом. Соборность как единство во множестве определяет и основной тип взаимоотношений между народами, как внутри Отечества, так и России с другими странами — это диалог культур. В силу этого естественной составляющей национального самосознания предстает универсализм, то есть творческое и «любобное» усвоение, терпимость и открытость к восприятию как древних, так и ныне существующих культур, расположенных внутри и вне России.

Таким образом, в иерархии смысловых значимостей, реконструированной по работам Д. С. Лихачева, связаны в единое целое до-

минирующие позитивные ценности: православная духовность — красота — доброта — свобода — соборность и личность — диалог культур.

В основе структуры аксиологического компонента лежит принцип бинарности, в соответствии с которым в национальном самосознании позитивным ценностям противостоят негативные. Д. С. Лихачев раскрывает суть оппозиции смысловых значимостей через противопоставление добра и зла в культуре и характере народа. Он поясняет, что зло есть отрицание добра, точнее, зло состоит в нетворческом противостоянии добру. При этом добро и зло в русском характере не уравнены: первое всегда во много раз весомее второго. Что касается культуры, то она строится на добре, а не на зле, выражая добрые начала народа. В реконструируемом национальном самосознании к негативным ценностям относится, прежде всего, антихристианство или крайнее безбожие. Оно трансформирует истинные позитивные ценности в противоположные, неприемлемые для Д. С. Лихачева. Зло в мире стремится к подавлению соборности, личностного начала, терпимости, свободы; к насаждению тоталитаризма, крайнего национализма, идеократии, взаимной вражды.

Д. С. Лихачев поддерживает утверждение некоторых отечественных мыслителей, что «амплитуда колебаний между добром и злом в русском народе чрезвычайно велика. Русский народ — народ крайностей... Центристские позиции тяжелы, а то и просто невыносимы для русского человека»¹.

Ретроспективная трансформация национального самосознания конструируется в результате интерпретации истории согласно системе центральных ценностей. Сам Д. С. Лихачев пишет об огромном значении исторической памяти народа; при этом историю народа он рассматривает не как историю территорий, а как историю культуры. Ученый обращается к истокам русской культуры: определяет «прародину нашей восточноевропейской культуры», а выяснив ее происхождение, называет Россию «Скандовизантией», поскольку собственная народная языческая культура испытала наибольшее влияние христианской духовности Византии и военно-дружинного устройства Скандинавии. На основе всестороннего познания и глубокого понимания русской культуры Д. С. Лихачев реконструирует каждый этап ее развития. Неоценим вклад ученого в развенчание исторических мифов, устойчивых предрассудков в общественном сознании российского общества. При этом Д. С. Лихачев утверждает, что «ни одна

¹ Лихачев Д. С. Размышления о России. СПб., 1999. С. 34, 47.

страна в мире не окружена такими противоречивыми мифами о ее истории, как Россия»¹. Он «разбирает» мифы, которые представляют наше Отечество в неприглядном свете, и не оставляет им места в истории России. Среди подобных предрассудков, подлежащих, по справедливому мнению Д. С. Лихачева, изъятию из исторической памяти, выделим основные мифы: а) о несамостоятельности и отсталости культуры Древней Руси; при этом ученый замечает, что развенчание данного обывательского предрассудка стало одной из главных задач его жизни; б) об отрыве России от Запада в допетровские времена; в) об отсутствии традиций демократии и нормальной государственной власти в России; г) о дореволюционной России как «тюрьме народов» и т. п. Д. С. Лихачев был убежден в актуальности и значимости осмысления русской истории, так как многое из того, что произошло и происходит в наши дни, в известной мере определяется тем, что представляет собой Россия.

Д. С. Лихачев обращает внимание на одну интересную деталь: настоящее в народной мысли и русской литературе представлено почти всегда одинаково, а именно — как находящееся в кризисе. Неслучайно русский человек, по мнению ученого, живет между культом прошлого и поисками идеального построения общества.

В своих «Мыслях о России» он уточняет: «Россия всегда ощущала себя ищущей пути в будущее или устремляющейся в будущее по

этому пути»². Однако сам Д. С. Лихачев не дает нам проекта идеального будущего. На основе изучения тысячелетней русской культуры он формулирует свое представление об исторической миссии России, которая обусловлена ее положением среди других народов, а также не в последнюю очередь и тем, что русская культура и по происхождению, и по сути многонациональна. В сложившихся условиях великим предназначением России является служить «гигантским» культурным мостом между народами. Д. С. Лихачев обозначает свое понимание исторической миссии и европейской культуры: хранить в своих недрах все культуры человечества — ныне существующие и ранее существовавшие. Следовательно, ключевым понятием в определении исторической миссии как России, так и Европы является культура, которая, по убеждению ученого, является тем, что «в значительной мере оправдывает перед Богом существование народа и нации»³.

Прототип национального самосознания, реконструированный на основе анализа работ Д. С. Лихачева, отражает, прежде всего, позицию русской интеллигенции. К числу последней сам великий ученый относит людей, для которых характерна «независимость мысли при европейском образовании» и обязанностью которых «всегда было и остается знать, понимать, сопротивляться, сохранять свою духовную самостоятельность и не участвовать во лжи»⁴.

А. Н. МОСЕЙКО,

старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований
Института Африки РАН, кандидат философских наук

РОССИЯ XX ВЕКА: РАСКОЛЫ КУЛЬТУРЫ (РЕАЛИИ, ОБРАЗЫ)

Великим и трагическим был XX в. для России. Он породил многоликую, необычную, ярко талантливую культуру.

Уникальность российской культуры XX в. — в ее принципиальной пограничности, не только характерной для любого творчества, но вытекающей из пограничья российской цивилизации, на протяжении веков развивавшейся на стыке, в зоне противоречивого взаимодействия и взаимоотталкивания Востока и Запада, европейских и неевропейских культурных моделей, в пространстве сосуществования православной цивилизации с анклавами мусульманской и буддистской цивилизаций, сосуществования различных этнических культур и религий.

Пограничный характер культуры проявился и в противоречивом единстве двух важнейших тенденций: тенденции «всемирной отзывчивости», «всеединства», «цивилизационного моста» между Западом и Востоком, вплоть до идей избрничества и мессианства, и тенденции антиглобализма, заложенной в ментальных основах российской цивилизации и порождающей идеи «особого исторического пути».

В российской культуре и ее творческом субъекте — интеллигенции — всегда обнаруживалась также тенденция озабоченности

¹ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 387.

² Лихачев Д. С. Русская культура. С. 81.

³ Там же. С. 9.

⁴ Лихачев Д. С. Размышления о России. С. 618, 625.

мировыми проблемами жизнеустройства (как глобальными, так и внутренними), социального критицизма, увлеченности радикально-утопическими (социалистическими, марксистскими, реформаторско-демократическими и т. д.) проектами.

Неслучайно ярчайший период развития нашей культуры — Серебряный век — исподволь, подчас незаметно для ее представителей сформировал мощный потенциал социального взрыва. Как подтекст творчества представителей Серебряного века, так и их деятельность (например богоискательство) вели к разрушению важнейших устоев, национальных доминант культуры. При всей противоречивости их мировоззрения (демократизм-элитарность; традиционализм-радикализм и т. д.) общим в нем было стремление к немедленному обновлению ценностей, норм общества, пафос «исцеляющего» разрушения. Большинство из них восприняло как праздник февральскую революцию, не ощущая надвигающейся катастрофы. Правда, отдельные предчувствия, озарения были: наиболее яркое — поэма А. Блока «Возмездие».

Октябрьская революция, Гражданская война привели к первому катастрофическому расколу российской культуры на культуру метрополии и культуру диаспоры. Явление этого раскола уникально, уникален характер российской эмиграции — не только масштабно, но и широтой рассеяния, но и системностью. В русском зарубежье оказалась в уменьшенном виде вся российская культура, представленная литературой, искусством, наукой. В ней были те же идейно-культурные течения, школы, оппозиции, объединения. Г. Струве довольно точно назвал этот феномен культуры «временно отведенным в сторону потоком».

В то же время эта культура резко отличалась от культуры метрополии не только своей ситуацией «изгнания», «отвергнутости», одиночества в инокультурной среде, но и своими основными идеалами и надеждами. Если в Советской России господствующими как в политической, так и в культурной жизни были идеалы мировой революции, победы социализма, то доминантой культуры зарубежья была надежда на крушение большевизма, идеалом — спасение России от большевиков. Поэтому образом их мира (среды обитания) было временное, зыбкое существование, чужбина, бездомность. Неслучайно мифологема Дома становится одной из центральных в творчестве зарубежья. И если в первые годы эмиграции образ Дома связывается с покинутой Родиной и надеждой вернуться, то с течением времени образ Дома уходит в память, в подсознание, а в творчест-

ве начинают господствовать образы «Псевдодома» — съемные квартиры, мансарды, гостиничные номера (в творчестве В. Набокова, Н. Тэффи, И. Бунина), а также образы корабля, поезда, вагона, трудной дороги.

В среде писателей, художников, ученых с годами нарастает одиночество (Г. Адамович писал, что литература не может питаться только воспоминаниями, ей нужен «пафос общности»), а также проблема выбора: остаться верными своим — русским — темам, языку или начать писать на языке страны обитания, а значит, погрузиться в чуждую стихию речи и ментальности.

Этот выбор, очевидно, первым сделал В. Набоков, написав в 1938 г. свой роман на английском языке. О том, чего стоил этот выбор, говорят пронзительные строки в стихотворении «К России», написанном в 1939 г.:

Отвяжись, я тебя умоляю!
Вечер страшен, гул жизни затих.
Я беспомощен, я умираю
От слепых наплываний твоих...

Многие из молодого поколения, а также дети эмигрантов почти полностью ассимилировались: Анри Труайя, Эльза Триоле, Натали Саррот, Марина Влади, Ромен Гари, Питер Устинов и др. Это поколение вместе с перемещенными лицами (дипристами) можно отнести ко второй волне эмиграции. Сколько-нибудь значительные имена или результаты творчества людей, попавших в зарубежье после окончания Второй мировой войны, назвать трудно.

Большой интерес представляет третья волна эмиграции, третий период существования русского зарубежья, который одновременно знаменует второй существенный раскол российской культуры на официальную и неофициальную. С конца 1950-х гг., после разоблачения культа личности Сталина начинает формироваться культура, получившая множество названий: «подпольная», «катакомбная», андеграунд, «чернуха», позже — авангард II (авангард — начало XX в.) и, наконец, в конце века — постмодернизм.

Российский постмодернизм, развиваясь одновременно с западным, отличается от него в силу особенностей самой российской культуры — ее пограничности, ее уже отмеченных ранее тенденций, ее субъекта — интеллигенции. Коротко говоря, это крайняя озабоченность интеллигенции общественными делами и одновременно отрешенность от жизни государства и общества.

Остро воспринимаемая общественное неблагополучие, творцы культуры 1960–1980-х гг. испытывали настроения экзистенциональной горечи, чувство напрасно прожитой жизни. С. Довлатов так обозначил повествовательную

раму рассказа о своей жизни, о жизни постсоветского человека: «Я оглядел пустой чемодан. На дне — Карл Маркс. На крышке — Бродский. А между ними — пропащая, бесценная, единственная жизнь». В картине В. Калинина «Коновязь» (вызывающей в памяти образы оруэлловского «Скотного хозяйства»), в образах И. Лубенникова («Полночь»), Л. Дульфана («Крик»), В. Титова («Пивная лавка», «Прием посуды», где среди пьянчуг — ангел с крыльями, но в облике пьяницы), В. Комара и А. Меламида («Без названия») — темы одиночества, тоски, обреченности.

Однако уже в 1970–1980-е гг. к настроению подавленности прибавились чувства протеста, выразившиеся в «альтернативной» литературе и искусстве. Новизна эстетики этого периода в том, что ужасное, безобразное изображается не как отклонение, а как норма, повседневность, в которой святое — материнство, любовь — принимает тот же безобразно-повседневный облик. Часто эти образы ироничны, высмеиваются «святые» советской действительности.

В 1970–1980-е гг. советское правительство выслало или принудило уехать многих литераторов и художников. Однако это поколение зарубежья существенно отличалось от первого. Эти люди сложились в Советском Союзе, их мировоззрение, пусть оппозиционное, было соткано из проблем советской действительности. Они не чувствовали себя полностью оторванными от страны. Оставленная Родина полностью определяла темы и образы их произведений. Саша Соколов писал: «Я русский писатель, пишу по-русски, существую в русском измерении... Глядя отсюда, могу сказать, что Россия — земля для писателя необычайно благодатная...».

Конечно, эмигранты остро ощущали «чужбину», но они не успели полностью испытать ту чашу горечи, которая досталась эмигрантам первой волны. Уже в конце 1980-х их печатали в России, многие из них вернулись на родину.

Можно говорить и о четвертой волне эмиграции — после распада СССР (например Чин-

гиз Айтматов) — это люди, либо не вписавшиеся в новую реальность, либо не выдержавшие «испытание свободой». В последние годы в среде деятелей литературы и искусства появляется все больше людей космополитического склада, для которых возможно творчество «ни в каком мире, ни в каком месте».

Хотелось бы завершить доклад некоторыми выводами и прогнозами. Прежде всего, культура России, несмотря на расколы и противоречия, живет интенсивной жизнью, развивается и ищет новые пути, новые отношения к реальности. В настоящее время главные противостояния в ней:

— культура художественная — культура коммерческая, массовая;

— культура традиционная — культура авангардистская (постмодернистская).

Каково будущее культуры? Сейчас заметна тенденция обращения к новому реализму, поиски духовности (А. Матвеев — «Обретение веры»; М. Харитонов — «Линия судьбы, или Сундучок Милашевича»).

Дерзкий постмодернист поэт Ю. Арабов уже в 1994 г. писал: «Консервативная тенденция возьмет верх, то есть будет восстановлена духовная вертикаль...»

В обращении художников в рамках проекта «Искусство XXI века — Полиреализм» говорится, что полиреализм — это создание произведения, где есть «образ, мысль, предметность, формальная новизна».

Очень важным для будущего культуры является забота об ее экологии. Как подчеркнул философ и культуролог М. Эпштейн: «Важнейший урок наших прошлых потерь — бережность к настоящему. Нигилизм многолик: вчера он требовал разрушения древних святынь, апеллируя к светлому будущему, сегодня он требует положить конец... “авангардистским выходкам”, апеллируя к светлому прошлому. Экология культуры требует признать достойными существования все виды и типы творчества, которые в своем взаимодействии образуют многосложную культурную систему...».

Н. Н. МУТЯ,

доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения

ТЕОРИЯ «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА

Теория «Москва — Третий Рим» родилась еще в средневековой Руси. С тех пор интерес к ней то угасал, то возрастал. В XX в. она вновь становится актуальной.

Эта теория была сформулирована в 1514–1521 гг. монахом псковского Елизарова монастыря Филофеем в послании к Василию III. Филофей утверждал, что первым мировым центром

был Рим старый, за ним Рим новый — Константинополь, а после его падения на эту роль претендует третий Рим — Москва. В основе теории Филофея лежало представление о «Ромейском царстве нерушимом», сложившемся в эпоху Августа, в которой проходила земная жизнь Христа. Первый — Великий Рим — сохранил свое физическое бытие, но потерял духовную сущность, так как стал католическим. Оплотом православия стала Византия с новой столицей Константинополем — вторым Римом. Но греки предали православную веру, за что и поплатились, попав под власть неверных турок. Крушение двух первых царств расчистило место для московского православного государства.

Теория Филофея импонировала русским правителям, но стала официальной доктриной только в конце XVI в. Так продолжалось вплоть до XVIII в., когда столица стараниями реформатора Петра I была перенесена из Москвы в Петербург.

В связи с тем, что Санкт-Петербург стал новой столицей, поднимать статус старой было не актуально. У всех на памяти строки А. Пушкина из поэмы «Медный всадник», где он даже противопоставляет эти два города:

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
/.../
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

«Санкт-Петербург» — в переводе «град святого Петра». Выходит, что Петр I позволил себе назвать любимый город Римом, ведь Рим — город апостола Петра. Безусловно, что первый российский император знал старую русскую формулу, выработанную монахом Филофеем: «...два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Петр идет против этой теории. Для него Москва — третий Рим — это оплот всего старого, отжившего. Он строит новый Рим, новую столицу. Но в обществе еще долго будут «бродить» идеи скорого падения Санкт-Петербурга — четвертого Рима.

В XIX в. интерес к теории «Москва — третий Рим» был невелик. Санкт-Петербург имел твердые позиции по сравнению с теми, какие у него были в XVIII в. Но и в XIX в. к Санкт-Петербургу относились как к городу-фантому. Это ощущалось в произведениях А. Пушкина, М. Лермонтова, Ф. Достоевского.

Отголоски пророчества падения Петербурга можно наблюдать и в литературных произ-

ведениях XX в. А. Ахматова в поэме «Без героя» писала следующее:

*И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман,
И выглядывал вновь из мрака
Старый питерщик и гуляка,
Как пред казнь бил барабан...
И всегда в духоте морозной,
Предвоенной, блудной и грозной,
Жил какой-то будущий гул...*

После революции 1917 г., в разгар Гражданской войны столица была вновь перенесена в Москву.

В 1930-е гг. писатели все еще пишут о гибели «четвертого Рима» — уже не Петербурга, а Ленинграда (пьеса «Адам и Ева» М. Булгакова). Но наибольший интерес у них вызывает Москва. И вновь проявляется тяга к теории «Москва — Третий Рим».

Следует отметить, что возрождение этой теории не столько служило повышению статуса Москвы, сколько отвечало настроениям того времени. Причем в сталинскую эпоху теории соотносили с личностью Ивана Грозного. Хотя, по мнению историка Р. Скрынникова, фактологически это несколько неверно. По интересующему нас вопросу он писал следующее: «В течение многих лет русские книжники излагали теорию “Москва — Третий Рим” в сочинениях неофициального толка. Претендовавший на неограниченную власть Иван IV не принял ее из-за тенденций к возвеличиванию церковного авторитета. После Грозного успехи централизации окончательно определили подчиненное место церкви в системе Русского государства. Союз между митрополитом Дионисием и боярской оппозицией оказался кратковременным эпизодом, завершившимся низложением главного пастыря. Иов окончательно подчинил церковь целям светской власти. При нем теория “Москва — Третий Рим” (время правления Федора Ивановича. — М. Н.) впервые получила отражение в авторитетных правительственных документах и таким образом превратилась в официальную доктрину»¹.

Но для художественной культуры такая точность и не требовалась. Идея «Москва — Третий Рим» прочно слилась с именем грозного царя. Для Сталина была не страшна ассоциация его правления с тираническим правлением Ивана Грозного. Для него важным было то, чтобы в аллюзиях его современники отмечали стремление обоих правителей к созданию сильного государства.

Теория «Москва — Третий Рим» стала особенно популярна в период Великой Отечественной

¹ Скрынников Р. Далекый век. Л., 1989. С. 286.

войны. Москва, говоря пафосным слогом того времени, — сердце Родины советских людей. Потерять столицу, оставить ее врагу было просто невыносимо. В ход идет не только военная машина, но и идеологическая. И здесь велика роль искусства. Теория «Москва — Третий Рим» находит яркое воплощение в произведениях художественной культуры того времени.

Прежде всего это знаменитый художественный фильм С. Эйзенштейна «Иван Грозный» (1944). Теория «Москва — Третий Рим» проходит красной нитью через весь сценарий фильма. Будет уместно привести небольшой отрывок из него. (Следует отметить, что сценарий к этой картине сам по себе является произведением искусства.)

Сцена «Успенский собор»
И сквозь бурю ярости
послов,
бояр,
духовенства —
в ураган взлетая
людей растерянность,
страсти,
пенье,
бешенство —
заклчительно Иван бросает:
*«Два Рима пали,
а третий —
Москва —
стоит,
а четвертому не быть!
И тому Риму третьему —
державе Московской —
единым хозяином
отныне буду я
один»*¹.

Так в одной сцене С. Эйзенштейн показал всю программу будущих преобразований царя (и его последователей).

Эта сцена почти полностью вошла в фильм. И буквально с первых минут зрители ощущали стремление Ивана Грозного к созданию великого русского единодержавного государства.

Тема «Москва — Третий Рим» будет отражена и в диалогии А. Н. Толстого «Иван Грозный» (1943).

Идеи единовластия, сильного государства, восстановления государства в своих границах и борьбы за это с внешним врагом — все они «звучат» в духе военного времени тех лет. Но эти идеи были характерны и для мирного советского времени. Теория «Москва — Третий Рим» отвечала общему тоталитарному настрою культуры сталинских времен.

Отечественный тоталитаризм интересовал многих исследователей. Н. Бердяев в своих работах «Истоки и смысл русского коммунизма» и «Русская идея» усматривал среди истоков тоталитарной культуры следующие: традиции русского деспотичного государства, восходящие к московским государям XVI в. и Петру Великому; изначальный синкретизм национального миросозерцания, сохраняющего целостность и неразделимость всех аспектов картины мира в религиозной идее; коллективизм и «общежителность» русского народа, выделяющие его среди других народов, преодолевших рецидивы общинного образа жизни; наконец, русскую мессианскую идею, принимающую различные исторические формы («Москва — Третий Рим», «Москва — третий Интернационал»).

Итак, возрождение теории «Москва — Третий Рим» в XX в. объяснимо и тем, что ее характер отвечал характеру тоталитарного режима советского государства сталинских времен.

Во второй половине XX в. произошел распад великой коммунистической империи СССР, то есть с наследницей имперской идеологии Рима и Византии произошло то же, что и с ее предшественницами. И идея, что Москва — это Третий Рим, постепенно уходит в забвение. Исследователи стремятся объективно проанализировать влияние этой теории на отечественную культуру. А политики занимаются выработкой новой «национальной идеи», вновь привлекая к решению этой задачи культуру и искусство.

Т. П. ХЛЫНИНА,

ведущий научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, доктор исторических наук (Майкоп)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У НАУКИ О ПРОШЛОМ

Еще несколько десятилетий тому назад понятие глобализации толковалось специа-

листами как явление сугубо экономическое, ограниченное в практике своего бытования исключительно развитыми странами. В настоящее время оно становится общим местом в различных отраслях научного знания и все

¹ Эйзенштейн С. Иван Грозный: киносценарий. М., 1944. С. 21–26.

более претендует на универсальность и всеместность своего присутствия. Появившись в конце 1980-х гг. на страницах ряда профессиональных изданий в качестве скорее тревожащего симптома, нежели строго научного термина, глобализация и к началу нового тысячелетия так и не обрела сколько-нибудь внятного и однозначного понимания. По заключению большинства специалистов, это сложный и противоречивый процесс, влекущий за собой не только открытость мира, но и возрастающую напряженность во взаимодействии его частей.

Не менее противоречивыми оказываются последствия глобализации и в социальной сфере, где новые размеры технологических рисков и организационные системы высокого уровня сложности приводят к непрозрачности, нестабильности и хаотичности общественной жизни. Столь резкие изменения, повлекшие за собой не только колоссальную дифференциацию интересов и ценностей общества, но и потерю им элементарной ориентации, принципов оценки действий и общей ситуации, позволили английскому социологу Э. Гидденсу провозгласить наступление эры «поздней современности»¹.

Будучи практически непроницаемой для традиционных методов социального познания, поздняя современность тем не менее успешно осваивается представителями разнообразных ответвлений некогда монолитной науки об обществе. Подобного рода парадоксальное положение дел, складывающееся в исследовательской практике, находит объяснение в смене парадигмальных представлений о разрешающих возможностях и предназначении социального познания. Если ранее «смысл обществоведческой работы заключается в рационализации и развертывании будущего посредством критики настоящего»², то на сегодняшний день он весьма далек от тяжелого бремени социального преобразования действительности³.

Теперь все чаще социальные (гуманитарные) науки начинают рассматриваться в качестве одной из возможных культурных практик современного общества. При этом, по заключению ряда специалистов, они «представляют собою эпистемологическую химеру — соединение сущностно несоединимых феноменов: описание реальности как она есть и идеального проекта, не признающего мир в

его наличном бытии и стремящегося изменить его в соответствии с художественным идеалом. Этот разрыв между проектом и миром... в значительной мере определяет интеллектуальный контекст социальных наук в России, где печатное слово является источником “коллективных” представлений, репрезентом священности»⁴.

Наряду с переменной онтологического статуса меняются и познавательные возможности социальных наук. Длительное время оправданием их существования считалась возможность получения объективного знания об окружающем мире. Однако уже во второй половине минувшего столетия все отчетливее формируется представление о конвенциональной природе самой объективности, нашедшее свое отражение в идее «тотального социального факта», ядром которого выступает сознание исследователя⁵. Такого рода тотальность наполняет собой пространство социальных наук, где сосуществуют и переплетаются «образцы поразительной рефлексии, добротные научные гипотезы и идеологическая риторика»⁶.

В этом смещении разнообразных и зачастую взаимоисключающих стратегий социального познания вопрос о его высокой миссии приобретает совершенно иное звучание. Из некогда действенного инструмента постижения общества оно превращается в один из способов его существования. Причинами столь значительных перемен оказываются как обстоятельства внешнего свойства, так и внутренняя динамика развития самого процесса общественного познания. В данной связи привлекает внимание не всегда явно выраженная взаимосвязь между потребностями общества и задачами, решаемыми социальными науками.

Их тесная родовая близость, приведшая к довольно сомнительному положению социальных исследований в нашей стране и развившаяся в не менее сомнительном принципе «практически проверяемой научной истины», обнаруживает искусственность такого рода совмещений. Она легко теряется в глобализирующемся пространстве и зачастую оказывается неверным спутником обществ, меняющих основные направления своего развития. Наиболее отчетливо подобная ситуация проявляется в кризисном состоянии исторического познания, развитие которого на протяжении, по крайней мере,

¹ Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С. 596.

² Социальные науки в постсоветской России. М., 2005. С. 63.

³ Там же. С. 8.

⁴ Социальные науки в постсоветской России. С. 8.

⁵ Колосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 27.

⁶ Социальные науки в постсоветской России. С. 63.

всего предыдущего столетия подчинялось задачам далеко не научного свойства — оправданию строительства социалистического общества и его безграничных возможностей.

Демонстрируя верность идеологическому ориентиру эпохи, оно не только утратило исследовательскую привлекательность, но и породило собственно несвойственную гуманитарному знанию практическую направленность в виде всевозможных сценарных обоснований дальнейшего развития человечества. Столь неоправданные прогностические претензии привели российскую историческую науку к весьма пессимистическому финалу: неустребованности современным обществом разнообразных и не лишенных известной доли полезности сведений о прошлом. Следствием утраты прагматических возможностей оказалась и потеря «высокого» смысла существования самой исторической науки, о чем свидетельствует и «маргинальная роль гуманитарной учености» в нынешних социально-политических процессах¹.

Парадокс заключается в том, что подобное положение вещей является нормой, при которой «гуманитарные науки и должны занимать в социальном пространстве маргинальное место. Когда общество готово забыть о своих насущных заботах и обуяно страстью узнать, что случилось в далеком или недалеком прошлом, с ним что-то не в порядке... Для обычного общества его история и его культура остаются данностью, в принципе важной для его самосознания, но лишенной злободневного азарта»². Однако, освободившись от общественных обязанностей, историческое познание сталкивается с не менее сложной задачей — необходимостью определения собственного профессионального будущего. Несколько эпатазирующий вопрос М. А. Бойцова о том, выживет ли Клио при глобализации³, возвращает историческую науку к поискам нового смысла и оправдания своего существования в складывающемся едином мире.

Насколько привычные исследовательские практики освоения прошлого и созданные ими образцы национальной исторической памяти окажутся востребованными глобальным сообществом, судить однозначно представляется едва ли возможным. Тем не менее уже сегодня не вызывает сомнения тот факт, что

«сами основания устройства прошлого» будут решительно отличаться от привычных для нас представлений — «и по хронологическим предпочтениям, и по отбору материала, и по тому, как отрегулирован баланс между единичным и общим»⁴. Потребность единого общества в единой истории едва ли может быть удовлетворена посредством новой глобальной памяти человечества, основу которого составила бы общность его прошлого. Слишком большая разность отражения этого прошлого в самосознании различных народов, зачастую снабженного изрядной долей небезобидного вымысла, а также самих практик национального историоописания выдвигают в качестве некой объединяющей общности человечества опыт его совместного потребления⁵.

Прозаичность такого рода идентификационных оснований, на первый взгляд явно противоречащих профессиональным задачам освоения прошлого, как нельзя верно отражает нынешние идейные метания современного исторического познания. Призванное стать надежным хранителем традиций и средством самоопределения общества, оно давно уже утратило гуманистический пафос и способность чему-либо научить. Более того, именно «общая децентрализация идентичности в современном мире» оказалась причиной «дробления и распада больших исторических нарративов»⁶. В условиях отсутствия единой версии прошлого историческая наука все более оказывается в роли приверженца человеческой индивидуальности, способной если и не разнообразить жизнь общества, то, во всяком случае, наполнить ее непреходящими смыслами. В этом пока еще слабо угадываемом будущем домен истории имеет все шансы для своего профессионального сохранения и дальнейшего развития.

¹ Живов В. Наука выживания и выживание науки // Новое литературное обозрение. 2005. № 4. С. 27.

² Там же.

³ Бойцов М. А. Выживет ли Клио при глобализации? // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 91–108.

⁴ Бойцов М. А. Указ. соч. С. 93.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 103.

Р. Г. ЯНОВСКИЙ,

член-корреспондент РАН, руководитель Центра социологии и национальной безопасности
России Института социально-политических исследований РАН, профессор

МАЛЫЕ ГОРОДА И СЕЛА РОССИИ: ПРИОРИТЕТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Сохранить культуру малых городов и сел России

В книге Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном» есть простые и понятные слова, обращенные ко всем нам: «...Если вы возьмете всю нашу страну, вы удивитесь разнообразию и своеобразию городов и хранящейся в них культуры: в музеях и частных собраниях, да и просто на улицах, ведь почти каждый старый дом — драгоценность. <...> В стране существует единство народа, природы и культуры. Сохранить разнообразие наших городов и сел, сохранить в них историческую память, их общее национально-историческое своеобразие — одна из важнейших задач...»¹

Эти слова как будто прямо обращены в сегодняшний день. Неумолимо надвигающиеся реформы бюджетной сферы и местного самоуправления делают реальной необходимость всерьез думать о настоящем и будущем культуры российских регионов, малых городов и сел нашей Родины. В этой «глубинной» России живет от 25 до 27 % нашего населения — здесь и сейчас. В какой системе ценностных координат должна проходить реформа бюджетного сектора, в частности, культурной сферы? Предполагается, что культура должна выйти из реформы более сильной. Иначе зачем?..

Между тем наше общество воспринимает реформу как очередную шаг по освобождению государства от социальных обязательств перед обществом. И делегируя полномочия на места, государство вообще не выступает в качестве заказчика, оставляя размытыми цели реформы. Ситуация складывается таким образом, что если сами работники культуры не приложат достаточно усилий для осмысления происходящих перемен, культура может многое утратить...

Каковы смысл и цель культурной политики?

В той же книге академика Лихачева есть ответ на данный вопрос: «Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное; это — любовь к своему городу, к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей. <...> К патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать — воспитывать любовь к родным местам, воспитывать духовную оседлость»².

Это значит, что историческое достояние малых городов и сел России должно восприниматься не как объект исключительно экономики, но, прежде всего, как объект общенародного значения, в том числе — государственных интересов.

Очевидно, что в малых городах и на селе именно учреждения культуры могут стать (и становятся!) одним из основных средств социализации нашей молодежи. Потенциальные возможности учреждений культуры в глубинке очевидны. Они представляют собой большую часть скромной социальной инфраструктуры, и их роль в социализации жителей достаточно высока. Если в крупных городах в значительной степени реализуются возможности культуры как художественного феномена, то на муниципальном, сельском уровне в большей степени востребована социальная модель культуры. Одним из факторов развития может быть инициатива «снизу», организованная соответствующим образом и поддержанная небольшими инвестициями, что в комплексе может произвести уже не только социальный, но и экономический эффект. Ведь ситуации кризиса случаются во многих странах; сегодня накоплен значительный опыт, аккумулирующий технологии его преодоления на основе вовлечения местных сообществ в разработку и реализацию перспектив местного развития.

В каждом конкретном случае эти проблемы трансформируются с учетом местной специфики. Так, например, народное движение «Вся Швеция будет жить» организовано как взаимодействие сети групп местного развития. Этому же опыту успешно следует Архангельская область. Однако, как гласит народная мудрость, «истину нельзя передать, ее можно только пережить». То же самое справедливо и в случае передачи передового опыта.

Пожалуй, в управленческом смысле важнее всего именно инициатива снизу. Подходы к изменению ситуации просты: максимально использовать возможности культуры влиять на какое-то улучшение жизни и пытаться адаптировать накопленный опыт работы путем возвращения утраченного местного знания о собственном опыте хозяйствования на этой же земле. То есть главное — дать возможность местному сообществу воплотить чувство патриотизма в конкретной практике.

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном / сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. 3-е изд. М., 1989. С. 173–174.

² Там же. С. 224–225.

Забота о своей культуре — дело каждого

Снова обратимся к той же книге академика Лихачева: «Мы не должны возлагать полную ответственность за небрежение к прошлому на других или просто надеяться, что сохранением культуры прошлого занимаются специальные государственные и общественные организации и “это их дело”, не наше. <...> Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет»¹.

Пожалуй, главная цель реформы бюджетной сферы (и культурного наследия в частности) — это создание условий для стимулирования социально-культурной активности населения. На селе и в малом городе человек максимально приближен к решению проблем местного самоуправления. И в его (местного самоуправления) сегодняшнем состоянии культура может сыграть очень своевременную роль реаниматора.

Это серьезная корректировка региональной культурной политики. В этом направлении возможен успешный поиск новой социально-культурной инфраструктуры, способной к саморазвитию. Задача непростая. Для ее решения нужен корпус управленцев нового уровня, способных работать на опережение, по так называемым «слабым сигналам». Как откликнутся муниципальные лидеры на это предложение? Есть ли сегодня на этом уровне управления понимание того, что успех решения целого комплекса проблем, в том числе и экономических, зависит от качества человеческих ресурсов? Думается, что эти вопросы еще предстоит задать.

Гуманистический смысл культурной политики

Что же такое в итоге культурная политика — сфера управления нашим духовным

наследием, набор эффективных инструментов исполнения властью своих полномочий? Пожалуй, шире — создание условий для духовного роста человека, осознания осмысленности его жизни: «...Главное в жизни должно быть у каждого человека... Главное, каким бы оно ни было индивидуальным у каждого человека, должно быть добрым и значительным. <...> В жизни надо иметь... служение — служение какому-то делу. Пусть дело это будет маленьким, оно станет большим, если будешь ему верен. В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная. Умная доброта — самое ценное в человеке, самое к нему располагающее и самое в конечном счете верное по пути к личному счастью»².

Светлая, созидательная цель в жизни простого человека, наличие у него духовных сил и знаний для воплощения этой цели — вот, пожалуй, основной итог успешной культурной политики государства. Конечно, этот результат очень сложно зафиксировать, ибо объект анализа чрезвычайно сложен. Но, в конце концов, именно социальный прогресс является основным показателем эффективно-го государственного управления вообще.

Конечно, пути выхода из кризиса в значительной степени зависят от множества условий, от понимания нашими политиками роли социальных, гуманитарных технологий в современном обществе. Вектор управленческих усилий должен быть направлен на развитие технологий социального проектирования и партнерства, образование взрослых и стимулирование творческого начала, повышение уровня информационной и деловой культуры, наконец, развитие активной жизненной позиции граждан. Задачи непростые. Но тут остается лишь запастись терпением и работать, ибо, как известно, — «делай, то, что должно, и получится то, что возможно».

¹ Лихачев Д. С. Письма о добром... С. 210.

² Лихачев Д. С. Письма о добром... С. 237–238.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ, ЭКОНОМИКИ, ПРАВА В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

М. Б. АЛЕКСЕЕВА,

заведующая кафедрой экономики СПбГУП, действительный член Международной академии информатизации систем и управления (МАИСУ), доктор экономических наук, профессор

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ НОВОГО КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

Бизнес и предпринимательство являются достаточно новыми формами экономической деятельности в современной России. В условиях динамичного развития социально-экономической среды возникла объективная потребность в системных представлениях и знаниях у специалистов в области экономики и управления. Формируется новый взгляд на взаимосвязь количественных параметров с качественной оценкой тех систем, которые определяют социально-экономическое развитие общества в целом.

Эволюция научных взглядов на качество систем определяется уровнями изучения свойств живой природы, которая определила вектор познания явлений от механических свойств вещества к энергии человеческого интеллекта.

Качество социально-экономических систем определяется целой системой параметров, которые не всегда могут быть представлены чисто экономическими показателями. Современная оценка качества любой системы включает целый комплекс характеристик, как количественных, так и качественных. К ним можно отнести качества продукта или услуг, качество управления системой и качество самого человека-профессионала.

Фундаментальные изменения, происходящие в теории и практике экономики, а особенно в управлении бизнесом, связаны с расширением интеграционных процессов социально-экономического развития. Такая интеграция усиливает вероятность возникновения проблемных ситуаций, имеющих системный характер. Это объясняется, прежде всего, тем, что результаты принимаемых экономических решений, часто не согласованные с состоянием других систем, все чаще вызывают дестабилизирующий эффект как самой социально-экономической среды, так и мирового экономического сообщества в целом. Поэтому изучение фундаментальных основ теории систем, системного анализа и особенно синтеза становится объективной необходимостью экономического образования с учетом синерге-

тических свойств сложных открытых систем. Под синергетическими свойствами систем следует понимать способность их к нелинейному саморазвитию и самоуправлению.

Современный бизнес в качестве одного из элементов рыночной экономики подвергается изменениям, которые связаны с глобализацией нравственно-этических проблем ведения общественно-хозяйственной деятельности на Земле. Это объясняется тем, что на рубеже нового информационного века усиливается роль энергоинформационного взаимодействия между всеми общественными системами и экологической средой, между методами использования экономических ресурсов и конечным результатом экономической деятельности. Результат такого взаимодействия все чаще носит системный характер и обладает разрушающим эффектом на уровне и самой социально-экономической среды, и единого мира природы. Об этом свидетельствуют проявления социальных, экономических и экологических кризисов разного масштаба. Появление разрушающего эффекта от экономической деятельности людей объясняется тем, что часто нарушается гармония в универсальной системе управления «цель — средства — результат». Пренебрегаются морально-этические нормы в отношениях между природой и обществом, между обществом и человеком, между индивидуальными творческими личностями.

Термин «этика» в переводе с греческого языка означает «привычка», «обычай», которым руководствуются при организации деятельности. Этика экономической деятельности — это деловая этика, представляющая собой систему морально-нравственных правил, которыми руководствуются бизнесмены в экономической деятельности, или, иными словами, систематизированные правила поведения людей, вступающих в деловые отношения и связи. Такие отношения и связи являются лишь одним из элементов экономических отношений. Экономическая деятельность организуется на основе существующих государственных

(социальных), правовых и экономических принципов. Приоритеты этих принципов устанавливает сам предприниматель. Поэтому качество деловой этики в бизнесе полностью зависит от личностных и профессиональных качеств самого предпринимателя.

В мировой практике рыночных отношений этика бизнеса охватывает пять видов деятельности. Первый предполагает применение универсальных моральных принципов поведения в обществе. Второй связан с индивидуальными качествами бизнесмена, его морально-нравственными характеристиками, такими как профессионализм, честность, ответственность. Третий — с морально-этическими принципами поведения в деловой среде фирмы, то есть поведения по отношению к собственности, труду, партнерству, конкуренции. Четвертый — с выбором принципов и методов организации коммерческой деятельности, то есть с той или иной теорией организации фирмы. Пятый — с принципами оценки результатов своей деятельности, то есть с партнерами и потребителями. Все перечисленные виды деятельности в бизнесе характеризуют возрастание роли «человеческого фактора» в экономической деятельности, свидетельствуют о том, что всю ответственность за результаты деятельности несет сам человек. Следовательно, формирование нового качества российского бизнеса объективно взаимосвязано с развитием системного экономического мышления.

Под системным экономическим мышлением следует понимать способность человека к синтетическому восприятию всех объектов или субъектов как системных элементов целого социально-экономического образования и осознанному пониманию наличия многообразия связей и отношений между миром природы, человека и общества. Оно является лишь одним из элементов целостного системного мировоззрения, которое в новом веке доминирует как новое научное профессиональное знание в области экономической деятельности. Основными принципами такого мировоззрения становятся:

- целостность бытия и познания;
- междисциплинарность профессиональных знаний;
- системность, то есть наличие объективных связей и отношений между всеми объектами экосистем;
- учет нелинейной информационной взаимосвязи между целью, средством и результатом;
- этика деловых отношений между партнерами;
- нравственность экономического поведения по отношению к потребителю и обществу в целом.

Под экосистемой понимается целостная система факторов, обеспечивающая качественные изменения в жизнедеятельности каждого человека. Системообразующим фактором является сам человек, его образовательный и культурный уровень, проявляющийся в современном системном мышлении. ЭКОлогия и ЭКОномика имеют один корень — ЭКО (oikos — «обиталище»). Информационная связь корневой сущности терминологии имеет на сегодняшний момент фундаментальный характер, который раскрывается в единстве научных знаний о процессах обмена ресурсами в системах разной природы. Дифференциация предметных знаний не позволяет воспринимать достаточно объективно процессы производства и их результаты как единую природную систему обмена. Результатом этого разделения является потеря нравственно-этических ориентиров ресурсного обеспечения экономики, которая проявляется в социальных, экономических и экологических кризисах.

Системный анализ мировой истории развития бизнеса позволяет охарактеризовать этот процесс как системное экономическое явление, связанное с целым рядом понятий: собственность, право, мораль, этика, профессионализм и деловая культура отношений между государством, предпринимателями, потребителями и общества в целом.

С одной стороны, бизнес — это общественно полезная деятельность, направленная на удовлетворение многообразных потребностей общества. С другой — экономическая деятельность собственника с целью получения прибыли. С третьей стороны, бизнес — это форма деловых отношений в экономике.

Целевая функция организации бизнеса — получение прибыли в условиях рынка в сфере материального производства или общественных услуг. С точки зрения системного подхода формулирование цели предполагает характер конечного результата деятельности бизнесмена. Результат любой экономической деятельности может быть оценен по двум основным критериям: количеству и качеству. Если количественная оценка бизнеса в основном имеет профессионально-экономический характер и является личным делом собственника, то качество бизнеса может быть оценено лишь на уровне социально-экономического окружения — потребителей и общества в целом.

Качественные характеристики такого результата могут быть оценены лишь вне самой системы, с точки зрения окружения (потребителя). Поэтому качество бизнеса можно оценить только на основе многокритериальной оценки, включающей социальные, правовые, экологические и другие характеристики. Однако процесс получения искомого результата

требует уже соответствующих средств, ресурсов и профессиональных знаний. К сожалению, следует отметить, что прошедший период формирования рыночных атрибутов российской экономики не изобилует многочисленными примерами создания качественного российского бизнеса — скорее, наоборот. Российский бизнес часто характеризуют как агрессивный или криминальный.

Качество бизнеса — системная категория, которая включает не только количественные параметры деятельности, но и качественные характеристики тех людей, которые участвуют в организации коммерческой деятельности. Поэтому следует констатировать, что ка-

чественный бизнес может сформироваться в России только при условии изменения качества профессиональной подготовки бизнесменов. Ибо образование всегда первично по отношению к профессиональной деятельности. В России необходимо создавать свои школы бизнеса, которые должны не копировать западные стандарты, а учитывать национальные традиции социальной направленности российского предпринимательства. Нужно помнить что «делать деньги» можно разными методами и с использованием разных средств, но во всем мире признан экономически эффективным лишь профессиональный и безупречный бизнес.

С. П. БЕЗНОСОВ,

профессор кафедры государственного права СПбГУП, доктор психологических наук

КУЛЬТУРА ЮРИДИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В цивилизации имеет право на существование, сохранение и развитие множество самых разнообразных культур. Каждая из них отличается своеобразием и самобытностью и, тем самым, непреходящей ценностью. Это положение справедливо для всех видов и типов культур: поведенческой, образцовой, песенной и танцевальной, манер и традиции оформления собственной внешности и жилищ и т. п. Но, думается, что существует особый тип культуры, который обладает свойством всеобщности и универсальности, это культура мышления. Она либо есть, либо ее нет. Она едина для всех этносов и континентов, для всех времен и народов. Могут существовать разные логики рассуждений: «восхождения от абстрактного к конкретному», «систематического уточнения» и так далее, но законы этих логик должны быть едины для всех, в том числе для представителей разных профессий с их спецификой предметного содержания. Поэтому культура любого профессионального мышления — юридического, философского, политического — должна соответствовать одним и тем же методологическим требованиям.

К сожалению, ни в одном учебном заведении нет специального учебного предмета, который был бы направлен на формирование мыслительной культуры. Молодых людей обучают культуре поведения, дают знания и формируют навыки санитарно-гигиенической культуры, преподают азы культуры профессиональной практики, экологической культуры и так далее, но не культуры мысли. Зато

широко распространен миф, что математика и латынь якобы дают общие, универсальные умения дисциплинированно мыслить. Конечно, это заблуждение. Потому что и то, и другое очень ограничено своим специфическим предметным содержанием и имеет весьма относительное, отнюдь не универсальное отношение к жизни и деятельности людей.

В огромном мире профессий, который живет и развивается по своим законам, имеются самые разные специальности, адекватную типологию которых еще предстоит уточнить и совершенствовать. Отжившие профессии отмирают и появляются новые. Что касается юриспруденции, то это одна из старейших профессий. Юридические факультеты имелись в самых первых университетах мира. «Древность» юриспруденции объясняет в некоторой степени сложившуюся инерционность практики и недостаточную, на наш взгляд, «мощность» понятийного аппарата и, соответственно, теоретической деятельности.

Это один из немногих профессиональных цехов, где издавна принято обсуждать нормы культуры доказывания, алгоритмы и процедуры исследовательской (следственной), проектировочной, нормотворческой и преподавательской деятельности. Например, в юридической психологии одним из самых обсуждаемых и анализируемых разделов является именно «психология следственных действий», что объясняется двумя причинами. Во-первых, результаты работы следователей (на стадиях досудебного и судебного процесса) напрямую оказывают свое влияние на судьбы людей.

И во-вторых, именно здесь обнаруживается и осознается наибольшее количество ошибок в мышлении. Примеры нарушений в логике и культуре мышления часто встречаются и в практической, и в теоретической юридической деятельности. Перечень игнорирования культурных норм мысли хорошо известен. Он описан во многих критических и аналитических работах самих юристов-теоретиков: субъективизм, волюнтаризм и т. п.

Существует одна специфическая особенность, давно подмеченная самими юристами, характерная только для юриспруденции: «Если есть два юриста, то всегда будут три разных мнения!» Сейчас в России по многим телевизионным каналам идут передачи, имитирующие судебные процессы («Федеральный судья», «Суд идет» и т. п.). Автор специально интересовался мнением знакомых юристов о том или ином приговоре или вердикте, который провозглашал телевизионный судья — профессиональный юрист. Итог: ни один юрист ни разу не согласился с доводами и выводами, которые звучали в конкретном судебном процессе!

Подобное невозможно ни в какой другой профессии. Например, если два врача не смогут договориться о тактике лечения конкретного больного, то истину всегда установит либо результат лабораторного эксперимента, либо патологоанатом.

Причин этой специфики юридического труда несколько. Разумеется, возможности полноценно использовать эксперимент как метод познания здесь явно ограничены. Нельзя даже в следственном эксперименте требовать от подсудимого еще раз изнасиловать потерпевшую точно таким же образом.

Юриспруденция — это, пожалуй, единственная сфера профессиональной деятельности, где правильным и истинным признается то, что сложилось в человеческой практике — судебной, следственной, преподавательской и других видах юридической деятельности. Ясно, что сама практика правоприменителей складывается стихийно и хаотично без необходимых и полноценных методологических обоснований. Возведение прецедента в принцип аргументации и доказывания возможно только в юриспруденции.

Часто авторы юридических текстов обращают мало внимания на специфику того мыслительного средства, которое они используют в своих рассуждениях, — на понятия, категории, термины. Допускаются элементарные логические ошибки и в таком простейшем умственном действии, как классификация, группировка, типология. В подобных текстах можно найти многочисленные цитаты, страдающие абсолютной необоснованностью и ярки-

ми субъективизмом и волюнтаризмом. Порой создается впечатление, что некоторые авторы не знакомы ни с современной общей теорией деятельности, ни с теорией мыслительной деятельности, ни с гносеологией. Впрочем, это, к сожалению, характерно и для представителей других профессий.

Весьма полезно было бы обратить внимание на достижения и других наук — семиотики, теории познания, методологии и т. д. Часто многие из них грешат вольным обращением с такими понятиями, как «значение» и «смысл». Встречаются утверждения, в которых серьезно обсуждается вопрос: каким именно смыслом руководствовался законодатель, принимая тот или иной закон. Хотя известно, что *смыслы* в отличие от *значений* принципиально не транслируются.

Казалось бы, назрела необходимость в процессах подготовки юристов ввести специальные учебные курсы, которые смогли бы существенно улучшить их культуру мышления, обратить внимание на современные достижения цивилизации в этих областях познания. Однако даже некоторые видные юристы в частных беседах высказывают противоположное мнение. Они считают, что пока нет необходимости в более глубоких разработках методологических и гносеологических проблем юридической деятельности — по разным причинам. Одна из причин заключается, по их мнению, в слабой подготовленности нынешних правоприменителей. Получается заколдованный круг.

Современная система подготовки специалистов в отечественных вузах напоминает конвейер, когда через каждые полтора часа очередная учебная группа как некая заготовка, полуфабрикат поступает в распоряжение узкого специалиста, который привинчивает к этой заготовке еще одну деталь, еще одну собственную порцию информации. Так группа из года в год переходит от одного профессора к другому, от одной кафедры к другой. Существуют специальные «технологические карты» подобной «обработки деталей» — учебные планы и программы. Образовательное учреждение становится неким производством, в котором обсуждаются планы, цифры, внебюджетные доходы и пр. А что происходит с мышлением, с социальным и культурным становлением нового поколения — разве об этом можно говорить в рамках производственного цикла? Тем самым образование теряет функцию культурного посредника и скорее выполняет функцию института социальной и государственной защиты и информационного справочника, по которому готовят в лучшем случае предметников-специалистов, не обладающих профессиональным гуманитарно

ориентированным мышлением. Большая часть учебного времени в вузах тратится на лекции и семинары, то есть на те формы обучения, которые монологичны, требуют физического присутствия преподавателя. Крайне мало применяются тренинги, мастерские, тренажеры, игры, проектирование и программирование, коллективные формы взаимодействия. В то время как именно такие формы призваны сдвинуть с места консервативную машину-конвейер высшего образования.

Гуманитарные предметы преподаются по старинке, в то время как именно они отвечают за развитие мышления будущих специалистов. Соответственно, должны использоваться гибкие формы коллективной и групповой работы, практика рефлексивной и проекционной работы. От этого зависят такие навыки, как умение слушать и слышать, понимать, строить рефлексию, проектировать,

вести переговоры, вступать в диалог, вести дискуссию, участвовать в ролевом обсуждении, уметь переносить знания из одного предмета в другой (предметный и метапредметный трансфер). Подобный блок умений и навыков составляет базу гуманитарного образования.

От конвейерной системы надо переходить к другим моделям образования, где формирование культуры мышления как универсального типа культуры стало бы приоритетным. В этих моделях каждый преподаватель должен быть озабочен не только передачей своих предметных знаний, но и обучением культуры мысли, нормам обращения со средствами мышления. Сейчас для этого разработаны специальные педагогические технологии: мыслетренинги и организационно-деятельностные игры, эффективность которых намного превосходит лекционную форму.

Б. П. БЕЛОЗЕРОВ,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права СПбГУП,
кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор

ИНТЕРНЕТ И КУЛЬТУРА

Интернет — это глобальная информационная сеть, части которой логически взаимосвязаны друг с другом посредством единого адресного пространства. Интернет состоит из множества взаимосвязанных компьютерных сетей и обеспечивает удаленный доступ к компьютерам, электронной почте, доскам объявлений, базам данных и дискуссионным группам. Использование информационной сети, безусловно, является одним из достижений правовой свободы — каждый пользователь имеет возможность получать необходимую информацию. Интернет предоставляет и другую правовую возможность — разместить на сайтах свою информацию.

Возможности Интернета в области культуры и искусства чаще всего трактуются с точки зрения расширенного информационного обеспечения культурного процесса. Однако этот важный аспект далеко не исчерпывает проблематику, связанную с включением нового качества общения и богатейших информационных ресурсов в культурную жизнь. Влияние Интернета на культуру личности, национальные культуры и мировое культурное пространство сложно и неоднозначно. Глобальные информационные сети преимущественно используются для передачи конкретных сообщений, в том числе о культурных событиях и явлениях, однако это

усиливает распространение культурной информированности, но не способствует культурной образованности. Подавляющее большинство web-страниц и web-сайтов о культуре построены по принципу «Что? Где? Когда?» или имеют рекламный характер. В то же время Интернет является важным элементом культуры, имеет большие возможности для распространения культурной информированности, то есть повышения качества общения с художественными и иными культурными ценностями. Так, его пользователи имеют возможность ознакомиться со многими достопримечательностями нашей страны, увидеть памятники зодчества и богатейшие коллекции живописи.

Одним из лучших ресурсов, посвященных музеям, по праву считается сайт Эрмитажа (www.hermitage.ru). Здесь можно ознакомиться с богатейшей коллекцией музея, насчитывающей около 3 млн произведений искусства и памятников мировой культуры, начиная с каменного века и Древнего Египта и заканчивая современным авангардом. Есть возможность совершить виртуальные экскурсии по залам, рассмотреть поближе экспонаты и даже полюбоваться с крыши Зимнего дворца видом на Стрелку Васильевского острова, Дворцовую площадь и Исаакиевский собор.

Выделяется своим дизайном сайт Русского музея (www.rusmuseum.ru). Его коллекция насчитывает около 400 тыс. экспонатов, а в экспозиции представлены произведения всех основных направлений и школ отечественного изобразительного искусства.

Интерес представляют сайты, посвященные региональным музеям. Все это позволяет увидеть, пусть виртуально, шедевры русской и мировой культуры, проследить этапы развития различных направлений культурного наследия, их сохранность и содержание. Однако виртуальное знакомство с музейными экспозициями делает человека пассивным, ленивым. Ему легче ознакомиться с компьютерной информацией, чем сходить в музей, да и в театр. Именно поэтому среди посетителей музеев редко увидишь молодых юношей и девушек. Они сами себя лишают живого общения с экскурсоводом, созерцают лишь музейный экспонат и не более.

Посредством Интернета можно ознакомиться и с литературными произведениями. Но это будет не взвешенное, проникновенное чтение, а беглый просмотр отдельных сюжетов. Тем более что проведенное по инициативе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов развернутое исследование среди старшеклассников школ города показало, что любовь к чтению художественной литературы с каждым годом падает, а сами тексты на сайтах отличаются большим количеством ошибок. Учителя с тревогой отмечают, что имеющаяся возможность доступа не способствует повышению успеваемости и не становится средством повышения культуры. С каждым годом общий образовательный уровень и грамотность школьников падает.

В последние годы появилось много сайтов, где представлены музыкальные произведения, причем не классическая музыка, а «попса», не повышающая культуру, а наоборот, отвергающая ее. Британские социологи и психологи, исследовавшие влияние на человека современной музыкальной интернет-индустрии, выявили довольно интересные результаты. Ученые пришли к выводу, что скачивание музыкальных композиций из Интернета имеет негативные последствия. Так, к примеру, у слушателей притупляется чувство прекрасного, ибо пользователь начинает относиться к музыке не как к произведению искусства, а как к продукту потребления. Люди все больше предпочитают цифровую музыку живым выступлениям исполнителей.

Ведется ли борьба с ограничением доступа, и прежде всего несовершеннолетних, к сайтам, отличающимся бескультурьем, пошлостью, пропагандирующим насилие? Да, какие-

то меры принимаются. В период с 2001 по 2004 г. в рамках Федеральной целевой программы «Развитие единой информационной среды» Министерство образования России разрабатывало меры по защите детей от возможного негативного влияния Интернета. По мнению большинства, здесь нельзя ограничиться только разъяснительной работой с педагогами и родителями, нужен закон, ограничивающий свободный доступ несовершеннолетних к Сети. Как утверждает Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II, Интернет «может как обогатить знаниями, так и развратить». Такой вывод не безоснователен. По статистике на каждом третьем сайте есть ссылки на порно-сайты. Есть и такие, на которых представлен словарь русского мата, сцены насилия. Причем их авторы не несут ответственности за возможные последствия просмотра.

К сожалению, Интернет используется нередко в противоправных целях: шантаж, угрозы, оскорбления и т. д. Здесь можно увидеть материалы, компрометирующие какого-либо государственного чиновника, политического лидера или просто известную личность.

В ряде стран применяются жесткие меры по ограничению вредных последствий Интернета. Например, в Китае на три месяца приостановлено открытие новых интернет-кафе, и власти проводят широкомасштабную проверку в уже действующих. Как заявил министр информации Китая, «нельзя игнорировать влияние Интернета на молодежь и развитие общества».

Итак, Интернет можно и нужно рассматривать как элемент культуры, так же как и использование его возможностей для распространения культурной информированности и образованности. Но пользователей, прежде всего молодых, следует серьезно готовить к умению отбирать материал для своих научных, образовательных и культурных программ, учить как собирать, обобщать, анализировать ту информацию, которая поможет в профессиональном, духовном, культурном росте.

С. А. БОГОЛЮБОВ,заместитель председателя редколлегии Журнала российского права,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

КУЛЬТУРА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Элементом и объектом влияния культуры является российское право, тесно связанное с экономическими и социальными процессами, испытывающее влияние общего континентального и обычного права и глобализации, сохраняющее свою самобытность, имеющее целью обеспечение интересов граждан, общества, государства.

В развитии современной цивилизации обеспечение правопорядка с помощью нормативных актов занимает значительное место. Эффективность действия этих актов определяется уровнем их подготовки, обсуждения, характером рассмотрения, одобрения, доведения до сведения исполнителей. Немаловажное значение имеет культура законодательной техники, формирующейся столетиями, вбирающей как национальный, так и международный опыт. Закономерностям правотворческой техники посвящено немало работ, исследований, в том числе диссертационных.

Обращение к культуре и некоторым правилам законодательной техники обусловлено тем, что количество законов возрастает, а их действенность, по общему признанию, снижается. Становится ясно, что возрастание числа регулирующих общественные отношения нормативных правовых актов вовсе не означает автоматически прибавку качества функционирования правовой системы.

Следует всесторонне готовиться к разработке и принятию нового закона, каждый из которых должен быть событием в общественной жизни, поворотным явлением в группе однородных проблем. Это означает инвентаризацию нормативно-правовой базы, существующей по намечаемому предмету регулирования, выяснение ее отрицательных и положительных сторон, причин слабой эффективности.

Для действия нормативного правового акта нужен срок, необходимый для изучения и освоения акта должностными лицами и иными правоприменителями, внедрения его в практику, накопления опыта соблюдения, начала анализа и обобщения с целью устранения возможных пробелов, противоречий, коллизий и иных недостатков.

В условиях активного правотворчества могут возникать некоторые нестыковки внутри законодательства, которые могут приводить к внесению изменений и дополнений в закон. По такому пути идут многие развитые страны, дорожащие стабильностью и эффективностью своего законодательства. Это требует тщательной инвентаризации норм изменяемого акта на предмет уяснения его места

в правовой системе, осторожного вмешательства в его концепцию и структуру, соблюдения правила «не навреди».

Если таких изменений накапливается достаточное количество, а анализ применения обсуждаемого акта «вопиет» о необходимости нового его качества, то готовится новая редакция с тем, чтобы не разрушая предыдущую конструкцию, внести в нее такие дополнения, которые и сохраняют лучшее, и сделают акт более современным, эффективным, направленным на решение новых, обусловленных меняющейся социально-экономической ситуацией задач.

Есть и третий вариант законодательной техники — подготовка и принятие совершенно нового федерального закона на ту же тему. Это рекомендуется делать при смене социально-экономического направления развития страны, качественного изменения политической обстановки и конституционного строя, при диаметральной повороте дальнейшего движения общества и государства.

Некоторые современные реформаторы приступают поначалу именно к созданию нового федерального закона, предполагая обозначить им новую эру общественных отношений, новую правовую, прежде всего законодательную, реформу. Иногда общественности удается убедить разработчиков отказываться от этого, имея в виду намерение и необходимость продолжения в основном того курса реформ, который был выбран и обозначен российской элитой пятнадцать лет назад.

Разработчики новых проектов, обозначая новый этап реформ, обнаруживают обычно несколько целей современного коренного изменения российского законодательства.

Во-первых, предлагается устранение декларативных «неюридических» положений, что с точки зрения правовой культуры является вполне обоснованным и постепенно осуществляется, хотя не так быстро, как хотелось бы. Пропагандистские традиции в законодательстве восходят ко второму десятилетию XX в., когда программы и цели надо было доводить до населения с помощью декретов. В тексте современных законов деклараций сравнительно с другими предыдущими федеральными законами становится все меньше, наступил период избавления от рекламных законодательных положений.

Совсем отказываться от провозглашения принципов и концепций в законодательстве не следует; порой, когда они порождают правовые последствия, на них основывается и по-

следующее законотворчество, и даже судебная и административная практика. Но излишняя декларативность и расплывчатость законов мешают их неуклонному и неукоснительному применению, ослабляют их четкость и категоричность.

Вторым направлением деятельности разработчиков является устранение дублирования государственных органов, разграничение и уточнение полномочий Федерации и ее субъектов. В период совершенствования и обновления Федерации это направление считается весьма актуальным и заслуживает повышенного внимания: «у семи нянек дитя без глаза» — гласит пословица, и нынешнее состояние, например, лесов свидетельствует во многих случаях об их неустроенности, разрозненности лесного управления, неупорядоченности лесоустройства и лесовосстановления.

В нормах действующего Лесного кодекса РФ, однако, предусматриваются полномочия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и их разграничение в области использования, охраны, защиты лесного фонда и воспроизводства лесов, принципы государственного управления, органы исполнительной власти Российской Федерации и органы исполнительной власти ее субъектов, осуществляющие государственное управление в указанных областях. Естественно, возможны уточнения. Взвешенность в изменении их баланса крайне необходима, чтобы впоследствии не упрекать в поспешности и непродуманности решений.

Культура законодательной техники предполагает выяснить по данному вопросу, являются ли самовольные вырубки и постоянные перерубы, лесные пожары и болезни, захламление лесов и иные лесные правонарушения, в том числе беспощадный вывоз пиловочника за границу, следствием несостоятельности законодательства или результатом перманентных реорганизаций лесной службы, недостатков внимания к лесной охране, итогом коррупции? На этот вопрос должны дать ответ общественные обсуждения и мнения, публичный анализ правоприменительной практики, сопоставление ее с законодательными и общественными требованиями. При их отсутствии простое изменение слов и предложений в законе не только не принесут успеха, но навредят: общественные ожидания в очередной раз окажутся напрасными и еще более посеют неверие в закон. Здесь важны скорее организационно-экономические меры, улучшение морального и социального климата вокруг лесов как всеобщего достояния, как основы жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории согласно ст. 9 Конституции РФ.

Наконец, перестройка экономики требует закрепления и развития гражданско-правовых, имущественных отношений, предусмотренных Конституцией РФ прав частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности, которые могут распространяться на природные ресурсы. Это направление также заслуживает внимания законодателя, поскольку полномочия собственника позволяют рачительно использовать и рационально распоряжаться природными объектами как своеобразным видом имущества.

Либеральные концепции прав человека порой игнорируют евразийский подход их сочетания с обязанностями граждан и государства перед законом, поскольку соблюдение прав личности неотделимо от соблюдения прав социума, что не может не порождать соответствующие обязанности каждого. Законы принимаются не государством, а представительными законодательными органами, созданными на основании выборного законодательства народом. Государство также призвано подчиняться закону, быть его основным механизмом применения, обязано выполнять возложенные на него функции.

Не соответствуют культуре правотворчества его спешка, попытки быстрого насаждения чужих моделей и внедрения новых правовых институтов, которые поначалу оказываются нежизнеспособными, требуют определенного времени и труда для своего приживания на российской почве. Трансплантация зарубежных наработок, оправдавших себя за десятилетия, является целесообразной и может осуществляться с предварительным или одновременным выращиванием сопутствующих условий и обстоятельств. Так, перевернувшая в ряде стран экологическую и экономическую ситуацию обязательная оценка воздействия каждого проекта на окружающую среду (ОВОС) два десятилетия пробивает у нас дорогу, но наталкивается на трудности опубликования и иных способов оглашения ОВОС, проведения и фиксации публичных слушаний, обжалования принятых по проектам решений в суде и др.

Российский законодатель совместил применение ОВОС с обязательным проведением государственной экологической экспертизы (нашим изобретением), включив первое во второе и обеспечив таким образом толерантность правовых институтов в законотворчестве и надлежащее дальнейшее развитие экономики страны.

Таким образом, внимание к правовой культуре общества и особенно к культуре законотворчества служит наглядным примером продолжения идей Д. С. Лихачева, призванных способствовать обеспечению, как сказано в преамбуле Конституции, благополучию и процветанию России.

В. Ю. ВОБЛИКОВ,

ведущий специалист научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского
им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕХАНИЗМА ПО КОНТРОЛЮ ЗА ВЫБОРАМИ

Политическая практика последних лет убедительно показывает, что выборы в государственные органы различных стран перестают быть делом исключительно внутригосударственным. Достаточно вспомнить такие события, как выборы президента и Верховной рады Украины (2004, 2006 гг.), выборы в парламент Палестинской автономии и ряда других стран, чтобы признать тот факт, что роль международного сообщества в этих процессах будет возрастать. При этом совершенно очевидно, что эта роль должна носить только позитивный характер, направленный на устойчивое развитие демократических стран. Это актуализирует проблему создания надежного международного механизма, который бы перевел в *правовую* плоскость действия наиболее активных участников в этой сфере. Отсутствие такого механизма приводит к субъективизму, произвольному вмешательству одних государств в дела других, ничем не обоснованным претензиям и требованиям, то есть к тому, что носит название «политики двойных стандартов». Последствия такой политики прямо противоположны заявляемым целям.

Главный вопрос заключается не в том, будет ли создан международный механизм по контролю за выборами (в этом сомневаться не стоит), а в том, какими будут для России результаты его функционирования. Чтобы не оказаться «за бортом» и реализовать свой интерес, внешняя политика России должна решать задачи по организации работы и активному участию в создании такого механизма. В этом плане помимо организационно-практических вопросов требует ответа и ряд теоретических проблем. Основная из них — как «вписать» данный механизм в теорию народного суверенитета и право народов на самоопределение.

Суверенитет является основополагающим условием возникновения и реализации народом избирательной власти. Без него невозможно функционирование механизма формирования органов государственной власти. Согласно праву народа на самоопределение, он собственным усмотрением выбирает лиц, коим поручает представительство его общих интересов и поручает претворение их в жизнь¹. Никто не вправе вмешиваться в осуществ-

ление избирательной власти путем различного рода манипуляций или прямого насилия.

В связи с этим необходимо отметить проблематичность конструкции суверенной власти и категории «суверенитет» в современном государствоведении. Как указывает Б. С. Эбзеев, современное видение природы суверенитета несовместимо с теорией так называемого абсолютного суверенитета, по которой суверен не ответствен и не несет никаких обязанностей. Подобное истолкование суверенитета неприемлемо для характеристики демократической правовой государственности. Главенство и полновластие народа, его независимость носят правовой характер, а следовательно, «абсолютная» власть народа есть правовая власть. Отсюда, в том числе, следует, что суверенная власть народа не стоит над правом². Поэтому не стоит над правом и избирательная власть.

И с точки зрения естественно-правовой, и с позиции позитивистской доктрины, продолжает Б. С. Эбзеев, воля народа не может легитимировать разрушение сложившегося правопорядка или санкционировать анархию и разрушение социума. Иначе говоря, утверждение, что нет ничего, что бы не было для народа, ведущего государственно-организованную жизнь, юридически невозможно, не имеет под собой сколько-нибудь серьезных оснований; речь при этом идет именно о пределах народного суверенитета, а не об ограничениях суверенности народа государством³.

Академик В. С. Нерсесянц подчеркивает, что вопрос о пределах народного суверенитета стал возможен в рамках наметившегося перехода от прежней силовой концепции государственного суверенитета к современной правовой концепции государственного суверенитета⁴.

В настоящее время Б. С. Эбзеевым выдвигается тезис, согласно которому народный суверенитет характеризует качественную сторону власти народа; народный суверенитет есть скорее не сама власть, а важнейший

² Эбзеев Б. С. Диалектика индивидуального и коллективного в организации социума и ее отражение в Конституции (К методологии исследования) // Государство и право. 2004. № 2.

³ Там же.

⁴ Нерсесянц В. С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // СОЦИС. 2001. № 10. С. 3–15.

¹ Мамут Л. С. Народ в правовом государстве. М., 1999. С. 66.

организационно-политический и функциональный принцип конституционного строя государства, реализация которого обеспечивает верховенство и полновластие народа¹. Чтобы обеспечить эффективное функционирование государства, суверенитет народа должен иметь правовые ограничения.

Обязаны ли другие государства безусловно признавать выраженную в результате выборов волю народа конкретного государства? По этому поводу в литературе отмечено, что верховная власть есть в государстве, тогда как независимость государства от других государств далеко не всегда имеет место, понятие суверенитета связано с верховенством власти, а не с ее независимостью. В данном случае имеет место не ограничение суверенитета народа, а лишь одна из адекватных и надлежащих форм осуществления им своих правомочий в рамках правовой концепции — государственного суверенитета².

Таким образом, избирательная власть народа, выраженная на выборах, имеет двойственную природу. С одной стороны, она является единственно возможным источником формирования парламента в правовых государствах, обеспечивая воспроизводство и сменяемость этого института представительной демократии. С другой стороны, что не менее важно, эта власть не может посягать на сами принципы демократического устройства государства.

Иными словами, согласно К. Ясперсу, неприкосновенность политической свободы в обществе не должна нарушаться исходом выборов и результатом голосований, чтобы демократия не была уничтожена демократическими средствами, а свобода не была изгнана свободой³. По его словам, необходимы такие инстанции, которые могут вступить в силу, если избранное на основе большинства голосов правительство на мгновение забывает об основных требованиях всеобщей политической свободы: плебисцит, заседания суда, устанавливающие конституционность принятых решений⁴.

Однажды введенная диктатура не может быть устранена изнутри. Все попытки достигнуть этого в Германии и Италии потерпели неудачу, поскольку принципиально невозможно остановить почти автоматически самосохраняющуюся машину⁵. Поэтому формирование национальных парламентов перестает быть делом сугубо внутригосударственным и становится сферой жизненно важных интересов международного сообщества.

Характерен в связи с этим пример, который дала европейская практика последних лет. В 1999 г. в Австрии прошли свободные парламентские выборы, в результате которых второе место заняла Свободная партия Австрии (СвПА), идеологической платформой которой был неонацизм. Несмотря на возмущение многих австрийцев, включая президента Клестила, эта партия в коалиции с Австрийской народной партией (АНП) вошла в правительство страны, а само правительство возглавил ее лидер, неонацист Йорг Хайдер.

Другие государства Европы отреагировали на это крайне негативно. Они решили прервать двусторонние отношения с Австрией, и, вопреки отдельным возражениям, провели эту линию, в результате парламентская коалиция не состоялась, и Йоргу Хайдеру пришлось подать в отставку⁶.

Необходимо установить определенные критерии, исходя из которых международное сообщество может признать (не признать) выраженную на парламентских выборах волю народа конкретного государства, а также разработать международно-правовые процедуры такого признания. Это означает, что правовое оформление возрастающей роли международного сообщества на указанные процессы станет дополнительной, хотя и не безусловной, гарантией соблюдения демократических стандартов при проведении парламентских выборов. С другой стороны, определение правовых рамок предотвратит произвольное вмешательство одних государств в дела других под прикрытием защиты избирательных прав.

В настоящее время указанный механизм в целостной форме еще не разработан: отдельные его положения в виде избирательных стандартов встречаются в Международном Билле о правах человека и других актах⁷. Однако проблема не исчерпывается только установлением избирательных стандартов — необходимо принятие целостного конвенционного международного акта, регулирующего весь комплекс указанных отношений.

Принятие такого акта позволит, во-первых, создать международную правовую систему гарантий реализации избирательной власти народами конкретных государств, а во-вторых, исключит предвзятость и волюнтаризм отдельных государств, их коалиций или международных организаций в вопросе функционирования институтов непосредственной демократии.

¹ Эбзеев Б. С. Указ соч.

² Нерсесянц В. С. Указ соч.

³ Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. 2-е изд. М., 1994. С. 178.

⁴ Там же. С. 179.

⁵ Там же. С. 218.

⁶ Валлерстайн И. Альбатрос расизма: социальная наука, Йорг Хайдер и сопротивление // СОЦИС. 2001. № 10. С. 36

⁷ Вешняков А. А. Избирательные стандарты в международном праве и их реализация в законодательстве Российской Федерации. М., 1997.

В. К. ВОРОБЬЕВ,

доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Социально-экономические преобразования, с одной стороны, создают трудности для образования, науки и культуры, с другой стороны, предъявляя новые требования, инициируют изменения в этих сферах в интересах новых реалий экономики и общественного развития.

Что же произошло в социально-экономическом развитии России за последние десятилетия?

— Разрушение крупнейшей в мире моноидеологической империи — СССР — оплота и финансовой основы «лагеря социализма»;

— разрушение административно-хозяйственных механизмов управления страной;

— крах плановой экономики с государственным регулированием;

— разрушение государственной монополии на сырьевые ресурсы, транспорт и ведущие отрасли промышленности;

— массовое разгосударствление большинства предприятий страны с использованием механизма «чековой приватизации»;

— разрушение привычных идеалов, отсутствие новых ориентиров развития общества;

— появление сепаратистских тенденций в некоторых регионах России;

— население лишилось основных государственных гарантий в области труда, обеспеченности жильем, здравоохранения и образования;

— низкие заработная плата и пенсии основной части населения России создали неуверенность в завтрашнем дне и недоверие к власти;

— многопорядковый разрыв в уровне доходов малой части богатых и остального большинства россиян;

— обострение различных (в том числе национальных) противоречий;

— появление демографических проблем как следствие предыдущих.

Поняв и оценив последствия и значимость произошедшего в стране, необходимо разобраться в перспективах дальнейшего развития общества, его культуры, образования и науки на ближайшую перспективу. Однако легко поставить вопрос, но гораздо труднее получить ответ. Важно решить возникшее противоречие между желанием иметь грамотное и культурное население с высокими моральными и этическими идеалами и отсутствием четкой концепции развития общества, в том числе в области культуры и образования. Также встает вопрос приоритетности:

служат ли культура, наука, образование интересам экономики — или экономика должна обеспечить предпосылки и условия для развития и повышения интеллектуально-культурного уровня основной части населения? Естественным ответом может быть только один — экономика и интеллект нации должны развиваться параллельно и в полном взаимодействии одного с другим. Однако в реальной жизни их связь и взаимовлияние не проявляются вполне отчетливо. Переход к рынку в России начался и продолжается без учета проблем и состояния культуры и образования, без рассмотрения выводов и рекомендаций представителей науки, без учета прогноза влияния состояния культуры и образования на исход рыночных реформ.

К сожалению, исторически все реформы в России осуществлялись сверху. И сегодняшние преобразования не исключение: политический выбор и воля правящей элиты государства определили направления и характер преобразований в социально-экономической сфере России. В этом можно усмотреть и плюсы и минусы. Плюсы в использовании огромных ресурсов власти и централизованном учете потребностей государства и мирового сообщества; минусы — в психологической неподготовленности общества к проведению реформ и неспособности элиты выработать понятную идею развития общества, которая бы оправдала и объяснила получаемые Россией преимущества, то есть те самые плюсы, о которых сказано выше.

Задача государства в этих условиях — выработать идейные установки, опирающиеся на научно обоснованные теоретические концепции и сделать эти установки приемлемыми и понятными для населения. Это помогло бы населению адаптироваться в сложившейся ситуации, а властной элите оказало бы неоценимую помощь в управлении государством и людьми, в определении и проведении внутренней и внешней политики.

Культура, состоящая из искусства, литературы, науки, просвещения и религии, включает также и поведенческую или бытовую культуру человека, состояние общественной морали. Поэтому на все эти составляющие необходимо обращать повышенное внимание и стремиться к их постоянному развитию. Без этого нельзя ожидать прогрессивного развития общества и экономики.

Человек всегда был и навсегда останется центром развития социально-экономических

отношений. Нельзя ориентироваться только на стихийные силы самосохранения и полагаться на способность российского человека выживать в самых трудных условиях. А может быть и не стоит создавать этих искусственных трудностей для собственного народа и со стороны своего благополучного положения спокойно наблюдать, как он с трудностями справится?

Государство, правящая и финансово-промышленная элита, средства массовой информации и различные институты гражданского общества располагают наиболее широким

арсеналом возможностей и средств для улучшения состояния культуры и нравственности общества, за соблюдение общих интересов (в том числе и своих собственных), всемерно способствовать утверждению нравственных критериев как в политике, так и в экономике, а также в быту людей. Именно государство должно стать примером нравственности в политике и экономических реформах, примером внимательного отношения к культурному наследию, науке, образованию и искусству, к мнению и нуждам российского общества.

Я. И. ГИЛИНСКИЙ,

декан юридического факультета Балтийского университета экономики и права, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

«ВСЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ РАЗУМНО»

Во все времена люди тщетно пытались ликвидировать нежелательные виды поведения — преступность, пьянство, наркотизм, сексуальные извращения и т. п. При этом человечество испробовало все мыслимые методы воздействия на «девиантов», включая пытки, квалифицированные виды смертной казни, галеры, каторгу, тюрьмы.

Лишь со временем стали осознаваться некоторые закономерности социального зла. Во-первых, не существует поведенческих форм, преступных по своему содержанию. Даже причинение смерти другому человеку может быть как преступлением — убийство, так и легальным действием — необходимая оборона, исполнение приговора суда к смертной казни, а то и весьма поощряемым, «подвигом» — убийство врага на войне. Все виды девиантности суть социальные конструкты. Общество или государство определяют, что в данное время признается недопустимым, нарушающим моральные или правовые нормы (напомним, что в средневековой Испании курение табака наказывалось смертной казнью, употребление каннабиса легально в современной Голландии, а потребление вина недопустимо в исламском мире).

Во-вторых, девиации в природе (флуктуации, мутации) и обществе служат *механизмом изменчивости*, а следовательно, существования и развития каждой системы. Как заметил еще Лукреций, без «отклонений» (*clinamen*) «ничего никогда породить не могла бы природа»¹.

В-третьих, все виды и формы человеческого поведения, которые неадаптивны, нефункциональны, давно элиминировались в процессе человеческой истории. А те, что остались — адаптивны, функциональны и, следовательно, по Гегелю, «разумны» («имеют основание»).

Какие же социальные функции, явные или латентные (Р. Мертон) выполняют различные виды девиантности?

Еще Э. Дюркгейм утверждал нормальность преступности, точнее, определенного ее уровня, для любого общества. «Преступность — нормальное явление потому, что общество без преступности совершенно невозможно». Более того, «сколь часто преступление является лишь предчувствием морали будущего, шагом к тому, что предстоит»². Дюркгейм ссылаясь при этом на Сократа, приговоренного соотечественниками к смертной казни, но служившего провозвестником новой морали. А разве не служили предтечами новых — рыночных отношений такие «преступления» советского периода, как «спекуляция», «валютные операции», «частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество»?

В свое время я указывал такие функции *преступности*, как экономическая (перераспределение товаров и услуг в условиях государственной экономики), политическая (форма протеста против существующих общественных отношений), культурологическая

¹ Лукреций. О природе вещей. М., 1958. С. 68.

² Дюркгейм Э. Норма и патология: Социология преступности. М., 1966. С. 40, 43.

(средство самоутверждения личности, субкультура, определенный образ жизни)¹.

В американской литературе описываются функции *коррупции*: упрощение административных связей, ускорение и упрощение принятия управленческих решений, консолидация и реструктуризация отношений между социальными классами и группами, содействие экономическому развитию путем сокращения бюрократических барьеров, оптимизация экономики в условиях дефицита ресурсов и др.²

Потребление *наркотиков* и *алкоголя* выполняет следующие функции: анестезирующую (снятие или уменьшение боли), седативную (успокаивающую, снижающую напряжение), психостимулирующую (наряду с чаем или кофе), интегративную (наряду с табаком; вспомним наши «перекуры» или «трубку мира» американских индейцев). Потребление наркотиков и алкоголя может служить формой социального протеста, средством идентификации (показателем принадлежности к определенной субкультуре), а потребление некоторых из «элитарных», «престижных» сортов (например кокаина, французского коньяка) играет престижно-статусную роль. Вот, кстати, почему я убежден, что рано или поздно потребление наркотиков будет легализовано во всем мире. Это единственный способ «победить» наркомафию, так же как отмена «сухого закона» в США привела в 30-е гг. минувшего столетия к ликвидации бутлегерства.

Еще древние, включая апостолов христианства, понимали функции *протитуции*. Один из современников Солона (VI в. до н. э.), впервые открывшего публичные дома, воспеваает его: «Солон, слава тебе, что ты купил публичных женщин для блага города, наполненного крепкими молодыми мужчинами, которые без твоего мудрого учреждения должны бы были предаваться нарушающему покой преследованию женщин из лучшей среды». В этом величании одна из социальных функций проституции: служить предохранительным клапаном моногамного брака. Святой Августин восклицает: «Если уничтожить публичных женщин, то сила страстей все разрушит!». Ему вторит Фома Аквинский: «Уничтожьте проституцию, и всюду воцарится безнравственность!». Остается лишь удивляться нынешним российским борцам за нравственность, требующим криминализировать проституцию.

Сложнее обстоит дело с оценкой *гомосексуализма*. Распространенность однополых люб-

ви известна издревле. Гомосексуализм, как мужской, так и женский, существовал у первобытных народов Африки, Азии, Америки. Гомосексуальные отношения были распространены в древних Индии, Египте, Вавилоне, а также в Древней Греции и Риме. Более того, гомосексуализм распространен и в животном мире.

По данным различных исследователей, в современном мире устойчивую гомосексуальную направленность имеют в среднем 1–6 % мужчин и 1–4 % женщин. Эти цифры — «нижний предел», так как общее число мужчин и женщин, имевших гомосексуальный контакт хотя бы раз в жизни, доходит, по мнению Кинзи, до 48 % мужчин и 19 % женщин³ (27 % по данным К. Дэвиса).

Даже если исходить из минимальных показателей 1–2 %, в России должно быть не менее 1,5–3 млн человек устойчивой гомосексуальной ориентации. Из всех видов девиантности истинный или врожденный гомосексуализм, по-видимому, наиболее «биологичен» (а, следовательно, и нормален) по своей природе. Высказываются обоснованные сомнения в том, можно ли гомосексуализм относить к социальным отклонениям. Вообще, сексуальное поведение и его направленность формируется под воздействием многих биологических, психологических, социальных факторов. Гендерная идентификация индивида вовсе не столь очевидна и безусловна, как это представляется обыденному сознанию. Неслучайно различают пол генетический, или хромосомный (хромосомы XX у самок и XY у самцов), гормональный (обусловливаемый мужскими или женскими половыми гормонами), генитальный и основанный на нем гражданский (иначе — паспортный или акушерский) и, наконец, «субъективный» пол как гендерная аутоидентификация. Наглядной иллюстрацией сложности гендерной идентификации служит гермафродитизм — врожденная двойственность репродуктивных органов, когда пол индивида нельзя однозначно определить ни как мужской, ни как женский. В случаях же транссексуализма лицо не только ощущает свою принадлежность к противоположному полу, но и упорно стремится к соответствующему изменению, в том числе хирургическим путем. Направленность сексуального влечения может быть не только гетеро- или гомосексуальной, но и бисексуальной (влечение к лицам обоего пола). Возможно одновременное наличие женских и мужских

¹ Гилинский Я. И. О системном подходе к преступности // Правоведение. 1981. № 5. С. 54.

² Left N. Economic Development through Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. 1964; Scott J. Comparative Political Corruption. Englewood Cliffs, 1972.

³ Kinsey A. Sexual Behavior in the Human Male / A. Kinsey, W. Pomeroy, C. Martin. Philadelphia, PA: W. B. Saunders, 1948; Sexual Behavior in the Human Female / A. Kinsey, W. Pomeroy, C. Martin, P. Gebhard. Philadelphia, PA: W. B. Saunders, 1953.

свойств, в том числе психологических, у одного индивида (андрогиния или бисексуальность в широком смысле слова).

Очевидно, и гомосексуализм, и бисексуализм нормальны в том смысле, что представляют собой результат некоего разброса, поливариантности сексуального влечения, сформировавшегося в процессе эволюции человеческого рода. Если бы все иные формы сексуального поведения, кроме гетеросексуального, были абсолютно патологичны, они бы давно элиминировались в результате естественного отбора. О «нормальности» гомосексуализма свидетельствует его относительно постоянный удельный вес в популяции.

Я вынужден столь подробно остановиться на проблеме гомосексуализма, поскольку последние события с запретом, а затем жестоким разгоном демонстрации геев в Москве (май 2006 г.) лишний раз свидетельствуют о на-

шей дремучести, нетерпимости, ксенофобии. Весьма неприглядную роль в разжигании ксенофобии играет и Русская православная церковь.

Наконец, все виды девиантности выполняют существеннейшую функцию: разграничение дозволенного и недозволенного и интеграция, консолидация нормопослушных граждан, противоставляющих себя девиантам.

Вышесказанное отнюдь не преследует цель «оправдания» всех девиантных проявлений, в частности, насильственных преступлений или «беловоротничковой» преступности. Пафос изложенного — в призыве задуматься о природе и функциях различных социальных явлений, а следовательно, и об адекватных формах и методах социального контроля, в отличие от истерии и кликушества с соответствующими требованиями «усилить борьбу», «сажать», «стрелять».

А. Ю. ГЛУШАКОВ,

доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП,
кандидат юридических наук

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧИ ЮРИСТА

О культуре речи написано много фундаментальных работ. Известно большое количество высказываний известных писателей о роли языка в жизни людей. По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской позиции. По нашей речи собеседники делают вывод, кто мы такие, так как речь независимо от воли говорящего раскрывает его личность. Культура речи неотделима от общей культуры, без нее немыслимы интеллигентность, духовность. Речь человека — это своеобразный паспорт, который точно указывает, в какой среде вырос и общается говорящий, каков его культурный уровень. От степени владения нормами и богатствами языка зависит, насколько точно, грамотно и понятно может говорящий выразить свою мысль, объяснить то или иное жизненное явление, оказать должное воздействие на слушателей. Поэтому необходимо учиться культуре речи.

Культура речи в значительной степени обусловлена культурой мышления и сознательной любовью к языку. От точности мышления зависит выбор средств выражения, неточность же выражения ведет к фактическим ошибкам. Потому каждый говорящий в какой-то мере задумывается не только над тем, *что* он говорит, но и *как* говорит.

Основным критерием культуры речи лингвисты считают нормативность, которая включает в себя точность и ясность, правильность, чистоту речи, то есть отсутствие в ней диалектных, просторечных слов, узкопрофессиональных выражений, неуместно употребляемых иноязычных слов. Кроме того, культурной считается речь, которой присуще речевое мастерство: логическая стройность, богатство словаря, разнообразие грамматических конструкций, художественная выразительность.

Культура речи определяется в лингвистике как мотивированное использование единственно нужных слов и конструкций в каждом конкретном случае.

Почему необходимо особо говорить о культуре речи юриста?

Прежде всего профессия юриста требует не только высоких нравственных качеств и профессионального мастерства, но и широкого общего образования. По мнению А. Ф. Кони, юрист должен быть человеком, у которого общее образование идет впереди специального, потому что юрист ежедневно имеет дело с самыми разнообразными явлениями жизни, и эти явления он должен правильно оценить, принять нужное решение и убедить в правильности своей точки зрения обращающихся к нему людей. Юрист выступает в различных коммуникативных ролях: составляет законопроекты,

ведет деловую переписку, ему приходится писать протоколы допроса и осмотра места происшествия, различные постановления, обвинительные заключения, исковые заявления, приговоры и определения, договоры и соглашения, заявления и жалобы.

При производстве уголовных дел и решении споров граждан и учреждений между собой юрист бывает и конфиденциальным собеседником. Ему приходится сталкиваться с людьми самых разнообразных профессий и различного уровня культуры. И в каждом случае необходимо находить нужный тон, слова, аргументирующие и грамотно выражающие мысли. От того, насколько точно понимают эти лица речь юриста, подчас зависит содержание их объяснений и показаний. Нарушение юристом языковых норм может вызвать отрицательную реакцию со стороны собеседников.

Говорить о культуре речи юриста надо и потому, что юридический язык специфичен. В нем много терминов, имеющих особое юридическое значение, например: кодекс, контрабанда, алиби, мотивы преступления, мера пресечения, конфискация и др. В качестве терминов используются некоторые разговорные слова, такие как промотание, попрошайничество, оговор; а также устаревшие: деяние, сокрытие; отглагольные существительные, не характерные для общего употребления: доставление, отобрание, недонесение, приискание. Большинство многозначных слов обозначает особые юридические понятия. Так, привод — принудительное доставление кого-либо в органы расследования или суда; возбудить — начать производство уголовного дела; склонить — заставить совершить преступление; смягчить — сделать наказание менее суровым и строгим; статья — определенный раздел, параграф в юридическом документе; организатор — инициатор преступления; погашение — прекращение срока судимости; эпизод — часть преступных действий и др. Поэтому в языке права наблюдаются словосочетания, не употребляющиеся за пределами правовой сферы общения, например: организатор преступления, применить меры, совершение преступления, аморальный проступок и др.

Что входит в понятие культуры речи юриста? С учетом задач уголовного судопроизводства культуру письменной речи юриста можно определить как использование в процессуальных актах языковых средств официально-делового стиля, которые соответствуют требованиям Уголовно-процессуального кодекса РФ и адекватно отражают устанавливаемые по делу фактические данные. В официально-деловом стиле используется большое количество готовых, стандартных выражений-

клише, соответственно рассматривается уместность и необходимость клише при составлении документов.

Культура речи юриста предполагает также знание норм устных публичных выступлений. В речах прокурора и адвоката на суде отражаются те же факты, что и в процессуальных документах по данному делу, поэтому судебный оратор нередко использует конструкции, уместные лишь в письменной официально-деловой речи. А публичная речь предполагает богатство словаря, художественную выразительность! Культура публичной речи — это такое использование языкового материала, которое обеспечивает наилучшее воздействие на аудиторию в конкретной обстановке и в соответствии с поставленной задачей. Термин «оратор» обозначает не только лицо, выступающее с речью, но и человека, владеющего мастерством публичной речи, ее методикой. Речь должна быть построена так, чтобы она привлекала внимание, наилучшим образом способствовала убеждению.

Каждый юрист выступает и как оратор, и как пропагандист правовых знаний, читая лекции; прокурор и адвокат ежедневно произносят публичные речи в судебных процессах, поэтому юристу необходимо владеть навыками публичной речи. Умение говорить публично, владение языком издавна считается необходимым профессиональным качеством юриста. А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако, В. И. Жуковский, Н. И. Холев, П. А. Александров, К. Ф. Хартулари, К. К. Арсеньев, Н. П. Карабчевский, В. Д. Спасович, С. А. Андреевский, А. И. Урусов, М. Г. Казаринов, А. Х. Лохвицкий оставили нам прекрасные образцы ораторского мастерства. Высокий рейтинг многих современных судебных ораторов определяется тем впечатлением общей культуры и интеллигентности, которое оставляют их выступления, безукоризненное владение литературным языком, умение точно, ясно, правильно и логично выразить мысль. Это обязательное условие успешной самопрезентации судебного оратора.

О культуре устной судебной речи следует говорить и потому, что на суде каждое слово оказывает большое психологическое воздействие, например: наказание — это не только кара, это возможность искупить вину, исправиться, перевоспитаться. И поэтому недостаточно грамотно составленное обвинительное заключение (которое обязательно оглашается в судебном процессе), а также серая, казенная речь прокурора или адвоката не способствуют выполнению судом его высокой функции. Допущенная судебным оратором речевая ошибка дискредитирует представителя органов правосудия. Если же ошибка осталась незамеченной, то юрист, человек с высшим

образованием, консультант и воспитатель граждан, оказывается проводником речевого бескультурья. Таким образом, культура речи не личное дело каждого юриста, а общественная необходимость. Борьба за чистоту речи — это борьба и за уважение к нашим законам.

Таким образом, язык — это инструмент, при помощи которого оформляются и передаются все мысли, это профессиональное оружие юриста. И вопросы культуры речи юриста поднимаются самой жизнью, практической необходимостью.

Г. Д. ГРИЦЕНКО,

профессор кафедры политологии и социологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук

ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАВОПОРЯДКА

В последнее время серьезное внимание стали уделять культурно-историческим основам тех реальных процессов, которые составляют сущность преобразований современного общества. К таким основаниям, в первую очередь, следует отнести менталитет того или иного народа.

В условиях глобализации, с одной стороны, и роста этнической идентичности, с другой, ученые стремятся понять, какие изменения целесообразно проводить, какие факторы следует активизировать, а какие — нейтрализовать и прочее для поступательного развития социокультурных систем. Эти проблемы волнуют и российский научный мир. Неуспешность многих реформ, проводимых в российском обществе, проявляющаяся в криминализации, антагонизации социальной структуры, люмпенизации населения, пауперизации рабочей силы, инициирует научно-исследовательскую деятельность ученых в стремлении понять причины трудностей проводимых социальных преобразований.

Одной из таких трудностей, как уже отмечалось, является снижение правового порядка и криминализация общественных отношений. Юристы нередко основной причиной нарушения правопорядка называют правовой нигилизм как основное ментальное качество российского народа. В то же время, рассматривая национальный характер, менталитет и его правовую сущность, следует иметь в виду, что право в российском обществе традиционно ассоциируется с духовностью, совестью, правдивостью, а не с рационально понимаемым законом. Известно, что современные преобразования имеют своей направленностью создание рыночной экономики и что за основу трансформаций взят западный, а точнее, американский вариант. В этом контексте целесообразно обратиться к концепции социального характера Э. Фромма, на основе которой социологом был сконструирован пра-

вовой аспект американского национального характера. Это индивидуальная свобода и автономность личности, которые в американском обществе приводят к истолкованию всей жизни как коммерческого предприятия, функционирующего по четко заданным нормативным предписаниям. Вот что говорил по этому поводу Э. Фромм: «Самооценка человека зависит от того, насколько он преуспевает: может ли он удачно продать себя, может ли он получить за себя больше того, с чего он начинал, удачлив ли он. <...> Человеческие качества, такие как дружелюбие, обходительность, доброта, превращаются в товары, в ценные атрибуты “личностного набора”, способствующие получению более высокой цены на рынке личностей»¹. Именно стремление выгодно «инвестировать» себя формирует специфическое мировоззрение, которое предопределяет поведение человека согласно установленным правилам игры, существующему правопорядку и законности.

Как уже отмечалось, для российского правового менталитета характерна такая черта, как совесть. Однако совесть может существовать лишь тогда, когда человек не ощущает себя вещью. Но формирование рыночных отношений в российском обществе по западно-американскому варианту делает человека коммерческой вещью. Человек без совести не ценит собственную жизнь дороже вещей, не корит себя за то, что сам не стал творцом, нет у него сожаления и о загубленных жизнях других людей. Неудивительно, что социологические исследования констатируют падение нравственности в российском обществе. Вместо совести, сохранения общезначимой морали утверждается духовная пустота, безразличие, криминализация, попираание прав и свобод других, пренебрежение требованиями закона и правового порядка.

¹ Фромм Э. Психоанализ и культура. М., 1995. С. 389.

История конца XX — начала XXI в. показывает, что путь обществ в постиндустриальную фазу развития может строиться на основе различных социокультурных и цивилизационных ценностей. Как показали кросс-культурные исследования значимости ста ценностных установок в различных обществах, «ценности, имеющие первостепенное значение на Западе, гораздо менее важны в остальном мире»¹. Опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона свидетельствует о том, что формы западной социальной и политической организации не являются неизбежным следствием замены традиционализма и аграрной системы хозяйства новыми промышленными технологиями. Напротив, западный путь следует рассматривать лишь как один из возможных путей перехода к индустриальному общественному устройству, необязательно самому совершенному или нравственному. Кроме этого, следует осторожнее относиться и к безоговорочному отождествлению социально ориентированной рыночной экономики и рыночных отношений с индивидуализмом и индивидуальной свободой, поскольку на Востоке эти процессы основываются преимущественно на коллективистских принципах и ценностях. Япония, Южная Корея, Тайвань и другие страны Востока могут рассматриваться как восточный вариант техногенных сооб-

ществ, в которых сохранена приверженность традиционным цивилизационным и культурным матрицам. Так, Н. Моисеев отмечал особую эффективность «симбиоза традиционного и техногенного», соединения «свойств, присущих той или иной цивилизации, с требованиями современности»². Интересно, что, по мнению бывшего Президента Тайваня Чэнь Шуйбяня, «в условиях новой эры... высшим приоритетом должно стать обеспечение сохранности культурного достояния и передача следующим поколениям наследия цивилизации»³.

Переходя к проблемам российского общества, и прежде всего к проблемам стабильности, правопорядка и законности, важно еще раз обратиться к творцам азиатского чуда, в частности к Ли Куан, который подчеркивал, что в мировоззренческой основе современной системы ценностей, которой они руководствуются, — конфуцианство; если же будут позаимствованы западные правовые ценности, то силы сцепления, поддерживающие корейское общество, рухнут⁴. Это означает, что россиянам не обязательно учиться жить по-американски и что важно учитывать особенности правовой ментальности российского общества при выработке стратегии становления правового государства как мировоззренческой основы правопорядка и законности.

Т. Н. ДОВБУШ,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права СПбГУП,
кандидат юридических наук

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Права человека — это система норм поведения, которые находятся на стыке морали и права. Права человека подставляют собой универсальные моральные права, присущие любому человеку в любой ситуации как необходимые и минимальные компоненты человеческого достоинства, они проистекают из самой природы человека, поэтому их называют естественными правами. Человек обладает естественными правами от рождения и независимо от того, признаются ли они его непосредственным окружением, и обеспечиваются силой государственного принуждения. Обычные моральные права порождены конкретной жизненной ситуацией, в которой находится человек. Моральные права существуют в системе моральных норм — норм поведе-

ния, которые обеспечиваются только общественным одобрением или осуждением. Многие моральные нормы перерастают в правовые нормы, находят отражение в кодексах, декларациях, конституциях и начинают охраняться силой государственного принуждения, соответственно нормы естественного права становятся нормами позитивного права.

В развитых современных обществах права человека являются основой действующего законодательства, правилом для установления правовых систем. Естественное, что исполнение принципов прав человека связано с трудностями, поскольку любая административная система имеет тенденцию к игнорированию

¹ Ирвин Ю. В. К вопросу о кросскультурных исследованиях: Восток–Запад // Социс. 2005. С. 130–134.

² Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М., 1999. С. 223.

³ Чэнь Шуйбянь. Сын Тайваня. М., 2001. С. 252.

⁴ Song B. The Rise of the Korean Economy. Oxford, 1990. P. 46.

прав человека — в той мере, в какой это дозволено общественным мнением и поведением граждан. Каждое поколение вносит свой вклад в создание механизмов, обеспечивающих реализацию данных норм, как на моральном, так и на правовом уровне. Соответственно, мы можем говорить, что каждое последующее поколение пользуется большей свободой, чем предшествующее. Права человека лишь частично отражены в действующем законодательстве. При этом принцип охраны прав властью государства реализуется не полностью.

В наше время права человека перестали быть внутренним делом государства, они защищены международной системой. Государство, не соблюдающее права человека, подвергается политическому и экономическому давлению, вплоть до вооруженного вмешательства. Гражданин, исчерпавший возможности защиты своих прав на родине, может обратиться в Международный суд по правам человека.

Истоки прав человека можно проследить в истории самых разных религиозных, философских, этических учений, начиная с глубокой древности. Все мировые религии: буддизм, иудаизм, христианство, даосизм, конфуцианство, по своей сути выражают общее требование соблюдать права и свободы другого человека. Идеи о необходимости существования правовой государственности зародились еще в античные времена, когда люди считали справедливость, право и закон учреждениями Бога, основой установления порядка на земле, обеспечителем ликвидации произвола и хаоса. Гражданская клятва афинских юношей рождалась именно из этого понимания. В философии стоиков сформулирована идея прав для всех людей, которые человек получает с рождения. В греческих городах действовали некоторые современные права — свобода слова, равенство перед законом. Однако воспользоваться этими правами могли только свободные граждане.

В развитии идей прав человека мы можем выделить два направления. Одно из них заключается в расширении понятия «человек», другое в кодификации прав и свобод граждан. Так, средневековые кодексы представляли собой комплекс прав для определенного сословия. Например, английская «Великая хартия вольностей», принятая в 1215 г., по своей сути является прототипом современных кодифицированных актов, но она распространяла свое действие в основном на представителей дворянского сословия.

Мы полагаем, что попытка соединения двух вышеуказанных направлений прослеживается в трудах мыслителей Нового времени. В трудах Дж. Локка, Ш. Монтескье и других авторов дается наиболее близкое к современной форме теоретическое обоснование естественных и неотъемлемых прав каждого человека, вне сословных различий. Французские просветители XVIII в. различают естественные и гражданские права человека, естественное и государственное право; выдвигают идею гражданского общества и общественно-го договора, который заключают свободные граждане с властью.

Новейшая история прав человека начинается с 1789 г. В результате Великой французской революции принята «Декларация прав человека и гражданина». В ней сформулированы основополагающие принципы прав человека, сделан вывод о том, что дозволено все, что не запрещено законом.

Американский Билль о правах человека 1791 г., на котором основана современная американская конституция, отразил взгляд на природу государственной власти, наиболее полно отвечающий современной философии прав человека: свободные граждане добровольно ограничивают свою свободу в той мере, в какой это необходимо для управления обществом и защиты частных и государственных интересов.

В начале XIX в. происходит процесс приведения правовых систем европейских стран в соответствие с принципами прав человека и постепенно формируется идея, что соблюдение прав отдельных групп населения не является внутренним делом государства. Так, в 1827 г. Англия, Франция и Россия оказывали давление на Османскую империю с целью защиты греческого населения, в 1860 г. произошло вмешательство во внутренние дела Сирии для защиты христианского меньшинства. Конец XIX — начало XX в. ознаменовались серией дипломатических акций давления на Россию для предотвращения еврейских погромов и для улучшения положения евреев в Российской империи.

Тем не менее всеобщего признания прав человека на этом этапе не произошло. В 1919 г. была создана Лига Наций, однако предложения о включении в базовый документ этой организации минимальных представлений о правах человека были отвергнуты, поскольку в тот момент права человека еще не представлялись важными для жизни всех государств.

Поворотным пунктом по отношению к идее прав человека явилась Вторая мировая война.

Преступления против человечества, отрицание и уничтожение естественных и неотъемлемых прав человека показали миру необходимость юридического обеспечения и реальной защиты прав человека. Устав ООН и Всеобщая декларация прав человека, принятая в 1948 г., являются для нас документальными свидетельствами роста общественного интереса, направленного на защиту прав и свобод человека. В этих документах права человека фигурируют уже не только в качестве морального идеала, а в качестве принципа международной политики и нового мирового порядка.

Следующим этапом стало принятие в 1950 г. Европейской конвенции защиты прав человека и основных свобод, являющейся системой практического обеспечения прав человека и их защиты на международном уровне.

Система международной защиты прав человека в настоящее время включает специальные комиссии и комитеты, институт международных наблюдателей, специальных комиссаров, международные суды и международные вооруженные силы.

Разумеется, и на этом уровне есть проблемы — скажем, решения о вооруженном вмешательстве во внутренние дела государства для защиты прав человека принимаются в условиях острого политического противостояния. В то же время события в бывшей Югославии наглядно показывают, что защита прав человека является хорошим предлогом для нарушения суверенитета государства и свержения неугодного западным странам политического режима.

Невозможно не отметить правозащитное движение 1960–1980-х гг. в СССР, которое внесло большой вклад в развитие представлений о правах человека в мире. А. Д. Сахаров отмечал, что идея прав человека буквально выстрадана нашей трагической историей. Важный аспект осмысления прав человека выражен в работе Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе»: в наше время, в эпоху смертоносного оружия и глобальных проблем, права человека превращаются в единственное средство выживания человечества.

Культурные ценности всегда создаются как национальные, и система права не является исключением. С момента возникновения национальные нормы сразу приобретают связь с международными ценностями, каждый человек индивидуален, но он остается человеком. Право не может не быть связано с культурой отношениями подчинения. Право должно

опираться на культуру, чтобы отвечать главному своему предназначению — объединению людей с целью организации лучшей жизни каждого. В системе человеческих ценностей право является основой, которая связывает закон и культуру. Д. С. Лихачев доказывал, что права человека могут быть обеспечены только тогда, когда будут гарантированы права культуры, то есть права и тех, кто жил до, и тех, кто будет жить после нас, что реализация прав человека в значительной мере определяется уровнем культурного развития общества. В апреле 2006 г. в Москве завершился работу юбилейный — десятый — Всемирный Русский народный собор. Одним из главных документов, принятых собором, стала «Декларация о правах и достоинстве человека», в которой была предпринята попытка учесть культуру русского народа, его исторический опыт в понимании прав человека. И хотя проект этой декларации вызвал бурные споры среди правозащитников и наблюдателей, тем не менее нам важен свершившийся факт.

Категория естественных прав означает минимум безопасности для человека, без чего невозможна нормальная человеческая жизнь. Права человека сами по себе не обеспечивают благоденствия, благосостояния, они дают лишь необходимую защиту от насилия, произвола, унижения, и прежде всего, со стороны самого сильного из возможных субъектов — государства. Таким образом, это не достаточное, а необходимое условие для нормальной жизни. Можно сказать, что все права сводятся к основным принципам — право на жизнь и личную неприкосновенность, равенство перед законом. Равенство перед законом — это единственно возможный вид равенства, все попытки навязать иные формы равенства, имущественного или социального, оказались безуспешными в историческом плане.

Сегодня общество признало, что никакое «идеальное государство» не в силах обеспечить все многообразие интересов и потребностей разных людей. Не государство решает, какие права дать человеку, а гражданин решает, какие права дать государству для обслуживания жизни — своей и других людей. Права человека не могут насаждаться «сверху», они существуют только при поддержке «снизу». Невозможно заставить людей пользоваться своими правами, это акт свободного выбора. Сама суть прав человека подразумевает, что их гарантом должны выступать граждане. Под воздействием поступков отдельных граждан меняется общественное мнение, а со временем меняются и законы.

А. В. ЕРЕМИН,

доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП, кандидат исторических наук

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУМПТУАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В философии и социологии современное западное общество рассматривается в рамках концепции «потребительского общества». Разработка ее началась в конце XIX — начале XX в. и была связана с именами Георга Зиммеля и Торстейна Веблена¹. Однако в период между двумя мировыми войнами идеи обоих ученых оказались забыты, и о них вновь вспомнили только в 1980-е гг., когда проблема потребления была выдвинута в центр внимания социальных и экономических наук. Современные исследователи в значительной мере модернизировали концепцию с учетом кардинальных изменений, произошедших в западном обществе с середины XX в. — повышение жизненного уровня и стандартов бытового комфорта, увеличение времени досуга населения вследствие технологических успехов привели к охвату почти всех социальных слоев, от верхних до низших, потребительством². Иными словами, на данном этапе развития потребительство характеризует обыденное сознание масс. Несмотря на эти изменения, идеи, высказанные Г. Зиммелем и Т. Вебленом, сохраняют свое значение. Важнейшей из них является формулировка основного понятия концепции — «потребительства», или иначе говоря, специфического вида потребления.

Потребление — это постоянная форма активности человека в его повседневной жизни. С развитием человеческих обществ потребление стало не только необходимой функцией обеспечения жизни, но и определенных стандартов, качества жизни, а также важным механизмом участия в жизни конкретных социальных обществ. Т. Веблен, рассматривая поведение новых богатых американцев, отметил одну особенность — эти нувориши, в его сочинении они фигурируют как «праздничный класс», старались подражать высшим слоям общества Европы, но в отличие от последних выставляли свое потребление напоказ. Этот стиль потребления, основным мотивом которого является демонстрация своего высокого социального положения, исследователь назвал «демонстративным (показным) потреблением» (*conspicuous consumption*)³.

Ни Т. Веблен, ни Г. Зиммель, изучавший потребление на примере жизни берлинцев,

как впрочем и современные социологи, не уделяют должного внимания тому, что тенденция к показному потреблению характерна для всех эпох⁴ и не принадлежит исключительно современному обществу. Оно присутствует на всех этапах человеческой истории, кроме, пожалуй, некоторых стадий развития первобытнообщинного общества. Вместе с тем, по крайней мере, по одному параметру потребление современного общества выделяется — это, как уже отмечалось, распространенность явления. На протяжении истории Древнего мира, Средневековья и Новой истории потребительство затрагивало верхние социальные слои. В остальном же разница во времени не сказывается на содержании понятия «показного потребления».

Средством демонстрации статуса является высокая цена и дефицитность демонстративно потребляемых вещей. Конкретное выражение этого может быть различным в зависимости от благосостояния общества, но прежде всего это то, что ассоциируется с роскошью.

Способами распространения влияния «праздничного класса» на общество в целом являются, с одной стороны, культивирование рафинированных вкусов, которые ассоциируются с социальной удаленностью от мира занятости, а с другой — процесс подражания тем, кто расположен выше по социальной лестнице.

Потребление имеет две стороны — демонстрируемую, блистательную и скрытую от посторонних глаз.

Другой характерной чертой исследований, посвященных показному потреблению, является недостаточное внимание к проблеме реакции общества и государства на данное явление. Насколько потребительство является древним, настолько же древними являются и попытки общества поставить его в определенные рамки, если не полностью обуздать. Как показывает история, существует два вида ограничителей: первый, и наиболее древний, — обычай и законодательство, второй — это нравственные принципы. На протяжении долгого времени, начиная с Древней Греции и Рима и примерно до середины XIX в., потребительство регулировалось с помощью законов⁵. В материковой Европе последним

¹ Веблен Т. Теория праздничного класса. М., 1984.

² На примере английского общества см.: Боккок Р. Потребление и стиль жизни // URL: <http://www.socnet.narod.ru/library/authors/ilyin/hrest/bokok.html>; для американского общества см.: Бустин Д. Дж. Сообщества потребления // THESIS. 1993. Вып. 3. Т. 1. С. 231–254.

³ Веблен Т. Указ. соч. С. 108.

⁴ Ср.: Ильин В. И. Поведение потребителей. Сыктывкар, 1998. С. 101.

⁵ См.: Kippen C. The history of Footwear — Sumptuary Laws // URL: <http://podiatry.curtin.edu.au/sump.html>.

подобным законом стал ордонанс Людовика XV от 19 апреля 1737 г. В Англии большинство подобных законов было отменено Яковом I, но все они были исключены из свода законов только в 1856 г. В Америке (Новая Англия) соответствующие законы появились с момента колонизации. Они не ставили жесткие рамки, зачастую игнорировались и постепенно вышли из употребления. Подобная тенденция явилась основой признания законодательных методов ограничения роскоши неэффективными и нерациональными. Как указывал французский исследователь Э. Жиродэ, «история доказала, что все законы, регулирующие расходы, были отменены после недолгого времени повсюду, от соблюдения их уклонялись или игнорировали. Всегда тщеславие найдет большее число путей для отличия, чем законы способны запретить»¹.

Таким образом, в современных западных обществах ограничение потребления полностью перешло в сферу морали и стало личным делом человека. Данное положение является благодатной почвой для культивирования разнородных мнений по проблеме показного потребления, и, следовательно, отсутствуют возможности для ее эффективного решения. Как показывает исторический опыт, максимум, чего удастся достичь обществу, не исчезновение этого типа потребления, а превращение в менее бросающийся². Человек, участвующий в демонстративном потреблении, конкурирует уже не со всем обществом, а в своей социальной группе. Обычно эта тенденция к умеренности проявляется во втором поколении³.

Что касается государства, то оно устранилось от решения данной проблемы, и это выглядит тем более логичным, что в демократических государствах попытка со стороны властей ограничить показное потребление была бы расценена как серьезное нарушение личных привилегий гражданина. Тем не менее государство все же оказывает косвенное влияние через таможенное и налоговое законодательство.

Учитывая эту тенденцию в развитии отношения к показному потреблению, представляется необходимым остановиться на законодательной практике ограничения роскоши. Наиболее последовательно она отражена в законотворчестве Древнего Рима в форме «leges sumptuariae». Это устоявшееся выра-

жение, правда, употреблявшееся скорее древними историками и писателями, чем юристами. Применяется оно и в новых европейских языках, где под ним подразумеваются «законы о расходах на роскошь». На мой взгляд, это не совсем точно, поскольку в логическом плане значение выражения несколько сужается.

Какой смысл вкладывали в «leges sumptuariae» древние авторы? Рассматривая источники, следует признать, что в Древнем Риме существовало два определения. Первое, и наиболее раннее, было сформулировано Марком Катонем Старшим. Макробий, отмечая закон Эмилия, указывает, что Катон называл «законы о расходах» «продовольственными» (Cato enim sumptuarias leges cibarias appellat: Macr., III, 17, 13). В результате происходит отождествление «законов о расходах» с теми, которые направлены на ограничение столовых расходов. Возникло это отождествление в результате того, что во времена Катона римляне демонстрировали роскошь прежде всего на пирах и застольях.

В противовес узкому определению существует широкое, гораздо более распространенное среди древних авторов. Согласно ему «законы о расходах» были направлены на ограничение расходов на продукты, столовую утварь, одежды, украшения. Это перечисление, по-видимому, не является исчерпывающим, в римском обществе присутствовало понимание возможности распространения положений сумптуарного законодательства на другие проявления роскошного образа жизни (Tac., Ann., III, 53). Современные историки разделяют представления большинства древних писателей и определяют «leges sumptuariae» как законы, максимально ограничивавшие расходы на определенные предметы роскоши и имевшие целью ее регулирование⁴. Эти законы постепенно приобретали более выраженное социальное значение, то есть становились способом фиксации социальных различий в римском обществе.

Что касается мотивов, приведших к становлению римского сумптуарного законодательства, то они всегда были комплексными и провести их разграничение сложно. В этом кроется отличие положения дел в Риме от ситуации, существовавшей в средневековой Европе⁵. Отличие существовало и по вопросу о наказании за нарушение сумптуарного законодательства. Хотя источни-

¹ Giraudias E. Etude historique sur les lois sumptuaries // Poitiers. 1910. P. 103–204.

² Ильин В. И. Указ. соч. С. 104–105.

³ Там же.

⁴ Kübler B. Sumptus // RE. Reiche 2. Bd. 4(7). 1931. Sp. 902.

⁵ Kippen C. The history of Footwear — Sumptuary Laws. Department of Podiatry. Curtin University, 2000.

ки не дают прямых примеров, но, используя в качестве аналогии некоторые, можно предположить, что наказания определяло государство в лице цензоров. Наказанием было

традиционное цензорское порицание (*notatio censoria*), которое хотя имело моральную силу, но часто влекло за собой исключение из сената¹.

А. И. ЗЯБКИН,

профессор кафедры государственного права СПбГУП,
кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ,

Почетный работник высшего профессионального образования РФ

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Встав на путь коренных преобразований, Российская Федерация среди перспективных этапов развития наметила и такое направление, как формирование правового государства. Среди существенных условий и предпосылок успешного формирования и функционирования правового государства следует назвать наличие в стране гражданского общества.

В отечественной и зарубежной литературе существует много порой не совпадающих друг с другом представлений о понятии гражданского общества и о соотношении его с государством. В основном гражданское общество представляется как противовес государству, оно в лице различных социальных групп, прослоек, организованных в специальные институты и объединения, имеет своим главным назначением не только внимательно наблюдать за действиями государства, но и в рамках закона воздействовать на него. Иными словами, гражданское общество рассматривается и как гарант последовательно и непрерывного развития цивилизации, и как гарант развития самого демократического государства.

Становление и развитие гражданского общества является особым периодом истории человечества. Общество, отличное от государства, существовало всегда, но не всегда оно было гражданским.

Гражданское общество возникает в процессе и результате отделения государства от социальных структур, обособления государства как относительно самостоятельной сферы общественной жизни и одновременного разгосударствления ряда общественных отношений.

Согласно сложившимся воззрениям, сформировавшееся гражданское общество исключает какие бы то ни было политические связи и отношения, а также институты госу-

дарства. Следует подчеркнуть, что общество и государство не враги; но государство способно стать орудием противников гражданского общества, когда оно осуществляет идеалы обществ тоталитарных или полутоталитарных.

В кризисные этапы решающим фактором сохранения гражданского общества, современного государства или, наоборот, замены их тоталитарным строем является состояние народа как особой социальной общности. И в связи с этим представляется важным выделить в становлении гражданского общества (кроме экономико-политических условий) социально-культурную составляющую. Имеющиеся в мировой науке подходы к культуре в целом сводятся к трем группам: антропологические; социологические; философские. Не вдаваясь в подробный анализ названных подходов, отметим, что в каждом из них присутствует взгляд на культуру с позиций исторически активной творческой деятельности человека и его развития как субъекта этой деятельности, ориентир на изучение различных, но естественно предполагающих друг друга объектов — культуры личности и культуры всего общества.

Это применимо и к становлению гражданского общества. Невозможно без формирования высокой культуры личности достичь высокой культуры общества (в том числе и правовой культуры), что определяет и уровень развития гражданского общества. Можно сказать, что идея гражданского общества уже неотъемлема от общей культуры человечества как представление о его нормальном, цивилизованном состоянии, как о способе реализации и существования общечеловеческих ценностей.

¹ Помяловский И. В. Римские государственные древности. СПб., 1887. С. 182, 185–186.

В плане формирования социально-активной личности Гуманитарный университет профсоюзов, провозгласивший и реализующий культуроцентристскую модель образования¹, вносит весомый вклад в становление гражданского общества в нашей стране,

готовя специалистов, обладающих высокой квалификацией, профессиональной этикой, способных ориентироваться на духовно-нравственные критерии в решении профессиональных задач, активно участвовать в жизни общества.

Ю. В. ИВАНОВА,

доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук

СОСТОЯНИЕ РЫНКА ЖИЛЬЯ КАК ИНДИКАТОР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Экономические преобразования, осуществляемые в последние 15 лет в России, существенно изменили облик страны, ориентиры общественного развития. В условиях социально-экономического реформирования возрастает значение проблем совершенствования, организации и управления рынком жилья. Возможность решения этих проблем напрямую зависит от степени обоснованности принимаемых органами государственной власти решений в области реализации региональной жилищной политики, целесообразности методологических и концептуальных предпосылок, достоверности и адекватности используемых статистического и аналитического материалов.

Состояние рынка жилья является тем индикатором, который позволяет достаточно объективно оценивать программные установки и результаты проводимых реформ. Однако отсутствие до настоящего времени системной теоретически обоснованной концепции функционирования рынка жилья в экономической системе, как в начале проведения реформ, так и на современном этапе, не позволяет государству обеспечить эффективное управление им.

Переход России к рыночным методам хозяйствования потребовал поиска новых форм организации и управления жилищной сферой, ориентированной на конечные результаты. Отказ от административно-командного управления социально-экономическим развитием страны и переход на рыночные отношения потребовали также выработки принципиально нового механизма управления национальной экономикой, который бы обеспечил ее эффективное функционирование.

Системный подход в управлении социально-экономическим развитием в настоящее время

находит свое проявление в программно-целевом управлении, в основе которого лежат целевые программы, ориентированные на реализацию важнейших задач. В связи с этим в Российской Федерации разработана концепция Национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России». Указанный проект является целевой программой, в соответствии с которой стратегической целью государственной жилищной политики в России является:

— создание рынка доступного и комфортного жилья, удовлетворяющего жилищные потребности основной части населения;

— создание механизмов участия государства в поддержке развития и функционирования этого рынка;

— обеспечение доступа на жилищный рынок различных групп населения, нуждающихся в такой поддержке.

Включение задачи формирования рынка доступного жилья и обеспечения комфортных условий проживания граждан России в число приоритетных национальных проектов, наряду с развитием образования, здравоохранения и села, определяет социальную направленность нового этапа экономических преобразований в стране. Подчеркнем, что в настоящее время уже создана институциональная база рынка жилья — более 70 % жилья находится в частной собственности; ежегодно у 3 % жилья меняется собственник; более 90 % строительных организаций являются частными компаниями. Начиная с 2001 г. происходит увеличение объемов ввода жилья, по сравнению с 2002 г. прирост составил в 2003-м — 9,3 %, в 2004-м — 13 %, существенно увеличился объем индивидуального жилищного строительства (его доля в общем объеме ввода жилья в 2004 г. составила 39,4 %).

Вместе с тем в очереди на улучшение жилищных условий стоят порядка 4,5 млн семей; по отношению к 1,2 млн семей государство

¹ Подробнее об этом см.: *Запесоцкий А. С.* Образование: философия, культурология, политика. М., 2002. С. 312–329.

имеет установленные законодательством обязательства по обеспечению жильем; среднее время ожидания в очереди составляет 15–20 лет; почти 2/3 россиян не удовлетворены жилищными условиями, при этом каждая четвертая семья проживает в жилье, находящемся в плохом или очень плохом состоянии; общий объем жилищного строительства в 2004 г. составил 41,2 млн м², что в 1,5 раза меньше, чем в 1990-м.

Подчеркнем, что главным организационно-финансовым механизмом реализации концепции Национального проекта является Федеральная целевая программа «Жилище» и входящие в ее состав подпрограммы. Важной особенностью новой Программы является ее сбалансированность с точки зрения федеральной поддержки и стимулирования не только спроса, но и предложения на рынке жилья. Общий объем финансирования проекта Программы в 2006–2010 гг. составляет около 640 млрд руб., что в 6 раз больше, чем в действующей Программе.

Итогами реализации Национального проекта к 2010 г. должны стать следующие результаты: увеличение объемов жилищного строительства в 2 раза — с 41,2 до 80 млн м²; увеличение объемов выдаваемых в год ипотечных жилищных кредитов в 20 раз — с 20 млрд до 415 млрд руб.; снижение среднего времени нахождения в очереди с 20 до 7 лет; увеличение доли семей, которым доступно приобретение жилья, в 3,2 раза.

Таким образом, использование программно-целевого метода как инструмента реализации Национального проекта позволит на практике решить следующие проблемы:

- повысить доступность жилья и кредитов на эти цели;
- увеличить объемы ипотечного жилищного кредитования;
- увеличить объемы жилищного строительства и модернизации коммунальной инфраструктуры;
- выполнить государственные обязательства перед отдельными категориями граждан.

Г. Р. ИГБАЕВА,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП,
кандидат юридических наук

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРАХОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ, ПРИ ИХ ВРЕМЕННОМ ВЫВОЗЕ

Российский рынок страхования предметов, имеющих культурную ценность, существует уже много лет. Основными клиентами страховых компаний были государственные музеи и выставочные комплексы, вывозившие свои экспозиции за рубеж. Современное развитие общества способствовало увеличению количества коллекционеров, росту числа частных галерей, корпоративных собраний. Российские граждане с высоким уровнем дохода, желая повысить свой имидж, все чаще интересуются предметами искусства с целью их приобретения. По мнению специалистов, по мере того как «коллекционирование будет получать распространение как инструмент инвестирования и параллельно выходить из тени, будут расти объемы соответствующего сегмента рынка страхования»¹. Следует отметить, что к выбору страховщика данные субъекты подходят очень осторожно, обращаясь в страховые компании лишь в редких

случаях, связанных, прежде всего, с официальными выставками или рискованными перевозками. Таким образом, на современном этапе владельцы культурных ценностей обращаются к услугам страховщиков в основном при их временном вывозе на выставки и т. п.

В соответствии с п. 1 ст. 30 Закона РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»² (далее — Закон) одним из необходимых документов для получения разрешения на вывоз культурных ценностей государственными и муниципальными музеями, архивами, библиотеками, иными государственным хранилищами культурных ценностей, является договор страхования с обеспечением всех случаев страховых рисков.

Решение о возможности временного вывоза культурных ценностей принимается государственными органами, определенными Законом. При этом решение о возможности временного вывоза культурных ценностей, находящихся на постоянном хранении в государственных и муниципальных музеях, архивах,

¹ Коллекционеры предпочитают не рисковать // http://privatebanking.com.ua/ru/publikacii_o_private_banking/al_ternativnye_vidy_investirovaniya.

² Российская газета. 1993. 15 мая.

библиотеках, иных государственных хранилищах культурных ценностей, принимается только с согласия Министерства культуры Российской Федерации, Государственной архивной службы России или соответствующего органа исполнительной власти, в ведении которого находится учреждение, ходатайствующее о временном вывозе культурных ценностей.

Большинство компаний не выделяет страхование культурных ценностей в отдельный вид. Тем не менее оно имеет свою специфику, связанную с покрытием особых рисков, которые чаще всего не включаются в обычный страховой полис.

В отношении «выездных» выставок действует формула страхования «от гвоздя до гвоздя» или, как ее называют по-другому, «от стенки до стенки». Период страхования экспоната начинает действовать с момента его изъятия из места постоянного хранения и заканчивается тогда, когда произведение искусства вновь вернулось на свое место. Выставочный экспонат считается застрахованным даже в то время, когда его упаковывают, выносят из музея в машину и монтируют на экспозиции. Страховым покрытием защищаются абсолютно все передвижения экспонатов, предварительное, промежуточное складирование и складирование после окончания выставки.

Компании страхуют все убытки и повреждения, возникшие в результате дорожного происшествия с транспортным средством, пожара, удара молнии, взрыва, природных катастроф, бури, действия влажности, кражи, утраты, ограбления и повреждения (в том числе и в результате преднамеренных и зло-

стных действий третьих лиц), угона самолета. Покрываются и специфические риски, например ущерб, вызванный погодными условиями, расслоение краски или возникновение кракелюров (трещин, которые образуются на живописном слое картины).

Таким образом, предлагаемые страховщиками программы предусматривают полную и всестороннюю защиту предметов искусства практически по всем видам рисков

Сложность принятия на страхование предметов искусства из частных собраний связана с отсутствием документов, удостоверяющих добросовестное приобретение произведения, а также с недостаточным развитием института экспертной оценки, подтверждающей величину страховой суммы и подлинность произведения.

Специфика страхования предметов искусства состоит в огромных лимитах ответственности наряду с низкими ставками страхования. Они составляют, по разным оценкам, от 0,25–0,5 до 1–2 % в год от стоимости произведения. При формировании тарифа учитывается все: от условий хранения коллекции (температурного режима, системы кондиционирования, противопожарной и охранной систем, состояния помещения и т. п.) до наличия табличек «Не курить» на лестничных пролетах в музее.

Рост страховой культуры коллекционеров, а также положительные сдвиги в области страхования антиквариата, несомненно, способствуют профессионально организованной страховой защите культурных ценностей, а соответственно, и возможности их передачи следующим поколениям.

В. А. ИЛЮХИНА,

руководитель лаборатории физиологии состояний Института мозга человека РАН, доктор биологических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В начале третьего тысячелетия аксиоматично утверждение о том, что проблема человеческого фактора приобрела первостепенное значение в связи с интенсификацией техногенных направлений развития современного общества. Эта проблема актуальна для всех сфер жизнедеятельности человеческого сообщества, от вопросов воспитания и обучения потомства в условиях снижения уровня здоровья до медицинских аспектов раннего развития психоневрологических заболеваний,

вопросов экономического развития и национальной безопасности.

Ряд вопросов требует экстренного решения. Насколько биологический потенциал современного человека может обеспечить широкий спектр приспособительной деятельности в условиях активно изменяемой человеком среды обитания? Какова социально-биологическая плата за расхождение между скоростями генетически детерминированных и онтогенетически закрепленных процессов

жизнедеятельности организма человека и скоростями, предъявляемыми современной техногенной средой обитания?

Широко известно, что уже в последнем десятилетии XX в. для многих технократически высокоразвитых стран мира, включая Россию, критическое значение приобрели такие факторы, как нарушение функций воспроизведения вида на популяционном уровне (то есть репродуктивных функций), что естественно ведет к сокращению численности популяции.

В современной человеческой популяции многих стран мира, включая Россию, практически нивелирован общебиологический закон естественного отбора при резком сокращении рождаемости. В этих условиях прослеживаются:

— деформация социально-биологически оправданных семейных связей с искажением биосоциальных контактов, что сказывается на самом существовании института семьи;

— разрушение одного из основных биологических инстинктов женщины — инстинкта материнства, что влечет за собой социальную депривацию детей и, как следствие, деформацию их взаимоотношений с окружающим миром, включая социальную сферу;

— гиперопека и женский тип воспитания мальчиков в неполных семьях, это будущие дезадаптанты;

— отторжение обществом беспризорных детей (численность которых растет) и деформация воспитания детей в детских домах, при отсутствии целеполагающих программ, ориентированных на адаптацию этих детей в социальной среде, это тоже будущие дезадаптанты¹.

При малочисленности потомства общественное сознание в большей мере сконцентрировано на разработке и реализации программ оказания помощи больным детям и инвалидам детства. С гуманистических позиций этот аспект проблемы не нуждается в комментариях. Однако нельзя не обратить внимание на то, что в условиях сокращения общей численности популяции соотношение контингента лиц с ослабленным здоровьем стало приближаться, а может быть уже и достигло, допустимых для ее выживания пределов. Это проявляется прогрессивным увеличением количества детей разных возрастных групп со сниженным уровнем здоровья и трудностями обучения, при общем снижении их численности².

¹ Илюхина В. А. Проблема человеческого фактора в контексте информационно-управляющих взаимодействий в системах «мозг-организм-среда обитания» // Организмы и механизмы. Проблемы управления в социальных и технических системах. СПб., 2003. С. 5–21.

² Политика и стратегия укрепления здоровья детей школьного возраста. М., 2002.

По результатам медико-демографических исследований Министерства здравоохранения РФ выявлено длительное понижение процента рождаемости детей на 1 тыс. населения: 1861–1865 гг. — 50,7 %; 1940 г. — 33 %; 1950 г. — 26,9 %; 1960 г. — 23,2 %; 1971 г. — 15,1 %; 1976 г. — 15,9 %; 1980 г. — 15,4 %; 1988 г. — 16 %; 1990 г. — 13,4 %; 1993 г. — 9,4 %³.

По данным Всемирной организации здравоохранения, по состоянию на 2002 г. численность детей подросткового возраста (10–17 лет) в России — 22 %; в мире — 50 %. Ежегодно количество детей и подростков в России снижается на 1 млн при самой высокой смертности в Европе.

Сегодня большая часть популяции — быстроутомляемые люди с ограниченными компенсаторно-приспособительными возможностями организма. Это проявляется плохой переносимостью предъявляемых социально-биологической средой психических и физических нагрузок, ранним развитием неврозов, психосоматических и психических заболеваний. Отсюда проблемы обучения и профессиональной пригодности, особенно для профессий риска (включая армию), где требуются хорошие реакция и скорость принятия решений.

В центре внимания врачей мира феномен внезапной смерти лиц молодого возраста, активно работающих и не обращающихся к врачу с жалобами на состояние здоровья.

Такие широко распространенные явления, как алкоголизм и наркомания, представляют собой один из способов ухода от агрессивного социума, где слабый, быстро утомляемый человек не способен адаптироваться. Он становится разрушителем окружающего его мира и себя в этом мире.

Человек XXI в. способен формировать комфортную для выживания среду обитания, воспроизводить здоровое потомство, нести прогрессивные, жизнеутверждающие идеи в развитие общества. Отдавая себе отчет в том, что высказанное соображение идеалистично и носит слишком общий характер, мы твердо убеждены, что проблема выживания человека в созданной им среде обитания требует не просто внимания, но и активных безотлагательных действий на государственном уровне. Приоритетами здесь становятся, прежде всего, сохранение и преумножение потенциально активных, созидательных сил в обществе. При этом основной акцент должен быть направлен на создание благоприятных условий воспитания здоровых, стрессоустойчивых

³ Зелинская Д. И. О состоянии здоровья детей России // Школа здоровья. 1995. № 2. Т. 2. С. 5–12.

детей с максимально полной реализацией их творческого потенциала на последующих этапах становления, без учета экономического статуса родителей. Каково же реальное положение этой проблемы в настоящее время?

При анализе адаптационных возможностей детей в возрасте от 1,5 до 4 лет установлено, что: только 18,2 % детей способны адаптироваться к коллективу; для 6 % пребывание вне семьи в этом возрасте затруднительно; 75,8 % детей требуют специальных условий для того, чтобы процесс адаптации протекал более благоприятно¹.

По данным академика Российской академии медицинских наук (РАМН) С. И. Колесникова и члена-корреспондента РАМН Л. И. Колесниковой, по уровню нервно-психического развития только 33–35 % детей старшего дошкольного возраста полностью готовы к обучению в школе; 56 % детей условно готовы к школе и требуют специальных коррекционно-реабилитационных и развивающих методов, направленных на повышение уровня развития и здоровья, 9 % детей не готовы к обучению в массовой школе².

По данным Государственного доклада о состоянии здоровья населения России за 30 лет (1960–1993 гг.), численность практически здоровых школьников (I–II группы здоровья) снизилась в 1-х классах с 61 до 46 %. За время обучения в школе число здоровых детей снизилось в 4–5 раз (то есть приблизительно 10 % здоровых). Резкое снижение отмечается в 4–5-х классах (период полового созревания в сочетании с увеличением учебной нагрузки). К старшим классам в 1,5–2 раза увеличивается число подростков с нервно-психическими и сердечно-сосудистыми расстройствами, в том числе с хроническим течением³.

В последние годы, при дифференциации системы школьного образования (лицей, гимназия, колледж и т. д.), наблюдается усложнение программы обучения при использовании новых информационных технологий. Возникает вопрос: на сколько увязываются целеполагающие установки при формировании современных школьных программ с медицинскими и гигиеническими данными о существенном снижении уровня здоровья детей дошкольного возраста и усугублении этого снижения в процессе обучения в школе?

Практика показывает, что наращивание объема и интенсификация школьных программ в параллели с интенсификацией телекоммуникационного воздействия и компьютеризацией всех сфер жизнедеятельности человеческого сообщества привели в настоящее время к резкому снижению элементарной грамотности детей и подростков, обеднению базисного, биологически целесообразного формирования ассоциативно-мыслительных процессов и межличностного коммуникативного взаимодействия, в основе которого лежит, прежде всего, дефицитарность развития речи и речемыслительной деятельности. Недостаточная сформированность речи к моменту поступления ребенка в школу, дислексия и дисграфия школьников сегодня широко распространенные явления. Психофизиологическую основу этих феноменов, с одной стороны, определяет задержка морфофункционального созревания мозговых систем обеспечения речемыслительной деятельности у детей с последствиями даже минимальной перинатальной патологии развития центральной нервной системы⁴.

С другой стороны, в число существенных факторов недостаточной сформированности речи у детей к 5–6 годам (период развития артикуляционных возможностей и активной речи ребенка, по М. М. Кольцовой⁵) можно отнести дефицит речевого общения с ребенком в семье, при восполнении этого дефицита информационной перегрузкой телевизионными передачами и компьютерными играми сомнительного содержания, с точки зрения гуманитарного развития ребенка. Далее в младших классах ребенок сталкивается с ускоренным обучением устной и письменной речи, при сокращении количества часов по русскому языку и родной речи в начальной школе.

Естественно, в этих условиях дефицитарность развития устной и письменной речи и речемыслительной деятельности усугубляется. Отсюда не только общее снижение грамотности, но и трудности в обучении по другим предметам, которые преподаются в школе на русском языке.

Известно, что устная и письменная речь составляют основу сохранения и развития национальной культуры и общественного сознания. Вполне закономерно, что целепола-

¹ Печора К. Л. Некоторые проблемы воспитания в семье детей раннего дошкольного возраста // Российский педиатрический журнал. 1999. № 5. С. 25–29.

² Колесников С. И., Колесникова Л. И. Становление электрогенеза головного мозга детей в возрасте от 1 года до 7 лет // Мозг. Теоретические и клинические аспекты. М., 2003. Гл. 9. С. 193–241.

³ Зелинская Д. И. Указ. соч. С. 5–12.

⁴ Илюхина В. А. Мозг человека в механизмах информационно-управляющих взаимодействий организма и среды обитания. СПб., 2004.

⁵ Кольцова М. М. Двигательная активность и развитие функций мозга ребенка. М., 1973.

гающей установкой начальной школы должно являться социально-биологически целесообразное формирование навыков грамотного письма, чтения, прежде всего на русском языке, и счета в уме. Если эти навыки не сформированы в начальной школе, можно с максимальной долей вероятности прогнозировать последующие трудности обучения по всем остальным предметам, преподавание которых ведется на русском языке, и малую эффективность результатов обучения, не говоря уже о закладке основ национальной языковой культуры.

Нельзя создать сколь угодно эвристические программы школьного образования без анализа причинно-следственных основ углубления снижения уровня здоровья школьников от 1-го к 10-му классу. Вполне закономерно, что при современных подходах к школьному образованию отсутствует ожидаемый эффект повышения его результативности как основы роста взаимосогласованного интеллектуального потенциала общества и общественного сознания, отвечающих требованиям современной стадии развития человечества.

Сложность современного этапа развития общественного сознания в отношении школьного образования и философского анализа этой проблемы, по представлениям М. Г. Заборской, связаны не только с присутствием современному российскому обществу плюрализмом педагогических идей, но и с широко распространенными попытками их эклектического сочетания без учета различий аксиоматики, а также создание образовательных проектов, не связанных с особенностями российской культуры или механистически заимствованных из других культур¹.

В книге И. И. Мечникова «Этюды о природе человека»² раскрывается влияние изменений структуры питания на появление в организме органов-рудиментов. Подмена биологически целесообразных способов обучения на ранних этапах развития ребенка с активным внедрением информационно-компьютерных технологий создает предпосылки для утраты головным мозгом формирования присущих человеку речевых (устная и письменная речь), ассоциативно-мыслительных и творческих функций с постепенным превращением их в рудименты (своего рода биологическая роботизация).

При снижении здоровья на популяционном уровне принципиально важно создание и реализация образовательных программ воспитания и обучения быстроутомляемых детей с учетом особенностей приспособительных возможностей их организма. Необходимо оптимизировать режимы труда и отдыха, включая рациональное питание, в этих условиях быстроутомляемые дети и подростки могут учиться и трудиться с высокой эффективностью. При этом механизмы онтогенеза будут способствовать достижению желаемых целей адаптации быстроутомляемых детей разных возрастных групп к требованиям, предъявляемым им социально-биологической средой.

Бесспорно, образовательные программы воспитания и обучения потомства XXI в. требуют радикального пересмотра с учетом реального уровня здоровья всех возрастных групп, начиная с новорожденных. И здесь в качестве критериев здоровья должны быть определены не только общепринятые медицинские факторы, но и психофизиологические показатели компенсаторно-приспособительных возможностей и стрессорной устойчивости организма.

Таким образом, сегодня остро встала проблема правильной расстановки приоритетов с ориентацией:

— на повышение уровня здоровья человека XXI в. с осознанием необходимости гармонизации взаимоотношений человека и среды обитания;

— осознание того, что образовательный и воспитательный процесс новых поколений не должен быть сведен только к совершенствованию обучающих технологий;

— необходима смена парадигмы педагогического сознания с ориентацией, прежде всего, на формирование духовности человека — созидателя, а не только на подготовку людей, способных ускоренно создавать материальные ценности.

Естественно, что реализация вышеперечисленных программ формирования физической и духовно здорового молодого поколения — основы настоящих и будущих производительных сил общества, требуют больших затрат. Но это стратегический вклад в созидательное будущее развития культурных традиций и национальной безопасности нашей страны.

¹ Заборская М. Г. Философия образования и проблема управления педагогическим процессом // Управление как персонализация социального. СПб., 2003. С. 159–165.

² Мечников И. И. Этюды о природе человека. М., 1961.

Н. А. ИСАЕВ,

доцент кафедры уголовного права Орловского государственного университета, кандидат медицинских наук

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КУЛЬТУРАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ ДЕВИАНТНЫХ И КРИМИНАЛЬНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ

В большинстве исследований, посвященных проблемам криминального и девиантного поведения, отмечается важная роль влияния факторов культуры на формирование и реализацию стандартов такого поведения, и в целом вопрос решается однозначно: ему способствует низкий уровень культуры. При этом культура понимается как некий багаж положительных качеств, прежде всего морально-этических, достигнутый в историческом развитии человека, подчас противопоставленный его биологической природе — инстинктам, влечениям, драйвам и способам их реализации. При всей упрощенности такого подхода его эффективность крайне низка: увеличение уровня образованности и культуры слабо влияет на рост преступности. Рост научного знания также почти не отражается на наших представлениях о границах и механизмах преступного и девиантного поведения, оставляя практически единственное средство — репрессивные механизмы социального контроля.

Однако, как отмечалось еще Э. Дюркгеймом, криминальные и девиантные формы поведения имеют более многогранную взаимосвязь с культурой и могут нести в ней положительную роль, определяя грани приемлемого в данной культуре типа поведения. Кроме функции определения границ, девиантное поведение выступает средством социальной идентификации индивидов по принципу «мы — другие». Криминальное и девиантное поведение, с одной стороны, отражает нарушение грани социально-правовых норм определенного общества, с другой — всегда направлено против системы ценностей рассматриваемого общества. Соответственно, подходить к культурально-криминологическому анализу отклоняющихся форм поведения необходимо с рассмотрения конкретных систем этики и норм уголовного права. Именно ценности были взяты П. А. Сорокиным в основание типологии культур, он писал: «Всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность»¹.

На основе доминирования ценностей Сорокин выделяет три основные или идеальные модели культуры: идеациональный, чувственный и идеалистический. Каждая из выделенных культур имеет свои приоритетные ценности и сформированные на их основе стандарты, ритуалы и правила поведения, определяющие норму и девиантность, легитимность и криминальность. Идеациональная этика и ее нормы рассматриваются как открытия Абсолюта или Разума и поэтому она «безусловна, неизменна, вечна» или соответствует критериям истины в последней инстанции. Идеациональное право рассматривается как *jus sacrum*, в таких законодательных сводах криминальное поведение равнозначно греху. «В уголовном праве идеациональный свод законов всегда содержит среди наказуемых и запрещенных действий много таких актов, которые нарушают предписываемые правила и в отношении человека к Богу и сверхчувственным ценностям... Их система кар строится не только на чувственных наказаниях, но и на сверхчувственных». Можно было бы говорить, что идеациональная система этики и права имеет чисто исторический интерес, однако она находит свое отражение и в работах крупных современных теоретиков права².

Чувственная система этики признает «комфортность, полезность и наслаждение высшей ценностью, цели чувственной системы права утилитарны — сохранение человеческой жизни, собственности и имущества, охрана благополучия общества. «Уголовный кодекс фактически игнорирует идеациональные преступления: ереси, отступничество, святотатство и т. п. Его кары целиком чувственные, лишены сверхчувственных санкций. Их цель — не искупление, а возмездие, перевоспитание преступника, безопасность общества и сходные утилитарные соображения»³.

Идеалистические системы этики представляют промежуточный вариант идеационального и чувственного вариантов этических систем, ее главный принцип носит абсолютный

кусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 46–47.

² Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. И. Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998.

³ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 497–498.

¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах ис-

характер; подчиненные нормы — относительны и изменчивы.

«Любое общество обладает своими законодательными нормами, которые определяют, какие формы поведения ожидаются, требуются и допускаются со стороны его членов, а какие запрещаются и наказываются. Этические идеалы и юридические нормы, однако, отличаются по своему характеру и содержанию в разных обществах, а зачастую и у отдельных людей», — отмечал П. А. Сорокин¹. Приводимая им типология культур и соотношения норм и ценностей могут быть взяты за основу культурально-криминологических исследований различных форм поведения, однако такой макросоциологический анализ носит синхронический характер, не учитывает варианты динамики культур, что особенно отчетливо проявляется в современных процессах глобализации. Проведя анализ современных, ныне действующих уголовных кодексов и иных социально-правовых нормативных актов, в большинстве случаев получаем смешанные варианты систем идеалистической этики и права.

Диахронический подход к культуральному исследованию девиантного и криминального поведения и соотношения систем этики и права, можно представить трехэтапной схемой: классицизм, модернизм и постмодерн. Для классического этапа характерна синкретичность норм поведения и права и системы ценностей, лежащей в основе этих норм. Этот синкретизм в основном представлен ритуальными формами поведения, системами символического обмена, описанного Ф. Боассом и М. Моссом, а общества рассмотрены антропологами конца XIX — начала XX в. Б. Малиновским и др. Девиантные и криминальные формы поведения в таких обществах отчуждаются, их функция — определение границ системы. Носители таких форм поведения либо изгоняются из общества, либо уничтожаются, что в древности практически равнозначно. Преступники подвергаются казни, безумные изгоняются и т. д.

Второй этап — модерн, воплощение проекта Просвещения, когда под флагом гуманности уничтожение и изгнание сменяется изоляцией и социальным контролем. М. Фуко впервые выделил эти две модели, обозначив их как «модель проказы» и «модель чумы», модель изгнания и модель изоляции и контроля. «Паноптикум» И. Бентама и «Преступление и наказание» Ч. Беккариа заложили парадигмальные основы отношения к девиантности и преступности, на основе которых сформировались репрессивные модели уголовного судопроизводства, воспитания и обра-

зования, призрения и лечения сумасшедших и т. д. Девиантность и криминальность выступают в эпоху модерна как способ социальной идентификации от обратного, в оппозиции «мы — другие». Однако система норм и система ценностей уже не тождественны друг другу, появляются двойная мораль и двойные стандарты поведения. Этому способствует в первую очередь дифференцировка социальных институтов контроля поведения и сепарация социального пространства, множественность и противоречивость статусно-ролевой структуры личности. Личность выступает как социальный контракт, «общественный договор» на возможности и способы удовлетворения своих потребностей с внешней стороны и иерархическая система ценностей — с другой. Разделение системы норм и ценностей носит повсеместный характер, идея разума противостоит чувственному. Рациональные формы становятся приоритетными; в зависимости от метода В. Виндельбанд делит науки на номотетические (номографические) и идеографические, к первым относятся те, которые оперируют нормами, основанными на законах рациональности, вторые — ценностями. Аналогично В. Дильтей выделяет науки о природе и науки о духе (культуре). Соответственно, одни оперируют законами и нормами, другие ценностями, при этом науки о духе всегда стремились строиться по образцу наук о природе, примером чего служит социология, вначале рассматривавшаяся как «социальная физика». Обращаясь к проблеме криминологической классификации преступлений, ведущие специалисты в области криминологии пишут: «Юридическая наука в значительной мере является описательной и находится между точной наукой и художественной литературой, хотя последняя также является отражением действительности, только своеобразным»². Таким образом, криминологические исследования закономерно ставятся в зависимость от культурологических факторов.

Состояние постмодерна характеризуется тотальным разделением норм и ценностей, релятивизмом и диффузией последних, что ведет к ситуации «прозрачности зла» (Ж. Бодрийяр) и возможности инверсии норм и антинорм. Процесс культурной глобализации — это прежде всего процесс диффузии систем ценностей. Система социальной идентификации «мы — другие» больше не работает, достаточно точно данную ситуацию описывает американский антрополог Клиффорд Гирц: «Теперь мы все — туземцы, и любой, кто

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. С. 488.

² Кудрявцев В. Н., Лунев В. В. О криминологической классификации преступлений // Государство и право. № 6. 2005. С. 54.

не является непосредственно одним из нас, является экзотическим существом. То, что прежде выглядело вопросом выяснения того, могут ли дикари отличать факт от фантазии, теперь предстает вопросом выяснения того, как другие, за морем или этажом ниже, организуют свой значимый мир»¹. Таким образом, в глобализирующемся мире с диффузией ценностей девиантность перестает выступать как средство социальной идентификации. Любые формы девиантности воспринимаются как способ «организации значимого мира», отсюда высокая толерантность к криминальным формам поведения, наблюдаемая сейчас повсеместно. Роль девиантного поведения изменяется, и вместо социальной идентификации девианты, по удачному выражению С. Лема, определяют «полосу свободы эволюционирующего сообщества». Характеризуя роль отклоняющихся, девиантных форм поведения, он писал: «Полоса свободы, которую мир оставляет в распоряжении эволюционирующего общества, уже выполнившего долг адаптации, то есть набор непрременных заданий заполняется комплексами поведения, поначалу случайными. Со временем они застывают в процессах самоорганизации в такие структуры норм, которые формируют внутрикультурный образец “человеческой природы”, навязывая ему схемы долженствования и повинности»². Ассоциативный ряд понятий свободы и девиантности становится все более устойчивым, стоит вспомнить хотя бы права сексуальных меньшинств, активно претворяемые в жизнь на Западе.

Однако сказать, что в культуре постмодерна девиантность отсутствует, не верно, она трансформируется. Все возрастает армия нищих, бомжей, попрошайек, беспризорных детей, количество маргинальных элементов увеличивается, и такая ситуация характеризуется Н. Луманом как «наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра... что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различают рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения... В некоторых местах мы уже можем наблю-

дать это состояние»³. Следствия процессов исключения становятся совершенно очевидными, «именно “исключенные” составляют социальную базу преступности и иных форм девиантности»⁴. Соответственно, в диахроническом аспекте происходит возврат к «модели проказы» (М. Фуко), или модели исключения, но в качественно новом варианте: физическое изгнание или смерть заменяются на социальную смерть или исключение, и существенно меняется состав девиантов и критерии их отбора.

Инверсия норм в культуре постмодерна позволяет говорить о том, что девиации, отклонения имеют также фундаментальное онтологическое значение и часто более реалистичны, чем абстрактные нормы, в основе которых научная рациональность использовала статистические показатели или критерии адаптации. Ориентация на нормы вызывает все большее количество сомнений. Так, по мнению А. Ф. Черданцева, нормативных суждений не существует, они относятся к прагматическим суждениям, оперирующим с деонтическими модальностями «дозволено», «обязательно», «запрещено»⁵. Й. Йоргенсен привел доказательства невозможности вывода императивных предложений из повествовательным посылок; А. Росс, развивая эти идеи, пришел к выводу, «что о нормах нельзя сказать — они истинны или ложны, логические соотношения норм не могут быть определены обычным образом в терминах концепции истины»⁶. Новый мощный методологический аппарат современной науки, такой как теории самоорганизации, хаоса, фракталов, позволяет по-новому рассматривать вопрос о девиантных и криминальных формах поведения и их социального контроля, об их роли в процессе социальной идентификации, конструирования правового субъекта, создания образа «Я», self, эго и так далее через образы «другого», ввести понятия масок социальной субъектности и наметить переход от репрессивных моделей социального контроля как в области криминального поведения и уголовного правосудия, так и девиантных форм, к охранительным моделям, нивелировать процессы социальной исключенности отдельных личностей. Однако мы находимся только в начале процесса научного изучения отмеченных возможностей, и культурально-криминологические исследования могут стать методологической основой на этом пути.

циология на пороге XXI века: Новые направления исследований // М., 1998. С. 94–108.

⁴ Гилинский Я. Девиантология. СПб., 2004. С. 172.

⁵ Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993. С. 35–36.

⁶ Цит. по: Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002. С. 37.

¹ Гирц К. Интерпретация культуры. СПб., 2004.

² Лем С. Модель культуры // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 51.

³ Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Со-

З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ,

заместитель заведующего кафедрой теории и истории государства и права СПбГУП по учебной работе, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент

**ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ
К СУЩНОСТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФЕНОМЕНА «КУЛЬТУРА»**

Феномен «культура» традиционно исследуется различными общественными науками. Однако ученые до сих пор не пришли не только к единому мнению относительно отдельных аспектов, но и к исходной точке — понятия и содержания культуры. Чем объясняется такая сложность решения задачи? Прежде всего тем, что многогранность этой категории вызвала необходимость ее изучения представителями различных гуманитарных наук. То, что они рассматривают объект исследования под разными углами зрения, ставя перед собой специфические для их областей познавательные задачи, обуславливает несхожесть, а подчас и противоречивость подхода к изучению феномена культуры.

В настоящее время, на наш взгляд, следует выделить следующие основные подходы к исследованию культуры.

Функциональный подход. Один из его основателей Т. Парсонс считает, что культура есть сумма всего того, что создано или изменено социальной или несоциальной деятельностью индивидов, взаимодействующих друг с другом и обуславливающих поведение друг друга¹. В своих работах Т. Парсонс обосновывает точку зрения, в соответствии с которой человеческое поведение в любой ситуации частично зависит от ситуативной необходимости, но в основном определяется усвоенной культурой.

Ученый формулирует концепцию культуры в контексте своей теории социального действия. Так, по его мнению, «культуре присуще своя собственная логика, она не может быть сведена к системе мотиваций и ценностей. Между ценностями и культурой имеется определенная связь, но она не непосредственна. Культура не может быть просто редуцирована к мотивам субъекта социального действия, потому что сами культурные основания, будучи интериоризированными, определяют то, какую из возможных альтернатив субъект социального действия выбирает². Согласно этой теории, культура не может быть редуцирована к социальным отношениям. Культуру всегда необходимо от-

делять как от социальной, так и от ментальной реальности.

Модельный подход. Согласно данной теории, культура состоит из определенных моделей поведения индивида, которые он усваивает в процессе своего взросления и которые в итоге отражают своеобразие и особенности различных человеческих групп.

По мысли А. А. Крокбера, часть культуры состоит из определенных поведенческих норм и стандартов, формирующихся на психоэмоциональном уровне, другая же — из идеологических суждений и объяснений некоторых форм поведения. Каждая культура включает в себя определенные общие принципы, на основе которых совершается выбор тех или иных форм поведения, таким образом складывается вариантность неких культурных моделей поведения — речь идет об определенных абстракциях, которые позволяют исследователям видеть все элементы культуры в своем единстве³.

Следует заметить, что данный научный подход в определенной мере ограничен, так как не способен объяснить существование различий между членами одной культуры, не позволяет фиксировать и объяснять культурные изменения, кроме того, не может удовлетворительно ответить на вопрос о происхождении и механизме воспроизводства культурного различия, культурного содержания индивидуального сознания.

Интерпретационный подход. Этот подход, который долгое время господствовал в общественных науках, иногда называют символическим. Культурные феномены, согласно этой концепции, являются символическими феноменами, а поэтому изучение культуры сводится к интерпретации символов и символических действий.

Так, по мысли видного сторонника данной теории К. Гиртца, культурой следует считать систему значений, воплощенных в символической форме: действие, слова и любые объекты, посредством которых люди общаются и передают друг другу свой опыт, формируют общее видение мира⁴.

С Гиртцем соглашался Л. Уайт, который полагал, что культура представляет собой

¹ Посконин В. В., Посконина О. В. Т. Парсонс, Н. Луман. Два подхода в правопонимании. Ижевск, 1998. С. 61.

² Parsons T. The Social System HS. Prentice-Hall, 1961. P. 15.

³ Krocber A. L., Kluckhohn C. Culture Critikal livien of Concepts and Difinition. N. Y., 1952. P. 18.

⁴ Ceerlz C. Interpretation of Culture. N. Y., 1973. P. 5.

организацию явлений, видов и норм активности предметов, идей и чувств, выраженных в символической форме. Как интегративная система, культура, не совпадая с обществом и социальной системой, имеет свои особенности, закономерности функционирования и развития, обусловленные спецификой человеческого бытия¹.

Основной проблемой рассматриваемого подхода стало выпадение из культурного анализа социальной системы. Реальный механизм взаимодействия и содержание отношений между социальной практикой, наблюдаемой исследователем, и культурой остается непонятным. Без прояснения оставался и вопрос, как и зачем культура сообщает значимость социальным институциям. Гиртц затруднялся с ответом на этот вопрос и поэтому склонялся к трактовке культуры как репрезентации. Таким образом, культура здесь выступает в качестве «текста», стоящего за социальной практикой и существующего помимо нее в сознательных и бессознательных социальных действиях ума.

Я разделяю позицию А. П. Семитко, считающего, что «данный подход в целом несостоятелен, так как он приводит к отождествлению общества и культуры, фиксируя в своем понимании, что любой культурный феномен имеет небологический характер, закрывая тем самым путь к выявлению специфики культуры»².

Ценностный подход. По утверждению родоначальника данного подхода Д. Масиониса, культура — это ценности, убеждения, поведение и материальные предметы, которые формируют образ жизни. Сама же культура, в его представлении, делится на материальную — материальные ценности, созданные членами общества, и нематериальную — их идеи³.

А. В. Поляков под ценностной трактовкой культуры понимает «не все созданное человеком, а лишь то, что имеет значение общественной ценности»⁴.

Действительно, под ценностями следует понимать осознанное или неосознанное, характерное для индивида или группы представление о желаемом, которое определяет выбор целей с учетом возможных средств и способов действия.

В основе разнообразных методик внутри ценностного подхода лежит общий теоретический постулат, согласно которому имеется ограниченное число общих человеческих проблем, которым все люди во все времена должны найти какое-либо решение. Несмотря на разнообразие решений их число ограничено, речь идет об определенных вариантах внутри ряда возможных решений⁵.

Вместе с тем в рамках данной концепции культура как целое не представляет интереса — изучению подвергаются лишь специфические содержания определенной переменной, которые призваны объяснить различие, то есть культура воспринимается как некий набор независимых, отдельных друг от друга частей или свойств системы.

На мой взгляд, несостоятельность данного подхода заключается еще и в том, что в его рамках ценности понимаются весьма обыденно и неопределенно.

Вполне очевидно, что любая из существующих концепций изучения сущностной характеристики культуры может быть подвергнута критике, но в каждой из них содержится рациональное зерно или логично истолкованный аспект этого сложного явления. Отсутствие единства в понимании культуры обусловлено как ее исключительной многозначительностью, так и рядом других положений: философской и мировоззренческой позицией автора; направленностью его научных поисков, которая придает исследованию гуманитарный, технический, биологический или религиозный оттенок, либо привносит специфические черты той или иной науки — антропологии, философии, социологии, эстетики, лингвистики, кибернетики и так далее; фактором времени, который корректирует или актуализирует в сознании автора те или иные культурные ценности.

Таким образом, можно заключить, что культура как феномен раскрывает в своей сути прежде всего качественное состояние социума и проявляется в способах деятельности, общественных отношениях, поведении индивидов, состоянии общественного и индивидуального сознания людей, обычаях и традициях, в степени свободы общества и личности и их взаимодействии друг с другом.

¹ White L. A. *The Science of Culture: A Study of Man and Civilization*. N. Y., 1979. P. 363.

² Семитко А. П. *Правовая культура социалистического общества. Сущность, противоречия, прогресс*. Свердловск, 1990. С. 14.

³ Масионис Д. *Социология*. СПб., 2004. С. 101–102.

⁴ Поляков А. В. *Общая теория права*. СПб., 2004. С. 458.

⁵ Kluckhohn C., Strodtbeck F. I. *Values and Value Orientation*. Evanston-Illinois, 1961. P. 10.

Л. В. КАРНАУШЕНКО,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета (Краснодар)

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Правосознание в определенной степени базируется и ориентируется на нравственные и рациональные оценки. Законы оцениваются под углом зрения их соответствия нравственности на обыденно-практическом уровне правосознания общества, тогда как теоретический уровень этой формы общественного сознания рассматривает право под углом зрения его политического смысла и соответственно разумному общественному устройству.

Правосознание, как и любая форма общественного сознания, исторично. В ранних формациях с их мифологическим мировоззрением закон носил форму нравственной традиции, основанной на трех главных аспектах: тотем, табу, пример предка. С образованием государств правовое и нравственное сознание разграничились, дифференцировались. Об этом процессе свидетельствует появление самой идеи права, функцией которого становится защита субъекта (индивида) от объекта (государства). Законы из области непререкаемого божественного установления отошли в область человеческого творчества. Эта идея разумного права, справедливого и законосообразного, появилась еще в античности. Но свойственное правосознанию разумное стремление объединить справедливость и закон не могло реализоваться в действительности.

Идеал социальной справедливости эволюционировал от одной исторической эпохи к другой с изменением общественной и государственной структур. В средневековом мировоззрении главным было божественное право с идеей трансцендентной справедливости, а в период Нового и Новейшего времени идеал социальной справедливости основывался на естественном праве, согласно которому каждый субъект права должен иметь равные с другими права. Таким образом, возникло формальное право, утверждающее юридическое равенство всех членов общества. Юридическое право определяет меру социальной свободы субъекта и регламентирует нормативно-обязательные элементы общественной деятельности, что, в свою очередь, представляет собой обратную сторону социальной свободы. Теоретическое правосознание рассматривает этот процесс с точки зрения государства как общественного целого, а общественное сознание на его обыденно-практическом уровне рассматривает эти

отношения со стороны личности и нравственного идеала социальной справедливости. Объединение государственного и личного аспектов в единое целое есть одна из сложнейших задач сегодня.

Таким образом, законодательное право исторично. Оно прошло путь от теоретического идеала к закону, сообразному вызвавшим его социальным и историческим причинам и особенностям. Следовательно, исторично и правосознание общества, являющееся функцией знания и оценки эволюционирующего законодательства.

Весь мировой опыт возникновения, становления, распространения и развития либерализма подтвердил неразрывность существования в системе либеральных ценностей идеи права. Более того, право является необходимым условием существования личности в обществе. Общеизвестным является тот факт, что главной социальной базой либерализма в России в силу определенных исторических причин стала интеллигенция. Российская либеральная интеллигенция на протяжении всей своей истории стремилась к «господству права», то есть такой ситуации, в которой общественная сила не может осуществляться произвольно, а лишь в соответствии с законом¹. Неслучайно среди выдающихся либеральных деятелей России видное место занимают юристы-интеллигенты, например: Б. Н. Чичерин, С. А. Муромцев, Л. И. Петражицкий, В. М. и И. М. Гессены, Н. А. Гредескул, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляревский и др. Именно усилиями либералов была подготовлена и проведена знаменитая судебная реформа 1864 г., как впрочем и все другие реформы эпохи Александра II.

Право тесно связано с развитием либеральной демократии. Вот почему от уровня правосознания и правовой культуры в обществе зависит поступательность развития современной России. «Правосознание представляет собой совокупность взглядов, идей и учений, выражающих отношение людей к праву, законности, правосудию, их представление о том, что является правомерным или неправомерным»². В свою очередь правосознание тесно

¹ Нэмо Ф. Либерализм // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1987. С. 263.

² Культурология. Основы теории и истории культуры // под ред. И. Ф. Кефели. СПб., 1996. С. 170.

связано с политическим и нравственным сознанием. Например, о нравственной силе права пишет известный ученый-правовед, либерал П. И. Новгородцев¹. Правосознание же является важнейшим элементом правовой культуры. Кроме права и правосознания элементами правовой культуры считаются правовые отношения, законность и правопорядок, законотворческое, правоприменительное и другие виды деятельности в сфере функционирования права в обществе. Если обратиться к признакам правовой культуры, то необходимо, в первую очередь, выделить равенство, свободу и справедливость². Причем трактуются эти признаки в соответствии с либеральными, а не какими-нибудь иными ценностями. К сожалению, вычленение составляющих правовой культуры из контекста либеральной доктрины приводит к дискредитации идеи права, ослаблению правового общества и дает совершенно противоположный результат. В лучшем случае это ведет к правовому нигилизму, в худшем — к обстановке сталинских репрессий, когда именем закона освящалось попрание человеческих прав. Вот почему в современных противоречивых условиях становления правосознания российского общества необходимо формировать единую правовую культуру и для государства, и для личности. Именно под влиянием этих идей происходили идейно-политические, нравственно-философские искания лучших представителей российской либерально-демократической интеллигенции.

Процесс формирования правовой культуры интеллигенции в современной России, по мнению авторов, можно разделить на два этапа. Первый из них — середина 1980-х — начало 1990-х гг. Начавшаяся после 1985 г. демократизация политической жизни страны привела к трансформации правового сознания интеллигенции, что было связано не только с созданием новых демократических институтов, но и гораздо большей, по сравнению с предыдущим периодом советской истории, «включенностью» интеллигенции в процессы ее политического, правового и государственного реформирования.

Как показали события этого времени, интеллигенция в массе своей была уже готова к переменам, что объясняется, по мнению авторов, прежде всего тем, что, являясь объектом и субъектом исторического процесса, она была не только зависима в своей ин-

теллектуальной, профессиональной деятельности от государственных структур, но и осуществляла эту деятельность в жестко детерминированном правовом пространстве. Восприимчивость к новациям и своеобразное состояние «усталости от стабильности» способствовали активному поиску интеллигенцией новых принципов формирования правовой культуры, в основу которых был положен отказ от постулатов социалистического (советского) правосознания. Этим во многом объясняется и стремление интеллигенции к заимствованию элементов правовой культуры западного общества, что на практике получило отражение в освобождении от идеологического диктата, формировании многопартийной системы, проведении альтернативных выборов во властные структуры и т. д. На первом этапе формирования правовой культуры в современной России приведенные факторы явились объединяющими для интеллигенции.

Однако на втором этапе (с начала 1990-х гг.), в связи с изменением государственно-политического и социально-экономического устройства России, значительная часть интеллигенции не смогла не ощутить свою неустраиваемость в обществе, то есть ее идеалы, цели и задачи по реформированию страны вступили в противоречие с объективной реальностью. Ситуация привела не только к усилению дифференциации среди интеллигенции, которая и до этого никогда не была едина, но и к сложностям в формировании ее политической и правовой культуры, которая, как свидетельствует историческая практика, является основой как для построения гражданского общества, так и для складывания так называемого «среднего класса», главным социобразующим элементом которого и должны были стать широкие слои интеллигенции.

Таким образом, в современных условиях социально-экономической и политической нестабильности, дифференцированности самой интеллигенции, в существующих противоречиях между государством и обществом надежды на быстрое формирование развитой правовой культуры интеллигенции представляются весьма призрачными. Основными условиями для ее создания должны стать не только стабилизирующие факторы государственного развития, но и поиск путей гармонизации интересов государства и личности, этого, в свою очередь, можно достичь лишь на основе развитой системы права и правовой культуры. Сумеет ли Россия и российская интеллигенция выйти из этого порочного круга — покажет время.

¹ Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 525–539.

² Культурология. С. 172–173.

В. И. КАШИРИН,

профессор кафедры социальной философии и этнологии
Ставропольского государственного университета, доктор философских наук

ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ: СИНТЕЗ ЭВОЛЮЦИОННОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

Понятие «философия экономики», на наш взгляд, является весьма важным для понимания нового взгляда на эволюционные и цивилизационные процессы. Выдвинутая академиком Д. С. Львовым в пятом номере «Обозревателя — Observer» за 2005 г. доктрина нравственной экономики не только теоретически актуальна, но и практически злободневна. Она основана на убеждении, что Россия должна перейти в новое идейное измерение, чтобы остановить процесс дегуманизации общества. В аксиоматическом обосновании этой доктрины автор вскрывает «самую болевую точку наших либеральных экономистов — безвозвратную потерю времени, отпущенного реформаторам», а проблему межстрановых сравнений предлагает рассматривать в терминах «времени исторического творчества», когда цена единицы времени чрезвычайно велика и ее ни в коем случае нельзя приравнять к единице календарного времени¹.

Разделяя аксиоматические (экономическо-философские) обоснования доктрины нравственной экономики, мы предпринимаем попытку дополнить их фундаментальным обоснованием, а для этого надо наметить некоторые контуры культурно-временного подхода. На наш взгляд, он должен быть основан на синтезном мышлении и сочетать философские идеи культуры цивилизационного времени (энергии человеческой культуры), воплощенные в принципах цивилизационного и эволюционного детерминизма, и политико-экономические идеи культуры самоуправления, определяющие вектор властных функций в прогрессивном направлении.

На этом фоне представляется важным введение в действие Федерального закона РФ № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». По замыслу его авторов, культура самоуправления должна развиваться с местного поселения. Как известно, один из регионов Северного Кавказа — Ставропольский край уже ввел в полном объеме действие этого закона. Хотя всем остальным регионам Российской Федерации еще предстоит внедрение в жизнь основных его положений, но уже сейчас ясно, что за бортом осталось много нерешенных

проблем практического и теоретического плана. Что касается практических проблем, то они не решаются из-за плохой отработки финансового механизма. Например, по оценкам минфина в 2006 г. на уровень самокупаемости выйдет не более 10 % муниципалитетов. И это следствие недостаточной проработки теоретических вопросов с позиций цивилизационного детерминизма. Если бы регионы с самого начала понимались не просто как совокупные экономические единицы, а как феномены культуры, то есть как цивилизационные субъекты, были бы ясны и цивилизационный смысл, и общественное значение этого закона.

Нам представляется, что общественное значение, формирующееся в развитии коллективно-пространственной горизонтали цивилизационного субъекта, заключается в том, чтобы предоставить максимально возможную на данном этапе перспективу свободного развития региона. Наоборот, скрытый, внутренний смысл, формирующийся в динамике индивидуально-временной вертикали субъекта, заключается в том, чтобы регион развивался в рамках ценностей российской, а не иной культуры. Именно динамическое равновесие этих двух составляющих (общественного значения и цивилизационного смысла) и определяет эффективность действия этого закона, направленного в конечном итоге на обеспечение коллективно-пространственного и индивидуально-временного единства России как страны-цивилизации².

Какие же выводы для философии экономики можно сделать из вышеизложенного?

1. В конце XX — начале XXI столетия глобальный рынок приобретает новый социалдарвинистский смысл: в связи с ограниченностью планетарных ресурсов история стала мыслиться не как взаимодействие производителей, творцов, а как безжалостная конкуренция потребителей, в которой рынок выступает в качестве механизма выбраковки человеческой массы, отлученной от дефицитных благ цивилизации. Это определяет метавнешнее воздействие глобального рынка на экономическую жизнь России.

¹ Нужна ли России своя философия экономики? Академик Д. С. Львов об аксиоматическом обосновании нравственной доктрины экономического развития страны // *Обозреватель — Observer*. 2005. № 5 (184). С. 5–16.

² Каширин В. И., Каширина О. В. Социальное время-ведение. Философский взгляд на проблему формирования общеевропейского пространства высшего образования. Ставрополь, 2006.

2. Новая картина жизни, созданная в России современным «рыночным либерализмом», является дестабилизационной, в ней резко меняются вектор и цена жизни человека. В этом заключается внешнее дестабилизационное воздействие на экономику России.

3. На новый уровень выходят процессы государственного и экономического управления, как показала практика реформ, их нельзя разделять, поскольку цели и того, и другого диктуются эволюционным и цивилизационным детерминизмом. На этом новом уровне важнейшее значение приобретают внутренние процессы самоорганизации российской экономики и политики, с целью нейтрализации дестабилизационных метавнешних и внешних воздействий.

4. Дальнейшее развитие российской экономики возможно лишь на основе культуры самоуправления, обеспечивающей контроль и координацию в действиях внутренних, внешних и метавнешних (глобальных) факторов. Принципы культуры самоуправления должны разрабатываться современной развивающейся дисциплиной — философией экономики, синтезирующей эволюционный и цивилизационный детерминизм¹.

Главной задачей социального времяведения является осуществление синтеза культуры времени с культурой самоуправления, связи научного знания с философским самосознанием. Особую роль в ее выполнении призвана сыграть философия экономики.

А. Л. КОЛОДКИН,

президент Российской ассоциации международного права,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ УГРОЗЫ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Великая победа над фашизмом и создание ООН — эти события всемирно-исторического значения отмечаются нашей страной, всем прогрессивным человечеством в новых условиях. Речь идет о новых условиях геополитического характера, затрагивающих международные отношения, в которых находятся все государства мира. Особое значение при этом приобретает способность такой глобальной организации, как ООН, отстаивать мир и безопасность во всех регионах земного шара. Острота проблемы проявляется прежде всего вследствие новых вызовов и угроз, а также вследствие не всегда верного применения и недооценки современной роли международного права.

Сегодня всем ясно, что защита прав и свобод человека является одной из важнейших основ мирового правопорядка. Она не может рассматриваться исключительно как внутреннее дело государства. Защита прав своего гражданина есть обязательство государства *erga omnes* — обязательство всех государств и каждого перед всем международным сообществом. Поэтому положения Всеобщей декларации прав человека (1948), Международных пактов о гражданских и политических правах, экономических, социальных и культурных правах (1966) есть общепризнанные нормы международного права, а не какие-то «западные ценности», которые якобы нам чужды. Таким образом, нельзя проходить мимо фактов нигилистического отношения к

нормам международного права, принижению его роли только лишь из-за имеющих место нарушений Устава ООН или других незаконных действий каких-либо отдельных государств.

Распространение угрозы международного терроризма привело к новому пониманию ст. 51 гл. VII Устава ООН относительно права государства на самооборону. Хотя в ее тексте не говорится о возникновении этого права при вооруженном нападении государства, однако десятилетиями считалось, что речь идет именно о государстве как агрессоре. Выступления некоторых государств с предложением считать актом агрессии террористическое нападение поддержки не находили. Однако уже в 2000 г. британский профессор Кристин Грэй в книге о применении силы и международном праве подчеркнула: силовой ответ на террористическое нападение есть осуществление права на самооборону.

После 11 сентября 2001 г., а также после констатации участия в террористических актах на Кавказе членов международных банд и с принятием целой серии резолюций Совета Безопасности ООН всем стало ясно, что ответ на теракт есть акт осуществления права на самооборону и что нападение может совершаться далеко не только государством.

¹ Каширин В. И., Каширина О. В. Философия экономики: вопросы методологии // Обозреватель — Observer. 2006. № 1, 2.

Нередко теракты, убийства, взрывы совершаются под предлогом борьбы за независимость, за отделение и создание другого государства. К сожалению, многие политологи и СМИ не могут объяснить всю несостоятельность такого подхода, кроме лишь эмоционального или общеморального порицания. А между тем в таком правовом акте, как Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 г. о мерах по ликвидации международного терроризма, сказано: «Преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора... в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в оправдание». Именно так решает вопрос ООН.

В докладе 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Генеральный секретарь ООН временно и, на наш взгляд, абсолютно справедливо ставит вопрос о том, что не только собственно нападение, но и его неминуемость может означать акт агрессии и вести к упреждающим ударам, которые в этом случае должны рассматриваться как осуществление права на самооборону. В таком же духе высказывались Президент РФ В. В. Путин и министр обороны С. Б. Иванов. В международном праве давно, еще с первой половины XIX в., юристы-международники стали говорить об условиях правомерности упреждающего удара (дело о судне «Каролина» 1837 г. и последующие документы). Хотя ряд авторов (Б. Симма, Э. Броунли) придерживаются решения Международного Суда ООН 1986 г. по делу Никарагуа¹, согласно которому право на самооборону возникает лишь в случае военного нападения, другие считают, что было бы извращением целей Устава заставлять защищающееся государство позволить другому государству «нанести первый и может быть фатальный

удар...» и что «прочитать буквально ст. 51 означает защищать право агрессора на первый удар» — так утверждает известный британский дипломат и юрист Х. Уолдок. Аналогичную позицию занимают Р. Дженнингс и А. Уоттс².

Все это представляется вполне обоснованным и отвечающим интересам России, особенно в свете нарастающих террористических угроз. В этом контексте важным является определение условий, при которых Совет Безопасности ООН может сделать вывод о неминуемости нападения и правомерности упреждающего удара. Заметим, что такую работу уже в определенной мере выполнил академик Е. М. Примаков в своей статье³.

Нельзя не видеть попыток реанимировать дух фашизма, реваншизма, не заметить стремлений пересмотреть итоги Второй мировой войны, причем как на Западе, так и на Востоке. Президент В. В. Путин во время визита в Японию напомнил, что эти решения, касающиеся итогов войны, находятся в сфере международного права. Ведь еще до Декларации 1956 г., подписанной СССР и Японией, в Мирном договоре с Японией от 8 сентября 1951 г., подписанном ею с США, Великобританией и рядом других стран, говорилось, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова...».

Поэтому не могу согласиться с одним из наших политологов, который, говоря о якобы малой роли международного права, привел слова Сулеймана Великолепного о том, что все международные договоры «на кончике моего ятагана: куда поверну, там и будет договор». Отмечая 61-ю годовщину создания ООН и победы над фашизмом, мы вспоминаем, как закончили свои дни ниспровергатели международного права и международных договоров — председатель германского рейхстага Геринг и рейхсканцлер Гитлер, — а именно «на кончиках» штыков Советской Армии и войск всех стран антигитлеровской коалиции.

Д. В. ЛОБОК,

заведующий кафедрой теории и практики профсоюзной работы СПбГУП,
кандидат исторических наук, профессор

ПРОФСОЮЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Происходящие в России преобразования кардинально изменили все стороны жизни нашего общества. Развитие современных социальных институтов, провозглашение демо-

кратических основ жизнедеятельности, становление рыночных отношений, легитимация

² См.: *Оппенгейм Л.* Международное право: в 2 т. 9-е изд. М., 1948–1950.

³ *Примаков Е. М.* ООН — вызовы времени // Россия в глобальной политике. 2004. № 5.

¹ Nicaragua. 1986. ICJ Rep. 14(188).

частной собственности привели к тому, что в российском обществе сложилась новая социально-экономическая среда.

В последние годы у нас в стране с необычайной силой пробудился интерес к понятию «гражданское общество». Во многом это связано с тем, что отказ от марксизма произошел при отсутствии четкой идеологической альтернативы. Старым идеям люди предпочли вакуум, отсутствие убеждений. В такой ситуации среди политической элиты ощущалась необходимость нового идеала или, по крайней мере, нового лозунга, который можно было бы противопоставить всем прежним. Этот лозунг и был найден в идее гражданского общества. Данное понятие взято на вооружение потому, что оно очень точно и емко выражало то, чего не доставало российскому обществу и что хотелось бы иметь в качестве неперемennого условия жизни. Каждая из противоборствующих политических сил вкладывала в это понятие свой смысл, стремясь использовать его в своих интересах.

В устах критиков коммунистического режима построение гражданского общества означало конец монолитного общества, конец монополии на политическую и социальную организацию, на истину и информацию, то есть всего, что отождествлялось с понятием «реальный социализм». Традиция берет начало в 1970–1980-х гг., в период борьбы против авторитарных режимов в Восточной Европе.

С другой стороны левые партии и движения, возникшие на основе распавшихся коммунистических партий, также обращаются к концепции построения гражданского общества. При этом представители левого движения ссылаются на наследие итальянского марксистского теоретика Антонио Грамши, который предлагал рассматривать гражданское общество как сеть независимых политических инициатив, активисты которых являются естественными союзниками коммунистов в борьбе против буржуазной диктатуры.

В настоящее время большинство исследователей сходятся во мнении, что гражданское общество представляет собой совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы слушать противовесом государству и, не мешая ему, играть роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию. Гражданское общество может контролировать государство и способно ему противостоять. Это общество, где неполитические институты не испытывают давления со стороны политических институтов и где ничто

не сковывает индивидуальной свободы. Такое определение передает идею, заключенную в данном термине, и в то же время объясняет его нынешнюю привлекательность.

Между тем опыт постперестроечных лет сумел породить определенные опасения в успехе российского проекта гражданского общества.

Первое. Крах социализма в СССР стал для очень многих людей подтверждением необходимости полного перехода к рыночным отношениям во всех областях общественной жизни при радикальной минимизации роли и значения государства. Сторонники этой позиции полагают, что в открытом обществе государство должно выступать в роли своеобразного «ночного сторожа», то есть использовать всю мощь централизованной власти лишь для обороны от внешних врагов и для поддержания порядка, оставляя все прочее на волю рынка как самоуправляемой системы.

Второе. Россияне склонились в сторону либерализации в надежде, что она принесет с собой улучшение экономической ситуации или, по крайней мере, позволит создать для него условия. В результате, несомненно, удалось достичь интеллектуальной свободы, но каких-либо ощутимых успехов в хозяйственной области пока не обнаружилось.

Третье. Процесс зарождения гражданского общества в Европе, превращения феодальной, абсолютистской общественной системы в открытый, мобильный, нацеленный на экономический рост общественный строй был длительным, неоднозначным и сложным. Он предполагал трансформацию всех европейских ценностей и социальной организации. Возникшие в результате новые классы и новая этика в значительной мере опирались на чувство новой глубинной социальной общности. К сожалению, этого нельзя сказать о попытках создания гражданского общества в постсоциалистической России. Более того, парадокс состоит в том, что в стране, где власти пытались «сверху» осуществить свое понимание марксистского проекта нового строя, теперь точно так же стремятся ввести в действие проект гражданского общества.

Несомненно, для того чтобы наше общество было экономически процветающим, политически стабильным и высококультурным, необходимо развивать демократию, укрепляя структуру гражданского общества. К ней прежде всего следует отнести самое массовое общественное объединение — профсоюзы, являющиеся инструментом гражданского общества. В отличие от других неправительственных организаций, профсоюзы имеют

широкую членскую базу и отечественные источники финансирования, закономерно претендуя на роль влиятельной и независимой части гражданского общества.

Какова же их социальная функция, и какую роль призваны сыграть профсоюзы в становлении и развитии современного гражданского общества?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо осознать суть деятельности профсоюзов, рассматривая их развитие как «продукт» развития цивилизации.

Сейчас никто не будет оспаривать, что появление профсоюзов было закономерным итогом развития общества. Они существовали и будут существовать, пока есть система наемного труда, которая неизбежно порождает объективный конфликт интересов собственника средств производства и собственника рабочей силы — наемного работника. Логика становления и развития профсоюзов состояла в том, чтобы не дать работодателю произвольно действовать по отношению к работникам. Вся история рабочего движения показывает, что индивидуально, без организации, работник не может отстаивать свои интересы на рынке труда. Осуществляя коллективное представительство трудящихся, профсоюзы являются естественными защитниками прав и интересов работающего человека.

Отметим, что первоначально представители либерального лагеря отнюдь не являлись сторонниками признания профсоюзов. В их понимании данная организация мешала свободному развитию экономики. Первый в мире Закон о профсоюзах, принятый в Англии в 1824 г., был проведен усилиями консерваторов, имеющих более глубокие политические традиции и выступающих за стабильное, устойчивое развитие общества.

В настоящее время функции профсоюзов не ограничиваются только защитой интересов наемных работников в социально-трудовой сфере. В орбиту деятельности профсоюзов входит более широкий круг вопросов. Например, в Уставе Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) Франции говорится: «Профсоюзы рождены желанием работников защищать свои непосредственные интересы и участвовать в трансформации общества...». Целью Центральной организации профсоюзов Норвегии (ЦОПН) провозглашены работа над «обеспечением свободы, правопорядка и дальнейшего построение демократической формы правления, такой, какой она сложилась в Норвегии».

Таким образом, деятельность профсоюзов призвана оказывать влияние на все сферы функционирования социума: экономичес-

кую, социально-бытовую и культурную. Особенно актуальным это становится в условиях попыток дегуманизации общества, когда свободное развитие рынка становится самоудовлетворяющей ценностью. Новый «просвещенный менеджмент» стремится остаться с работником с глазу на глаз, без «обременительных посредников» в лице профсоюзов. Немалое число предпринимателей исповедуют в отношении к работникам принципы более характерные для периода конца XIX — начала XX в., когда работник становится полностью бесправным по отношению к работодателю. Все это неизбежно порождает социальную напряженность, дискредитирует саму идею построения гражданского общества в стране.

Статистика показывает, что сложившаяся в России рыночная экономика с трудом выдерживает непомерные социальные расходы. 40 % населения страны живет ниже черты бедности, а по таким показателям, как продолжительность жизни, уровень образования, потребление на душу населения, Россия занимает 70-е место в мире. В то же время для устойчивого (бесконфликтного) поступательного развития гражданского общества, как показывает практика развитых стран, зарплата должна превышать прожиточный минимум не менее чем в 2,5 раза, а пенсия — в 1,5. Если же 30 % населения живет ниже этого уровня, то это влечет за собой социальный конфликт.

В Конституции Российская Федерация характеризуется как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Таким образом, созданы предпосылки для усиления позиции профсоюзов по обеспечению конституционных прав и интересов граждан. Профсоюзы призваны содействовать формированию такой государственной политики, которая позволит создать эффективную, многогранную систему социальной защиты, помощи и поддержки населения, в особенности самых уязвимых его слоев и категорий.

В настоящее время профсоюзы России стоят перед новыми вызовами времени. Прежде всего вызов профсоюзам бросает капитал — отечественный, зарубежный и смешанный. Стремясь к получению максимальной прибыли, капитал обесценивает труд за счет снижения издержек на его воспроизводство. Профсоюзам пришлось действовать в стране, где произошла резкая поляризация в доходах, уровне жизни, утрачен престиж честного добросовестного труда. В сегодняшней России, где только формируется гражданское общество, отношения между предпринимателями

и профсоюзами складываются непросто. Предприниматели в лучшем случае терпят «послушные» профсоюзы и очень решительно выступают против «независимых». Ни для кого не секрет, что во вновь возникающих в стране экономических структурах зачастую просто отсутствуют профсоюзные организации.

Опираясь на политику социального партнерства, профсоюзы стремятся отстаивать права трудящихся на достойную оплату их труда в соответствии с его рыночной ценой. Обществу необходимо стремиться к достижению баланса между интересами предпринимателей и рабочих.

В современном гражданском обществе социальное партнерство выступает как ведущий метод цивилизованного решения социально-трудовых конфликтов и является механизмом достижения социальной стабильности, гарантирующим движение вперед.

Не просто складываются отношения профсоюзов и государства. В последнее время со стороны государства неоднократно предпринимались попытки ослабления правового положения профсоюзов, снижения их роли в вопросах регулирования трудовых отношений и практического осуществления защитных функций при нарушении трудовых прав работников. Для создания высокоразвитого гражданского общества необходим диалог государственной власти всех уровней, объединений работодателей и профсоюзов, совместное с представителями государства участие профсоюзов в регулировании социально-трудовых отношений. Все это предполагает совместную деятельность профсоюзов и государства по обеспечению членам общества прожиточного минимума, создания благоприятных условий труда для наемных работников, защиты их от негативных воздействий рыночной экономики.

Особенно важна роль профсоюзов в процессе разработки социального и трудового законодательства, в осуществлении контроля за его соблюдением на всех уровнях. Если данное сотрудничество будет успешным, то это позволит создать в обществе благоприятный социально-психологический климат, обеспечит максимально возможную стабильность гражданскому обществу.

Государство, провозгласившее себя социальным, должно быть, прежде всего, государством цивилизованным. Оно должно базироваться на государственном праве, признании и реализации в полном объеме основных свобод человека в сочетании с действительно демократическими отношениями в экономике и обществе. Идеальное социальное государ-

ство должно находить оптимальный баланс между возможностями рыночного саморегулирования экономики и государственным регулированием в интересах социальной защищенности наиболее уязвимых слоев и групп населения.

Профсоюзы выступают за ориентацию социального государства на духовное, культурное и нравственное развитие граждан. По нашему мнению, идеологической установкой гражданского общества должен быть трудовой образ жизни как основа благосостояния и развития.

Для профсоюзов в период формирования гражданского общества главными качествами становятся не только их представительство в рабочей среде или умение вести переговоры, но и такие качества, как способность к оперативному выявлению новых проблем, улавливание новых формирующихся тенденций, умение вырабатывать адекватные взгляды и реакции рабочего движения по вопросам, ранее не стоявшим перед профсоюзным движением.

Вырабатывая задачи и приоритеты в своей работе на перспективу, профсоюзам предстоит решить несколько задач.

Во-первых, окончательно обрести независимость от государственных и хозяйственных структур. В соответствии с современными представлениями основными критериями гражданского общества выступают независимость образующих его структур от государства и добровольное объединение членов общества в многочисленные ассоциации и организации для реализации своих прав и интересов. Профсоюзам необходимо завершить процесс своего превращения в эффективно функционирующий институт гражданского общества. Они по своей природе являются одним из элементов последнего и призваны развиваться как самоорганизующаяся и самоуправляемая система.

Во-вторых, надо провести укрепление организационных основ всей профсоюзной системы. Профсоюзам необходимо преодолеть организационную «рыхлость».

Отсутствие гибкости в структурах противоречит быстро меняющейся экономической системе. Слабая подвижность в структуре профсоюзов всех уровней приводит к потере членов профсоюза, размыванию системы диалогов с работодателями.

Нет сомнения, что обновленное профессиональное движение России внесет свой вклад в скорейший вывод нашего государства из кризиса и будет способствовать формированию демократических основ гражданского общества.

Ю. А. ЛУКИЧЕВ,заведующий кафедрой правоохранительной деятельности СПбГУП,
кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист РФ,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ

НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Проблемы нравственности, морали в организации общественной жизни, в установлении порядка и характера взаимоотношений людей всегда имели и имеют громадное значение, всегда привлекали и привлекают к себе внимание борцов за переустройство общества на справедливых основаниях. Нравственные нормы находят воплощение во всех областях жизни и деятельности людей: государственной, общественной, личной.

Громадное значение имеет соблюдение и правильное применение норм нравственности в работе судебных, прокурорских и следственных органов. Раскрытие преступления и изобличение преступника, применение к нему заслуженного и справедливого наказания — в этом заложен громадный моральный потенциал, все перечисленное связано с жизненными интересами общества и личности. Реализация, правильное применение законов всегда означает и реализацию заложенных и выраженных в них нравственных требований, без чего применение закона может оказаться чисто формальным, а потому неправильным как с моральной, так и с юридической стороны.

Этические начала присущи всем стадиям российского судопроизводства и деятельности всех его участников, в том числе работников правоохранительных органов (судей, прокуроров, следователей, адвокатов). Особое значение нравственные начала приобретают в осуществлении правосудия. Само понятие правосудия заключает в себе определенное нравственное содержание, нравственный смысл: правосудие означает не просто деятельность суда, но и суд справедливый, суд по совести¹. Нравственное содержание деятельности правоохранительных органов в процессе расследования и разрешения дела характеризуется такими основными критериями, как справедливость, беспристрастность и непредвзятость. Справедливость — категория этики. В правосудии требование справедливости является одним из основных. Именно она определяет главный смысл правосудия, так как сама его суть в итоге и заключается в установлении правильных отношений: деяние — преступление, преступление — наказание. Это означает, что привлечен к уголовной ответствен-

ности и осужден должен быть только совершивший преступление человек и только за то преступление, которое им совершено в действительности, и наказание к нему должно быть применено в меру его действительной вины — то, которое им заслужено и с учетом всех смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Беспристрастность и непредвзятость — также одно из основных условий правосудия, характеризующих его суть. В самом общем смысле беспристрастностью называют нелицемерие, отсутствие пристрастия, приверженности к какой-либо другой стороне². Беспристрастными и непредвзятыми должны быть все участники уголовного процесса — должностные лица государственных органов, ведущие производство по делу, работники органов дознания, следователи, прокуроры, судьи.

Как известно, следователь свое мнение о виновности обвиняемого высказывает при вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и формулирует свои выводы в обвинительном заключении. Прокурор, утверждая обвинительное заключение и направляя дело в суд, тем самым выражает свое убеждение в виновности обвиняемого и для обоснования своих выводов о виновности и степени ответственности обвиняемого выступает в суде в качестве государственного обвинителя.

Поддержание прокурором государственного обвинения, так же как и деятельность следователя, основывается на безусловном исполнении закона, соблюдении требований нравственности и морали. Только твердая убежденность в виновности подсудимого дает прокурору юридическое и моральное право поддерживать обвинение, требовать осуждения и наказания подсудимого.

Таким образом, нравственные нормы, реализуемые в деятельности правоохранительных органов, не отделяются от процессуальных норм, они включаются в их содержание, являются необходимым составляющим правовых предписаний и требований, определяют нравственный смысл и значение процессуальных норм, указывают этически допустимые способы их реализации.

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. III. С. 380.

² Даль В. Указ. соч. Т. I. С. 72.

А. С. МИШЕНКО,

заведующий лабораторией социально-профессионального формирования конкурентоспособного рабочего государственного научного учреждения «Институт профессионально-технического образования РАО», кандидат экономических наук (Санкт-Петербург)

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Проблема формирования профессиональной культуры молодых специалистов глубоко связана с модернизацией экономических, социальных и образовательно-информационных институтов российского общества. В ней выражаются противоречивые сущностные предпосылки современного развития профессиональной деятельности молодежи, фундаментальные факторы интегрированного формирования профессионализма, социокультурного и гражданского потенциала будущих специалистов.

Важнейшим аспектом категории «профессиональная культура молодежи» как отражения закономерных проявлений ее общей культуры в базисной сфере развития общества, на наш взгляд, является «человекотворческий срез». В многослойной природе культуры, отмечает А. Ахизер, «...центральное место занимает проблема деятельности субъекта». Поэтому при исследовании взаимодействия экономических процессов и профессиональной культуры личности, мы считаем, необходимо исходить из триединой парадигмы формирования социально-интегрированного типа специалиста (как «Личности» — «Профессионала» — «Гражданина»). Это означает, что в условиях модернизации социально-экономических, политических, правовых, нравственных и образовательных институтов современного гражданского общества механизм взаимодействия трудовой культуры, культуры личности и профессиональной культуры работника действует в виде системы динамичных взаимосвязей всех базисных сторон жизнедеятельности индивидов.

На основе данных многолетнего социально-педагогического мониторинга (1994–2006) описанных выше взаимосвязей жизнедеятельности учащихся нам удалось теоретически обосновать систему интегрированных компонентов современной профессиональной культуры работника: их «пронизанность» духовным опытом, профессиональным самосознанием и ценностным отношением к миру и обществу в качестве особого измерения его сущностных сил, творчески-инновационного и общественно-гражданского потенциала. Схематично это представлено в таблице.

В ходе эксперимента мы проанализировали динамику более 60 индикаторов развития

Личностно-спроецированные элементы интеграции	Системно оформленные элементы интеграции	Парадигмальные компоненты-векторы научного анализа профессиональной культуры
1. Сущностные силы и способности учащейся молодежи	1. Духовный опыт (идеалы) учащейся молодежи	ЛИЧНОСТЬ
2. Профессиональные знания, умения и навыки (профессионализм) учащейся молодежи	2. Профессиональное самосознание учащейся молодежи	ПРОФЕССИОНАЛ
3. Творчески-инновационный потенциал (мастерство) учащейся молодежи	3. Ценностно-гражданское отношение учащейся молодежи к обществу	ГРАЖДАНИН

профессиональной культуры учащейся молодежи. В процессе корреляционно-статистического анализа их взаимодинамики нами было выделено восемь базовых параметров. Они раскрывали развитие профессиональной культуры учащихся с точки зрения триединой парадигмы их образования и воспитания: как «Личности» (стремление к самосовершенствованию; наличие высокой эрудиции); как «Профессионала» (степень интегрированности профессии; уровень развития навыков и умений по профессии; экономический интерес при выборе специальности); как «Гражданина» (степень развития демократических диспозиций личности; ее социальная активность; проведение учащимися творчески-креативного досуга). Благодаря этому нам удалось раскрыть механизм взаимодействия индикаторов профессиональной культуры учащихся.

В ходе исследования нами было обосновано следующее положение: труд молодежи в современных условиях необходимо понимать не только как социально-экономический процесс (с точки зрения его объективных содержательных характеристик), но и, прежде всего, как ценностно-предметную субстанцию формирования ее профессиональной культуры. Отношение к профессии учащихся есть не просто выражение их мастерства, но особая личностно-спроецированная форма присвоения ими духовно-материальной культуры конкретного общества. В этом, на наш взгляд, состоит одна из граней интеграции культуры и экономики современного общества.

Становление профессиональной культуры молодежи необходимо рассматривать и с «гражданских позиций»: как диалектическое

единство «государственного заказа» и самоопределения личности, которое объективно детерминировано трансформирующейся системой современного общественного производства. При этом на современном этапе должны учитываться конкретные исторические возможности достижения единства социально значимых интересов общества и личностных профессионально-трудовых ориентаций современной молодежи. Они объективно обусловлены зрелостью институтов гражданского общества (в том числе институтов профессионального образования) в России. Степень их развития реально предопределяет жизненную стратегию и ценности учащейся молодежи.

Формирование и воспитание профессиональной культуры учащихся как будущих высококвалифицированных специалистов

должно учитывать следующие современные особенности развития российского социума: глобализацию экономических и социально-политических институтов мирового сообщества; расширение возможностей как в области получения информации, так и в сфере территориально-трудовых перемещений молодежи (видео, Интернет, поездки за рубеж); резкую дифференциацию российских граждан на богатых и бедных, появление социальных групп, в которых учащимся обеспечивается, так сказать, «абсолютная конкурентоспособность» на рынке труда; усиление в современной молодежной среде прожективных социально-профессиональных установок на достижение подлинного профессионализма на основе мотивированного синтеза учащимися своих личностных, профессиональных и гражданских диспозиций.

Е. Я. МОРОЗОВА,

доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ

Человеческая культура и культурный уровень отдельных социальных групп и конкретного индивида в конечном счете определяются уровнем и разнообразием их культурных потребностей. Процесс их формирования и видоизменения обусловлен рядом социально-психологических факторов, которые по-разному и в различной степени влияют на формирование и направленность культурных потребностей россиян. Способность удовлетворять социально значимые потребности тесно связана не только с уровнем спроса на тот или иной продукт культурной деятельности, но и с ресурсными возможностями (материальными, трудовыми, финансовыми) организаций культуры. Политические и социально-экономические перемены, произошедшие в России, выдвигают экономический аспект деятельности организаций культуры и искусства на передний план. Время, когда экономическая база в их работе практически отрицалась, безвозвратно прошло.

Важной особенностью современного этапа развития социально-культурной сферы является, на наш взгляд, ее значительная реструктуризация. В ней наряду с традиционными видами учреждений культуры (театрами, музеями, библиотеками и т. п.) прочное место заняли высокодоходные новые отрасли: кабельное и спутниковое телевидение, про-

изводство аудио- и видеопродукции, рекламный и модельный бизнес, антреприза, игровой бизнес, шоу-бизнес, туризм и др. Эти организации качественно изменили традиционное представление о характере социально-культурной деятельности. Социально-культурная сфера во всем мире рассматривается не только как производитель и хранитель культурных ценностей, но и как важный сектор экономики, обеспечивающий рост занятости, развитие наукоемких отраслей, значительный приток доходов и налоговых платежей в государственные бюджеты.

Констатируя присутствие в деятельности организаций культуры двух аспектов: социокультурного и экономического, очень важно, на наш взгляд, различать приоритеты каждого из них, а также объективные их ограничители. Примат содержательного над экономическим закономерно возникает у тех организаций, основное предназначение которых состоит в удовлетворении духовных и эстетических потребностей людей. Это предназначение предполагает обеспечение максимальной доступности населения к имеющимся культурным ценностям, ибо потребности превращаются в спрос только тогда, когда за ними стоит покупательная способность человека. Закономерным становится и введение определенных ограничителей в ценовую

политику хозяйствующих субъектов, неизбежно приводящих к снижению доходности и убыточному с экономической точки зрения характеру их деятельности.

В то же время в сфере культуры функционируют организации, для которых экономический приоритет является естественным, их деятельность также базируется на культурных потребностях населения, как правило, в области организации отдыха и развлечений. Определяющим здесь является устойчивый спрос на конкретные виды деятельности, иногда независимо от их социальной значимости.

Социально-экономическая характеристика функциональной роли организаций культуры и искусства определяется в конечном счете приоритетом содержательного или экономического аспектов их деятельности. Только государство своей политикой способно регулировать этот процесс, активно поддерживая те организации, в которых приоритетом выступает содержательная сторона.

Реформы девяностых годов внесли существенные коррективы во взаимоотношения государства и социально-культурной сферы, которые имели как позитивные, так и негативные экономические последствия. С одной стороны, стали доступными многие произведения искусства и литературы, которые раньше по идеологическим соображениям либо просто запрещались, либо были доступны узкому кругу лиц; появление новых видов организаций (антрепризы, видеосалоны, прокатные конторы, частные клубы, художественные галереи, игорный бизнес) сделало рынок культурных услуг более насыщенным и разнообразным; многие традиционные учреждения культуры и искусства с умень-

шением бюджетного финансирования активизировали свою деятельность в поисках дополнительных источников дохода за счет новых форм и методов хозяйствования.

Однако реформы, проводимые в стране, имели для сферы культуры и искусства и определенные негативные последствия: регуляторами экономических отношений в социально-культурной сфере стали выступать не только государство, но и рынок. Конечно, развитие рыночных отношений в России не предполагало, что все учреждения культуры будут по-прежнему содержаться за счет государственного бюджета. На смену должна была прийти новая экономическая стратегия развития наиболее значимых для России направлений социокультурной деятельности, но этого, к сожалению, не произошло.

Как показывает практика, нельзя поддерживать и развивать культуру и искусство страны, региона, города, района вообще. В этом и заключается недостаток современной культурной политики России, основанной на разработке и попытках внедрения многочисленных культурных программ и проектов, которые государство затем не финансирует в полном объеме.

Культурная политика государства должна опираться на конкретные общественные институты, способные реализовать четко сформулированные задачи по преодолению кризисных явлений в культуре. При этом важно, чтобы реализация наиболее значимых для духовного и культурного возрождения страны направлений дополнялась реализацией системы экономических и административно-правовых рычагов (регуляторов) воздействия на организации социально-культурной сферы.

М. С. МОТЫШИНА,

профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Социально-экономические преобразования, происходящие в России, предопределяют изменение организационных структур предприятий. Особенно ярко это проявляется в процессах интеграции. Основным мотивом интеграции является получение синергетического эффекта за счет кооперации различного вида ресурсов — материальных, финансовых, управленческих, научно-технических и т. д. Однако есть и другие мотивы, в том числе: мотивы монополии, спекуля-

тивные, личные, налоговые, политические и т. п.

В России интеграционные процессы развиваются очень быстрыми темпами. Во многих ведущих отраслях (например сырьевых, высоких технологий) весьма активно происходят процессы консолидации — укрупнение ведущих групп отрасли.

Важнейшей формой существования крупного бизнеса в России стали интегрированные бизнес-группы (ИБГ) — финансово-промышленные

объединения, представляющие собой совокупность компаний как из реального, так и из финансового секторов, которые выступают как единый экономический агент. По различным оценкам, в 2004 г. девять крупнейших ИБГ контролировали 85 % стоимости 64 самых «дорогих» российских частных компаний; при этом совокупный оборот первых двенадцати был равноценен доходной части правительственного бюджета¹. Очевидно, в перспективе деятельность ИБГ будет приводить к значимым последствиям как на уровне отраслей и секторов, так и народного хозяйства в целом.

Усиливаются интеграционные процессы на глобальном рынке. По оценкам, деловая активность на рынке слияний и поглощений в России значительно выше, чем в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Несмотря на положительную динамику в росте российских сделок по слиянию и поглощению, их масштабы на мировом рынке пока незначительны, а отраслевая направленность существенно отличается от общемировой: слияния и поглощения относятся, главным образом, к сырьевым отраслям. В целом, на добывающие отрасли в настоящее время приходится 59 % сделок по слияниям и поглощениям, в то время как в других странах ЦВЕ на долю сырьевых сделок приходится не более 3 %. Вообще, сырьевой сектор в России гипертрофирован, на него приходится более 80 % инвестиций и 70 % национального богатства страны. Отмечается тенденция сверхмонополизации отдельных секторов рынка (например нефтегазового).

В сфере слияний и поглощений характерна тенденция усиления роли крупного бизнеса в ущерб малому и среднему. Стало нормой, например, поглощение малых и средних нефтедобывающих предприятий крупными корпорациями. В то же время, поглощение малых предприятий крупными не способствовало повышению эффективности деятельности последних. В настоящее время 90 % основных фондов нефтяной промышленности принадлежат восьми вертикально-интегрированным компаниям (ВИНК). Свою главную задачу они видят в быстрой максимизации собственной прибыли за счет наращивания объемов добычи (мировая конъюнктура этому крайне благоприятствует) без вложения средств в модернизацию производства, развитие инфраструктуры, внедрение современных технологий разработки месторождений, в экологическую безопасность. При этом отечественные крупные нефтяные компании тра-

тят на 1 т добытой нефти средств в 10 раз меньше, чем компании других ведущих нефтедобывающих государств, за счет экономии на обновлении и реструктуризации производства (около 70 % парка буровых установок и 30 % агрегатов для ремонта скважин устарели и требуют замены)². В сложившихся условиях укрупнение ВИНК должно происходить не за счет поглощения тех, кто оказался слабее на внутреннем рынке, а вне России — за счет участия в зарубежных проектах, продвижения на новые рынки и их освоения. На внутреннем рынке при этом необходимо создавать условия для повышения эффективности деятельности средних и мелких компаний, что обеспечит появление новых рабочих мест, решит накопившиеся в стране многие социальные проблемы.

Характерной тенденцией для России является преобладание враждебных сделок, часто приобретающих характер «акционерных войн». Российские схемы враждебных слияний и поглощений отличает меньшая цивилизованность, а диапазон их действия находится в пределах от скупки долговых обязательств, инициирования процедуры банкротства с одновременной скупкой акций у членов трудового коллектива, махинацией с реестром акционеров до использования «административного ресурса». Не секрет, что разработкой таких схем занимаются как специально созданные подразделения крупных корпоративных структур, так и специализированные компании, для которых подготовка сценариев по захвату предприятий и их реализация стали основной сферой бизнеса. Эти процессы приобрели столь масштабный характер, что в последнее время государственные и правоохранительные органы взялись за регулирование сложившейся ситуации.

Происходящие в сфере слияний и поглощений процессы оцениваются некоторыми экспертами как весьма опасные с точки зрения дальнейшего развития рыночных отношений. Одной из таких тенденций стали попытки укрупнения находящихся под контролем государства хозяйственных структур, консолидации государственных пакетов акций и унитарных предприятий под эгидой холдингов. Эти процессы сопровождались выборочными жесткими акциями государственных органов против ряда крупнейших частных компаний, усилением контроля в компаниях со смешанным капиталом, установлением определенных неформальных правил во взаимоотношениях

¹ Цветков В. Специфические особенности формирования и развития российского крупного бизнеса // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 5. С. 74–79.

² Ильин М. С., Тихонов А. Г. О некоторых тенденциях в российской практике слияний и поглощений // Вестник Моск. ун-та. 2005. Сер. 6. Экономика. № 3. С. 3–22.

частного бизнеса и власти. В отношении частного сектора явным стало деление крупнейших компаний (групп) на лояльные (доверенные) и все прочие, на «государственников» и

«космополитов»¹. Вероятным итогом такой политики может стать формирование своеобразной российской модели «государственного капитализма».

П. А. НАЗАРЕНКО,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП,
кандидат философских наук

КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Институт социального партнерства стал формироваться в конце XIX — начале XX в. в странах Западной Европы и США. В юридической литературе отмечаются различные предпосылки его возникновения: экономические (появление крупных промышленных предприятий); социально-политические (классовая борьба, революции и образование государств с демократическим политическим режимом); политико-правовые (вмешательство государства в трудовые отношения, образование международной системы законодательства и международных организаций); идеологические (общий рост уровня культуры и опасности насильственного способа решения вопросов).

Вышеперечисленные предпосылки обусловили и основные задачи института социального партнерства: приближение к социальной справедливости и равномерному распределению национальных богатств и установление определенного уровня льгот и гарантий для наемных работников.

В современном обществе задачи социального партнерства существенно расширились, поскольку работники, работодатели и государство стали сотрудничать друг с другом не только на уровне какой-либо отдельной организации, но и на региональном, а также национальном уровне.

В национальных генеральных соглашениях предусматривается:

1) в области экономической политики: реализация сторонами социального партнерства мер, обеспечивающих улучшение инвестиционного климата; совместная подготовка необходимых нормативных документов; проведение эффективной бюджетной политики и упрощение налоговой системы;

2) в области занятости населения: установление с учетом предварительного согласования минимального и максимального уровней пособия по безработице, осуществление мер, направленных на сохранение существующих рабочих мест; проводить меры против нелегального использования иностранной рабочей силы;

3) в области социального страхования и социальной защиты: установление страховых тарифов и порядка предоставления жилья малообеспеченным слоям населения;

4) в области защиты трудовых прав: совершенствование существующего трудового законодательства, разработка основ социального аудита; повышение экономической заинтересованности работодателей в создании и обеспечении безопасных условий труда;

5) в социально-культурной сфере: осуществление экономического стимулирования участия работодателей в развитии учебно-материальной базы учреждений профессионального образования, в организации внутрипроизводственного профессионального обучения, в том числе опережающего обучения работников, подлежащих высвобождению в ходе реструктуризации производства, включающего базовое, послевузовское и дополнительное образование.

Все приведенные мероприятия осуществляются после проведения консультаций с представителями работников и работодателей. Кроме того, представители работников и работодателей заключают коллективные договоры и соглашения, в которых конкретизируются принципы деятельности социального партнерства. Следовательно, значение этого института в культурной и экономической жизни общества трудно переоценить. Поэтому особую роль приобретает задача по совершенствованию имеющегося законодательства в области социального партнерства. В частности, в Российской Федерации в связи со становлением данного института следует использовать имеющийся зарубежный опыт по совершенствованию деятельности представителей работников и установить государственный контроль над законностью проведения выборов высших представительных органов профсоюз-

¹ *Радыгин А. Д.* Эволюция форм интеграции и управленческих моделей: опыт крупных российских корпораций // *Российский журнал менеджмента.* 2004. № 2.

ных организаций, подразделить профсоюзы служащих (топ-менеджмента) и профсоюзы работников, поскольку их интересы, как правило, не совпадают, запретить проведение голосования при выборах представителей работников по доверенностям, поскольку основная деятельность профессиональных союзов относится не к гражданско-правовым, а к трудовым правоотношениям, основанным на личном выполнении работником своих обязанностей. При проведении таких реформ будет предотвращено управление работодателями

профсоюзными организациями, а последние станут действительно представителями работников и защищать их интересы. Тем самым будет предотвращаться социальная напряженность в обществе и достигаться ненасильственное решение спорных вопросов.

Только при наличии развитой системы социального партнерства возможно построение полноценного гражданского общества и повышение общего культурного уровня населения, решающего свои проблемы путем диалога на основе равноправия и уважения сторон.

Н. Н. ПОГОСТИНСКАЯ,

профессор кафедры экономики СПбГУП, академик Международной академии информатизации, член-корреспондент Международной академии наук высшей школы, доктор экономических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕСА

80-е годы XX в. ознаменовались осознанием «организационной культуры» как мощного инструмента управления, особенно эффективно используемого японцами. Современный период развития практики и теории менеджмента все чаще называют «культурной революцией» в менеджменте.

Культура организации сейчас все больше рассматривается как важный фактор прибыли и конкурентоспособности коммерческой организации, как фактор успеха, эффективности деятельности, а подчас и выживаемости некоммерческой организации. Культура организации все в большей степени становится предметом заботы менеджеров всего мира.

Культура организации — сложный феномен. В нее входят нормы, принципы, правила, ценности, идеалы, язык, жаргон, история организации, легенды, образы, символы, метафоры, церемонии, ритуалы, формы наград и поощрений, размещение, здание, окружение.

Часто корпоративная культура рассматривается как принимаемые большей частью сотрудников организации философия и культура управления, предположения, ценностная ориентация, убеждения, ожидания и нормы, лежащие в основе отношений и взаимодействий как в организации, так и за ее пределами.

В современной литературе существует множество определений понятия «корпоративная (организационная) культура», различающихся подходами к формулированию концепции корпоративной культуры.

Организационную культуру можно сформулировать как «философию» организации и идеологию управления, причем ее основные

постулаты принимаются всеми членами коллектива.

Не внешние, жесткие детерминанты в виде направляющих управленческих воздействий, а организационная культура как комплекс институциональных и нравственных норм и регуляторов приобретает определяющее значение для профессиональной деятельности и организационного поведения в государственной и муниципальной службе. Культурные мотивации поведения отличаются большей осознанностью, нежесткостью стиля деятельности. Они учитывают личностные и групповые особенности, основываются на социальных нормах, принятых и разделяемых большинством членов организации и потому более эффективных.

Важными составляющими организационной культуры являются власть и влияние, а также мотивация, которые определяют общую атмосферу в организации.

Уход от командно-административной системы управления не означает отказ от власти во внутриорганизационных взаимодействиях. Власть, перестав быть единственной формой и методом организационного поведения, остается одной из важных его составляющих. Более того, власть следует рассматривать не только как культурную, социологическую, но и как экономическую категорию.

В словаре В. Даля власть характеризуется как право, сила и воля над чем-либо, свобода действий и распоряжений; начальствование; управление; начальство, начальник или начальники. Становясь владельцами средств производства, люди приобретают определенную власть. Власть имеет руководитель над

подчиненными. Подчиненные имеют власть над руководителями: они могут преднамеренно скрывать или искажать низовую информацию, содействовать или мешать установлению неформальных отношений между начальником и сотрудниками. Власть понижает экономические отношения, тем не менее категория власти практически не представлена в литературе по экономике, управлению, предпринимательству.

В самом общем виде власть определяется как влияние. Влияние — это любое поведение одного индивида, которое вносит изменения в поведение, отношения, ощущения, мировосприятие другого индивида. Однако феномен власти чрезвычайно сложен, в нем можно выделить различные аспекты. Сложность понятия «власть» отражается в разработке целого спектра определений власти, в которых делается акцент на отдельных ее проявлениях, например:

— власть — господство, руководство, наблюдение, верификация, регистрирование, проверка (Ж. Берджерон);

— власть (то есть авторитет, преимущество) формирует такие взаимосвязи между людьми, в которых они добровольно или по принуждению признают верховенство воли других (Г. В. Атаманчук);

— власть есть следствие сочетания или конфликта воли (Ж. Селье);

— власть есть высшее проявление страха человека (Г. Ферреро);

— власть есть сила на службе идеи права (Ж. Бурдо);

— власть есть господство (Р. Арон).

Несмотря на разнообразие определений, можно выделить несколько наиболее часто отмечаемых аспектов:

— власть определяет или детерминирует поведение;

— речь идет не просто о влиянии, а о подчинении, господстве, навязывании своей воли, своих целей или даже о присвоении чужой воли;

— подчеркивается, что власть — это отношение между субъектом и объектом;

— воздействие власти на личность опосредовано определенной общественной организацией;

— с властью связывается использование средств принуждения;

— действие вопреки желанию подвластного;

— власть вызывает сопротивление;

— власть — это способность (потенциал) осуществлять определенные действия.

Анализ большого числа определений содержания понятия «власть» на основе выделенных в нем выше восьми аспектов дает возможность сформулировать следующее определение. Власть — это субъект-объектное

волевое отношение влияния, опосредованное общественной организацией, выражающееся в подчинении поведения и воли подвластного посредством потенциального или реального принуждения, несмотря на его нежелание и/или сопротивление.

Экономическая власть — это такое отношение между субъектом и объектом влияния, при котором субъект принуждает объект нести издержки в свою (субъекта) пользу. Экономическое принуждение, в отличие от физического, когда объект лишен свободы действий, сохраняет видимость добровольности поведения объекта.

Источники власти можно разбить на четыре группы:

ресурсы — что-либо ценное для исполнителя;

полномочия — права, статус, должность, связи (присущие должности);

авторитет — знания, опыт, связи (присущие личности);

сила — воля, красота, обаяние, ум, интуиция.

Менеджер (предприниматель), имеющий и осуществляющий власть, играет роль начальника. Руководитель определяет рамки поведения (результатов) руководимых им людей, он играет обслуживающую роль. Предприниматель, являющийся руководителем, имеющий в связи с этим определенные полномочия, является формальным лидером организации. Однако роли руководителя и реального лидера не всегда совпадают, так как лидерству в значительной мере свойственна неформальная основа.

Начальник и лидер различаются прежде всего тем, что начальник применяет принуждение, обеспечивая посредством него подчинение, а лидер, имеющий авторитет, оказывает идейное (духовное) влияние, которому подчиняются добровольно (с удовольствием). Лидер вдохновляет. По сути вдохновение — это психологический механизм, обеспечивающий мотивацию, гарантирующую высокое качество выполнения работ, творческое и ответственное отношение к труду.

Таким образом, выявляются три роли менеджера в предпринимательской системе: начальник, руководитель и лидер. Соотношение этих ролей во многом определяют конечный результат и эффективность деятельности предпринимательской системы. Поскольку роль руководителя (менеджера) и начальника обычно принадлежит одному человеку, происходит совмещение власти и управления. Эффективный руководитель старается поддерживать разумный баланс власти: достаточной для обеспечения достижений целей, но не вызывающей у подчиненных чувства обездоленности и, отсюда, — сопротивления.

Г. М. РЕЗНИК,

заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист РФ

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ — ОСНОВА МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В мире существует несколько крупных, устоявшихся за долгие века и доживших до наших дней цивилизаций. Наиболее точной представляется их классификация на средиземноморскую и индийско-тихоокеанскую (Г. С. Померанц). Средиземноморская группа в начале нашей эры была представлена двумя ветвями христианства: западной и восточной. Западный (европейский) архетип, философские корни которого уходили в Афины к Платону и Аристотелю, а религиозно-моральные — к Ветхому Завету, за последние 500 лет пространственно расширился и охватил США, Канаду и Австралию. На месте рухнувшей Византии постепенно утвердился ислам. В индийско-тихоокеанском регионе сложились две цивилизации: индийская и китайская. При всем отличии ислама от христианства оно меньше, чем разница между исламом и индийской или китайской цивилизацией, разместившимися вместе с ним в Азии.

Монотеизм ислама рожден Ветхим Заветом, что позволяет расценить воинственный фундаментализм как раковую опухоль на теле религии. В то же время нельзя не признать, что мусульманство наиболее подходит для радикальных интерпретаций.

В каждой субглобальной цивилизации присутствует примерно один и тот же набор ценностей: личность с ее благами и свободой, общество, нация, государство. «Физиономию» цивилизации определяет порядок их расположения, поэтому только западную цивилизацию можно расценить как персоноцентристскую, основанную на идее свободы человека и личной ответственности за свои поступки. Для остальных субглобальных цивилизаций характерен системцентризм (А. В. Оболонский), когда человек — не высшая точка, «мерило всех вещей», но нечто вспомогательное, способное принести большую или меньшую пользу для достижения неких надличностных целей, государственных или национальных интересов. Так, особый тип индуистской цивилизации определило господство индуизма в стране с вековой экономической и национальной раздробленностью, замкнутостью общин. И хотя сейчас Индия вследствие векового влияния Великобритании является примером страны с приверженностью элиты общества демократическим принципам и действительно независимой судебной властью, масштабные проблемы межобщинной напряженности, бед-

ности и неграмотности продолжают детерминировать обезличенность человека, безусловную власть над ним общины, касты.

Что касается России, то ее нельзя отнести ни к какому определенному типу культуры. Страна развивалась на перекрестке субглобальных цивилизаций и испытала глубокое влияние, по крайней мере, трех. Одно влияние ломало другое, но не могло его совсем сломать, в результате «возник своего рода пирог из разных сортов теста» (Г. С. Померанц).

Выдающиеся сыны России (Чаадаев, Достоевский, Толстой, Бердяев, Свияжский) отмечали, что у нас так и не выработалась устойчивая национальная культурная форма. В то же время, как замечательно сформулировал Свияжский: «Россия — страна святого духа, способного наполнить любую форму».

Тенденция глобализации зародилась в мире давно. Этот процесс сложно развивается в разных измерениях: духовном, торгово-экономическом, финансовом. Резкое ускорение процессу глобализации на нынешнем этапе придают научно-технические достижения: формируется единое информационное и рыночное пространство, складываются предпосылки к созданию открытого мирового сообщества с универсальными ценностями.

Важнейшая сторона глобализации — правовая. Западная цивилизация формировалась не только на учениях античности и заповедях христианства, но и на идее римского права — единого права для всех. Именно эта идея объединила усилия народов по созданию Организации Объединенных Наций, одной из целей которой стало осуществление международного сотрудничества «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии».

Через международно-правовые акты — Хартию прав человека ООН, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Американскую конвенцию о правах человека, Африканскую хартию прав человека и народов и другие — основные права человека приобрели универсальность, они не даруются государством индивиду, а признаются в качестве естественных, принадлежащих каждому в силу рождения. Именно на основе таких ценностей, как права человека и государство, основанное на праве, ныне начинается происходить стирание границ между

субглобальными цивилизациями. С переменным успехом вестернизация распространяется на некоторые страны Латинской Америки и Африки, адаптируются к ценностям европейской цивилизации традиционные восточные общества (Япония, Южная Корея, Индонезия, Индия, Китай).

Хочется верить, что современная Россия — страна с вековыми системоцентристскими, антиперсоналистическими традициями, оказавшись на развалинах тоталитарного режима, окончательно сделала свой выбор. Принята либеральная конституция, основанная на идее естественных и неотчуждаемых прав человека, провозгласившая Россию правовым государством. Россия вошла в Совет Европы, ратифицировала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, признала в качестве источника отечественного права решения Европейского суда по правам человека. Магистральное движение России — вместе с передовыми странами Запада, а не поиски особого русского (евразийского) пути.

Основные права человека универсальны. Они суть нормативная форма взаимодействия индивида и власти в правовом государстве. Исторический опыт неумолим: отрицание универсальности прав человека во имя клас-

совых, национальных, религиозных, самобытно-культурных интересов всегда до основания разрушало право, приводя в итоге к деспотии и репрессиям. Нельзя смешивать сферы права и морали, ставить необходимость защищать права конкретного человека в зависимости от нравственной оценки его поведения. Принципы универсальности прав человека, равенства людей в своем достоинстве не ведут к отрицанию национальной самобытности, культурно-цивилизационного многообразия мира (лучший пример тому — Япония). Опасность для нашей страны в другом: эксплуатация мифа об СССР — могучей, процветающей державе, «где так вольно дышал человек», погубленной вражескими происками, имперская ностальгия, параноидальная убежденность в том, что окружающий мир и, прежде всего, Запад жаждет распада России.

Нельзя требовать от права больше, чем оно может дать. Право не в состоянии гарантировать ни преобладания в обществе добрых нравов, ни успешности либеральных реформ. Но именно право, закрепляя свободу личности в неразрывной связи с ответственностью за свои поступки, создает основу для воспитания молодого поколения и формирования властной элиты.

Д. В. РИВМАН,

профессор кафедры правоохранительной деятельности СПбГУП,
доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В РЕЛИГИОЗНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В системе наук криминального цикла сравнительно недавно сформировалось новое направление в сфере изучения преступности — виктимология, предмет которой — жертва (*лат. victima*) и все, что связано с ее виктимизацией (превращением в жертву). Однако представления о жертве, которая не только своим поведением или отношением к тому, кто причиняет ей вред, но вообще самим фактом своего существования способствует возникновению опасной для себя ситуации, появились много веков назад. Сведения о жертвах определенных психологических типов мы находим уже в древнегреческих мифах.

Царь Фив Эдип (герой мифа и трагедии Софокла «Царь Эдип», написанной на его основе) в силу неосознаваемых им обстоятельств оказывается мужем собственной матери и убийцей своего отца. Узнав о содеянном, он ослепляет себя. Эдип — тип невиновной или,

точнее, по-особому виновной жертвы, а его психологическое состояние обозначается сегодня термином «Эдипов комплекс», или «Эдипова вина».

В библейском сюжете о Каине и Авеле виктимологическая ситуация иная. Потенциальная жертва Авель осознает опасность, исходящую от брата, но в силу определенного психологического состояния (чувства некой вины перед ним) не противится обстоятельствам, идет с Каином в поле, где и погибает от его руки. Авель иной, чем Эдип, тип жертвы: он — жертва с ощущением некой вины, поэтому не находит в себе сил к сопротивлению и как бы внутренне оправдывает действия причинителя вреда. Его поведение — объективно провоцирующее, хотя он этого не осознает.

Тип жертвы, который мы сегодня определили бы как агрессивный с элементами не критичности, описан в сюжете о Самсоне

и Далиле. Виктимное поведение Самсона характеризует его как неоправданно самоуверенного человека, переоценивающего свои силы. Этот тип жертвы связан с так называемым «комплексом Самсона».

Тема «виновной» и «невиновной» жертвы преступления находит отражение в художественной литературе начиная со средних веков. Достаточно вспомнить произведения Д. Дефо («Молль Флендерс» и «Полковник Джек»); Т. Кинсея («Убийство, рассматриваемое как искусство»); Ф. Верфеля («Не убийца, а жертва виновата»); Т. Драйзера («Американская трагедия»). В произведениях Ф. М. Достоевского («Братья Карамазовы» и «Преступление и наказание») с потрясающей глубиной

дан психологический анализ различных типов жертв, влияния не только поведения, но и самих качеств личности жертв на возникновение и развитие криминогенно-виктимных ситуаций в условиях социальной несправедливости, бессмысленных страданий и унижений, алчности и корыстолюбия. Психология преступления с учетом роли жертвы отражена в произведениях А. П. Чехова («Убийство», «Драма на охоте»). Список романов, повестей и рассказов, содержащих виктимологические идеи, достаточно велик, так как писатели, обращаясь к ним, имеют возможность создавать интересные с точки зрения развития сюжета и характеристик персонажей произведения.

Р. А. РОМАШОВ,

начальник кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ;

Е. Г. ШУКШИНА,

доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

В отечественной юридической литературе рассмотрение правовой культуры осуществляется в основном с позиции одной из трех концепций: антропологической, юридико-социологической, философской.

Правовая культура при философском подходе «представляет собой своего рода юридическое богатство, выраженное в достигнутом уровне развития регулятивных качеств права, юридической техники, которые относятся к духовной культуре, к правовому прогрессу»¹.

В рамках антропологического подхода — он ориентирован, прежде всего, на суммарную, механическую фиксацию результатов правовой деятельности, которые характеризуются как ценности, — правовая культура рассматривается как проявление самых разнообразных сфер правовой жизни.

В контексте юридико-социологического подхода правовая культура рассматривается в двух плоскостях: во-первых, как характеристика уровня развития правовых явлений на определенном этапе развития общества; во-вторых, как качественная характеристика восприятия права и правового поведения отдельной личности.

Правовая культура составляет внутреннюю, ментально-духовную сторону правовой системы общества и глубоко пронизывает правосознание, правовые отношения, законность и правопорядок, правотворческую, правоприменительную и любую иную юридическую деятельность, регулирует поведение людей, сообразуясь с социокультурными, историческими особенностями, выступает инструментом достижения социальной стабильности.

Правовая культура, как и культура в целом, неразрывно связана с историческими, этносоциальными, социокультурными особенностями того или иного народа, общества, государства. Обращение к истории развития российского общества дает возможность выявить его особенности, наглядно отраженные в правовой культуре: это многовековые планы патриархально-коммунитарного, общинного менталитета с его как отрицательными, так и положительными свойствами, конформизм и одновременно нетерпимость, явное пренебрежительное отношение к закону при не менее очевидном уважении к «порядку», неприязнь к власти в целом и в то же время надежда, вера в доброго, справедливого лидера, вождя, при длительном отсутствии значимых демократических свобод, постоянное

¹ Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 269.

стремление к «воле», творческому развитию личности и многое другое.

Несомненно, правовая культура непосредственно связана с многообразными общественными процессами, зависит от происходящих в обществе изменений и является их совокупным выражением. Любые заметные изменения правовой деятельности предполагают одновременно и изменения правовой культуры. Однако одни и те же процессы, изменения по-разному воспринимаются различными категориями населения, неоднозначно влияют на жизнь отдельных социальных групп, в связи с чем социологический анализ предполагает исследование, прежде всего, групповой правовой культуры.

В жизнедеятельности людей взаимодействуют программы двух типов: биологические и социальные. Если первые передаются через наследственный генетический код, то вторые хранятся и передаются в обществе в качестве традиций. Последовательная бесконфликтная передача традиций, в данном случае преемственность ценностно-мотивационных установок в сфере юридической деятельности и отношении к праву, от одного поколения другому обеспечивают стабильность социальной организации.

В связи с этим можно выделить две основные модели развития правовой культуры: эволюционного и прерывистого развития. Первая предполагает развитие правовой культуры как процесс восприятия опыта предшествующих этапов и поколений, бесконфликтной адаптации этого опыта к новым условиям. В этом случае «культура детей» является производной от «культуры отцов». Для второй свойствен разрыв преемственности между поколениями, невосприимчивость по тем или иным объективным и субъективным причинам традиций и установок, сложившихся в сфере правового общения на предыдущем этапе. В этом случае возникает противопоставление «культуры детей» и «культуры отцов».

Явлениями, образующими правовую культуру, выступают: а) правовое сознание; б) правовая наука; в) правовая деятельность; г) материальные предметы, обеспечивающие и сопровождающие правовую деятельность; д) юридические акты.

При характеристике правовой культуры молодежи наибольшее значение представляют правовое сознание, сложившееся в молодежной среде, и обусловленное соответствующим типом правосознания юридически значимое поведение.

Правосознание представляет собой основу и органическую составную часть правовой жизни организованного в государство общества, сферу или область сознания, отражающую

правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентиров, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях. Специфика правосознания состоит в том, что оно воспринимает, а затем и воспроизводит жизненные реалии через призму справедливого, праведного, свободного.

Правосознание — чисто субъективное явление: оно состоит из представлений людей о праве; из субъективного отношения к самому феномену права, его ценностям; из правовой психологии и даже из индивидуальной или массовой эмоциональной реакции на право, подчас интуитивной, подсознательной.

Групповое правовое сознание — это коллективные представления и чувства о праве, поведении и деятельности в сфере правового регулирования, которые выражают отношение и оценку правовых явлений со стороны социальных групп (выделяемых, например, по возрастному критерию), коллективов и иных социальных образований.

Рассмотрение особенностей правовой культуры современного российского общества, по мнению авторов, целесообразно осуществлять применительно к такому социальному сегменту, как молодежь, поскольку именно она является в полном смысле слова новым поколением, выросшим в эпоху реформационных преобразований и сформировавшимся к этим преобразованиям достаточно устойчивое внутреннее отношение.

Правосознание молодежи имеет специфические социальные и психологические черты, которые обусловлены возрастными особенностями, социально-экономическим и общественно-политическим положением данной группы населения, а также тем, что духовный мир молодых людей находится в состоянии становления и формирования.

В структуре правового сознания молодежи можно выделить следующие составляющие его и взаимозависимые элементы: знание права; представление о праве; отношение к действующему праву; требования, предъявляемые к праву; отношение к исполнению правовых предписаний.

Знание права, то есть представление о содержании правовых предписаний, формируется либо в результате непосредственного изучения соответствующих нормативных положений, либо в результате опосредованного знакомства с ними. Правовые представления и отношение к праву, исполнению правовых предписаний формируются у молодых людей, прежде всего, под влиянием норм

морали, политических и иных воззрений. И если нравственное и политическое сознание человека сформировано правильно, то есть основания считать, что и его правовые представления будут близки к содержанию действующих нормативных актов.

На процесс формирования правового сознания молодого человека решающее влияние оказывают следующие социальные факторы: а) непосредственные условия жизни и работы; б) организованная система обучения и воспитания; в) средства массовой информации; г) государственная молодежная политика. При этом динамика доминирующих в правовом сознании молодежи взглядов напрямую связана со складывающейся социально-экономической и политической ситуацией в обществе. Соответственно, и радикальное воздействие на эту динамику в желательном для общества направлении возможно лишь в контексте конкретных позитивных изменений в общественном развитии. В противном случае правовое сознание молодежи может легко подвергаться деформации¹.

Таким образом, в правовом сознании как социальном явлении могут проявляться два его состояния: положительное и деформированное, которые в основном отличаются характером отражения правовой действительности и отношением их носителей к действующему праву, правосудию и законности. Положительное правосознание предполагает в целом позитивную оценку правовой действительности. Носитель положительного правосознания воспринимает право как реальный инструмент, при помощи которого можно и нужно регулировать отношения, субъектом которых он является, разрешать возникающие конфликты и защищать свои права и законные интересы.

В свою очередь носитель деформированного правосознания воспринимает право как неэффективную, либо более того — вредную (как конкретно для себя, так и для корпорации, членом которой он является) социально-нормативную систему. При этом «вектор восприятия права» качественным образом отличается от положительного правосознания. Если для носителя положительного правосознания право — это прежде всего регулятивно-охранительная система, обеспечивающая реализацию и защиту субъективных правомочий, то в деформированном правосознании право предстает в качестве системы ограничительно-карательного характера, ущемляющей субъекта в его правомочиях.

Деформация правового сознания — это социально-правовое явление, характеризующее такое состояние правового сознания, когда у его носителей складываются определенные взгляды, знания, чувства, настроения, переживания и эмоции, идеи и представления, которые искаженно отражают правовую действительность и выражают отрицательное отношение к действующему праву, правосудию и законности, что приводит к формированию негативно ориентированного правового сознания.

Основными формами проявления деформированного правосознания являются:

— чрезмерно высокая, оторванная от жизненных реалий оценка права как «универсального средства» решения социальных проблем, абсолютизация социальной роли и места права в жизни общества, предъявление завышенных требований к механизму правового регулирования, что кратко можно обозначить как юридический «идеализм»;

— категорическое отрицание права как социального блага, его способности оказывать эффективное воздействие на общественные отношения, упорядочивать жизнь общества.

Эти формы деформации по-разному проявляются в правосознании социальных групп, выделяемых по возрастному критерию.

Естественная дифференциация людей, обусловленная возрастом, в совокупности с характером социальной деятельности лежит в основе выделения поколений. В условиях устойчивой иерархии общественных ценностей принято выделять поколение «детей» и поколение «отцов». Социально-психологический анализ отношений между ними предпринял Д. Кингсли. Он исходил из того, что разница между «отцами» и «детьми» составляет 20–30 лет. Этот факт сам по себе еще ничего не означает, но становится значимым, если учесть следующее: темп изменений в социальной жизни, который приводит к тому, что условия и образ жизни, верования и ценности тех, кто проходил социализацию 20–30 лет назад, весьма различны, и это уже само по себе несет потенциальные возможности конфликта; с возрастом снижаются способности к адаптации, новое не принимается и не усваивается взрослыми так быстро, как молодежью. Для старших характерно постоянное отставание от ускоряющегося темпа жизни, что приводит к тому, что в зрелом и пожилом возрасте человек возвращается к привычкам, убеждениям своей молодости. Возникает «историческое несоответствие» старшего поколения изменившимся задачам нового времени.

Дифференциация между поколениями четко прослеживается при анализе системы ценностей. Для поколения «отцов» в качестве

¹ Каландаришвили З. Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 11–12.

основных выступают следующие установки: «Смысл жизни в служении своему Отечеству»; «Смысл жизни не в том, чтобы улучшить свою собственную жизнь, а в том, чтобы обеспечить достойное продолжение своего рода»; «Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится жертвовать собственным комфортом» и т. п. Для молодого поколения такими установками являются: «Свобода человека — то, без чего жизнь теряет смысл»; «Главное в жизни — это забота о своем здоровье и благополучии»; «Главное в жизни — инициатива, предприимчивость и поиск нового»¹.

Сравнение вышеперечисленных целевых установок, положенных в основу правовой культуры поколений «отцов» и «детей», позволяет сделать вывод о том, что для «отцов» в значительно большей степени, чем для молодежной среды, характерны правовой инфантилизм и юридический фетишизм.

Правовой инфантилизм заключается в недостаточной сформированности и пробельности правовых взглядов, знаний, установок, представлений. Значительная часть представителей социальных групп пожилого и среднего возраста по различным причинам (прежде всего в силу односторонности политико-правовой идеологии в период строительства социализма) получила недостаточный уровень знаний о праве и правовой действительности либо имеют о них искаженное представление. Это отрицательно сказывается на взглядах и установках, не дает людям возможности правильно осознавать и признавать правовую реальность и соответствующим образом строить свое поведение. Кроме того, немаловажное значение имеет такой фактор, как объективная тенденция к идеализации и романтизации жизненного периода «когда мы были молодыми».

Фетишизм (от *лат.* *fetich* — идол, талисман) означает надделение чего-нибудь сверхъестественными свойствами, безусловное его признание и слепое поклонение. Правовой фетишизм заключается в переоценке роли права в жизни общества и в преувеличении его реальных регулятивных возможностей. По мнению В. И. Гоймана, юридический (то есть правовой) фетишизм представляет собой гипертрофированное (возведенное в абсолют) понимание роли юридических средств в осуществлении социально-экономических, политических и иных задач без учета их реальных возможностей.

В. М. Баранов характеризует юридический фетишизм как гипертрофированное представление о роли правовых средств в решении социально-экономических, политических и иных задач.

В конечном итоге культура «отцов» связана с явным приоритетом публичных ценностей, таких как государственное единство, государственный патриотизм. Любое социально-правовое явление воспринимается и оценивается с точки зрения полезности его не для себя лично, а с позиции необходимости для достижения целей общественного развития, обеспечения государственных интересов. Таким образом, публичные интересы явно доминируют по отношению к частным. Кроме того, в данной среде присутствует вера в государство как средство решения социальных проблем, в связи с чем граждане довольно пассивны в личных устремлениях к улучшению собственной жизни.

Что же касается правовой культуры молодежи, то для нее в значительной степени характерно сознательное стремление к получению информации о средствах правового регулирования, требованиях закона и собственном правовом статусе, с целью использования данной информации в личных целях.

Деформированность правового сознания молодежи представляет собой результат ошибок, упущений и недостатков в правовом воспитании подрастающего поколения: в семье и учебных заведениях, по месту жительства и работы; просчетов в деятельности соответствующих государственных учреждений, общественных институтов; недостаточной, а главное — малоэффективной координации их усилий при осуществлении деятельности по профилактике правонарушений.

К отрицательному фактору, влияющему на процесс формирования правового сознания молодежи, можно отнести и кризис института семьи в современной России. Ежегодно из-за разводов в среднем 470 тыс. детей остаются без одного из родителей; увеличивается число детей, рожденных вне брака (около 23 % всех родившихся). По данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, сегодня в России около 3 млн беспризорников и 657 тыс. детей-сирот. Это больше, чем их было после Гражданской и Великой Отечественной войн.

Еще Л. И. Петражицкий справедливо отмечал, что «уровень правового сознания индивида зависит от того, как в его семье в пору его детства был поставлен процесс правового воспитания. Родители и воспитатели должны вообще обращать серьезнейшее внимание

¹ Гаврилюк В. В., Трихоз Н. А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход) // Социальные исследования. 2002. № 1. С. 103.

на развитие в детях сильной и живой правовой психологии»¹.

На основе проводимых социологических исследований можно выделить следующие факторы, обуславливающие девиацию правового сознания современной российской молодежи:

— правовое сознание молодых людей характеризуется сложностью и неоднозначностью, где одновременно сочетаются стремление к законопослушному поведению и готовность нарушить закон ради личной выгоды;

— в формировании правового сознания молодежи существенную роль играет личностный фактор. Выявлены личностные корреляции правовой зрелости с чертами волевого профиля личности и приоритетными способами разрешения конфликтов. Целеустремленные, настойчивые и самостоятельные молодые люди демонстрируют более зрелое правовое сознание. У той части молодежи, которая предпочитает соперничество в конфликтных ситуациях, проявляются установки на противоправное поведение и даже вызов закону. Молодежь, которая ориентируется на сотрудничество, напротив, демонстрирует большее уважение к закону и осознает опасность противоправного поведения и для личности, и для государства;

— независимо от категории молодежи ее представления о патриотизме, престиже государства, чувстве национальной гордости, гражданственности, ценности права в целом не различаются. Уровень представлений и оценки данных явлений невысок². Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, 72 % молодых людей в возрасте 18–24 лет не считают необходимой службу в армии по призыву и отрицательно относятся к данному государственному институту.

Именно для молодежной среды характерны различные проявления правового нигилизма.

Нигилизм (от *лат.* nihil — ничто) в широком смысле означает отрицание общепринятых ценностей, идеалов, моральных норм, культуры и т. п. Правовой нигилизм заключается в отрицании правовых ценностей, в неуважительном отношении к законам и нормативному порядку.

К правовому нигилизму следует относить только случаи осознанного игнорирования требований закона, которые, тем не менее, не сопровождаются наличием преступного умысла (такая разновидность деформации правосознания, которая характеризуется наличием умысла на совершение правонару-

шения, называется перерождением правосознания). Проявляется он в самых различных формах: от равнодушного, безразличного отношения к роли и значению права через скептическое отношение к его потенциальным возможностям до полного неверия в право и явно негативного отношения к нему.

Отвергая право, субъект может искать альтернативный регулятор, а может занять только позицию, предполагающую внутреннее отторжение (невосприятие) права в качестве общезначимого регулятора. Подобный выбор зависит от качества самой личности. Безальтернативное отторжение права может происходить и потому, что выбор альтернативы — это не только процесс сравнения характеристик двух объектов: отрицаемого и его заменителя, но и просто возможность выбора, которую порой запрещает правовая норма. В таком случае в сознании молодого человека может складываться правило: «запрещаете, ну и пожалуйста, я все равно буду делать так как я хочу, то есть назло вам».

Можно выделить следующие проявления правового нигилизма в молодежной среде современной России:

1. Несоблюдение и неисполнение требований законов и иных нормативных актов, когда граждане живут и действуют вопреки требованиям правовых норм. Неисполняемость свидетельствует, в том числе, о бессилии властных структур, их пассивности и неумении действовать адекватно сложившимся реалиям общественной жизни. Несоблюдение и неисполнение законов наносит не меньший вред общественным интересам, чем их прямое нарушение.

К тому же для молодежной среды в значительно большей степени свойственна подмена правовых регуляторов иными регулятивными системами. Сталкиваясь с непреодолимой преградой, в том числе юридического свойства, индивид стремится найти наиболее эффективное средство, которое ему доступно по времени и затратам использования, осязаемо по результатам. Именно по этим позициям право проигрывает своим конкурентам. Правовой нигилизм «высвечивает» недоступность для субъектов необходимых юридических средств либо сложность их использования. На этом фоне в молодежной среде развивается и крепнет список негативных социальных регуляторов, совокупно обозначающих теневым правом.

Участие в тех или иных криминальных и полукриминальных группировках становится для молодежи социально престижным занятием. Поскольку молодежь (в возрасте 14–29 лет) в среднем совершает половину всех уголовных преступлений в стране, то можно

¹ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. Т. 1. С. 148.

² *Каландаришвили З. Н.* Указ. соч. С. 15.

предположить, что именно она служит основным ресурсом для дальнейшего развития криминальной структуры общества.

2. Подмена законности прагматической целесообразностью. Молодежь оценивает отношение власти и общества к себе как безразличное или откровенно потребительское. 77 % опрошенных молодых людей полагают: «Когда нужно, они вспоминают о нас». Возможно, поэтому государственно-правовые институты оцениваются молодыми людьми с точки зрения их непосредственной личной полезности или опасности, они воспринимаются как инструменты достижения определенных целей, удовлетворения личных или корпоративных интересов. Законом руководствуются лишь тогда, когда это удобно и выгодно, в противном же случае им пренебрегают или выступают с его критикой. Такая критика может приобретать различные формы вплоть до демонстративного нарушения устанавливаемых требований. Например, запрет распития пива в общественных местах, местах массового скопления населения в настоящее время сопровождается явно провокационными поступками молодых людей, потребляющих данный напиток на станциях метрополитена и у входа в метро.

Идеализация рынка, стремление к благосостоянию во что бы то ни стало — своеобразный социально-психологический феномен молодежного сознания, в основании которого — обогащение и жизненный успех, достигаемые любой ценой. Неудивительно, что 18,1 % опрошенных считают вполне для себя возможным участие в криминальных группировках, а 9,1 % полагают, что сегодня это нормальный способ зарабатывания денег. При этом жизненный успех богатых людей 47,9 % объясняют способностью приспосабливаться к жизни, а 32,7 % — умением воровать¹.

3. Отождествление права с фактическим действием властных структур. Молодые люди в силу повышенной эмоциональности любое действие представителей правоохранительных органов, наносящее вред личным интересам, тем более, если такое действие сопровождалось нарушением норм законодательства, воспринимают как угрозу личной безопасности. Вот почему и правоохранительные органы, и средства правового регулирования воспринимаются как явления дестабилизирующие, способствующие углублению социальных конфликтов и наносящие вред обществу. При этом большая часть молодежи черпает информа-

цию о деятельности правоохранительных органов, в частности милиции, из телевизионных программ и других СМИ (48 %), личного общения с сотрудниками милиции (26 %), от знакомых и родственников (22 %).

На вопрос «Приходилось ли Вам за последний год наблюдать действия сотрудников органов внутренних дел, при которых, на Ваш взгляд, допускались нарушения прав человека, и если да, то в чем это выразилось?» 22 % молодых людей отметили, что такое нарушение выразилось в грубости и бестактности; 18 % — в вымогательстве, поборах, взяточничестве; 17 % — в использовании служебного положения в личных целях; 16 % — в проявлении жестокости; 10 % — в попытках исказить факты, фальсифицировать материалы; 8 % — в отказе принять заявление.

4. Неуважение к суду и правоохранительным органам. Граждане предпочитают в случае возникновения юридического конфликта, совершения в отношении них незаконных действий не прибегать к помощи правоохранительных органов, не обращаться в суд, а решать проблему самостоятельно, при посредстве иных (зачастую криминальных) структур, уважаемых в соответствующей молодежной среде лидеров. Это связано как с негативным отношением к деятельности правоохранительных структур вообще, так и с неуважением к принимаемым ими решениям.

В ходе проведения различных опросов молодых людей, например, установлено, что каждый пятый из них за последние 2–3 года был жертвой преступления, однако даже в самые трудные моменты молодые люди не склонны доверять правоохранительным органам: 36,7 % молодых людей при нарушении их прав обращались к друзьям, 30,3 % защищали свои права самостоятельно, и только 15,8 % респондентов обратились в суд, милицию или прокуратуру.

5. Аполитичность и отсутствие сопричастности к делам государства и общества. Из-за отсутствия у государства вынужденных и поддерживаемых большинством целей общественного развития, мобилизирующих ценностей и идеалов молодежь теряет ощущение Родины. Она живет «под собою не чуя страны», потеряв, а может еще не найдя свою причастность к ее прошлому и гражданскую ответственность за настоящее и будущее. Значительная часть молодых людей не считает себя гражданами России, готовыми к реализации своих прав и обязанностей. 70 % молодых людей считают, что человек должен жить в той стране, где ему больше нравится. «Заграница» для молодежи более привлекательна, этим можно объяснить стремление получить образование за рубежом. Молодые люди часто

¹ Карпухин О. И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 125.

не отождествляют себя не только с Родиной, но и со своим поколением. Личную жизнь соотносит с жизнью своего поколения только 31 %, остальные считают, что «для человека важна оценка своей личной жизни по собственным индивидуальным критериям».

Инициаторы и руководители реформ последних лет оказались неспособны привлечь молодежь к широкому участию в общественных преобразованиях. Так, например, лишь 18 % молодых людей приняло участие в выборах депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации в декабре 2003 г. Каждый четвертый полагает проявление социальной и политической активности бесполезным, 27 % объясняют свою пассивность недоверием к политикам, а 40 % — «наличием более важных проблем». Большая часть (около 77 %) предпочла бы реализовывать свою активность в неполитических организациях. Основная форма таких организаций — так называемые тусовки, формирующиеся на основании общих интересов: спортивных, музыкальных и так далее (причем спортивный фанатизм среди «тусовочной» молодежи стал преобладать над музыкальным). При этом формируются установки не на творческую самореализацию, а на пассивное потребление (квазипотребление) образования, культуры и труда.

Для молодых людей свойственно отрицательное отношение к личному участию в обеспечении правопорядка — нежелание оказывать содействие правоохранительным органам: сообщать о фактах противоправного поведения, выступать в качестве понятых при производстве следственных действий, свидетелями в процессе расследования правонарушений. Поведение молодежи нередко сопряжено с демонстративным противопоставлением личных интересов общественным. Юноши и девушки склонны демонстративно совершать поступки, явно идущие вразрез со сформированными предшествующим поколением традициями, зная об отсутствии за них юридической ответственности.

Правовой нигилизм в молодежной среде зачастую бывает связан с некомпетентной критикой права, правовой мифологией и политическим радикализмом.

В конечном итоге, отрицая правовую идеологию, разрушая правовые взгляды, представления и установки, правовой нигилизм способствует дестабилизации взаимоотношений в обществе, порождая конфликты и противоречия. Это проявляется на всех уровнях правового сознания: научном, профессиональном и быденном. В самом крайнем выражении правовой нигилизм, по верному замечанию С. Л. Франка, «невольно санкционирует

преступность и дает им возможность рядиться в мантию идейности и прогрессивности»¹.

На формирование правового нигилизма в молодежной среде в значительной степени оказывают влияние факторы социальной среды, в частности: деидеологизация и коммерциализация общественных отношений, смена ценностных идеалов с ярко выраженной ориентацией на идеалы западной демократии, в связи с чем для правовой культуры молодежи характерен приоритет частных интересов по отношению к публичным, прагматическое восприятие государственно-правовых институтов, отрицание традиционных ценностей. В отличие от «отцов» современные молодые в основной своей массе (60,9 %) отрицают наличие у них идеала и на вопрос «Кого вы считаете героем нашего времени?» 73,1 % респондентов ответили: «Нет такого»².

Нынешнее государство — это государство «отцов», в котором доминируют стереотипы, традиции, сформировавшиеся в предшествующий период общественного развития. Поколение же молодых людей сталкивается с тем, что эти ценности не «работают» в реальных условиях, однако поколением «отцов» не предпринимается действенных мер по консенсуализации традиционных ценностей с современными условиями жизнедеятельности общества.

Возникающее противостояние ведет к формированию в молодежной среде ряда собственных субкультур. Это, прежде всего, наркоманская и виртуальная субкультура (компьютерная «наркомания»), связанные с соответствующим видом зависимости, которые имеют однотипную природу (уход от действительности в иллюзорный мир), вызываются сходными причинами (социальной отчужденностью, сбоями в адаптационных механизмах личности).

Употребление наркотиков, зависимость от компьютера (которая связана со все большим распространением компьютерных технологий, использованием Интернета как средства общения и источника разнообразной информации) восполняют нехватку реального общения, внимания со стороны близких, эмоционального тепла, разнообразных впечатлений, а также снимают стрессы, фобии различного вида. Молодежи остро не хватает ярких впечатлений; серость, обыденность бытия, лишенная положительных эмоций и удовольствий, сомнения в возможности реализовать собственные установки в условиях существующей реальности подталкивают некоторых молодых людей к употреблению наркотиков. Данное явление можно рассматривать как

¹ Франк С. Л. Этика нигилизма // Новое время. 1990. № 3. С. 43.

² Карпухин О. И. Указ. соч. С. 126.

складывающуюся молодежную субкультуру, овеянную ореолом таинственности, выполняющую функцию бегства от реальных проблем, трудностей, неустроенности в мир миражей и иллюзий.

Виртуализация отношений, как и наркомания, связана с попыткой уйти от противоречивой реальности. Данные субкультуры имеют в своей основе, прежде всего, протест против существующей системы ценностей, в том числе используемых средств правового регулирования, попытку сменить реальность на нечто, находящееся за ее гранью. Но эти субкультуры не предполагают выражение протеста, они не претендуют на формирование новой системы ценностей, распространяющейся на все общество (значительную его часть).

Однако еще в начале XX в. русский философ И. Ильин писал, что любой более или менее глубокий кризис правосознания в конце концов должен привести к более углубленному обоснованию и пониманию права и, в конечном счете, к зарождению нового правосознания¹. Тем самым он предполагал, что кризис правосознания, как и любое другое негативное социальное явление, содержит конструктивные элементы, которые, однако, могут проявиться только при определенных условиях и по истечении некоторого времени.

В определенной степени признаками нового правосознания и формированием нового типа правовой культуры обладают так называемые яппи (сокращение от *young urban professional* — «живущий в городе молодой профессионал»).

Яппи — понятие американское, появилось в 80-х гг. XX в. Это молодые люди с высшим образованием, хорошо зарабатывающие чаще всего в области корпоративного бизнеса или старых «ученых» профессий (доктор, адвокат) и непременно трудоголики с карьерными амбициями (то есть намеревающиеся в дальнейшем заработать намного больше на более высокой должности). Их отличает также особый стиль жизни — пристрастие к дорогим вещам и высоким технологиям, ресторанам (пища изысканная, но предпочтительно здоровая и экзотическая) и здоровому образу жизни. Вообще для яппи при выборе одежды, машины и так далее ключевым понятием является не добротность, не элегантность, даже не дороговизна, а престиж. За прозвищем «яппи», которое иногда имеет уничижительный оттенок, стоит целая субкультура — строго рациональная, максимально технотизированная и выверенная до деталей.

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 212.

На первом месте — бизнес и карьера, времени на личную жизнь и отдых не остается. Спит яппи не больше пяти часов в сутки, работает по выходным и практически не видит жену и детей. Он занимается делами в автомобиле, в самолете, на пляже, в ванной.

Эту сложившуюся в молодежной среде субкультуру можно расценивать, в том числе, как форму протеста. Осознавая невозможность полного восприятия традиционных для культуры «отцов» ценностей и стереотипов поведения в правовой сфере, ее представители не уходят от реальности, в отличие от «виртуалов» и наркоманов. Они создают новую культуру путем адаптации сложившихся в западноевропейском обществе принципов правового регулирования к современной российской реальности. При этом основной ценностью в рамках данной субкультуры выступают все те же личные эгоистические интересы.

Перечисленные субкультуры представляют собой модели так называемого «деформационного» либо «протестного» типа и, естественно, не могут рассматриваться в качестве перспективных направлений государственной молодежной политики. Вместе с тем, отвергая такие модели, равно как и модель тотальной политизации молодежи, имевшей место в условиях существования социалистической политико-правовой системы, современное российское государство вплоть до настоящего времени не предложило альтернативной модели, обеспечившей на практике формирование в молодежной среде положительного правосознания.

На наш взгляд, преодоление нигилистических тенденций в молодежной среде во многом связано с процессом социализации молодых людей. Данный процесс должен состоять: в накоплении навыков самостоятельного оперирования правовыми понятиями и категориями; в определении социально-общественной позиции; в передаче достижений и ценностей правовой культуры от одного поколения другому; в развитии юридического мировоззрения; в выработке способности адекватно определять основные задачи и ценности права; в определении правомерного действия сторон в конкретных условиях, проектировании и принятии возможных оптимальных вариантов развития событий в юридически значимых ситуациях.

Важнейшую роль в процессе правовой социализации личности играет состояние и процессы микро-, макро- и мезосреды. Если микро- и макросреда задают формирование правового сознания и правовой культуры на ментальном уровне, то ряд институтов мезоуровня — семья, институты образования —

отвечают за воспитательный процесс формирования правовой культуры и правового сознания личности. Достижение положительных результатов правовой социализации личности зависит от того, в каком объеме в совокупности общественных отношений заложены объективные возможности становления личности, от эффективности организованного правового воздействия и обучения и от того, на сколько вся совокупность внешних социализирующих воздействий на личность содействует развитию ее самосознания¹.

С помощью правовых средств можно успешно преодолевать деформацию правового сознания молодежи. Подобная работа может осуществляться по таким направлениям:

— следует адаптировать правовые предписания к складывающимся в обществе ценностным ориентациям, что позволило бы создать при помощи правовых средств такую ситуацию, когда для человека соблюдение закона становится значительно выгоднее, чем его нарушение;

— целесообразна особая государственная политика в отношении молодежи в связи с особой социально-экономической незащищенностью данной категории населения и особой ее значимостью для будущего страны;

— необходим целый комплекс мер по совершенствованию деятельности правоохранительных органов, реабилитации их в глазах

населения, привлечению молодежи к участию в обеспечении правопорядка;

— нацеленность государственных мер на формирование активной гражданской позиции молодежи может проявляться в широком использовании стимулирующих и поощрительных средств воздействия в различных сферах общественных отношений;

— государство должно быть заинтересовано в создании режима наибольшего благоприятствования для проявления научной и творческой инициативы молодежи.

Особое внимание должно отводиться правовому воспитанию и обеспечению процесса правопреемственности в стране. К сожалению, в России исторически утвердился радикальный тип политического и правового воздействия, ориентированный на проведение экстренных и кардинальных мер, на революцию, а не на реформу. Отечественный тип правового радикализма — это обращение к ценностям кардинального изменения и социального равенства в ущерб ценностям порядка и свободы. Но, как показывает мировая практика, стремление к форсированию событий рано или поздно приводит к разрыву целей и средств правового регулирования, конфликту основополагающих ценностей различных поколений, формированию разных деформаций правового сознания, дестабилизации общественной жизни.

А. Я. РУБИНШТЕЙН,

директор Института социальной экономики РАН, доктор философских наук, профессор (Москва)

КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И БЮДЖЕТНОЙ РЕФОРМ

1. О непопулярности реформ и российском парадоксе

Слова «непопулярные реформы» еще до недавнего времени были у нас своеобразным брендом и даже специфическим признаком либеральных преобразований. К тому же у большинства россиян складывается неверное и дискредитирующее рынок впечатление о том, что непопулярные реформы являются обязательным атрибутом экономической либерализации. На самом деле здесь нет прямой связи. Причины нелюбви народной кроются не в либеральных экономических теориях, а в ошибочной практике реформаторов.

Рынок — величайшее достижение цивилизации. Однако и он не всемогущ, и он до-

пускает ошибки, названные «провалами рынка». Именно в такие «провальные зоны» и попадает большинство организаций культуры. И, кажется, нетрудно понять: если рынок справляется сам, государству вмешиваться не надо, если же такое вмешательство необходимо, то оно должно обеспечивать улучшение условий культурной деятельности. В создании подобной системы хозяйствования, собственно, и состоит смысл правильных либеральных реформ. Парадокс нашей жизни заключается в том, что в отношении культуры и всей социальной сферы действия государства носят явно недружественный характер. В качестве примера назову гл. 20 Налогового кодекса РФ, печально знаменитый Закон № 122, проектируемые реформы в области образования и науки и многое другое. Но сначала несколько общих замечаний.

¹ Каландаршвили З. Н. Указ. соч. С. 16–17.

2. Под вуалью либеральной риторики

Содержание административной и бюджетной реформ, затрагивающих культуру и весь социальный сектор, было изложено в специальном докладе, подготовленном сотрудниками Высшей школы экономики¹. Доминантой этого доклада стал тезис о «либеральной альтернативе», фактически отождествляемой авторами с сокращением бюджетного сектора, которое они декларируют в качестве необходимого условия экономического роста. Изучение этого доклада дает основание утверждать, что в основе такой жесткой нормы лежит не объективный анализ фактов, а скрытые ценностные суждения и личные представления авторов.

Истинная же мотивация экономических ведомств может быть выражена простой формулой — «меньше бюджетных обязательств и больше собственной свободы в использовании бюджетных средств». Речь идет не только об антилиберальной практике профицитного планирования бюджета, создания стабилизационного фонда и фактическом уводе значительной части бюджетных средств от общественного контроля над их использованием. Я имею в виду гипертрофированную власть и даже диктат финансового ведомства в управлении экономикой от разработки экономической стратегии и до почти «национальной дилеммы»: на что же должны тратить бюджетные средства конкретные учреждения — «на карандаши или ластики».

Отмечу здесь же появление еще одной мифологемы, выраженной особым слогом — «учреждения, создающие субсидиарную ответственность государственного бюджета»². Негативная окраска этого, пока никак не проявлявшего себя феномена бюджетного обременения³ добавила новый повод для проведения реформы социального сектора. В данном контексте «бремя государства» — это ненужные Минфину обязательства, усиленные субсидиарной ответственностью.

Сокращение бюджетных обязательств, собственно, и есть главная цель экономических ведомств, нашедшая отражение в законопроектах, обеспечивающих проведение реформы. Речь идет о внесении соответствующих поправок в Гражданский и Бюджетный ко-

дексы Российской Федерации, где предусматривается изъятие всех статей, содержащих указание на финансовые обязательства собственника (учредителя) по отношению к учреждениям, финансируемым из государственного бюджета. В подтверждение этого приведу лишь один фрагмент из проекта Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “Об автономных учреждениях” и Федерального закона “О государственных (муниципальных) автономных некоммерческих организациях”» (ст. 1, п. 1–3): «Внести в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации следующие изменения и дополнения: в абзаце третьем пункта 2 статьи 48, в абзаце первом пункта 3 статьи 50, в пункте 1 и в пункте 2 статьи 56 слова «финансируемые собственником» исключить».

3. Главный вектор бюджетной реформы

Разработанный Минэкономразвития пакет законов предусматривает преобразование действующих учреждений бюджетной сферы в один из трех типов некоммерческих организаций. Речь идет о сохранении некоторыми из них своего прежнего статуса и о переводе остальных учреждений в организационно-правовую форму автономного учреждения (АУ) либо в государственную (муниципальную) автономную некоммерческую организацию (ГМАНО). При этом главное отличие указанных видов некоммерческих организаций заключается в самом факте наличия или отсутствия бюджетных обязательств учредителя (табл. 1).

В первом случае вместе с бюджетными обязательствами государства предполагается сохранение старого метода сметного финансирования учреждений, дополнительно ужесточенного введением принципа бюджетозамещения по отношению к любым формам и видам доходов этих организаций. Во втором и третьем — отмена сметного финансирования и предоставление возможности самостоятельно распоряжаться всеми внебюджетными доходами влекут за собой внедрение механизмов «бюджетирования» и ликвидацию обязательств учредителя в отношении бюджетного финансирования автономных учреждений и ГМАНО.

Если 1990-е гг. были полны правительственными призывами к росту внебюджетной поддержки культуры, иллюзиями и надеждами переложить часть бюджетной ноши на плечи спонсоров и меценатов⁴, то наступивший век

¹ См.: Доклад Экспертного института, подготовленный авторским коллективом под научным руководством и под редакцией Е. Ясина: Бремя государства и экономическая политика (либеральная альтернатива) // Общество и Экономика. 2002. № 10–11.

² Принципы реструктуризации бюджетного сектора в Российской Федерации в 2003–2004 гг. и на период до 2006 г.

³ Все мои попытки выяснить реальные случаи «субсидиарных расходов» государственного бюджета, ставших следствием невыполненных обязательств учреждений культуры, науки и образования, ни к чему не привели.

⁴ Пример неудачных попыток трансплантации института стимулирования спонсорства. Теоретический анализ этого феномена содержится в статье: Полтерович В. М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3.

Таблица 1

Сравнительные характеристики трех видов некоммерческих организаций*

Параметры для сравнения	Бюджетное учреждение	Автономное учреждение	ГМАНО
Имущество, переданное учредителем	В оперативное управление	В оперативное управление	В собственность
Бюджетные обязательства учредителя	Есть	Нет	Нет
Способ финансирования	Смета расходов и доходов	Контракт на оказание услуг (выполнение работ)	Конкурсная возможность контракта на оказание услуг (выполнение работ)
Распоряжение полученными доходами	С согласия учредителя	Самостоятельное распоряжение	Самостоятельное распоряжение
Надзорный орган	Нет	Наблюдательный совет	Управляющий совет

* В последней версии проекта этого закона ГМАНО уже нет.

сулит новые неприятности. У власти сформировалась ясная установка на сокращение числа организаций, деятельность которых требует постоянного бюджетного финансирования. Эта установка, в частности, проявилась в Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2003–2005 гг.), где была сформулирована прямая задача «оптимизации сети учреждений... путем ее сокращения». Намерения такого рода правительство подтвердило и в минфиновских «Принципах реструктуризации бюджетного сектора в Российской Федерации в 2003–2004 гг. и на период до 2006 г.».

Пытаясь осуществить эти намерения, правительство активно использует «механизмы прикрытия», выдвигая на разных этапах прогрессивные лозунги, поддерживаемые экономистами. Так, в качестве очередного либерального лозунга была объявлена борьба с институтом сметного финансирования, ограничивающего хозяйственную самостоятельность бюджетных учреждений¹. Привлекательность расширения экономической свободы организаций культуры создала реальные предпосылки для того, чтобы проектируемая реформа была встречена с энтузиазмом. Однако истинный замысел прояснился быстро — «свобода хозяйственной деятельности в обмен на отказ от бюджетных обязательств государства». Он оказался подчинен все той же цели сокращения числа организаций, имеющих гарантированное бюджетное финансирование. На решение этой задачи и направлен пакет законов об изменении статуса бюджетных учреждений.

4. Об отмене бюджетных обязательств

Лишение гарантий государственного финансирования тех организаций культуры, которые будут преобразованы в автономные учреждения или ГМАНО, является одним из ключевых положений упомянутого пакета

¹ Следует обратить особое внимание на абсолютно противоположную политику финансового ведомства, которую оно проводило прежде. Так, в 1990-е гг. наблюдалось очевидное сужение хозяйственных свобод организаций, пользующихся бюджетными средствами.

законов, подготовленного Минэкономразвития. Приведу в связи с этим следующий фрагмент из проекта Федерального закона «Об автономных учреждениях» (ст. 4, п. 2): «Автономное учреждение осуществляет в соответствии с заданиями учредителя и обязательствами перед страховщиком по обязательному социальному страхованию деятельность по бесплатному или частично платному для потребителя оказанию услуг (выполнению работ). Финансовое обеспечение указанной деятельности осуществляется из соответствующего бюджета в форме субвенций, субсидий, государственных внебюджетных фондов и(или) иных источников».

Вчитываясь в текст приведенного фрагмента законопроекта, можно заметить, что в нем фактически исчезли финансовые обязательства государства (муниципалитетов) в отношении созданных ими учреждений. Они заменены здесь перечислением форм финансирования и его источников, смысл такой подмены вполне очевиден. Вкупе с отмеченным выше изъятием из Гражданского кодекса всех указаний на финансовые обязательства учредителя данный законопроект освобождает государство не только от ответственности за общее финансовое обеспечение созданных им учреждений, но и за финансирование предусмотренных законом конкретных заданий учредителя.

Предложение устранить этот сюрреалистический казус было встречено твердым отказом со стороны экономических ведомств. Причем в качестве главного аргумента выдвигается тезис о том, что отмена государственных обязательств создает условия для формирования механизмов конкуренции за бюджетные средства, обеспечивающих повышение эффективности их использования. Не вдаваясь в подробности предлагаемых квазирыночных механизмов, попробую оценить последствия принятия закона в той редакции, на которой настаивают Минэкономразвития и Минфин.

Нетрудно понять, что при отсутствии обязательств учредителя автономное учреждение может оказаться без необходимых бюджетных средств. И тогда у него останутся только две возможности — либо это учреждение сумеет

наладить хорошие отношения с учредителем и, добившись его благорасположения, получить требуемое финансирование, либо будет вынуждено искать свое счастье в рыночной стихии и пытаться самостоятельно выбраться из зоны «рыночных провалов»¹. Оба пути пагубны. Так, например, в первом случае репертуарную политику театров будут определять вкусы чиновников, их жен и родственников. Во втором — оставшиеся без поддержки учреждения культуры попытаются приспособиться к рынку. Некоторые из них прекратят свое существование вовсе, другие же изменятся настолько, что фактически утратят свою исходную миссию. При выборе второго пути «не понимающий своего счастья» народ рискует увидеть здания библиотек, музыкальных школ и других бывших учреждений культуры лишь в виде недвижимости, используемой коммерческими структурами.

5. Бюджетирование

или экспансия «сдельщины»

Даже в том случае, если задание от учредителя будет «выхлопотано», автономное учреждение ждет другая неприятность — бюджетирование. Приведу фрагмент из Концепции реформирования бюджетного процесса в Российской Федерации в 2004–2005 гг., одобренной Постановлением Правительства РФ от 22 мая 2004 г. № 249: «*Четвертое — основное — направление предполагает формирование и включение в бюджетный процесс процедуры оценки результативности бюджетных расходов, поэтапный переход от сметного планирования и финансирования расходов к бюджетному планированию, ориентированному на достижение конечных, общественно значимых и измеримых результатов*».

Не буду повторять множество критических замечаний в адрес бюджетирования. Отмечу лишь глубокое недоверие специалистов к этому вектору реформы. «Оно основано на том, что принцип примитивной “сдельщины” предлагается внедрить, причем внедрить всеохватно и форсированно, в явно неподходящих для этого сферах»². Нет нужды говорить и об особенностях культуры, принадлежащей к тем секторам общественной жизни, где определить реальные «результаты работы», не подменяя их утилитарными

и сиюминутными выгодами, более чем сложно, а, может быть, в режиме актуального времени и вовсе невозможно.

Административное «продавливание» этой внешне привлекательной идеи выделять бюджетные средства, ориентируясь на конечные и, главное, измеримые результаты, приведет к тому, что уже было в эпоху плановой экономики — к бесконечным и бесплодным поискам «хороших» показателей и нормативов³. Сошлюсь на А. Д. Некипелова: «сметное финансирование бюджетных организаций рассматривается разработчиками... как абсолютное зло, приводящее к тому, что предоставление средств осуществляется по факту существования учреждения, а не в зависимости от полученных результатов. Ошибка состоит в непонимании того, что эта форма финансирования возникла отнюдь не случайно. Она адекватна для таких организаций, чей продукт не может (или не должен) обращаться на рынке, а комплексный характер деятельности не позволяет однозначно увязать затраты и результаты»⁴.

Повсеместная замена финансирования организаций культуры финансированием проектов предполагает, что орган управления, выделяющий средства на конкретные цели, ведает об истинных интересах общества. Отвергая данный сценарий развития, подчеркну, что я исхожу из парадигмы смешанной экономики, где в дополнение к механизмам рынка не выявляемые рыночным путем общественные интересы определяют стратегические цели государства. Их реализация невозможна без делегирования соответствующих полномочий самим учреждениям культуры. Ориентируя созданные учреждения на выполнение определенной миссии, государство должно нести ответственность за финансирование их деятельности.

6. Экспроприация внебюджетных доходов

Если же часть учреждений культуры сохранит свой прежний статус, то ситуация для них станет совсем плачевной. В дополнение

¹ Экономисты давно знают, что большинство организаций культуры страдают «болезнью Баумоля» и объективно нуждаются в поддержке государства. См.: Baumol W. J., Bowen W. G. *Performing Arts: The Economic Dilemma*. The Twentieth Century Fund. N. Y., 1966; Экономика культуры: учебник / отв. ред. А. Я. Рубинштейн. М., 2005.

² Некипелов А. Д. Государство и рыночные институты в современной российской экономике: доклад на Конгрессе РАСХН, 14 февраля 2005 г.

³ В связи с этим мне вспоминается начало 1980-х гг., когда власть в очередной раз поставила задачу повышения результативности общественных расходов на культуру и искусство. Тогдашний министр культуры П. Н. Демичев считал необходимым «научное» решение проблемы. По его поручению несколько групп экономистов и социологов пытались найти решение на основе построения статистической зависимости общей производительности труда от числа посещений учреждений искусства. Тогда у ученых хватило здравого смысла и воли отказаться от работы над решением этой не вполне корректной задачи. Однако, как говорится, еще не вечер. Нечто подобное мы еще можем увидеть в новых попытках экономических ведомств.

⁴ Некипелов А. Д. Указ. соч.

к другим бедам проектируемой реформы над ними навис настоящий дамоклов меч в виде принципа бюджетозамещения и включения в смету всех видов доходов. Приведу еще один фрагмент из минфиновских принципов реструктуризации бюджетного сектора: *«Бюджетные учреждения, производящие государственные (муниципальные) услуги на рыночной основе, останутся в составе бюджетной сферы. Принципиальным изменением в системе их финансирования будет лишение права на самостоятельное распоряжение средствами из внебюджетных источников»*.

По-видимому, не забыт еще экономический порядок централизованного планирования в его дохозрасчетный период. И он совершенно не вписывается в либеральную экономическую доктрину, о которой так много твердит нынешнее правительство. Чтобы разобраться в причинах подобного ренессанса рыночного мировоззрения экономических ведомств, имеет смысл рассмотреть аргументы архитекторов бюджетной реформы. Главным из них является известный тезис о собственности на доходы. Он состоит в следующем: доходы, зарабатываемые учреждением с использованием имущества учредителя, должны принадлежать собственнику, то есть государству (муниципалитету), создавшему это учреждение и передавшему ему в управление соответствующее имущество. Казалось бы, все выглядит достаточно убедительным, если бы не одна деталь, указывающая на особенность культурной деятельности, основу которой составляет творческий труд. Недоучет этой особенности привел к непониманию другого важного факта — внебюджетные доходы учреждений культуры в очень большой мере обусловлены «человеческим капиталом» этих организаций, а не имуществом учредителей. Главным образом «умение», «знание как» и «бренд» конкретного театра или музея, относящиеся к интеллектуальной собственности ее создателей, обеспечивают этим организациям дополнительные доходы, включая, кстати, и помощь, которую они получают от спонсоров. Именно по этой причине традиционный минфиновский аргумент следует считать ошибочным. Справедливым же является вывод о том, что внебюджетными доходами учреждений культуры должны распоряжаться сами организации. Компромиссным можно считать долевое распределение этих доходов между собственником имущества и учреждением культуры.

7. «Народ против Минэкономразвития»

Так случилось, что корпоративно организованные люди театра — Союз театральных деятелей (СТД) РФ — первыми почувствова-

ли опасность бюджетной реформы и, среагировав адекватно, высказали свои серьезные опасения по поводу ряда ее положений непосредственно Минэкономразвития. Содержание этого «театрального иска» сводилось к трем замечаниям. Во-первых, деятели культуры категорически не согласились с тем, что им будет лучше от того, что государство снимет с себя обязательства финансировать государственные и муниципальные учреждения. Во-вторых, не нашли они пользы и в том, что выбор правового статуса их организаций будут осуществлять вместо них чиновники. В-третьих, явно негативную реакцию вызвало у них желание экономических ведомств создать в каждом автономном учреждении дополнительный надзорный орган в виде наблюдательного совета¹.

После полугодового маневрирования, многочисленных критических выступлений в печати, внеочередной конференции театрального сообщества, открытого письма М. Е. Фрадкову и встречи деятелей культуры с Президентом страны руководство Минэкономразвития вынуждено было согласиться внести в законопроект ряд поправок. Однако очень скоро выяснилось, что это далеко не конец. Деятели культуры дарован был лишь «компромисс Грефа». С одной стороны, Минэкономразвития признало ошибочность некоторых положений проектируемой реформы, с другой — оказалось, что это признание относится только к культуре, причем не ко всей культуре², и уж совсем не распространяется на науку, образование и другие бюджетные учреждения.

Практика подготовки действительно важного закона «Об автономных учреждениях» показала, что признание ошибочности тех или иных положений готовящихся реформ зависит не от убедительности аргументации оппонентов, а от силы соответствующих резолюций и указаний. Обсудили деятели культуры свои возражения с Президентом страны, и реформаторы признали ошибки в отношении данной сферы. Не оказалось такой социально организованной силы в других сегментах бюджетного сектора, и команда Грефа

¹ Отмечу, что законопроект «Об автономных учреждениях», кроме указанных выше новаций в части ликвидации бюджетных обязательств, содержит еще несколько «вредных» статей. К ним относится положение об обязательном создании в этих учреждениях так называемых Наблюдательных советов с чисто надзорными функциями (ст. 9, 11, 12 и 13 проекта того же закона).

² Герман Греф категорически отказался распространить достигнутые договоренности не только на другие отрасли социальной сферы, но даже и на государственные образовательные и научные учреждения, находящиеся в системе Министерства культуры и массовых коммуникаций.

продолжает творить там непопулярные и, главное, контрпродуктивные реформы.

Наблюдая за тем, как осуществляется вынужденное для экономических ведомств сотрудничество с СТД, можно предположить, что достигнутые договоренности либо будут пересмотрены вовсе, либо приобретут такой узкий и специальный характер, что утратят всякий практический смысл¹. Подобному развитию сюжета — «от победы культурного общества до поражения сферы культуры», способствует и полная неразбериха в «стане победителей». Развернувшаяся война Министерства культуры и массовых коммуникаций с Федеральным агентством по культуре и кинематографии резко ослабила лоббистский потенциал культуры, оставив СТД один на один с чиновниками экономических ведомств. И не надо думать, что мы наблюдаем войну личностей. Конфликт этот имеет системный характер, и порожден он административной реформой.

8. Реформа и административный казус

Март 2004 г. поставил во главу угла трехзвенную систему с разделением функций между министерствами, службами и агентствами². В секторе культурной деятельности это означало передачу полномочий и всех финансовых ресурсов, необходимых для обеспечения организаций культуры, непосредственно федеральным агентствам. В зоне ответственности Министерства оказалась разработка государственной культурной политики и соответствующих проектов федеральных законов и других нормативных актов, относящихся к вопросам правового регулирования³. Это явно не до конца продуманное решение породило

¹ Следует обратить внимание на то, что уже к настоящему времени проект Закона «Об автономных учреждениях» решено сохранить в первоначальной редакции Минэкономразвития, а все согласованные с СТД положения, в виде специальных норм для организаций культуры, переносятся в *недействующий закон* «Основы законодательства о культуре» с обещаниями его реанимации. А недавно стало известно, что Минфин возражает и против такой версии законопроекта, навязывая свою временную последовательность: сначала закон о внесении изменений и дополнений в Бюджетный кодекс, а потом уже разговор о новых формах некоммерческих организаций.

² Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». В сфере культуры этот указ обусловил создание Министерства культуры и массовых коммуникаций, Федерального агентства по культуре и кинематографии, Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, Федерального архивного агентства и двух федеральных служб.

³ Положение о Министерстве культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации утверждено Постановлением Правительства РФ от 17 июня 2004 г. № 289.

административный казус — существование Федерального министерства культуры и массовых коммуникаций, не имеющего ресурсов для осуществления поставленных перед ним задач. Нетрудно понять, что подобное положение дел должно было привести и привело к конфликту между неимущим министерством и подчиненными ему агентствами, управляющими всеми бюджетными средствами, выделяемыми на культуру.

Очевидно, что в сложившейся ситуации нормально функционировать отрасль не может. И даже если президентская администрация заставит помириться Агентство с Министерством (примирение уже состоялось), то и в этом случае без ответа останется принципиальный вопрос — что может сделать Министерство, не имеющее средств? Будут ли внесены коррективы в неудачную административную реформу, покажет время. Однако один вывод можно сделать уже сегодня. Для устранения административного казуса и восстановления системы управления в сфере культуры надо либо вовсе отказаться от схемы «министерство, агентства, службы», либо каким-то образом перераспределить между ними полномочия и ресурсы.

9. Инъекция эффективности

Не могу причислить себя к сторонникам проведенной административной реформы, скорее наоборот. Но и в предлагаемых обстоятельствах следует искать позитивные решения, хотя бы частично нейтрализующие негативные последствия данной реформы. Повторю в связи с этим еще раз — *разумный выход я вижу в перераспределении полномочий и бюджетных ресурсов*. Поясню свои предложения, рассмотрев схему финансирования сферы культуры из федерального бюджета.

Государственная активность на федеральном уровне, сосредоточенная на реализации стратегических направлений и тактических задач культурной политики, осуществлялась, как известно, с привлечением трех ключевых механизмов. Во-первых, это происходило на основе делегирования прав и ответственности государственным организациям культуры в определении и реализации текущих направлений их деятельности. Для ее экономического обеспечения в дореформенные 2001–2003 гг. был выделен из федерального бюджета 21 млрд руб. (67,7 %). Во-вторых, посредством организации выполнения конкретных задач культурной политики федеральными органами культуры, в том числе с использованием процедур госзаказа. Для экономического обеспечения указанных функций в тот же период с 2001 по 2003 гг. было выделено из федерального бюджета 3,3 млрд руб. (10,7 %).

И, наконец, в-третьих, с помощью Федеральной целевой программы (ФЦП) «Культура России», на реализацию которой в период 2001–2003 гг. было выделено из федерального бюджета 6,7 млрд руб. (21,6 %). С учетом этой дореформенной системы финансирования и конкретных задач, стоящих перед появившимися в результате реформы Министерством и Федеральными агентствами¹, было бы целесообразным перераспределить финансовые ресурсы, передав Министерству культуры и массовых коммуникаций управление бюджетными средствами, необходимыми для реализации ФЦП «Культура России». Подобного рода «инъекция эффективности», хотя и не устранит всех негативных последствий реформы, создаст необходимые предпосылки для ликвидации возникшего в сфере культуры административного казуса.

10. Нужна ли культура власти?

Все упирается в экономические ведомства, ошибки которых, собственно, и породили управленческий кризис в секторе культурной деятельности. Я имею в виду очевидную несогласованность механизмов управления федеральными целевыми программами с постреформенной системой государственного управления. Так, в соответствии с трактуемым Минэкономразвития и Минфином порядком формирования и реализации федеральных целевых программ Министерству культуры и массовых коммуникаций отведена роль государственного заказчика-координатора, а в качестве непо-

средственных государственных заказчиков ФЦП «Культура России» выступают Федеральные агентства, которые и определяют этапы реализации ФЦП, формируют совокупность ее проектов и мероприятий на основе конкурсного отбора заявок исполнителей и осуществляют финансирование конкретных проектов программы². Иначе говоря, ответственность за проведение государственной культурной политики возложена на Министерство культуры и массовых коммуникаций, а полномочия и бюджетные ресурсы, необходимые для ее осуществления посредством такого важного инструмента как ФЦП, закреплены за Федеральными агентствами. Попытки изменить ситуацию и передать функции по управлению и финансированию ФЦП Министерству культуры и массовых коммуникаций наталкиваются на бюрократический отказ экономических ведомств, не желающих что-либо менять.

Отмечу, что ослабленный «войной» лоббистский потенциал Министерства может привести к очередному поражению культуры, которая уже не смогла попасть в число приоритетных президентских проектов в социальной сфере. К сожалению, прогноз мой неутешителен. Учитывая тенденции последних лет, демонстрирующие укрепление монополии экономических ведомств и замедление формирования институтов гражданского общества, следует ожидать продолжения непопулярных реформ и новых ошибок власти, в глазах которой культура остается лишь ненужной нагрузкой на бюджет.

А. В. СМОРНОВ,

декан юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор

ТЕРМОДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА: ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Природа, общество, государство представляют собой реальные термодинамические системы — так называемые ветвящиеся структуры, — в иерархии которых упорядоченность каждой зависит от упорядоченности предыдущей. Ветвящиеся структуры уменьшают свою энтропию во времени по причине скрытого энергетического воздействия на них, ока-

зываемого извне. Поэтому, чем эффективнее это энергетическое воздействие, тем больше степень упорядоченности и устойчивости системы, в данном случае общества и государства. Следовательно, задача состоит в том, чтобы описать сущность такого воздействия,

¹ Положение о Министерстве культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, а также Положение о Федеральном архивном агентстве, Положение о Федеральном агентстве по культуре и кинематографии, Положение о Федеральном агентстве по печати и массовым коммуникациям утверждены постановлениями Правительства Российской Федерации от 17 июня 2004 г. № 289, 290, 291, 292.

² Речь идет именно о трактовке. Дело в том, что сам текст установленного порядка, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 июня 1995 г. № 594 «О реализации Федерального закона “О поставках продукции для федеральных государственных нужд” (в ред. от 28 июля 2005 г.), допускает возможность управления и финансирования ФЦП государственным заказчиком-координатором, то есть непосредственно Министерством культуры и массовых коммуникаций.

его типологию и закономерности, а также определить наиболее эффективный его способ.

Государство, по нашему мнению, есть форма решения общих дел посредством политической элиты. Общество непосредственно черпает энергию из окружающей природной среды в естественных формах (физической, биохимической), а государство опосредованно получает ее от общества, но не столько в природных, сколько в превращенных, социализированных формах. В обменных энергетических процессах в ветвящейся структуре: природа—социум—государство именно политической элите принадлежит ведущая роль энергетического диспетчера. Поэтому способы негэнтропийного энергетического воздействия на общество определяются методами формирования политической элиты и соединения ее с государством. Они зависят от

характера социальных мембран между элитой и демосом, видов собственности (сила-собственность, свобода-собственность, власть-собственность, происхождение-собственность, капитал-собственность и т. д.), способов управления. В зависимости от сочетания этих элементов строится типология государств, начиная с древнейших его форм до наших дней.

Наиболее эффективное негэнтропийное воздействие общество получает при переходе к информационной политической элите, мягким социальным мембранам, максимально поощряющим индивидуальность, информации-собственности, коммуникативному способу управления, включающему в себя общественный дискурс, возрастание роли правосудия и новое право, основанное на индивидуальной справедливости.

А. В. СТРЕМОУХОВ,

заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права СПбГУП,
доктор юридических наук, профессор

ПУБЛИЧНОЕ (НАРОДНОЕ) ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

Культура представляет собой одно из явлений общественной жизни, качественно характеризует образ жизни людей, понимаемый как способ материальной и духовной жизнедеятельности в предлагаемых условиях и обстоятельствах¹. В самом широком смысле слова культура была определена Всемирной конференцией по политике в области культуры (Мехико, 1982 г.) как «совокупность ярко выраженных черт, духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных, характеризующих общество или социальную группу. Культура охватывает, помимо искусства и литературы, образы жизни, основные права человека, системы ценностей, традиции и веры»². В узком понимании культура — это обусловленная требованиями общества мера и способ деятельности людей на основе высокого уровня образованности (в том числе — правовой), убежденности, активности и умелости³. Культура имеет множество форм и

проявлений. Различают культуру духовную и материальную, национальную, религиозную, политическую и пр.

Важнейшим элементом культуры в широком смысле является политическая культура. Основным ее показателем считается наличие института публичного (народного) представительства прав человека.

Еще в начале XX в. С. А. Котляревский писал: «Основным признаком конституционного государства является наличность органа, состоящего из народных представителей и обладающего в той или другой мере законодательной властью; именно в этом органе преимущественно и совершается политическое самоопределение нации»⁴. Это положение остается актуальным и по сей день.

Подтверждением тому является ст. 3 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Причем следует подчеркнуть, что народ передает представительным

¹ См.: Горанов К. Культура и искусство в быстро меняющемся мире // Искусство в системе культуры: социологические аспекты. Л., 1981. С. 9.

² Декларация Мехико по политике в области культуры // Культуры: диалог народов мира. ЮНЕСКО. 1984. № 3. С. 77.

³ См.: Стремоухов А. В. Воспитание политической культуры у политработников органов внутренних дел: пособие. СПб., 1996. С. 10–16.

⁴ Котляревский С. А. Конституционное государство: опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907. С. 102.

органам государства не самому власти, а лишь право на власть, на осуществление власти, причем на строго определенный срок. Поэтому покушение на институт народного представительства, в том числе путем так называемого продления полномочий, есть покушение на народный суверенитет, полноту власти народа и его верховенства и должно квалифицироваться как присвоение власти. Обновление представительной системы, как с точки зрения ее организационных форм, так и с точки зрения персонального состава народных представителей — право самого народа, осуществляемое им посредством свободных периодических выборов¹.

Высшей формой публичного представительства прав человека в России является Государственная Дума Федерального Собрания РФ. Основу ее формирования и деятельности составляют идеи народного представительства. Определение высшему представительному органу России прямо и однозначно дает ст. 94 Конституции РФ: «Федеральное Собрание — парламент Российской Федерации — является представительным и законодательным органом Российской Федерации». В отношении парламентов субъектов Российской Федерации понятия «законодательный» и «представительный» вообще используются как синонимы. Вывод об этом можно сделать, если обратить внимание на то, как такие парламенты именуются в нескольких статьях Конституции РФ: «законодательные (представительные) органы субъектов РФ». Следовательно, представительный характер органа государственной власти является одним из важнейших признаков парламента.

Парламент как представительный орган не во всех случаях целиком непосредственно избирается населением страны. Например, в Великобритании таким свойством представительного органа обладает только палата общин. Ведь британский парламент состоит из трех частей: палаты общин, палаты лордов и монарха. Причем палата лордов формируется из числа потомственных пэров, пожизненных пэров, назначенных пэров и пэров по должности. Поэтому о представительном характе-

ре власти, обретенном в результате избрания ее членов населением, говорить некорректно².

По Конституции РФ, в полной мере публичным представительным органом является Государственная Дума, избираемая непосредственно гражданами. О представительном характере всего Федерального Собрания с точки зрения непосредственного волеизъявления избирателей говорить уже приходится с очень большой натяжкой, поскольку члены Совета Федерации, за исключением первого его созыва 1993–1995 гг., не избираются населением именно в качестве членов этой палаты Федерального Собрания. Да и в ч. 2 ст. 95 Конституции РФ не говорится о народном представительстве: «В Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Российской Федерации: по одному от представительного и исполнительного органов государственной власти».

В связи с наличием в России представительного органа встает несправедливый вопрос: что есть народное представительство? Его постановка обусловлена неоднозначными, порою спорными определениями названного феномена. В их числе необходимо назвать следующие.

Во-первых, термин «представительство» может трактоваться весьма широко: как выражение чьих-либо интересов, совершение каких-либо действий в силу имеющихся оснований одним лицом в интересах и от имени другого лица. По определению Н. И. Лазаревского, представительство — это «отношение двух или нескольких лиц, когда одно лицо имеет право исполнять какие-либо действия за другое лицо или за других лиц, с тем, чтобы то, что совершит представитель, имело те же последствия, какие имели бы действия представляемого»³. Приведенное определение согласуется с более поздним определением С. М. Корнеева, который пишет, что представительство в праве — это «правоотношение, в соответствии с которым одно лицо (представитель) на основании имеющегося у него полномочия выступает от имени другого (представляемого), непосредственно создавая (изменяя, прекращая) для него права и обязанности»⁴.

Представитель не может иметь больше прав, чем представляемый, и, во всяком случае,

¹ См.: Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Б. С. Эбзеева по делу о проверке конституционности Указа Президента РФ от 2 марта 1996 г. № 315 «О порядке переноса срока выборов в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации», Закона Пермской области от 21 февраля 1996 г. «О проведении выборов депутатов Законодательного собрания Пермской области» и ч. 2 ст. 3 Закона Вологодской области от 17 октября 1995 г. «О порядке ротации состава депутатов Законодательного собрания Вологодской области» (в ред. от 9 ноября 1995 г.) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 20. Ст. 2383.

² Крылова Н. С. Парламент Великобритании. Парламенты мира. М., 1991. С. 63–122; Стефанкин В. А. Основы конституционного права Англии. М., 1994. С. 48–61.

³ Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву, конституционное право. СПб., 1908. Т. 1. С. 328.

⁴ Юридический энциклопедический словарь. М., 1984. С. 284.

не может иметь других прав, чем представляемый, ибо в этом случае он был бы не представителем кого-либо, но лицом, имеющим свои права, независимые от прав представляемого. В этом смысле понятие «представительство» употребляется в различных отраслях права — в гражданском, гражданско-процессуальном, уголовно-процессуальном и др.

Однако в публичном праве представительство не есть простое поручение как частная доверенность или полномочие. Государственное начало придает ему совершенно иной характер. Б. Чичерин считал, что на народного представителя возлагается не исполнение частной воли доверителя, а обсуждение и решение общих дел. Он имеет в виду не выгоды избирателей, а пользу государства. Поэтому представитель действует совершенно независимо от своих избирателей. Иногда он даже обязан поступать не согласно с их волей и интересами, ибо их частные желания и выгоды могут противоречить общему благу. Если представитель брал на себя нравственное обязательство действовать в известном направлении, то обстоятельства могут изменить его убеждения. При совместном с другими обсуждении дел являются новые точки зрения; почти всегда необходимы взаимные уступки; совершающиеся события изменяют общественные потребности. Таким образом, утверждал Б. Чичерин, воля граждан всецело переносится на представителя. Мало того, выборное лицо является представителем не только своих избирателей, но и тех, которые его не выбрали¹.

Во-вторых, по мнению Н. И. Лазаревского, хотя депутаты и избираются народом, но, тем не менее, сами избиратели непосредственно не могут осуществлять права участия в парламенте или, так или иначе, участвовать в законодательной деятельности вместо депутата. Таким образом, тех прав, которые возникают у депутата в силу избрания, у избирателей нет и не было. Свои права на участие в парламенте и все личные свои привилегии, связанные с этим званием, депутат получает, таким образом, не от избирателей, у которых их нет, а непосредственно от закона. Выборы только указывают, кто будет пользоваться этими установленными законом правами².

Публичное народное представительство — это представительство всех граждан как носителей суверенитета народа и представительство каждого гражданина как носителя права участвовать в управлении страной. Пер-

вое означает, что народ в демократическом государстве пользуется правом иметь представительное учреждение и правом на обеспечение его нормальной работы, а второе, — что каждый гражданин пользуется субъективными правами формировать представительное учреждение, быть представителем и быть представленным в органах народного представительства. Для реализации права быть представленным совсем не обязательно личное избрание в орган народного представительства. Вполне достаточно возможность определять своего представителя, которая в равной мере принадлежит каждому гражданину³. Граждане всегда могут «требовать народного представительства, которое является высшим выражением свободы и их прирожденным правом»⁴.

В-третьих, спорность определения народного представительства Государственной Думы и других подобных органов в субъектах Российской Федерации объясняется также и тем, что оно никак не раскрывается в Конституции РФ и конституционном законодательстве, не описываются функции Думы, связанные именно с представительным ее характером.

В-четвертых, народное представительство — одна из основных категорий науки конституционного права и сложный по своей структуре институт одноименной отрасли права. Содержание народного представительства составляют отношения, связанные с формированием, функционированием и ответственностью особого вида органов, социальным назначением которых является согласование и отражение интересов различных социальных общностей, политических и демографических групп граждан на соответствующем уровне государственной власти или местного самоуправления.

Формой народного представительства выступают отличающиеся особыми характеристиками органы. Их наличие в системе государственных и самоуправленческих органов является обязательным признаком всякого демократического государства, а содержание деятельности таких органов свидетельствует о поддержании политического режима, обеспечивающего реальное участие народа в осуществлении принадлежащей ему власти⁵.

³ См.: Масленникова С. В. Право граждан на представительство // Проблемы народного представительства в Российской Федерации / под ред. С. А. Авакьяна. М., 1998. С. 28.

⁴ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 24.

⁵ См.: Богданова Н. А. К вопросу о понятии и моделях народного представительства в современном государстве // Проблемы народного представительства в Российской Федерации / под ред. С. А. Авакьяна. С. 13.

¹ См.: Чичерин Б. О народном представительстве. М., 1899. С. 4–5.

² См.: Лазаревский Н. И. Указ. соч. С. 328.

Функции органов народного представительства определяются в первую очередь в зависимости от воли народа (избирателей). Следовательно, главное социальное назначение и смысл существования избранных в законном порядке представительных органов — обеспечить максимально полное и точное выявление воли народа и ее наиболее эффективную реализацию¹.

В-пятых, категория «народное представительство» традиционно означала создание коллегиальных органов, состоящих из избранных народом представителей — депутатов. Однако, изучив ст. 94 Конституции РФ, мы приходим к выводу, что она вовсе не отрицает возможности существования в России и иных, неколлегиальных представительных органов. Следовательно, считает С. А. Авакьян, возможен и другой подход: народное представительство охватывает не только коллегиальные органы, но и должностных лиц, избранных народом: Президента РФ, президентов и глав республик, губернаторов, глав администрации иных субъектов Российской Федерации, глав муниципальных образований².

Следовательно, исходный фактор народного представительства — это *выборность* соответствующих лиц народом. Вот почему глав исполнительной власти также следует считать народными представителями. Безусловно, что избранные народом лица должны работать в его интересах. Без этого народное представительство немыслимо.

Таким образом, если лицо избрано народом (населением) и если оно обязано в своей деятельности выражать (учитывать) его интересы, есть основания считать такое лицо народным представителем и субъектом народного представительства. А отношения, которые возникают в связи с деятельностью такого лица или органа, в состав которого он входит, есть отношения народного представительства³. Последние непосредственно связаны с отношениями власти. В зависимости от эпохи и от политического режима содержание категории «народное представительство» и ее место среди других категорий конституционного (государ-

ственного) права изменялось, но важность ее сохранялась всегда.

Точно так же, как и другие отрасли права, конституционное право предусматривает представительство по выбору представляемых и по закону. Однако в России в настоящее время народное представительство осуществляется на основе свободного волеизъявления избирателей. Политическая и правовая культура, образовательный уровень населения в Российской Федерации позволяют гражданам осознанно избрать достойных их доверия представителей в законодательные органы, в том числе и в Государственную Думу.

В современном обществе одним из наиболее эффективных инструментов выражения и реализации политической воли народа в процессе осуществления государственной власти являются политические партии. Допуск партий к государственной власти в условиях демократии, политического плюрализма и многопартийности осуществляется через свободные выборы посредством волеизъявления избирателей. Под политической партией в российском законодательстве понимается общественное объединение, созданное в целях участия граждан в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти (п. 1 ст. 3 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»⁴). В отличие от иных общественных объединений, которые выражают групповые (корпоративные) интересы, политическая партия выражает волю и интересы всех граждан в политической форме⁵.

Таким образом, основными идеями института народного представительства являются следующие:

— народное представительство вытекает из принципа народного суверенитета и призвано быть одной из форм его действительного осуществления;

— по своей сути народное представительство есть не что иное, как самопредставительство народа; только путем самопредставительства народ может обеспечить политическое бытие, защищать интересы, выражать свою суверенную волю;

— истинно народное представительство есть представительство всеобщего народного интереса, а не особого, корпоративного;

¹ См.: Скуратов Ю. И. Советский народ — субъект отношений народного представительства в развитом социалистическом обществе // Советское народное представительство: межвуз. сб. науч. трудов. Свердловск, 1984. С. 39.

² См.: Авакьян С. А. Проблемы народного представительства в Российской Федерации // Проблемы народного представительства в Российской Федерации / под ред. С. А. Авакьяна. С. 5.

³ См.: Автономов А. С. О категории представительства в конституционном праве // Проблемы народного представительства в Российской Федерации / под ред. С. А. Авакьяна. С. 19.

⁴ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.

⁵ См.: Лапаева В. В. Формирование конституционного большинства в Государственной Думе: воля народа или парламентские процедуры? // Выборы. Законодательство и технологии. 2004. № 3. С. 41–51.

— народное представительство выполняет функцию соединения суверенитета народа с государственной властью, что придает всей системе правления демократический характер;

— народное представительство — это государственная деятельность величайшей силы, высшее политическое представительство, основанное на доверии народа¹.

Учитывая вышеизложенное, необходимо дать следующее определение категории «народное представительство» — это такие отношения между депутатом и народом, которые связаны с формированием, функционированием и ответственностью особого вида органов, социальным назначением которых является согласование и отражение интересов

различных социальных общностей граждан на соответствующем уровне государственной власти или местного самоуправления.

В различные эпохи, в зависимости от уровня культуры народа, особенно экономической, политической и правовой ее составляющих, менялись взгляды на то, каким образом должны быть представлены права человека в России, круг представляемых субъектов то сужался, то расширялся, степень взаимосвязи представителей и представляемых изменялась.

В настоящее время уровень духовной и экономической культуры российского общества обеспечивает создание эффективных органов публичного (народного) представительства прав человека.

М. М. СУЛТЫГОВ,

профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУП,
доктор юридических наук

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сегодня мы уже столкнулись со многими противоречиями, имеющими непосредственное отношение к правовой культуре. И это не только противоречие между ростом духовных запросов граждан и реальными возможностями для их удовлетворения. Сегодня противоречия объясняются глубиной и тяжестью деформаций минувших лет, запущенностью дел в различных сферах экономики и социальной жизни, в том числе и правовой сфере. Все это, конечно, влияет и на нашу правовую культуру. Вот почему исходной предпосылкой прогнозирования развития правовой культуры выступает исследование не только наличного состояния правовых ценностей, но и поиск путей, устраняющих противоречия в законодательстве и правовой системе, обеспечивающих всестороннее правовое развитие личности.

Правовая культура не только впитывает в себя достижения цивилизации, но и способствует развитию и упорядочению самой цивилизации. Правовая культура — динамичное явление. Исключительно важное место занимают в ней нравственные ценности. Правовая культура как личности, так и общества немалосмыслима вне и помимо нравственно-

сти. Возрождение нравственности, общечеловеческих ценностей в нашем обществе представляет собой непреходящий элемент высокой общей культуры, а потому и правовой культуры страны. Для нас правовая культура ценна не только тем, что она служит идеалам нашего государства, но и тем, что в ней заключены прежде всего общечеловеческие идеалы гуманизма и справедливости. Если правовая культура порывает с этими идеалами, то она перестает служить и праву, и цивилизации.

Правовая культура — чрезвычайно емкое явление. Ее общественная значимость во многом превосходит границы нормативного воздействия права на социальные отношения, так как, являясь составной частью общечеловеческой культуры, она прямо и косвенно влияет на формирование сознания и деятельность личности в самых различных сферах жизни общества. Неслучайно поэтому к подавляющему большинству проблем построения правового государства и гражданского общества вопросы формирования правовой культуры имеют самое прямое отношение.

В юридической науке, как и в культурологии, нет единого понимания термина «культура» вообще и «правовая культура» в частности. Несмотря на то, что существует несколько вариантов его толкования, универсального, сущностного определения культуры, получившего бы общепризнанное распространение, до настоящего времени нет. Следует отметить,

¹ См.: Черныбель Г. Т. К. Маркс и Ф. Энгельс о народо-власти и народном представительстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 15; Скуратов Ю. И. Указ. соч. С. 29; Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М., 2002. С. 435.

что правовая культура в полной мере может быть раскрыта лишь в контексте общественного прогресса, так как она немыслима без своей прогрессивной направленности. Здесь она трактуется через становление личности, которая начинает осознавать, а затем требовать и создавать правовые средства защиты своей зарождающейся автономии. Близким к правовой культуре личности качеством является образованность человека. Как правило, под образованностью обычно понимают результат познавательного процесса, который характеризуется получением определенного рода знаний. Культура в отличие от образованности характеризуется не только знаниями, но и различными способностями по применению этих знаний, то есть определенными умениями и навыками. Таким образом, культура — более широкое понятие по сравнению с образованием, включающее в себя не только определенные представления, инфор-

мацию, но и умение человека применять их в реальной жизни, с их помощью продолжать поднимать свой общеобразовательный и культурно-правовой уровень, развивать интеллект. Необходимо отметить, что правовая культура не только лишь сводится к правовым знаниям, но и включает в себя определенную степень самосовершенствования посредством достижения права, прогрессивной культуры общества, умения использовать право и культуру в своей жизни и деятельности. Правовая культура личности — это определенный характер и уровень творческой деятельности, с точки зрения его внутреннего потенциала. Таким образом, являясь детерминирующим фактором формы жизнедеятельности человека и способом реализации его творческих возможностей, правовая культура оказывает большую роль в формировании современной общей культуры личности, общества и государства.

Э. Д. ТИХОНОВА,

доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЭКСПАНСИИ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЮ

Одной из важнейших причин быстрого проникновения и распространения американской культуры в Россию является, как ни парадоксально это звучит, советская идеология. В советское время пресса, радио, телевидение были наполнены негативными материалами о США. «Холодная война» углубила неприязнь обеих стран к культуре противника. В общественном сознании законопослушных американцев Россия представлялась как страна белых медведей. В сознании же советских людей, сопротивляющихся навязанной идеологии, особенно во времена «застоя», США стали «землей обетованной», где можно претворить в жизнь все свои мечты. Отсутствие информации подогревало общественный интерес к Америке в целом и ее культуре в частности. Классическая американская литература, редкие фильмы в нашем прокате — вот и вся информация об американской культуре, доступная советскому человеку. В условиях информационного голода радио «Голос Америки» был источником «правды» об Америке, случайные записи американских исполнителей, представителей массовой культуры становились «эталонами» новых течений в культуре. Таким образом, к перестройке советское общество было открыто и готово к восторженному восприятию американской культуры.

Не следует сбрасывать со счетов и кризисную ситуацию в культуре России в 1990-х гг., которая характеризовалась следующими признаками:

— снижение потребностей в традиционных для России видах искусства, определенной утрате интереса к отечественной культуре;

— увеличение потребностей в продукции массовой культуры различных жанров: литературы, кино, музыки, зрелищных видов деятельности.

Вхождение России в рыночные отношения способствовало появлению новых видов культурных продуктов, пользующихся устойчивым спросом на Западе. При этом продукты массовой культуры, в основном американской, в глазах многих россиян, особенно молодежи, обладали новизной, яркостью, простотой восприятия, зрелищностью. Многие виды отечественных продуктов сферы культуры и искусства не могли выдержать такой конкуренции. Повышению спроса на продукты массовой культуры способствовала агрессивная, профессионально сделанная реклама американской культуры и образа жизни.

В 1990-е гг., в сложных экономических условиях наше государство заботилось, по сути, только о сохранении инфраструктуры

культуры, но никоим образом не поддерживая отечественную культуру. Государство, декларируя приоритет сохранения, возрождения и развития отечественной культуры, финансировало не творческую или исследовательскую деятельность учреждений, не создание конкретных культурных ценностей, а лишь содержание этих учреждений и их работников.

В условиях формирующегося рынка, готовности и желания общества к потреблению продуктов американской массовой культуры, а также практически отсутствующей государственной политики поддержания отечественной культуры, в Россию хлынул поток американских боевиков и триллеров, «сникерсов», попкорна и т. д.

Помимо указанных социально-экономических причин экспансии американской культуры, субъективных для России, существуют и объективные причины, «унифицирующие» культуру различных стран, в том числе и нашей.

Во-первых, это распространение новых информационных технологий, вызывающее процесс «глобализации» культуры. Интернет и возможности получения любой информации со всего мира «усредняют» культуру большинства христианских стран и активно влияют на мусульманские и другие страны. В этих условиях приоритет влияния — у стран с наибольшими экономическими возможностями, и прежде всего США.

Во-вторых, коммерциализация культуры, ее приспособление к вкусам и потребностям больших масс людей, с одной стороны, и наи-

более обеспеченных слоев населения, с другой. И в этом случае американская культура, имеющая богатый опыт производства коммерческих продуктов культуры, имеет несомненное первостепенное значение.

Бороться с указанными процессами бессмысленно, поскольку, как отмечалось выше, они носят объективный характер, можно лишь замедлить их или смягчить последствия.

В условиях жесткой экспансии американской культуры возникает проблема сохранения и развития отечественной культуры. Прежде всего необходима последовательная государственная политика в области культуры. Отрадно отметить, что первые проявления такой политики уже осуществляются: финансированных авторов, развивается, не без участия государства, отечественный кинематограф, во многих странах мира экспонируются наши национальные ценности, проводятся праздники русской культуры. Как следствие, повышается интерес к российской культуре в мире, увеличивается поток иностранных туристов в Россию. Кроме того, повышается интерес к отечественной культуре — литературе, истории, традициям. В обеих странах представления друг о друге претерпели значительные изменения не только на основании обширной и доступной информации, но и как результат культурного обмена между ними.

Таким образом, создаются предпосылки сохранения и развития отечественной культуры в нашей стране наряду с внедрением и существованием продуктов американской культуры.

А. П. ФЕДОРОВ,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП,
кандидат технических наук

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРИНЦИПОВ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Российское пенсионное законодательство насчитывает более 100 лет. В XIX — начале XX в. в России существовали три независимые системы обеспечения на случай старости, инвалидности: 1) призрение в крестьянской общине и благотворительность; 2) система государственного обеспечения на случай старости, болезни и потери кормильца — пенсионное обеспечение чиновников и дворянства (Устав о пенсиях, Учреждение о наградах, Устав о службе воинской) и государственное призрение «сырых и убогих»; 3) трудовые пенсии в связи с несчастными случаями на производстве.

Призрение в крестьянской общине основывалось на принципе взаимопомощи, который стал реализацией культурной традиции, восходящей к родоплеменной организации древних славян и впоследствии оплодотворенной христианством. Одной из особенностей развития капитализма в России явилось то, что эта традиция распространилась и на значительнейшую часть фабрично-заводского пролетариата, появлением которого Россия обязана Манифесту от 19 февраля 1861 г. Она сохранялась вплоть до первой четверти XX в.

Экономическая основа этого феномена заключалась в том, что эта часть пролетариата

была крепко привязана к земле и являлась, по сути дела, армией сезонных работников, нанимавшихся на промышленные предприятия в период между окончанием одного сезона полевых работ и началом нового. Глубинная связь с землей (общиной) сохранялась у многих из них и после того, как от периодического межсезонного труда они переходили к постоянному наемному и становились профессиональными наемными работниками. Низкие заработки и отсутствие социальной защиты приводили к тому, что, когда они оказывались не в состоянии работать вследствие дряхлости или полученного на производстве увечья или профессионального заболевания, они были вынуждены возвращаться в свои деревни и там доживать дни, находясь на попечении крестьянской общины.

Взаимопомощь, как культурный феномен, возможна только среди экономически однородной (по виду деятельности, уровню материального обеспечения) общности. На культурных традициях был основан и другой вид негосударственной помощи — благотворительность. В этом случае субъекты относятся к разным группам населения (по узаконенному социальному статусу или экономической самодостаточности). В основе благотворительности также лежат схожие мотивы помощи ближнему, моральные и религиозные постулаты, культурные традиции.

Благотворительность в Российской империи была достаточно распространена, хотя, безусловно, в силу самой своей сущности не оказывала, да и не могла оказать скольконибудь заметное влияние на общее состояние системы социального обеспечения.

Своеобразным симбиозом взаимопомощи и благотворительности являлось призрение старых и больных дворовых людей, доживавших свои дни на помещичьем дворе.

Пенсионное обеспечение «служивых людей» первоначально зародилось как «воздаяние за верную службу», награда, которую в полном соответствии с культурными традициями московской Византии государь мог пожаловать по своему хотению и по нему же и отобрать. Экономический уклад Московской Руси диктовал предоставление награды в первую очередь в натуральном виде (поместье-прожиток). Постепенно не без активного сопротивления дворянства временному характеру такого обеспечения прожиток превратился в наследственное владение.

Правовое регулирование пенсионного обеспечения дворянства начинается с петровских реформ. Первые нормы закладываются в Морском уставе 1703 г. Впоследствии формируются нормы о пенсионном обеспечении: первоначально военнотружущих (дворян), а

затем — военных и гражданских чиновников, которые получают логическое завершение в Уставе о пенсиях, Учреждении о наградах и Уставе о воинской службе.

Принципы права, на основе которых осуществляется формирование системы государственного пенсионного обеспечения, определялись как культурными, так и экономическими реалиями Российской империи. С одной стороны, пенсия, несмотря на свою правовую природу, продолжала рассматриваться как награда за личную службу «во славу царя и Отечества». В частности, устанавливаются пенсии членам императорской фамилии. Они же награждаются высшими орденами Российской империи при рождении, достижении совершеннолетия и т. д. За императором сохраняется право устанавливать пенсии и награждать по своему произволу. Лишение наград и права на пенсию (в том числе уже получаемую пенсионером либо его семьей) производится как в случае попадания под суд, так и за неблагоприятные поступки. По желанию лица возможна замена назначения пенсии производством в очередной чин при выходе в отставку.

С другой стороны, экономические возможности государства обуславливают существование определенных ограничений в пенсионном обеспечении. Во-первых, обозначен определенный уровень доходов потенциального пенсионера, при превышении которого пенсия не назначается. Во-вторых, сроки службы, необходимые для приобретения права на пенсию за выслугу лет, весьма высоки, особенно учитывая реальную продолжительность жизни в то время. В частности, для приобретения права на максимальную пенсию необходима выслуга 35 и более лет, на минимальную — 20 лет. В-третьих, количество лиц, имеющих в результате награждения орденом право на командорственные доходы и пенсии, зафиксировано, для назначения соответствующего дохода либо пенсии устанавливается очередь кавалеров (кавалерственных дам) ордена. В-четвертых, пенсионные суммы формируются за счет вычетов из жалованья, за производство в очередной чин и тому подобное и только при недостаточности этих средств (что, впрочем, было явлением обычным) использовались бюджетные средства. В-пятых, размер пенсии определяется в соответствии с пенсионными разрядами, устанавливаемыми для каждого чина (ранга). В-шестых, с целью повышения устойчивости системы пенсионного обеспечения и уровня пенсий со второй половины XIX в. формируются эмеритальные кассы в военных и гражданских ведомствах.

Г. Ф. ФЕЙГИН,

доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Одной из ключевых проблем в современной науке о международных отношениях является соотношение понятий глобализации и регионализации. Принципиально можно выделить два подхода:

— Регионализация представляет собой стадию глобализации. Начавшись на региональном уровне, процессы интеграции перейдут на мировой уровень и тем самым приведут к становлению единого хозяйственного миропорядка. Это может произойти за счет расширения региональных блоков, сотрудничества между ними и последующего объединения.

— В современных условиях продолжается борьба за отстаивание национальных экономических интересов. При этом образование региональных экономических блоков представляет собой своеобразный инструмент этой борьбы. В рамках региональных блоков отдельные государства смогут легче отстаивать свои национальные интересы и завоевывать новые позиции, чем в результате осуществления собственной экономической политики.

Региональная интеграция, несомненно, представляет собой конкретную форму проявления глобализации. В последние десятилетия существенно возросло количество региональных торговых блоков: к 2002 г. их число превысило 250. Из крупных стран только Япония не входит в какие-либо региональные торговые объединения. В зависимости от числа стран — участниц блоков, поставленных задач, глубины интеграционных процессов региональные блоки существенно отличаются друг от друга.

Существуют многочисленные концепции интеграции. К наиболее существенным теориям относятся федерализм, функционализм, неофункционализм, транзакционализм и теория комплексной взаимозависимости. Кроме того, отдельные аспекты региональной экономической интеграции изучаются в теории внешней торговли. Определенный интерес представляет классификация уровней интеграции, введенная венгерским экономистом Б. Баласса в 1962 г. (см. таблицу ниже).

По нашему мнению, между понятиями глобализация и регионализация нет противоречия. Регионализацию можно рассматривать как современную стадию становления глобального хозяйственного миропорядка. Данную гипотезу подтверждают, по крайней мере, следующие тенденции:

— Процессы интеграции динамичны, то есть происходит постоянное расширение и углубление интеграции в соответствующих экономических блоках.

— Процессы интеграции все более выходят за рамки отдельных регионов и приобретают межрегиональный характер. Показательна в этом смысле Ассоциация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества. Фактически, уже сегодня речь идет об образовании экономического блока, выходящего за рамки одного региона и охватывающего значительную часть территории земного шара.

— В настоящее время можно говорить о примерах сотрудничества между региональными блоками, что создает определенные предпосылки для их последующего объединения.

Зона предпочтения	Страны осуществляют сокращение таможенных пошлин и других внешнеторговых барьеров
Зона свободной торговли	Страны — участницы зоны полностью отменяют таможенные пошлины по отношению друг к другу. Однако проводят индивидуальную таможенную политику по отношению к внешнему миру
Таможенный союз	Страны — участницы союза отменяют таможенные пошлины по отношению друг к другу и проводят при этом единую таможенную политику по отношению к внешнему миру
Экономический союз	Страны — участницы союза устанавливают общие правила конкуренции на едином рынке. Единый общий рынок, предполагающий свободное перемещение товаров, услуг и капиталов, представляет собой базовый элемент экономического союза
Валютный союз	Страны — участницы союза фиксируют курсы национальных валют по отношению друг к другу или вводят единую валюту. В условиях валютного союза происходит интенсификация конкуренции при сокращении транзакционных расходов, связанных с операциями на валютном рынке. Основная проблема заключается в том, что денежная политика должна быть единой у стран — участниц союза. Этот факт несколько ограничивает возможности национальных государств по проведению экономической политики
Политический союз	Страны — участницы союза принимают общую конституцию. Они проводят общую политику по всем основным направлениям: внешняя, валютная, политика национальной безопасности

Движение от регионализации к становлению глобального миропорядка можно представить в виде следующей схемы:

Наиболее динамичным региональным экономическим блоком является Европейский союз (ЕС). В настоящее время в него входят 25 стран. В рамках ЕС достигнуты первые 4 уровня интеграции (см. таблицу выше). Кроме того, в зону евро входят 12 стран, то есть на территории ЕС уже создан валютный союз. Идет обсуждение конституции ЕС, что свидетельствует о наличии политического фактора интеграции (последний уровень интеграции в табл.). Следует отметить, что ЕС активно расширяется на Восток. Так, 1 мая 2004 г. в ЕС вступили 8 восточно-европейских стран: Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия, Словения, Чехия, Эстония. В 2007 г. ожидается вступление Болгарии и Румынии, а в перспективе — Молдовы и Украины. Таким образом, ЕС все ближе подходит к границам России. В связи с этим вопрос о дальнейшем стратегическом партнерстве между Россией и ЕС приобретает все большее значение.

В 2001 г. была высказана идея создания единого европейского экономического простран-

ства. Для реализации подобной идеи существуют объективные предпосылки:

1. ЕС — главный экономический партнер России: более 50 % внешнеторгового оборота России приходится на страны ЕС; более 50 % иностранных инвестиций поступают в Россию из государств-членов ЕС.

2. Динамика европейской интеграции непосредственно связана с расширением на Восток. Поэтому углубление сотрудничества с Россией выступает закономерным продолжением развития европейской интеграции.

3. Сотрудничество между Россией и европейскими странами имеет не только экономические, но и культурные основы. Начиная с эпохи Петра I, Европа представляла собой своеобразный ориентир, к которому стремилась Россия в ходе своего экономического и культурного развития.

Процесс создания единого экономического пространства связан с существенными трудностями. Россия по-прежнему отстает от стран ЕС по уровню экономического развития, что само по себе затрудняет интеграцию. Территория России значительно больше территории современного ЕС, что ставит под вопрос возможность создания единого регионального блока, включающего Россию и ЕС. Дискуссионным является также проблема поиска оптимального уровня интеграции, который следовало бы принять за основу при создании единого европейского экономического пространства.

Таким образом, будущее взаимоотношений России и ЕС непосредственно зависит от того, в какой мере удастся решить поставленные проблемы.

А. Л. ЦИММЕРМАН,

доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук;

М. А. КИЛИЧЕНКОВА,

преподаватель кафедры государственного права СПбГУП

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Причины, по которым государства утратили принадлежащие им культурные ценности, разнообразны (хищения, незаконный вывоз за пределы государства, вывоз культурных ценностей из стран, находившихся в колониальной зависимости, при разделении государств в порядке правопреемства, перемещение культурных ценностей в результате вооруженных конфликтов). Это обуславливает различия в подходах к правовому регулированию данных проблем. Ограничимся рас-

смотрением только вопросов реституции культурных ценностей, перемещенных в ходе и по итогам международных военных конфликтов.

Обычная норма международного права о реституции имущества, незаконно изъятого и вывезенного одним государством с оккупированной им территории, сложилась благодаря системе мирных договоров, заключенных после окончания Первой мировой войны, содержит нормы о необходимости проведения

реституции и субституции (компенсаторной реституции, то есть замены утраченных предметов аналогичными) культурных ценностей¹.

Международно-правовые вопросы реституции культурных ценностей получили свое развитие в связи с итогами Второй мировой войны. Общеизвестными являются факты грабежей культурных ценностей, производимых фашистскими войсками на территории оккупированных государств. В Мирных договорах, заключенных 10 февраля 1947 г. в Париже с Венгрией, Румынией, Болгарией, Финляндией и Италией, эти государства взяли на себя обязательства произвести реституцию имущества, вывезенного с оккупированных территорий².

Особенность реституции собственности, захваченной фашистской Германией, состояла в том, что она осуществлялась органами союзной контрольной власти, а не германскими государственными органами, которые были ликвидированы в осуществление политической ответственности Германии как государства-агрессора. В 1946 г. Контрольный союзный совет в Берлине выработал специальные правила, которые предусматривали право на реституцию в натуре культурных ценностей, вывезенных фашистской Германией с оккупированных территорий. Было также предусмотрено, что объекты «уникального» характера, которые не будут найдены, должны заменяться объектами такого же характера и качества.

Несмотря на то, что возможность компенсаторных реституций была закреплена в вышеупомянутых правилах Контрольного союзного совета, в советской литературе вплоть до начала 1990-х гг. не признавался факт изъятия СССР немецких культурных ценностей в качестве субституции³. Однако в связи с тем, что в последнее десятилетие XX в. Россия открыто заявила о нахождении на ее территории произведений искусства, вывезенных с территории Германии, оккупированной союзническими войсками, в юридической литературе и на уровне высших органов власти стали дискутироваться вопросы о возможности заявления претензий о возвращении культурных ценностей со стороны Германии.

¹ Версальский договор с Германией 1919 г. (ст. 238), договор с Австрией (ст. 184), Договор с Болгарией (ст. 126), Договор с Венгрией (ст. 168), Договор с Турцией (ст. 420) // Версальский мирный договор. М., 1925.

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XIII.

³ Богуславский М. М. Международная охрана культурных ценностей. М., 1979. С. 113.

Аргументы немецких юристов, обосновывающих незаконность нахождения на территории России немецких произведений искусства, вывезенных СССР с территории оккупированной Германии, касаются нескольких оснований.

Первая группа аргументов относится к статусу органов союзной контрольной власти. По мнению С. Турнера, непосредственно после окончания Второй мировой войны Германия как государства — субъекта международного права не существовало, так как власть на ее территории осуществлялась органами власти союзников. Поэтому державы-союзники фактически осуществляли функции держав-покровительниц до тех пор, пока государственность Германии не была восстановлена. Отсюда, — пишет немецкий юрист, — особая международно-правовая ответственность союзников, в том числе за вывоз за пределы Германии культурных ценностей⁴.

Действительно, в цели союзного военного командования входило восстановление в будущем суверенной демократической Германии. Однако данное обстоятельство не отменяет международно-правовую материальную ответственность Германии как государства-агрессора. Поэтому попытки оспорить законность правовых актов военных сил союзников на оккупированной территории Германии на том основании, что в этот момент ее как субъекта международного права не существовало, и она не могла принимать участие в решении вопроса о реституции и субституции, не имеют под собой юридического основания.

Другая группа аргументов касается возможности применения Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г., ст. 53, 56 которой запрещают захват исторических памятников и художественных произведений оккупированных государств⁵. Некоторые немецкие юристы, как, например, К. Райтер, считают, что Гаагская конвенция неприменима к обстоятельствам данного дела, так как «систематическое нарушение норм Гаагской конвенции следует расценивать как отказ Германии от ее соблюдения, что лишает нынешнее правительство Германии возможности ссылаться на закрепленные в этой конвенции правила»⁶. Другие немецкие юристы, в частности В. Фидлер,

⁴ Turner S. Internationaler Kulturgüterschutz und deutsche Frage: völkerrechtliche Probleme der Auslagerung, Zerstreuung und Rückführung deutscher Kulturgüter nach dem Zweiten Weltkrieg / W. Fiedler (Hrsg.). Berlin, 1991. S. 243.

⁵ Действующее международное право. М., 1997. Т. II. С. 575–587.

⁶ Райтер К. Кому принадлежит золото Трои? // Российская юстиция. 1999. № 7. С. 30.

в качестве аргумента в пользу возможности применения к этой проблеме норм Гаагской конвенции приводят тот факт, что ее нормы рассматривались как действующий источник права в ходе Нюрнбергского процесса¹.

Однако представляется, что вопрос о применении или неприменении Гаагской конвенции в данном случае не принципиален, так как нормы ст. 53 и 56 этого международного договора посвящены правилам поведения армий на оккупированных территориях в ходе вооруженных конфликтов. Гаагская конвенция 1907 г., не содержащая положений об ответственности государства за акты агрессии, не исключает возможности применения компенсаторной реституции культурных ценностей в качестве материальной международно-правовой ответственности.

Таким образом, обязательства по обычной и компенсаторной реституции культурных ценностей, принимаемые бывшими неприятельскими государствами, полностью соответствуют нормам международного права. Юридическая сила мер, предпринятых государствами-победителями в отношении Германии и ее бывших военных союзников, была подтверждена в Уставе ООН (ст. 107).

Неоднократно предъявляемые Германией претензии о возвращении культурных ценностей привели к необходимости урегулировать этот вопрос в рамках законодательства Российской Федерации. Эту задачу выполнил Федеральный закон от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» (с изм. от 25 мая 2000 г.)².

Данный Федеральный закон устанавливает, что культурные ценности бывших неприятельских государств (за исключением тех культурных ценностей, которые происходят с территории государств — жертв фашистской агрессии, являлись собственностью религиозных и благотворительных учреждений и использовались исключительно в религиозных или благотворительных целях или ранее принадлежали лицам, лишенным этих ценностей в связи с их активной борьбой против нацизма, в связи с расовой, религиозной, национальной принадлежностью) находятся на территории России в качестве объектов компенсаторной реституции, которая была проведена в соответствии с нормами международного права. Бывшие неприятельские государства утратили право собственности на те принадлежавшие им культурные ценности, которые были правомерно изъяты и перемещены с их территории на территорию СССР. К Российской Федерации как правопреемнику СССР перешло право владеть, пользоваться и распоряжаться такими культурными ценностями, находящимися на ее территории.

Можно только приветствовать решение России провести инвентаризацию культурных ценностей, перемещенных на ее территорию в результате Второй мировой войны. Объявление этих ценностей объектами компенсаторной реституции и установление возможности обмена их на российские до сих пор не возвращенные произведения искусства на основе международных договоров, может способствовать восполнению утраченного в ходе Второй мировой войны культурного наследия России.

О. В. ЧЕЛЫШЕВА,

профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургского института Генеральной прокуратуры РФ,
профессор кафедры правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Вопросы исследования культурных и художественных ценностей в рамках их правового и противоправного оборота являются исключительно актуальными на современном этапе развития общества. Применение в этой области правовых знаний необходимо в связи

с возросшим за последние 20 лет спросом на предметы антиквариата (предметы, представляющие историческую и культурную ценность и являющиеся объектами коллекционирования). Зачастую они становятся не только предметами недобросовестных, заведомо невыгодных для продавца сделок, но и объектами прямого преступного посягательства. Вследствие большой криминализации рынка предметов, представляющих культурную и художественную ценность, они все чаще стали

¹ Fiedler W. Kulturgüter als Kriegsbeute? Rechtliche Probleme der Rückführung deutscher Kulturgüter aus Russland. Heidelberg: Müller, 1995. S. 21–26.

² См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1988. № 16. Ст. 1799; 2000. № 22. Ст. 2259.

выступать объектами правоотношений в различных областях.

На современном этапе к правовому обеспечению культурных и художественных ценностей предъявляются исключительно высокие требования. В связи с этим автоматически должна возрасти роль знаний в области гражданского права и процесса, таможенного права и административного права, уголовного права и процесса, таких прикладных дисциплин, как криминология и криминалистика.

Правовое обеспечение культурных и художественных ценностей — это сложный многоэтапный процесс, включающий:

а) разработку и предоставление правоохранительным органам, связанным с оборотом культурных ценностей, соответствующих правовых средств, технологий и методов;

б) содействие в действенной защите прав и интересов лиц и организаций, осуществляющих законный оборот культурных ценностей;

в) формирование у сотрудников правоохранительных органов, непосредственно связанных с оборотом культурных ценностей, умений и практических навыков правоприменения в этой области.

Основной задачей правового обеспечения оборота культурных и художественных ценностей является повышение научного и технического уровня практической деятельности вышеперечисленных субъектов. Данное обеспечение представляет собой, на наш взгляд, систему трехкомпонентного состава, включающую:

- правовую науку;
- правовое образование и подготовку соответствующих сотрудников;
- соответствующие законы и иные нормативно-правовые материалы и методические рекомендации по их применению.

Разработка правовой научной продукции и предоставление ее в распоряжение законодателя и правоприменителей является наиболее важным звеном в указанной системе. Она включает несколько стадий (этапов), имеющих прямое отношение к созданию продуктов труда ученых, их внедрению в практику оборота культурных и художественных ценностей и дальнейшему совершенствованию.

Этот процесс начинается с изучения потребностей практики, которое и является *первым этапом* на пути создания научной продукции. Изучение практики правоприменительной деятельности в сфере оборота культурных ценностей позволяет выявить наиболее сложные участки работы, в том числе связанные с недостатками правового обеспечения данной деятельности.

Вторым этапом на пути создания правовой научной продукции являются обобщение и анализ эмпирического материала, то есть результатов практической деятельности в сфере оборота культурных ценностей, и на этой основе конкретизация и теоретическое осмысление проблем, требующих разработки в целях удовлетворения указанных потребностей.

В качестве *третьего этапа* можно выделить формулирование целей и задач научного исследования, определение путей, средств и методов их решения. В ходе их постановки необходимо решить вопрос о том, в чем именно требуется помощь правоохранительным органам: в создании ли новых законов, совершенствовании существующих правовых норм, правильном толковании нормативных материалов, разработке более эффективных приемов выполнения каких-либо процессуальных действий и т. п.

Четвертым этапом в процессе создания научной продукции является разработка для законодателя рекомендаций, средств, приемов, методик и их усовершенствование. Этот этап наиболее важен, поскольку именно здесь проявляется талант ученого, эвристическая функция науки, и трудоемок, поскольку в его рамках и создаются модели преобразования действительности, то есть деятельности правоохранительных органов с целью повышения ее эффективности.

Для массового внедрения научной продукции необходимо произвести тиражирование ее образцов, оснащение данной продукцией и рекомендациями по ее использованию соответствующих правоохранительных структур.

Содержание *пятого этапа* заключается в оказании практическим работникам консультационной и методической помощи в освоении научной продукции, внедрении и целенаправленном использовании в их повседневной практической деятельности, связанной с оборотом культурных и художественных ценностей.

Затем учеными проводится изучение эффективности внедренных видов правовой научной продукции и дальнейшее ее совершенствование.

И. Л. ЧЕСТНОВ,

заведующий кафедрой государственного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРАВА

Среди множества подходов к правопониманию, сложившихся в современной юридической науке, наиболее перспективным представляется культурологический. Это связано с тем несомненным фактом, что человек суть существо культурное, определяемое культурой. Культура есть качество социального и поэтому пронизывает все сферы общества. Более того, специфика эпохи постмодерна, в которую постепенно входит человечество, предполагает перемещение акцента с объективированных безличностных форм бытия социума к антропологическому (следовательно, культурологическому) его измерению. Культурологический подход к анализу социального мира позволяет принципиально по-новому, адекватно изменяющимся социальным условиям представить все явления и процессы общества, в том числе дать новое видение правовой реальности.

Культура представляет собой специфически человеческий способ жизнедеятельности. Суть последнего состоит в опосредовании человеческого бытия знаково-символической формой. В связи с этим социальный мир (в том числе и мир права) — это мир значений, формирующихся в диалектическом процессе опредмечивания и распределенности знаков. Это мир, создаваемый людьми, который, в свою очередь, превращает людей из биологических существ в личности.

Культурологический подход к анализу права не может не основываться на избираемых (хотя и не по произволу) исследователем онтологических и гносеологических допущениях, исходных постулатах. Наиболее эвристически ценными, вытекающими из постклассической картины мира философскими принципами — постулатами научного исследования права — являются, как представляется, исходные положения диалогической онтологии, конкретизируемой такими научно-исследовательскими программами, как социальный конструктивизм¹,

¹ Социальный конструктивизм, по мнению крупнейшего представителя этого направления К. Джерджена, предполагает, во-первых, критический подход к знанию, принимаемому на веру, и представление о том, что знание — не отражение реальности, а результат ее классификации посредством категорий; во-вторых, что знание исторически и культурно обусловлено, то есть его условность и зависимость от обстоятельств, следовательно, антифундаментализм; в-третьих, связь знания и социальных процессов, то есть утверждение,

дискурс-анализ², теория социальных представлений³. Их можно обобщенно сформулировать следующим образом: 1) любое социальное явление (процесс, институт) существует в трех модусах бытия — в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа, включая индивидуальные, групповые и коллективные (социальные, общественные) формы проявления, взаимодействующие друг с другом; 2) социальное явление есть результат предшествующей практики, в том числе означивания, в определенном смысле результат произвола (по отношению к предшествующим явлениям и практикам), который, впрочем, не может быть каким угодно, выступая в то же время относительно устойчивой структурой — массово повторяющимся поведением, зафиксированным знаком и общепринятым ментальным образом; 3) оно никогда не является окончательно завершенным, а находится в состоянии постоянного переосмысления и трансформации.

Все это самым непосредственным образом касается правовой реальности и правовой культуры. С точки зрения излагаемого подхода правовая культура, будучи специфически человеческим способом жизнедеятельности в сфере права, выступает механизмом воспроизводства правовой реальности. Последняя, исходя из предлагаемого подхода, представляет собой совокупность институтов — устойчивых образов, выраженных, в том числе, в знаковой форме, реализуемых в массовом (многократно повторяющемся индивидуальном) поведении, наделенном (постоянно наделяемом) юридическим значением.

что способ понятия мира задан и поддерживается социальными процессами (знания возникают и конструируются в процессе социального взаимодействия); в-четвертых, связь знания и социального поведения, то есть, что тип мировоззрения определяет естественность или неприемлемость определенного типа поведения, что знания имеют социальные последствия. См.: Gergen K. The social constructionist movement in modern social psychology // *American Psychologist*. 1985. № 40(3). P. 266–269; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

² Fairclough N. *Critical Discourse Analysis*. L., 1995; Laclau E. *Discourse* // *The Blackwell Companion to Contemporary Culture* / ed. by R. Goodin, P. Pettit. Oxford, 1993; Laclau E, Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. L., 1985.

³ Moscovici S., Farr R. (eds.) *Social Representations*. Cambridge, 1984.

Принципиально важно не просто определить, что представляет собой правовая реальность, но как именно она воспроизводится. Очевидно, что правовая реальность воспроизводится деятельностью (как фактической, материальной, так и знаково-ментальной) людей. В этом утверждении кроется квинтэссенция антропологизма культурологического подхода.

В основе механизма воспроизводства правовой реальности лежит диалог индивидуально-го и коллективного (социального, общественного) или, по-другому, действия и структуры. В этом смысле любой правовой институт представляет собой противоречивое единство устойчивой структуры в виде относительно четко зафиксированного образа и многократно повторяющегося в прошлом массового поведения и конкретных индивидуальных представлений о нем, реализуемых в отдельных действиях. При этом индивидуальные артикуляции (термин Э. Лакло и Ш. Муфф) и действия никогда не бывают точными копиями сложившегося образца; они, исходя из изменяющегося контекста, постоянно видоизменяют его сначала в рамках допустимого «люфта», а затем могут трансформировать в новый институт. Эта потенциальная изменчивость любой устойчивой структуры (института) обусловлена тем, что всякий знак (следовательно, и всякий институт как совокупность знаков с семиотической точки зрения) не имеет однозначного объективного значения¹. Социальная практика, оперирующая знаками, переопределяет их значения, как в рамках структуры, так и выходя за ее границы и создавая новую структуру. Тем самым формируется представление об объективности социальной структуры (института), ее естественности. Однако так понимаемая объективность — это исторический результат политических процессов и борьбы за гегемонию навязывания своего символического видения мира. Объективность, по утверждению Э. Лакло, — это маскировка изменчивости, сокрытие альтернативных возможностей иных значений².

Интересный и поучительный пример «социальной амнезии», создающей видимость объективности, естественности политико-правового института — английской конституции, сыгравшей роль политического образца в раз-

витии конституционных учреждений, приводит Н. Н. Алексеев: «Сама по себе конституция эта была чистым продуктом иррационального исторического творчества. Она была постройкой, которая производилась не по выработанному плану, но которая исторически слагалась и росла, как строятся старые города. И как старые города с их запутанными и узкими улицами и старыми домами, английская конституция обладала истинным историческим стилем, но в то же время была неудобна, если угодно, непрактична. В ее элементах не было никакой логики, но она вся была основана на символах, фикциях, пережитках, привычках. Последующая конституционная теория потратила немало остроумия, чтобы рационально защитить существование двух палат, но английские две палаты — лорды и общины — создавались без всякой теории, как результат многовековых влияний, борьбы интересов, различных компромиссов, соглашений. Без всякой теоретической логики, без плана, выросла и английская система парламентарного министерства. Мы уже не говорим о потомственной монархической власти, основы которой целиком построены на исторических традициях. И вот эти три чисто иррациональные исторические категории — король, палаты, ответственное министерство, были превращены западной политической мыслью в род нормальной, отвечающей требованиям логики и справедливости политической системы»³.

В то же время нельзя не заметить, что конструирование социального (и правового) мира не является абсолютно произвольным, ничем не обусловленным креативным актом. Кажущаяся бесконечность возможностей творческого потенциала в дискурсивной практике, по справедливому замечанию Н. Фрэнкел, в действительности оказывается весьма ограниченной и скованной из-за существующих отношений гегемонии и борьбы за гегемонию⁴. «Борьба за гегемонию» вводит такие ограничения на инновацию, как историческое прошлое, господствующая культура, состояние сфер общества, международное окружение. Внешние факторы интериоризируются правовой культурой в правосознание социума и подвергаются селективному отбору со стороны правящей элиты и референтной группы, после чего новый образец социально значимого поведения легитимируется и означает (приобретает значение) как правовое

¹ Каждая конкретная фиксация значения знака условна, поэтому дискурс никогда не бывает зафиксированным настолько, чтобы не изменяться из-за разнообразия значений из области дискурсивности, — пишут Э. Лакло и Ш. Муфф. См.: *Laclau E., Mouffe S. Op. cit. P. 110.*

² См.: *Laclau E. New Reflections on the Revolution of Our Time. L., 1990. P. 89.*

³ *Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. М., 1998. С. 458.*

⁴ *Fairclough N. Critical discourse analysis and the marketization of public discourse: the universities // Discourse and Society. 1993. № 4(2). P. 137.*

поведение. Этому в немалой степени, конечно, способствует придание образцу поведения юридически знаковой формы, то есть облечение в соответствующую форму права. Однако реальность права возникает не в момент его официального провозглашения, а только после того, когда новое правило поведения трансформируется в правопорядок. Все это дает основание не только заключить, что селективная функция правовой культуры представляет собой источник права (в настоящем смысле этого слова), но и продемонстрировать, как именно это происходит.

Культурологический подход акцентирует внимание на антропологической составляющей правовой реальности. Единственным действующим субъектом права является человек (даже в юридической конструкции коллективного субъекта в правоотношение от имени этого образования вступает конкретный человек). При этом речь идет не об абстрактном человеке — автономном и суверенном субъекте, творящем окружающий мир по законам разума, как это представлялось в эпоху модерна, а о носителе конкретных социально-культурных и личностных свойств с подвижной и «расщепленной» идентичностью индивидууме¹. В связи с этим очевидно, что содержание правовой реальности зависит от того, как ее воспринимают (какие значения придают) и на основе этого действуют конкретные люди. Серьезный анализ восприятия конституции (государственно-правовой традиции), определяющей ее содержание, приводится К. В. Арановским². Французский социолог Р. Будон именно с восприятием населением проводимых реформ связывает их успех или неудачу³.

Культурологический подход также позволяет решить сложную проблему универсального и локального в праве. Известно, что эпоха модерна (начиная с периода Просвещения) утверждала примат универсальности применительно к социальному бытию и его познанию. Эта парадигма предполагала существование магистральной дороги человеческого прогресса, прокладываемой человеческим разумом, познающим объективные законы бытия. Именно разум в соответствии с открытыми законами конструирует рациональ-

ные, пригодные для всех времен и народов институты, в том числе государственно-правового устройства. На практике это выливалось в придание европейскому образу жизни статуса универсальности и его навязывания всему остальному миру. Культурная унификация, как известно, не может продолжаться бесконечно долго, так как грозит деградацией (в теории систем доказано, что устойчивость системы зависит от внутреннего разнообразия). Поэтому в конце 60-х гг. XX в. вестернизационная парадигма начинает заменяться признанием необходимости культурного разнообразия. Оказалось, что культуры самодостаточны и несоизмеримы. Именно они задают контекст, с позиций которого обнаруживается содержание реально действующего права. Поэтому западное понимание прав человека, демократии, разделения властей и так далее приобретает другое содержание в рамках, например, мусульманской или синтоистской культуры, в которых господствуют иные ценности, картины мира. Но это не означает полного отсутствия универсальности в понятии права. Его универсальность, как представляется, состоит в функциональности права как наиболее важного нормативного регулятора. Другими словами, для самосохранения любого общества необходимы нормы, устанавливающие меру свободы. Эта функция права и является универсальным инвариантом. Но проявляется она в разных культурах по-разному: от максимально индивидуалистической меры формально равных индивидуумов в западной культуре до тео-коллективистской в странах мусульманского мира.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать «минимальную» культуролого-антропологическую программу исследования правовой реальности: она должна сосредоточить внимание на воспроизводстве (как традиционном, так и инновационном) правовых институтов в индивидуальных образах и действиях конкретных субъектов в рамках данной правовой культуры. При этом необходим анализ формирования этого института, его генезиса, обусловленности другими социальными явлениями и восприятия правосознанием (теоретическим, профессиональным, то есть правоприменителем, и обыденным).

¹ Субъект суть позиция в дискурсивной структуре, то есть люди занимают определенную позицию в зависимости от того, как к ним обращается дискурс (социально значимый другой — в терминологии символического интеракционизма). См.: *Laclau E, Mouffe C.* Op. cit. P. 115.

² *Арановский К. В.* Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003.

³ *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 63–64.

Ю. В. ЯКУТИН,

президент Ассоциации главных редакторов и издателей России,
главный редактор еженедельника «Экономика и жизнь», научный руководитель
Издательского дома «Экономическая газета», академик Государственной
академии управления, доктор экономических наук, профессор

ВЛИЯНИЕ И ВЗАИМОБОГАЩЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ

Вопросы взаимовлияния и взаимосвязи культуры, экономики, права в развитии современной цивилизации выделены в повестке дня VI Международных Лихачевских научных чтений в особую секцию. Но о проблемах какой современной цивилизации, собственно говоря, идет речь? Создается впечатление, что либо глобализация уже взяла верх над «национальным», вытеснила за ненадобностью «отечественное» на обочину исторического прогресса, либо цивилизация, по умолчанию, отождествляется с общемировым процессом развития исключительно в его западноевропейской редакции.

Дискуссия о том, есть ли русская цивилизация, есть ли особый, российский путь цивилизационного развития, отнюдь не закончена. Не только в студенческих аудиториях и академических кабинетах, но и в штабах политических партий, движений, в отечественных и мировых центрах принятия властных решений идет непримиримая борьба аргументов в споре о месте и роли России в судьбе человечества, ее способности самостоятельно справиться с вызовами XXI в., о ее соответствии цивилизационным критериям и ее цивилизационном потенциале. Если Россия не являет собой особый тип цивилизации, то и придумывать ничего не надо, говорят известные знатоки России из МВФ, МБРР, ОЭСР, ПАСЕ, структур ЕС и других не менее солидных международных организаций. Нужно, утверждают они, воспользоваться уже скроенными западными шаблонами и лекалами для «социально-экономического интерьера» нашей страны.

Любая цивилизационная структура определяется прежде всего несколькими несущими ее элементами. Это титульная нация, менталитет которой, ее образе жизни, исторических, культурных традициях строится государственность. Это культура, право, экономика — все, что является следствием жизнедеятельности цивилизационнообразующего народа в рамках определенной государственности. Исследований русского народа как носителя особого цивилизационного типа, своего цивилизационного пути практически нет. Более или менее углубленное изучение практики жизнедеятельности русского народа как основы русской цивилизации обычно не при-

ветствуется, в этом даже усматривается уклонение в сторону национализма.

Сложно найти и верный, не оскорбляющий ничьи национальные чувства тон, правильный взгляд на защиту интересов собственно русской нации как титульной нации нашего государства. Наш Издательский дом уже в течение десятилетия занимается выпуском книг серии «Русская классическая библиотека. Экономика и духовность». В выборе авторов мы обращаем прежде всего внимание на то, насколько в их работах присутствует русское представление о процессах взаимопроникновения, взаимовлияния и взаимообогащения экономических и духовных начал для социально-экономического развития страны, ее исторического процесса. Понимание существующих здесь многочисленных линий взаимозависимости характерно, как оказалось, для многих ученых и экономистов прошлого, незаслуженно ныне забытых, недостаточно оцененных в советский период. В нашей серии опубликованы, например, работы И. Посошкова «Книга о скудости и богатстве», Ю. Крижанича «Политика», В. Кокорева «Экономические провалы». Сейчас готовятся к печати работы Н. Мордвинова, а также первого нашего академика в области политэкономии А. Шторха.

Только анализ взаимосвязей экономических процессов и процессов духовного совершенствования общества дает возможность представить объективную картину прошлого и современности, обоснованно выявить тенденции развития. Нужно ли все сводить к задачам удвоения ВВП? В этом ли главное? Все больше ученых и общественных деятелей разделяют мнение, что это всего лишь одно из средств решения стоящих перед страной экономических проблем, вряд ли оно может претендовать на роль панацеи для избавления от всех общественных бед. А национальные проекты? Их используют скорее не как инструменты решения социально-экономических проблем, а в качестве пропагандистских механизмов раскручивания того или иного кандидата будущего преемника президента страны.

Где же следует искать способные вдохновить народ цели развития? В экономике, в культуре? Сами по себе они, однако, не могут играть целеполагающей роли. Поэтому

предлагается нередко идея возрождения Великой России как влиятельнейшей мировой державы. Но история развития Российского государства, Российской империи убедительно свидетельствует, что статус ее великодержавности в каждую эпоху наполняется своим особым смыслом, особым содержанием. Каждая крупная историческая эпоха требует своего адекватного ответа от государства, претендующего на положение великой державы, соответствия такому статусу своими материальными, духовными, культурными, военными возможностями. И главную роль в достижении страной статусного соответствия положению великой державы несомненно играют факторы цивилизационного характера.

Кто-то говорит о цивилизации как явлении историческом, относящемся лишь к прошлому, давно отмершему. О какой, дескать, цивилизации можно рассуждать в эпоху глобализации, когда нивелируются национальные особенности, унифицируются формы существования общества во всех частях мира? Но такие взгляды, по-моему, необоснованны. Да, многое изменилось по сравнению с прошлым. Но страна сохраняет свой особый культурный, нравственный, социальный облик, свой духовный менталитет, свое особое отношение к труду, жизни, семье, государству, к формам поведения человека в обществе. Россия, несмотря на все драматические коллизии XX в., сохранила свой особый цивилизационный путь развития, особый менталитет. И когда выясняется, что у нас не срабатывают механизмы рыночного, либерального регулирования хозяйственной жизни, построенные по зарубеж-

ным образцам, то надо понимать основную причину такого явления, а именно несоответствие этих механизмов российскому менталитету, нашей нравственности, духовному состоянию.

Что главное в поиске нашего цивилизационного пути? Это, конечно, изучение самого этноса, его духовных основ, особенностей нашего менталитета. Так, приоритет государственного интереса, государственности как начала цементирующего, организующего и обеспечивающего саму жизнь народа всегда присутствует в российской истории. Приоритет общего над частным — также особенность менталитета российского народа, которому кажется противоестественным узкоэгоистичное, сугубо корыстное поведение. Цивилизационной особенностью нашего общества представляется и господство православия, хотя наша страна и является многоконфессиональной. Нравственные заповеди православия не противоречат основам других конфессий, но способствуют консолидации народа.

Изучение специфики русской цивилизации важно и потому, что сегодня поставлена задача готовить общество к жизни в постиндустриальном мире. Лишь человек творческий, созидательный отвечает требованиям новых реалий, способен соответствовать экономике знаний. Способы, методы формирования такого человека в каждой стране все же различны, и это надо учитывать. И важно видеть и использовать свои механизмы взаимодействия экономики, культуры, нравственности на пути к новому постиндустриальному обществу.

Ш. А. АМОНАШВИЛИ,

академик РАО, руководитель

Международного центра гуманной педагогики, профессор Московского городского педагогического университета, доктор психологических наук

ОБ УРОКАХ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА

Дмитрий Сергеевич Лихачев — это явление XX века. Его жизнь, его наука, общественная деятельность — суть то высшее, что мы называем Светом. Он был носителем Света и олицетворением Совести России. Он жил по Совести и показывал нам всем, что есть Совесть и как надо жить по Совести. Дмитрий Сергеевич — это Урок для нас, Урок духовности и нравственности, благородства и великодушия, мудрости и возрождения, честности и порядочности. Российскому народу он показал Урок духовного подъема, из которого нам долго придется извлекать свои частные уроки, то есть делать выводы, взрастать и становиться мудрыми. Слова «Дмитрий Сергеевич Лихачев в моей жизни», независимо от того, знали мы его лично, выделись с ним хоть раз или нет, должны означать обновление нашего духовного мира.

С Дмитрием Сергеевичем меня связывают, с одной стороны, три больших воспоминания, с другой же — некая духовная общность, в которой я нахожу опору для гуманной педагогики.

Сначала об этих воспоминаниях.

В середине 1980-х гг., когда шел нелегкий процесс утверждения идей гуманной педагогики, в газете «Известия» появилась большая статья Д. С. Лихачева, в которой он затрагивал вопросы культуры и воспитания. В этой статье среди других он упомянул мои книги и положительно отозвался о моих педагогических идеях. Поддержка знаменитого ученого и мыслителя сыграла исключительную роль в моей судьбе: я оказался защищенным от нападков со стороны представителей ортодоксальной педагогики, которые считали меня «буржуазным» педагогом.

Позднее, в 1989 г., мне посчастливилось увидеть его на трибуне Съезда народных депутатов и услышать его речь в защиту культуры, библиотек, учителей, образования. Он тогда говорил: «Детей и педагогов надо сейчас просто защищать. Учителя школ не имеют авторитета, не имеют времени пополнять свои знания. Преподавание душится различными программами, командно-админи-

стративными методами прошлого, регламентирующими указаниями и низкого качества методиками. Преподавание в средней школе — это прежде всего воспитание. Это — творчество педагога, а творчество не может быть вне свободы. Поэтому учитель должен вне программы иметь возможность рассказать ученикам о том, что он сам любит и ценит, прививать любовь к литературе, искусству и т. д.».

Я считаю, что это выступление Дмитрия Сергеевича до сих пор имеет исключительное значение как ориентир для развития культуры и образования. Именно тогда он провозгласил идею, которая ждет своего воплощения: «Должна быть долгосрочная программа развития культуры в нашей стране».

Наконец, воспоминание о том, как я оказался рядом с Дмитрием Сергеевичем в салоне самолета. Я летел в Париж для участия в конференции ЮНЕСКО. Был 1990 год. Я уселся в кресло. Рядом два места были свободны. «Можно вас побеспокоить?» — услышал я голос. Это был Дмитрий Сергеевич, он тоже летел вместе с женой в Париж. Он сел посередине. Я бы не осмелился с ним заговорить, если бы он сам не дал мне повода. Я назвал свою фамилию, он сказал, что знает меня, узнал по фотографиям в газетах. Расспрашивал о моей педагогике. Так мы долетели до Парижа. Он оставил мне автограф на полях книги «Витязь в тигровой шкуре», которую я всегда носил с собой. К великому моему сожалению, книгу эту вместе с сумкой у меня украли в Екатеринбурге.

«Память — основа совести и нравственности», — говорил Дмитрий Сергеевич. Еще он говорил: «Воспитываться в моральном климате памяти».

Эти воспоминания до сих пор являются для меня источниками энергии и вдохновения.

А теперь о духовной общности в сфере гуманной педагогики. Это та общность, которая складывается во мне на основе соразмышлений с Дмитрием Сергеевичем.

«Мы — страна без обращения к другому, — говорит он. — Постоянное “ну”, привычка

обращения с понуканием вошла в язык... Без умения обратиться друг к другу мы теряем себя как народ».

Привычка понукания породила и понукательную педагогику. Это — своеобразная вариация на тему авторитарной педагогики. Она особенно резко звучит в семье, где ребенок «воспитывается» в постоянных запрещениях, в сухих наставлениях, в приказах и принуждениях. Источником понукания, как известно, является родительский эгоизм. Понукание есть также атрибут школьного авторитаризма, который зиждется на принципах силового подхода к детям. Перефразируя Дмитрия Сергеевича, мы можем обобщить: без умения обратиться к детям с ноткой поощрения и утверждения мы теряем воспитательное влияние на них.

Дмитрий Сергеевич говорил: «Задача литературы — открывать человека в человеке — совпадает с задачей литературоведения — открывать литературу в литературе».

Эта мысль имеет полную аналогию с образованием. Что есть задача образования? То же самое, что и задача литературы: открывать человека в человеке. А задача науки? Открывать педагогику в педагогике. Дмитрия Сергеевича очень волновали, как он выразился, «командно-административные методы, регламентирующие указания и низкого качества методики». «Пусть составители методик сами преподают по своим методикам и выполняют эти указания, пусть они охраняют памятники, пусть они водят экскурсии...»

Дмитрий Сергеевич анализировал сложившиеся обстоятельства в образовании с точки зрения духовности, нравственности, личностного подхода, в связи с чем и складываются его резкие оценки.

Пользуясь мыслями Дмитрия Сергеевича Лихачева, я попытался определить тематику двенадцати уроков духовно-нравственного и философского характера. Я бы назвал их уроками Лихачева. Предлагаю их вашему вниманию.

Урок первый

Тема урока: «Знаете, я не озлобился».

Содержание урока: Жизнь Дмитрия Сергеевича. Яркие примеры из его детства, студенчества, в период ссылки на Соловецкие острова. Надо показать жизнь героя духа. Надо объяснить наглядную символику совести России, дать понять, как жизнь Дмитрия Сергеевича может стать для нас уроком мудрости.

Урок второй

Тема: «Умение сохранять достоинство».

«Умение сохранять достоинство, не навязываться другим со своими огорчениями, не портить другим настроение, быть всегда при-

ветливым и веселым — это большое и настоящее искусство... В разговоре с другими умеете слушать, умеете помолчать, умеете пошутить, но редко и вовремя». (Из книги «Заметки и наблюдения»)

Урок третий

Тема: «Чем объединяется семья?»

«Чем объединяется семья? Общими разговорами за столом — за завтраком или ужином. Раньше по вечерам обычно играли или пели. Дома у нас любили сумерничать. Когда еще керосиновую лампу не зажигали, керосин дорог, а шитьем заниматься нельзя, вот в это время и рассказывали истории, играли или пели песни. Хоровое пение, между прочим, — идеальный способ объединения людей». (Из книги «Письма о добром»)

Урок четвертый

Тема: «Жить для других».

«Если жить только для себя... то от прожитого не останется и следа. Если же жить для других, то другие сэкономят то, чему служил, чему отдавал силы». (Из газетного интервью)

Урок пятый

Тема: «Природа не терпит бесстыдства».

«Если бесстыдство переходит в язык, то бесстыдство языка создает ту среду, в которой бесстыдство уже привычное дело. Существует природа. Природа не терпит бесстыдства. Сейчас кому-то кажется, что вседозволенность — кратчайший путь из униженного положения. Но это самообман. Тот, кто чувствует себя свободным, не будет отвечать матом. Я просто не мог материться. Если бы даже я решил про себя, ничего бы не вышло». («Комсомольская правда». 1996. 5 марта)

Урок шестой

Тема: «Слова исчезли вместе с явлениями».

«Слова исчезли вместе с явлениями. Часто ли мы слышим “милосердие”, “доброжелательность”? Этого нет в жизни, поэтому нет и в языке. Или вот “порядочность”, а “любезность”? “Вы оказали мне любезность”... “Любезный человек”. «Он воспитанный человек». Это прежде всего раньше говорилось о человеке, которого хотели похвалить. Понятие воспитанности сейчас отсутствует, его даже не поймут.

...Еще сто лет назад в словаре русского языка было 287 слов, начинающихся с «благо». Почти все эти слова исчезли из нашей речи, а те, что остались, обрели более приземленный смысл». («Комсомольская правда». 1996. 5 марта)

Урок седьмой

Тема: «Очень важно читать детям вслух».

«Очень важно читать детям вслух. Чтобы учитель пришел на урок и сказал: “Сегодня мы будем читать ‘Войну и мир’”. Не разбирать,

а читать с комментариями. Так читал нам в школе наш учитель словесности Леонид Владимирович Георг. Чаще всего это происходило на тех уроках, которые он давал вместо своих заболевших коллег педагогов. Он читал нам не только «Войну и мир», но и пьесы Чехова, рассказы Мопассана. Показывал нам, как интересно учить французский язык, рылся при нас в словарях, подыскивая наиболее выразительный перевод. После таких уроков я одно лето занимался только французским». («Комсомольская правда». 1996. 5 марта)

Урок восьмой

Тема: «Надо учиться не скоростному, а медленному чтению».

«Самое печальное, когда люди читают и незнакомые слова их не заинтересовывают, они пропускают их, следят только за движением интриги, за сюжетом, но не читают вглубь. Надо учиться не скоростному, а медленному чтению. Пропагандистом медленного чтения был академик Щерба. Мы с ним за год успевали прочесть только несколько строк из «Медного всадника». Каждое слово представлялось нам как остров, который нам надо было открыть и описать со всех сторон. У Щербы я научился ценить наслаждение от медленного чтения. Стихи же вообще нельзя прочесть с первого раза. Сперва нужно уловить музыку стиха, затем уже читать с этой музыкой про себя или вслух». («Комсомольская правда». 1996. 5 марта)

Урок девятый

Тема: «Я живу ощущением расставания».

«К сожалению, я живу ощущением расставания. Расставания с прежней культурой, прощания с нею... Прощание должно соединяться со встречей нового. А вот ощущения встречи новой культуры у меня нет. У нас нет еще идеалов, к которым мы должны были бы стремиться. Может быть, они будут у нынешних детей? Среди ребят 14–15 лет есть те, кто прекрасно занимается историей, гуманитарными науками. Где есть хоро-

ший учитель в школе, там растут хорошие дети».

Урок десятый

Тема: «Учительство — это искусство».

«Учительство — это искусство, труд не менее творческий, чем труд писателя или композитора, но более тяжелый и ответственный».

Учитель обращается к душе человеческой не через музыку, как композитор, не с помощью красок, как художник, а напрямую. Воспитывает личностью своей, своими знаниями и любовью, своим отношением к миру».

Урок одиннадцатый

Тема: «Мы не должны забывать о своем культурном прошлом».

Народ не должен терять своего нравственного авторитета ни при каких обстоятельствах. Мы не должны забывать о своем культурном прошлом, о наших памятниках, литературе, языке, живописи. Национальные отличия сохраняются и в XXI веке, если мы будем озабочены воспитанием души, а не только передачей знаний».

Урок двенадцатый

Тема: «Бог — великий архитектор».

«Сознание предшествует воплощению идей. Бог — великий архитектор» (Отношение Дмитрия Сергеевича к религии, к православной культуре; его понимание национального духа России).

Тематика этих двенадцати уроков, разумеется, вовсе не исчерпывает содержания духовно-нравственного, этического, эстетического, литературного, философского наследия Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Уроки Лихачева должны стать уроками воспитания, уроками ориентации молодежи на духовно-нравственное совершенствование. На этих уроках важно, чтобы школьники философствовали, размышляли, вырабатывали в себе мировоззрение, облагораживались.

Надо оправдать надежду Дмитрия Сергеевича на то, что у нынешних детей будут достойные идеалы, к которым они устремятся.

Т. Г. ГАЛАКТИОНОВА,

доцент кафедры педагогики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)

ЧТЕНИЕ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

В «Письмах о добром» Д. С. Лихачева есть одно письмо, которое так и называется: «Любите читать». Автор подчеркивает, что каждый человек обязан заботиться о своем интеллектуальном развитии, рассматривая чтение

как основной способ такого развития. Специфика современной социокультурной ситуации обусловлена особенностями переходного периода от индустриального общества XX в. к постиндустриальному, или информационному обществу

XXI в. К числу этих особенностей относят такие явления и тенденции, как:

— *формирование префигуративного типа культуры*¹, когда наступление «будущего» оказывается столь быстрым и стремительным, что опора на опыт прежних поколений становится недостаточной и требуется поиск новых образовательных ресурсов. Ориентация префигуративной культуры на будущее предполагает ситуацию, когда не только молодежь учится у старших, как было всегда, но и старшее поколение все в большей степени прислушивается к современным тенденциям;

— *медиазация* — процесс совершенствования средств сбора, хранения и распространения информации. Дополнение линейной структуры текста возможностями мультимедийных технологий и гипертекста; переход от традиционного чтения к интерактивному взаимодействию в виртуальном пространстве;

— *компьютеризация* — процесс совершенствования средств поиска и обработки информации;

— *визуализация*: можно констатировать, что в новой массовой культуре роль всего визуального резко возросла². Происходит активное внедрение таких понятий, как «визуальная культура», «визуальное мышление», «визуальное восприятие», «визуальные коммуникации», «визуальные модели». Формируется новое научное направление — визуалогия. В целом визуальные явления начинают играть все более важную роль в жизни современного человека в связи с развитием массовой культуры и массовых коммуникаций.

В каждой культуре, включая и современную, формируются сходные для всех людей структуры видения — «чтения», понимания и переживания визуальных «текстов» (в широком семиотическом плане)³.

Нельзя недооценивать педагогического потенциала и выразительных возможностей грамотно выстроенной рекламы, произведений плакатного жанра, фотографии, видеоарта, не говоря уже о кинопродукции, телевидении, мультимедийных формах, включая Интернет. С одной стороны, все это создает серьезную конкуренцию традиционному чтению, с другой — при грамотном педагогическом подходе может быть направлено на непосредственную поддержку и развитие читателя.

Воспитательное воздействие подобных визуально-ориентированных программ реализуется в настоящее время в активном форми-

ровании такой новой области знания, как медиаобразование.

— *Развитие медиаобразования*. Мы разделяем трактовку этого термина, предложенную ведущим российским специалистом в области медиаобразования Ю. Н. Усовым, в которой медиаобразование понимается как процесс развития личности средствами и на материале средств массовой коммуникации⁴.

Для того чтобы эти ресурсы стали мощным инструментом привлечения интереса и мотивации к чтению, современному специалисту в области чтения надо уметь ориентироваться во всех этих явлениях и грамотно использовать их во благо чтения.

Традиционно миссия воспроизводства социальных и культурных ценностей осуществлялась образованием во многом благодаря и посредством чтения. Чтение — уникальный феномен культуры, в каждой стране оно выполняет социоохраняющую функцию, выходящую далеко за рамки удовлетворения информационных и образовательных потребностей общества. Поэтому снижение интереса к чтению, которое наблюдается в последние годы во многих странах мира, вызывает тревогу не только у специалистов книжного и библиотечного дела, но и у широкой общественности.

Тенденция падения интереса к чтению в России — тревожное явление для страны, в которой чтение, особенно чтение книг, традиционно было занятием исключительно интеллектуальным, неизменно возглавлявшим перечень любимых занятий⁵.

«Нет сомнения в том, что чтение является очень чутким, надежным и, в определенном смысле, даже универсальным показателем состояния общества в целом. Поэтому изучая чтение, мы как бы ощущаем атмосферу, слышим тональность, настрой духовной жизни общества и наоборот, анализируя общественные процессы, мы тем самым рисуем фон, на котором разворачивается драматургия чтения»⁶.

Говоря о современной действительности, необходимо учитывать влияние системы ценностей современного общества на динамику процессов в сфере образования в целом и чтения в частности. С одной стороны, актуализируются тенденции гуманизации и гуманитаризации образования, проблемы взаимодействия и диалога культур в образовательном процессе, с другой — наблюдается целый

¹ Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения: пер. с англ. М., 1988.

² Розин В. М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М., 2004.

³ Там же. С. 219.

⁴ Федоров А. В. Терминология медиаобразования // Искусство и образование. 2000. № 2. С. 33–38.

⁵ Homo legens. Памяти Сергея Николаевича Плотникова (1929–1995) / под ред. В. Б. Бирюкова. М., 1999.

⁶ Там же. С. 17–63.

спектр негативных явлений: культурная разобщенность поколений и социальных групп, трансформация роли и места чтения в общественном сознании.

Поэтому в настоящее время особенно необходимо подчеркнуть роль чтения не только как важнейшего средства сохранения интеллектуальной культуры общества, преемственности знаний и существенного фактора социокоммуникативного развития человека, но и как способа развития нравственного потенциала подрастающего поколения. Большая роль в этом вопросе принадлежит развитию гуманитарного образования и семейному воспитанию, которые непосредственно осуществляют социальную и культурную преемственность поколений, транслируемую в виде определенных традиций и культуры чтения. Если живая цепочка этой культуры оборвется, вернуть потом ничего не удастся. Книга и чтение являются в этой цепочке очень значимыми и во многом определяющими факторами. Принимая духовную эстафету от старшего поколения, лучшая часть современной молодежи не отрывается от своих корней, но наследует великое, бесценное богатство литературного книжного мира, родного языка. И в этом можно усмотреть пример замечательной культурной преемственности, основанной на хранении духовной традиции. Характерно, что чтение в данной ситуации может выполнять различные функции:

— быть средством смягчения нравов и даже устранения недостатков: «успешно бороться с многочисленными неприглядными фактами в жизни населения можно лишь, приобщая жителей к чтению книг»¹.

— служить фактором формирования мировоззрения читателя, его моральных убеждений и политических взглядов, жизненной позиции.

При этом исследователи констатируют:

— усиление прагматической направленности личности современного школьника;

— ориентацию на получение актуальной личностно значимой информации с опорой на собственный жизненный опыт и сферу своих интересов;

— утрату школой интеллектуальной педагогической монополии в процессах образования и становления личности;

— демократизацию общественной жизни, создающую условия для большей социальной активности всех членов общества;

— активизацию процессов развития и обновления образования в логике модернизации, образовательных реформ, которые в свою

очередь ведут к изменению профессионально-педагогической деятельности.

В целом можно говорить, что социокультурная ситуация определяется совокупностью факторов, следствием которых является новое понимание качества образования — как качества подготовки школьника к жизни в современных условиях. Показателями этой готовности называют:

— понимание человеком самого себя и окружающей среды;

— реализацию творческого потенциала;

— выполнение социальной роли в процессе трудовой деятельности и жизни в информационном обществе².

Подчеркивается, что достижение этих задач возможно лишь путем освоения и развития общих способностей — компетентностей — ключевых квалификаций — универсальных культуросообразных умений. Полагаем, что ведущая роль здесь, безусловно, принадлежит чтению.

«Положи твое сердце у чтения...» — эту заповедь оставил потомкам древний египтянин Кхорди около 3500 г. до н. э.³ Проходят века, люди свергают и создают себе новых кумиров, но магия чтения останется в ряду вечных ценностей жизни.

Обращаясь к Книге как предмету внимания и изучения, мы могли бы взять за основу широко известные в библиотечных кругах «Принципы книжного дела», сформулированные выдающимся подвижником чтения Н. А. Рубакиным еще в 1905 г.⁴

1. «Примат личности». (Личность как главный критерий для оценки всех и всяческих книг.)

2. «Примат жизни над книгой». (Нет и не было такой книги (да, пожалуй, и быть не может), которая отражала бы жизнь во всем ее <...> бесконечном многообразии и величии.)

3. «Книга — орудие». (...Которое создает и которым действует в своих целях все тот же человек, человеческая личность, и поскольку различны цели, которые выдвигаются, <...> постольку различно и разнообразно и применение этого орудия — книги.)

4. «Книга как орудие добра, справедливости и истины». (...Нужно сосредоточить внимание на тех условиях, в которых применяется книга. Но именно потому, что вопрос о

² Материалы международной Комиссии ЮНЕСКО по образованию для XXI века, Совета по культурному сотрудничеству «Среднее образование для Европы», Совета Европы, Стратегического комитета по обновлению общего образования Министерства образования России.

³ Слово о книге (афоризмы, изречения) // сост. Е. С. Лихтенштейн. М., 1984.

⁴ Рубакин Н. А. Среди книг. СПб., 1905.

¹ Архангельские епархиальные ведомости. 1902. № 12–13. С. 406.

пользе или вреде книги — это вопрос условий, она как орудие и является орудием света, свободы, справедливости, правды.)

«Книга — сила. Книга — страшная сила, — пишет Н. А. Рубакин, — но в большинстве случаев сила эта находится в скрытом, по-

тенциальном состоянии». Возможно, объединив усилия ученых и практиков, учителей и библиотекарей, детей и родителей, мы сможем актуализировать этот потенциал и использовать «силу» книги в мирных, созидательных целях.

Е. О. ГАЛИЦКИХ,

заведующая кафедрой русской литературы и методики обучения литературе
Вятского государственного гуманитарного университета,
доктор педагогических наук, профессор

Д. С. ЛИХАЧЕВ: РАЗДУМЬЯ О ВОСПИТАНИИ ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО ЧЕЛОВЕКА

(Мастерская ценностных ориентаций для студентов и школьников)

*Человек должен жить в сфере добра.
Эта сфера добра в значительной степени
создается им самим. Она создается
из его добрых дел, добрых чувств,
добрых воздействий на окружающую
среду, памяти на добро.*

Д. С. Лихачев

Организация творческой познавательной деятельности в мастерской носит интегративный характер, потому что в процессе творческого сотрудничества всех участников мастерской выстраивается «живое знание», новый рефлексивный опыт, происходит самостоятельный выбор духовных и культурных ценностей. В мастерской создается атмосфера творчества, добра, поиска новых смыслов понимания себя, других людей, жизни. Сверхзадача мастерской — интегрировать процессы воспитания, познания, развития, становления личности путем проживания «образовательной встречи» со смысложизненными текстами, интересными людьми, яркими авторами, культурными контекстами, «встречи» со своими вопросами и ответами на них. Приглашаю вас принять участие в такой мастерской построения своего отношения к личности и творчеству Д. С. Лихачева.

1-й этап включает внимание, интерес, активизирует жизненный опыт и ассоциативные возможности памяти участников. Собранными предлагается посмотреть на фотографии Дмитрия Сергеевича Лихачева и охарактеризовать их с помощью эпитетов, прилагательных, метафор, сравнений. Это предзнание помогает внимательно всмотреться в облик, лик, лицо человека, в его внешний образ, отражающий свет души и силу духа.

Каждый рассказывает в группе (4–5 собеседников) о своем впечатлении. Затем на листе бумаги формата А4 самостоятельно вы-

страивает свою «карту памяти» знаний о жизненном и творческом пути Д. С. Лихачева. На доске приведены примеры «карт памяти» и правила их составления¹.

Законы картографии памяти: 1) Начинайте с цветного изображения в середине. 2) Наносите рисунки и слова по всей карте. 3) Слова следует писать печатными буквами. 4) Каждое слово нужно печатать возле линии, а каждую линию соединять с другими линиями. 5) Слова должны быть единичными, то есть одно слово на одну линию. 6) Используйте разные цвета, символы, знаки. 7) Интеллекту надо дать полную свободу.

2-й этап включает общение, в процессе социализации в каждой группе происходит обсуждение составленных карт и обогащение знаниями друг друга. Мастер составляет свою карту и комментирует ее.

3-й этап погружает участников в чтение «страниц» ярких мыслей и раздумий Д. С. Лихачева о человеке, воспитании интеллигентности, духовных ценностях и культуре. Мастер предлагает прочитать в течение 10 минут дидактические материалы и выбрать самостоятельно те цитаты, которые в данный момент воспринимаются каждым собеседником по-своему — как лично значимая, актуальная, интересная, спорная, вдохновляющая мысль. Эти «определения-отношения» записываются прямо на полях выданных листов. (Листов должно быть не больше трех, обязательно указываются источники, выбор может меняться в зависимости от возраста участников мастерской и продолжительности работы.)

Приведем примеры.

Вдохновляющая мысль. «Жизнь — прежде всего творчество, но это не значит, что

¹ Бьюзен Т. Научите себя думать! Минск, 2004. С. 116.

каждый человек, чтобы жить, должен родиться художником, балериной и ученым. Творчество тоже можно творить. Можно творить просто атмосферу вокруг себя, как сейчас выражаются, ауру добра вокруг себя. Ведь вот любопытная вещь: когда кто-то входит в общество, то он может принести с собой атмосферу подозрительности, тягостного молчания. А может сразу внести радость и свет. Вот это и есть творчество. Оно непрерывно»¹.

Интересная мысль. «Задача каждого человека и в крупном, и в малом повышать этот уровень счастья, в жизни повышать. И свое личное счастье тоже не остается вне этих забот. Но главное — счастье окружающих, тех, кто ближе к вам, чей уровень счастья можно повысить просто, легко, без забот. А кроме того, это означает повышать уровень счастья своей страны и всего человечества в конце концов»².

Спорная мысль. «Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющего талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которой должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести — вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке»³.

Актуальная мысль. «Память — основа совести и нравственности, память — основа культуры, “накопленной” культуры, память — одна из основ поэзии, эстетического понимания культурных ценностей»⁴.

Каждый читающий делает свой выбор и свои оценки выбранных цитат. В группе каждый имеет право прокомментировать свой выбор собеседникам.

4-й этап основан на погружении в размышления. Интеллигентность проявляется в способности к пониманию. Постараемся понять точку зрения Д. С. Лихачева, изложенную им в статье «Об интеллигентности»⁵. Каждому предлагается прочитать статью с карандашом и подчеркнуть в ней новые для себя мысли или акценты и записать на своем листке мысль-цитату, которая станет «точкой опоры» для размышлений.

Завершается этот этап работы чтением стихотворения А. Вознесенского и поиском своего

аргумента или контраргумента отношения к основному тезису и пафосу стихотворения. Предлагается в каждой группе назвать фамилии тех людей, которые авторитетны для участников мастерской, интеллигентны, с их точки зрения.

* * *

Есть русская интеллигенция.
Вы думали — нет? Есть.
Не масса индифферентная,
А совесть страны и честь.

Есть в Рихтере и Аверинцеве
Земских врачей черты —
постольку интеллигенция,
поскольку они честны.

«Нет пророков в своем отечестве»,
Не уважаю лесть.
Есть пороки в моем отечестве,
Зато и пророки есть.

Такие, как вне коррозии,
ноздрей петербургской вздет,
Николай Александрович Козырев —
небесный интеллигент.

Воюет с извечной дурью.
Для подвига рождена,
отечественная литература —
отечественная война.

Какое призванье лестное
Служить ей, отдавши честь:
«Есть русская интеллигенция!
Есть!»

5-й этап работы дает возможность каждому выразить свое понимание поставленной проблемы и одновременно включиться в диалог со всеми собеседниками. Эта форма работы называется «письмо по кругу». В течение пяти минут все размышляют вслух и комментируют выбранную мысль из статьи Д. С. Лихачева, а затем передают свой текст соседу справа и одновременно получают другую работу от соседа слева, читают ее и продолжают своими размышлениями, и т. д. Работа по кругу завершается, когда текст возвращается к своему автору. Каждый читает коллективно созданный отклик и записывает резюме — последнее предложение. В группе каждый зачитывает коллективно созданный комментарий к выбранной мысли и всем участникам мастерской — одну-две самые содержательные и оригинальные работы.

Приведем примеры выбранных студентами строк, которые они комментировали и развивали. «Люди должны жить с достоинством...». «Образованность живет старым

¹ Лихачев Д. С. Раздумья. М., 1991. С. 291–292.

² Там же. С. 291.

³ Лихачев Д. С. Об интеллигенции. СПб., 1997. С. 377.

⁴ Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 2004. С. 434.

⁵ Там же. С. 643–648.

содержанием, интеллигентность — созданием нового и осознанием старого как нового...». «Чем интеллигентнее человек, тем больше его тяга к образованности...», «Высшее образование дает знания, но не интеллигентность...», «Существование человека как определенной ценности — уничтожается...», «Ужасно, что слово “патриот” стало у нас бранным словом...», «Сейчас весна, надо мыть окна...» и др.

Рефлексивный этап мастерской позволяет вернуться к картам памяти, расширить и исправить их, обогатить новым содержанием и

отношением, провести живое обсуждение индивидуальных и коллективных результатов работы.

Каждый говорит о том, какую книгу, статью, тему, идею раздумий Д. С. Лихачева он для себя открыл, какую новую информацию внес в свою карту памяти; какой шаг мастерской был наиболее интересным, лично значимым, прогностичным; формулирует свое «открытие», сделанное в процессе работы.

Мастерская завершается вопросами участников, обращенными к себе, собеседникам или мастеру.

М. М. КАБАНОВ,

главный научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, доктор медицинских наук, профессор, Почетный председатель Бехтеревского общества психиатров Санкт-Петербурга, Заслуженный деятель науки РФ

МОИ ВСТРЕЧИ С АКАДЕМИКОМ Д. С. ЛИХАЧЕВЫМ

Мне посчастливилось четыре раза общаться с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Первый раз это было в Пушкинском Доме, где в 1987 г. отмечалось 150-летие со дня смерти А. С. Пушкина. Так во время научной конференции, посвященной жизни и творчеству великого поэта, состоялось наше знакомство. Я, разумеется, и до этого знал о больших заслугах Д. С. Лихачева в области литературоведения и в широком смысле культурологии. Но при непосредственном общении с ним меня поразила прежде всего его подлинная, можно сказать, глубинная интеллигентность, блестящая эрудиция, мудрость во всем — слове, взгляде, жесте, подкупающая скромность. Он буквально очаровал меня и мою жену.

Вторая встреча произошла на заседании Комиссии по правам человека, которую возглавлял литератор М. М. Чулаки, впоследствии трагически погибший. Я несколько лет был членом этой комиссии, на заседания которой нередко приглашались известные люди, в числе которых был и Д. С. Лихачев. Как всегда, его выступление на этом заседании отличалось содержательностью, проникновением в суть проблемы.

Третья наша встреча произошла в Большом зале Санкт-Петербургской филармонии им. Д. Д. Шостаковича, где мы оказались с ним в одной ложе. Разговор зашел о творчестве У. Шекспира, в частности о трагедии «Макбет», и Дмитрий Сергеевич поразила меня своими глубочайшими познаниями (на концерте, если мне не изменяет память, были ис-

полнены отрывки из симфонических произведений, связанных с творчеством английского драматурга).

И, наконец, самая продолжительная и интересная во всех отношениях моя встреча с академиком состоялась у него в скромной, заваленной книгами и рукописями квартире. Это случилось, помнится, вскоре после страшного пожара библиотеки Академии наук (БАН). Дмитрий Сергеевич был очень огорчен этим событием, много о нем говорил, когда мы сидели и пили чай, отменно приготовленный его добрейшей супругой. (Сейчас они оба покоятся на кладбище в дачном поселке Комарово, недалеко от могилы А. А. Ахматовой.) Разговор во время чаепития, помимо значения и судеб библиотек в жизни людей и культуры в целом, шел также о Соловецком лагере, в котором в прошлые годы побывал Д. С. Лихачев, а также о сибирском «Краслаге», где в начале 1950-х годов я провел несколько лет: будучи заключенным, работал там по своей специальности, врачом-психиатром. Обменялись, так сказать, опытом тюремно-лагерных впечатлений. Мой собеседник сообщил о своем необычном труде — словаре воровского жаргона, составленном им в Соловках. Говорили также о ментальности русского народа (впрочем, этот термин тогда не употребляли). Дмитрий Сергеевич поведал мне, малознакомому для него человеку, некоторые факты своей биографии, которые вряд ли имели тогда широкую огласку. Вспомнили мы Ф. И. Тютчева, его знаменитое:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать,
В Россию можно только верить.

— и многое другое из русской литературы, особенно прошлых веков. Обсуждали пагубное воздействие средств массовой информации, в частности телевидения, на психическое состояние нашего общества, особенно молодежи (с тех пор прошло более 10 лет, и тлетворное влияние телевидения еще более усилилось; я бы сказал, что теперь можно вести речь о «дебилизации» значительной части аудитории СМИ). Я, поблагодарив хозяев за гостеприимство, осмелился спросить, наверное, не очень тактично, почему у Дмитрия Сергеевича во входных дверях его скромной квартиры, не имевшей вида богатого жилища и не уставленной антиквариатом и дорогими картинами, поставлено множество различных замков. Он ответил, немного смущаясь, что в его квартиру неоднократно пытались проникнуть воры, полагая, очевидно, что у известного академика должно быть много всяческого добра, включая драгоценности, которым можно поживиться. А их, конечно, у Дмитрия Сергеевича никогда не было, если не считать обилия книг, включая редкие, которыми вряд ли могли интересоваться грабители. Скромность во всем, доброта, радушие и гостеприимство покорили меня в семье Лихачевых. От всего сказанного Дмитрием Сергеевичем исходила столь дефицитная в наше время интеллигентность (подчеркиваю это еще раз).

Вообще трудно подобрать слова, чтобы отобразить весь спектр духовного мира и подлинное благородство этого поистине великого человека. Мелочь, конечно, но тогда при прощании в прихожей Дмитрий Сергеевич удивил еще и тем, что подал мне, нестарому человеку (на 20 лет моложе его),

пальто. Я вспомнил годы своего далекого детства и юности, когда сие действо еще не было в диковинку. Я, теперь уже весьма пожилой врач-психиатр, почти 40 лет возглавлявший психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева и переживший всех своих учителей (многие из них были вполне достойные люди), а также немало сверстников, видел в своей жизни разных представителей рода человеческого — от правителей государств до простых смертных, но Дмитрий Сергеевич был ни с кем не сравним.

Я не знаток древнерусской литературы и не могу на профессиональном уровне оценивать заслуги академика Лихачева в этой области. Могу только сказать, что мы часто познаем настоящую цену человека только тогда, когда его теряем. Потеря Дмитрия Сергеевича очень велика для русской интеллигенции, да и для всей страны в целом. Он был ярким нравственным маяком, который светил многим. Надеюсь, что в годовщину столетия со дня его рождения свет его духовности поможет нам в трудном переходном периоде истории России — сегодня, завтра и далее.

Установка памятника академику, присвоение одной из площадей Санкт-Петербурга его имени и объявление 2006 года годом Д. С. Лихачева вселяет надежду, что не все еще потеряно на «фронтах» возрождения и укрепления нравственности и культуры нашего общества. Все это говорит о том, что русская интеллигенция существует, несмотря на попытки некоторых деятелей с академическими званиями обесценить и даже уничтожить само понятие «интеллигенция».

Мне, как и многим другим гражданам нашей страны, далеким от нынешнего расцвета нищего духом прагматизма, не хочется, чтобы Дмитрий Сергеевич Лихачев оказался «последним из могикан» — представителей настоящей русской интеллигенции. Надежда, как известно, умирает последней.

К. КАНЕВА,

член Союза болгарских журналистов

ВОСПИТАНИЕ НРАВСТВЕННОЙ ОСЕДЛОСТИ

(По впечатлениям, связанным с посещениями Д. С. Лихачевым Болгарии, встречам и разговорам с ним)

Открывая свое окно в прошлое, то есть начиная писать воспоминания, Д. С. Лихачев приводит цитату из Е. Ф. Тимковского: «Судьба украсила мою жизнь событием редким, незабываемым: я видел Китай». Перефразируя эти слова, я могу сказать: «Я встретила с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым...»

Я, болгарская журналистка, ровно 30 лет назад, накануне 100-летия освобождения Болгарии приехавшая в Ленинград искать следы болгаролюбив, людей, принявших освобождение как свою миссию, встретила с другим, живым болгаролюбом, считавшим себя «современником» тех добрых событий

столетней давности, поднявшим тысячелетние пласты нашей общей культуры. Очарованная его человеческим обаянием, благородством, добротой, эрудицией, мудростью, доступностью, я имела возможность общаться с ним творчески почти четверть века. Он называл меня «лентописцем» и «историографом», а я была просто посредником между русским ученым и болгарским читателем. Ведь нередко вопросы журналиста провоцируют ученого высказать мысли, которые в сугубо научной работе не всегда нашли бы яркую формулировку и не всегда были бы замечены широкой аудиторией. Из накопленного во время этого общения «выпал» кристалл — книга «Симметрия времени. Встречи и разговоры с академиком Д. Лихачевым» (София, 1984). Он назвал ее «книгой-рукопожатием» и считал самым важным то, что она «является плодом труда двух личностей — болгарки и русского». Для этой книги он начал писать письма к молодежи. Число писем впоследствии увеличилось, и появился еще один кристалл — «Письма о добром и прекрасном» (М., 1984), переведенные на многие языки мира. От этого общения остался еще документальный телефильм «Несколько дней с академиком Лихачевым» (реж. И. Георгиев, сценарист К. Канева), снятый во время последнего пребывания академика в Болгарии в 1988 г., а также множество газетных и журнальных статей и интервью, фотодокументальная выставка, которая 10 лет экспонируется по стране.

* * *

Дмитрий Сергеевич считал, что если ученому удастся стать автором нескольких терминов, то дело свое он сделал. Мы, болгары, ему очень благодарны за термины, которые стали самой яркой характеристикой болгарского народа, болгарской культуры: «болгарское чудо» и «Болгария — государство духа».

«Появление литературы такого высокого уровня, как литература древнеболгарская, кажется почти чудом.

Чудо объясняется, однако, не только гениальностью Кирилла и Мефодия, которым удалось создать азбуку, орфографию и великолепный тонкий литературный язык, способный выражать самые сложные отвлеченные идеи, — чудо объясняется прежде всего тем, что болгарский народ оказался способен все это воспринять <...> Древнеболгарская культура легла в основу культур других православных славянских и некоторых неславянских стран. И в этом ее огромное общеславянское и общеевропейское значение», — утверждает он.

Из 1300 лет своего существования Болгария семь веков находилась под Византийским и Османским игом. Тем не менее она не ис-

чезла с карты мира, потому что «сомкнутым строем стояли за болгарский народ язык, письменность, литература» — то есть духовная культура, то, что он называл непобедимым «государством духа».

Из терминов, введенных в обращение академиком Лихачевым, можно назвать еще следующие: «гомосфера», «экология культуры», «нравственный авторитет нации», «нравственная оседлость». Конечно, все эти понятия взаимосвязаны.

Как известно, академик Лихачев был далеко не кабинетным ученым и не ограничивал себя диапазоном узкой специальности. Он умел стоять твердо на исторической почве и одновременно держать руку на пульсе современности, быть добрым и деликатным и вместе с тем смелым борцом за сохранение культурных ценностей и чистоту нравственности. Посещая многократно Болгарию, он встречался со своими коллегами, учеными и писателями, с журналистами, учителями и с властью имущими. Он никогда не упускал возможности выразить восхищение природой, гостеприимством и открытостью народа, его умением хранить исторические и культурные ценности и всегда высказывал свои замечания и добрые советы.

Особенно его увлекали беседы с молодежью — студентами, школьниками. Во время его последнего визита в нашу страну в 1988 г. я его сопровождала в качестве переводчика и «лентописца» — с магнитофоном и фотоаппаратом в руках. По своей инициативе он посетил Музыкальную школу болгарского фольклора в селе Широка Лъка, Априловскую гимназию с гуманитарным уклоном в г. Габрово и Гимназию с изучением древних языков и культур им. Константина-Философа в Софии (здесь уже много лет книги «Письма о добром и прекрасном» и «Симметрия времени» являются учебниками нравственности). В выступлениях и диалогах он ненавязчиво, доброжелательным и мягким голосом излагал идеи о сохранении и преумножении культурной среды, о ее воспитательном значении, об интеллигентности, о «нравственной, духовной оседлости» каждого человека, чтобы он не оказался в мире «подобно степной травке “перекати-поле”, которую осенний ветер гонит по степи и которая нигде не задерживается, пока не попадет в какую-нибудь грязную лужу или яму». «Только безнравственный человек не оседлый и способен убить оседлость других», — утверждал он.

Путешествуя по Болгарии, Лихачев не переставал подобно древнему писателю Иоанну Экзарху Болгарскому «удивляться миру» и старался раскрыть молодым слушателям свое восприятие их родины. Для того чтобы

человек воспитал в себе духовную устойчивость и постоянство, нравственную оседлость, он должен быть привязан к родным местам, должен знать и следовать заветам предков, подчиняться нравственной самодисциплине.

Все это кажется естественным и обычным, но становится все более актуальным и тревожным в глобализующемся мире. Дмитрия Сергеевича очень беспокоили две тенденции: радикальный нигилизм к своему и агрессивный национализм. Им он противопоставлял свою позицию — создавать элитные школы и формировать в них гуманитарную интеллигенцию. «Именно гуманитарная интеллигенция стоит в основе технической, административной интеллигенции. Гуманитарная интеллигенция — это общее здоровое начало. Как сердце в человеческом теле, она движет кровь по всем жилам, по всем кровеносным сосудам и обеспечивает мозг. Интеллигенция — это сердце страны». Он надеялся, что, имея такие школы, Болгария будет «в XXI веке развиваться по пути своих гуманитарных ценностей, общечеловеческих ценностей, если, конечно будет развивать патриотическое сознание, объединяющее все человечество, если будет создавать вкус, эстетически воспитывать молодежь».

Существует радиация плохая, как чернобыльская, и радиация, которая идет из болгарских курганов — радиация тысячелетий. Чрезвычайно плодотворная... В Болгарии себя чувствуешь на земле, пропитанной культурой Европы и, прежде всего, Греции, Древней Эллады. И это тоже часть болгарского духа».

И еще долго Дмитрий Сергеевич говорил, почему любит Болгарию, как надо воспитывать

духовную оседлость, как бороться за экологию духа, нравственности, культуру — в древнем Созополе под шум черноморских волн. Потом он подал мне сложенный вдвое листочек. На первой странице я прочитала: «Девять заповедей человечности. Для опубликования посмертно». Дрожь пробежала по телу. Вдруг он взял листок и дописал в скобках: «шутка». И добавил тихо: «Чтобы не подумали, что я пророк какой-то...»

Внутри был вложен другой листочек, где были написаны эти девять заповедей. Через несколько дней он принес мне газету, где на краю была записана и десятая.

Вот они:

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

1. Помоги слабому и страждущему. Человеку и всему живому.
 2. Не убий и не начинай войны первым.
 3. Не помысли народ свой врагом других народов.
 4. Не укради и не присваивай труда и идей брата своего.
 5. Ищи в науке только истину и не пользуйся ею всуе, во зло или для корысти.
 6. Уважай мысли и думы брата своего.
 7. Чти родителей и прародителей своих. Все доброе, сотворенное ими, изучай и сохрани.
 8. Чти природу как мать свою и помощницу.
 9. Пусть твой труд будет трудом творца, а не раба.
 10. Пусть живет живое, пусть мыслится мыслимое, пусть свободным будет рожденное свободным.
- 2 октября 1988 г. Созополь.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ,

член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой Санкт-Петербургской государственной академии постдипломного педагогического образования, президент Общественного института развития школы, доктор педагогических наук, профессор

НРАВСТВЕННЫЕ СТАНДАРТЫ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ

На протяжении уже десяти лет обсуждается вопрос относительно образовательных стандартов современной школы. Предлагаемые проекты стандартов оцениваются с точки зрения оптимизации учебной нагрузки учащихся, степени регламентации образовательной деятельности, новизны планируемых образовательных результатов, их соответствия вызовам современного общества. Все перечисленные критерии оценки, несомненно, важны. Но их следует дополнить, по крайней мере, еще одним критерием, содержание которого оп-

ределяется конечным смыслом общего образования.

Сейчас все чаще образование рассматривается как развитие способности обучаемых к самостоятельному решению проблем — познавательных, практических, коммуникативных, мировоззренческих. Но, пожалуй, важнее всего подготовить учащихся к самостоятельному решению нравственных проблем, к выбору позиции в ситуации нравственного выбора.

Возможности школы в развитии у учащихся способности к решению нравственных проблем

определяются прежде всего теми нравственными стандартами, которые сложились в школе — нормами поведения и учащихся, и учителей.

Такие нравственные нормы в решающей мере зависят от характера отношений между участниками образовательного процесса, а сами отношения складываются под влиянием существующих условий образовательной деятельности.

Переход к вариативной системе образования привел к противоречивым следствиям, которые отражают базовое противоречие развития образовательной системы, возникшее в постсоветский период. Это противоречие между традиционными педагогическими и возникшими рыночными отношениями между участниками образовательного процесса, прежде всего, между учителями и учащимися (или их родителями).

Традиционные педагогические отношения в системе общего образования могут быть охарактеризованы следующим образом:

— совместная деятельность учителей и учащихся основывается на достижении обязательных образовательных результатов;

— учителя обязаны учить, воспитывать, помогать ученикам, заботиться о них;

— ученики обязаны учиться, слушаться учителей, выполнять их задания и предписания;

— учителя являются нравственным примером для учащихся, они обладают безусловным авторитетом как специалисты в определенной области знаний.

Рыночные отношения в сфере образования имеют следующие черты:

— совместная деятельность учителей и учащихся основывается на предоставлении образовательных услуг, потребность в которых есть у учащихся (их родителей) и которые могут предоставить учителя;

— учителя обязаны предоставлять услуги надлежащего качества, но не обязаны гарантировать достижение определенных образовательных результатов;

— учащиеся (их родители) имеют право выбирать образовательные услуги (организации, лиц, предоставляющих такие услуги) и должны нести ответственность за надлежащее использование этих услуг в интересах достижения определенных образовательных результатов;

— отношения учителей и учащихся основываются на взаимном уважении личных прав и честном выполнении каждой стороной своих обязанностей.

Характеризуя рыночные отношения в сфере образования, необходимо отметить, что на практике получили распространение

квазирыночные отношения. Их особенностями являются навязывание услуг, возложение на учителей полной ответственности за результаты учебной деятельности учащихся, попытки со стороны учащихся (какой-то части) «купить» не образовательные услуги, а результаты, имитация выполнения обязанностей обеими группами участников образовательного процесса.

Объектами продажи-покупки стали места в образовательных учреждениях, экзаменационные оценки, отношение к конкретному учащемуся, различные виды самостоятельных работ и многое другое. Перечисленные явления свидетельствуют о массовых нарушениях традиционных норм профессиональной педагогической этики.

Необходимость реформирования отношений в системе образования очевидна. Понятно и то, что надо искать путь согласования «педагогических» и «рыночных» ценностей, который позволил бы изжить квазирыночные отношения в сфере образования и одновременно модернизировать педагогические отношения в этой сфере.

В сложившейся ситуации возникает вопрос о том, какой социально-педагогический тип школы способен нормализовать отношения участников образовательного процесса, обеспечить их соответствие нравственным ценностям. Анализ зарубежной и отечественной практики приводит к выводу, что подлинно нравственной может стать «ответственная школа». Основные положения концепции «ответственной школы» можно сформулировать в виде нескольких утверждений.

Современная школа должна нести реальную ответственность перед обществом, в том числе перед своими социальными и педагогическими партнерами, за свою деятельность. Ответственность школы перед обществом прежде всего должна выражаться в информировании родителей, общественности о результатах своей деятельности. Школа должна быть способна предоставить информацию о продвижении каждого из своих учеников в образовательной деятельности и о том, что сделала сама школа для обеспечения такого продвижения. Школа должна быть готова к диалогу с родителями, другими заинтересованными лицами о проблемах, которые являются значимыми для партнеров школы. Школа должна поддерживать инициативу по созданию попечительских советов, родительских ассоциаций, объединений выпускников или же сама инициировать создание таких структур.

Школа должна быть способна брать на себя ответственность за качество образования.

Такая ответственность должна выражаться в способности школы разрабатывать и реализовывать перспективные программы поэтапного совершенствования образовательного процесса. Учителя, родители учащихся, сами ученики должны иметь ясное представление о планируемых изменениях в образовательном процессе, целях таких изменений, о том, какого уровня образованности смогут достичь учащиеся и при каких условиях. Показатели возможных уровней образованности должны быть понятны для всех участников образовательного процесса.

Работа школы должна быть организована таким образом, чтобы повышать ответственность каждой группы участников образо-

вательного процесса за свою деятельность: школьная администрация должна отвечать за создание благоприятных условий для образовательного процесса, учителя — за создание условий для того, чтобы каждый ученик имел шанс на успех, учащиеся и их родители — за использование имеющихся шансов на успешное обучение. Школа должна разработать механизмы, обеспечивающие реальную ответственность администрации, педагогического персонала, детей, их родителей за выполнение своих обязанностей. Эти механизмы могут быть связаны с системами отчетов, аттестации кадров, оценивания учащихся, с организацией аудита, общественно-профессиональной экспертизы.

М. В. МАРТЫНОВА,

преподаватель Елабужского государственного педагогического университета,
кандидат филологических наук, доцент

МЕТОДИКА РАБОТЫ НАД ИЗЛОЖЕНИЕМ С ЯЗЫКОВЫМ РАЗБОРОМ ТЕКСТА

Образовательные и воспитательные задачи, которые успешно решает обучающее изложение, многочисленны и своеобразны. Проведение этой работы благотворно влияет на развитие логического мышления учащихся. Сосредоточивая внимание на структуре исходного текста, его причинных, условных, временных и иных отношениях — первоначально в процессе его анализа, а затем в самой письменной работе, — школьники постигают смысл связей и зависимостей, лежащих в основе избранного речевого образца. Знакомясь с текстами разных типов речи, учащиеся практическим путем усваивают особенности повествования, описания, рассуждения.

Обучающие изложения эффективны в совершенствовании речи школьников. Расширяя и уточняя знания в области лексики, грамматики, стилистики, дети на практике убеждаются в необходимости внимательно соотносить выбор языковых средств с содержанием и целями высказывания.

Изложение — традиционный прием работы в обучении школьников связной речи, однако в методической литературе до сих пор нет полного единства в классификации изложений, как нет и общепринятой терминологии для обозначения их видов. Работа над классификацией видов изложений продолжается и в настоящее время.

Принципиальное различие между сочинением и изложением, как известно, состоит в

том, что при выполнении сочинения пишущему необходимо самостоятельно определить все исходные позиции — тему, идею, круг необходимых сведений, в то время как пишущий изложение все получает в готовом, решенном виде и его задача — воспроизвести предложенный текст.

Возможности языкового разбора

Только в контексте можно увидеть функции слова и предложения. Вот почему так важно тщательно анализировать текст, вникая в секреты его организации, создавая параллельные варианты и тем самым подводя учащихся к пониманию мотивов, обусловивших авторскую форму текста.

Дидактическая целесообразность языкового анализа связывается с тем, чтобы:

- а) показать систему языковых средств, использованных в тексте, и тем самым облегчить учащимся выполнение работы;
- б) обогатить язык учащихся лексическими, морфологическими, синтаксическими, фразеологическими средствами языка;
- в) расширить круг сведений о языке, в том числе о его истории;
- г) предупредить возможные речевые ошибки в практической работе учащихся;
- д) содействовать дальнейшему развитию логического мышления учащихся;
- е) глубоко вскрыть содержание текста, вернее понять его идею, композицию, характеры персонажей, детали, связи и зависимости.

Языковой анализ содействует развитию творческих возможностей учащихся, и, даже повторяя вслед за писателем его текст, они находятся в атмосфере несомненного творчества, потому что изложение выполняется на основе не одной только памяти. Даже очень хорошо подготовленный в языковом разборе учащийся не помнит весь текст буквально, но он точно помнит его содержание, стиль, речевую окраску каждой фразы, и если память не подсказывает ему слова автора, он находит вместо них свои, «соавторские слова».

Творчество возникает там, где присутствует знание, где на основе глубокого понимания может сложиться собственное представление о предмете. Языковой анализ дает возможность учащимся, овладевшим знаниями, почувствовать себя в роли писателя, который, обдумывая каждое слово, создает литературный текст.

Языковой комментарий — самая трудоемкая и длительная работа во всем анализе текста. Предлагаем фрагмент работы над изложением по статье Д. Лихачева «Любите учиться». Слова академика Д. С. Лихачева, обращенные к молодым людям, основаны на многолетнем личном опыте автора и лучшем опыте народа. Использование статьи Д. Лихачева налагает ответственность и на самого учителя: если ученик должен приучать себя любить учиться, то учитель обязан учить детей увлеченно и вдохновенно. Текст «Любите учиться» — четко выраженное рассуждение публицистического стиля. Аналитическое знакомство с ним будет одной из ступенек в общей подготовке учащихся к самостоятельной работе по созданию текста-рассуждения. Здесь будет воспитываться навык использования доказательств-суждений. Непосредственное обращение автора текста к молодым людям и советы, как поступать, закономерно нашли свое выражение в предложениях, наполненных глаголами. Некоторые предложения полностью состоят только из глаголов (*Учитесь любить учиться*). Формы глаголов разнообразны; чаще других встречаются неопределенная и повелительная формы, что обусловлено содержанием, назначением и стилем речи.

ЛЮБИТЕ УЧИТЬСЯ

Мы вступаем в век, в котором знания будут играть определяющую роль в судьбе человека. Без знаний нельзя будет работать.

Статья начинается абзацем в два предложения, одно из которых выполняет роль вступления, а второе является тезисом. Предложение между собой тесно связаны: второе предложение выражает ту же мысль, что и придаточное первого. Связаны они также и повторяющимся словом *знания*. По сути дела, второе предложение вытекает из первого,

будучи подготовлено им. Повторяя мысль придаточного короче, определеннее, категоричнее, второе предложение принимает на себя роль тезиса текста.

В первом предложении использован глагол *вступаем*, стилистический уровень которого выше, чем у его синонимов *входим*, *идем*: это отвечает общей направленности статьи. *Играть роль* — устойчивое сочетание, которое иногда смешивают с сочетанием того же смысла *иметь значение*. В результате получается третье: «Играть значение». Так говорить не следует, это ошибка.

Определяющая роль — это главная роль, от которой все зависит.

Учение — вот что нужно молодому человеку с самого малого возраста. Учиться нужно всегда. До конца жизни не только учили, но и учились все крупнейшие ученые. Самое благоприятное время для учения — молодость. Именно в молодости ум человека наиболее восприимчив.

Основное положение статьи, ее тезис автор сформулировал так: *Без знаний нельзя будет работать*. Теперь требуется объяснить и доказывать, что знания нужны всем, что каждый должен непрестанно овладевать ими, потому что хорошим работником должен стать каждый.

Новый абзац автор начинает с положения: «Учение — вот что нужно молодому человеку с самого малого возраста...». Предложение построено с расчетом выделить слово *учение* как самый главный смысловой центр. Для обозначения процесса приобретения знаний в языке есть два слова — *учение* (*ученье*) и *учеба*. Автор обратился к первому из них — традиционному, принадлежащему книжной речи. Слово *учеба* появилось сравнительно недавно, в своем употреблении оно более свободно и демократично. Надо отметить, что слово *учеба* автор не употребил ни разу в своей статье, а только *учение*. Не появилось и его фонетического варианта *ученье*, близко стоящего к разговорной речи. Уже этот, безусловно, не случайный выбор слова говорит нам о той ответственности, возвышенной деятельности, которой должен посвятить себя каждый молодой человек с самого малого возраста. Сказано: с *малого*. Это, очевидно, из нежелания повторять слово *молодой*, которое к тому же не обозначает самую раннюю пору. Не возник и ожидаемый вариант: с *самого раннего возраста*. Победило сочетание с *самого малого возраста* как наиболее сердечное, теплое по отношению к ребенку. Сравните: *ранний возраст* — *малый возраст*.

Подтверждением мысли о непрерывном учении служит пример всех крупных ученых. Их отношение к науке определено однокоренными

глаголами — невозвратным *учили* и возвратным *учились*. Крупнейшие ученые потому и крупнейшие, что они постоянно учились.

А затем дается пояснение, что молодость — самой природой отведенное время на освоение знаний. Время это, как сказано в тексте, *благоприятное*, то есть наиболее удобное, пригодное, подходящее. Попутно заметим, что сложные слова с компонентом *благо* (хорошо, добро) в русском языке многочисленны: *благополучный, благотворный, благоразумный, благозвучный* и др. Это все книжные слова, хотя многие из них стали широко употребляться и в других стилях.

Заключительное в абзаце предложение повторяет ту же мысль, усиливая ее и объясняя: *Именно в молодости ум человека наиболее восприимчив*. Для выделения слова *молодость* используется частица *именно*. Выделение слова *молодость* сделано намеренно, потому что статья адресуется молодым. Объяснение исходит из знания природных возможностей человека, ум которого в молодости наиболее восприимчив. Сказуемое *восприимчив* — краткое прилагательное. Как известно, эта форма выражает качество предмета более определенно, действенно, динамично, и в этом отношении она сходна с глаголом.

Умейте не терять времени на пустяки. Берегите себя для учения, для приобретения полезных знаний и навыков. И вот тут я слышу тяжкий вздох молодого человека: какую же скучную жизнь вы предлагаете! А где же развлечения?

Простая истина: самое ценное у человека — его жизнь, его время. Д. Лихачев дает детям и юношам мудрый совет беречь время, расходовать его на приобретение полезных знаний и навыков, но не тратить на пустяки. Для этого избираются глаголы повелительной формы — *умейте, берегите*. Совет, пожелание можно выражать и с помощью других форм глагола, но они не отвечают задачам текста: 1) *Уметь не терять времени...; Беречь себя для учения...* — неопределенная форма для данного случая слишком категорична и требовательна, как приказ. Она разрушает доверительные отношения, делая их официальными, служебными; 2) *Умели бы не терять времени...; Берегли бы себя для учения* — условная форма (сослагательное наклонение) низводит автора до положения человека, уговаривающего, упрасивающего своих читателей. А вот использованные глаголы повелительного наклонения помогают выразить мысль в пределах сложившихся отношений и в нужной мере требовательно.

Автор хорошо знает и чувствует свою аудиторию, предвидит, какие могут быть ему

возражения, и не уходит от спора, не уклоняется от возражений. Он смело объявляет точку зрения своего оппонента, чтобы опровергнуть ее, сократить число людей, сомневающих в одной из самых важных жизненных позиций. Этот тяжкий вздох (тяжелый, мучительно тяжелый) довольно энергичен: он выражен восклицательным предложением. В нем мы чувствуем настроение утвердившегося в своем невежестве человека: *Какую же скучную жизнь вы предлагаете! А где же развлечения?*

Автор сознательно обостряет спор, чтобы затем устранить все сомнения. Для этого нужны доказательства.

Да нет же! Учение тяжело, когда мы не умеем найти в нем радость. Надо любить учиться и развлечения выбирать умные, которые разовьют наши способности, нужные нам в жизни.

Первое доказательство — добродушное, но горячее, эмоциональное возражение: *Да нет же!* А далее идут логические доводы, которые приводятся уже спокойнее и ровнее. Обратим внимание, что автор не отделяет и себя от тех, кто допускает ошибки, и все время говорит *мы, наше, нам*. Это убеждает его от менторского, ворчливого тона: *вы не умеете, ваши, вам*. А тон в разговоре многое значит для убеждения.

Выдвигается основное положение статьи, вынесенное и в ее заглавие: *Любите учиться*. Не отрицаются и развлечения, но надо, чтобы они были умными, полезными, обогащающими нас знаниями.

А если не нравится учиться? Значит, вы не открыли той радости, которую приносит приобретение знаний и навыков. Посмотрите, с каким удовольствием маленький ребенок учится ходить, говорить, играть. Постарайтесь продолжить эту радость освоения нового. Не зарекайтесь: не люблю учиться! Попробуйте любить все предметы. Постарайтесь в каждом предмете найти радость приобретения нового.

Учитесь любить учиться!

Как видим, спорщик не сдаётся, хотя позиция его уже поколеблена. Он выдвигает еще одно возражение: *не нравится учиться*. Д. Лихачев терпеливо объясняет, но делает это строже, не включая себя в число читателей: *вы не открыли той радости, которую приносит приобретение знаний и навыков*. Для автора эта радость открыта, он знает ее, и поэтому он вправе убежденно о ней говорить. Радость приобретения знаний заложена в человеке самой природой. И об этом знает каждый, потому что видел ребенка, радостно постигающего мир: он *учится ходить, говорить, играть*. Радость познания — в действии,

и это действие должно продолжаться всю жизнь. Автор, как старший товарищ, не избегает прямых советов, он советует своим читателям быть настойчивыми и сам настаивает: *постарайтесь, не зарекайтесь, попробуйте* и опять *постарайтесь*.

Не зарекайтесь — однокоренное слово со словом *речь*, то есть не говорите, не спешите обещать чего-то не делать, не торопитесь клясться.

Текст заканчивается призывом, который итожит все рассуждение. Нужно не просто любить учиться, нужно учиться этому, любовь к учению сама не приходит.

Проверка обучающих изложений, как и любых других письменных работ, требует от учителя не только внимания, но и уважения к труду ученика. Лежащая перед нами учебная тетрадь, это наивное и несовершенное создание детской мысли, — уже произ-

ведение начинающего автора, пусть еще неопытного и неумелого, но уже автора. Не следует при проверке тетрадей ориентироваться только на свои представления о тех или иных языковых явлениях. То, что несвойственно нашей личной речи, не всегда оказывается нелитературным фактом. Ориентация на субъективное восприятие языка легко может ввести в заблуждение. Поэтому проверка тетрадей есть вместе с тем и контроль учителя за собственной речью. В основе этого контроля лежит постоянное общение с различными словарями и справочниками.

Подготовка к написанию изложения оказывает благотворное обучающее и воспитывающее воздействие: возрастает интерес к созданию текста и ответственность за его выполнение, быстро развивается умение сознательно решать все проблемы в работе над текстом, крепнет вера в свои силы.

М. А. НАБОКИНА,

студентка исторического факультета Московского городского педагогического университета

ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА

Великое достижение человеческого разума — понятийный аппарат. Понятия обобщают характеристику того или иного явления, разгружая человеческую память, оставляя ей пространство для хранения более разностороннего, широкого «багажа» информации. Однако существование понятий создает, как ни странно, огромную гносеологическую проблему, связанную с пониманием того смысла слов, который хочет нам передать собеседник, особенно когда дистанцию создает книжный переплет. Происхождение этой проблемы весьма естественно: человек усваивает содержание понятия вместе с тем контекстом, который он постоянно встречает по соседству с этим понятием, с одной стороны; с другой же — когда человек узнает в тексте то или иное понятие, он прекрасно понимает, о чем идет речь — вот только понимает он, как правило, то, что вкладывает в это понятие сам, а не его собеседник.

Сложно оспорить то, что большая часть мышления человека приходится на ассоциативность, а значит, смысл есть не что иное, как индивидуальное переживание. Кроме того, привычное содержание и объем понятия могут со временем меняться. К примеру, представим, что наших современников осе-нит гениальная идея написать труд под названием: «Психология ботаников XXI в.», а

историки последующих эпох будут долго ломать голову над тем, какое отношение отличники физмата имели к науке о растениях.

Когда в научной литературе встречается термин «литературный этикет», на каком-то подсознательном уровне понимаешь, о чем идет речь. Но что понимаешь? Где определение этого термина? Самое примечательное то, что автор термина не дает ему точного или хотя бы более или менее конкретного определения. Единственное, довольно абстрактное определение таково: «Литературный этикет и выработанные им литературные каноны — наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой»!¹

В нем есть некоторые зацепки: условный — относительный, сравнительный, зависящий от чего-то; нормативный — устанавливающий норму, правило. Остается только прояснить, от чего зависящий и какое правило устанавливающий. Много раз, повторяя одни и те же слова и словосочетания, автор явно акцентирует на них внимание, стремится убедить в их фундаментальности: термин «этикет» на 17 страницах встречается 119 раз — это, я думаю, о чем-то говорит. Однако, читая «Поэтику древнерусской литературы»

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Д. С. Лихачева, интуитивно начинаешь подозревать, что Дмитрий Сергеевич под понятием этикета понимал что-то свое.

В современной науке под понятием этикета понимается система общепризнанных, нерелексируемых, шаблонных правил поведения. Условно этикет дифференцируется на деловой, служебный, дипломатический, национальный, речевой и др. При этом в каждой из этих сфер этикет будет иметь свои особенности, единственно общим в нем будет то, что, в любом случае он выполняет функцию идентификации «своих» и «чужих». После того как мне удалось обозначить некоторые критерии современного понятия «этикет», думаю, необходимо сравнить, насколько эти критерии присущи понятию «этикет» в сознании Д. С. Лихачева.

1. Критерий общепризнанности. Лихачев в «Поэтике древнерусской литературы» напоминает читателю о том, что уже В. О. Ключевский и А. С. Орлов выделяют устойчивые словесные формулы, присущие житийному жанру и воинской повести — Лихачев признает существование этих формул и обращает наше внимание на то, что эти словесные формулы: «за руки ся емлюще сечаху», «стук и шум страшен бысть, аки гром», «бьящеса крепко и нещадно, яко и земли постонати», «и поидоша полцы аки борове» встречаются вне житий: в летописях, исторических повестях, ораторских произведениях, следовательно, не жанр определяет выбор выражений, а сам предмет, о котором идет речь: выступление в поход, возвращение в свой город.

Следовательно, в понятие «этикет» Лихачев, видимо, включает критерий общепризнанности.

2. Критерий осознанности.

Отсутствие рефлексии:

— Литературный этикет заставляет текст богословского содержания составлять церковнославянским языком, бытовые сюжеты описывать народно-поэтическим, канцелярские дела — деловым, то есть церковный и русский язык не ассимилировались и не заменялись один другим, а происходил переход, порой резкий, с одного языка на другой в едином произведении, соответственно, если судить об авторстве древнерусского произведения только по стилю, то может показаться, что его создали три разных человека. Но если подумать, вряд ли древнерусский писатель мог предположить возможность описания религиозных мотивов — русским, а светских — церковным языком для придания им большей ясности, вряд ли он видел такую альтернативу и устанавливал запрет на нее.

— Этикет предполагает заимствование описаний из других произведений и цитиро-

вание Священного писания: Житие Довмонта заимствует описания из Жития А. Невского; по Лихачеву, аналогичность этих описаний связана с тем, что представления древнерусского автора о должном и сущем смешиваются, он не осознает того, что свершаемое может не совпадать с его представлением о том, как должно быть — мотивация заимствования заключается в попытке воссоздать подлинную картину происходящего. Задумывался ли автор над тем, почему должно быть именно так, а не иначе, и могло ли быть как-то по-другому? Скорее всего, нет.

Наличие рефлексии:

— В сознании автора присутствует установка на то, что его соотечественники должны быть «благовоспитанными»; именно эта установка, по Лихачеву, лежит в описании крещения киевлян — «радующиеся к крещению». Получается, что автор сознательно, целенаправленно, возможно, приукрашивая действительную картину, пытается наглядно продемонстрировать, что значит «благовоспитанность».

3. Критерий шаблонности.

«Литературный этикет — это не шаблон, перед нами творчество»¹.

Можно сделать вывод, что термин «этикет» в современной его семантике не очень уместен для описания того явления, о котором нам хотел поведать Дмитрий Сергеевич.

Попробуем пойти не по пути сравнения, а по пути анализа, разложения на составные части.

Предполагаемые компоненты литературного этикета:

— житийные и воинские формулы («Но не только выбор устойчивых стилистических формул определяется литературным этикетом...»);

— выбор писателем церковнославянского языка для одних случаев, древнерусского — для других, народно-поэтической речи — для третьих («был выбором всегда сознательным и подчинялся определенному *литературному этикету*», «*литературный этикет требовал* иногда быстрых переходов от одного языка к другому»);

— трафарет ситуации («словесное выражение этого трафарета может быть различным... *заставить* их вести себя так, как *надлежит вести...*», «этикет *требует* определенной воспитанности», «этикетным нормам *подчинялось* только поведение *идеальных героев...* в их уста реже вкладываются вымышленные речи... определяя художественный метод древнерусской литературы, *недостаточно сказать, что он клонился к*

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.

идеализации... злодеи сравниваются со зверями... здесь *литературный этикет* не заимствуется из *реального быта*»);

— перенос отдельных описаний, речей из одного произведения в другое («речи, которые *должны* были бы быть произнесены в данной ситуации, поступки, которые *должны* были бы быть совершены действующими лицами при данных обстоятельствах... автор воссоздает это *поведение по аналогии*, средневековый писатель ищет *прецедентов*...» «авторы стремятся *все сопоставить с известными случаями из священной истории*, снабдить соответствующими *цитатами из Священного писания* и т. д.»);

— и вроде бы вот — эврика! Но: «*Единства этикета* в древней русской литературе нет, как нет и требований единства стиля. Все подчиняется *своей точке зрения*»¹. «Литературный этикет русского средневековья нуждается в своем изучении прежде всего как явление *идеологии, мировоззрения*»². Навер-

ное, придется говорить о некоем индивидуальном этикете, что уже звучит наивно.

Возможно, стоит поискать термин, близкий по семантическому полю к «этикету», но более подходящий для характеристик этого явления. К примеру, этика — она вполне отражает сходность мировоззрения и представления о должном у разных социальных групп в разные периоды истории: к примеру, научная этика не позволяет искажать факты, подстраивая их под сформировавшуюся концепцию: следовать этому негласному принципу или нет — «индивидуальный этикет» каждого, и как выходить из подобной «трафаретной ситуации» в принципе тоже: попробовать обосновать фактологию в рамках существующей концепции, отказаться от концепции или все же нарушать представления о «благовоспитанности».

Как бы то ни было, Д. С. Лихачев оставил «свой» термин неразгаданным, а ключ к нему, возможно, откроет двери не к одной древнерусской душе.

Б. И. ПИВОВАРОВ,

руководитель отдела образования Новосибирской епархии Русской православной церкви, председатель попечительского совета Православной гимназии во имя преподобного Сергия Радонежского Академгородка Новосибирска, настоятель церкви Всех Святых в земле Российской просиявших, магистр богословия

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА

В год столетия академика Дмитрия Сергеевича Лихачева первое слово в его честь и память принадлежит его непосредственным ученикам и сподвижникам. Но бесчисленное множество учеников незабвенный Дмитрий Сергеевич стяжал и среди тех, кто десятки лет мог брать у него уроки, пользуясь его книгами и статьями. Ведь каждая новая его книга становилась для читателя своеобразным учебным курсом, а каждая новая статья — уроком доброго и прекрасного, прошлого и будущего родной земли, русской литературы и родной культуры.

В статье «Культура как целостная среда» Дмитрий Сергеевич писал: «Культура — это святыни народа, святыни нации»³. О религиозном академик Д. С. Лихачев рассуждал всегда очень глубоко и серьезно. Например, в заметках «О жизни и смерти» он писал: «Религия либо занимает основное место в жизни человека, либо у него ее нет вовсе. Нельзя

верить в Бога “попутно”, “между прочим”, признавать Бога как постулат и вспоминать о Нем только, когда спрашивают»⁴.

На заданный самому себе вопрос «Что для меня лично самое важное в православии?» ученый отвечал: «Православное (в отличие от католического) учение о триединстве Бога. Христианское понимание Богочеловечества и Страданий Христа (иначе не было бы оправдания Бога) (кстати, спасение человечества Христом было заложено в надвременной сущности человечества). В православии для меня важна сама древность обрядовой стороны церкви, традиционность, постепенно отменяемая даже в католичестве. Экуменизм несет в себе опасность безразличия в вере»⁵.

Дмитрий Сергеевич прекрасно знал православную догматику, и его глубокая христианская вера не могла не отразиться в его книгах и статьях, посвященных памятникам православной культуры России — храмам,

¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы.

² Там же.

³ Лихачев Д. С. Русская культура. М., 2000. С. 9.

⁴ Лихачев Д. С. Русская культура. С. 371.

⁵ Там же. С. 379.

иконам, а также монастырской культуре и святорусскому подвижничеству.

Отвечая на вопросы «Как возникла древняя русская литература? Откуда черпала она свои творческие силы?», Дмитрий Сергеевич утверждал, что «появление русской литературы в конце X — начале XI века «дивлению подобно». Перед нами сразу произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании»¹. В книге «Великая Русь», изданной по благословию Святейшего Патриарха Алексия II и напечатанной в Италии в 1994 г., перу Дмитрия Сергеевича принадлежит первая часть — «Литература Руси XI — начала XIII века». Это исследование — вершина духовного наследия великого ученого, посвятившего большую часть своей жизни изучению памятников древнерусской литературы.

С особой любовью писал Дмитрий Сергеевич о православных русских храмах! В «Заметках о русском» он отмечал, что ему не кажутся правильными банальные характеристики новгородских и псковских церквей как преисполненных только силы и мощи. Не противоположны простым и веселым храмам Новгорода и Пскова, по мнению Дмитрия Сергеевича, и московские церкви: «Пестрые и асимметричные, как цветущие кусты, золотоглавые и приветливые, они поставлены точно шутя, с улыбкой, а иногда и с кротким озорством бабушки, дарящей своим внукам радостную игрушку. Недаром в древних памятниках, хваля церкви, говорили: «Храмы веселются»»². Поразительны воспоминания Дмитрия Сергеевича о его знакомстве с Соловками. «Я вос-

принял Соловки, — писал он, — не как новую тюрьму, а как святое место»³.

Подпись Дмитрия Сергеевича стоит одной из первых под ходатайством выдающихся деятелей российской науки и культуры о возвращении Оптиной Пустыни Русской православной церкви, посланным Генеральному секретарю ЦК КПСС М. С. Горбачеву в 1987 г.⁴ Много раз ученый ходатайствовал и о храмах — памятниках православной культуры России.

Очень важное значение Дмитрий Сергеевич придавал духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи. «Средняя школа должна воспитывать человека, способного осваивать новую профессию, быть достаточно способным к различным профессиям и быть прежде всего нравственным. Ибо нравственная основа — это главное, что определяет жизнеспособность общества: экономическую, государственную, творческую. Без нравственной основы не действуют законы экономики и государства, не выполняются указы, невозможно прекратить коррупцию, взяточничество, любое жульничество. Воспитывают же людей: впрямую — религия, а более сложным путем — музыка (особенно, я бы сказал, хоровое пение), литература, искусство, изучение логики, психологии, изучение языков»⁵.

Научное, литературное, духовное наследие академика Д. С. Лихачева велико. И мы, несомненно, нуждаемся в самом тщательном его изучении.

Пусть слова, книги, статьи, письма и воспоминания ученого станут для нас его духовным заветом. А наш долг — хранить память о нем как об Учителе доброго и прекрасного и продолжать учиться у него.

В. Н. РЫХЛОВА,

директор средней школы № 47 им. Д. С. Лихачева (Санкт-Петербург)

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕЙ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ЕГО РОДНОЙ ШКОЛЕ

5 декабря 1858 г. в Петербурге, близ Троицкого моста, в небольшом деревянном доме купца Спешнева было открыто Петербургское женское училище для приходящих девиц.

10 ноября 1862 г. училище было переименовано в Петербургскую женскую гимназию.

В мае 1872 г. гимназии было присвоено имя Петра Первого. В июне 1905 г. Петров-

ская женская гимназия переезжает в здание на улице Плуталова, д. 24, построенное специально для нее по проекту академика архитектуры Германа Давидовича Гримма.

³ Лихачев Д. С. Статьи ранних лет. Тверь, 1993.

⁴ Ходатайство выдающихся деятелей российской науки и культуры о возвращении Оптиной Пустыни Русской православной церкви (1987 г.) // Б. И. Пивоваров. Православная культура России: учеб. пособие для уча- ся старших классов школ, гимназий и лицеев. Новосибирск, 2002. С. 347–348.

⁵ Лихачев Д. С. Русская культура. С. 154–155.

¹ Великая Русь. История и художественная культура X–XVII веков // Д. С. Лихачев [и др.]. М., 1994. С. 14.

² Лихачев Д. С. Избранное. СПб., 1997. С. 476.

После революции 1917 г. почти все гимназии прекратили свое существование. 29 августа 1919 г. постановлением Отдела просвещения г. Петрограда была закрыта и Петровская женская гимназия. В ее здание была переведена бывшая Петроградская частная гимназия имени Л. Д. Лентовской, именуемая с сентября 1918 г. Петроградской трудовой школой имени Л. Д. Лентовской.

С 1919 г. бывшая Петровская женская гимназия и Петроградская трудовая школа им. Л. Д. Лентовской образовали Петроградскую единую трудовую школу № 10, которая с 1 сентября 1922 г. стала называться Единой Советской трудовой школой № 190. В 1930-е гг. школа стала фабрично-заводской семилеткой (ФЗС), а перед войной — вновь десятилетней. С 1941 г. это средняя школа № 47. В годы войны школа продолжала работать; по итогам успеваемости за первый военный учебный год была признана лучшей в стране.

31 декабря 1945 г. за большие заслуги и в связи с 75-летием со дня смерти К. Д. Ушинского ей было присвоено имя великого педагога.

В 2008 г. школе исполнится 150 лет. Блистательная плеяда наших выпускников вошла в историю страны. Это писатели и поэты, ученые и артисты, художники и музыканты. Среди них известные всему миру писатели В. Поляков и С. Колбасьев, поэты А. Введенский и Г. Бломквист, скульптор В. Исаева, академик С. Соболев, дирижер К. Элиасберг, главный эрудит интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?» А. Друзь и др. Но самый известный наш выпускник — академик Д. С. Лихачев, ученый-филолог, академик, общественный деятель, имя которого было присвоено школе в мае 2000 г. распоряжением губернатора Санкт-Петербурга. Он проучился в нашей школе лишь четыре старших класса с 1919 по 1923 год, но вспоминал это время всю свою жизнь. Любимым преподавателем Д. С. Лихачева был учитель словесности Леонид Владимирович Георг, многогранный «идеальный педагог», которому академик посвятил целую главу в книге своих воспоминаний: «более полувека помню я его так ясно, как никого из других своих учителей». Именно он привил Д. С. Лихачеву интерес к литературоведению. Во время обучения в нашей школе Д. С. Лихачев посещал различные школьные кружки, главным образом кружки литературы и философии, в занятиях которых принимали участие также и учителя.

Часто бывал Лихачев в гостях у школьного преподавателя психологии и известного философа Сергея Алексеевича Алексеева-Аскольдова. В 1922 г. в «Лентовке» появился новый учитель литературы — Иван Михайлович Андреевский, выпускник славяно-русского

отделения историко-филологического факультета Петроградского университета. Он создал образовательный кружок «Хельфернак» (Художественно-литературная, философская и научная академия). В 1922–1923 гг. собрания «академии» регулярно проводились по воскресеньям в школе. На заседаниях, где собирались старшеклассники, студенты, учителя и известные ученые, знакомые И. М. Андреевского, делались разнообразные доклады, главным образом по литературе и философии. Школьный круг общения помог Дмитрию Сергеевичу Лихачеву «выбрать мировоззрение» и определиться в выборе жизненного пути. Именно поэтому он с такой благодарностью вспоминал школу и до последних дней жизни поддерживал отношения с ней, а также, понимая важность книги для образования детей, помогал пополнять ее библиотеку.

Размышляя над вопросом, что такое школа, Д. С. Лихачев ответил на него так:

Школа — это прежде всего воспитательное учреждение. Школа формирует людей, закладывает основы личности. То, что не привито в школе, упущено, позднее наверстать, исправить очень трудно. Это прописная истина. Все ее признают, но не осознают.

Помня завет Лихачева сохранять историческую память, школа на протяжении многих лет собирала материалы для музея. В 1988 г. к 130-летию школы была открыта небольшая экспозиция, посвященная истории школы. Д. С. Лихачев откликнулся на это событие и подарил школе журнал «Аврора» с публикацией о своем любимом учителе словесности Л. В. Георге. Затем экспозиция музея пополнилась еще одним подарком — подписанной им фотографией, сделанной в августе 1988 г. в Лондоне. Именно тогда определились две темы в экспозиции музея и два направления в его работе: история школы и ее лучшие ученики. В декабре 1998 г. при поддержке академика состоялось приуроченное к 140-летию школы открытие школьного музея. И лишь в 2003 г., к 300-летию Санкт-Петербурга, полностью закончено оформление экспозиций музея.

Наш музей сегодня — это живой организм. Являясь культурологическим ресурсом школы, он «живет» в ее образовательном пространстве и способствует расширению границ этого пространства. Нами разработана система включения детей в работу музея, состоящая из трех этапов. Первый этап — для начальной школы — включение в музейное пространство с помощью экскурсий, тематических выставок; этот этап начинается с посвящения первоклассников в ученики школы, которое проводится 1 сентября. Старшеклассники готовят к 1 сентября фотовыставку, посвященную Д. С. Лихачеву, в которой значительное

место занимают фотографии Дмитрия Сергеевича разных лет — в окружении семьи, друзей, людей, с которыми он работал. Особое место занимают четыре портрета, сделанные фотохудожником Валерием Брунцевым и подаренные нашему музею. «Взгляд», «Раздумье», «Загадка», «Радость» — так назвал их сам художник. Детскому восприятию доступны яркие зрительные образы, и учителя обязательно используют эти портреты в работе: детям предлагается угадать название, данное автором, или дать свое. Это задание всегда вызывает живой отклик и позволяет, обращаясь к полученным от нее впечатлениям, построить дальнейшую работу с портретами Лихачева. Второй этап — 5–7-е классы — введение факультативного курса «История школы», программа которого предусматривает изучение следующих тем: «История гимназии», «История школы в 1920–1930-х гг.», «История школы в годы блокады и после войны», «Школа сегодня». Третий этап — индивидуальная работа с членами клуба «Друзья музея» — учениками 7–11-х классов, когда каждый ребенок получает возможность выбора того вида деятельности, который ему ближе — поисковый, экскурсоводческий и творческий. Результаты этой работы для нас очень важны. В течение трех лет, с 2003 по 2005 г., наши ученики занимали первое место в городском конкурсе экскурсоводов школьных музеев. Творческие работы учеников получают признание не только в школе, но и в городе: сочинение нашей ученицы Оли Чепуровой было опубликовано в книге «Дмитрий Лихачев и его эпоха».

Именно клуб «Друзья музея» становится центром организации «Лихачевских чтений», которые мы проводим уже на протяжении 6 лет. Они начинаются 30 сентября, в день памяти Лихачева, и заканчиваются общешкольной конференцией 28 ноября, в день его рождения. Темы «Лихачевских чтений» появляются не случайно. Они вытекают из наших повседневных проблем, проблем нашего района, города. Наследие Лихачева дает уникальную возможность размышлять вместе с детьми над самыми актуальными проблемами современности:

- 2000 год — «Неизвестные страницы жизни Д. С. Лихачева»;
- 2001-й — «Феномен Д. С. Лихачева»;
- 2002-й — «Интеллигенция, интеллигентность, интеллигент»;
- 2003-й — «Общечеловеческие ценности и их роль в сохранении и развитии культуры»;
- 2004 год — «Что объединяет людей»;
- 2005 год — «Будь патриотом и не будь националистом».

В юбилейный год мы выбрали тему, позволяющую разносторонне представить лич-

ность Д. С. Лихачева и одновременно поднять важные и интересные для современного человека проблемы: «Твой дом — земля, твоя семья — человечество, береги их!». Во всех классах в период проведения «Лихачевских чтений» проводятся Лихачевские уроки по «Письмам о добром». Ученики готовят книжно-иллюстративную выставку, фотовыставку и выставку творческих работ учащихся. Готовясь по выбранной теме, учителя используют различные формы работы, позволяющие вовлечь в осмысление темы, подготовку чтений большинство учащихся: анкетирование, написание сочинения (размышления, эссе), разработку и проведение экскурсий по временным экспозициям музея. Члены клуба «Друзья музея» выбирают темы для своих сообщений и начинают работу над ними. Подготовка такого сообщения, выступления — тяжелый, кропотливый труд как ученика, так и учителя. Но в процессе работы рождается чувство общности учителя и учеников, объединенных единой целью, которое очень ценил Дмитрий Сергеевич в родной Лентовской школе. Ученики 7–8-х классов выступают с сообщениями в начальной школе, старшеклассники — в средней школе и старших классах, что для нас тоже очень важно: так на практике достигается духовное единение учеников разного возраста. Цель наших чтений — открыть детям мир Лихачева, показать разные грани его личности: человека, ученого, просто старшего друга, который беседует с читателем через книгу «Письма о добром». Экземпляр этой книги Дмитрий Сергеевич подарил родной школе с дарственной надписью: «Школе им. Л. Д. Лентовской, которой я обязан тем, что стал гуманитарием». 15 апреля 1991.

Опыт работы по проведению «Лихачевских чтений» обобщен в методическом пособии «По страницам Лихачевских чтений (из опыта работы школы № 47)», которое может помочь учителям не только в подготовке уроков для 1 сентября, но и в организации в школе работы по изучению наследия Д. С. Лихачева.

Год 100-летия Д. С. Лихачева должен стать новым этапом в работе по сохранению наследия великого ученого и человека. Для этого учителя школы разработали систему уроков Лихачева 1 сентября.

В начальных классах совсем не просто говорить с ребятами на столь важные жизненные темы, которые затрагивает Д. С. Лихачев в своих «Письмах». Учителя выбирают те из них, которые наиболее соответствуют актуальным проблемам младших школьников и являются поводом для знакомства с замечательным человеком: письмо № 7 «Что объединяет людей», письмо № 8 «Быть веселым, но

не смешным». Первоклассникам очень важно помочь преодолеть первый страх и неуверенность, показав, что в школе их любят и заботятся о них, вызвав желание проявлять заботу по отношению к одноклассникам, учителям, родной школе. Ученики должны понять важность таких человеческих качеств, как достоинство, скромность, умение слушать окружающих, уважение к людям. Использование устного народного творчества, в частности пословиц и поговорок, позволяет в доступной форме донести до детей основные мысли «Писем о добром».

Изучение «Писем о добром» не должно закончиться уроком 1 сентября, а может быть продолжено на уроках истории, литературы, русского языка. Так появилась идея урока в 5–6-х классах на основе письма № 19 «Как говорить?». Исходя из мысли Д. С. Лихачева о том, что «наша речь — важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она “затягивает”», на этом уроке мы пытаемся показать образцы чистой русской речи, чтобы противопоставить живой язык народа, поэтическое слово «языку» тех, кто, по мысли Дмитрия Сергеевича, «плюется словами». Главная задача — воспитание нравственного, уважительного отношения к родному слову и умения защитить его от внешней агрессии «плюющихся словами», жаргонных, циничных выражений и ругани. Памятуя о том, что язык создает народ, показать «богатство и точность родного языка» — разговорного и письменного.

В качестве домашней работы ученики пишут сочинение — рассуждение «За что я люблю свой родной язык?».

В 7–8-х классах нами выбраны два письма: письмо № 5 «В чем смысл жизни» и письмо № 26 «Учитесь учиться!». В этом возрасте ребята уже могут рассуждать о таких понятиях, как смысл жизни, цель, счастье и др. В подростковом возрасте, находясь в поиске себя, в процессе определения жизненных ориентиров, они часто оказываются на перепутье. В сложной и неоднозначной культурной атмосфере современности предостаточно факторов, негативных явлений для дезориентации даже сильной личности. Поэтому обращение к «Письмам о добром» представляется нам одним из путей создания у детей представлений об альтернативном пути — пути гармоничного развития и созидания. Разумеется, мы не ставим цель воспитать идеального человека — мы ведем, как нам представляется, важный разговор, который может оказать влияние на формирующуюся личность. Письмо № 26 также избрано не случайно: у под-

ростков еще не сформирована мотивация к обучению, а потому предоставляется возможность в очередной раз побудить учеников задуматься о роли образования для них, его тесной связи со смыслом жизни. Если ранее мы обсуждали с учениками «Письма о добром» в контексте проблем воспитанности человека, его ответственности за поступки, то избранные теперь темы разговора находятся в непосредственной связи с проблемой интеллигентности, о чем пойдет разговор в старших классах — конечно, с обращением к работам Д. С. Лихачева.

В 9–10-х классах нами было выбрано письмо № 37 «Ансамбли памятников искусства», и это не случайно. Наша школа включилась в организацию предпрофильной подготовки и профильного обучения на год раньше других школ, и соответственно на год раньше столкнулась с проблемой преподавания курсов по выбору учащихся. Не случайно для ориентации учащихся девятых классов на социально-гуманитарный профиль учителем истории был разработан курс «Работа с историческими источниками». Этот курс дает возможность развивать у учащихся умение вступать в полемику и отстаивать свои взгляды, а также умение анализировать исторические источники. Выделяется время на практическую, конкретную работу с историческими источниками. Письмо «Ансамбли памятников искусства» связано с этим курсом, так как памятники искусства, культуры являются одними из важных исторических источников, с которыми ученик так или иначе взаимодействует каждый день. Особенно это актуально для нашего города, в котором исторический центр является музеем под открытым небом и входит в список городов-музеев ЮНЕСКО, и для нашей школы, в образовательном пространстве которой занимает важное место школьный музей. Таким образом, умение «читать» исторические источники, интерпретировать их, понимать их важность и значимость необходимо для воспитания настоящего петербуржца. На уроке создается рабочая ситуация, в которой ученик получает возможность и повод продолжить знакомство с взглядами выдающегося ученого и человека Д. С. Лихачева; получить позитивный эмоциональный опыт в отношении к его жизни и деятельности; задуматься о влиянии памятников искусства на нашу жизнь; сформировать отношение к памятнику искусства как историческому источнику; определить свое отношение к сохранению памятников искусства; задуматься о единстве народа и культуры. Этот урок ставит перед учащимися нравственные вопросы памяти, отношения к истории, к своей стране.

Для урока в выпускных одиннадцатых классах выбрано письмо № 12 «Человек должен быть интеллигентен!». В нашей школе все ученики знают рассказ руководителя школьного музея В. Н. Пашиковой об одном из визитов в школу Д. С. Лихачева. В 1981 г. Дмитрий Сергеевич принес в школу журнал «Аврора» с очерком о его учителе словесности Л. В. Георге, но не посмел прервать урок, простоял почти 40 минут за дверью класса, и только после звонка осторожно постучал. Это ли не доказательство подлинной интеллигентности настоящего петербуржца! Дмитрий Сергеевич говорил: «Скупой может притвориться щедрым... Злой человек может притвориться добрым. Лстец может преподнести свою лесть под флагом правдивости и откровенности, “честно”. Но притвориться интеллигентным человеком нельзя. Невозможно. Вот, между прочим, почему интеллигентность вызывает такую злобу в неинтеллигентных людях». Мы должны хранить традиции русской интеллигенции, развивать в себе качества интеллигентного человека. И помнить, что хорошее образование — необходимый спутник свободной интеллигенции. Итогом урока в 11-м классе должно стать написание собственного «письма о добром» для младших учеников, которое останется заветом, наказом выпускного класса.

Таким образом, все мероприятия, организуемые в классных коллективах, направлены на то, чтобы ученики нашей школы прикоснулись к бесценному духовному опыту Д. С. Лихачева, чтобы его личность продолжала воспитывать высокие нравственные идеалы, культуру научного и творческого поиска. Мечтаем, что ученики будут с теплотой вспоминать своих учителей, как всю жизнь помнил их Д. С. Лихачев. На подаренной школе книге «Поэзия садов» Дмитрий Сергеевич написал: «Дорогой Лентовской школе от учившегося в ней в 1919–1923 годах Д. Лихачева с большой благодарностью за счастливые годы, за друзей, которых она мне дала, за прекрасных педагогов».

В рамках распространения опыта школы был проведен городской семинар для слушателей курсов повышения квалификации на базе Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования на тему «Уроки Лихачева». В сентябре 2006 г. в интерьере школы будет установлена памятная мемориальная доска, посвященная Д. С. Лихачеву.

Кроме того, для нас является важной организацией именно гуманитарного образования для учеников школы. Вот почему, выбирая профили обучения старшеклассников и ориентируясь, с одной стороны, на запросы уче-

ников и их родителей, а с другой — на необходимость и важность гуманитарных знаний для современного человека, мы выбрали социально-гуманитарный профиль, который предполагает расширенное изучение предметов гуманитарного цикла, и ввели целый ряд элективных курсов по литературе, русскому языку, истории, обществознанию.

Сегодня, живя в XXI в., мы понимаем, что школа, целью которой является не только обучение, но и воспитание человека, не может жить без идеи. Такими идеями, организующими жизнь нашей школы, являются идеи Д. С. Лихачева, выдающегося выпускника нашей школы, первого Почетного гражданина Санкт-Петербурга, просто интеллигентного человека. Мы хотим сохранить в современном человеке дух истинного петербуржца, воспитать в наших учениках интеллигентность, привить им уважение и любовь к гуманитарным наукам, вызвать желание учиться — не просто получать знания, а учиться быть Человеком.

Еще в 1990 г., размышляя о будущем, Д. С. Лихачев сделал очень важный прогноз:

«Я мыслю себе XXI век как век развития гуманитарной культуры, культуры доброй и воспитывающей, закладывающей свободу выбора профессии и применения творческих сил. Образование, подчиненное задачам воспитания, разнообразие средних и высших школ, возрождение чувства собственного достоинства, не позволяющее талантам уходить в преступность, возрождение репутации человека как чего-то высшего, которым должно дорожить каждому, возрождение совестливости и понятия чести — вот в общих чертах то, что нам нужно в XXI веке».

Идут годы, меняется жизнь, но всегда задачей школы будет воспитание образованного, ответственного, благородного, доброго, совестливого человека. Поэтому и сегодня мы хотим, чтобы ученики нашей школы имели нравственный «компас», не позволяющий им заблудиться в поисках пути и истины. Хотим, чтобы наши дети имели ориентиры на всю жизнь.

Именно поэтому миссия школы сегодня видится нам в следующем:

— сохранение и преумножение традиций школы № 47 — одного из старейших учебных заведений города;

— утверждение гуманитарных ценностей, создание условий для гуманитарного образования;

— создание условий для нравственного воспитания, воспитания истинного петербуржца, и прежде всего на примере личности Д. С. Лихачева, с опорой на его духовное наследие.

И. Б. СМОРНОВ,

декан факультета лингвистики и межкультурных коммуникаций
Ленинградского областного государственного университета им. А. С. Пушкина,
кандидат педагогических наук, доцент

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАЗНЫХ КОНФЕССИЙ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Изменение субъект-объектных отношений в учебном процессе современной российской школы требует новых подходов к методам преподавания. Применение метода проектов на старшем этапе обучения иностранному языку способствует решению этой задачи. Начиная с постановки цели, учащиеся сами формулируют проблему урока, намечают пути ее решения, определяют способы овладения материалом, предлагают формы обобщения результатов и их презентации. В этом случае неизбежно трансформируется роль учителя на уроке, который из умелого «дирижера» превращается в ведущего (*нем.* *der Moderator*), обеспечивающего равные возможности для каждого учащегося проявить себя на том этапе урока, где он чувствует себя наиболее уверенно и комфортно, а также в том случае, когда возникает желание реализовать свой познавательный интерес. При данном подходе реализуется важная задача воспитания у учащихся толерантного отношения друг к другу, формирования умения быть терпимым к взглядам и верованиям другого человека, относиться к ним без агрессии, развивать в себе умение приходить к согласию даже тогда, когда точки зрения расходятся.

Указанные умения позволяют формировать метод проектов, вернувшийся сегодня в Россию после почти семидесятилетнего странствования по миру. Реализовывать проектную методику в полной мере не позволяет господство классно-урочной системы, ограниченная возможность интеграции учебных дисциплин, недостаточное материально-техническое обеспечение современной российской школы. Однако применение ее элементов в учебном процессе не только возможно, но и необходимо.

Как известно, элементы проектной методики успешно применяются учителями на заключительных уроках по изучаемой теме. На примере изучения темы «Конфессии в нашем городе» («*Konfessionen in unserer Stadt*») в десятом (гуманитарном) классе мы покажем применение проектной методики.

При изучении темы «Рождество» («*Weihnachten*») выяснилось, что учащиеся в достаточной степени обладают знаниями о том, как возник этот христианский праздник и как его празднуют в Германии. Это можно объяснить

результативностью концентрического изучения данной темы, начиная с первого года обучения. Однако знания учащихся о праздновании Рождества в России характеризуются отрывочностью сведений, некоторые ученики осознают значительную тематическую некомпетентность, что служит толчком к планированию индивидуальной работы над темой: что мне известно, что я хотел бы узнать, где и каким образом я могу получить исковую информацию. Таким образом, определяются источники материала: справочники, энциклопедии, беседа с родителями, посещение православного храма, беседа со священником, с верующими.

В языковом отношении большую роль здесь играет использование лексико-грамматических навыков, сформированных во время изучения темы «Рождество в Германии». Недостающие лексические единицы учащиеся восполняют с помощью русско-немецкого словаря либо прибегают к консультации учителя. Презентации индивидуально освоенной темы, результатам самостоятельного поиска каждого посвящается следующий урок. Как правило, монологические высказывания учащихся характеризуются разнообразием как в тематическом, так и в речевом плане ввиду использования источников разного рода.

Данные сообщения позволяют организовать фронтальную беседу, являющуюся введением в новую тему «Конфессии в нашем городе»: бывали ли вы в православном храме в Рождество, в обычные дни, во время службы, что вы там видели, как выглядит православный храм, чем он привлекает и восхищает иностранцев. Учитель выясняет, какие храмы каких конфессий находятся в родном городе учащихся, и фиксирует их названия на доске:

Die russische orthodoxe Kirche Sankt Pauli

Die finnische evangelische Kirche

Die katolische Kathedrale

Die evangelisch — lutherisch Kirche

Die Synagoge

Затем он предлагает учащимся определить, какая церковь (храм) вызывает у них интерес, что они хотели бы посетить и почему. Учащиеся записывают свое имя напротив названия храма. Так формируются малые группы заинтересованных учащихся. Они

рассаживаются за отдельные столы для последующей групповой работы, задача которой заключается в том, чтобы на данном уроке сформулировать вопросы, интересующие членов группы перед посещением культового учреждения:

Группа А: *Die russische orthodoxe Kathedrale Sankt Pauli*

Wann wurde die Kathedrale gebaut?

Wo liegt sie?

Wie heisst der Pop?

Wird die Kirche gern besucht?

Wie viele Mitglieder zaehlt die orthodoxe Gemeinde?

Was zahlen die Menschen fuer die Taufe? fuer die Hochzeit? Wann wird der Gottesdienst abgehalten?

Hat die Kirche eine Sonntagsschule?

Gibt es in der Kirche Mosaiken? Kirchenfenster?

Wann singt der Chor?

Группа Б: *Die finnische evangelische Kirche*
Wie viele Mitglieder zaehlt die evangelische Gemeinde?

Gehoeren der Geminde nur Finnen an?

Wie heisst der Pastor?

Wie verlauft der Gottesdienst?

Wann wird er abgehalten?

Kommen viele Menschen zum Gottesdienst?

Gibt es in der Kirche eine Orgel?

Ist die Kirche reich geschmueckt?

Gibt es Ikonen in der Kirche?

Was steht auf dem Altar?

Каждая группа выясняет информационную потребность и определяет способы ее удовлетворения: беседа со священником, с прихожанами, с лицами, исповедующими данную религию, использование справочной литературы, консультации учителя истории и обществознания. В групповой работе учащиеся намечают план совместных действий: что конкретно мы хотим узнать, каким способом мы это сделаем, как обработаем полученную информацию и представим ее соученикам на последующем занятии. Подводя итоги групповой работы данного урока, учащиеся выби-

рают представителя своей группы, который и представляет всему классу разработанный ею проект.

Презентацию реализованного проекта осуществляют на следующем уроке все члены группы. Учителю необходимо предусмотреть дополнительное время в начале урока для подготовки презентации группой своей работы. Очень важно, чтобы на этом этапе работы каждому члену группы нашлось достойное место: один участвует в изготовлении коллажа, другой рассказывает об особенностях данной конфессии, третий — о современном состоянии прихода, четвертый — о традиционных праздниках данной конфессии и т. д. Тогда этап урока, демонстрирующий результаты проделанной учащимися работы, получит ярко выраженный творческий характер, каждая группа сможет проявить свою фантазию и изобретательность при подаче материала исследования. Во время презентации проектов учащиеся — члены других групп — задают экспертам по данной конфессии интересующие их вопросы, уточняют детали, просят осветить фактический материал, оставшийся во время сообщения незатронутым.

Завершается презентация оценением проделанной работы (die Evaluation), когда учащиеся обоснованно высказывают свое мнение о результатах проектной работы той или иной группы: удалось ли группе осуществить задуманный план и если да, то в какой мере, насколько грамотно в языковом отношении было сделано сообщение о результатах исследований, насколько оригинальна форма презентации.

Метод проектов повышает мотивацию учащихся при активном усвоении нового материала, способствует совершенствованию речевых умений учащихся, самореализации личности в самостоятельной и коллективной работе. Изучение темы «Конфессии в родном городе» способствует воспитанию уважительного отношения к представителям других вероисповеданий, расширяет кругозор учащихся и повышает их общекультурный уровень.

Л. К. ФОМИЧЕВА,

ректор Псковского областного института повышения квалификации работников образования,
кандидат педагогических наук, доцент, Заслуженный учитель РФ

ШКОЛА Д. С. ЛИХАЧЕВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Вероятно, следует признать — сколько существует школа как социально-педагогический институт, столько предпринимается попыток ее реформировать, модернизи-

ровать, усовершенствовать. Этот перманентный процесс, однако, не отменил представления о том, что школа так или иначе воплощает собою достоинство государства,

является непреходящей ценностью общества и личности.

Общепризнанно, что каждого из нас формирует прежде всего семья. А затем — школа. Важнейшее место в жизни занимает она, по большей части строгая и добрая, умная и доброжелательная, стимулирующая все лучшие свойства и проявления человека.

Сегодня мы говорим: школа должна помочь личности быть компетентной, успешной и конкурентоспособной. Так ли уж нова эта идея? Обратимся к особенностям родной для Д. С. Лихачева гимназии и реального училища К. И. Мая. За 62 года, начиная с 1856-го, ее окончило более тысячи человек.

Д. С. Лихачев поступил в нее в 1916 г., уже под самое окончание ее славной истории как школы К. И. Мая. Но и в эти годы она проявляла лучшие свои традиции — демократичная, совершенно не допускающая антисемитизма, высокопарности, требующая уважения старшего к младшему, стабильная по составу высокообразованных педагогов. Именно здесь Д. С. Лихачев убедился, что в школе на равных есть место сыну банкира, ученого, швейцара, и определил это явление как интеллигентность школы, полагая одним из существеннейших признаков интеллигентности — «демократизм в обе стороны».

Школа, соединяющая гимназическое и реальное отделения, формировала интеллигентность своих воспитанников и практическую направленность в изучении наук теоретических и прикладных. При этом соблюдался принцип интересов ученика, индивидуальный подход к нему, стремление оказать ему поддержку, развить его способности.

Рассуждая о русской природе и русском характере, Д. С. Лихачев писал, что образованность и высокое интеллектуальное развитие суть естественные состояния человека, а невежество, неинтеллигентность — состояние, ненормальное для человека.

Процессы социализации личности, ее связи с разнообразными жизненными проявлениями также определялись учебным заведением: «Откуда это шло? Кто прежде всего давал юному человеку повод для беспокойства, будоражил его душу? Только улица? “Шум” и “трескотня” моды, времени? Запреты? Возрастное любопытство? Конечно, и это! Но прежде всего — школа, класс, коллектив...»¹.

Безусловно, главным двигателем, вдохновителем такой школы является директор — Карл Иванович Май, убежденный, что главная задача наставника — приготовить юношу к труду, полезному для общества.

«Испытайте и веруйте» — один из девизов К. И. Мая, по которому строилась его педагогическая жизнь, в коей образование и воспитание ученика являлось конечной целью.

В качестве девиза школы К. И. Май провозгласил изречение Яна Амоса Коменского: «Сперва любить — потом учить».

Требовательный, справедливый, высокообразованный, но не высокомерный, внимательный, но не пристрастный, беспредельно любящий детей, умеющий подойти к каждому из них как к человеку, а не только как к ученику, — таким предстает К. И. Май со страниц воспоминаний о нем. Добрый гений школы — так назвал последний директор гимназии А. Л. Липовский своего первого директора. Он создавал «...особую среду в школе, в которой так легко дышалось, так светло, несмотря на все жизненные невзгоды, верилось в будущее».

Серьезным и радостным делом, почти священнодействием был труд К. И. Мая и его преемников, управлявших этой гимназией и работавших в ней.

Кто, чему и как обучает юношество, как практически готовит к жизни и труду — эти философские, а не только методические проблемы постоянно решали педагоги.

В 1900 г. на одном из заседаний педагогического совета школы обсуждались проблемы преподавания. Докладчик В. А. Кракау отмечал, что если общество обеспокоено состоянием юношества и проявлениями потери серьезных интересов, одичанием нравов, переутомлением учеников, их нервностью, малоподвижностью, порой аморальностью, то надо задуматься в первую очередь о том, как мы преподаем и воспитываем. Надо думать, есть ли у учеников необходимые условия:

— чтобы усвоить программный курс предмета;

— развить свои мыслительные способности;

— развить умственные интересы к вопросам жизни, науки, литературы, сознательно и живо относиться к экономической и социальной жизни;

— серьезно расширять свой кругозор и познание внеклассным чтением книг;

— заниматься музыкой, другими искусствами, ручным трудом, ремеслами;

— выработать способность к труду;

— выработать характер.

Педагоги готовы решение большинства этих проблем взять на себя, они полагают, что в первую очередь необходимо:

— чтобы большая часть учебных вопросов решалась на уроке, без переноса их на домашние задания;

— домашнее задание было предварительным разъяснено в классе и рассматривалось

¹ Лихачев Д. С. Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. М., 1990. С. 14.

как повторение и усвоение пройденного на уроке;

— классная работа захватывала весь класс, а не отдельных учеников, была систематической, методически обоснованной, соответствующей уровню класса.

В школе К. И. Мая огромную роль в развитии учащихся играла библиотека. Ученическая библиотека содержала фонд из тысячи книг на русском и иностранном языках, имела отделы по истории и литературе, полные собрания сочинений русских классиков. В фундаментальной библиотеке было более четырех тысяч книг, которыми пользовались преподаватели и учащиеся старших классов.

С 1900 г. в школе работала столярная мастерская, где наиболее умелые ученики могли изготовить стул, шкаф, письменный стол, которые экспонировались, а затем продавались.

Школьная жизнь была организована таким образом, что спустя годы ее выпускники подчеркивали: мы учились наукам, но освоили и науку души человеческой и ее высоких качеств, чтобы вполне быть людьми и равноправными гражданами.

С точки зрения К. И. Мая, подбор учителей в школу — дело первостепенное: учитель должен иметь высокопрофессиональное знание предмета и обладать непременно талантом воспитателя юных душ.

Какие же качества своих учителей вспоминают их бывшие ученики спустя многие годы? Общее, что отмечают они в своих педагогах, — что это были незаурядные личности, они подвижнически трудились, были беззаветно преданы своему делу, понимали душу и способности ребенка и давали им возможность полно развиваться. Об учителях говорили:

— умел преподавать так, чтобы знания усваивались осознанно, а не зазубривались (о математике Э. Шнейдере);

— всегда был в веселом настроении, преподавал оживленно, интересно, пересыпал свою речь остротами и шутками, не прибегал к строгим мерам, но слушались его беспрекословно (о преподавателе истории, немецкой литературы, политэкономии А. Брюкнере);

— умный, талантливейший педагог, методист, автор учебника, по которому полвека изучали физику студенты нашей страны, ясное и мастерское изложение трудных проблем (о физике О. Д. Хвольсоне);

— умели прекрасно говорить, старались понять психологию учеников, их поведение, обладали необходимым авторитетом;

— широко знакомили учеников с предметом урока, подчеркивая при этом движение и развитие человеческой мысли, и пробуждали таковое у своих воспитанников;

— гимназия для педагога — родной дом, здесь он жил, проводил уроки, отсюда выезжал с учениками в небольшие пригородные экскурсии, объяснение всегда сочетал с показом наглядных пособий из естественно-исторического кабинета, был добр, доступен, с ним всегда можно было побеседовать по душам, переводил Шиллера, издал руководство по столярному и переплетному делу, написал книгу «Воздушные путешественники», опубликовал свыше 40 печатных работ — так он был преподавателем географии и естествознания С. А. Порецкий;

— об историке М. А. Полиевктове: его уроки истории просто превосходны, он умел так увлекательно рассказывать, что ученики чувствовали себя современниками далеких событий, постоянно вел научную работу, автор более ста печатных работ, основал популярную серию «Гимназия на дому».

И еще о многих учителях школы К. И. Мая можно сказать то же самое — учителя, методисты, авторы научных работ, сотрудники газет, журналов, просветители, признанные учениками, студентами, широким кругом образованных людей. Радость и целостность жизни для них — в стремлении к научной истине, любви к природе, вообще ко всему естественному, живое повторение добра в скромном, но великом по значению педагогическом деле (А. Л. Липовский о Д. В. Ройтмане).

Школа, в которой служат такие педагоги, благотворна для своих воспитанников, она — моральный идеал, критерий, уровень всей их жизни. Неслучайно одноклассники Д. С. Лихачева и те, кто учился до них, всегда охотно и тепло, устно и в книгах вспоминают своих учителей поименно, воспроизводят яркие детали, подробные характеристики.

Во многих работах Д. С. Лихачев рассказывает о своих педагогах. Вспоминая Леонида Владимировича Георга, лучшего из учителей словесности, бывших подлинными «властителями дум» своих учеников и учениц, которые окружали их то серьезной любовью, то девчоночьим обожанием, он пишет: «Леонид Владимирович обладал всеми качествами идеального педагога. Он был разносторонне талантлив, умен, остроумен, находчив, всегда ровен в общении, красив внешне, обладал задатками актера, умел понимать молодежь и находить педагогические выходы в самых иногда затруднительных для воспитания положениях»¹.

Что служит питательной средой для формирования таких педагогов? Конечно, университет, запросы, ожидания (как принято теперь говорить — вызовы) времени, общества.

¹ Лихачев Д. С. Земля родная: кн. для учащихся. М., 1983. С. 35.

Но не менее важно — в какой школе, гимназии работают педагоги, каковы ожидания коллег, администрации.

Лучше всех охарактеризовал эти детерминанты в своем прощальном письме тридцатипятилетний Д. В. Ройтман незадолго до своей кончины: «Нигде, кроме гимназии Мая, не встречал я столько сочувственного понимания и искреннего желания успеха всякому доброму педагогическому начинанию; нигде, кроме гимназии Мая, не видел я такой светлой бескорыстной дружеской радости по поводу каждого достигнутого мною успеха. Нигде, кроме гимназии Мая, не наблюдал такой еще превосходной питательной среды для созревания всякой доброй педагогической идеи. Да живет же и да процветает гимназия Мая! Пусть искреннее искание добра и правды, неустанный труд, неугасимый огонь идеала, взаимное доброжелательство, поддержка и стойкая дружная работа ее сотрудников ведут ее, как и

прежде, по пути совершенства, обеспечивая ей долгую, славную педагогическую жизнь...»¹.

Соглашаясь с Д. С. Лихачевым, что образованность и высокое интеллектуальное развитие суть естественные состояния человека, может быть, следует внимательнее вчитаться в его понимание национального идеала и национального характера: «Идеал не всегда совпадает с действительностью... Но национальный идеал тем не менее очень важен. Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу...»².

Устремленность в будущее — главная ценность образования. Так, может быть, позволительно как одну из характеристик национальной идеи, столь страстно и столь же малоуспешно искомой сегодня, рассматривать образованность, а образование и школу принимать как значимые факторы ее формирования?

М. Н. ФРОЛОВСКАЯ,

доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета,
кандидат педагогических наук (Барнаул)

ОТ ПРЕДМЕТА — К ЧЕЛОВЕКУ: ОПЫТ ГУМАНИТАРНОЙ ПРАКТИКИ³

*Чтобы увидеть смысл,
надо заглянуть внутрь человека.*

Ю. М. Лотман

В реальном педагогическом процессе взаимодействуют не учитель и ученик, не воспитатель и воспитанник (это их социальные роли, функции), а живые люди, которых образование свело друг с другом. Что же касается социальной роли учителя и ученика, то она не является жесткой, раз и навсегда закрепленной за каждым из них. В *обучении*, которое рассматривается как обращение к духовному опыту Другого и своему собственному, учатся оба: и учитель, и ученик. Более того, учитель развивается профессионально и лично до тех пор, пока учится, в первую очередь, у своих учеников. Эту позицию взрослого в педагогическом процессе определил Я. А. Коменский во введении к «Великой дидактике»: «Вы (дети) даны нам в учителя».

Такая установка на взаимодействие «учитель–ученик» является фундаментальным условием построения образовательного процесса как гуманитарной практики. Проблема взаимодействия чрезвычайно актуальна, так как взаимная связь в повседневной школьной жизни постоянно нарушается или совсем от-

сутствует. Взаимодействие участников образовательного процесса — это изменение системы отношений и действий между ними, ориентированных на Другого. Только в таком случае возможно приблизиться к гуманитарной организации процессов обучения и воспитания.

Гуманитаризация современного образования является одной из сильнейших тенденций его развития. В русле этой тенденции модернизируется российская школа, предполагающая учителя, который ориентирован на диалог с учащимися и коллегами (Г. С. Батищев, М. М. Бахтин, В. С. Библер, В. П. Зинченко и др.), способен быть понятым Другим и понять Другого. В такой школе педагогический процесс строится на базе другодоминантности, диалогичности, рефлексивности, метафоричности, понимания. Эти же принципы являются основой стиля нового педагогического мышления (Ю. В. Сенько). Следование этим принципам открывает новые возможности развить взаимодействие «учитель–ученик», внести

¹ Лихачев Д. С. Школа на Васильевском / Д. С. Лихачев, Н. В. Благово, Е. Б. Белодубровский. М., 1990. С. 77.

² Лихачев Д. С. Земля родная: кн. для учащихся. М., 1983. С. 77–78.

³ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант № 06-06 00196а).

в него гуманитарные основания. При этом социально-ролевое воздействие учителя на ученика и ученика на учителя заменяется их личностным взаимодействием. Развитие такого взаимодействия видится в движении от объяснения к пониманию, от монолога к диалогу, от значения к смыслу, от предмета к человеку. Организовать это движение способен педагог, интеллигентность которого, по мнению Д. С. Лихачева, «проявляется не только в знаниях, а в способности понимать другого».

В ходе понимания друг друга и предметного содержания, которое свело учителя и ученика, вероятнее всего, произойдет доопределение, саморазвитие каждого из участников педагогического процесса. Переосмысливая свою деятельность с точки зрения деятельности ученика и взаимодействия с ним, учитель создает условия для самореализации, для возникновения отношений сотрудничества в достижении общих целей, взаимного учения и сотворчества. Каковы же условия развития взаимодействия «учитель–ученик»?

Одно из них — взаимодействие на уровне рождения общей цели деятельности. Чтобы ученик сформулировал цель и присвоил ее, необходимо создать ситуацию, в которой он, опираясь на имеющийся опыт, обнаружит дефицит знаний, способностей. Только в этом случае цель для него приобретает личностный смысл.

Решение проблемы личностного развития участников образовательного процесса требует от учителя особого отбора учебного материала, постоянного обращения к существующему опыту школьника как опыту его собственной жизнедеятельности. Опыт этот необходимо подвести под научные обоснования, носителем которых является учитель. Учитель, его знания и опыт становятся средством и условием развития. Самоопределение учителя в педагогической деятельности является условием самоопределения и саморазвития ученика. Двусторонний процесс предполагает взаимодействие учителя и ученика как обмен опытом познания.

Выбор учителем методов и приемов — тоже непростая проблема. Все чаще педагоги останавливают выбор на методах и приемах, способствующих организации активного образовательного процесса. Это проблемные вопросы и задания, дебаты, диалоги, реконструкция исторической эпохи, ассоциативное вхождение в тему занятия, «мозговой штурм», перевод на разные языки культуры.

Среди гуманитарных образовательных практик гимназии № 123 г. Барнаула — создание ситуаций понимания в работе с научными понятиями на уроках. Язык науки усложняется с каждым годом, научное содержание учебных

предметов меняется очень быстро. За время обучения в школе (да и в дальнейшей учебной деятельности) невозможно «запомнить» понятия, даже представленные только в стандартах. Возникает необходимость создания ситуаций не столько объяснения и запоминания, сколько понимания и обнаружения собственных смыслов.

Учителя стали больше обращать внимание на аффективную подструктуру личности школьников. Строить определения, открывать понятия помогают опора на жизненный опыт, рождение метафор. Образное и теоретическое мышление в гармоничном дополнении приводят к осмысленному, глубокому освоению предметного содержания. Ассоциации и помещению понятия в исторический контекст позволяют увидеть аналогии и использовать другие учебные предметы. Ребята (вместе с педагогами) сочиняют синквейны, организуют имитационные игры, на которых представляют различные научные позиции, создают сложные названия органических соединений, опираясь на знание структуры слова (из уроков русского языка) и наполняя структуру научным химическим содержанием. Подходят к осмыслению математических понятий через понимание соотношения родового и видового.

Развитие взаимодействия «учитель–ученик» связано с поиском педагогом такой совместности, которая позволяет порождать множество разных смыслов деятельности. Традиционно посредником между миром культуры и миром ученика считается учитель. Интересно отметить, что в ходе реализации гуманитарных практик роль посредника между культурой и учителем берет на себя ученик. Учитель с помощью учащихся и коллег попадает в ситуацию переосмысления собственной позиции, смещения с предметной рефлексии на методологию, личностные отношения. Особенно ярко это проявляется в ходе работы над совместным проектом.

Для учителей и учащихся гимназии проект оказался конкретным практическим делом. Первые проекты гимназии были ориентированы на познание другой культуры, другого человека, в результате оказалось, что через Другого каждый приблизился к пониманию себя. Родился не только «вещный» текст (оформленное содержание проекта), но, главное — новым содержанием наполнились взаимоотношения «учитель–ученик». Учитель учился у своих учеников, они вместе находили смыслы в культуре и в самих себе. Разрушены барьеры — предметоцентризм, патерналистская позиция учителя.

Организация «встреч поколений», обращение людей друг к другу, создание ситуаций

понимания, обнаружения смысла позволяют каждому участнику педагогического процесса выстраивать собственный образ в культуре.

Во взаимодействии представлены две стороны отношения «учитель–ученик»: выразить, воспроизвести содержание образования в себе и для Другого; выразить, воспроизвести себя для себя и для Другого. Если первая сторона выступает предпосылкой теоретического отношения к Другому, то вторая сторона является предпосылкой духовно-практического отношения, отношения личностной обращенности, сопричастности, диалогичности, понимания.

В деятельности коллектива гимназии № 123 заметно устойчивое изменение ориентации учителей — от предметной к смысловой. Большинство педагогов способны занять субъектную позицию по отношению к ребенку, готовы вести с ним диалог и сделать образовательный процесс личностно значимым для учащегося. Такие учителя способны к сотворчеству. Учитель, опирающийся на собственный опыт и опыт ученика, теоретическую подготовку, безмерность отношений «я и Другой», может организовывать педагогический процесс как гуманитарную практику, как встречу с учащимися в духовном мире.

Е. Р. ЯДРОВСКАЯ,

доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)

ТВОРЧЕСКИЕ РАБОТЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ КАК ПУТЬ СОПРЯЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ДИАЛОГА ЧИТАТЕЛЯ

Размышляя о сегодняшнем состоянии общества, замечательный русский ученый, наш современник С. Аверинцев сказал, что испытывает сильнейшую ностальгию по тому состоянию человека как типа, «когда все в человеческом мире что-то значило или, в худшем случае, хотя бы хотело, пыталось, должно было значить; когда возможно было *«значительное»* (выделено автором). Именно исчезновение значительного — важного, необходимого, не только того, ради чего живем и во имя чего творим (это исчезло несколько раньше), но исчезновение значительности, значимости всего происходящего, — предельно обостряет проблему «как жить дальше». «В том-то и ужас, что сегодня люди могут сколько угодно убивать и умирать — и, сколько бы ни было жертв, это все равно ничего не будет значить. Объективно не будет», — утверждает Аверинцев.

Ученый полагает, что если еще недавние разговоры о последних временах, о конце света придавали осмысленность самой жизни, то теперь наступило ничего.

За полвека в нашей стране не раз менялись правители и режимы, то усиливалась, то ослабевала, а затем и вовсе исчезла цензура, но любое десятилетие, любая страна (СССР, Россия), любая эпоха ставит человека в ситуацию выбора, и никакой, даже самый комфортный, быт не отменяет вечных вопросов бытия, которые существуют, пока в человеке жива так называемая «внутренняя цензура» — совесть, искренность, сопротивление компромиссу. Искания предшествен-

ников не отменяют насущной необходимости каждому поколению искать свой путь, смысл бытия, себя.

Дмитрий Сергеевич Лихачев для меня прежде всего является символом сопряжения в реальной жизни внешнего и внутреннего диалога, слова и дела. Именно это, думаю, и делает его человеком исключительным, особенным, человеком, которому веришь.

В эпоху, которую в искусстве обозначили как «постмодернизм», все постепенно утрачивает смысл, значимость.

«Формулой сегодняшнего дня», найденной за современников, называет Аверинцев строчки И. Бродского:

Это хуже, чем грохот
И знаменитый всхлип.
Это хуже, чем детям сделанное «бо-бо»,
Потому что за этим не следует ничего.

«Все утекает, ничто неповторимо: значит, все исключительно важно», — утверждал в прошлом веке А. А. Ухтомский. О высоких идеалах служения Отечеству, об идеалах святой дружбы и возвышенной любви, созданных Пушкиным, «гением возвышения», писал Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Что же нам важно сегодня, чем заменились ушедшие идеалы, что не подверглось разрушительной иронии?

В юбилейный год Лихачева во всех школах проходят лихачевские уроки. Глубоко убеждена в том, что эпизодическое обращение к личности великого современника мало повлияет на духовно-нравственный климат

сегодняшней школы, ведь сама по себе информированность в сфере гуманитарного знания далеко не всегда ведет к нравственному поступку.

Мне кажется, учителю необходимо прежде всего самому приобщиться к той нравственной и духовной высоте, которая была присуща всему, что делал и говорил наш великий современник. В противном случае мы лишь декларируем идеи Лихачева.

Ни в коей мере не отвергая разные формы приобщения к наследию Дмитрия Сергеевича Лихачева, я хотела бы все же немного поделиться тем, как на уроках литературы, в ходе общения с художественным текстом у учащегося формируется личная ответственность и сопричастность всему, что происходит в жизни, ведь литература как никакой другой предмет «пробуждает чувства добрые» — не воспитывает, не призывает...

Ответственность бытию, сопряжение внешнего и внутреннего диалога — вот что сегодня самое сложное как для учителя, так и для ученика, вот главная проблема современности. Искусство по природе своей нравственно и гуманно. В какой же мере чаще всего мы используем этот мощнейший потенциал? Как, каким образом мы держим ответ за все то, «что поняли и прочувствовали в произведении искусства»? Об этом писал М. Бахтин, творческим поведением называл это М. Пришвин, именно этой идеей нравственного сопряжения образованности и поведения, слова и дела проникнуты труды Лихачева о русской культуре.

Творческие работы по литературе, с нашей точки зрения, дают уникальную возможность формирования и развития диалогического пространства личности ученика, что способствует углублению рефлексии. Создание системы диалога учащегося с художественным произведением, автором и самим собой — есть предмет и цель моей учительской практики и научной работы. Этот путь ученика — от сочинения сказок, лимериков, хокку, проповедей и обращений к современникам до сочинения эссе, в которых затрагиваются важнейшие проблемы бытия, ставшие для ученика личными, — видится мне как путь овладения умением чувствовать, слышать, ответствовать бытию.

Для чего наши ученики пишут сочинения? Для того чтобы научиться их писать? А для чего тогда нужно научиться писать? Сочинение — приведение мыслей и чувств в порядок. Сочинение по литературе — творческая работа ученика, стимулом к которой становятся литературные и жизненные впечатления, — это возможность включиться в диалог с «гениальными» собеседниками, реализовать

то, для чего и предназначено произведение искусства, — ответить. Без этого ответа мир искусства остается немым для человека, то есть несуществующим, чем-то вроде десерта для гурманов, а не хлебом насущным для каждого из нас.

Что, по-моему, должно объединять автора произведения искусства и автора школьного сочинения? Желание собеседничества: от робкой попытки вступить в диалог до невозможности молчать, духовной жажды. И об этом уже так много сказано русскими философами. Думаю, мы совершаем большую ошибку, не включая философию в пространство наших методических поисков. А ведь если нет этого стимула к работе — ничего не получится: люди пишут из желания быть услышанными и понятыми, изначально веря в особую силу написанного слова. И школьное сочинение без этого теряет смысл. Где и когда нашему ученику доведется еще письменно излагать свои мысли и чувства, вступая в диалог с Пушкиным и Чеховым, Толстым и Достоевским, Лермонтовым и Окуджавой, Бахтиным и Лихачевым? Спорить со взрослыми, с собой, с миром?

Что остается после штампованных полусписанных школьных работ? Полная дискредитация Слова и профанация Дела. Что дает сочинение-диалог? Личностную интерпретацию художественного произведения, в процессе работы над которой и формируется личность ученика.

Не обсуждать написанные работы — все равно что не отвечать на письма. Поэтому крайне необходимо анализировать работы в классе, отмечать интересные и глубокие мысли, поощрять умение ученика тонко чувствовать текст, эмоционально откликаться на произведение — вместе радоваться маленьким открытиям в себе и в искусстве.

Понимание всегда есть интерпретация, то есть привнесение себя в тот материал, который мы пытаемся истолковать. И школьное сочинение в этом смысле — возможность для ученика письменно выразить свою читательскую интерпретацию, которая в конечном счете и является, по представлениям современной методики (В. Г. Маранцман), целью школьного анализа художественного текста.

Приведу лишь маленькие примеры. Первая встреча с «чужими» десятиклассниками. Пришла «с Окуджавой» — рассказывала, слушали, пели — диалог состоялся.

После уроков в сочинениях-эссе «Читая и слушая Булата Окуджаву» ребятам необходимо было выразить себя через свое отношение к творчеству поэта, быть может, обнаружив в себе обновленный мир: добрый, открытый, искренний.

А в некоторых работах получилось так:

«“Полночный троллейбус” продолжает тему доброты и отзывчивости».

«Булат Окуджава простой человек, который хочет поделиться с людьми своей точкой зрения на мир».

«В своих произведениях поэт выявляет актуальные проблемы...»

«Все стихотворения этого поэта из народа и для народа — энциклопедия гуманизма».

«...Отдадим дань великому поэту...»

Конечно, подобные клише можно классифицировать как обычные для школьного сочинения стилистические и речевые ошибки. Привычно сортируя и маркируя речевые недочеты учащихся, допущенные ими в школьных сочинениях, задумываемся ли об их истинных причинах?

Вы думаете, списали? Нет. Просто сработала инерция привычки так писать, себя не вписывая вовсе или вписывая с опаской, *закрывающая двери*. Готовые формулы «великий русский», «учит жизни», обильно разбавленные «анализом» тропов (не произведения и жизни!), легко и привычно заполнили необходимые объемы. Чужая интонация вовсе не об Окуджаве, о ком-то безликом: безличное о безличном.

И сквозь эти чужие ритмы осторожно пробивались собственные голоса: *«Окуджаву нельзя просто читать, к его стихам нужно бережно прикасаться, нужно думать и чувствовать»*, *«его стихи несут в себе какую-то невысказанную печаль»*, *«у Окуджавы был редкий, необыкновенный дар собеседничества»*, *«мое любимое стихотворение...»*, *«в нашем мире осталось так мало места для романтики и настоящих чувств»*, *«я все больше думаю над тем, что, может, нет ни у кого права судить»...*

После повторного обращения к текстам и живой беседы, после «снятия» масок-штампов и установки на свободное самовыражение изменился стиль работ, глубина осмысления текста. Как тут не вспомнить самого Окуджаву:

Мгновенно слово. Короток век.

Где ж уместается человек?

Где, и когда, и в какой глуши

распускаются розы его души?

И вот отрывок из сочинения ученицы Юлии Петербургской: «Как же так получается, что стихи и песни Окуджавы, на первый взгляд кажущиеся такими простыми, таят в себе глубокий смысл? И смысл этот понятен человеку, у которого есть душа, то есть для которого важно духовное воспитание. Окуджава пел о вечном — о душе, о любви, о надежде и вере. Такой и должна быть поэзия — мило-

сердной и сострадательной, сдержанной и мелодически точной».

Как поразительно точно в этой последней фразе школьного сочинения отразилось истинное предназначение искусства — слышать музыку своего времени, а если ритмы вселенной сбились — создавать мелодию, без которой не может выжить в мире человеческая душа.

А потом произошло чудо — им не хотелось расставаться. Они пели Окуджаву и делились своими чувствами. Ощущение духовного единства и братства охватило всех. Зажгли свечи и еще долго-долго говорили «обо всем» и особенно благодарили за «Открытие Окуджавы» и за открытие самих себя. Этот запас признаний современных юношей и девушек в любви к литературе согревает мою учительскую жизнь.

А вот иная тональность размышления — сочинение в стиле Михаила Жванецкого, сатирика-философа наших дней.

Нормально живем

Говорят, плохо живем. Нет, нормально живем. Деды наши так жили, и дети так же мучиться будут. А что делать?

Живи как можешь. Если рожден ползать — ползай, рожден летать — летай, не знаешь, что делать — подожди, вдруг само придет. И не надо спешить. Все беды от спешки. Спешим ужасно — тут недосматривая, там недодумывая, здесь недобельвая. И всегда через тернии к звездам, хотя где эти звезды, никогда точно не знаем. А как иначе? Как иначе, когда жить так, как хочется — не получается, а так жить, как получается — не хочется. И что дальше? Лечь и спокойно умереть? Да никогда! Стать покорным судьбе? Да не дождетесь. Начать новую жизнь? Можно, но зачем, когда еще в этой мы что-то недодумали, недоглядели, недоделали.

А разве в этой жизни мало хорошего? Оно есть, просто под слоем всего плохого, которое вечно на поверхности, хорошее не всегда разглядишь, оно где-то глубже. Но оно же есть!

Вы живы? Если да, то еще не все потеряно, если нет — то вам уже нечего терять и вы можете жить дальше в свое удовольствие. Вам этого мало? Простите, а как же дети? Ведь это чуть ли не последние цветы, которые мы еще в состоянии дарить женщинам. За ними будущее! И наши дети должны обязательно жить лучше, чем мы!

Так еще наши деды думали.

(Иванов Василий)

По моему глубокому убеждению, главный урок Лихачева заключается именно в том,

чтобы стремиться сопрягать в себе пережитое в искусстве с реальным повседневным поведением, а это невероятно трудно, поскольку требует постоянного духовного напряжения.

Безусловно, речь может идти лишь об опосредованном во времени и пространстве влиянии произведения искусства на личность учащегося.

В век, когда все распадается — от государства до семьи, когда даже штампы уже перестали быть пародией, когда слово утра-

чивает всякий смысл, именно подлинное искусство и культура помогают сохранить нам внутреннюю цельность.

Занятия с детьми, анализ творческих работ вселяют в меня веру в то, что у нас подрастает думающее, чувствующее поколение, достойное как памяти предков, так и славы современников. «Чувства добрые» необходимо в них только пробудить. И это для каждого из нас, учителей, есть тоже очень важный урок Лихачева.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов С. Р. 137
Абрамов В. К. 199
Авксентьев В. А. 200
Адищев В. И. 76
Акаев А. А. 11, 61, 202
Александрова Н. М. 77
Алексеева М. Б. 244
Амонашвили Ш. А. 11, 328
Андреева Ю. В. 79
Артановский С. Н. 80, 203
Асоян А. А. 139
Атаманчук Г. В. 205
Афанасьев В. В. 207
Багдасарова А. Б. 82
Бальсевич В. К. 83
Безносков С. П. 246
Белозеров Б. П. 248
Белоус В. И. 210
Бибииков М. В. 211
Бирженюк Г. М. 85
Боголюбов С. А. 250
Большаков А. С. 86
Быстров И. Е. 88
Веденин Ю. А. 141
Вобликов В. Ю. 252
Воробьев В. К. 254
Воробьева И. Г. 214
Галактионова Т. Г. 330
Галицких Е. О. 333
Гишинский Я. И. 255
Глотов М. Б. 90
Глушаков А. Ю. 257
Гоголь А. А. 92
Горшкова В. В. 93
Гранин Д. А. 11, 15
Гринев А. В. 215
Гриценко Г. Д. 259
Гусейнов А. А. 30
Давыдов Ю. С. 11, 12, 57, 95
Дианова В. М. 64, 67
Динес В. А. 99
Добрева В. 11, 61
Довбуш Т. Н. 260
Дончева-Панайотова Н. А. 218
Елизарова Л. Е. 191
Еремин А. В. 263
Забелина Н. Н. 100
Заболотский В. П. 197
Запесоцкий А. С. 11, 13, 45, 64, 65, 69, 71, 74
Зборовский Г. Е. 102
Зябкин А. И. 265
Иванова С. Ю. 147
Иванова Н. Л. 219
Иванова Ю. В. 266
Игбаева Г. Р. 267
Иезуитова Р. В. 149
Иконникова С. Н. 64, 70, 220
Ильичев А. В. 153
Илюхина В. А. 268
Исаев Н. А. 272
Йовчева М. 156
Кабанов М. М. 335
Каландаришвили З. Н. 275
Канева К. 336
Карнаушенко Л. В. 277
Карп С. Я. 221
Карулина Т. Б. 223
Катъшева Д. Н. 157
Каширин В. И. 279
Каширина О. В. 103
Кибальник С. А. 159
Киличенкова М. А. 319
Клементьев Б. Г. 11, 63
Князева Ж. В. 224
Кобылянский В. А. 160
Колодкин А. Л. 280
Кольчева З. И. 104
Копелев Д. Н. 226
Краевский В. В. 107
Куделин А. Б. 12, 162
Кузин О. С. 11, 58
Кузнецов А. В. 64, 72
Кузнецов Л. А. 109
Кутузов А. Г. 64, 73, 110
Кызласов И. Л. 228
Лавров В. Е. 11, 63
Ларьков С. М. 164
Лашманова Н. В. 86
Лебедев О. Е. 12, 338
Лебедева В. Г. 229
Лиханов А. А. 11, 12, 36, 64, 68
Лобанов Н. А. 113
Лобок Д. В. 281
Лубышева Л. И. 83
Лукичев Ю. А. 285
Лукьянин В. П. 64, 72, 114
Лукьянов Ф. А. 11, 64, 67
Лукьянов В. Г. 231
Лысакова И. П. 166
Львов Д. С. 24
Макаров Е. И. 55
Мартинovich Г. А. 167
Мартынова М. В. 340
Микрюков В. В. 115
Милтенова А. 11, 170
Мироненко И. А. 116
Михайлов В. И. 118
Мищенко А. С. 286
Морозова М. Ю. 233

- Морозова Е. Я. 287
Мосейко А. Н. 235
Мосолова Л. М. 121
Мотышина М. С. 288
Мутья Н. Н. 237
Мухаметзянова Г. В. 123
Мягкова С. Н. 125
Набокина М. А. 343
Назаренко П. А. 290
Петренко В. Ф. 12, 64, 70, 172
Пивоваров Б. И. 345
Пиотровский М. Б. 11, 18
Погостинская Н. Н. 291
Померанцев В. М. 127
Рахимбекова А. К. 174
Резник Г. М. 11, 59, 64, 65, 74, 293
Ривман Д. В. 294
Ромашов Р. А. 295
Рубинштейн А. Я. 12, 303
Русакова О. Ф. 176
Русановский В. А. 99
Рыжов Ю. А. 11, 12, 64, 65
Рыхлова В. Н. 346
Сатаров Г. А. 11, 64, 66, 73, 74
Селитрина Т. Л. 177
Сенько Ю. В. 12, 64, 70, 129
Сеславинский М. В. 33
Сиднева Т. Б. 179
Силласте Г. Г. 64, 68
Скиба А. И. 131
Смирнов Е. И. 207
Смирнов А. В. 309
Смирнов И. Б. 351
Согрин В. В. 12, 64, 69
Старкова Г. И. 182
Стремоухов А. В. 310
Султыгов М. М. 314
Такижбаева Н. З. 184
Тихонова Э. Д. 315
Торосян В. Г. 132
Тощенко Ж. Т. 40
Тропп Э. А. 55
Угрюмов В. Б. 12, 63
Успенская А. В. 185
Федоров А. П. 316
Фейгин Г. Ф. 318
Филатова А. И. 187
Фоминых С. И. 88
Фомичева Л. К. 352
Фроловская М. Н. 355
Хитарова Э. Й. 189
Хлынина Т. П. 239
Холодкова Л. А. 191
Царев В. П. 88
Циммерман А. Л. 319
Чельшева О. В. 321
Черешнев В. А. 12, 56
Чернолес В. П. 191
Честнов И. Л. 323
Чуров В. Е. 12, 64, 71
Шадже А. Ю. 193
Шор Ю. М. 194
Шукшина Е. Г. 295
Шульгин П. М. 141
Эган-Мэтью М. К. 12, 196
Юдин Б. Г. 12, 64, 73, 134
Юсупов Р. М. 197
Ядровская Е. Р. 357
Яковенко А. В. 12, 20, 60
Яковец Ю. В. 135
Якутин Ю. В. 326
Яновский Р. Г. 12, 242

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ Д. С. ЛИХАЧЕВА»	3
УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «О ПРАЗДНОВАНИИ 100-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА»	4
ПРИВЕТСТВИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	5
ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ VI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	6
Пленарное заседание	
ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	
СОСТАВ ПРЕЗИДИУМА VI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ	11
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ОРГКОМИТЕТА VI МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, член-корреспондент РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ	13
ДОКЛАДЫ	
Д. А. ГРАНИН, член Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, Почетный гражданин Санкт-Петербурга, Почетный доктор СПбГУП, писатель УРОКИ ЛИХАЧЕВА	15
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ, член-корреспондент РАН, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, директор Государственного Эрмитажа КУЛЬТУРА ДОЛЖНА ОБЪЕДИНЯТЬ ЛЮДЕЙ	18
А. В. ЯКОВЕНКО, заместитель министра иностранных дел РФ РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	20
Д. С. ЛЬВОВ, академик РАН, советник Президиума РАН, главный редактор журнала «Экономическая наука современной России» ЭКОНОМИКА И ЖИЗНЕННЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА	24
А. А. ГУСЕЙНОВ, академик РАН, директор Института философии РАН, доктор философских наук, профессор ВОЗМОЖНА ЛИ МОРАЛЬ, НЕЗАВИСИМАЯ ОТ РЕЛИГИИ?	30
М. В. СЕСЛАВИНСКИЙ, руководитель Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям КУЛЬТУРА И СМИ	33
А. А. ЛИХАНОВ, академик РАО, президент Международной ассоциации детских фондов, председатель Российского детского фонда, писатель ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО	36

Ж. Т. ТОЩЕНКО, член-корреспондент РАН, декан социологического факультета, заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», доктор филологических наук, профессор (Москва)	
ФАНТОМЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ	40
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ, член-корреспондент РАН, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, ректор СПбГУП, доктор культурологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ	
Д. С. ЛИХАЧЕВ — ВЫДАЮЩИЙСЯ ГРАЖДАНИН, ПРОСВЕТИТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ	45
ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПРИВЕТСТВИЯ	
Е. И. МАКАРОВ, помощник Полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе РФ	
РЕНЕССАНС РУССКОГО ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ	55
Э. А. ТРОПП, главный ученый секретарь Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, доктор физико-математических наук, профессор	
ФОРУМ, ДОСТОЙНЫЙ ИМЕНИ ВЕЛИКОГО УЧЕНОГО	55
В. А. ЧЕРЕШНЕВ, академик РАН, председатель Уральского отделения РАН, директор Института экологии и генетики микроорганизмов Пермского научного центра Уральского отделения РАН, доктор медицинских наук, профессор	
ДОЛГ УЧЕНОГО И ГРАЖДАНСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ	56
Ю. С. ДАВИДОВ, академик РАН, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук	
ОБРАЗОВАНИЕ КАК ПРОТИВОЯДИЕ НЕВЕЖЕСТВУ, КУЛЬТУРА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ	57
О. С. КУЗИН, главный редактор газеты «Трибуна»	
ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ ДОЛЖНА ПРОДОЛЖАТЬСЯ	58
Г. М. РЕЗНИК, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист РФ	
«РОССИИ НАДО ОПРЕДЕЛЯТЬСЯ»	59
А. В. ЯКОВЕНКО, заместитель министра иностранных дел РФ	
РОССИЯ ЗА СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ВО ВСЕМ МИРЕ	60
В. ДОБРЕВА, первый заместитель министра науки и образования Республики Болгария	
ПРАЗДНИК ДУХОВНОСТИ	61
А. А. АКАЕВ, Почетный академик РАН, академик Академии наук Республики Кыргызстан, первый Президент Республики Кыргызстан	
ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ КАК СРЕДСТВО ДУХОВНОГО ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ	61
Б. Г. КЛЕМЕНТЬЕВ, главный редактор ООО «Известия — Санкт-Петербург»	
КУЛЬТУРА КАК СМЫСЛ ЖИЗНИ	63
В. Б. УГРЮМОВ, главный редактор регионального представительства ФГУ «Редакция "Российской газеты" в Санкт-Петербурге»	
ЛИХАЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ КАК ТРАДИЦИЯ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПЕТЕРБУРГСКОЙ КУЛЬТУРЫ	63

В. Е. ЛАВРОВ, генеральный директор ООО «Ксерокс (СНГ)» КУЛЬТУРА И СУБКУЛЬТУРЫ	63
--	----

Круглый стол
ДИАЛОГ КУЛЬТУР:
САМОБЫТНОСТЬ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ТОЛЕРАНТНОСТЬ

УЧАСТНИКИ	64
------------------------	----

Секция 1
ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО
РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА

В. И. АДИЩЕВ, заведующий кафедрой музыковедения и музыкальной педагогики Пермского государственного педагогического университета, кандидат педагогических наук, профессор МУЗЫКА В СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ: ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА	76
---	----

Н. М. АЛЕКСАНДРОВА, заместитель директора по научной работе Государственного научного учреждения «Институт профессионально-технического образования» РАО, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург) ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ РАБОЧИХ В КОНТЕКСТЕ КОПЕНГАГЕНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ	77
---	----

Ю. В. АНДРЕЕВА, доцент кафедры электронных СМИ Казанского государственного университета, кандидат психологических наук ПРИОРИТЕТНЫЕ СТРАТЕГИИ ГУМАНИЗАЦИИ ЖУРНАЛИСТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	79
---	----

С. Н. АРТАНОВСКИЙ, профессор кафедры теории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук МОЙ ОПЫТ РАБОТЫ С АСПИРАНТАМИ	80
--	----

А. Б. БАГДАСАРОВА, доцент Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА	82
--	----

В. К. БАЛЬСЕВИЧ, член-корреспондент РАО, профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, доктор биологических наук (Москва); Л. И. ЛУБЫШЕВА, профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, доктор педагогических наук (Москва) ЗДОРОВЬЕФОРМИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	83
--	----

Г. М. БИРЖЕНЮК, заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ ОБРАЗОВАНИЕ И КУЛЬТУРА: ПОИСКИ ГАРМОНИИ	85
---	----

А. С. БОЛЬШАКОВ, профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук; Н. В. ЛАШМАНОВА, заведующая кафедрой управления СПбГУП, доктор технических наук ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ	86
--	----

И. Е. БЫСТРОВ, начальник отдела информации, статистики и баз данных Федерального агентства по образованию, кандидат технических наук (Москва); С. И. ФОМИНЫХ, профессор Российского университета дружбы народов, Заслуженный работник высшей школы РФ (Москва); В. П. ЦАРЕВ, начальник контрольного отдела Федерального агентства по образованию, профессор Московского государственного технического университета «МАМИ»	
СКОЛЬКО ВУЗОВ ОПТИМАЛЬНО ДЛЯ РОССИИ	88
М. Б. ГЛОТОВ, заведующий кафедрой социологии и психологии Государственной полярной академии, доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург)	
ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ МИРЕ	90
А. А. ГОГОЛЬ, ректор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича, действительный член Международной академии наук высшей школы, Международной академии связи, Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ	
ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ	92
В. В. ГОРШКОВА, профессор кафедры социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук	
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	93
Ю. С. ДАВЫДОВ, академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук	
ВЛАСТЬ КУЛЬТУРЫ В УНИВЕРСИТЕТЕ	95
В. А. ДИНЕС, ректор Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор исторических наук, профессор; В. А. РУСАНОВСКИЙ, проректор по научной работе Саратовского государственного социально-экономического университета, доктор экономических наук, профессор	
НОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПАРАДИГМА ФОРМИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТА, АДЕКВАТНОГО СОВРЕМЕННОМУ РЫНКУ ТРУДА	99
Н. Н. ЗАБЕЛИНА, профессор кафедры философии Мурманского государственного технического университета, кандидат философских наук	
К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ И ГУМАНИТАРНОЙ КУЛЬТУР: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ	100
Г. Е. ЗБОРОВСКИЙ, декан социологического факультета, заведующий кафедрой социологии Гуманитарного университета г. Екатеринбурга, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ	
ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕХОДА К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ	102
О. В. КАШИРИНА, доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук	
СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯВЕДЕНИЕ: ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	103
З. И. КОЛЫЧЕВА, проректор по научной работе Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева, кандидат педагогических наук	
РОЛЬ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В СОХРАНЕНИИ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА	104

В. В. КРАЕВСКИЙ, академик РАО, главный научный сотрудник Института управления образованием РАО (Москва)	
«ГАМБУРГСКИЙ СЧЕТ» В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ	107
Л. А. КУЗНЕЦОВ, заведующий сектором Научно-исследовательского центра Ленинградского областного института развития образования, доцент	
Д. С. ЛИХАЧЕВ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	109
А. Г. КУТУЗОВ, ректор Московского гуманитарного педагогического института, доктор педагогических наук, профессор	
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ И ЦЕЛЯХ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	110
Н. А. ЛОБАНОВ, директор Научно-исследовательского института социально-экономических и педагогических проблем непрерывного образования Ленинградского государственного областного университета им. А. С. Пушкина, профессор	
НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ	113
В. П. ЛУКЬЯНИН, сопредседатель Союза российских писателей, писатель, литературный критик, кандидат философских наук, Заслуженный работник культуры РФ	
НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ЗНАНИЕ КАК «НЕОПОЗНАННЫЙ» КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ	114
В. В. МИКРЮКОВ, профессор кафедры управления СПбГУП, кандидат технических наук	
ИННОВАЦИОННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ВУЗОМ НА ОСНОВЕ МАРКЕТИНГА	115
И. А. МИРОНЕНКО, профессор кафедры социальной психологии СПбГУП, доктор психологических наук	
О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ	116
В. И. МИХАЙЛОВ, профессор кафедры управления СПбГУП, доктор технических наук	
СИСТЕМА АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КВАЛИФИКАЦИИ	118
Л. М. МОСОЛОВА, заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор искусствоведения, профессор (Санкт-Петербург)	
О КУЛЬТУРОЛОГИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ	121
Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА, академик РАО, директор Института среднего профессионального образования РАО, доктор педагогических наук, профессор (Казань)	
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ	123
С. Н. МЯГКОВА, профессор Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, главный редактор издательства «Физкультура и спорт» (Москва)	
ОПТИМИЗАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ ГУМАНИТАРНОГО ЦИКЛА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СПОРТИВНЫХ ВУЗОВ	125
В. М. ПОМЕРАНЦЕВ, профессор кафедры катализаторов Санкт-Петербургского государственного технологического университета, доктор химических наук	
РУССКИЙ ПРОЕКТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	127
Ю. В. СЕНЬКО, академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул)	
ГУМАНИТАРНЫЙ БАЗИС КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	129
А. И. СКИБА, старший научный сотрудник Государственного научного учреждения «Институт профессионального технического образования» РАО, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)	
НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	131

- В. Г. ТОРОСЯН,
профессор кафедры философии Кубанского государственного университета, доктор философских наук (Краснодар)
**МЕСТО ФИЛОСОФИИ В РЕАЛИЯХ И ПЕРСПЕКТИВАХ
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ** 132
- Б. Г. ЮДИН,
член-корреспондент РАН, заведующий отделом комплексных проблем изучения человека Института философии РАН,
главный редактор журнала «Человек», профессор (Москва)
**ЧЕЛОВЕК В МИРЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, НОВЫЕ УГРОЗЫ** 134
- Ю. В. ЯКОВЕЦ,
президент Международного института П. Сорокина — Н. Кондратьева,
профессор Российской академии государственной службы, доктор экономических наук (Москва)
ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ XXI ВЕКА 135
- Секция 2**
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
- С. Р. АБРАМОВ,
заведующий кафедрой английского языка СПбГУП, кандидат филологических наук
САКРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ 137
- А. А. АСОЯН,
профессор кафедры искусствovedения СПбГУП, доктор филологических наук
ПИФИЧЕСКИЕ ГОЛОСА В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА 139
- Ю. А. ВЕДЕНИН,
директор Российского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева,
доктор географических наук, профессор (Москва);
П. М. ШУЛЬГИН,
заместитель директора Российского института культурного и природного наследия
им. Д. С. Лихачева, кандидат экономических наук, профессор (Москва)
**ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ
УПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ** 141
- С. Ю. ИВАНОВА,
заведующая кафедрой социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета
ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 147
- Р. В. ИЕЗУИТОВА,
заместитель директора по научной работе Всероссийского музея А. С. Пушкина,
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
ЦАРСКИЕ САДЫ В ЛИРИКЕ А. С. ПУШКИНА И В. А. ЖУКОВСКОГО 149
- А. В. ИЛЬИЧЕВ,
заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук
ТРАГЕДИЯ А. С. ПУШКИНА «БОРИС ГОДУНОВ» И ЛЕТОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ 153
- М. ЙОВЧЕВА,
старший научный сотрудник Кирилло-Методиевского научного центра
Болгарской академии наук, доктор филологических наук (София, Болгария)
**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УРОКИ Д. С. ЛИХАЧЕВА
ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР** 156
- Д. Н. КАТЫШЕВА,
профессор кафедры искусствovedения СПбГУП, доктор искусствovedения, член Союза театральных деятелей РФ,
член Союза писателей РФ, Заслуженный деятель искусств России
ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РЕЖИССУРЫ В ЭКРАНИЗАЦИИ КЛАССИКИ 157
- С. А. КИБАЛЬНИК,
ведущий научный сотрудник Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом),
доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
СПОР О БЛАГОДАТИ (Русский экзистенциализм против блаженного Августина) 159

В. А. КОБЫЛЯНСКИЙ, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией по комплексному изучению человека Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук (Чита)	
МАРКС И ИЛЬИН: К ПРОБЛЕМЕ ГАРМОНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ	160
А. Б. КУДЕЛИН, академик РАН, директор Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов, доктор филологических наук, профессор (Москва)	
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	162
С. М. ЛАРЬКОВ, председатель Городской секции библиофилов Санкт-Петербурга	
Д. С. ЛИХАЧЕВ О РОЛИ КНИГИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	164
И. П. ЛЫСАКОВА, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор филологических наук (Санкт-Петербург)	
РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И ТОЛЕРАНТНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ ГОРОДА	166
Г. А. МАРТИНОВИЧ, профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	
БЫТОВОЕ ПОНЯТИЕ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА	167
А. МИЛТЕНОВА, профессор Института литературы Болгарской академии наук, председатель Совета болгаристики Болгарской академии наук, доктор филологических наук (София, Болгария)	
АКАДЕМИК Д. С. ЛИХАЧЕВ И СЛАВИСТИЧЕСКАЯ МЕДИЕВИСТИКА В XXI ВЕКЕ	170
В. Ф. ПЕТРЕНКО, член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики Московского государственного университета, доктор психологических наук, профессор	
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ	172
А. К. РАХИМБЕКОВА, доцент кафедры истории Евразийского университета им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан)	
КУЛЬТУРА КАЗАХСКОГО НАРОДА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	174
О. Ф. РУСАКОВА, заведующая отделом философии Института философии и права Уральского отделения РАН, доктор политических наук, профессор (Екатеринбург)	
ДИСКУРС НОВЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ РОССИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	176
Т. Л. СЕЛИТРИНА, заведующая кафедрой зарубежной литературы и страноведения Башкирского государственного педагогического университета, доктор филологических наук, профессор (Уфа)	
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУР КАК ФОРМА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОММУНИКАЦИЙ	177
Т. Б. СИДНЕВА, проректор по научной работе Нижегородской государственной консерватории, кандидат философских наук, профессор	
МУЗЫКА КАК ЯЗЫК ПОВСЕДНЕВНОСТИ	179
Г. И. СТАРКОВА, доцент кафедры издательского дела и редактирования Института социальных коммуникаций Удмуртского государственного университета (Ижевск)	
ДЕТСКАЯ И МОЛОДЕЖНАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	182

Н. З. ТАКИЖБАЕВА, доцент Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, кандидат исторических наук (Астана, Казахстан)	
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ И ИДЕОЛОГИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ (На примере Казахстана)	184
А. В. УСПЕНСКАЯ, профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	
РОМАН «ДА» И РОМАН «НЕТ»: О РОМАНАХ В. НАВОКОВА «ДАР» И «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»	185
А. И. ФИЛАТОВА, профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	
ИСТОРИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЕЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ НА СТРАНИЦАХ «ТРУДОВ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» ИРЛИ РАН (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)	187
Э. Й. ХИТАРОВА, доцент кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, кандидат педагогических наук	
ТЕКСТ КУЛЬТУРЫ ПУШКИНСКОГО ПЕТЕРБУРГА — ОСНОВА СОВРЕМЕННОГО КОММУНИКАЦИОННО-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА	189
Л. Е. ЕЛИЗАРОВА, старший научный сотрудник Военной академии связи, доктор педагогических наук (Санкт-Петербург);	
Л. А. ХОЛОДКОВА, научный сотрудник Бюро изобретательства и рационализации Военной академии связи, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург);	
В. П. ЧЕРНОЛЕС, начальник Бюро изобретательства и рационализации Военной академии связи, доктор педагогических наук (Санкт-Петербург)	
ИННОВАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА: СУЩНОСТЬ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ	191
А. Ю. ШАДЖЕ, заведующая лабораторией этнокультурных проблем Адыгейского государственного университета, профессор кафедры философии и социологии, доктор философских наук (Майкоп)	
ГЛОБАЛИЗАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ	193
Ю. М. ШОР, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук	
ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ (ИНТУИЦИЯ КАК ФОРМА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ)	194
М. К. ЭТАН-МЭТЬЮ, директор Отдела исследований Национального центра научных исследований (Париж, Франция)	
МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР — «ПАНТЕОН» НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР	196
Р. М. ЮСУПОВ, директор Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН, доктор технических наук;	
В. П. ЗАБОЛОТСКИЙ, руководитель исследовательской группы Санкт-Петербургского института информатики и автоматизации РАН, доктор технических наук	
О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТИКИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	197
Секция 3	
РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР	
В. К. АБРАМОВ, заведующий кафедрой новейшей истории народов России Мордовского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Саранск)	
М. Е. ЕВСЕВЬЕВ И НАЧАЛО РУССКО-МОРДОВСКОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	199

В. А. АВКСЕНТЬЕВ, заведующий отделом политических проблем Кавказа Южного научного центра РАН, член редколлегии журнала «Конфликтология», доктор философских наук, профессор (Ставрополь)	
ТОЛЕРАНТНОСТЬ И КУЛЬТУРА КОНФЛИКТА В РОССИИ	200
А. А. АКАЕВ, Почетный академик РАН, академик Академии наук Республики Кыргызстан, первый Президент Республики Кыргызстан	
РОЛЬ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ И РУССКОГО ЯЗЫКА В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	202
С. Н. АРТАНОВСКИЙ, профессор кафедры теории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук	
РОДИНА КАК САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	203
Г. В. АТАМАНЧУК, профессор Московского государственного института международных отношений МИД РФ, доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ	
ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ	205
В. В. АФАНАСЬЕВ, ректор Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор;	
Е. И. СМИРНОВ, заведующий кафедрой математического анализа Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, доктор педагогических наук, профессор	
Д. С. ЛИХАЧЕВ И А. Н. КОЛМОГОРОВ — ВЕЛИКИЕ МЫСЛИТЕЛИ XX ВЕКА	207
В. И. БЕЛОУС, заведующий кафедрой современной отечественной истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор исторических наук, профессор	
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ КУЛЬТУР В РОССИИ XX И НАЧАЛА XXI ВЕКА	210
М. В. БИБИКОВ, заместитель директора Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук (Москва)	
ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ НА РУСИ: ТРАДИЦИИ И РЕЦЕПЦИЯ	211
И. Г. ВОРОБЬЕВА, профессор кафедры истории Тверского государственного университета, доктор исторических наук	
РОССИЯ И СЕРБИЯ: К ИСТОРИИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ	214
А. В. ГРИНЕВ, профессор кафедры истории СПбГУП, доктор исторических наук	
КУЛЬТУРНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ РУССКИХ У ТУЗЕМЦЕВ АЛЯСКИ В XVIII–XIX ВЕКАХ	215
Н. А. ДОНЧЕВА-ПАНАЙОТОВА, профессор кафедры болгарской литературы Великотырновского университета им. св. Кирилла и Мефодия, доктор филологических наук (Велико Тырново, Болгария)	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР МЕЖДУ ЮЖНЫМИ И ВОСТОЧНЫМИ СЛАВЯНАМИ В СРЕДНИЕ ВЕКА В ОЦЕНКЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА	218
Н. Л. ИВАНОВА, доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)	
ИСТОРИЯ МАЛОЙ РОДИНЫ — ДИАЛОГ ПОКОЛЕНИЙ (На материалах истории Сестрорецка)	219
С. Н. ИКОННИКОВА, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук, Заслуженный деятель науки РФ	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ДУХОВНЫЙ РЕСУРС ЦИВИЛИЗАЦИИ	220

- С. Я. КАРП,
ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН,
доктор исторических наук, профессор (Москва)
МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ
Д. ДИДРО И А. В. НАРЫШКИНА 221
- Т. Б. КАРУЛИНА,
доцент кафедры философско-исторических и социально-правовых наук Московского государственного
института стали и сплавов (Технический университет), кандидат философских наук
ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР:
ЗАПАД — РОССИЯ — ВОСТОК 223
- Ж. В. КНЯЗЕВА,
старший научный сотрудник Российского института истории искусств,
кандидат искусствоведения (Санкт-Петербург)
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ШВЕЙЦАРЕЦ ЖАК ГАНДШИН 224
- Д. Н. КОПЕЛЕВ,
доцент кафедры истории Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург)
«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПИРАТОВ» ФЕДОРА КАРЖАВИНА:
ГЕНЕЗИС И АТРИБУЦИЯ 226
- И. Л. КЫЗЛАСОВ,
заведующий группой средневековой археологии евразийских степей
Института археологии РАН, доктор исторических наук
ПРИСОЕДИНЕНИЕ СИБИРИ К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ
В СВЕТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР ЕВРАЗИИ 228
- В. Г. ЛЕБЕДЕВА,
декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургской государственной
лесотехнической академии им. С. М. Кирова, кандидат исторических наук, доцент
НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ ИЗ БУДУЩЕГО (Ранняя массовая культура
Европы в диалоге «Россия–Запад» — вторая половина XIX в.) 229
- В. Г. ЛУКЬЯНОВ,
профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук
СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР:
ИЗ НАСЛЕДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ 231
- М. Ю. МОРОЗОВА,
декан факультета экономики и менеджмента Ковровской государственной технологической академии
им. В. А. Дегтярева, доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ Д. С. ЛИХАЧЕВА 233
- А. Н. МОСЕЙКО,
старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований
Института Африки РАН, кандидат философских наук
РОССИЯ XX ВЕКА: РАСКОЛЫ КУЛЬТУРЫ (РЕАЛИИ, ОБРАЗЫ) 235
- Н. Н. МУТЯ,
доцент кафедры искусствоведения СПбГУП, кандидат искусствоведения
ТЕОРИЯ «МОСКВА — ТРЕТИЙ РИМ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА ... 237
- Т. П. ХЛЫНИНА,
ведущий научный сотрудник отдела истории Адыгейского республиканского института
гуманитарных исследований, доктор исторических наук (Майкоп)
ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У НАУКИ О ПРОШЛОМ 239
- Р. Г. ЯНОВСКИЙ,
член-корреспондент РАН, руководитель Центра социологии и национальной безопасности России
Института социально-политических исследований РАН, профессор
МАЛЫЕ ГОРОДА И СЕЛА РОССИИ: ПРИОРИТЕТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 242

Секция 4**ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ, ЭКОНОМИКИ, ПРАВА
В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

М. Б. АЛЕКСЕЕВА, заведующая кафедрой экономики СПбГУП, действительный член Международной академии информатизации систем и управления (МАИСУ), доктор экономических наук, профессор	
СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ НОВОГО КАЧЕСТВА РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА	244
С. П. БЕЗНОСОВ, профессор кафедры государственного права СПбГУП, доктор психологических наук	
КУЛЬТУРА ЮРИДИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	246
Б. П. БЕЛОЗЕРОВ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права СПбГУП, кандидат юридических наук, доктор исторических наук, профессор	
ИНТЕРНЕТ И КУЛЬТУРА	248
С. А. БОГОЛЮБОВ, заместитель председателя редколлегии Журнала российского права, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ	
КУЛЬТУРА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ	250
В. Ю. ВОБЛИКОВ, ведущий специалист научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии	
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО МЕХАНИЗМА ПО КОНТРОЛЮ ЗА ВЫБОРАМИ	252
В. К. ВОРОБЬЕВ, доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент	
ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ НА РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ	254
Я. И. ГИЛИНСКИЙ, декан юридического факультета Балтийского университета экономики и права, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)	
«ВСЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ РАЗУМНО»	255
А. Ю. ГЛУШАКОВ, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП, кандидат юридических наук	
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕЧИ ЮРИСТА	257
Г. Д. ГРИЦЕНКО, профессор кафедры политологии и социологии Ставропольского государственного университета, доктор философских наук	
ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАВОПОРЯДКА	259
Т. Н. ДОВБУШ, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права СПбГУП, кандидат юридических наук	
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	260
А. В. ЕРЕМИН, доцент кафедры теории и истории государства и права СПбГУП, кандидат исторических наук	
СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СУМПУАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	263
А. И. ЗЯБКИН, профессор кафедры государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ	
СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	265

- Ю. В. ИВАНОВА,
доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук
**СОСТОЯНИЕ РЫНКА ЖИЛЬЯ КАК ИНДИКАТОР РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ
ПРОВЕДЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ** 266
- Г. Р. ИГБАЕВА,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП, кандидат юридических наук
**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТРАХОВАНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ
КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ, ПРИ ИХ ВРЕМЕННОМ ВЫВОЗЕ** 267
- В. А. ИЛЮХИНА,
руководитель лаборатории физиологии состояний Института мозга человека РАН,
доктор биологических наук, профессор (Санкт-Петербург)
**ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ** 268
- Н. А. ИСАЕВ,
доцент кафедры уголовного права Орловского государственного университета, кандидат медицинских наук
**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К КУЛЬТУРАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКИМ
ИССЛЕДОВАНИЯМ ДЕВИАНТНЫХ И КРИМИНАЛЬНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ** 272
- З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ,
заместитель заведующего кафедрой теории и истории государства и права СПбГУП
по учебной работе, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук, доцент
**ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПОДХОДЫ
К СУЩНОСТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ФЕНОМЕНА «КУЛЬТУРА»** 275
- Л. В. КАРНАУШЕНКО,
доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета (Краснодар)
**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ В СИСТЕМЕ
ЛИБЕРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА** 277
- В. И. КАШИРИН,
профессор кафедры социальной философии и этнологии
Ставропольского государственного университета, доктор философских наук
**ФИЛОСОФИЯ ЭКОНОМИКИ: СИНТЕЗ ЭВОЛЮЦИОННОГО
И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДЕТЕРМИНИЗМА** 279
- А. Л. КОЛОДКИН,
президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук,
профессор, Заслуженный деятель науки РФ
НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ УГРОЗЫ В СВЕТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА 280
- Д. В. ЛОБОК,
заведующий кафедрой теории и практики профсоюзной работы СПбГУП, кандидат исторических наук, профессор
ПРОФСОЮЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 281
- Ю. А. ЛУКИЧЕВ,
заведующий кафедрой правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, доцент,
Заслуженный юрист РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ
НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ 285
- А. С. МИЩЕНКО,
заведующий лабораторией социально-профессионального формирования конкурентоспособного
рабочего государственного научного учреждения «Институт профессионально-технического
образования РАО», кандидат экономических наук (Санкт-Петербург)
**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ
КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ** 286
- Е. Я. МОРОЗОВА,
доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ
**КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ
НА ЭКОНОМИКУ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ** 287

М. С. МОТЫШИНА, профессор кафедры управления СПбГУП, доктор экономических наук ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ	288
П. А. НАЗАРЕНКО, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП, кандидат философских наук КУЛЬТУРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	290
Н. Н. ПОГОСТИНСКАЯ, профессор кафедры экономики СПбГУП, академик Международной академии информатизации, член-корреспондент Международной академии наук высшей школы, доктор экономических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БИЗНЕСА	291
Г. М. РЕЗНИК, заведующий кафедрой адвокатуры Академического правового университета при Институте государства и права РАН, президент Адвокатской палаты г. Москвы, член Общественной палаты РФ, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист РФ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ — ОСНОВА МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	293
Д. В. РИВМАН, профессор кафедры правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, Заслуженный юрист РФ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В РЕЛИГИОЗНОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	294
Р. А. РОМАШОВ, начальник кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; Е. Г. ШУКШИНА, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук СОВРЕМЕННАЯ ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА И ПРАВОВОЙ ИДЕОЛОГИИ	295
А. Я. РУБИНШТЕЙН, директор Института социальной экономики РАН, доктор философских наук, профессор (Москва) КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И БЮДЖЕТНОЙ РЕФОРМ	303
А. В. СМИРНОВ, декан юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор ТЕРМОДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА: ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	309
А. В. СТРЕМОУХОВ, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор ПУБЛИЧНОЕ (НАРОДНОЕ) ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА	310
М. М. СУЛТЫГОВ, профессор кафедры теории и истории государства и права СПбГУП, доктор юридических наук РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	314
Э. Д. ТИХОНОВА, доцент кафедры экономики СПбГУП, кандидат экономических наук СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ЭКСПАНСИИ АМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЮ	315

- А. П. ФЕДОРОВ,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права СПбГУП, кандидат технических наук
**ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА
В ФОРМИРОВАНИИ ПРИНЦИПОВ ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ** 316
- Г. Ф. ФЕЙГИН,
доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук
**РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА** 318
- А. Л. ЦИММЕРМАН,
доцент кафедры государственного права СПбГУП, кандидат юридических наук
М. А. КИЛИЧЕНКОВА,
преподаватель кафедры государственного права СПбГУП
**ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ
НА КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ** 319
- О. В. ЧЕЛЫШЕВА,
профессор кафедры криминалистики Санкт-Петербургского института Генеральной прокуратуры РФ,
профессор кафедры правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ 321
- И. Л. ЧЕСТНОВ,
заведующий кафедрой государственного права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ПРАВА 323
- Ю. В. ЯКУТИН,
президент Ассоциации главных редакторов и издателей России, главный редактор
еженедельника «Экономика и жизнь», научный руководитель Издательского дома «Экономическая газета»,
академик Государственной академии управления, доктор экономических наук, профессор
**ВЛИЯНИЕ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ
ПРОЦЕССОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ** 326
- Секция 5**
УРОКИ ЛИХАЧЕВА В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ
- Ш. А. АМОНАШВИЛИ,
академик РАО, руководитель Международного центра гуманной педагогики,
профессор Московского городского педагогического университета, доктор психологических наук
ОБ УРОКАХ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА ЛИХАЧЕВА 328
- Т. Г. ГАЛАКТИОНОВА,
доцент кафедры педагогики Российского государственного педагогического университета
им. А. И. Герцена, кандидат педагогических наук (Санкт-Петербург)
ЧТЕНИЕ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ 330
- Е. О. ГАЛИЦКИХ,
заведующая кафедрой русской литературы и методики обучения литературе
Вятского государственного гуманитарного университета, доктор педагогических наук, профессор
**Д. С. ЛИХАЧЕВ: РАЗДУМЬЯ О ВОСПИТАНИИ ИНТЕЛЛИГЕНТНОГО ЧЕЛОВЕКА
(Мастерская ценностных ориентаций для студентов и школьников)** 333
- М. М. КАБАНОВ,
главный научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского
психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, доктор медицинских наук, профессор,
Почетный председатель Бехтеревского общества психиатров Санкт-Петербурга, Заслуженный деятель науки РФ
МОИ ВСТРЕЧИ С АКАДЕМИКОМ Д. С. ЛИХАЧЕВЫМ 335
- К. КАНЕВА,
член Союза болгарских журналистов
**ВОСПИТАНИЕ НРАВСТВЕННОЙ ОСЕДЛОСТИ
(По впечатлениям, связанным с посещениями Д. С. Лихачевым Болгарии,
встречам и разговорам с ним)** 336

О. Е. ЛЕБЕДЕВ, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой Санкт-Петербургской государственной академии постдипломного педагогического образования, президент Общественного института развития школы, доктор педагогических наук, профессор	
ПРАВСТВЕННЫЕ СТАНДАРТЫ СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ	338
М. В. МАРТЫНОВА, преподаватель Елабужского государственного педагогического университета, кандидат филологических наук, доцент	
МЕТОДИКА РАБОТЫ НАД ИЗЛОЖЕНИЕМ С ЯЗЫКОВЫМ РАЗБОРОМ ТЕКСТА	340
М. А. НАБОКИНА, студентка исторического факультета Московского городского педагогического университета	
ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ Д. С. ЛИХАЧЕВА	343
Б. И. ПИВОВАРОВ, руководитель отдела образования Новосибирской епархии Русской православной церкви, председатель попечительского совета Православной гимназии во имя преподобного Сергия Радонежского Академгородка Новосибирска, настоятель церкви Всех Святых в земле Российской просиявших, магистр богословия	
ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ АКАДЕМИКА Д. С. ЛИХАЧЕВА	345
В. Н. РЫХЛОВА, директор средней школы № 47 им. Д. С. Лихачева (Санкт-Петербург)	
ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕЙ Д. С. ЛИХАЧЕВА В ЕГО РОДНОЙ ШКОЛЕ	346
И. Б. СМИРНОВ, декан факультета лингвистики и межкультурных коммуникаций Ленинградского областного государственного университета им. А. С. Пушкина, кандидат педагогических наук, доцент	
ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ РАЗНЫХ КОНФЕССИЙ НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	351
Л. К. ФОМИЧЕВА, ректор Псковского областного института повышения квалификации работников образования, кандидат педагогических наук, доцент, Заслуженный учитель РФ	
ШКОЛА Д. С. ЛИХАЧЕВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	352
М. Н. ФРОЛОВСКАЯ, доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета, кандидат педагогических наук (Барнаул)	
ОТ ПРЕДМЕТА — К ЧЕЛОВЕКУ: ОПЫТ ГУМАНИТАРНОЙ ПРАКТИКИ	355
Е. Р. ЯДРОВСКАЯ, доцент кафедры методики преподавания русского языка и литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург)	
ТВОРЧЕСКИЕ РАБОТЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ КАК ПУТЬ СОПРЯЖЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО И ВНЕШНЕГО ДИАЛОГА ЧИТАТЕЛЯ	357
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	361